ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№ 1.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ № 1.

Стр.

I. **В. Н. Щепкинъ.** Фигура пастыря старца на иконѣ Рождества Христова (съ 4-мя рис.) 1
II. Археологическая хроника 9
III. Засѣданія Обществъ 14
IV. Библіографія 24
V. Некрологъ К. Строчинскаго 32

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1962 г.

1897 г. № 1

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

61
1945 г. БИБЛІОТЕКА НИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы
П 584/1

I

Фигура пастыря-старца на иконѣ Рождества Христова.

Характерная фигура согбеннаго, опирающагося на клюку старца въ одеждѣ изъ козьихъ шкуръ, то слушающаго благовѣстіе ангеловъ, то бесѣдующаго съ Іосифомъ, рѣже—только что оставившаго послѣдняго и оглядывающагося съ откоса горы, или стоящаго у купели, въ которой омывается младенецъ Христосъ,—эта фигура составляетъ необходимую подробность иконы Рождества Христова. Большинство иконъ соединяетъ этого старца съ задумчивой, озабоченной фигурой сидящаго Іосифа. Группа, возникающая такимъ образомъ на первомъ планѣ картины, невольно приковываетъ къ себѣ воображеніе. Загадочная и значительная, она не находитъ себѣ объясненія въ литературныхъ памятникахъ, вдохновлявшихъ икону, и требуетъ его отъ фантазіи зрителя.

Наши свѣдѣнія о фигурѣ старца могутъ быть увеличены однимъ новымъ фактомъ, который на первый взглядъ грозитъ лишить интересную фигуру ея загадочнаго смысла.

Въ Имп. Росс. Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ хранится иконный памятникъ средины XVII вѣка, представляющій полный лицевой

мѣсяцесловъ. Памятникъ состоитъ изъ десяти узкихъ деревянныхъ таблицъ (12 × 34 сант.), соединенныхъ по двѣ вмѣстѣ и могущихъ стоять, образуя уголъ. На каждой изъ таблицъ, по левкасу, тщательнымъ и очень мелкимъ письмомъ, изображены святцы и праздники одного изъ мѣсяцевъ церковнаго круга. Десять мѣсяцевъ, изображенные такимъ образомъ, дополняются дскою двойной ширины, содержащей святцы остальныхъ двухъ мѣсяцевъ и слегка раскрашенной узорами по оборотной сторонѣ. Памятникъ представляетъ такимъ образомъ одинъ сложный складень, которому дска двойнаго размѣра служила срединой или крышкой. Среди праздниковъ и памятей церковныхъ событій, изображенныхъ на этомъ складнѣ, есть нѣсколько прекрасныхъ иконныхъ композицій, издаваемыхъ при настоящей замѣткѣ.

Сравненіе этихъ изображеній съ соотвѣтствующими имъ описаніями нашихъ иконописныхъ подлинниковъ еще разъ позволяютъ убѣдиться въ отсутствіи полнаго соотвѣтствія между иконой и подлинникомъ. Кромѣ упрощеній или усложненій предписанной подлинникомъ композиціи, а также комбинацій, основанныхъ на недоразумѣніи, икона нерѣдко уклоняется отъ догматическихъ предписаній подлинника въ бытовую сторону.

Подъ 7-мъ маемъ музейскій складень помѣщаетъ „Знаменіе Честнаго креста“ (см. рис. 1). Изображеніе не соотвѣтствуетъ событію, память котораго празднуется церковью въ этотъ день. Событіе произошло въ 357 году, въ царствованіе Констанція, сына Константина Великаго, въ Іерусалимѣ. Императоръ, защищавшій аріанство, былъ извѣщенъ о явленіи посланіемъ очевидца, іерусалимскаго архіепископа Кирилла: крестъ на небѣ появился „въ обличеніе заблуждающихся и невѣрныхъ“: состоящій изъ свѣта и протяженный надъ Голгоѳою до горы Елеонской, видимый въ продолженіе многихъ часовъ, появившійся крестъ „свѣтозарнымъ блистаніемъ превосходилъ лучи солнца“.

Рис. 1.

Это явленіе привлекло многихъ іудеевъ и язычниковъ къ христіанству. Наше изображеніе, какъ и многіе подлинники, въ томъ числѣ и Софійскій XVI в., смѣшиваетъ событіе съ крестомъ, явившимся Константину Великому передъ побѣдою надъ Максенціемъ (память этого событія положена 21 мая). Группа всадниковъ, изображенная на музейскомъ складнѣ, представляетъ именно Константина съ войскомъ. Приводимъ описаніе иконы, какъ его даетъ музейскій подлинникъ начала XVIII вѣка (№ 31126):

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

„Воспоминаніе знамени иже явльшагося на небеси честнаго и животворящаго креста господня во святѣмъ градѣ Іерусалимѣ въ трети часъ дне въ самы день пянтикостія при благочестивомъ царѣ Констянтинѣ, сынѣ великаго Константина. Царь Констянтинъ младъ въ шатрѣ почиваетъ, и явися ему Спасъ и благословляше его крестомъ и рукою; царевъ одръ вохра, ризы киноварь, а исподъ лазорь. Одръ накрытъ бархатомъ, съ бѣлиломъ, а у главы стоятъ стражіе вооруженны, и около шатра надъ царемъ крестъ со звѣздами, явися седмимъ звѣздамъ. Подъ тѣмъ ниже царь сидитъ. Въ лѣвой руцѣ крестъ, а правую держитъ благословенну или моленну, а кажетъ народу крестъ, и подпись кажетъ тому знаменію: во грядующую же нощь пріиде Господь и рече Константину: сотвори сіе явленное ти знаменіе и побѣдиши вся враги твоя. А подпись надъ градомъ глаголетъ: въ сія убо дни святыя, во дни пянтикостія, въ новую недѣлю Пасхи, въ трети часъ дне превеликъ крестъ, свѣтомъ составленъ, на небеси верхъ святыя горы Голгоѳы и до святыя горы Елеонскія простертъ явися“.

Филимоновскій подлинникъ XVIII вѣка (см. Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства при Моск. Публ. Музеѣ) не знаетъ такого смѣшенія двухъ событій, онъ описываетъ только картину явленія креста при Константціи. Другой музейскій подлинникъ XVIII вѣка (№ 30933), смѣшивающій оба событія, содержитъ и описаніе сцены, изображенной на музейскомъ складнѣ;

„Въ той-же день знаменіе явльшагося честнаго и животворящаго креста господня. Царь Констянтинъ младъ въ шатрѣ почиваетъ на одрѣ, явися ему Спасъ и благословляетъ его рукою. Царь, одѣтъ, спитъ; риза киноварь, исподъ — лазорь; одръ — багоръ съ бѣлилы. У главы стоятъ стражіе вооружены. За царемъ крестъ звѣздами утворенъ явися. Подлѣ того мѣста пониже той-же царь сидитъ, въ лѣвой — крестъ держитъ, а правую держитъ молебну; кажетъ народу крестъ честный. А народа единъ стоитъ старъ противу царя, подобіемъ аки Захарія пророкъ, риза празелень, исподъ — вохра. За нимъ — какъ Георгій — риза лазорь, исподъ — баканъ. Третій — русъ, аки князь Борисъ, — риза киноварь, исподъ — празелень. А за ними множество народа, на главахъ колпаки [1]). Отъ шатра царь ѣдетъ на конѣ, кажетъ крестъ златъ на небеси, звѣздами утворенъ. Рече царь зритъ назадъ,

[1]) Музейскій подлинникъ № 34400, XVIII вѣка, описываетъ народъ такъ: «А въ народѣ стоитъ боляринъ, аки Владиміръ, противъ царя; а иной аки Захарія пророкъ, риза празелень, а за нимъ аки Егоргій, риза лазорь, исподъ баканъ; а *три* аки Борисъ риза киноварь, исподъ празелень; за ними множество народа, на главахъ колпаки». Изъ счета фигуръ («*три*») видно, что «болярин, аки Владиміръ» есть любопытная русская вставка; ср. Софійскій подлинникъ XVI в. «третей аки Борисъ и *Гльбъ*».

на войско свое, а за ними ѣдетъ множество народа вооруженыхъ. Царь Констянтинъ гонитъ по мосту на конехъ вооруженыхъ, а сѣчетъ противныхъ ему враговъ. Войско же поганыхъ не въѣхавъ во градъ начаша метатись съ мосту въ воду, и на конехъ; множество ихъ истопоша, а иніи на мосту избіени быша. А градъ стоитъ отворенъ; мостъ каменой, на трехъ столпѣхъ каменныхъ. Гора — санкиръ съ бѣлиломъ, другая гора празелень, а подпись тому кажетъ знаменію: „Во грядущую нощь пріиде Господь, рече царю сотворительное се явленіе, тобѣ знаменіе, симъ бо побѣдиши враги твоя“. Въ другомъ мѣстѣ подпись глаголетъ: „Явися ему на конѣ ѣздящу съ войскомъ своимъ въ полуднѣ образъ креста, свѣтомъ составленъ, на немже бѣ написано: симъ побѣждая“. Третія подпись глаголетъ, надъ градомъ: „Въ сія святыя дни святаго пантикостія, въ новую Пасху, въ г̄ часъ дни явися превеликъ крестъ, свѣтомъ составленъ, на небеси верху святыя Голгоѳы, и до святыя горы Елеонскія простертъ явися“.

Избіеніе младенцевъ, изображенное на музейскомъ складнѣ (см. рис. 2), представляетъ часть болѣе сложной иконы, посвященной этому событію и подробно описываемой подлинниками. Привожу это описаніе изъ музейскаго подлинника начала XVIII вѣка (№ 31126):

„Святыхъ младенцевъ иже Христа ради избіенныхъ отъ Ирода въ Виѳлеемѣ іудейстѣмъ, четырехъ на десяти тысящъ. Иродъ царь сидитъ на престолѣ, за нимъ мучители вооруженни младенцовъ біютъ и сѣкутъ

Рис. 2.

Рис. 3.

мечи и на коліяхъ поднимаютъ предъ царемъ. А жены изъ загорья видѣти: простовласы, плачутъ. А за царемъ градъ стоитъ и башни. А у воиновъ подъ ногами много младенцовъ побитыхъ лежатъ мертвые, въ крови“.

Къ лучшимъ рисункамъ музейскаго складня принадлежитъ изображеніе трехъ отроковъ въ пещи огненной (см. рис. 3). Фигура Наву-

ходоносора и идолъ Ваала, занимающіе лѣвую сторону рисунка, упоминаются далеко не во всѣхъ подлинникахъ. Филимоновскій подлинникъ XVIII в., весьма подробный въ описаніи всей этой иконы, представляетъ нѣкоторыя отличія отъ изображенія нашего складня. Вотъ какъ описываетъ этотъ подлинникъ лѣвую сторону иконы:

„Съ лѣвой стороны пещи сидитъ царь Навуходоносоръ на престолѣ высокомъ, подъ ногами подножіе о четырехъ степеней. Царь подобіемъ русъ, брада невелика, риза царская, — верхняя багряная, исподняя зеленая, руки простерты держитъ ко ангелу. Между пещею и царемъ стоятъ мучители, на главахъ шлемы, во броняхъ, въ воинскихъ ризахъ, по халдейски, ногавицы лазоревыя. Промежду пещею и царемъ стоитъ тѣле златое на столбѣ высоко, аки болванъ, въ рукѣ копіе, а въ лѣвой—щитъ".

Композиція иконы Рождества Христова, находимая на музейскомъ складнѣ и издаваемая здѣсь, ни чѣмъ не отличается отъ обычныхъ иконныхъ изображеній XVI — XVII вѣка (см. рис. 4) Интересна въ ней лишь надпись „Іаковъ", которая читается надъ фигурой бесѣдующаго съ Іосифомъ старца.

Рис. 4.

О какомъ Іаковѣ могъ думать неизвѣстный намъ комментаторъ, впервые внесшій это имя на икону Рождества? Конечно, только объ одномъ,—Іаковѣ братѣ Господнѣ, сынѣ Іосифа отъ перваго брака, очевидцѣ земной жизни Христа, томъ самомъ Іаковѣ, которому преданіе приписало и Первоевангеліе,—наиболѣе древній, живой и естественный разсказъ о жизни Маріи, Іосифа и Рождествѣ Христа.

Опредѣлить истинное значеніе свидѣтельства нашей надписи помогутъ намъ тѣ литературные памятники, по которымъ была изображена икона Рождества, древнѣшіе образцы этой иконы и показанія дошедшихъ до насъ иконописныхъ подлинниковъ.

Евангеліе называетъ Іосифа отцомъ четырехъ сыновей и нѣсколько дочерей (Мѳ. XIII 55—56). То же повторяютъ и апокрифы, и хотя имена сыновей въ апокрифахъ отчасти другія, все же имя Іакова находится между ними (R. Hofmann, das Leben Jesu nach den Apokryphen, стр. 1); Historia Iosephi увѣряетъ, что старшіе сыновья назывались Юстъ и Симонъ, а Іуда и Іаковъ были младшими. На пути въ Виѳлеемъ, въ качествѣ спутниковъ Маріи и Іосифа, апокрифы называютъ различныхъ сыновей его (имена отчасти различны въ различныхъ спискахъ однихъ и тѣхъ же памятниковъ): Самуила, Симеона, Симона, Іосифа

и Іакова (Hofmann 98; Tischendorf, Evangelia Apokrypha). Въ апокрифическихъ описаніяхъ Рождества Христова встрѣчаемъ упоминаніе о томъ, что Іосифъ, отправляясь на поиски „бабы“, оставилъ при Богоматери двухъ сыновей своихъ (Hofmann 102). Такимъ образомъ изъ своихъ литературныхъ источниковъ икона вполнѣ свободно могла заимствовать фигуру Іакова—свидѣтеля Рождества Христова.

Древнѣйшія „христіанскія“ (IV—V в.) изображенія Рождества Христова, довольно разнообразныя по композиціи въ сравненіи съ послѣдующими „византійскими“, могутъ быть оставлены въ сторонѣ въ виду очевиднаго отсутствія непосредственнаго преемства между ними и нашими иконами. Эти древнѣйшія изображенія содержатъ правда нѣкоторые элементы, вошедшіе со временемъ въ икону (напр., изображеніе животныхъ у яслей Христа), но другіе мотивы установившейся иконы Рождества Христова появляются лишь позднѣе; такъ фигуру Іосифа въ задумчивости находимъ въ первые на одномъ памятникѣ VIII вѣка (Н. Покровскій, Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 53; Agincourt, Sculpture XII. 13). Впервые вполнѣ византійскій характеръ изображеніе Рождества имѣетъ на одномъ памятникѣ IX — X в. (Покровскій, 53; Agincourt, Sculpture XII. 14). Наконецъ, Менологій Василія II, вообще широко пользующійся установившимся послѣ иконоборства иконнымъ подлинникомъ, представляетъ намъ окончательный прототипъ нашихъ иконъ (Editio Albani II. 56, Покровскій 56).

Изъ дошедшихъ до насъ подлинниковъ греческій Аѳонскій XVI вѣка, изданный Дидрономъ (Didron, Manuel d'Iconographie) всего вѣрнѣе сохранилъ черты этого прекраснаго прототипа. Картинка Менологія, что особенно важно для нашей цѣли, даетъ намъ прекрасную фигуру пастыря старца—въ козлиныхъ шкурахъ и съ клюкой. Въ менологіи это дѣйствительно пастухъ, слушающій благовѣстіе ангела на склонѣ горы, въ правой сторонѣ картинки. И это показаніе одного изъ древнѣйшихъ изображеній фигуры старца [1]), безъ сомнѣнія, должно быть принято къ свѣдѣнію при оцѣнкѣ позднѣйшей композиціи. Связь позднѣйшихъ иконъ съ основнымъ типомъ Менологія сказывается между прочимъ въ томъ, что изображеніе стада, подобно изображенію пастыря-старца, переносится иногда съ правой стороны на первый планъ картины, къ купели омовенія Христова и къ фигурѣ Іосифа. Изображеніе стада предписываютъ въ этомъ случаѣ и позднѣйшіе подлинники. Таковъ напр., подлинникъ нач. XVIII вѣка, принадлежащій Историческому Музею

[1]) Древнѣйшее изъ дошедшихъ изображеній пастыря-старца въ козлиныхъ шкурахъ и съ клюкой находится на упомянутомъ памятникѣ IX—X в. (Agincourt, Sculpture XII. 14).

(№ 31126). Мы заимствуемъ изъ этого подлинника все описаніе Рождества Христова, вѣрнѣе передающее фактическое содержаніе русскихъ иконъ Рождества, нежели теоретическія указанія Филимоновскаго и др. подлинниковъ, которые настаиваютъ въ этомъ случаѣ на сохраненіи первоначальной традиціи, представленной Менологіемъ Василія II (ср. Покровскій 64—65): „Еже по плоти Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Три ангела зрятъ на звѣзду, у предняго риза лазорь, а у дву ангелъ—баканъ; ангелъ благовѣститъ пастырю; риза на немъ киноварь, а исподъ лазорь; на пастухѣ ризы баканъ. Пречистая лежитъ у вертепа, ризы багоръ. Спасъ младъ, во яслехъ лежитъ повитъ. Ясли вохра, вертепъ чернъ, а въ него глядитъ конь до половины, а а съ другу сторону корова, видѣть до половины. Три ангела надъ вертепомъ. Гора — вохра съ бѣлиломъ; съ правую сторону волстви поклонились, три ихъ: единъ старъ, брада Власіева, въ шапкѣ, ризы празелень, а исподъ киноварь; второй средни — брада Козмина, въ шапкѣ, ризы киноварь, а исподъ—дичь; трети младъ, аки Егорги, въ шапкѣ, ризы багоръ, а исподъ—дичь, лазорь. А всѣ по сосуду держатъ въ рукахъ: вохра; подъ ними гора, а въ горѣ вертепъ, а въ вертепѣ сидитъ Іосифъ обручникъ на камени, сѣдъ, брада апостола Петра; ризы празелень, а исподъ баканъ; рукою закрылся, а второю подперся. А предъ нимъ стоитъ пастырь сѣдъ, брада Іоанна Богослова, плѣшатъ, риза—козлятина мохната, лазорь съ черниломъ; въ руцѣ три костыли, а вторую ко Іосифу протянулъ; а за нимъ пастырь младъ, риза на немъ—киноварь, а гонитъ козы и козлы черны и бѣлы и полосаты; и гора—вохра; въ подоліи горы сидитъ баба Соломія, риза спущена у нея до пояса, а исподъ—бѣлило, руцѣ голы, а держитъ Христа рукою, а вторую руку омочила въ купель, а Христосъ нагъ. Дѣвица накладываетъ воду сосудомъ въ купель, риза на ней киноварь, а исподъ лазорь“.

Подлинникъ, изъ котораго заимствовано это описаніе, опредѣленно называетъ нашего старца пастыремъ [1]); и если Филимоновскій подлинникъ XVIII вѣка содержитъ въ описаніи Рождества фразу: „за Богородицею, поодаль мало, стоитъ Іаковъ, по плоти братъ Божій, подобіемъ младъ“, то эти слова отнюдь не имѣютъ въ виду нашей фигуры старца: мѣсто, которое здѣсь указывается Іакову, а также и возрастъ, примѣта, съ такою точностью соблюдаемая въ иконографіи, рѣшительно говорятъ противъ такого отождествленія. Согбенная, маститая фигура нашего старца можетъ изображать ровесника Іосифа, а никакъ не его сына. Іаковъ, какъ его описываетъ Филимоновскій подлинникъ, могъ бы изобразить

[1]) Ср. и въ Софійскомъ подлинникѣ XVI в.: «Іосифъ, пастырь—по обычаю».

на иконѣ лишь аксессуарную, далеко не столь значительную фигуру, при томъ—на заднемъ планѣ (ср. рис. 4).

Замѣчателенъ типъ этого старца въ Менологіи. Онъ представленъ тамъ несомнѣнно пастухомъ по ремеслу: кромѣ одежды и окруженія это сказывается въ общемъ смыслѣ лица и фигуры. Мы имѣемъ предъ собою человѣка, состарѣвшагося въ простыхъ и суровыхъ условіяхъ жизни; они оставили слѣдъ въ серьезномъ, нѣсколько угрюмомъ, но спокойномъ выраженіи крупныхъ чертъ его лица и позѣ. Эта фигура, поражающая своимъ художественнымъ реализмомъ, несомнѣнно, должна быть причислена къ тѣмъ проявленіямъ наслѣдственной античной стихіи, которая въ бытовыхъ и аллегорическихъ частяхъ иконы такъ сильно пробивается наружу въ цвѣтущую эпоху византійскаго искусства. Уже по одному этому композиція Менологія, никогда не устраненная совершенно, продолжающая повторяться и на иконахъ XVII вѣка, должна быть признана за первоначальную.

Какой же смыслъ имѣетъ въ такомъ случаѣ появленіе пастыря-старца вблизи Іосифа и его загадочный разговоръ съ этимъ послѣднимъ? Можно предположить, что фигура пастыря только вслѣдствіе механическаго переноса, при сокращеніи композиціи, очутилась вблизи Іосифа. Отбрасывая края картины, иконописцы не захотѣли пожертвовать столь счастливо найденной, типической фигурой, и помѣстили ее на первомъ планѣ. Неожиданный художественный эффектъ, получившійся отъ такого переноса, навсегда обезпечилъ за пастыремъ-старцемъ его новое мѣсто: случайная группа пріобрѣла какой-то смыслъ. Она стала представляться фантазіи въ качествѣ какого-то преходящаго, но характернаго, яркаго, быть можетъ таинственнаго или даже грознаго обстоятельства Рождества Христова, одного изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя такъ часто сопровождаютъ собою важныя событія жизни и такъ сильно запечатлѣваются въ памяти вмѣстѣ съ ними.

Иконографія знаетъ не мало примѣровъ, гдѣ механическія причины, случайныя, или коренящіяся въ техническихъ особенностяхъ ремесла, являются источникомъ новой, неожиданной комбинаціи образовъ, которые будятъ чувство, и требуя отъ фантазіи объясненія, становятся достояніемъ гимнографической и повѣствовательной литературы. Иконографическое сочетаніе задумчивой фигуры Іосифа съ суровымъ пастыремъ-старцемъ произошло, повидимому, подъ конецъ стараго литературнаго періода,—слишкомъ поздно для того, чтобы это сочетаніе могло оставить слѣдъ въ старой письменности или современной устной словесности народа. Но въ области народныхъ представленій еще живутъ тѣ элементы, изъ которыхъ могла создаться новая легенда, и до сихъ

поръ выразительная группа, находимая на иконѣ Рождества, не потеряла своей художественной власти надъ религіознымъ чувствомъ людей, живущихъ традиціями старины. Проф. А. И. Кирпичниковъ, въ статьѣ „Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной“ (Труды VIII Археол. Съѣзда въ Москвѣ, т. II) приводитъ народныя представленія, связанныя съ нашей иконографической группой. Къ приводимымъ въ этой статьѣ фантастическимъ названіямъ старца можетъ быть прибавлено еще одно,—имя „Хлюстъ“. Въ устахъ иконописца, сообщившаго мнѣ это прозвище иконографической фигуры, оно имѣло ясно выраженный порицательный оттѣнокъ и связывалось съ представленіемъ объ искушеніи Іосифа.

Написаніе имени Іаковъ надъ фигурой пастыря-старца не можетъ быть причислено къ подобнымъ легендарнымъ толкованіямъ композиціи. Это скорѣе попытка бороться съ апокрифическимъ характеромъ получившейся группы,—попытка лишить фигуру пастыря-старца ея таинственности, низведя ее на степень второстепенной, аксессуарной фигуры.

В. Щепкинъ.

II

Археологическая хроника.

—— „Волгарь“ сообщаетъ о находкѣ, обнаруженной въ сараѣ при старой колокольнѣ каѳедральнаго собора въ Нижнемъ-Новгородѣ. Среди разнаго хлама тамъ оказалась старинная надгробная плита съ гробницы Минина. Въ настоящее время возникъ вопросъ о передачѣ этой плиты въ Художественно-Историческій городской музей. Несравненно было бы лучше помѣстить плиту не въ музеѣ, но въ соборѣ, около теперешней гробницы знаменитаго гражданина, предохранивъ ее отъ случайныхъ поврежденій рамою со стекломъ.

—— Въ Псковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (№№ 31, 32, 33) описаны раскопки могильника, расположеннаго на берегу р. Каменки, Логазовской волости, Псковской губ. Могильникъ представляетъ изъ себя пологій курганъ, діаметромъ основанія около 10 саж. Земля для насыпки бралась или рядомъ, почему около кургана образовался ровъ, или съ другого берега рѣки привозилась глина. По наблюденіямъ мѣстнаго археолога, изслѣдовавшаго могильникъ, курганъ этотъ росъ постепенно. Сперва былъ насыпанъ одинъ небольшой курганъ надъ останками сожженнаго трупа. Потомъ на поверхности этого кургана помѣ-

щали плиты съ сожженными скелетами и все это снова засыпалось землей. Среди золы были найдены просверленныя рыбьи косточки, кости кабана, гуся, пѣтуха, лошади, а также черепки, украшенные поперечными бороздками. Надъ плитами, на глубинѣ $^3/_4$ аршина отъ поверхности кургана открытъ костякъ, расположенный головой на западъ, съ вытянутыми руками. Подъ скелетомъ оказалась береста. Очевидно, это погребеніе болѣе новое. Изслѣдователь могильника думаетъ, что въ курганѣ погребены кривичи.

—— Послѣдняя находка, сдѣланная при раскопкѣ некрополя въ Херсонесѣ, является весьма интересной. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ монастырскаго скотнаго двора, на берегу Карантинной бухты, обнаружена древняя катакомба, очевидно, приспособленная впослѣдствіи для христіанскаго погребенія; въ ней, кромѣ множества костей, найденъ крестъ изъ мѣстнаго песчанаго камня; на крестѣ имѣется надпись на греческомъ языкѣ слѣдующаго содержанія: „Памятникъ св. мученицѣ Анастасіи“. Въ началѣ и въ концѣ надписи стоитъ по кресту, что свидѣтельствуетъ о томъ, что надпись—полная. Не лишнимъ будетъ тутъ, по словамъ „Крым. Вѣст.“, припомнить, что покойный гр. Уваровъ, производя раскопки въ этой же мѣстности въ 1853 г., также находилъ смѣшанныя погребенія языческія и христіанскія (Новор. Тел., № 7007, 1896 г.).

—— Въ „Варш. Дневн.“ сообщаютъ изъ Калиша, что годъ тому назадъ помѣщикомъ Т. была продана крестьянамъ усадьба Дембовице, находящаяся въ Турекскомъ уѣздѣ, Калишской губерніи. Въ концѣ прошлаго года крестьяне, пріобрѣвшіе названную усадьбу и рѣшившіе возобновить въ ней старыя хозяйскія постройки, приступили къ разрушенію ветхаго каменнаго сарая. Разрушая сарай, крестьяне нашли скрытое въ стѣнныхъ трубахъ разнаго рода и вида оружіе, какъ напримѣръ: ружья старинныхъ системъ, пики, кинжалы, ятаганы и проч. Найденное оружіе, большею частью уже пришедшее въ негодность вслѣдствіе ржавчины и изломовъ, относится къ XVI вѣку. Крестьяне доставили свою находку мѣстнымъ административнымъ властямъ, но бывшій владѣлецъ усадьбы Дембовице, узнавъ о вышеупомянутой находкѣ крестьянъ, затѣялъ теперь тяжбу съ цѣлью возврата ему найденнаго стариннаго оружія.

—— Въ 35 верстахъ отъ Дарганъ-ата, на лѣвомъ (хивинскомъ) берегу р. Аму-Дарьи находится древняя постройка, которая, какъ полагаетъ „Окраина“, интересна въ археологическомъ отношеніи. Если путники, странствующіе между Чарджуемъ и Петро-Александровскомъ и не обращали до сихъ поръ на эту древность надлежащаго вниманія,

то это можно объяснить лишь обиліемъ дорожныхъ невзгодъ, выпадающихъ на долю проѣзжихъ. У станціи „Дая-хатунъ“ или „Бай хатунъ“ на вьючномъ пути въ 70 верстахъ отъ Чарджуя находится большая четыреугольная ограда съ башнями по угламъ; въ серединѣ отгороженъ дворъ со сводчатыми воротами и галлереями. Кругомъ валяются обломки кирпичей квадратной формы и отлично обожженныхъ, которые окрестные кочевники безбожно расхищаютъ для своихъ построекъ. Всѣ постройки Дая-хатунъ выглядятъ очень древними; мѣстные жители считаютъ, что онѣ построены больше 1,000 лѣтъ тому назадъ; но и до сихъ поръ посѣтителя поражаетъ правильность сводовъ и красота всего сооруженія, отъ котораго такъ и вѣетъ стариной. Теперь постройка занята хивинскимъ полицейскимъ постомъ; здѣсь живутъ постоянно 4 миршаба. Съ прошлымъ интереснаго зданія, гдѣ видны обломки изразцовъ и стекла или слюды отъ оконъ, связано много легендъ, до сихъ поръ живыхъ въ памяти окрестнаго населенія. Разсказываютъ, что сооруженіе Дая-хатунъ вызвано было необходимостью скрыть красавицу-дѣвушку, по имени Дая.

Какъ въ большинствѣ случаевъ, не называя именъ и не упоминая эпохи, народное преданіе говоритъ, что два царя въ древности жили одинъ на Аму, а другой на Сыръ-Дарьѣ и постоянно воевали изъ-за первенства и власти. Наконецъ, устали цари воевать и рѣшили, что тотъ изъ нихъ подчинитъ себѣ другого безъ боя, кто достанетъ себѣ красавицу Дая. Аму-Дарьинскій повелитель добылъ дѣвушку, но его противникъ хотя и подчинился ему, повидимому, но втайнѣ сталъ готовиться къ войнѣ. Тогда счастливый обладатель дѣвушки сталъ отступать по берегу Аму и строилъ одно зданіе за другимъ для обожаемой Дая, пока не выстроилъ описываемый дворецъ (Спб. Вѣд. № 11, 1897).

—— Въ „Отчетѣ“ о пріобрѣтеніяхъ Гельсингфорскимъ историко-этнографическимъ музеемъ за 1895 г. обращаетъ на себя особое вниманіе пріобрѣтеніе нѣсколькихъ предметовъ бронзоваго вѣка. Какъ извѣстно, слѣды этого послѣдняго на почвѣ Финляндіи крайне малочисленны: предметовъ бронзоваго вѣка извѣстно изъ Финляндіи лишь съ небольшимъ 30. Въ этомъ отношеніи нижеслѣдующія пріобрѣтенія получаютъ особый интересъ. Музей пріобрѣлъ: 1) бронзовый неорнаментированный наконечникъ копья, найденный въ могилѣ въ Або-Бьёрнсборгской губ., повидимому, западнаго типа; 2) бронзовый кинжалъ скандинавскаго типа, найденный въ приходѣ Исальми; 3) кельтъ также скандинавскаго происхожденія и 4) форма для отливки кельтовъ сибирскаго типа, найденная въ приходѣ Мугосъ на р. Улеа. Интересно, что аналогичная находка была уже разъ сдѣлана нѣсколько лѣтъ

тому назадъ въ той же мѣстности, около Мугоса; предметовъ бронзоваго вѣка въ указанной мѣстности до настоящаго времени однако не было открыто. Кельтъ сибирскаго типа былъ, какъ извѣстно, найденъ и въ шведской Лапландіи (изобр. у Монтеліуса: Les temps préhistoriques).

—— Недавно вышелъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Русскаго Археологическаго института въ Константинополѣ за первый годъ его существованія. Почетнымъ предсѣдателемъ института состоитъ нашъ посолъ въ Константинополѣ А. И. Нелидовъ. Составъ института представляется въ слѣдующемъ видѣ: 48 почетныхъ членовъ, 51 дѣйствительныхъ, 10 членовъ-сотрудниковъ и 3 временныхъ члена. Ученая дѣятельность института выразилась въ истекшемъ году: въ устройствѣ засѣданій, которыхъ было 6, и въ организаціи археологическихъ экскурсій. Содѣйствіемъ института пользовалось 11 русскихъ ученыхъ, пріѣзжавшихъ въ Константинополь (Нов. Вр., № 7457, 1896 г.).

—— Восточнымъ отдѣленіемъ нумизматическаго музея Императорскаго Эрмитажа изданъ литографированный каталогъ всѣхъ восточныхъ монетъ, хранящихся въ отдѣленіи, снабженный турецкимъ и арабскимъ текстами. Каталогъ этотъ, составленный хранителемъ отдѣленія проф. Марковымъ, изданъ лишь въ количествѣ 100 экземпляровъ (Нов. Вр., № 7474, 1896 г.).

—— Въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ институтѣ съ нынѣшняго академическаго года возобновлены вечернія собранія любителей археологіи и исторіи, какъ это было съ начала основанія института (съ 1878 г.), при первыхъ директорахъ его — Н. В. Калачевѣ и А. Е. Андреевскомъ. Первое собраніе происходило 29-го ноября въ помѣщеніи Археологическаго института. Въ присутствіи слушателей института, а также и нѣкоторыхъ изъ профессоровъ его (Н. В. Покровскаго, П. А. Середонина), профессоръ института по каѳедрѣ славяно-русской палеографіи А. И. Соболевскій прочелъ рефератъ о своей поѣздкѣ нынѣшнимъ лѣтомъ съ научными цѣлями въ Краковъ, Львовъ (Лембергъ) и Прагу. Реферату предшествовала краткая вступительная рѣчь профессора института Н. В. Покровскаго, въ которой онъ изложилъ цѣль и значеніе вечернихъ собраній въ Археологическомъ институтѣ (Нов. Вр., № 7459, 1896 г.).

—— Церковно-историческое древнехранилище при Орловской духовной семинаріи, открытое три года тому назадъ, по почину ректора семинаріи прот. В. А. Сахарова, не ограничивается простымъ собираніемъ и храненіемъ предметовъ мѣстной церковной старины, а имѣетъ цѣлью быть однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ для педагогическаго дѣла и пособіемъ при преподаваніи наукъ, тѣсно сопри-

касающихся съ данными археологіи. Археологическія вещи, находящіяся въ древнехранилищѣ, могутъ быть выдаваемы даже частнымъ лицамъ, но не иначе какъ только подъ условіемъ крайней необходимости, по возможности удостовѣренной оффиціальнымъ документомъ и притомъ съ разрѣшенія семинарскаго правленія. Главными жертвователями и поставщиками древне-церковныхъ предметовъ въ семинарское древнехранилище являются воспитанники, въ каникулярное время отыскивающіе древнія вещи и привозящіе ихъ. Рукописи и древніе предметы, хранящіеся въ музеѣ, даютъ обильный матеріалъ для научныхъ занятій семинарской корпораціи. Многіе священники, особенно сельскіе, охотно жертвуютъ старинныя вещи въ семинарское древнехранилище („Орлов. Вѣстн.“).

—— 22-го декабря 1896 г., въ 1 ч. дня, въ залѣ костромскаго дворянскаго собранія происходило чтеніе публичныхъ лекцій членами архивной коммиссіи Н. М. Бекаревичемъ и И. В. Миловидовымъ. Г. Бекаревичъ прочиталъ лекцію „О раскопкахъ древнихъ кургановъ въ Костромской губерніи“, г. Миловидовъ—„О слѣдахъ миѳологіи древнихъ обитателей Костромского края“. На лекціяхъ присутствовалъ начальникъ губерніи А. Р. Шидловскій и нѣсколько представителей мѣстной администраціи. Немалочисленная публика и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній г. Костромы наполняли залъ дворянскаго собранія. Передъ чтеніемъ лекцій и во время антракта собравшимся слушателямъ были демонстрированы и объяснены находившіяся на таблицахъ древнія вещи, добытыя при раскопкахъ изъ кургановъ; всѣхъ вещей представлено было до $2^1/_2$ тысячъ. Для нагляднаго объясненія способа раскопокъ были показаны модели группы кургановъ древняго могильника близъ с. Боровикова, Гридинской волости, Костромского уѣзда, и отдѣльнаго кургана въ схематическомъ разрѣзѣ, съ помѣщенными внутри кургановъ моделями костяковъ и находимыхъ при нихъ вещей. Кромѣ того, представлены были карты и планы мѣстностей произведенныхъ раскопокъ, а также фотографическіе снимки съ этихъ мѣстъ, съ изображеніемъ хода работъ раскопокъ. Всѣ модели и виды изготовлены къ чтеніямъ членомъ архивной коммиссіи г. Бекаревичемъ. Публика отнеслась къ чтеніямъ весьма сочувственно (Костр. Губ. Вѣд., № 1, 1897 г.).

—— „Міровые Отголоски“ сообщаютъ объ интересной и чрезвычайно цѣнной находкѣ.

Въ послѣднюю зиму двѣ сестры изъ Шотландіи Gibson и Lewis посѣтили Св. Землю и здѣсь купили нѣсколько старыхъ еврейскихъ рукописей, не зная, что въ нихъ содержится. Эти рукописи въ Англіи были отданы для просмотра профессору кембриджскаго университета Schechter. По мнѣнію этого профессора, отрывокъ найденной рукописи

заключаетъ въ себѣ 30 стиховъ изъ книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова, съ 15-го стиха 39 главы по 6 стихъ 40 главы на первоначальномъ еврейскомъ языкѣ, на которомъ она и была написана. Съ теченіемъ времени этотъ первоначальный текстъ книги Іисуса, сына Сирахова, затерялся и сохранился только греческій текстъ, т. е. переводъ ея, сдѣланный за 300 лѣтъ до Рождества Христова. Хотя 30 стиховъ для книги Іисуса, сына Сирахова, сравнительно небольшая часть, но для людей, занимающихся изслѣдованіемъ текста священныхъ книгъ, и эта малая часть подлиннаго текста представляетъ громадный интересъ и цѣну (Спб. Вѣд., № 11, 1897 г.).

—— Британскій музей недавно обогатился очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ: въ Египтѣ отыскана и доставлена въ музей рукопись почти неизвѣстнаго до сихъ поръ греческаго поэта Вакхилида, бывшаго современникомъ и соперникомъ Пиндара. Рукопись эта состоитъ изъ 30 листковъ папируса, содержащихъ торжественныя оды, похожія на Пиндаровскія, а именно—двѣ оды въ честь Гіерона Сиракузскаго, изъ которыхъ одна очень длинная, прославляетъ ту же самую побѣду, которая воспѣта Пиндаромъ въ его первой Олимпійской одѣ; далѣе слѣдуютъ стихотворенія, посвященныя Лахону Кеосскому, Алексидаму Метапонтскому, Тіису Эгинскому и Антомеду Флеосскому, и три эпическихъ отрывка, подъ заглавіями: „Тезей“, „Іо“ и „Идасъ“.

Современники Вакхилида Кеосскаго ставили этого поэта наравнѣ съ Пиндаромъ; понятно, что ученый міръ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ появленія въ печати найденныхъ теперь стихотвореній. Администрація Британскаго музея обѣщаетъ удовлетворить этому любопытству въ самомъ непродолжительномъ времени (Спб. Вѣд. № 7, 1897 г.).

III

Засѣданія Обществъ.

Въ распорядительномъ Засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 25 ноября 1896 года было рѣшено направить ходатайство X-го Рижскаго съѣзда въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Согласно съ докладной запиской, подписанной 23 дѣйствительными членами Общества постановлено учредить при Археологическомъ Обществѣ Археографическую Коммиссію по образцу существующихъ уже Коммиссій Восточной и Славянской.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 3-го декабря 1896 г. В. Ѳ. Миллеръ сообщилъ о вышедшей въ III книжкѣ „Вѣнскаго Восточнаго журнала (WZKM.) за текущій годъ статьѣ Г. А. Халатьянца — Fragmente iranischer Sagen bei Grigor Magistros—армянскаго писателя XI вѣка. Въ упоминаемомъ въ отрывкѣ о наложницѣ царя Хозроя божествѣ *Аждахакъ* В. Ѳ. Миллеръ предполагаетъ отголоски халдейско-иранскаго сказанія о божествѣ-рыбѣ, особенно распространеннаго въ Месопотаміи, т. е. въ странѣ, гдѣ провелъ много лѣтъ названный армянскій писатель. Нѣкоторыя подробности въ отрывкахъ объ иранскихъ богатыряхъ Ростомѣ и Спендіарѣ, по мнѣнію референта, разнятся отъ мотивовъ Шахнамэ, относящагося приблизительно ко времени, когда жилъ Григорій Магистръ. Въ тѣхъ же отрывкахъ были отмѣчены В. Ѳ. Миллеромъ аналогіи съ мотивами русскаго богатырскаго эпоса, не чуждаго, какъ извѣстно, вліянія иранскихъ сказаній.

М. О. Аттая прочиталъ свой докладъ объ арабскомъ рукописномъ сборникѣ Абдуллаха Ибнъ-Фадла, содержащемъ между прочимъ переводъ Псалтири. Описавъ рукопись, относящуюся, повидимому, ко времени не ранѣе XV вѣка, референтъ подробно остановился на предисловіи арабскаго переводчика, жившаго въ X вѣкѣ и переводившаго Псалтирь съ греческаго. Затѣмъ М. О. Аттая указалъ на нѣкоторые варіанты рукописи сравнительно съ лондонскимъ изданіемъ арабск. Псалтири 1819 г., а по языку отмѣтилъ нѣсколько народныхъ оборотовъ. М. В. Никольскій сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія, относящіяся къ кодексамъ рукописей арабскихъ Псалтирей, изданныхъ Лагардомъ, а именно, что редакція Псалтири Ибнъ-Фадла сходна съ IV группой, т. е. съ алеппской по дрезденской рукописи. Сравненія рукописи съ Лагардовымъ изданіемъ были сдѣланы М. В. Никольскимъ и В. К. Трутовскимъ совмѣстно съ референтомъ.

В. К. Трутовскій сдѣлалъ сообщеніе по обычному праву арабовъ до Магомета на основаніи новаго изслѣдованія Лутфи бея, которое напечатано въ трудахъ Женевскаго съѣзда оріенталистовъ, 1894 г. Референтъ указалъ на нѣкоторые обычаи арабовъ, на *убіеніе* родителями своихъ дѣтей, преимущественно дѣвочекъ, вслѣдствіе болѣзненности ихъ или непригодности къ работѣ, на *свободу въ бракѣ*, доходившую до того, что женились на своихъ мачехахъ, на существованіе *завѣщанія*, на обычай *наказывать преступниковъ* лишеніемъ ихъ жизни и др. Замѣчанія по этимъ вопросамъ были сдѣланы Ѳ. Е. Коршемъ, В. Ѳ. Миллеромъ, М. В. Никольскимъ и Г. А. Халатьянцемъ.

Въ засѣданіи той же коммиссіи, 23-го декабря 1896 г., *Г. А. Халатьянцъ* сдѣлалъ сообщеніе по поводу появившихся за послѣдніе дни въ журналахъ и газетахъ (см. № 351 „Русск. Вѣдомостей“ за 1896 г.) сенсаціонныхъ слуховъ о важномъ, будто открытіи, сдѣланномъ въ Парижской библіотекѣ, а именно о находкѣ рукописи *армянской хроники* сирійскаго лѣ-

тописца Маръ-Абаса-Катины, служившей, какъ принято считать по традиціи, главнымъ источникомъ по древнѣйшей исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. О томъ же вопросѣ, со словъ венеціанскаго армянскаго журнала „Polyhistor“ (№ 12 за 1896 г.), не подкрѣпленныхъ однако никакими фактическими данными относительно содержанія самой рукописи, сообщилъ замѣтку на общемъ засѣданіи М. Археологическаго Общества 20-го декабря 1896 г. Л. З. Мсеріанцъ. По мнѣнію Г. А. Халатьянца, значеніе новооткрытой хроники, если бы оправдались возлагавшіяся на нея защитниками М. Хоренскаго смѣлыя надежды, было бы весьма важно въ томъ отношеніи, что она явилась бы сильнѣйшимъ аргументомъ противъ новѣйшихъ критиковъ, не только усомнившихся въ достовѣрности древнѣйшей исторіи Арменіи по изложенію Хоренскаго, но и низводившихъ этого послѣдняго съ V вѣка, къ которому самъ онъ относитъ себя, къ VIII вѣку [1]). Однако, какъ и слѣдовало ожидать, надежды эти были напрасны. Референтъ прочиталъ письмо, полученное имъ за нѣсколько дней изъ Парижа отъ французскаго армяниста и сиріолога Карріера, которому передана ново-открытая сирійская хроника для разбора и опубликованія. Оказывается, что, во-первыхъ, хроника эта называется не *армянской*, но *халдейской*; далѣе, изъ содержанія ея видно, что авторъ ея жилъ не во II вѣкѣ до Р. Х., какъ о томъ свидѣтельствуетъ Моисей Хоренскій, но, повидимому, лѣтъ на 800 позднѣе, т. е. въ VII в. по Р. Х. Наконецъ, приводимое въ халдейской хроникѣ очень мало имѣетъ точекъ соприкосновенія съ тѣмъ, что передается у М. Хоренскаго. Болѣе подробно объ этомъ во всякомъ случаѣ любопытномъ открытіи проф. Карріеръ обѣщаетъ помѣстить въ ближайшемъ номерѣ вѣнскаго армянскаго журнала „Hantess“. Въ происшедшемъ за симъ по этому вопросу живомъ обмѣнѣ мыслей приняли участіе Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, Ѳ. Е. Коршъ и Д. И. Иловайскій, при чемъ первый изъ нихъ, не приводя однако серьезныхъ возраженій, не находилъ возможнымъ соглашаться съ мнѣніями новѣйшихъ изслѣдователей по исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго.

Ѳ. Е. Коршъ сдѣлалъ сообщеніе объ армянско-татарскихъ документахъ, списанныхъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ лѣтомъ 1894 г. въ центральномъ архивѣ Кіевскаго университета, въ которомъ хранятся перенесенные сюда изъ Каменецъ-Подольска 32 большихъ сборника судебныхъ рѣшеній и постановленій жившихъ въ Польшѣ армянъ въ XVI и XVII вв. Документы эти написаны на трехъ языкахъ—армянскомъ, татарскомъ и польскомъ, всѣ армянскими буквами (см. 44-й *протоколъ* Вост. Коммиссіи отъ 18-го октября 1894 г., въ „Древн. Восточн.“ 1896 г., стр. 124). Сообщеніе Ѳ. Е. Корша касалось лишь татарскихъ документовъ. Референтъ сначала остановился на *фонетическихъ* особенностяхъ нарѣчія того татарскаго языка, на которомъ написаны эти судебные акты; затѣмъ, отмѣтивъ *юридическія* ихъ особен-

---

[1]) Ср. рефератъ Г. А. Халатьянца въ 42-мъ *Протоколѣ* засѣд. Восточн. Коммиссіи отъ 7-го апрѣля 1894 г., въ «Древностяхъ Восточн.», 1896, стр. 118—120.

ности, онъ сдѣлалъ переводъ *девяти* изъ нихъ на русскій языкъ, транскрибированныхъ русскими буквами Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ. При переводѣ, въ сравненіяхъ оригиналовъ этихъ актовъ съ транскрибированными приняли участіе С. Е. Саковъ, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, В. К. Трутовскій и Г. А. Халатьянцъ. Постановлено: напечатать эти документы въ ближайшемъ выпускѣ Древностей Восточныхъ съ объясненіями Ѳ. Е. Корша; сверхъ того, предположено ходатайствовать черезъ предсѣдателя Моск. Археологическаго Общества о выпискѣ (хотя бы по частямъ) изъ Кіевскаго архива означенныхъ актовъ въ Восточную Коммиссію для подробнаго ознакомленія съ обширнымъ матеріаломъ, представляющимъ интересъ не только въ отношеніи юридическомъ и бытовомъ, но и лингвистическомъ.

М. О. Аттая доложилъ о султанскихъ грамотахъ (числомъ до 26-и) турецкимъ чиновникамъ на Кавказѣ при турецкомъ владычествѣ. Грамоты эти, относящіяся ко времени отъ 1726 по 1821 годъ, сохранялись въ домѣ жителя станицы Армавиръ, Кубанской области, Косполета Дохполовича Улагай; онѣ доставлены референту съ Кавказа г. Кусиковымъ и разобраны совмѣстно съ мирзой Абдуллой Гафаровымъ. Изъ этихъ документовъ видна усиленная забота турецкаго правительства привлечь на свою сторону черкесовъ, принявшихъ въ то время исламъ. Возбуждая въ нихъ фанатизмъ, оно внушало имъ ненависть и вражду къ русскимъ, чтобы тѣмъ прочнѣе сохранить за собою черноморскія области Кавказа. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ чисто административнаго характера: онѣ даютъ довольно наглядное представленіе объ административномъ строѣ турецкаго режима въ черноморскихъ областяхъ, въ особенности въ Анапѣ и Согуджукѣ. Постановлено: напечатать эти грамоты (текстъ и переводъ) въ ближайшемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“ въ виду важности ихъ для исторіи русско-турецкихъ отношеній, въ особенности въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ Засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 10 декабря 1896 г. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сдѣлалъ сообщеніе о результатахъ поѣздки въ Крымъ лѣтомъ с. г. Докладъ иллюстрировался фотографіями и нѣкоторыми предметами древностей, привезенными изъ поѣздки. Второй докладъ принадлежалъ стороннему посѣтителю Н. В. Теплову, который производилъ раскопки въ урочищѣ Дуна, близъ города Лихвина, Калужской г., при чемъ демонстрированы были черепки и кости. Археологическое Общество просило г. Теплова продолжать свои изслѣдованія. Затѣмъ, С. К. Богоявленскій прочиталъ отчетъ о своихъ раскопкахъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Разбирая изслѣдованные могильники, докладчикъ остановился на вопросѣ о типѣ ливскихъ могильниковъ XI-го вѣка и доказывалъ, что Ливы перешли въ ту мѣстность, на которой ихъ застаетъ хроника Генриха Латыша сухимъ путемъ. Г-нъ Богоявленскій сравнивалъ изслѣдованные имъ въ Лифляндіи могильники съ могильниками внутренней Россіи (безъ кургановъ) и находилъ между ними черты сходства. Въ Курляндской губерніи доклад-

чикъ, между прочимъ, нашелъ могильники, которые по характеру своихъ вещей близки къ изслѣдованному В. И. Сизовымъ въ 1895 году Пасильнскому могильнику. Чтеніе сопровождалось демонстраціей фотографическихъ снимковъ и вещей, привезенныхъ г. Богоявленскимъ изъ Балтійскихъ губерній.

Затѣмъ послѣдовало распорядительное засѣданіе, въ которомъ были выбраны представители Общества въ предварительный комитетъ XI-го Археологическаго съѣзда и утверждены правила Археографической коммиссіи.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Импер. Моск. Археологическаго Общества 13 декабря 1896 г. А. С. Хахановъ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ „Грузинская редакція Физіолога". Существованіе „Физіолога" на грузинскомъ языкѣ не было извѣстно до послѣднаго времени; референтъ открылъ его лѣтомъ 1896 г. въ библіотекѣ Тифлисскаго Общества распространенія грамотности среди грузинъ. „Физіологъ" входитъ въ составъ пергаментнаго „Сборника", переписаннаго инокомъ Іоанномъ въ началѣ X-го вѣка въ Шатбердскомъ монастырѣ. Грузинскій Физіогъ заключаетъ 34 главы. Языкъ архаичный и по конструкціи, и по лексическому составу. Само названіе памятника по-грузински Сахисъ-Метквели—буквальный переводъ греч. слова Физіологъ. Порядокъ главъ въ грузинскомъ Физіологѣ до 13-й включительно слѣдуетъ инвентарю греческаго Физіолога, изданнаго по рукописи Московской Синодальной Библіотеки г. Карнѣевымъ, а съ XIV гл. этотъ порядокъ расположенія матеріала нарушается. Референтъ на основаніи изученія открытаго имъ грузинскаго Физіолога сравнительно съ другими высказалъ предположеніе, что первый долженъ быть выдѣленъ въ особую самостоятельную редакцію, прототипъ которой слѣдуетъ искать въ греческой литературѣ. Слѣдующее сообщеніе, П. А. Лаврова („Юго-славянская передѣлка Зонары") было посвящено рукописной хроникѣ библіотеки Зографскаго Аѳонскаго М—ря, представляющей новую передѣлку Зонары. Въ докладѣ было объяснено отношеніе новаго текста къ полному переводу Зонары, имѣющемуся въ собраніи Ундольскаго въ Румянцевскомъ Музеѣ, и къ такъ называемому Паралипомену Зонарину, изданному Бодянскимъ еще въ 1847 г. въ „Чтеніяхъ". Докладъ вызвалъ предложеніе В. М. Истрина, выразившаго пожеланіе, чтобы представляющія большой интересъ, историческій и литературный, переводныя лѣтописи—Амартолъ, Малала, Манассія, Зонара и др., а также и разнаго рода компиляціи, остающіяся до сихъ поръ ненапечатанными, были изданы. Славянской Коммиссіи всего скорѣе можно было бы взяться за исполненіе этой задачи. По предложенію предсѣдателя проф. М. И. Соколова постановлено обсудить этотъ вопросъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Коммиссіи.

Первое засѣданіе 4 января 1896 года Предварительнаго Комитета по устройству въ 1899 году въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда.

Въ предварительный комитетъ по устройству Кіевскаго съѣзда назначены депутаты отъ 49 высшихъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ и учрежденій. Предсѣдателемъ Комитета избрана гр. П. С. Уварова, секретаремъ В. К. Трутовскій. За болѣзнью гр. П. С. Уваровой временнымъ предсѣдателемъ избранъ академикъ Д. Н. Анучинъ. Для руководства занятіями съѣзда были приняты правила X-го Рижскаго и III Кіевскаго съѣздовъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Между прочимъ постановлено ввести отдѣленіе древностей южныхъ и западныхъ славянъ, допустить доклады на французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ. Проф. В. Б. Антоновичъ письмомъ изъявилъ готовность организовать археологическую выставку при съѣздѣ и напечатать каталогъ этой выставки, составить археологическую карту Волынской губерніи и произвести лично или при содѣйствіи мѣстныхъ силъ рядъ систематическихъ раскопокъ на Волыни. Это предложеніе было принято съ благодарностью и проф. Антоновичъ былъ выбранъ предсѣдателемъ Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета. Проф. Антоновичъ предложилъ также планъ раскопокъ, предполагаемыхъ во время съѣзда. Проф. Т. Д. Флоринскій отъ имени г. Ректора университета св. Владиміра высказалъ готовность предоставить для засѣданій съѣзда и для выставки университетскія залы. Библіотекарь упомянутаго университета, В. А. Кордтъ, представилъ комитету программу устраиваемой имъ къ съѣзду историко-географической выставки. Проф. В. З. Завитневичъ заявилъ объ устраиваемой имъ къ съѣзду выставки рукописей, старопечатныхъ книгъ и печатей и сообщилъ, что Церковно-Археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи также устраиваетъ выставку своихъ собраній для съѣзда.

Второе Засѣданіе 5 января 1897 г. Предварительнаго Комитета по устройству въ 1899 г. въ Кіевѣ XI Археологическаго Съѣзда.

На засѣданіи былъ представленъ рядъ научныхъ вопросовъ, на которые желательно было бы получить отвѣтъ на съѣздѣ. Особенный интересъ преставляютъ мотивированные вопросы проф. Антоновича, представленные въ количествѣ тридцати одного. Такъ какъ на предшествовавшихъ съѣздахъ не всѣ предложенные вопросы были рѣшены, то проф. Линниченко внесъ предложеніе составить сводъ этихъ невыясненныхъ еще вопросовъ и снабдить сборникъ библіографическими примѣчаніями. Постановленіемъ членовъ Комитета составленіе сборника поручено Московскому и Кіевскому Комитетамъ. Эти же Комитеты, какъ было постановлено на засѣданіи по предложенію проф. Флоринскаго, озаботятся о привлеченіи на съѣздъ и выставку ученыхъ учрежденій, обществъ и отдѣльныхъ лицъ изъ славянскихъ земель, Греціи, Румыніи и Венгріи.

Третье засѣданіе 7 января 1897 г. Предварительнаго Комитета по устройству въ 1899 г. въ Кіевѣ XI Археологическаго Съѣзда.

В. И. Сизовъ представилъ вопросъ и запросъ касательно распростра-

ненія типа погребенія съ конемъ, возбудивъ вопросъ о тщательныхъ изслѣдованіяхъ въ бассейнѣ р. Роси, гдѣ, главнымъ образомъ, до сихъ поръ подмѣченъ этотъ типъ погребенія. Н. И. Троицкій просилъ Комитетъ циркулярно обратиться чрезъ епархіальныя начальства и консисторіи къ сельскому и иному духовенству съ просьбою сообщить свѣдѣнія, имѣются ли гдѣ женскія вериги и параманды. Д. Н. Анучинъ, отъ имени проф. А. И. Соболевскаго возбудилъ вопросъ о мѣрахъ къ полученію возможно большаго количества отвѣтовъ на заявленные къ XI Съѣзду запросы, на что постановлено было обратить на это вниманіе Комитета, поручить ему принятіе и исполненіе нужныхъ для сего мѣръ по его усмотрѣнію и къ запросамъ, вновь постановленнымъ, просить прибавить и нѣкоторые изъ старыхъ по его выбору.

Въ Засѣданіи Общества Исторіи и Древностей, 12 декабря 1896 года, В. М. Истринъ читалъ докладъ „Откровеніе Меѳодія Патарскаго въ византійскихъ и славяно-русскихъ литературахъ“.

Откровеніе Меѳодія Патарскаго въ византійскихъ литературахъ наблюдается въ четырехъ редакціяхъ. Первая редакція, воспользовавшаяся уже старыми матеріалами, подробнѣе представила картину ужасовъ отъ нашествія Измаильтянъ. Списки ея распадаются на двѣ группы, различіе между которыми отразилось въ дальнѣйшихъ редакціяхъ и въ славянскихъ переводахъ. Вторая редакція отличается отъ первой выпускомъ исторической части и вставками изъ „Видѣнія Даніила“. Особенность второй группы первой редакціи—сказаніе объ осадѣ Византіи—перешло и въ нее. Третья и четвертая редакціи возникли независимо другъ отъ друга и отъ второй редакціи изъ первой. Они также отличаются отъ первой своими сокращеніями, распространеніемъ картины второго пришествія Христа и носитъ на себѣ слѣды вліяній со стороны особыхъ редакцій „Видѣнія Даніила“. Временемъ возникновенія II—IV редакціи можно считать приблизительно IX—XII в., время особеннаго развитія прорицательной литературы. Послѣ этого интересъ къ Откровенію пропадаетъ и оживляется вновь съ половины XV в., со времени паденія Византіи, когда въ откровеніи стали находить утѣшеніе въ скорби о потерѣ самостоятельности. На латинскій языкъ было переведено не позднѣе VIII в., но оно распространилось тамъ въ особой краткой редакціи, представляющей собою передѣлку полной. Тамъ интересъ къ откровенію, наоборотъ, проявляется въ XI — XIV вѣкахъ. На славянскомъ языкѣ существуютъ два перевода, извѣстныхъ и въ славянскихъ, и русскихъ спискахъ. Славянскіе списки въ большинствѣ случаевъ—списки древніе, а русскіе новые. Хотя Откровеніе у насъ на Руси было извѣстно еще въ XII в., но особенное распространеніе оно стало получать съ XVII в. со времени появленія раскола. Въ XV в. ожиданіе приближающагося конца міра вызвало появленіе особой интерполированной редакціи, съ заимствованіемъ изъ многихъ источниковъ. Не будучи особенно распространенной въ

XVI в., она пришлась по вкусу раскольникамъ, и потому наиболѣе сильное распространеніе ея также падаетъ на XVII и XVIII вѣка.

Въ засѣданіи русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, 10 декабря 1896 г., подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова докладчиками выступили Ѳ. А. Браунъ: „О книгѣ доктора Леве: Die Reste der Germanen am Schwarzen Meer“ и графъ А. А. Бобринскій „Новая теорія происхожденія свастики въ связи съ мотивами кавказскихъ ковровъ“. Цѣннымъ въ новой книгѣ нѣмецкаго ученаго о слѣдахъ германцевъ на берегахъ Чернаго моря является отысканное у современныхъ путешественниковъ относящееся къ XV вѣку свидѣтельство о готахъ на Кавказѣ. Графъ А. А. Бобринскій, сосредоточивая наше вниманіе на орнаментальномъ мотивѣ, извѣстномъ подъ именемъ свастики (крестъ съ перпендикулярными на каждой оконечности прибавками, не пересѣкающимися при продолженіи), знакомитъ насъ съ объясняющею происхожденіе свастики теоріей фонъ-Штейнена (Karl von-der Steinen: „Praehistorische Zeichen und Ornamente“), который усматриваетъ въ свастикѣ изображеніе летящей птицы и именно аиста, опираясь въ данномъ случаѣ на изученіе рудиментарныхъ изображеній животныхъ, украшающихъ древнѣйшіе керамическіе памятники. Съ своей стороны, графъ А. А. Бобринскій находитъ подтвержденіе теоріи нѣмецкаго ученаго въ изученіи узоровъ кавказскихъ ковровъ, гдѣ свастики сопровождаются несомнѣнными, хотя и схематически-прямолинейными, изображеніями птицъ съ длинной шеей и длинными ногами. (Нов. Вр. № 7470, 1896 года).

Въ декабрьскомъ общемъ засѣданіи того же Общества В. А. Тепловъ сообщилъ очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, бывшаго почетнымъ членомъ Общества.

---

3 января 1897 г. состоялось засѣданіе того же Общества подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. По его предложенію собраніе почтило вставаніемъ память скончавшагося члена Общества К. Н. Бестужева-Рюмина. Докладчиками выступили: Н. Ф. Романченко „Раскопки близъ Евпаторіи въ 1895—96 гг.“ и князь П. А. Путятинъ „О погребеніяхъ въ согбенномъ положеніи“. Изслѣдованія Н. Ф. Романченка обнаружили остатки большого поселенія со всѣми признаками греческой культуры V—II вѣковъ до Р. Хр. Интересна найденная докладчикомъ каменная плита съ изображеніемъ Геракла. Прослѣженный докладчикомъ каменный фундаментъ древней постройки на слѣдующее лѣто оказался разобраннымъ, и изъ плитъ этого фундамента сложена стѣна мѣстной лѣчебницы. Князь П. А. Путятинъ представилъ обзоръ изслѣдованій въ области открытій древнѣйшаго способа погребенія человѣка въ эпоху древнѣйшаго каменнаго періода (палеолитическую). Обобщающія работы по этому вопросу, напримѣръ, послѣд-

ныя изъ нихъ, венгерскаго археолога г. Вазинскаго, разсматриваютъ преимущественно погребенія, обнаруженныя въ Приморскихъ Альпахъ, въ Австріи, въ Венгріи и въ Западной Россіи. Докладчикъ обращаетъ вниманіе на случаи такого же погребенія въ южной Россіи и указываетъ на необходимость изслѣдованія вопроса, опираясь на эти данныя, при чемъ особенно интереснымъ представляется вопросъ о красной краскѣ, покрывающей костяки въ случаяхъ согбеннаго погребенія. (Нов. Вр. № 7493, 1897 г.).

Въ Обществѣ Любителей Древней Письменности, въ декабрьскомъ (1896 г.) засѣданіи было сдѣлано три доклада: одинъ—В. Г. Дружининымъ и два—А. И. Кирпичниковымъ. Первымъ выступилъ г. Дружининъ съ своимъ докладомъ по поводу недавно пріобрѣтенной имъ рукописи XIX вѣка, содержащей въ себѣ различныя сочиненія неизвѣстнаго въ русской литературѣ инока Никанора. Рукопись эта состоитъ изъ слѣдующихъ статей: книга Бытія съ толкованіями, чрезвычайно краткій Лѣтописецъ отъ сотворенія міра до воцаренія Павла Петровича (1797 г.), Притчникъ, Святцы съ виршами въ честь греческихъ и русскихъ „боговъ“ и Звѣздочетіе, за которымъ слѣдуетъ нѣсколько отдѣльныхъ статей; изъ послѣднихъ наибольшій интересъ представляетъ статья о „травѣ-табакѣ“. Въ статьѣ этой авторъ, вообще несочувствующій расколу, доказываетъ, что, хотя все и создано Богомъ на пользу человѣка, табакъ, однако, представляетъ исключеніе: онъ есть источникъ всякихъ страстей и прегрѣшеній. Вѣроятно, благодаря именно послѣдней статьѣ, рукопись эта заслужила похвалу раскольничьяго начетчика, у котораго г. Дружининъ пріобрѣлъ ее. Возраженія были сдѣланы гг. А. Ѳ. Бычковымъ, Кирпичниковымъ и Перетцомъ. А. Ѳ. Бычковъ указалъ докладчику, что бросающееся въ глаза изящное письмо рукописи встрѣчается и въ настоящее время среди нашихъ раскольниковъ, особенно на Уралѣ. Г. Кирпичниковъ обратилъ вниманіе на то, что Притчникъ инока Никанора напоминаетъ западныя „specula moralia“, а г. Перетцъ указалъ на то, что на статьяхъ и виршахъ инока Никанора видно вліяніе печатныхъ книгъ конца прошлаго вѣка, и что сходная по содержанію рукопись, подъ названіемъ „Сулокадзіевской“, имѣется въ библіотекѣ покойнаго князя Вяземскаго.

Затѣмъ слѣдовали два доклада А. И. Кирпичникова. Въ своемъ первомъ докладѣ почтенный профессоръ указалъ на то, что въ изданномъ въ 1851 г. кн. Оболенскимъ Лѣтописцѣ Переяславля-Суздальскаго есть много неточностей, такъ что въ виду важности этого памятника для русской науки желательно бы, чтобы было сдѣлано новое изданіе. При этомъ г. Кирпичниковъ сообщилъ, что въ настоящее время въ Москвѣ г. Бѣлокуровымъ издается рукопись, содержащая въ себѣ Лѣтописецъ, сходный съ Лѣтописцемъ Суздальскимъ, не имѣвшимъ до сихъ поръ себѣ подобнаго и считавшимся поэтому единственнымъ въ своемъ родѣ.

Второе сообщеніе г. Кирпичникова было посвящено только-что вышед-

ному тому Biblographie Hellénique, Em. Legrand. Томъ этотъ представляетъ большой интересъ для лицъ, занимающихся русской литературой, такъ какъ въ немъ собрано много данныхъ для біографіи такихъ лицъ, какъ Кириллъ Лукарь, Николай Скаоарій, Паисій Лигаридъ и Петръ Могила или, точнѣе, Петръ Мовилы. Данныя эти извлечены изъ рукописныхъ библіотекъ Аоона, Румыніи и Западной Европы. Особенно много интересныхъ свѣдѣній сообщено въ статьѣ о П. Могилѣ, принадлежащей извѣстному знатоку румынской старины г. Пико. Такъ, напримѣръ, здѣсь приведена впервые генеалогія рода Могилъ, точно указывается мѣсто, гдѣ Петръ Могила получилъ свое образованіе (Галландія, а не Парижъ, какъ думали до сихъ поръ), опредѣляются отношенія Петра Могилы къ уніи и Польшѣ и т. д. (Нов. Вр. № 7479, 1896 г.).

---

3 января 1897 г., въ засѣданіи того же Общества секретарь В. В. Майковъ прочелъ краткій очеркъ литературно-научной дѣятельности умершаго 9 декабря 1896 г. сотрудника Общества И. А. Голышева. Указавъ на главнѣйшіе ученые труды покойнаго, Майковъ обратилъ вниманіе на то, что И. А. Голышевъ, все образованіе котораго окончилось 3 классомъ Строгановскаго училища, представлялъ изъ себя типъ русскаго самоучки.

Затѣмъ слѣдовали сообщенія Н. П. Лихачева, М. В. Довнаръ-Запольскаго и А. І. Лащенко. Въ первомъ своемъ сообщеніи Н. П. Лихачевъ указалъ на то, что Сопиковъ невѣрно считаетъ первой книгой, напечатанной въ Казани въ 1774 г., небольшую брошюру подъ заглавіемъ „Рѣчь благодарственная Императрицѣ Екатеринѣ II отъ общества дворянъ казанскихъ“. Хотя Сопиковъ и видѣлъ экземпляръ, гдѣ мѣстомъ напечатанія была указана Казань, однако Лихачеву удалось выяснить, что это ничто иное, какъ часть прибавленій къ № 16 „С.-Петерб. Вѣдом.“ за 1774 г., снабженная особой обложкой съ умышленно невѣрнымъ указаніемъ мѣста напечатанія. Въ другомъ своемъ сообщеніи Н. П. Лихачевъ указалъ на то, что помѣщенной въ „Словарѣ русскихъ художниковъ“ Н. П. Собко царскій изографъ Іосифъ невѣрно называется авторомъ „Посланія къ Симону Ушакову о живописи“ и невѣрно приписана ему икона Благовѣщенія. По мнѣнію референта, царскаго изографа Іосифа никогда не существовало, и всѣ иконы, приписываемыя ему, поддѣланы въ Москвѣ въ половинѣ нашего столѣтія.

Затѣмъ слѣдовалъ рефератъ М. В. Довнаръ-Запольскаго о лѣтописи западно-русскаго происхожденія, хранящейся въ московской синодальной библіотекѣ. Лѣтопись эта, писанная частью въ концѣ XVI в., частью въ первой половинѣ XVII в., интересна, во-первыхъ, какъ образчикъ малоизвѣстныхъ западно-русскихъ лѣтописей, во-вторыхъ, по отношенію автора къ московскому царству и къ описываемымъ имъ событіямъ. Авторъ, повидимому, православный священникъ Богданъ Филипповичъ изъ селенія Баркулабула, близъ Орши, съ любовью смотритъ на православнаго московскаго государя и ставитъ его выше литово-польскихъ королей. Но особый инте-

ресъ разсматриваемая лѣтопись представляетъ потому, что авторъ ея, свидѣтель описываемыхъ имъ событій XVII вѣка, даетъ прекрасную картину условій мѣстной жизни. Между прочимъ, мы находимъ въ его лѣтописи запись цѣнъ на хлѣбъ на протяженіи двадцатилѣтняго періода. Хотя трудно сказать, чему равняется могилевская четверть XVII вѣка, но интересенъ фактъ неустойчивости хлѣбныхъ цѣнъ; такъ, напр., цѣна на рожь колебалась за 20 лѣтъ между $3^1/_2$ и 60 грошами за четверть, а цѣны на ячмень и пшеницу измѣнялись за это время въ предѣляхъ отъ 6 до 70 грошей. Много мѣста удѣлено въ лѣтописи описанію войны казаковъ съ поляками; есть въ ней интересныя подробности о Берестейскомъ сеймѣ, о Берестейской уніи, о появленіи второго Самозванца; чрезвычайно живо описанъ страшный голодъ, посѣтившій Западную Русь въ 1601—2 гг. Сообщеніе А. І. Лященко было посвящено памятнику XIV вѣка (рукопись XVII в.), содержащему „Слово о царѣхъ, о князѣхъ, о властелѣхъ“, въ которомъ мы находимъ характеристику князя и его отношеній къ народу (СПБ. Вѣдом., № 5, 1897 г.).

IV

Библіографія.

Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ I. Русскія монеты до 1547 года. Москва. 1896 г. (XX+232 стр.). Цѣна 3 р.

Въ изданномъ 1-мъ выпускѣ „Описанія памятниковъ“ Историческаго Музея, составленномъ хранителемъ музея А. Орѣшниковымъ, описаны русскія монеты древнѣйшаго кіевскаго и затѣмъ удѣльно-вѣчевого періода русской исторіи до 1547 г., т. е. до принятія Иваномъ IV царскаго титула. Всѣхъ типовъ и разновидностей описано 1053 экз., въ томъ числѣ 10 кожаныхъ жеребьевъ, и изображено на XXI фототипической табл. 968 монетъ. Къ изданію приложенъ портретъ А. Д. Черткова, нумизматическая коллекція котораго послужила основаніемъ собранію монетъ Историческаго Музея.

Императорскій Эрмитажъ. Музей древней скульптуры. Третье изданіе, исправленное, дополненное и совершенно переработанное. Спб. 1896 г. (XIII+199 стр.).

Весьма недавно вышелъ въ свѣтъ каталогъ *скульптурнаго* отдѣленія Эрмитажа, изданный старшимъ хранителемъ Эрмитажа по отдѣленію классической археологіи и древностей г. Кизирицкимъ. Изъ предисловія къ этому каталогу мы узнаемъ, что настоящее новое изданіе представляетъ переработку стараго каталога, составленнаго еще въ 1866 году бывшимъ

директоромъ Эрмитажа Гедеоновымъ. Въ 1867 году Гедеонову удалось въ Британскомъ музеѣ отыскать каталоги скульптурной коллекціи Лейда Брауна (изд. 1799), изъ которой многія статуи перешли въ нашъ Эрмитажъ. Этимъ открытіемъ Гедеонова воспользовался уже академикъ Стефани, въ нѣсколькихъ своихъ статьяхъ разъяснившій происхожденіе многихъ эрмитажныхъ статуй. Относительно этихъ трудовъ академика Стефани нашъ почтенный авторъ новаго изданія каталога выражается такъ: „эти имъ добытыя данныя, за исключеніемъ только немногихъ *неудостовѣрившихся*, теперь включены въ *нынѣшнее* изданіе каталога".

Уже приведенныя нами строки введенія въ новое изданіе каталога указываютъ на своеобразный стиль почтеннаго автора. Дальнѣйшее знакомство съ каталогомъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что эта выше замѣченная нами своеобразность стиля составляетъ не исключеніе, а характерное явленіе въ данномъ случаѣ. Но кромѣ того мы не можемъ не сѣтовать на автора за то, что онъ, вводя въ свой объяснительный текстъ множество спеціальныхъ названій одеждъ, украшеній, аттрибутовъ, не потрудился пояснять или переводить эти названія на русскій языкъ и тѣмъ сдѣлать свой каталогъ болѣе удобопонятнымъ для публики. Приведемъ хотя нѣсколько примѣровъ для подтвержденія высказаннаго нами мнѣнія: вотъ какъ, напр., авторъ описываетъ бюстъ „Атлета" (стр. 21)—„Голова съ раздавленными ушами панкратіаста, съ полуоткрытымъ ртомъ"... На стр. 84 мы встрѣчаемъ такое описаніе статуи Геракла: „Гераклъ съ увѣнчанною дубовыми листьями головою; уши раздавлены. Львиная кожа накинута на лѣвую локотину нагого героя; въ лѣвой рукѣ у него палица; *горитъ* съ лукомъ и колчанъ висятъ съ лѣвой стороны на пнѣ у ногъ". На стр. 82 читаемъ: „Голова (Геры) украшена *стефаной*". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 137) мы читаемъ, что голова Геры украшена *сфендоною*. Слова *гиматій*, *полудаментумъ*, *сагумъ*, *ампехоніонъ* и т. п., вообще встрѣчаются въ текстѣ безъ объясненій.

Въ описаніи статуи Элія Вера авторъ выражается такъ: „Онъ представленъ въ *полудаментумѣ*, конецъ котораго накинутъ на лѣвую *локотину*" (стр. 10). Приведемъ еще описаніе статуи Венеры (стр. 11): Спустившійся вдоль правой *ляшки гиматіонъ* обхватываетъ станъ Венеры и обвивается другимъ концомъ вокругъ лѣвой руки ея". Относительно другой статуи Венеры авторъ замѣчаетъ: „Поверхность статуи испорчена; кажется, она лежала долго въ водѣ, потому что вездѣ замѣтны слѣды *шашней*". Въ данномъ случаѣ, мы думаемъ, слово *шашни* можетъ привести посѣтителя въ нѣкоторое недоумѣніе. Для большаго знакомства съ особенностями стиля нашего автора мы ограничимся только еще нѣсколькими примѣрами. Напр., большое недоумѣніе можетъ вызвать, по нашему мнѣнію, у читателя слѣд. описаніе надгробнаго рельефа (стр. 53): „Сохранилась одна нижняя часть съ ногами мужчины и *подростка*, держащаго пѣтуха *въ правой рукѣ*". Какимъ образомъ появилась рука у подростка, когда у него сохранились только лишь ноги? На стр. 27 весьма картинно описана мужская голова:... „безъ

бороды и съ лицомъ выражающимъ страданіе. Это—голова потерпѣвшаго кораблекрушеніе. Она принадлежала *однажды* (?) къ группѣ Скиллы, убивающей такого несчастнаго". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 30—31), описавъ голову атлета, авторъ въ заключеніе добавляетъ: „Опредѣленіе художника *къ этой головѣ* пока еще невозможно". Но въ большинствѣ случаевъ описаніе г. Кизирицкаго отличается сжатымъ, лапидарнымъ языкомъ, какъ, напр., описаніе бюста Цицерона: „На правой щекѣ его видна горошина (cicer), отличительный, хотя и мнимый признакъ изображеній извѣстнаго оратора". Читатель долженъ догадаться, что здѣсь дѣло идетъ о бородавкѣ. Или возьмемъ другое описаніе: „Римлянка временъ *Антоніанской* династіи, съ прическою, которая замѣчается на головѣ Фаустины Младшей". Авторъ вообще часто употребляетъ выраженія—„*Палермитанскій музей*", „*Константинопольитанскій музей*". У автора также римскій императоръ Филиппъ Старшій Аравитянинъ называется Филиппъ Старшій *Арабсъ!*

Но этихъ примѣровъ, мы думаемъ, уже достаточно, чтобы составить себѣ ясное понятіе о классическомъ стилѣ старшаго хранителя классическихъ древностей Эрмитажа. Въ такихъ учрежденіяхъ, какъ Императорскій Эрмитажъ и вообще публичные музеи, мы придаемъ большое значеніе руководящимъ и пояснительнымъ каталогамъ, изложеннымъ удобопонятнымъ для публики русскимъ языкомъ. Прекраснымъ образцомъ такого каталога, снабженнымъ даже рисунками, и весьма цѣннаго въ научномъ отношеніи, мы считаемъ каталогъ коллекцій средневѣковыхъ предметовъ Императорскаго Эрмитажа, составленный проф. Н. П. Кондаковымъ. *В. С.*

В. Георгіевскій. Краткое описаніе церковно-историческаго древлехранилища при братствѣ св. Александра Невскаго. Вязники, 1896. 8°, 60 стр.

Собраніе церковной старины при братствѣ возникло въ 1886 г. по иниціативѣ преосв. Ѳеогноста, тогда еще архіеп. Владимірскаго. Въ основу собранія легли коллекціи главнымъ образомъ рукописей и книгъ братства. По порученію преосв. Ѳеогноста, авторъ Описанія вмѣстѣ съ секретаремъ братства совершили археографическую поѣздку по Владимірской епархіи. Результатомъ этого путешествія было собраніе около тысячи номеровъ разныхъ предметовъ древности.

Это собраніе распадается на четыре отдѣла: рукописи, старопечатныя книги, памятники иконографіи и церковная утварь и, наконецъ, отдѣлъ нумизматическій. Первый отдѣлъ,—рукописи—обнимаетъ собой 235 номеровъ рукописей XV—XVIII ст., собранныхъ главнымъ образомъ братствомъ изъ монастырей; между рукописями не мало интересныхъ какъ по содержанію, такъ и по лицевымъ изображеніямъ (напр., сборникъ XVIII в. Флорищевой пустыни съ 200 миніатюрами). Описаніе рукописей составлено, но задержано выходомъ въ свѣтъ вслѣдствіе пожара, принудившаго братство на время закрыть библіотеку. По той же причинѣ не вышло и описаніе старопечатныхъ книгъ. Настоящее изданіе посвящено 3-му и четвертому отдѣламъ. Въ отдѣлѣ

церковныхъ древностей обращаетъ на себя вниманіе богатое собраніе древнихъ антиминсовъ — 44 писанныхъ и 9 печатныхъ. Древнѣйшій антиминсъ относится къ 1486 году. Подписи на всѣхъ антиминсахъ изданы авторомъ книжки. Эти подписи, помимо ихъ историческаго значенія, представляютъ не малый интересъ со стороны языка и графики, какъ памятники, ближе стоящіе къ бытовымъ, нежели рукописи: здѣсь нельзя требовать и ожидать той послѣдовательности какъ въ формахъ, такъ и начертаніяхъ, какую мы могли бы ожидать въ памятникахъ литературно-церковной письменности: подобно надписямъ на камнѣ, на металлѣ, письмо на антиминсѣ стоитъ въ бо̀льшей зависимости отъ матеріала и мѣста, ему отведеннаго, нежели письмо въ книгѣ; поэтому мы здѣсь можемъ встрѣтить необычныя для книги начертанія и сокращенія. Въ силу этого изданія подобныхъ текстовъ должны отличаться точностью въ передачѣ начертаній (если это возможно) или подробнымъ указаніемъ на особенности письма. Только въ такомъ случаѣ изданіе будетъ служить и для историка, и для языковѣда, и для палеографа.

Съ этой именно стороны изданіе г. Георгіевскаго, къ сожалѣнію, сильно хромаетъ, отличаясь полнымъ произволомъ въ передачѣ печатнымъ шрифтомъ начертаній словъ антиминсовъ: если одни начертанія, необычныя въ письменной практикѣ, еще можно отнести на счетъ оригиналовъ (что слѣдовало бы оговорить) [1]), то иныя начертанія рѣшительно невозможно представить себѣ ни въ древнемъ письменномъ памятникѣ, ни въ такомъ, каковы антиминсы, всетаки связанные общей традиціей письма. Эти начертанія объясняются произволомъ изданія въ отношеніи къ передачѣ оригинала: въ одной и той же надписи мы находимъ и сохраненіе сокращеній рукописи и раскрытіе этихъ сокращеній (и при томъ не всегда удачное, во всякомъ случаѣ не принятое при изданіи текстовъ). Таковъ напр., текстъ антиминса № 5 (1562 г., скоропись), гдѣ безъ раскрытія остались: **Ха҃, Бг҃а, мц҃а, дєтє҃, ст҃го, оц҃а, пєвый, анани**, раскрыты: **Марїи** (ркп. **Мр҃їи**?), **велик** (**вели҃**.?), **Иван** (**Ива҃**?), **Васильєвиу** (**Васильєви҃**?), **царєвиу** (**цр҃єви҃**?) и т. п. Въ № 12 помимо однородныхъ съ указанными раскрытіями, находимъ совершенно невозможное начертаніе для XVI в. (антиминсъ 1599 г.): **при благов.** = при благовѣрней; подобное же произвольное сокращеніе и въ антиминсѣ № 32 (1642 г.): **вел.** = великомъ. Эти недостатки нѣсколько подрываютъ довѣріе къ изданнымъ текстамъ вообще и дѣлаютъ совершенно непригоднымъ для пользованія сообщаемый матеріалъ, самъ по себѣ весьма важный и интересный для палеографа.

Въ коллекціи крестовъ обращаютъ на себя вниманіе привѣсные XIV—XV в., наперсные XV в., панагіи XII в. (греческая) и XIII в. и змѣевикъ XII в., надпись котораго (если она существуетъ) къ сожалѣнію не приведена.

Коллекція иконъ (88 экз.) представляетъ нѣсколько довольно рѣдкихъ

---

[1]) Напр. въ № 1 (1486 г.) ѭ въ словахъ всеѭ (т. е. всея) и кипреѭна; отсутствіе титлъ на однихъ словахъ (остисѧ — освятися, кизє — князѣ) и сохраненіе ихъ на другихъ (дн҃ь, кн҃зє), необычное сокращеніе: свн҃омъ—священномъ и т. д. № 12 (1599)—ноѭ(?)брѧ.

образчиковъ: рядъ иконъ строгановскихъ писемъ (№ 3, 8, 19, 42—45, 63—78), новгородскихъ XVI в. (№ 22), одна икона письма Симона Ушакова (№ 26—Еванг. Луки); двѣ иконы Сивиллъ (Агрифа и Персика, № 34, 35) и т. д. Изъ шитыхъ иконъ стоитъ отмѣтить: плащаницу XV в., двѣ хоругви XVI в (одна 1512 г.). Изъ остальныхъ предметовъ собранныхъ въ хранилищѣ, можно отмѣтить: по древности—два блюда XIV в. нѣмецкой работы, рипиды 1590 г., царскія врата XV в. Нумизматическій отдѣлъ (куда отнесены и масонскіе памятники) очень не богатъ и носитъ случайный характеръ. *М. Сперанскій.*

В. Георгіевскій. Владиміръ на Клязьмѣ и его достопримѣчательности. Владиміръ, 1896, 16°, 205+III стр., съ рисунками.

Книжка представляетъ довольно удобный, толково составленный путеводитель по Владиміру и его окрестностямъ; описанія касаются главнымъ образомъ древностей, а изъ нихъ особенно подробно описанъ Успенскій соборъ. *М. Сп.*

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Ч. II. М. 1897. VIII+309 стр.

Въ названномъ сборникѣ помѣщены бумаги съ помѣтами отъ 1572 до 1768 года, но большинство принадлежитъ къ послѣдней четверти XVII и первой четверти XVIII столѣтія. Бумаги печатались по мѣрѣ разборки безъ всякой системы. Это отсутствіе систематики г. Щукинъ намѣренъ возмѣстить систематическимъ указателемъ. Между напечатанными во второй части документами многіе не представляютъ ничего новаго, но есть и интересные. Среди бумагъ юрьдическаго характера представляютъ значительный интересъ архіерейскія ставленныя грамоты, поручныя за дворниковъ, полюбовныя рядныя записи и пр. Больше матеріала дастъ изданіе г. Щукина историку бытовыхъ отношеній. Цѣлый рядъ судебныхъ дѣлъ и жалобъ даютъ яркую картину нравовъ XVII и XVIII вв. какъ мірянъ, такъ и духовныхъ лицъ. Очень любопытна жалоба о чародѣйствѣ 1666 года (стр. 246): попъ Симонъ жалуется архіепископу Вологодскому на дьячка, положившаго въ укропникъ чародѣйныя травы. Слѣдуетъ обратить вниманіе на „Описаніе похоронъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, 1723 года“ (стр. 207) и на счетъ расходамъ на похороны княгини Ирины Юсуповой 1788 г. (стр. 212). Можно назвать еще рядъ интересныхъ документовъ. Надо благодарить г. Щукина, который свое собраніе дѣлаетъ общимъ достояніемъ. Сборникъ изданъ очень внимательно съ сохраненіемъ правописанія и указаніемъ на помѣты на обратной сторонѣ бумаги.

O. Montelius въ статьѣ Zur Geschichte d. ältesten Wohnhauses in Europa, spez. in Norden (въ Archiv f. Anthrop., XXIII, 3) разрѣшаетъ чрезвычайно интересный вопросъ о древнѣйшей формѣ жилища у индоевропейцевъ. Эмбріономъ жилища онъ считаетъ круглый шалашъ, изъ котораго

впослѣдствіи выработался типъ четырехугольнаго дома. Начиная съ эпохи каменнаго вѣка до настоящаго времени, сохранилось употребленіе круглыхъ шалашей-домовъ: въ языческое время въ Швеціи матеріалами для круглыхъ жилищъ служили частью необработанные камни и куски дерна, частью дерево и простая глина. Свои положенія Монтеліусъ доказываетъ сравненіемъ жилыхъ построекъ древности съ сохранившимися въ качествѣ переживанія жилыми и хозяйственными постройками въ разныхъ частяхъ западн. Европы и Россіи.

С. Ренакъ (Anthropologie. 1896, № 2) закончилъ свою обстоятельную работу *La sculpture en Europe avant les influences gréco-romaines*, начатую имъ два года тому назадъ. Основные выводы, къ которымъ приходитъ Ренакъ по вопросу о происхожденіи искусства въ Европѣ (включая въ послѣдаюю Балканскій полуостровъ, Архипелагъ, Малую Азію и Кавказъ), заключаются въ существенномъ въ слѣдующемъ. Въ противоположность археологамъ, которые выводятъ первые зачатки пластическаго искусства Европы изъ Египта или Мессопотаміи, авторъ полагаетъ, что вліяніе цивилизованныхъ странъ востока на культуру Европы начало сказываться сравнительно поздно. Въ европейскомъ искусствѣ бронзоваго и начала желѣзнаго періода нельзя отмѣтить подражаній ни ассирійскимъ цилиндрамъ, ни погребальнымъ статуэткамъ Египта. Если встрѣчаются аналогіи съ предметами изъ Трои, Кипра, Микенъ и Олимпіи, то онѣ касаются типовъ, не имѣющихъ восточнаго происхожденія. Европейскія издѣлія этой отдаленной эпохи изображаютъ изъ животныхъ исключительно представителей европейской фауны: изображенія льва, пантеры, верблюда отсутствуютъ. Что касается до изображенія женскихъ фигуръ, которыя были принимаемы обыкновенно за издѣлія, подражающія изображенію вавилонской Астарты, авторъ старается доказать, что этотъ мотивъ слѣдуетъ принимать за мѣстный, европейскій, повидимому, перешедшій изъ Европы въ долины Ефрата и Тигра. Области по Дунаю и Рейну, сыграли, по мнѣнію Ренака, выдающуюся роль въ исторіи зарожденія и первоначальнаго развитія европейскаго искусства. Поскольку рѣчь идетъ о послѣдовательности развитія формъ отдѣльныхъ мотивовъ пластическаго искусства древней Европы можно конечно не всегда соглашаться съ мнѣніемъ автора; его сопоставленія могутъ иногда казаться слишкомъ смѣлыми: обращая вниманіе почти исключительно на форму предметовъ, Ренакъ мало считается съ хронологическими данными, вслѣдствіе чего сопоставлены, напр., рядомъ микенскія издѣлія съ предметами изъ казбекскаго, кобанскаго могильниковъ и изъ Сибири и т. п. Но основной выводъ автора обставленъ тѣмъ не менѣе весьма убѣдительными доказательствами и представляетъ, какъ таковой, весьма серьезный научный интересъ.

Р. Лёве опубликовалъ въ истекшемъ году интересную монографію, касающуюся вопроса о готахъ въ Россіи (Rich. Loewe: Die Reste der Germanen

am Schwarzen Meere. Halle. 1896). Въ ней собраны и критически освѣщены свѣдѣнія, имѣющіяся въ древней литературѣ о готахъ М. Азіи, Кавказа и Крыма. Выводы автора сводятся къ слѣдующему. Малоазіатскихъ *Γοτθογραῖκοι*, о которыхъ въ VIII в. говоритъ Θеофанъ, онъ считаетъ тождественными съ *Γραικοί* Константина Порфирогенета; предки этихъ грецизированныхъ готовъ пришли въ М. Азію около половины III в. по Р. Х.; они, вѣроятнѣе всего, по мнѣнію Лёве, принадлежатъ къ числу тѣхъ геруловъ, которые совершили въ 267 г. нападеніе на Кизикъ. Кавказскихъ готовъ *Εὐδουσιανοί* анонимнаго перипла, которые населяли мѣстность около Анапы, онъ считаетъ родственными готамъ-тетракситамъ Прокопія: этихъ послѣднихъ слѣдуетъ, по мнѣнію автора, отличать отъ крымскихъ готовъ; вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими изслѣдователями этого вопроса г. Лёве полагаетъ, что тетракситы жили на полуостровѣ Тамани, куда они переселились съ противоположнаго берега пролива. Въ главѣ о крымскихъ готахъ авторъ сообщаетъ имѣющіяся о нихъ свѣдѣнія и на основаніи скудныхъ данныхъ языка этихъ готовъ старается опредѣлить группу германскихъ племенъ, къ которой они могутъ относиться: г. Лёве приходитъ къ заключенію, что они принадлежатъ скорѣе всего къ геруламъ, какъ и родственные имъ тетракситы и др. кавказскіе готы. Эта часть труда представляетъ наибольшій интересъ, хотя трудно признать гипотезу г. Лёве о герульскомъ происхожденіи крымскихъ и кавказскихъ готовъ вполнѣ убѣдительной: матеріалъ для рѣшенія вопроса о близости готовъ по языку съ герулами слишкомъ незначителенъ, чтобы можно было сдѣлать предложенное авторомъ рѣшеніе убѣдительнымъ. Глава, посвященная предположенію о слѣдахъ германцевъ въ XV в. на берегахъ Каспійскаго моря, не имѣетъ за себя поддержки въ научныхъ данныхъ.

P. Hauberg, въ замѣткѣ подъ заглавіемъ: *Medailles romaines d'or et d'argent, d'avant le milieu du VI-e siècle, trouvées dans les pays scandinaves* (Mém. de la Soc. d. Antiquaires du Nord, 1895), дѣлаетъ интересный обзоръ находокъ римскихъ монетъ въ Даніи, Швеціи и Норвегіи. Эта работа была лѣтъ 25 тому назадъ (1869 г.) произведена извѣстнымъ Монтеліусомъ; увеличившееся за этотъ періодъ времени число находокъ монетъ дѣлаетъ пересмотръ и дополненіе работы Монтеліуса необходимымъ. Авторъ присоединяетъ находки до 1893 г. Если судить по количеству и по хронологической датѣ монетъ, придется признать установленнымъ фактъ, что сношенія Скандинавіи со странами, откуда въ нее могли заходить римскія монеты начались приблизительно съ начала нашей эры и въ 3-мъ вѣкѣ испытали длительный перерывъ почти въ два столѣтія. За исключеніемъ двухъ серебряныхъ монетъ временъ республики, найденныхъ въ Даніи, остальныя монеты 1-го періода представляютъ серебряные денары императорской эпохи, преимущественно отъ Нерона до Септимія Севера (54—211 гг.). Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ, и новая эра сношеній открывается многочисленными наход-

ками золотыхъ солидовъ восточныхъ и западныхъ императоровъ, начинаясь преимущественно съ эпохи по раздѣленіи имперіи (395 г.) до Анастасія и Юстиніана (491—565 гг.). Указанный характеръ находокъ свидѣтельствуетъ наглядно о вліяніи смутъ на югѣ Европы на торговое развитіе Скандинавіи. Соотвѣтственно съ указанными двумя періодами, авторъ намѣчаетъ и два торговыхъ пути: для болѣе ранняго (до 3-го в.)—торговый путь шелъ преимущественно по Вислѣ, Одеру и Эльбѣ въ Пруссію, Бранденбургъ, Померанію, Мекленбургъ и Ганноверъ; могли существовать и непосредственныя сношенія Даніи съ рейнскими колоніями. Солиды встрѣчаются рѣдко въ Помераніи и Мекленбургѣ, и авторъ полагаетъ, что къ концу IV в. главный торговый путь въ Скандинавію передвинулся значительно на востокъ, именно на Вислу черезъ Польшу и восточную Германію. Это опредѣленіе торговыхъ путей имѣетъ существенное значеніе для выясненія нѣкоторыхъ элементовъ скандинавскаго производства въ первые вѣка нашей эры. Культурное значеніе ввоза римскихъ монетъ въ Скандинавію сказалось, по мнѣнію автора, еще въ слѣдующемъ: на основаніи условій находокъ можно предполагать, что нѣкоторое, хотя и очень короткое, время монеты употреблялись не только какъ украшенія, но и какъ денежная единица. Далѣе авторъ полагаетъ, что римскія монеты вѣроятно сыграли роль и на установленіе вѣсовой системы Скандинавіи: хотя въ настоящее время нельзя еще установить соотношеній между римской вѣсовой системой и скандинавской, но слѣды вліянія первой на послѣднюю авторъ видитъ въ названіи скандинавскихъ единицъ вѣса, впослѣдствіи перенесенныхъ на названія монетъ, а именно: *penning* (*pending*, *penny*) — извѣстный скандинавамъ, равно и англо-саксамъ и германцамъ и означающій кусокъ серебра опредѣленнаго вѣса, происходитъ отъ лат. *pendere*; это названіе одно время примѣняется къ сѣвернымъ монетамъ вообще. Скандинавское *oere* (*ora*) происходитъ отъ лат. *aurum* или *aurea*.

Въ истекшемъ году *A. Lefèvre* издалъ свой трудъ *Les étrusques* (отт. изъ Revue du Linguistique). Работа посвящена описанію культуры этрусковъ, изслѣдованію вопроса объ ихъ происхожденіи и типѣ, изложенію ихъ историческихъ судебъ и цивилизаціи. Выдающійся интересъ представляютъ главы, въ которыхъ авторъ описываетъ искусство этрусковъ, въ особенности керамическія издѣлія и могильные памятники равно, и главы, посвященныя ихъ вѣрованіямъ и языку.

Въ журналѣ „Notes d'art“ (janvier, 1896) напечатана статья Клера (Clair) о символизмѣ въ христіанскомъ искусствѣ (le symbolisme dans l'art chrétien).

Въ Лондонѣ вышла книга Еванса (Evans) о животномъ символизмѣ въ церковной архитектурѣ (Animal symbolism in Ecclesiastic architecture).

Некрологъ.

† К. Стрончинскій.

Въ г. Петроковѣ въ концѣ октября умеръ польскій археологъ и нумизматъ Казиміръ Стрончинскій, членъ Краковской Академіи наукъ, родившійся въ 1809 г., и бывшій членомъ сената Ц. Польскаго. Объ этомъ сообщаетъ петербургская польск. газета „Kraj“ (1896 г., № 44, стр. 21). Въ 1844—53 гг. покойный былъ во главѣ спеціальной правительственной коммиссіи для собиранія и описанія памятниковъ древности въ Царствѣ Польскомъ. Результаты занятій этой коммиссіи онъ отчасти обработалъ и опубликовалъ въ изданіи „Dziennik Powszechny“ 1862 и 1863 гг. Интересный альбомъ мѣстныхъ древностей, составленный имъ самимъ, какъ намъ извѣстно, остается неизданнымъ и находится въ библіотекѣ Варшавскаго университета. Въ 1839 г. Стрончинскій издалъ образцы стариннаго польскаго письма отъ 1228 г. Въ 1847, въ память 500-лѣтія Вислицкаго статута, онъ изготовилъ литографированную копію этого статута короля Казиміра по оригиналу рукописи, носящей названіе „Wislicia“, изъ королевскаго архива Это изданіе явилось необходимою поправкой къ виленскому изданію того же статута Лелевеля, страдающему неточностями. Кромѣ того, Стрончинскій занимался зоологіей и энтомологіей и издалъ нѣкоторыя работы по этой области (см. чешскій Slovnik Naučný о Стрончинскомъ).

Кромѣ того, можно указать на одно изъ сочиненій покойнаго, а именно: „Pieniądze Piastów od czasów najdawniejszych do roku 1300, rozbiorem źródet spótczesnych i wykopalisk, oraz porównaniem typów mennicznych objaśnione“ (Монеты Пястовъ отъ древнѣйшихъ временъ до 1300 г., объясненныя разборомъ современныхъ свидѣтельствъ и находокъ, а также сравненіемъ типовъ чеканки). Варшава (1847?) Отзывъ объ этомъ сочиненіи написалъ I. Zagorski: „Kilka stów o świeżo wydaném przez p. Kaz. Stronczyńskiego dziele“ etc. Warszawa. 1847. 8°, 11 стр. (см. „Записки Археологическо - Нумизматич. Общества“, Спб. 1848, III, 287). *Н. Я.*

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.; томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869–70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877–79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886–87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893–1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№ 2.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ № 2.

Стр.

I. **Ю. А. Кулаковскій.** Гдѣ былъ построенъ имп. Юстиніаномъ храмъ для Авазговъ? 33

II. Археологическая хроника 37

III. Засѣданія Обществъ 49

IV. Библіографія 58

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1962 г.

1897 г. № 2

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1945 г. БИБЛІОТЕКА НИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы

I.

Гдѣ былъ построенъ имп. Юстиніаномъ храмъ для Авазговъ?

Графиня Уварова, въ изданіи „Христіанскіе Памятники Кавказа“ (Матеріалы по Археологіи Кавказа, вып. IV), упоминаетъ о храмѣ въ Пицундѣ, какъ объ „одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ христіанства въ Абхазіи“, и дѣлаетъ при этомъ оговорку такого рода: „Преданіе видитъ въ немъ постройку великаго Юстиніана, и мнѣніе это такъ укоренилось на Кавказѣ, что его почти нѣтъ возможности оспаривать“ (стр. 8).

Мы должны сознаться, что не знаемъ, кѣмъ и когда было оспариваемо мнѣніе о столь почтенной древности Пицундскаго храма. Утверждалъ же его, какъ то извѣстно, такой почтенный авторитетъ, какъ Дюбуа-де-Монперэ [1]); позднѣе воспроизвелъ его заслуженный изслѣдователь Черноморья Брунъ [2]), примкнулъ къ нему отчасти и профессоръ Кондаковъ. Въ IV выпускѣ „Русскихъ Древностей“ (Спб.,

[1]) Voyage autour du Caucase, I. 222, 405, 416 и рисунки въ атласѣ.

[2]) Черноморье, II, стр. 245.

1891) проф. Кондаковъ говоритъ о Пицундскомъ храмѣ слѣдующее: „Древнѣйшій храмъ въ Абхазіи, построенный Юстиніаномъ, сохранился въ немногихъ плитахъ и кускахъ; такъ какъ сохранившаяся доселѣ церковь Пицунды по своимъ формамъ, по своему даже плану купольной церкви на четырехъ столбахъ съ прибавленіемъ нартекса, западными хорами и т. д., относится ко времени установки византійскаго канона, т. е. не ранѣе X столѣтія“ [1]). Изъ контекста не видно, гдѣ находятся тѣ „плиты и куски“, которыя принадлежатъ времени Юстиніана. По-видимому, разумѣть слѣдуетъ такъ, что остатки древняго храма были употреблены въ дѣло, когда сооружаемъ былъ новый, нынѣ существующій храмъ, принадлежащій времени не ранѣе X вѣка. Итакъ, отвергая принадлежность времени Юстиніана Пицундскаго храма въ его цѣломъ, проф. Кондаковъ также не сомнѣвается въ томъ, что именно въ Пицундѣ былъ сооруженъ имп. Юстиніаномъ храмъ для Авазговъ.

Мы съ своей стороны рѣшаемся утверждать, что имп. Юстиніанъ не сооружалъ храма въ Пицундѣ и что древнѣйшій храмъ этого города могъ возникнуть лишь много позднѣе эпохи Юстиніана. Основанія нашего несогласія съ установившимся мнѣніемъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Какъ извѣстно изъ Прокопія, поводомъ къ вмѣшательству имп. Юстиніана въ дѣла Авазговъ, т. е. Абхазцевъ, было то, что изъ этой страны являлось въ Византію много евнуховъ. То былъ промыселъ абхазскихъ царей. Одинъ изъ абхазскихъ евнуховъ, по имени Евфронта (*Εὐφροντᾶς*), удостоившійся чести быть довѣреннымъ лицомъ императора, отправленъ былъ съ спеціальной миссіей въ Абхазію содѣйствовать прекращенію постыднаго торга людьми. Послѣдствіемъ вмѣшательства Юстиніана было то, что въ Абхазіи произошелъ политическій переворотъ. Два царя, правившіе дотолѣ страной, были низвергнуты, и организована была „свободная“ форма правленія; а вмѣстѣ съ тѣмъ Абхазцы приняли христіанство. Императоръ построилъ для новообращенныхъ *храмъ во имя Пресвятой Богородицы* и поставилъ епископа, который имѣлъ свою каѳедру, очевидно, въ этомъ храмѣ [2]). Прокопій не даетъ намъ точной хронологической даты этихъ событій; но изъ сопоставленія съ ними его разсказа о посольствѣ въ Константинополь отъ Готовъ-Тетракситовъ, которое было вызвано прибытіемъ епископа въ Абхазію, мы можемъ вывести приблизительную датировку. Посольство Готовъ относится къ 21 году правленія Юстиніана, т. е. 547—548 году. Такимъ образомъ, обращеніе въ христіанство Авазговъ относится къ непосредственно предшествовавшимъ годамъ. Не сообщаетъ Прокопій

[1]) Стр. 36.

[2]) Proc. bel. Goth. IV c. 3, 4 (II p. 472, 475, Bon.).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

и того, въ какомъ мѣстѣ страны Авазговъ построенъ былъ Юстиніаномъ каѳедральный храмъ въ новой епархіи Константинопольскаго престола. Но косвенно тотъ же Прокопій даетъ намъ самый положительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

Въ началѣ правленія Юстиніана на восточномъ побережьи Понта имперскія войска занимали только два пункта къ сѣверу отъ устья рѣки Фазиса, т. е. Ріона, а именно: Севастополь, *Σεβαστόπολις*, и Питіунтъ, *Πιτυοῦς*. Въ III вѣкѣ такихъ пунктовъ было гораздо больше, и Питіунтъ былъ сильной крѣпостью, подъ стѣнами которой былъ отраженъ первый морской походъ Готовъ съ большимъ для нихъ урономъ [1]). При Юстиніанѣ оставались только два укрѣпленныхъ пункта и оба они имѣли лишь весьма слабые гарнизоны. Когда Хозрой съ большими военными силами вторгся въ эти предѣлы, то полководцы Юстиніана, признавая невозможнымъ отстоять слабо защищенные форты, рѣшили снести ихъ сами, чтобы не дать возможности Персамъ утвердить свою власть въ тѣхъ мѣстахъ, воспользовавшись готовыми уже опорными пунктами. Гарнизоны обоихъ фортовъ, срывъ ихъ стѣны и предавъ огню дома, удалились моремъ въ Трапезунтъ, Цѣль была достигнута, и Персамъ не удалось утвердиться въ Абхазіи [2]).

Событіе это относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ обращеніе въ христіанство Авазговъ, а именно къ 552 году и не даетъ намъ какъ будто бы никакого указанія на мѣсто, гдѣ былъ сооруженъ Юстиніаномъ храмъ для новообращеннаго народа. И Севастополь и Питіунтъ лежали на территоріи Авазговъ, и если тотъ храмъ во имя Пресвятой Богородицы уже существовалъ въ ту пору, то въ какомъ бы изъ двухъ этихъ пунктовъ мы его ни предполагали, онъ не могъ избѣжать всеобщаго разрушенія.

Но тотъ же самый Прокопій даетъ намъ еще одно свѣдѣніе въ другомъ своемъ сочиненіи: *О сооруженіяхъ имп. Юстиніана* (de aedificiis). Обозрѣвая строительную дѣятельность этого великаго государя по всему лицу римскаго міра и даже за его предѣлами, Прокопій сообщаетъ, что изъ двухъ разрушенныхъ крѣпостей на восточномъ берегу Понта Юстиніанъ возстановилъ одну, а именно Севастополь. Прокопій

---

[1]) Zosim, I, c. 32.

[2]) Procop., bell. Pers. II, c. 29 (I, p. 289); bel. Gotth. IV, 4 (II, p. 473): *φρούριά τε δειμάμενοι ἐπιθαλασσίδια δύο Σεβαστόπολίν τε καὶ Πιτυοῦντα, δυοῖν ἡμέραιν ὁδῷ ἀλλήλων ἀπέχοντα φρουρὰν ἐνταῦθα στρατιωτῶν τὸ ἐξ ἀρχῆς κατεστήσαντο. — — τάς τε οἰκίας ἐνέπρησαν καὶ τὰ τείχη ἐς τὸ ἔδαφος καθελόντες ἔς τε τὰς ἀκάτους μελλήσει οὐδεμιᾷ ἐσβάντες ἐς ἤπειρον εὐθὺς τὴν ἀντιπέρας καὶ Τραπεζοῦντα πόλιν ἐχώρησαν, ζημιώσαντες μὲν τῇ τῶν φρουρίων διαφθορᾷ τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν, κέρδος δὲ αὐτοὶ ποησάμενοι μέγα, ὅτι δὲ τῆς χώρας ἐγκρατεῖς οὐ γεγόνασιν οἱ πολέμιοι, ἄπρακτοι γὰρ ἀπ'αὐτοῦ ἐς τὴν Πέτραν ἀνέστρεφον Πέρσαι.*

свидѣтельствуетъ, что если прежде этотъ городъ былъ лишь незначительнымъ укрѣпленіемъ *(φρούριον)*, то, послѣ возстановленія, онъ сталъ неприступной крѣпостью; Юстиніанъ далъ ему не только стѣны, но и цѣлый рядъ фортовъ и сдѣлалъ его „первымъ въ тѣхъ мѣстахъ городомъ, какъ по красотѣ, такъ и по величинѣ *(ἀνανεωσάμενος ξύμπασαν* — sc. Sebastopolin—*καὶ τῷ μὲν περιβόλῳ τοῖς τε ἄλλοις ὀχυρώμασι πεποιημένος ἀνάλωτον, ταῖς τε ἀγυιαῖς καὶ ταῖς ἄλλαις οἰκοδομίαις διακοσμήσας, τῷ τε κάλλει καὶ τῷ μεγέθει πόλιν ταυτὸν ἀξιολογώτατον ἐν τοῖς μάλιστα κατεστήσατο*— de aedif. III, c. 7, p. 261).

Такъ какъ Юстиніанъ сдѣлалъ культурнымъ центромъ Абхазіи Севастополь, и Прокопій ничего не говоритъ о возстановленіи Питіунта, то очевидно каѳедра абхазскаго епископа должна была имѣть мѣсто въ Севастополѣ. Прямое подтвержденіе этого вывода даетъ намъ свидѣтельство списка епархій Константинопольскаго патріархата, принадлежащаго первой половинѣ IX вѣка, въ которомъ въ числѣ автокефальныхъ архіепископій значится—*ἐπαρχία Ἀβασγίας ὁ Σεβαστουπόλεως*, т. е. каѳедра архіепископа Авазгіи есть городъ Севастополь [1]).

Но въ теченіе того же вѣка произошла перемѣна. Въ спискѣ епархій времени Льва Мудраго (886—911) епархія Авазгіи обозначена уже иначе, а именно: *ἡ Σωτηριούπολις* [2]). Сынъ Льва Мудраго, Константинъ Порфирородный, въ географическомъ обзорѣ сѣверо-востока Европы, перечисляя племена, занимающія восточное побережье Понта, такъ опредѣляетъ предѣлы Авазговъ: „отъ рѣки Никопсіи до города Сотирополя“ *(ἀπὸ Νικώψεως ποταμοῦ ἐστιν ἡ τῆς Ἀβασγίας χώρα μέχρι τοῦ κάστρου Σωτηριουπόλεως*—de adm. imp. c. 42, p. 182 B.). Сотирополь и есть древній Питіунтъ и позднѣйшая Пицунда. Тожество это засвидѣтельствовано въ приложеніи къ Гіероклову Синекдему, гдѣ данъ списокъ именъ городовъ и мѣстностей, перемѣнившихъ свои имена: *Σωτηρόπολις τὰ νῦν Πύθια* [3]). Позднѣе сотирополь ская епархія была соединена съ аланской митрополіей и отъ XIV вѣка есть цѣлый рядъ документовъ, подтверждающихъ это соединеніе и изъясняющихъ его [4]).

Когда былъ отстроенъ Питіунтъ и что было поводомъ предпочесть его, въ смыслѣ каѳедры, Севастополю, остается неизвѣстнымъ; но несомнѣнно однако, что первоначально, въ теченіе болѣе трехъ вѣковъ,

---

[1]) Этотъ списокъ, изданный у Parthey'я подъ № 1, переизданъ въ недавнее время Geltzer'омъ (Georgii Cyprii descriptio orbis Romani, Lips. 1890). Въ предисловіи къ своему изданію Гельцеръ доказалъ, что первая его часть относится къ первой половинѣ IX вѣка. Это древнѣйшій изъ извѣстныхъ документовъ этого рода.

[2]) Geltzer, ib., p. 60.

[3]) Parthey, Hier. Synec., p. 315.

[4]) Miklosich et Müller, Acta Partr. Const. №№ 109, 114, 220, 221.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Авазги имѣли свой духовный центръ не въ Питіунтѣ или Пицундѣ, какъ звучало это имя въ средніе вѣка, а въ Севастополѣ, т. е. нынѣшнемъ Сухумѣ, и нынѣ существующій близъ Пицунды храмъ не могъ имѣть никакого отношенія къ правителю Авазговъ, имп. Юстиніану Великому.

Въ заключеніе укажемъ еще на одну сторону вопроса. Каѳедральный храмъ, построенный для Авазговъ Юстиніаномъ, былъ сооруженъ во имя Пресвятой Богородицы; а храмъ въ Пицундѣ посвященъ во имя святой Софіи Премудрости Божіей. На это послѣднее указываетъ какъ то, что на средневѣковыхъ картахъ Чернаго моря нѣсколько выше порта Пицунды (Pezonda или Peçonda) значится мѣстность подъ именемъ *San Sofia* (отъ 1351 года) или *Sancta* Sofia (1497 г.) [1]), такъ и то, что городъ Пицунда носилъ у грековъ имя *Сотирополя*, т. е. города Христа Спасителя.

Юліанъ Кулаковскій.

II

Археологическая хроника.

—— По распоряженію Его Императорскаго Высочества Московскаго генералъ-губернатора, Августѣйшаго Предсѣдателя Историческаго Музея, отъ Московской Городской Управы въ Императорскій Россійскій Историческій Музей препровождены старинные предметы, найденные въ разныхъ частяхъ г. Москвы во время прокладки канализаціонныхъ трубъ. Изъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе: черноглиняная кубышка (найдена въ 1-мъ Знаменскомъ переулкѣ), желѣзный наконечникъ копья, штыкъ ружейный (съ Воскресенской площади), картечь и части бахтерца (пластинчатая кольчуга XVII в.). Кромѣ того, особенный интересъ представляетъ каменное надгробіе ($14^3/_4$ в.$\times$8 в.) конца XVI вѣка, найденное въ Хитровскомъ переулкѣ, со слѣдующею надписью:

лѣ҃ зр҃і҃ мц҃а҃ кеи҃ на тр҃т҃є
шбрѣтеніе чс҃нѣ҃м главы
Ивана пре҃ч҃н҃и престави҃ раба (Божіа)
Анастасѣ҃ Алексѣ҃
єва жена Шапило
ва —— ра҃ Апрѣ҃л҃
во в҃ престави҃ ра҃бѣ҃
Никита мла҃ло҃ Але
ксѣє сн҃ъ Шапило҃

[1]) Сводный списокъ картъ у Бруна, Черноморье, II, таблица 3-я.

—— Въ селѣ Нижніе-Сѣрогозы, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губ., находится огромный курганъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ раскапывался членомъ Императорской Археологической Коммиссіи Н. И. Веселовскимъ, но оказался разграбленнымъ и далъ весьма небольшія находки. На находящійся не въ далекомъ разстояніи отъ большого курганъ малыхъ размѣровъ не было обращено вниманія, такъ какъ на немъ замѣтны были признаки раскопки или расхищенія, но, между тѣмъ, въ немъ были найдены вещи, о которыхъ разсказано въ газетѣ „Южанинъ“ (№ 19, 1897 г.): „Около 21 декабря прошлаго года два крестьянина села Нижніе-Сѣрогозы, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губерніи, возвращаясь съ охоты на зайцевъ, забрались въ какую-то раскопанную могилу, чтобы за прикрытіемъ выкурить по папироскѣ. Здѣсь они замѣтили обвалъ земли въ видѣ хода. Скважина эта заинтересовала охотниковъ; они начали копаться, и результатомъ нѣсколькихъ часовъ работы была масса очень интересныхъ и цѣнныхъ вещей. Они нашли: 2 дракона съ подвѣсками на изящныхъ цѣпочкахъ; 10 перстней съ широкими очками; 7 пластинокъ продолговатыхъ съ изображеніемъ на нихъ уточекъ, а 6—безъ уточекъ; 14 штукъ браслетовъ, похожихъ на кавказскіе, по два вмѣстѣ, съ подвѣсками въ видѣ сердечка; 60 штукъ подвѣсокъ въ видѣ зерна клубники, но только продолговатыя; 24 пластинки съ изображеніемъ женщинъ съ мечами; 9 продолговатыхъ пластинокъ съ подвѣсками; 250 штукъ трубочекъ и къ нимъ же 130 штукъ бусъ; 190 штукъ маленькихъ монетъ въ видѣ 2-хъ копѣекъ съ изображеніемъ лица; 14 штукъ монетъ съ такими же изображеніями, но величиною въ $^1/_2$ копѣйки; 14 кусковъ въ видѣ обручиковъ; 270 треугольныхъ пластинокъ съ дырочками, 30 такихъ же пластинокъ, только меньше; одну пластинку, имѣющую въ діаметрѣ $3\,^1/_2$ вершка, съ продолговатымъ кончикомъ. Всѣ эти вещи, повидимому, золотыя, за исключеніемъ большой пластинки. Найденные предметы описаны и находятся въ настоящее время въ рукахъ полиціи“.

—— Въ Императорскую Археологическую Коммиссію передана Вятскимъ статистическимъ комитетомъ весьма цѣнная въ научномъ отношеніи коллекція предметовъ, состоящая изъ четырехъ серебряныхъ большихъ блюдъ и одного — вродѣ чайнаго, четырехъ чашекъ на подобіе чайныхъ съ ручками, шести шейныхъ колецъ и обломка какого-то сосуда, все вѣсомъ 16 фун. 4 зол. Крестьянину, нашедшему эти предметы близъ рѣки Камы, выдано вознагражденіе 1,250 руб. (Спб. Вѣд., № 23, 1897 г.).

—— Какъ передаютъ „Одесскія Новости“, Одесская уѣздная полиція сообщила херсонскому губернатору, что въ с. Порутино, близъ

Очакова, мѣстные крестьяне разрыли пять могилъ, для добытія тамъ часто находимыхъ археологическихъ вещей. Въ одной изъ могилъ, въ гробницѣ, поселяне нашли двѣ старинныя вазы, изъ которыхъ одна терракотовая. Въ другой могилѣ найдена маленькая урна и 37 стрѣлъ изъ неопредѣленнаго металла. Недавно выкопаны были въ степи, близъ с. Порутино, золотыя ожерелья, которыя представлены Императорской Археологической Коммиссіи. Крестьяне, нашедшіе эту рѣдкость, были вознаграждены 600 руб. (Моск. Вѣд., № 19, 1897 г.).

—— Въ „Кіевской Старинѣ“ за декабрь 1896 г., г. Василій Лясковскій описываетъ городище въ м. Снѣтинѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губ., лѣтописномъ Кснятинѣ, которое онъ посѣтилъ лѣтомъ прошлаго года. Городище, расположенное на краю обрыва къ Сулѣ и у подошвы горы, имѣетъ форму правильнаго круга. Валъ довольно высокъ, крутъ и обрывистъ снаружи, онъ весь искусственный, насыпной, съ значительными остатками черепковъ, костей, камней, углей, попадающихся иногда въ значительномъ количествѣ вмѣстѣ съ обгорѣлыми концами кольевъ. Вокругъ вала, съ наружной стороны, довольно явственно замѣтны слѣды рва, окружавшаго всю крѣпость. Городище наполнено внутри множествомъ различнаго рода насыпей, но большей части неправильной формы; только по бокамъ дороги, пересѣкающей городище посрединѣ, замѣтны правильно идущіе длинные валы. Двѣ, пересѣкающіяся накрестъ, дороги идутъ черезъ городище и образуютъ какъ бы четверо воротъ. У западныхъ воротъ въ земляномъ валу замѣтна кирпичная кладка съ дикимъ камнемъ, вѣроятно, остатки крѣпостныхъ воротъ. Въ средней части городища находится земляное возвышеніе; здѣсь отыскиваютъ въ большомъ количествѣ старые кирпичи. По преданію, на этомъ мѣстѣ была церковь. На равнинѣ передъ городкомъ сохранились слѣды двухъ валовъ со рвами на внѣшней сторонѣ. По гребню горы также замѣтны слѣды валовъ, разрушенныхъ частью временемъ, частью рукой человѣка. Поле же, находящееся близъ этихъ валовъ, усѣяно массой невысокихъ холмовъ. Только на краю обрыва высятся большіе холмы, съ которыхъ открывается видъ на далекое разстояніе за Сулу. По мнѣнію автора, холмики, находясь передъ укрѣпленіями, имѣли цѣлью маскировать силы защитниковъ и не давать возможности врагамъ нападать сплошной конной массой.

—— „Ревельск. Изв.“ сообщаютъ, что въ ревельскомъ городскомъ архивѣ, среди старинныхъ рукописей, городской архиваріусъ Г. И. Ганзенъ нашелъ шесть новыхъ русскихъ грамотъ XV и XVI столѣтій. (Нов. Вр., № 7513, 1897 г.).

—— Императорское географическое Общество получило двѣ весьма

интересныхъ карты Россіи отъ Норденшильда. Одна — Птоломея XIV вѣка, представляетъ Россію горной страной, гдѣ хребты горъ высочайшіе въ мірѣ. Другая — XV вѣка, являющаяся критикой на первую и развѣнчивающая славу Птоломея, представляющая Россію равниной. (Спб. Вѣд., № 28, 1897 г.).

—— Въ „Извѣстіяхъ О-ва археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ (т. XIII, в. 6), напечатана статья гг. Диваева и Ахмерова о печати Ахмеда Ясави, извѣстнаго туркестанскаго мистика, въ 1166 г. умершаго и похороненнаго въ мѣстечкѣ Яси (нынѣшній Туркестанъ). Печать хранится въ мечети и чтится большою святынею, и г. Диваеву удалось получить оттискъ съ нея исключительно вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, при чемъ „накибу“ (староста) мечети, посылая оттискъ, рекомендовалъ г. Диваеву носить его, какъ амулетъ. Къ статьѣ приложено изображеніе печати въ настоящую величину, и приведены въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ имѣющіяся на ней надписи.

—— Въ той же книжкѣ, тѣ-же лица помѣстили статьи о надписяхъ, находящихся подъ огромнымъ куполомъ самой мечети Хазретъ Султана Ходжи Ахмеда Ясави, построенной Тимуромъ въ XIV в., т. е. спустя два столѣтія послѣ смерти Ахмеда Ясави, а также и на огромномъ мѣдномъ котлѣ, стоящемъ посреди мечети на треножникѣ, и на надгробныхъ камняхъ въ ней, такъ какъ эта мечеть представляетъ собою усыпальницу великихъ людей Востока. Кромѣ одной, всѣ надписи на арабскомъ языкѣ.

—— „Черноморскій Вѣстникъ“ (№ 197) говоритъ о замѣчательной, но необслѣдованной въ археологическомъ отношеніи, мѣстности черноморскаго кавказскаго побережья. Архимандритъ Леонидъ, въ извѣстномъ трудѣ своемъ о памятникахъ христіанства въ Абхазіи, говоритъ, что Пагры, нынѣшнія Гагры, принадлежатъ къ числу древнихъ греческихъ колоній на берегу Чернаго моря, основанныхъ въ VII вѣкѣ до Рождества Христова. Болгарская церковь въ укрѣпленіи Гагры сохранилась въ живописныхъ развалинахъ. Въ протоколахъ подготовительной коммиссіи V археологическаго съѣзда въ Москвѣ, въ 1879 году, намѣчалось изслѣдованіе громаднаго подземелья, существующаго подъ древнимъ укрѣпленіемъ Багры (Абхазская Гагра), лежащемъ въ 85 верстахъ къ СЗ отъ Сухума, у труднаго приморскаго прохода изъ Абхазіи въ южную часть Черноморскаго округа. Планъ укрѣпленія и его положенія между скалами и берегомъ моря изображены у Дюбуа де-Монпере, но никто не упоминаетъ о катакомбахъ, идущихъ подъ Гаграми въ разныя стороны, и даже въ эпоху кавказской войны ими не поль-

зовались при отраженіяхъ вторгавшихся горцевъ. Старожилы повѣствуютъ, что въ обѣ стороны замѣчаются двери, ведущія въ казематы, куда проникнуть имъ не удалось, такъ какъ двери замкнуты. Существуетъ легенда о богатствахъ, сохраняющихся въ этихъ недоступныхъ казематахъ; однако нужны изслѣдованія, которыя потребуютъ крупныхъ затратъ. Алтарь языческаго божества Эйригъ-аацныхъ (въ переводѣ это слово означаетъ: „видящій все днемъ и ночью“, или всевидящее око) былъ на отвѣсной скалѣ за укрѣпленіемъ Гагры. Ему приносились частыя и обильныя жертвы. Эйригъ-аацныхъ, онъ же Чугурхъ-ныхъ, былъ покровитель воровства, грабежей и разбоевъ. На картѣ Арріана отмѣчена рѣчка Боргусъ у мыса Гераклемра: это—рѣчка Жоэ-Квара и мысъ около Гагръ, гдѣ было загражденіе узкаго прохода и стояла Validus murus, остатки которой наблюдаются и теперь. На Анконской картѣ Фредуче на мѣстѣ нынѣшнихъ Гагръ стоитъ надпись: Sancta Sophia. Очень можетъ быть, что древній гагринскій храмъ былъ воздвигнутъ во славу Божіей премудрости даже въ VI вѣкѣ, одновременно съ Пицундскимъ храмомъ. Въ Пицундской бухтѣ, задолго до христіанской эры, стоялъ городъ Питіусъ, въ 30 стадій (описанный Страбономъ), въ которомъ въ VI в. воздвигнутъ храмъ, чудо греческой архитектуры и акустики, созданный по почину супруги императора Юстиніана, Ѳеодоры. Шлиманъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, собирался въ Абхазію и былъ убѣжденъ, что найдетъ въ ней больше историческихъ и художественныхъ сокровищъ, чѣмъ ему удалось открыть при раскопкахъ Трои и на греческомъ Архипелагѣ (Ист. Вѣст. Ноябрь, 1896 г.).

—— Если мы теперь съ необыкновеннымъ любопытствомъ смотримъ на географическіе атласы прошлаго столѣтія и считаемъ ихъ за большую рѣдкость, то открытіе географическихъ мозаикъ, сдѣланное библіотекаремъ святогробскаго братства въ древнихъ предѣлахъ Моавитской земли, привлечетъ вниманіе всего ученаго міра.

Въ концѣ прошлаго года старшій секретарь іерусалимской патріархіи, архимандритъ Ѳотій, отправилъ по дѣламъ церковнымъ въ землю Моавитскую бывшаго профессора патріаршей семинаріи – библіотекаря святогробскаго братства Клеопу Кикилидиса. Этому послѣднему, какъ любителю археологіи, было поручено осмотрѣть по ту сторону Іордана древній городъ Медабу. Въ этомъ городѣ за послѣдніе годы было находимо очень много мозаикъ, свидѣтельствующихъ о существованіи когда-то многочисленныхъ христіанскихъ храмовъ въ этомъ мѣстѣ. И дѣйствительно, исторія говоритъ, что въ V и VI вѣкахъ по Р. Х. въ моавитскихъ предѣлахъ считалось нѣсколько епархій, и созидалось множество церквей и монастырей. Всѣ эти христіанскіе памятники съ на-

шествіемъ Хозроя были уничтожены и потомъ во весь періодъ господства мусульманъ никогда не были возстановляемы. Основанія прежнихъ прекрасныхъ храмовъ палестинскихъ, ихъ восхитительныя половыя мозаики лежатъ подъ грудами мусора. Европейцы за послѣднее время скупаютъ у мусульманъ земли и открыли не мало древнихъ мозаичныхъ картинъ. Но думается, всѣхъ счастливѣе оказался святогробскій библіотекарь Клеопа Кикилидисъ. Онъ, откапывая въ Медабѣ основанія одной большой церкви, наткнулся на мозаику, которая очень заинтересовала археолога. Раскопки были продолжены; половая мозаика все болѣе и болѣе прояснялась. Къ великой радости и изумленію археолога библіотекаря, наконецъ обнаружилось, что мозаика по характеру исполненія можетъ быть отнесена къ V вѣку и представляетъ громадную географическую карту Палестины, Сиріи и Египта той эпохи.

Понятное дѣло, что подобное открытіе будетъ имѣть громадное значеніе для христіанской археологіи, исторіи и географіи. Эта мозаичная карта V вѣка ясно покажетъ, какое было представленіе у христіанъ того времени о святыхъ мѣстахъ, гдѣ они находились, ибо обозначены на картѣ и церкви, и монастыри. Такъ какъ на картѣ обозначены планы важнѣйшихъ городовъ, то новое открытіе прольетъ много свѣта для людей, занимающихся топографіей древнихъ историческихъ городовъ.

Греческая газета „Священный союзъ“ передаетъ, что открытіе Клеопы Кикилидиса возбудило необыкновенный интересъ къ себѣ всего ученаго міра въ Іерусалимѣ. Всѣ ждутъ фотографіи и подробныхъ плановъ вновь открытой мозаики. И дѣйствительно, есть чѣмъ заинтересоваться и пожелать дальнѣйшихъ раскопокъ. (Міров. Отгол., № 28, 1897 г.).

—— Г. Стаисъ сообщаетъ въ *Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική* (1896 г.) о сдѣланныхъ имъ при раскопкахъ въ Аттикѣ и на Эгинѣ микенскихъ и до-микенскихъ находкахъ. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ изслѣдованій Шлиманомъ Микенъ (1876 г.), предметы микенской культуры были отмѣчены въ нѣсколькихъ мѣстахъ Спарты, въ Аттикѣ, въ частности, въ акрополѣ Аѳинъ и пр., но лишь въ послѣднее время были доказаны, какъ важность, такъ и распространенность микенской культуры въ этой части Греціи. Раскопки г. Стаисомъ были произведены въ нѣсколькихъ некрополяхъ и городищахъ, преимущественно находящихся въ южной части полуострова. Кромѣ значительнаго количества микенскихъ вазъ, были найдены двѣ терракотовыя статуэтки, типа, часто встрѣчающагося въ Микенахъ, Навпліи и Эпидаврѣ, и очень рѣдкаго въ Аттикѣ: повидимому, указанныя статуэтки были занесены въ послѣднюю изъ Арголиды. Въ Лигори между прочимъ обращаетъ на себя

вниманіе находка могилы, въ которой скелеты были снабжены свинцовой пластинкой, поддерживающей нижнюю челюсть мертвецовъ; пластинки были, очевидно, прикрѣплены къ ушамъ покойниковъ. Указанныя свинцовыя пластинки весьма часто встрѣчаются въ микенскихъ могилахъ; такія же пластинки, но уже золотыя, извѣстны въ Греціи изъ историческаго періода; въ Аттикѣ онѣ употреблялись рѣдко въ микенскую эпоху. Назначеніе ихъ и способъ употребленія можетъ въ настоящее время считаться доказаннымъ. Въ Торикосѣ г. Стаисъ изслѣдовалъ между прочимъ остатки древняго акрополя микенской культуры; изслѣдователемъ обнаружены слѣды домовъ и сооруженій, относящихся къ періоду, предшествующему господству микенской культуры въ Аттикѣ. Въ домахъ древнѣйшихъ обитателей Торикоса были открыты круглыя или овальныя ямы, въ которыхъ помѣщались большіе глиняные сосуды, служившіе для погребенія умершихъ. Такія же могилы въ жилыхъ помѣщеніяхъ были открыты изслѣдователемъ и въ акрополѣ въ Эгинѣ. Изъ результатовъ раскопокъ въ послѣдней останавливаютъ на себѣ вниманіе, кромѣ находокъ керамическихъ издѣлій, ex-voto, терракотты съ женской фигурой и др. предметовъ—остатки греческаго дома VIII—VII вв., и около него слѣды болѣе древнихъ жилыхъ помѣщеній, выстроенныхъ изъ небольшихъ камней, сложенныхъ на глинѣ, съ низкими, пирамидальными дверями (Anthropologie, VII, № 3).

—— Въ январьской книгѣ журнала Gazette des beaux arts напечатана статья г. Диля о мозаикахъ, находящихся въ церквахъ монастыря св. Луки въ Фокидѣ, въ Греціи. Авторъ уже раньше посвятилъ этому вопросу особую статью (въ 1889 г. въ Bibliothèque des écoles françaises de Rome et d'Athènes), но теперь онъ ее дополнилъ и приложилъ нѣсколько снимковъ съ мозаичныхъ изображеній, именно св. Матѳея, св. Ѳеодора Тирона, св. Якова. Мозаики относятся къ XI вѣку. Авторъ отмѣчаетъ между прочимъ поразительное сходство этихъ мозаикъ съ миніатюрами знаменитаго Менологія, исполненнаго въ XI в. для императора Василія II и нынѣ хранящагося въ Ватиканской библіотекѣ. Въ началѣ статьи г. Диль останавливается на архитектурѣ двухъ церквей этого монастыря.

—— Въ Revue archéologique (Septembre — Octobre, 1896 г.) напечатана статья Рейнака о Никопольскомъ налучіи изъ Чертомлыцкаго кургана. Авторъ видитъ въ изображеніяхъ, украшающихъ это налучье, рядъ послѣдовательныхъ картинъ изъ жизни Ахиллеса на о. Скиросѣ: сперва изображены Ахиллесъ и Деидамія съ Неоптолемомъ, сыномъ ихъ, при чемъ послѣдній изображенъ два раза—обучающимся стрѣльбѣ изъ лука у отца и ласкающимся къ матери, затѣмъ слѣ-

дуетъ сцена разоблаченія тайны пола Ахиллеса: онъ схватываетъ мечъ и сбрасываетъ женскій пеплумъ съ себя, Улиссъ удерживаетъ его за руку и т. д. Сцена происходитъ въ гинекеѣ, ибо присутствуютъ еще четыре женщины, въ которыхъ надо видѣть мать Деидаміи и трехъ ея дочерей. Далѣе идетъ сцена: Ахиллесъ въ полномъ вооруженіи признается во всемъ Ликомеду и т. д. Прототипомъ для этихъ изображеній послужила картина Полигнота, о которой упоминаетъ Павзаній. Сдѣлано налучье, по мнѣнію автора, въ Ольвіи; особенно убѣждается авторъ въ этомъ, сравнивая его съ тіарой Сайтаферна: по его мнѣнію, и налучье, и тіара произведеніе одного мастера и относятся приблизительно къ одному и тому же времени [1]).

—— Въ засѣданіи Парижской Академіи надписей 6 ноября 1896 г., г. Бартелеми представилъ отъ имени гг. Геронъ-де-Вильфосса и Гауклера фотографическіе снимки съ мраморныхъ находокъ въ Карѳагенѣ. Первая—голова безбородаго Діоскура, носъ у котораго сильно поврежденъ; вторая находка—голова зрѣлаго человѣка съ чрезвычайно любопытнымъ выраженіемъ лица, повидимому, изображеніе какого-либо значительнаго лица, жившаго въ Карѳагенѣ въ I вѣкѣ по Р. Х. Третья находка—статуя, изображающая римскую женщину III-го вѣка.

—— Въ Mittheilungen der K. K. Central Commission напечатана статья г. Ричли (M. H. Richly), подъ заглавіемъ: Снаряды (инструменты) странствующаго кузнеца (соб. слесаря) бронзоваго вѣка въ Венгріи. Это—описаніе разныхъ молотковъ, пилы и т. п., найденныхъ въ Ридекѣ.

—— Въ „Revue archéologique“ (Mars—Avril 1896 г.) напечатана интересная статья г. Ле-Блана (Ed. Le Blant) о нѣкоторыхъ изображеніяхъ жертвоприношенія Авраама. Указавъ на то, что этотъ эпизодъ былъ съ древнѣйшихъ временъ одною изъ наиболѣе излюбленныхъ темъ для художниковъ—скульпторовъ, граверовъ, живописцевъ—авторъ замѣчаетъ, что сцена жертвоприношенія обыкновенно изображалась ими, не придерживаясь строго библейскаго текста. Чрезвычайно любопытно, что нерѣдко сценою жертвоприношенія Исаака замѣняли изображеніе Христа, какъ, напримѣръ, на одномъ саркофагѣ въ Латеранѣ, гдѣ представленъ судъ Пилата; вмѣсто Христа мы видимъ здѣсь Исаака, стоящаго на колѣняхъ, готоваго принять смертельный ударъ отъ отца. Въ средніе вѣка Исаакъ изображался носящимъ связку дровъ, превращающуюся въ крестъ. Жертвенникъ обыкновенно изображался

[1]) Въ подлинности пресловутой тіары едва ли теперь можно не сомнѣваться, особенно послѣ статьи проф. Э. Р. фонъ-Штерна „О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи“ (см. Ж. М. Н. Пр. Декабрь, 1896 г.).

совершенно несогласно съ разсказомъ Библіи, а изящно обдѣланнымъ и раскрашеннымъ. Впрочемъ, на одной фрескѣ въ римскихъ катакомбахъ онъ представленъ въ видѣ двухъ камней, поставленныхъ на ребро и покрытыхъ третьимъ. Покойный де-Росси издалъ также одну медаль, на которой Авраамъ и Исаакъ изображены на грудѣ камней. Затѣмъ еще на одномъ обломкѣ саркофага въ Римѣ въ церкви Santa - Maria dell'anima, жертвенникъ представленъ изъ необдѣланныхъ камней, наложенныхъ согласно описанію Кирилла Александрійскаго. На этомъ же обломкѣ два момента—Исаакъ, несущій дрова, и Исаакъ, ставшій на колѣни и готовый къ смерти — соединены въ одну группу. Въ заключеніе авторъ упоминаетъ, что самый жертвенникъ, якобы доставленный Еленою, матерью Константина, до сихъ поръ находится въ Римѣ въ древней церкви San Giacomo scossa cavalli, сзади одной изъ исповѣдаленъ, и что изображенію жертвоприношенія приписывалась особая чудодѣйственная сила, почему мы его находимъ на большомъ числѣ амулетовъ, особенно дошедшихъ до насъ отъ гностиковъ.

—— Въ той же книжкѣ того же журнала помѣщена статья г. Бланше о статуткѣ Гермафродита, греко - римскаго стиля и происходящей изъ Александріи въ Египтѣ. Авторъ пріобрѣлъ эту статуэтку изъ собранія одного частнаго лица, послѣ его смерти, и, сравнивая ее съ другими извѣстными экземплярами этой статуи, приходитъ къ заключенію, что всѣ онѣ имѣютъ общимъ прототипомъ, можетъ быть, знаменитаго Гермафродита Поликлита, о которомъ говоритъ Плиній.

—— Въ парижской школѣ изящныхъ искусствъ съ давнихъ поръ существуетъ колоссальный, изваянный изъ мрамора, торсъ Аѳины, находившійся нѣкогда въ Римѣ, въ знаменитой виллѣ Медичи. Нѣмецкій археологъ, мюнхенскій профессоръ Фуртвенглеръ доказываетъ, что эта статуя, судя по всѣмъ признакамъ, и есть та знаменитая Аѳина Фидія, которая нѣкогда украшала восточный фронтонъ аѳинскаго Парѳенона.

—— Въ засѣданіи Парижской Академіи надписей 4 сентября 1896 г., г. Омоль сообщилъ о новыхъ надписяхъ, открытыхъ въ Дельфахъ и касающихся Гелона и Гіерона, а также и рядъ фотографій съ новыхъ памятниковъ, между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ группа танцовщицъ.

—— Въ Суссѣ (въ Тунисѣ), при раскопкахъ, найдено недавно нѣсколько интересныхъ мозаикъ, въ числѣ которыхъ оказалось изображеніе Виргилія, сочиняющаго „Энеиду“ подъ диктовку музъ. Виргилій изображенъ сидящимъ въ позѣ писателя, одѣтый въ просторную тогу съ голубой оторочкой. За спинкой сидѣнья его стоятъ Кліо и Мель-

помена, диктуя ему „Энеиду“. Онъ начертываетъ восьмой стихъ красивымъ „курсивомъ“, похожимъ на почеркъ „graffiti“ или помпейскія надписи, почеркъ замѣчательно правильный, безподобный по своему совершенству въ глазахъ людей, занимающихся эпиграфіей. Съ правой стороны поэта—Кліо, муза исторіи, читаетъ рукопись. Опершись локтемъ о спинку сидѣнья, Мельпомена, муза трагедіи, болѣе строгой красоты, изображена въ театральномъ богатѣйшемъ костюмѣ, съ сочетаніемъ золота, зеленаго и пурпуроваго цвѣтовъ. Она съ живѣйшимъ вниманіемъ слушаетъ чтеніе. Сусскій портретъ отличается отъ всѣхъ художественныхъ портретовъ болѣе или менѣе древнихъ, подъ которыми подписывалось имя латинскаго поэта. Длинные волосы на этихъ изображеніяхъ прямо свидѣтельствуютъ объ апокріѳическомъ характерѣ послѣднихъ. Въ дѣйствительности эти мнимые портреты Виргилія изображаютъ миѳологическія существа, напримѣръ, музъ съ сценической маской; Виргилій, сидящій подъ балдахиномъ, во дворцѣ Разума въ Мантуѣ, есть не что иное, какъ мантуанскій Гермесъ. Единственное изображеніе Виргилія подходитъ къ Сусскому: это миніатюра, многократно повторяющаяся въ одной очень старинной рукописи въ Ватиканѣ. Въ общемъ сходство сусскаго Виргилія и ватиканскаго, дѣйствительно, до того поразительно, что оба эти „портрета“ несомнѣнно взяты съ одного и того же болѣе древняго оригинала, которымъ пользовались, какъ авторъ мозаики, такъ и писавшій миніатюру, конечно, въ различныя эпохи. Извѣстно, что портъ Сусса,—въ древности Гадрумета,—очень давно былъ занесенъ пескомъ, и потому почти со второго вѣка нашей эры городъ былъ заброшенъ. Къ тому же, мозаика эта лучшей эпохи, искусство же начало тамъ вырождаться и пришло въ упадокъ со второго вѣка. Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ высокой древности сусскаго портрета служитъ красота письма въ стихѣ „Энеиды“, начертываемаго Виргиліемъ подъ диктовку Кліо. Какъ замѣчено выше, это „курсивъ“. Подобное прекрасное курсивное письмо указываетъ на время памятника. Общее мнѣніе знатоковъ таково, что сусскій портретъ относится къ концу перваго вѣка, всего сто лѣтъ спустя послѣ смерти Виргилія. Ватиканская миніатюра,—конечно, значительно позднѣйшая,—свидѣтельствуетъ о томъ, что въ древности существовалъ портретъ Виргилія, которымъ пользовались въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, быть можетъ, тотъ, который, по словамъ Марціала, украшалъ рукописи, съ перваго же вѣка копировавшіяся въ тысячахъ экземпляровъ. (Нов. Вр. № 7512, 1897 г.).

—— Въ засѣданіи общества „Société des antiquaires de France“ отъ 3 декабря 1896 г., г. Молинье предъявилъ двѣ пластинки визан-

тійскаго диптиха, недавно пріобрѣтенныя Лувромъ. Пластинки сдѣланы изъ стеатита, и на нихъ изображены св. Іоаннъ Богословъ и св. Димитрій.

—— Интересная археологическая находка была сдѣлана недавно въ Римѣ во время передѣлки потолка и крыши извѣстной базилики Santa Maria Maggiore. Во время работъ на старыхъ стѣнахъ обнаружены фрески, относящіяся къ XII вѣку, и самый потолокъ былъ расписанъ великолѣпною старинною живописью. При разборѣ крыши было найдено 275 черепицъ съ древними клеймами и болѣе 6,000 другихъ старинныхъ черепицъ. Изъ числа первыхъ 12 клеймъ относятся къ I вѣку и къ временамъ языческимъ, 54 клейма ко II вѣку, 16—къ III в., 23—къ IV вѣку. Въ числѣ найденныхъ клеймъ имѣются экземпляры съ изображеніями анаграммъ Христа въ 66 различныхъ греческихъ шрифтахъ. Много клеймъ изъ эпохи готскаго короля Теодориха. До настоящаго времени большинство этихъ клеймъ были совершенно неизвѣстны.

—— Seton-Karr привезъ изъ своего путешествія по Африкѣ интересную коллекцію каменныхъ орудій изъ области, населенной сомали. Эти орудія повторяютъ типы, извѣстные въ Европѣ изъ палеолитическихъ слоевъ; подобныя же каменныя орудія извѣстны изъ нѣкоторыхъ частей Азіи и сѣв. Африки, и находка ихъ въ области сомали расширяетъ географическія границы ихъ распространенія. Такъ какъ, впрочемъ, находки орудій не сопровождались находками костей дилювіальныхъ животныхъ и такъ какъ принадлежность слоя, откуда были извлечены орудія, къ дилювію требуетъ еще подтвержденія, то считать ихъ палеолитическими пока можетъ казаться преждевременнымъ.

—— Въ Times'ѣ и парижскомъ изданіи New-York Herald сообщаются слѣдующія подробности объ открытомъ недавно мѣстѣ рожденія Будды. Открытіе принадлежитъ археологу Фареру, которому правительство Непала разрѣшило посѣтить нынѣшнею зимою страну и произвести въ ней археологическія раскопки. Для раскопокъ Фареръ намѣтилъ главнымъ образомъ Нигливу, гдѣ его долженъ былъ встрѣтить командированный туземнымъ правительствомъ губернаторъ Пальпы. По счастливой случайности встрѣча произошла не тамъ, а въ 15 миляхъ къ сѣверо-востоку, въ Манцу Падерія. Вблизи отъ развалинъ многочисленныхъ „ступъ“ (башни надъ реликвіями Будды) стояла здѣсь одна изъ колоннъ, воздвигнутыхъ царемъ Азокою—Константиномъ буддизма, въ 3-мъ в. до Р. Х. для религіознаго назиданія потомства. Колонна, возвышавшаяся на 10 футовъ надъ окружавшими ее руинами, покрыта надписями пилигримовъ, одна изъ которыхъ относится къ 9-му

вѣку нашей эры. Вниманіе археолога было тотчасъ же привлечено этимъ памятникомъ, и онъ приказалъ выкопать вокругъ него землю до 14 футовъ глубины. При этомъ была найдена на монолитѣ хорошо сохранившаяся надпись царя Азоки, въ которой послѣдній заявляетъ, что на 20-мъ году своего царствованія (около 239 г. до Р. Х.) онъ прибылъ въ садъ Лумбини, молился здѣсь и, кромѣ нѣсколькихъ „ступъ“, воздвигъ эту колонну на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родился Будда, чтобы сохранить для потомства память объ этомъ счастливомъ событіи. Въ 18 миляхъ къ сѣверо-западу отъ колонны лежатъ обширныя развалины „ступъ“, монастырей и дворцовъ, покрытыя лѣсомъ и тянущіяся по прямой линіи отъ села Амули до Тилаура Котъ на р. Бангангѣ; окружность развалинъ составляетъ около семи миль. Тутъ находилась нѣкогда Капилавасту — резиденція отца Будды. Вслѣдствіе голода и трудности прокормить на мѣстѣ значительное число рабочихъ рѣшено отложить предполагавшіяся здѣсь раскопки до будущей зимы (Русск. Вѣд., № 3, 1897 г.).

—— Американскій университетъ Гарвардъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отправилъ экспедицію для произведенія раскопокъ въ развалинахъ Копана, на сѣверѣ Гондураса. Ученые окончили теперь свою задачу. Древній Копанъ занимаетъ 6 акровъ земли. Онъ состоитъ изъ неправильныхъ террасъ, соединенныхъ между собою лѣстницами. Множество пирамидъ также находится въ Копанѣ. На нѣкоторыхъ строеніяхъ и теперь еще виднѣется древняя рѣзьба. Прежде она была окрашена въ яркіе цвѣта. Особенно величественна „лѣстница ягуаровъ“: она получила свое названіе отъ ягуаровъ, вытесанныхъ на ней. Главное зданіе Копана заключаетъ два двора или амфитеатра. Туда ведетъ лѣстница, шириной въ 250 фут. На первой площадкѣ этой лѣстницы возвышается колонна, на которой воздвигнутъ храмъ, шириной въ 1,000 фут. Внутри храма находятся сидящія богато украшенныя человѣческія фигуры. Кромѣ того, тамъ найдены еще болѣе прекрасные храмы. Всѣ стѣны ихъ покрыты таинственными знаками. Прекраснѣйшимъ памятникомъ является такъ называемая іероглифическая лѣстница. Шириной она въ 40 фут. Здѣсь на камнѣ вытесаны странные іероглифы, маски и человѣческія фигуры. На рыночной площади Копана стоятъ 13 монолитовъ. Они вышиной въ 12 футовъ. Подлѣ нихъ находятся алтари. Если іероглифы этихъ колоннъ будутъ когда-нибудь разобраны, то получится, вѣроятно, много свѣдѣній о совершенно своеобразномъ народѣ. Къ величайшимъ памятникамъ архитектуры относятся также могилы этого народа. Въ нихъ рядомъ съ хорошо сохранившимися черепами лежатъ кости четвероногихъ животныхъ, краски,

жемчугъ, раковины, украшенія, сосуды и пр. Повидимому, жители Копана въ культурномъ отношеніи имѣли много общаго съ населеніемъ Юкатана, но ихъ культура древнѣе и разнообразнѣе. (Моск. Вѣд., № 12, 1897 г.).

III

Засѣданія Обществъ.

Въ распорядительномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 20 декабря 1896 г. Л. З. Мсеріанцъ сдѣлалъ, на основаніи статьи Венеціанскаго журнала „Полигисторъ“, сообщеніе о вновь открытой рукописи Маръ-Абаса, неизвѣстнаго доселѣ автора, на котораго ссылается Моисей Хоренскій въ своей исторіи Арменіи.

Въ обыкновенномъ засѣданіи того же Общества 21 января 1897 года Д. Я. Самоквасовъ прочиталъ докладъ, посвященный памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Референтъ отмѣтилъ, что покойный академикъ, въ качествѣ историческаго матеріала, привлекъ также данныя при изслѣдованіи кургановъ. Затѣмъ гр. П. С. Уварова сообщила о результатахъ засѣданій предварительнаго комитета по устройству XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. Слѣдующій докладъ „Вопросъ о ханской басмѣ“ принадлежалъ Д. И. Иловайскому. Референтъ указалъ, что въ лѣтописяхъ не находится свѣдѣній объ унизительныхъ обрядахъ, съ которыми принимались золото-ордынскіе послы русскими князьями вообще и московскими великими князьями въ частности; имѣются лишь объ этомъ свидѣтельства иностранцевъ, относящіяся къ послѣднимъ временамъ татарскаго ига (Длугошъ, Литвинъ Михалонъ и Герберштейнъ) и то нѣсколько преувеличенныя. Но упоминанія о ханской басмѣ, о которой говорится всѣми историками при разсказѣ о сверженіи Иваномъ III татарскаго ига, нигдѣ нѣтъ. Разсказъ о басмѣ заимствованъ изъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“, написанной въ концѣ XVI вѣка, гдѣ сказано, что Иванъ III, принявъ пословъ Ахмата, „ни мало убояся страха царева, но пріимъ басму лица его, и поплевавъ на ню, и излома ея, и на землю поверже, и потопташа ногами своими“. Этотъ разсказъ былъ принятъ русскими историками XVIII вѣка и закрѣпленъ Карамзинымъ, который объяснилъ слово *басма*—словами *тисненіе*, *изображеніе*, *снимокъ*. Объясненіемъ этого слова, также глагола *басмить*, занимались многіе русскіе археологи, но не всѣ знаютъ объясненія, сообщеннаго польскимъ историкомъ Нарбутомъ въ VIII томѣ его Dzieje narodu Litewskiego, вышедшемъ въ 1840 году; Нарбутъ даетъ со словъ какого то любителя старины, нашедшаго какую то рукопись, написанную арабскими буквами на татарскомъ языкѣ съ примѣсью

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

литовско-русскаго нарѣчія, слѣдующее толкованіе слову *басма:* это деревянный ларчикъ 12 дюймовъ длины, 5 д. ширины, наполненный растопленнымъ и окрашеннымъ воскомъ, на которомъ оттискивалась босая стопа хана и оттискъ покрывался подушечкою изъ дорогой матеріи, пропитанной мускусомъ. Ящичекъ, подъ конвоемъ стражи изъ 12 человѣкъ, на верблюдѣ отправляли изъ Орды. Въ дополненіе къ этому объясненію, референтъ напомнилъ объ обычаѣ восточныхъ деспотовъ повергать на землю побѣжденнаго государя и наступать на него ногою, откуда сохранилось выраженіе „быть подъ пятою“ и другое выраженіе „быть подъ башмакомъ“, когда говорится о подчиненіи мужа своей женѣ, изъ чего референтъ заключаетъ, что оттискъ ханской стопы могъ служить знакомъ господства хана. Толкованіе басмы, приводимое Нарбутомъ, референтъ склоненъ принять какъ болѣе вѣроятное, отвергая другія толкованія. С. Е. Саковъ, по поводу прочитаннаго реферата, замѣтилъ, что существительное басма вполнѣ возможно производить отъ глагола „басмакъ“ — оттискивать, отпечатывать и что съ точки зрѣнія восточныхъ обычаевъ и пріемовъ свѣдѣнія Нарбута о басмѣ вполнѣ возможны. Д. Ѳ. Кобеко, самъ занимавшійся вопросомъ о басмѣ, указалъ на варіанты правописанія слова „басма“—пасма, пасьма, пайсма; „пайса“, упоминаемая въ одномъ изъ ханскихъ ярлыковъ, также представляетъ одинъ изъ варіантовъ.

Г. А. Муркосъ прочелъ: „Великая церковь Кіево-печерской лавры въ половинѣ XVII в. по описанію Павла Алеппскаго, сына Макарія, патріарха Александрійскаго“. Церковь основана въ 1073—1089 гг., разорена въ 1240 г. и вполнѣ возстановлена въ 1470 г. Въ 1718 г. она сгорѣла, вслѣдствіе чего описаніе Павла, сдѣланное до пожара 1718 г. послѣ котораго она получила иной видъ, представляетъ интересъ. Въ половинѣ XVII в. она еще сохраняла отчасти свой первоначальный объемъ и нѣкоторыя изъ древнихъ украшеній: мозаики въ апсидѣ главнаго алтаря, мраморные полы, барельефы. Это описаніе выпущено въ англійскомъ переводѣ путешествія патр. Макарія и въ настоящемъ случаѣ сообщается впервые.

Великая церковь выстроена изъ камня и кирпича; 9 куполовъ, крыты жестью, съ золочеными крестами. Форма: 4-угольникъ; длина и ширина по 140 шаговъ, вышина болѣе 60 локтей.

Съ З. стороны три двери, съ Ю. три, съ С. одна.

Въ церкви четыре алтаря. Западный фасадъ, покрытый живописью, его окна, арки, карнизы подробно описаны. СЗ. уголъ имѣетъ башня съ бойницами; въ ней ризница. Подробно описаны Ю. и С. фасады.

Главный куполъ съ 12 окнами; на немъ главка. Число всѣхъ оконъ около 80—со стеклами и желѣзными рѣшетками. Двери—съ рѣшетчатыми желѣзными створами.

Церковь раздѣлена на 3 нефа.

Въ передней части *нарѳекса* справа и слѣва двѣ большія иконы Господа и Богоматери (подробно описаны). Во второмъ отдѣленіи *нарѳекса:*

огромные столбы; мѣдное паникадило (подробно описано); направо арка, облицованная мраморомъ, съ письменами и барельефами; надъ ней два рельефныхъ же изображенія (изъ краснаго камня) князей (строителей церкви, по автору), отца и сына (первое—подробно описано).

Хоросъ. Полъ изъ плитъ краснаго камня. Посрединѣ амвонъ съ 2 ступенями. Архіерейское мѣсто у праваго клироса. 2 клироса съ формами.—Изображеніе Господа въ куполѣ.—Хоры надъ нарѳексомъ выходятъ на хоросъ.—Иконостасъ (описаны: распятіе и мѣстныя иконы).—Подробное описаніе подсвѣчниковъ: 2 мѣдныхъ (каждый на 4 львахъ) передъ главнымъ алтаремъ; передъ другими деревянные золоченые. Свѣчи (зеленыя) расположены полуаркой.

Главный алтарь. Въ конхѣ мозаикой: Богоматерь, стоя, благословляющая, съ платомъ у пояса, ниже Господь съ архіереями.—Полъ изъ мелкой мозаики. Горнее мѣсто съ 3 ступенями; надъ нимъ выложено мозаикой.—Шкафы съ сосудами и облаченіями.

Сѣверный алтарь—во имя Іоанна Крестителя, здѣсь совершается проскомидія на престолѣ; въ конхѣ — изображеніе его съ крыльями. — Мѣсто для умыванія рукъ съ зеркаломъ.—Передъ дверьми алтаря—рака съ мощами св. Іуліаніи (княжны Ольшанской). Подробно описано стѣнное изображеніе Успенія.

4-ый алтарь—во имя св. Николая.

Послѣднее сообщеніе сдѣлалъ М. В. Никольскій—„О древнихъ спрскихъ рукописныхъ Евангеліяхъ“, присланныхъ кн. А. А. Гагаринымъ. Остатки перваго Евангелія „тетръ“, 33 листа, принадлежатъ VII—VIII вв., второго Евангелія — богослужебнаго, VIII вѣка, сохранилось 10 листовъ, шесть листовъ третьяго богослужебнаго Евангелія указываютъ на VIII—IX вѣкъ. Всѣ присланныя Евангелія написаны письменами Эстрангело и, по мнѣнію референта, могли бы происходить изъ монастыря Аввы Макарія на Нилѣ. Этотъ монастырь былъ главнымъ хранилищемъ подобныхъ рукописей, и богатство его до сихъ поръ еще не исчерпано.

16-го января 1897 г. въ старомъ зданіи Московскаго университета происходило засѣданіе Общества Испытателей Природы. Между прочимъ, было сдѣлано сообщеніе М. В. Павловой о мамонтѣ, найденномъ близъ Ярославля лѣтомъ 1896 г. Скелетъ мамонта найденъ неполнымъ, на значительной глубинѣ, при чемъ вмѣстѣ съ нимъ не оказалось никакихъ признаковъ существованія человѣка, вопреки прежнимъ газетнымъ сообщеніямъ объ этой находкѣ: большое количество черепковъ посуды было найдено не въ одномъ слоѣ съ костякомъ, а въ выше лежащихъ слояхъ. (Русск. Вѣд., № 24, 1897 г.).

24-го января 1897 г., въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Археологическаго института состоялось четвертое собраніе Общества любителей архео-

логіи и исторіи, на которомъ г. Бобковъ прочелъ рефератъ объ общинѣ на Руси въ ея историческомъ развитіи. (Нов. Вр., № 7513, 1897 г.).

18-го января 1897 г. состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Докладчикомъ выступилъ Д. В. Айналовъ, сообщившій отчетъ о поѣздкѣ своей на Аѳонъ лѣтомъ 1896 г. Докладчикъ сдѣлалъ это путешествіе по порученію нашего Археологическаго института и выяснилъ громадное число памятниковъ искусства и письменности, хранящихся въ аѳонскихъ монастыряхъ и ожидающихъ еще своего изученія и воспроизведенія въ печати. Докладчикъ демонстрировалъ многіе фотографическіе снимки съ обслѣдованныхъ имъ предметовъ древности. Обращаютъ на себя вниманіе въ Пантелеймонскомъ монастырѣ артосница Михаила Комнина, въ Иверскомъ монастырѣ—крестъ Іоанна Цимисхія, въ Андреевскомъ скитѣ—Евангеліе XI вѣка съ миніатюрами IX вѣка и мн. др. (Нов. Вр., № 7508, 1897 г.).

29-го января 1897 г. состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками явились: графъ А. А. Бобринскій—„Изслѣдованіе большого майдана на границѣ Кіевской и Херсонской губерній“ и С. В. Рождественскій—„Извѣстія о намѣстничьихъ кормахъ въ Псковской области въ XVI в.“, Графъ А. А. Бобринскій сообщилъ о произведенной имъ въ 1896 г. раскопкѣ большого майдана у села Цвѣтная въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Этотъ майданъ, перерытый кладоискателями, какъ можно судить по его остаткамъ, представлялъ въ первоначальномъ своемъ построеніи обширный бугоръ, окруженный высокимъ валомъ, съ четырехъ сторонъ коего выдаются расположенные попарно полукруглые валы, въ видѣ клещей; діаметръ всѣхъ насыпей свыше 100 саж. Въ археологической литературѣ майданъ извѣстенъ съ прозвищемъ „Горгоны“, которое ему далъ г. Подберезскій, описавшій майданъ въ „Трудахъ Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей“. Поводомъ къ послѣдней раскопкѣ послужила случайная находка скиѳской могилы въ одномъ изъ валовъ майдана, сдѣланная кладоискателями. Предметы скиѳскаго быта, доставленные въ Императорскую археологическую коммиссію, возбудили интересъ, и коммиссія поручила изслѣдовать насыпь. Раскопка обнаружила присутствіе въ кругломъ валу богатаго погребенія извѣстнаго скиѳскаго типа. Добыто много золотыхъ предметовъ, какъ-то: обручъ, фибула, разныя бездѣлушки и обычныя бляшки, нашивавшіяся на одѣянія; найдено также серебряное блюдо и серебряныя пряжки, желѣзныя стрѣлы, остатки брони, обломки греческихъ амфоръ. Изслѣдованіе майдана во всемъ его цѣломъ не могло быть произведено. Докладчикъ обнаружилъ во многихъ мѣстахъ подземные ходы на большой глубинѣ, правильно построенные и ве-

дущіе въ разныя стороны, но ходы эти кое-гдѣ обрушились и засыпаны землей. Судя по сосѣднимъ курганамъ, также изслѣдованнымъ докладчикомъ, графъ А. А. Бобринскій склоненъ отнести постройку майдана къ глубокой древности, къ такъ называемой „каменно-бронзовой“ эпохѣ.

С. В. Рождественскій сообщилъ найденныя имъ въ писцовыхъ книгахъ Псковской области восьмидесятыхъ годовъ XVI в. данныя о намѣстничьихъ кормахъ. Эти извѣстія сообщаютъ нѣсколько интересныхъ фактовъ для характеристики намѣстничьяго управленія въ московскомъ государствѣ и дѣйствовавшей тогда податной системы. (Нов. Вр., № 7519, 1897 г.).

---

11 декабря 1896 г. въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома состоялось первое годичное общее собраніе членовъ Туркестанскаго Кружка любителей археологіи подъ личнымъ предсѣдательствомъ его почетнаго предсѣдателя барона А. Б. Вревскаго. Оно началось чтеніемъ слѣдующаго краткаго отчета о дѣятельности Кружка:

„11 декабря настоящаго 1896 года исполнился годъ со дня открытія Туркестанскаго Кружка любителей археологіи. На основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 19-го октября 1895 г., г. министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь Деляновъ, утвердилъ 31 того же октября уставъ Кружка, а 11 декабря почетный предсѣдатель Кружка, г. туркестанскій генералъ-губернаторъ баронъ Александръ Борисовичъ Вревскій, пригласилъ наличныхъ членовъ-учредителей Кружка въ генералъ-губернаторскій домъ, и тамъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ его высокопревосходительства, состоялось первое засѣданіе членовъ-учредителей, на которомъ былъ заслушанъ утвержденный уставъ Кружка, выбраны члены правленія, указана задача Кружка и намѣчены первыя распорядительныя мѣропріятія правленія его. Съ этого дня правленіе Кружка, въ составѣ вице-предсѣдателя Н. П. Остроумова, секретаря П. С. Лыкошина и казначея С. А. Лидскаго, приступило къ выполненію возложенныхъ на него обязанностей, а въ настоящемъ собраніи имѣетъ честь представить вниманію гг. членовъ краткій отчетъ о дѣятельности Кружка за первый годъ его существованія.

„При выполненіи широкой задачи, указанной § 2 устава Кружка, правленіе было одушевляемо просвѣщеннымъ вниманіемъ почетнаго предсѣдателя барона Александра Борисовича Вревскаго къ дѣятельности нашего Кружка и сочувствіемъ гг. членовъ къ интересамъ мѣстной археологіи.

„Г. почетный предсѣдатель, открывая дѣйствія Кружка, указалъ въ своей рѣчи, что Туркестанскому археологическому Кружку предстоитъ собрать какъ можно больше матеріала для освѣщенія древняго періода среднеазіатской исторіи, такъ какъ судьба привела насъ, арійцевъ, въ мѣста древняго населенія нашихъ предковъ, и что поэтому на насъ лежитъ священная обязанность собрать и сохранить историческіе памятники нѣкогда процвѣтавшей въ Азіи арійской культуры, которую нынѣ мы призваны возстановить. Вмѣстѣ съ тѣмъ его превосходительство высказалъ увѣренность, что друж-

ныя усилія членовъ Кружка принесутъ не мало пользы исторической наукѣ вообще и археологіи въ частности. (См. проток. засѣд. членовъ-учредителей отъ 11 дек. 1895 г.).

„Открывъ дѣйствіе Кружка и намѣтивъ главную задачу дѣятельности его членовъ, г. почетный предсѣдатель Кружка принялъ на себя трудъ пригласить въ члены Кружка разныхъ лицъ края, интересующихся археологіей, сдѣлалъ значительный вкладъ (250 р.) въ денежный фондъ Кружка и затѣмъ лично предсѣдательствовалъ въ общихъ собраніяхъ членовъ Кружка, происходившихъ въ собственномъ его помѣщеніи. Только одно засѣданіе, 3 іюля, во время отсутствія его высокопревосходительства, происходило подъ предсѣдательствомъ и. д. туркестанскаго генералъ-губернатора, графа П. Я. Ростовцева,

„На приглашеніе его превосходительства изъявили согласіе вступить въ члены Кружка разныя лица, которыя и были избраны въ число дѣйствительныхъ членовъ Кружка.

„Правленіе считаетъ пріятнымъ долгомъ упомянуть, что открытіе въ Ташкентѣ археологическаго кружка было сочувственно привѣтствовано Восточнымъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (См. проток. общаго собранія отъ 26 февраля 1896 г.).

„Дѣятельность правленія началась чтеніемъ въ общихъ собраніяхъ сообщеній археологическаго характера [1]). При этомъ предлагались на обсужденіе гг. членовъ Кружка разные вопросы археологическаго характера и собирались свѣдѣнія о находящихся въ различныхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края памятникахъ старины. Сообщенія, заслушанныя на общихъ собраніяхъ и протоколы засѣданій, по предложенію дѣйствительнаго члена Кружка Е. Т. Смирнова, печатались въ редактируемомъ имъ „Средне-Азіатскомъ Вѣстникѣ“, и отдѣльные оттиски этихъ сообщеній и протоколовъ доставлялись правленіемъ членамъ Кружка.

„Въ засѣданіи 3 іюня 1896 года собранію былъ доложенъ присланный изъ С.-Петербурга дѣйствительнымъ членомъ Кружка В. В. Бартольдомъ, весьма интересный рефератъ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азіи“, (Напечатанъ въ іюльской книжкѣ „Средне-Азіатскаго Вѣстника). Въ виду того, что В. В. Бартольдъ находитъ крайне желательнымъ скорѣйшее появленіе перевода на русскій языкъ извѣстнаго сочиненія „Исторія Бухары“ Наршахи, дошедшаго до насъ въ персидскомъ изложеніи XII вѣка, членъ-секретарь Н. С. Лыкошинъ выразилъ желаніе заняться переводомъ этой книги и въ настоящее время переводъ текста уже оконченъ и редактируется В. В. Бартольдомъ. На изданіе этого перевода послѣдовало согласіе г. почетнаго предсѣдателя Кружка барона Александра Борисовича Вревскаго, указавшаго и необходимыя средства для этого изданія.

[1]) Отчеты о засѣданіяхъ 22 января, 26 февраля и 1 апрѣля 1896 г., см. въ „Арх. Изв. и Зам.“ 1896 г., №№ 7—8, стр. 241—243.

„По указанію В. В. Бартольда на гор. Пайкентъ близъ Бухары, Тункентъ въ долинѣ р. Ангрена и Шахристанъ близъ Уратюбе, правленіе собираетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о древнѣйшихъ урочищахъ. О развалинахъ г. Пайкента сообщено начальнику военно-топографическаго отдѣла С. И. Жилинскому, которымъ предложено работающему въ окрестностяхъ Бухары классному топографу нанести на планъ остатки этихъ древностей, а описаніе развалинъ древняго города Шахристана сдѣлано членомъ Кружка Н. С. Скварскимъ. (Напечатано въ октябр. книжкѣ „Средне-Азіатскаго Вѣстника“).

„Въ томъ же засѣданіи была заслушана составленная дѣйствительнымъ членомъ Кружка С. М. Граменицкимъ, „Инструкція для членовъ-корреспондентовъ Т. К. Л. А.“, въ которой изложены общія требованія, какимъ должно удовлетворять описаніе остатковъ древности. По опредѣленію собранія, инструкція была напечатана въ протоколѣ засѣданія и въ отдѣльныхъ оттискахъ разослана С. М. Граменицкимъ подвѣдомственнымъ ему учителямъ народныхъ училищъ Сырдарьинской области.

„Въ засѣданіе 26 августа 1896 года, въ виду того, что гг. членамъ Кружка въ ихъ археологическихъ работахъ очень нерѣдко приходится встрѣчаться съ сохранившимися въ краѣ легендами объ Александрѣ Македонскомъ, извѣстномъ у туземцевъ подъ именемъ Искандара Зуль-Карнайна, вице-предсѣдатель кружка Н. П. Остроумовъ сдѣлалъ сообщеніе на тему „Въ какомъ смыслѣ Александръ Македонскій называется у туземцевъ Зуль-Карнайномъ, т. е. двурогимъ“, и познакомилъ слушателей съ содержаніемъ древнегреческихъ и позднѣйшихъ мусульманскихъ преданій, объясняющихъ происхожденіе этого прозвища (Сообщеніе это напечатано въ сентябр. кн. „Средне-Азіатскаго Вѣстника“).

„Въ томъ же засѣданіи было доложено объ археологическихъ экскурсіяхъ, сдѣланныхъ во время лѣта нѣкоторыми членами Кружка, о раскопкахъ на холмѣ Шашъ-типа, въ 12 в. по Самаркандскому почтовому тракту, и сообщеніе А. А. Диваева о древнихъ урочищахъ въ Акджарской волости Ташкентскаго уѣзда.

„Засѣданіе 28 октября 1896 г. было, главнымъ образомъ, посвящено чтенію интересныхъ сообщеній дѣйствительныхъ членовъ Кружка В. А. Каллаура и И. В. Аничкова, совершившихъ нѣсколько археологическихъ поѣздокъ по Ауліеатинскому уѣзду и описавшихъ наиболѣе интересныя въ археологическомъ отношеніи урочища Ауліеатинско-Меркенскаго угла Туркестанскаго края, гдѣ, какъ извѣстно, сохранились слѣды распространеннаго тамъ въ древности несторіанства (Напечатано въ октябр. кн. „Средне-Азіатскаго Вѣстника“).

„Въ этомъ же собраніи разрѣшился вопросъ о временномъ помѣщеніи музея въ одномъ изъ корпусовъ Ташкентской опытной плантаціи, гдѣ двѣ археологическихъ находокъ отведены г. военнымъ губернаторомъ области Н. И. Корольковымъ двѣ комнаты. Въ настоящее время находящіеся въ

въ распоряженіи Кружка археологическіе предметы перенесены въ это помѣщеніе. Въ распоряженіи Кружка имѣется также 10 названій книгъ, содержаніе которыхъ касается, главнымъ образомъ, нумизматики, и небольшая коллекція монетъ, пожертвованныхъ Кружку членомъ Х. В. Гельманомъ и нѣкоторыми другими лицами. Членъ Кружка И. И. Трофимовъ занятъ составленіемъ хронологической таблицы мусульманскихъ династій, какъ пособія для нумизматическихъ справокъ.

„Нѣкоторые интересные въ археологическомъ отношеніи холмы и урочища Туркестанскаго края осмотрѣны и нанесены на планы; нѣсколько археологическихъ находокъ было пріобрѣтено правленіемъ у частныхъ лицъ; они вошли въ коллекцію организуемаго музея. Большихъ археологическихъ работъ правленіе не производило, не рѣшаясь на первыхъ порахъ затрачивать большія суммы безъ предварительнаго изученія археологическихъ мѣстностей края. Кромѣ указанныхъ дѣйствій правленія и членовъ Кружка, правленіе входило въ сношеніе съ Императорской Археологической коммиссіей и археологическими обществами Московскимъ и С.-Петербургскимъ, а также съ Лейпцигскимъ этнографическимъ музеемъ.

„Правленіе считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать о любезномъ содѣйствіи, оказанномъ ему гг. членами Кружка: С. И. Жилинскимъ, командировавшимъ въ сел. Той-тюбе и окрестности чиновника топографическаго отдѣла для снятія на планъ холмовъ Той-тюбинскаго и „Имишъ-казы“, Г. Я. Мейеромъ, командировавшимъ пять человѣкъ саперъ для раскопокъ холма Шашъ-типа, Д. В. Назаровымъ, приготовившимъ нѣсколько фотографій съ археологическихъ предметовъ, и Н. И. Ивановымъ, доставившимъ въ Ташкентъ четыре каменныя бабы изъ Ауліеата.

„На основаніи изложеннаго, правленіе считаетъ себя въ правѣ высказать, что въ первый годъ существованія Кружка было положено основаніе для будущей дѣятельности Кружка, а успѣхъ его будетъ зависѣть отъ сочувствія задачамъ мѣстной археологіи и дѣятельнаго содѣйствія гг. членовъ Кружка новому правленію, о составѣ котораго предстоитъ рѣшеніе настоящему собранію.

„Число членовъ Кружка, поименно перечисленныхъ въ прилагаемомъ при отчетѣ спискѣ, къ концу отчетнаго года было болѣе 100 человѣкъ, что наглядно указываетъ на сочувствіе туркестанскаго общества ко вновь возникшему учрежденію.

„Средства Кружка составляли: 250 р., пожертвованныхъ г. почетнымъ предсѣдателемъ Кружка барономъ А. Б. Вревскимъ, и 398 р., внесенныхъ гг. членами Кружка, согласно § 6 устава Кружка, а всего 648 руб. Изъ этой суммы было произведено разныхъ расходовъ на сумму 519 р. 87 к., а 128 р. 13 к. хранятся въ Ташкентскомъ отдѣленіи Государственнаго банка по книжкѣ за № 11392.

„Общее собраніе благоволитъ разсмотрѣть оправдательные документы произведенныхъ правленіемъ Кружка расходовъ“.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

По выслушаніи отчета почетный предсѣдатель обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой еще разъ выяснилъ съ полною убѣдительностью, что главнѣйшею задачею Кружка должны быть изысканія относительно слѣдовъ пребыванія арійцевъ въ Средней Азіи и ихъ культуры того отдаленнаго времени.

Вице-предсѣдатель Н. П. Остроумовъ доложилъ общему собранію, что правленіе Кружка, начавшаго свое существованіе годъ тому назадъ, дѣйствовало за отчетный періодъ съ крайнею осторожностью въ совершенно новомъ для себя дѣлѣ. Сознавая первостепенную важность задачи, указанной почетнымъ предсѣдателемъ еще при самомъ открытіи Кружка, оно въ то же время отчетливо представляетъ себѣ и всю трудность рѣшенія этой задачи исключительно путемъ обычныхъ археологическихъ пріемовъ, такъ какъ слѣды арійской культуры покрыты наслоеніями двухъ другихъ, слѣдовавшихъ за нею культуръ. Въ заключеніе Н. П. Остроумовъ сказалъ, что въ данномъ случаѣ можетъ оказаться весьма полезнымъ методъ изслѣдованія исторіи страны, предложенный недавно нѣмецкимъ ученымъ Августомъ Мейценомъ и основанный на сравнительномъ изученіи развитія мѣстнаго земледѣлія и землевладѣнія въ ихъ первоначальныхъ стадіяхъ.

По этому случаю баронъ А. Б. Вревскій замѣтилъ, что археологическія изслѣдованія, по самой своей сущности, совершаются вообще весьма медленно и требуютъ отъ дѣятелей на этомъ поприщѣ большого терпѣнія, но въ то же время, какъ показываютъ примѣры Египта, Ассиріи и Вавилона, бываютъ моменты, когда какая-нибудь счастливая мысль или находка сразу открываютъ новые и обширные горизонты и въ самое короткое время наверстываются многіе годы кажущагося замедленія.

Въ виду окончанія полномочій правленія Кружка, были произведены вслѣдъ за этимъ выборы членовъ правленія на предстоящій годъ, и большинствомъ 23 голосовъ противъ 7 избраны прежніе члены правленія: вице-предсѣдателемъ—Н. П. Остроумовъ, секретаремъ — Н. С. Лыкошинъ и казначеемъ—С. А. Лидскій.

По окончаніи выборовъ почетный предсѣдатель обратился къ присутствующимъ съ предложеніемъ—не пожелаетъ ли кто-нибудь при его содѣйствіи приступить къ изслѣдованію древнѣйшаго періода исторіи арійскаго племени. По поводу этого предложенія членъ Кружка Н. А. Авиновъ высказалъ мнѣніе, что для работъ Кружка въ этомъ направленіи ему было бы полезно войти въ сношеніе съ обществомъ, занятымъ тѣмъ же предметомъ, а именно съ Бомбейскимъ археологическимъ обществомъ, въ трудахъ котораго уже имѣются нѣкоторыя частныя изслѣдованія, касающіяся предложенной темы.

Далѣе членомъ-секретаремъ были прочитаны:

1) Сообщеніе члена Кружка И. В. Аничкова, посвященное описанію найденныхъ имъ близъ Мерке каменныхъ бабъ.

2) Сообщеніе Б. А. Каллаура о снятыхъ имъ съ камня надписяхъ, напоминающихъ орхонскія.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

3) Сообщеніе полковника Панкова о посѣщеніи имъ пещеръ близъ г. Ауліеата.

4) Сообщеніе г-на Баронина объ интересномъ курганѣ на берегу р. Арыса, до половины отмытомъ водой и потому требующемъ скорѣйшаго изслѣдованія.

Собранію было доложено письмо его высочества Эмира Бухарскаго о сдѣланномъ имъ распоряженіи относительно охраненія находящихся въ Бухарскомъ ханствѣ памятниковъ старины и о высылкѣ археологическихъ находокъ въ музей Кружка.

Въ заключеніе вице-предсѣдатель доложилъ о нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по мѣстной археологіи, добытыхъ чинами военно-топографическаго отдѣла въ Андижанскомъ уѣздѣ и на развалинахъ древняго города Байкенда близъ Бухары, а также упомянулъ о найденномъ П. Р. Крошковымъ въ Кукчинской части города Ташкента кувшинчикѣ съ надписью. (Туркестанскія вѣд. № 95, 1896 г.).

IV

Библіографія.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, собранные и изданные Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ на Высочайше дарованныя средства. Выпускъ II, подъ редакціей гр. Уваровой. Съ 201 цинкографіей, 24 табл. и 1 картою. Москва, 1896 г. (II+261 стр.).

Содержаніе: *О. Е. Клеръ и К. И. Ѳаддеевъ.* Гончарное производство доисторическаго человѣка, жившаго на городищѣ у деревни Палкино, на р. Исети (1—12). *Н. Г. Первухинъ.* Опытъ археологическаго изслѣдованія Глазовскаго уѣзда, Вятской губ. (13—121). Примѣчанія редакціи къ предъидущей статьѣ (122—127). *Н. Г. Первухинъ.* По слѣдамъ Чуди. У верховьевъ р. Камы (128—160). *Того-же автора.* Краткій очеркъ кладовищъ, встрѣчающихся въ Глазовскомъ уѣздѣ (161—173). *И. Т. Савенковъ.* Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ (175—261).

Dr. H. Matiegka. Anthropophagie in der prähistorischen Ansiedlung bei Knovize u. in der prähistorischen Zeit überhaupt (съ 1 табл. въ Mittheil. d. Anthr. G. in Wien, 1896. Bd. XXVI, № 3) [1]). Раскопки около Knovize въ Чехіи обнаружили ямы для отбросовъ; такимъ ямъ было открыто 52, при чемъ въ 12 изъ нихъ были найдены между прочимъ и человѣческія кости. На основаніи археологическихъ данныхъ, ямы должны быть отнесены къ

[1]) Статья г. Matiegka была помѣщена вначалѣ въ Památky archaeol. XVI и затѣмъ въ виду интереса ея для первобытной культуры переведена на нѣмецкій языкъ.

бронзовому вѣку. Dr. Matiegka, по изученіи содержимаго указанныхъ ямъ равно и детальнаго изслѣдованія человѣческихъ костей, приходитъ къ заключенію, что встрѣчающіяся среди отбросовъ пищи человѣческія кости представляютъ слѣды пиршества, сопровождавшагося антропофагіей. Приводимыя имъ доказательства вполнѣ убѣдительны: въ ямахъ (за исключеніемъ одного случая находки дѣтскаго скелета) не было найдено цѣлыхъ костяковъ. Отдѣльныя лежащія въ безпорядкѣ кости свидѣтельствуютъ, по мнѣнію автора, что тѣло разрубалось гдѣ-нибудь на куски, которые и уносились населеніемъ въ жилыя помѣщенія, при чемъ послѣ употребленія мяса въ пищу кости бросались въ ямы вмѣстѣ съ другими отбросами. Дѣйствительно, человѣческія кости были найдены вмѣстѣ съ костями животныхъ, съ черепками битой посуды, золой и т. п. За предположеніе, что субъекты, которымъ принадлежали кости, были съѣдены, говорятъ и слѣдующія соображенія: значительная часть костей носила слѣды пребыванія въ огнѣ; мясо, повидимому, жарилось; кромѣ того, весьма многія кости расколоты, очевидно для добыванія мозга; наконецъ, въ каждой изъ изслѣдованныхъ ямъ находились кости, принадлежащія различнымъ субъектамъ. Количество костей, принадлежавшихъ молодымъ субъектамъ, значительно превышало число принадлежавшихъ пожилымъ. На основаніи всего этого г. Matiegka приходитъ къ выводу, что населеніе доисторической стоянки у Knovize въ періодъ бронзовой культуры практиковало антропофагію. Въ виду того, что въ ямахъ встрѣчали самыя различныя части скелетовъ, предположеніе объ обрядовой антропофагіи, когда въ пищу употребляются только извѣстныя части тѣла, падаетъ само собой; очевидно также, что не голодъ заставлялъ древнихъ насельниковъ стоянки прибѣгать къ людоѣдству, такъ какъ количество костей животныхъ свидѣтельствуетъ объ обезпеченности населенія мясной пищей. Большее количество костей дѣтей и молодыхъ сравнительно съ костями пожилыхъ субъектовъ служитъ косвеннымъ указаніемъ и на эндоканибализмъ.

Что нѣкогда доисторическій насельникъ культурныхъ центровъ современной Европы не дѣлалъ исключенія изъ большинства дикарей и въ дѣлѣ употребленія въ пищу человѣка, можно было принимать a priori. Кромѣ того, это положеніе находило себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ древнихъ писателей и въ данныхъ изъ области обрядовъ, сказаній, суевѣрій и т. п. Геродотъ, Діодоръ, Страбонъ, св. Іеронимъ и др. упоминаютъ о людоѣдахъ въ Европѣ (иберахъ, скиоахъ, населеніи Галліи); извѣстіе о бывшихъ нѣкогда человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у цѣлой массы народностей Европы свидѣтельствуетъ до извѣстной степени, въ виду тѣсной связи между антропофагіей и человѣческими жертвоприношеніями, о существованіи первой и на почвѣ Европы. Слѣды ея можно въ обиліи отыскать въ сказкахъ, преданіяхъ и пр. Но почти всѣ имѣющіяся по этому вопросу непосредственныя свѣдѣнія частью относятся къ мѣстностямъ, стоявшимъ вдали отъ культурныхъ центровъ древности (массагеты, иссидоны, Кавказъ и пр.), частью говорятъ только или о ритуальной антропофагіи, или объ употребленіи въ

пищу человѣка подъ вліяніемъ крайности (иберы, галлы и пр.). Въ виду этого казалось возможнымъ выдѣлять западную Европу въ отношеніи распространенія антропофагіи въ особый районъ въ отличіе отъ другихъ материковъ. Данныя археологіи содѣйствовали восполненію пробѣла въ данныхъ объ антропофагіи: еще въ 40-хъ годахъ Спрингъ старался на основаніи находокъ костей въ пещерахъ Бельгіи доказать обычай людоѣдства у древнихъ обитателей ея. Раскопки стоянокъ, какъ дилювіальнаго періода, такъ и неолитическаго и бронзоваго давали указанія, что доисторическій человѣкъ современной Франціи, Испаніи, Италіи, Даніи, Германіи, славянскихъ земель Австріи пользовался въ разное время человѣкомъ, какъ пищевымъ продуктомъ. Но съ одной стороны, далеко не всѣ свѣдѣнія этого рода могли считаться достовѣрными, съ другой—возбуждающія довѣріе данныя до настоящаго времени крайне малочисленны. Вслѣдствіе этого уже наблюденія г. Matiegka заслуживали бы особаго вниманія. Ихъ интересъ и научное значеніе поднимается еще тѣмъ, что детальное изученіе стоянки и ея находокъ дало возможность сдѣлать фактъ существованія неритуальнаго и не вынужденнаго голоданіемъ канибализма почти безспорнымъ въ указанной мѣстности. Наука такимъ образомъ пріобрѣтаетъ не только новое, крайне цѣнное свѣдѣніе о географическомъ распространеніи антропофагіи въ Европѣ, но еще и очень вѣское доказательство, что доисторическій человѣкъ западной Европы и въ этомъ отношеніи не дѣлалъ исключенія сравнительно съ дикарями другихъ материковъ. Археологія, какъ и этнографія, обогащаются, благодаря труду г. Matiegka, одинаково цѣннымъ и важнымъ для нихъ фактомъ. *Н. Х.*

Э. Піетъ (Piette), которому доисторическая археологія обязана крайне цѣнными находками статуэтокъ, изображающихъ людей, населявшихъ югъ Франціи въ эпоху дилювія, опубликовалъ въ *Anthropologie* (VII, 1897, 4) результатъ, сдѣланныхъ имъ при изслѣдованіи Mas-d'Azil находокъ крашеныхъ камней. Въ промежуточномъ слоѣ между палеолитической и неолитической эпохами г. Піетомъ найдена масса небольшихъ плоскихъ камней, поверхность которыхъ покрыта рисунками, сдѣланными минеральной краской, добываемой изъ окрестныхъ горныхъ породъ. Рисунки сдѣланы преимущественно розовой или красной краской. Изслѣдователь относитъ ихъ къ періоду, когда по исчезновеніи сѣв. оленя населеніе юга Франціи постепенно забыло процвѣтавшее въ предшествующую эпоху искусство рѣзьбы на кости и перешло къ окрашиванію предметовъ. Рисунки на камняхъ крайне грубы: это преимущественно прямыя, волнистыя и ломанныя линіи, круги, эллипсисы, изображенія креста и т. п. Изслѣдователь считаетъ часть рисунковъ пиктографическими знаками (изображеніями змѣй, деревьевъ, животныхъ, орудій), или символическими изображеніями (напримѣръ, солнца), но значительную часть ихъ онъ относитъ къ числу цифровыхъ и алфавитныхъ знаковъ: „это своего рода письмо, смыслъ котораго остается для насъ

тайной". Сравнивая рисунки на камняхъ, съ одной стороны, со знаками на рѣзныхъ издѣліяхъ изъ кости предшествующей эпохи, а съ другой, съ знаками древнѣйшей письменности Кипра, Эгеи и Троады, авторъ высказываетъ предположеніе, что зачатки письменности, появившись въ западной Европѣ (въ области Пиринеевъ, гдѣ находится Mas-d'Azil), были занесены миграціями народовъ съ запада на востокъ. Сравненіе финикійскаго алфавита съ знаками изъ Mas-d'Azil приводитъ г. Піета къ предположенію, что финикіяне во время торговыхъ сношеній заимствовали письменные знаки у древнихъ обитателей зап. Европы, усовершенствовали ихъ и измѣнили ихъ значеніе, но не форму. Такъ какъ древнѣйшая греческая цивилизація уже пользовалась азбукой типа Mas-d'Azil, то воспріятіе усовершенствованной финикіянами азбуки совершилось съ чрезвычайной легкостью. Открытія г. Піета безусловно представляютъ выдающійся интересъ, такъ какъ открываютъ новую сторону проявленія художественнаго творчества доисторическаго обитателя западной Европы, но выводы его представляютъ лишь смѣлую и бездоказательную гипотезу. Къ статьѣ приложены рисунки и кромѣ того прекрасно исполненный въ краскахъ альбомъ изображеній камней изъ Mas-d'Azil.

J. Hampel напечаталъ въ Zeitschrift f. Ethnologie, т. XXVIII, 2 (1896 г.) интересную работу, посвященную изслѣдованію до настоящего времени спорнаго вопроса о существованіи такъ называемаго „Мѣднаго вѣка" въ Европѣ (Neuere Studien ueber die Kupferzeit). Какъ извѣстно, вопросъ, перешло-ли европейское населеніе при знакомствѣ съ металлами непосредственно отъ камня къ бронзѣ, или пережило до знакомства съ послѣдней стадію развитія, когда единственнымъ металломъ для орудія была мѣдь, остается еще невыясненнымъ. Детальное изученіе 500 предметовъ (орудій, оружія и украшеній) изъ мѣди, найденныхъ въ Венгріи, равно и сравненіе ихъ съ мѣдными издѣліями въ Египтѣ, Италіи, Кипрѣ, Троѣ, Швеціи и пр. приводитъ Гампеля къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Мѣдная культура должна была развиться всюду, гдѣ мѣдь находилась въ значительномъ количествѣ: на Алтаѣ, Уралѣ, въ Кипрѣ, Италіи, Испаніи, Англіи, въ области Альпъ и Карпатовъ. 2) „Мѣдный вѣкъ" слѣдовалъ всюду за каменнымъ; его культура была, вѣроятно, мѣстной, развивавшейся независимо отъ сосѣднихъ областей. 3) Международныя сношенія, начавшіяся еще въ эпоху каменнаго вѣка, продолжалась, однако, и въ теченіе мѣднаго вѣка, вслѣдствіе чего можно отмѣтить слѣды вліянія культуры и производства одной страны на другую. Эти слѣды вліянія выступаютъ съ бо́льшей наглядностью въ Венгріи, благодаря географическому положенію послѣдней въ отношеніи къ различнымъ центрамъ: венгерскія находки мѣднаго вѣка могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи: типы, подражающіе предметамъ каменнаго вѣка; затѣмъ предметы происхожденія южнаго; далѣе формы, соединяющія Венгрію съ урало-алтайской культурой, отдѣльные типы съ образцовъ сѣвер-

ныхъ и западныхъ издѣлій и, наконецъ, предметы совершенно мѣстной культуры. 4) Переходъ отъ мѣднаго къ бронзовому вѣку совершался лишь крайне медленно: въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, въ террамарахъ сѣв. Италіи встрѣчаются бронзовыя издѣлія, имѣющія прототипами мѣдныя издѣлія Венгріи. Быть можетъ, что примѣсь къ мѣди антимонія предшествовала примѣси въ нее олова. Замѣна мѣди бронзой въ Европѣ произошло, по мнѣнію автора, приблизительно въ одно и то же время, около 2000 лѣтъ до начала нашей эры; впрочемъ, мѣдные предметы еще долгое время сосуществовали наряду съ бронзовыми. Если и не всѣ выводы Гампеля представляются одинаково убѣдительными, его работа тѣмъ не менѣе представляетъ выдающійся интересъ и вводитъ дѣло изученія вопроса о существованіи въ Европѣ „мѣднаго вѣка“ въ новый фазисъ. *Н. Х.*

Bulletin de correspondence hellénique. I—X, 1896.

Ἰωάννης Ν. Σβόρωνος. Νομισματικὴ τῶν Δελφῶν (1—54). Библіографическій указатель монетъ Дельфійскихъ по разнымъ европейскимъ собраніямъ; указатель расположенъ хронологически съ 520 года до Р. Х., кончая временемъ Каракаллы (217 по Р. Х.). При статьѣ 6 л. снимковъ.

Paul Perdrizet. Mên. (55—106). Изслѣдованіе о Менѣ (богѣ Лунусѣ). О богѣ Менѣ извѣстны только два письменныхъ свидѣтельства—у Страбона и Лукіана. Эти свѣдѣнія пополняются данными нумизматики, эпиграфики и археологіи, данныя которыхъ авторъ изслѣдованія пожелалъ привлечь къ своему труду или по крайней мѣрѣ привести въ порядокъ „Послѣ изслѣдованія, недавно изданнаго Я. И. Смирновымъ (въ *Στέφανος*ѣ въ честь Θ. Θ. Соколова), я бы еще колебался, заявляетъ авторъ, предпринять столь же обширное изслѣдованіе, если бы я не пришелъ къ мысли, что языкъ, на которомъ написано изслѣдованіе г. Смирнова, дѣлаетъ его изслѣдованіе также мало доступнымъ другимъ, какъ и мнѣ (авторъ статьи о содержаніи труда Я. И. Смирнова зналъ изъ замѣтки С. Рейнака Chr. d'Or. 1895 и B. Phil. Woch.), и если бы я не былъ увѣренъ, что мой трудъ можетъ представить интересъ, благодаря изданію новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ“. Все изслѣдованіе автора распадается на пять главъ: 1) Менъ въ Малой Азіи, 2) распространеніе его культа внѣ предѣловъ Анатоліи, 3) названіе бога Мена, 4) его происхожденіе, 5) его качества, аттрибуты и его функціи. Въ первой главѣ собранъ эпиграфическій матеріалъ—рядъ надписей, посвященныхъ въ честь бога Мена, какъ бога-цѣлителя, бога справедливости, а также изображенія его ребенкомъ. Въ результатѣ, данныя нумизматики и эпиграфики показываютъ, что культъ Мена распространенъ былъ на всемъ пространствѣ древней Фригіи, внѣ ея встрѣчался только спорадически; такимъ образомъ, Менъ, подобно Кибелѣ, Аттису или Сабазіосу, есть божество фригійское. Въ Греціи культъ его сталъ распространяться по городамъ, имѣвшимъ сношенія съ азіатскими торговцами, приносившими и другіе фригійскіе культы; въ числѣ такихъ городовъ выдѣляются: Пирей, Делосъ, Родосъ, позднѣе Θасосъ, Фи-

липпы и др. Изъ этихъ мѣстъ идетъ большинство монументальныхъ его изображеній (они изданы въ статьѣ и таблицахъ къ ней). У Мена-Лунуса было много прозвищъ (surnoms): помимо общихъ для божества названій (*Φωσφόρος, Οὐράνιος, Τύραννος*), онъ носилъ имя *Καταχθόνιος*, какъ покровитель не только живыхъ, но и умершихъ, а также по мѣсту надписи: *Μὴν Τολησέων, Καβαλῆνος, Ζαβανής, Μοτυλειτής, Καμαρειτής*. Чаще другихъ присоединяется имя *Ἀσκαῖνος, Ἀσκῆνος*, особенно распространенное во Фригіи. Это послѣднее сопоставляется съ финикійскимъ Askoun, и такимъ образомъ происхожденіе Лунуса связывается съ семитическими вѣрованіями, постоянно вліявшими на вѣрованія населенія Малой Азіи съ довольно древнихъ временъ. По своей природѣ это божество доброе, свѣтлое; поклоненіе ему не сопровождалось ни таинствами, ни оргіями, было скромное, почему этотъ культъ не обращалъ на себя такого вниманія, какъ шумные и пышные культы Кибелы, Атиса, Сабазіоса.

G. Radet et H. Ouvré. Inscriptions de Phrygie (107—118). Надписи найдены въ 1893 г. осенью; по времени самая поздняя (ея время только и опредѣляется) относится къ четверовластію (Діоклитіана и Максиміана, Констанція и Галерія).

G. Fougères. Inscriptions de Mantinée (119—166). Сперва идутъ декреты (одинъ до 146 г. до Р. Х.), затѣмъ каталоги (IV в.), посвященія (IV в.), эпитафіи, различные обломки. Надписи сопровождаются (особенно декреты и посвященія) обширнымъ комментаріемъ.

Pierre Fouguet. Inscriptions grecques d'Égypte (167—196). Надписи относятся ко времени: Домиціана, Птоломея и Клеопатры (ок. 114 г. до Р. Х.).

E. Bourguet. Inscriptions de Delphes (197—241). Двѣ большія надписи содержатъ отчетъ совѣта и *ναοποιοί*, относятся къ IV в. Къ надписямъ присоединено обстоятельное изслѣдованіе.

Nouvelles et correspondance (242—250). Здѣсь надписи: изъ Беотіи, Локриды, Фокиды, замѣтки о рукописяхъ съ надписью изъ Фригіи, о графитахъ Египта также эпиграфическаго характера.

Mittheilungen des archeol. Instituts. Rocmische Abtheilung. B. XI, 3. (Rom. 1896).

Ch. Hülsen. Untersuchungen zur Topographie des Palatins (193—212), продолженіе (см. Mittheilung. 1895 г., стр. 252—283); статья не кончена.

Ch. Hülsen. Di una pittura antica ritrovata sull'Esquilino nel 1668. (213—226) (одна иллюстрація въ текстѣ и двѣ таблицы приложеній). Старинная гравюра Bartoli (въ Ichonographia veteris Romae—Bellori), представляетъ воспроизведеніе „ex pictura antiqua“ (какой—не указано) какого-то порта: по мнѣнію однихъ, Тибрскаго подъ Капитоліемъ, противъ Авентина, по мнѣнію другихъ, *pilae* въ Путеоли, по мнѣнію третьихъ, это портъ Поцуоли. Оригиналъ этой гравюры—эта pictura antiqua—считается утраченнымъ. Теперь нашлись слѣды его, нашелся и самый рисунокъ, по которому скомбиниро-

валъ Бартоли свою гравюру: онъ находится въ собраніи рисунковъ коллекціи Виндзорскаго замка, куда онъ перешелъ изъ библіотеки Альбани (въ Римѣ). Здѣсь при отдѣльныхъ зданіяхъ есть подписи ихъ названій. Рисунки и гравюра Бартоли представляютъ берегъ Тибра подъ Капитоліемъ.

Ch. Hülsen. Miscellanea epigrafica (227—257), продолженіе (см. Mittheil. 1895 г., стр. 289—301), гдѣ собраны—tesserae lusoriae (игральныя кости съ надписями), надписи изъ Casalbardino и термъ Тарента. Статья не кончена.

E. Loevy. Ancora dell'ara di Cleomene (258—259; два рисунка въ текстѣ), два новыхъ изображенія на слоновой кости Кенсингтонскаго музея.

E. Petersen. Funde (стр. 260—267): обзоръ находокъ изъ раскопокъ въ Terramare, въ сиракузскомъ некрополѣ (раскопки Арси, самое важное—керамика).

Стр. 268. Некрологъ Фердинанда фонъ-Платнера (15 окт. нов. ст.).

Byz. Zeitschr. B. V, Heft 3—4, S. 567—569.

Incensiere bizantino della Sicilia. Кадильница пріобрѣтена Сиракузскимъ археологическимъ музеемъ. Это сосудъ въ видѣ почти полушарія на подножкѣ конической формы, съ простыми украшеніями въ видѣ параллельныхъ линій, бронзовый, въ діаметрѣ $8^1/_4$ с.; по краю отломанное ушко, противъ него (на $^1/_3$ окружности) дырочка; тамъ, гдѣ должно было быть или третье ушко или замѣняющая его дырочка, край сосуда выломанъ, почему помѣщенная по краю сосуда надпись пострадала. Надпись (довольно безграмотная) издавшимъ сосудъ директоромъ музея П. Арси читается такъ въ исправленномъ видѣ: *Θ(εὸ)ς προσδέξαι ἐμὸν τὸ θυμίαμα τοῦ Πουσαχάρου πρ[εσβυῖ—(έρου)]*. Эту надпись издатель сопоставляетъ съ словами священника при благословеніи кадила: *Θυμίαμά σοι προσφέρομεν, Χριστὲ ὁ Θεὸς ἡμῶν.... ἣν προσδέξαι, Δὲσποτα...* *М. Сп.*

БИБЛИОТЕКА ... Музейной работы

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.; томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ порт. ретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№ 3.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ № 3.

Стр.

I. **А. Соболевскій.** Мономахова шапка и царскій вѣнецъ 65

II. **В. А. Городцовъ.** Слѣды неолитическихъ стоянокъ въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода 68

III. Археологическая хроника 72

IV. Засѣданія Обществъ 80

V. Библіографія 94

VI. Некрологъ 95

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

1962 г. 1965 г.

1897 г. № 3

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1945. БИБЛІОТЕКА НИ Института Краеведческой и Музейной работы 584/3

I.

Мономахова шапка и царскій вѣнецъ.

Послѣдній (5-й) выпускъ „Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства“, графа И. И. Толстого и профессора Н. П. Кондакова, говоритъ между прочимъ о „мономаховой шапкѣ“ русскихъ царей. „Шапка мономахова, говорятъ издатели—не императорская стемма, не королевская корона;... но *она легко могла быть „кесарскимъ“ шлемомъ или почетнымъ золотымъ шишакомъ „кесаря“*... Древнѣйшая часть шапки—восемь пластинокъ; теперешнее полушаріе надъ ними является позднѣйшимъ придаткомъ и не подходитъ къ общей формѣ пластинокъ; концы пластинокъ орнаментированы полукругами, которые должны были имѣть продолженіе, а оставляемое пластинками свободное отверзтіе имѣетъ характерную форму звѣзды и не могло закрываться сферою или полушаріемъ. Слѣдовательно, присутствіе креста на сферѣ въ мономаховой шапкѣ есть такой же позднѣйшій придатокъ, какой имѣется и въ коронѣ венгерской, и въ коронѣ Карла Великаго; въ XII—XIII вѣкахъ на западѣ знали хорошо, что крестъ на коронѣ означаетъ корону царскую, а потому и прибавили его; такъ сдѣлали и у

насъ въ XV или XVI вѣкѣ. *Именно эта прибавка ясно показываетъ, что царскаго вѣнца у насъ не было* и надо было передѣлать на него великокняжескій. Но если не могло быть здѣсь креста, то напротивъ, легко могла быть обычная звѣздообразная крышечка шишака, или восьмигранная розетка съ шипомъ или чашечкою для укрѣпленія въ ней пера, султанскаго или княжескаго украшенія... Всего вѣроятнѣе, что отверзтіе покрывалось восьмистороннимъ конусомъ, а не полушаріемъ, на верху былъ промежуточный шарикъ и на немъ лилейная чашечка съ перомъ, или вмѣсто шарика большая жемчужина въ гнѣздѣ или драгоцѣнный камень, что низъ шапки первоначально не былъ мѣховой, а составлялъ ободъ или обручъ также золотой" (стр. 43—44).

Итакъ, 1) мономахова шапка,—можетъ быть, византійскій шлемъ или шишакъ XI—XII вѣковъ съ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями; 2) царскаго вѣнца у московскихъ царей не было.

Издатели „Русскихъ древностей" знаютъ мономахову шапку лишь съ XVII вѣка; имъ остались неизвѣстными изображенія ея второй половины XVI вѣка.

Московская Синодальная библіотека владѣетъ лицевымъ спискомъ оффиціальной лѣтописи за конецъ царствованія в. кн. Василія Ивановича и за начало царствованія Грознаго. Этотъ списокъ, по нашему мнѣнію, сдѣланъ уже въ половинѣ XVII вѣка, но его оригиналъ—и текстъ, и рисунки—былъ составленъ современниками событій. Объ этой „Царственной книгѣ" не разъ говорилось въ нашей литературѣ, и акад. Ѳ. И. Буслаевъ, первый обратившій вниманіе на ея многочисленные рисунки, издалъ изъ ихъ числа 16 наиболѣе любопытныхъ въ своихъ „Историческихъ очеркахъ русской народной словесности", т. II, 1861 г. При этомъ онъ представилъ прекрасное доказательство современности рисунковъ событіямъ, сопоставивъ описаніе устроеннаго митрополитомъ Макаріемъ амвона въ Новгородской лѣтописи съ рисункомъ амвона на рисункѣ царскаго вѣнчанія Грознаго въ Царственной книгѣ (стр. 311).

Рисунки Царственной книги изображаютъ *великаго князя* Василія Ивановича съ мономаховою шапкою на головѣ, а *царя* Ивана Грознаго, съ самаго его дѣтства,—въ царскомъ вѣнцѣ.

Взглянемъ прежде всего на мономахову шапку этихъ рисунковъ.

Она имѣетъ форму низкой шапки съ узкимъ мѣховымъ околышемъ. Верхъ ея въ разныхъ рисункахъ имѣетъ различныя формы, которыя однако свободно могутъ быть сведены къ двумъ. Верхъ первой формы (у Буслаева рисунки 2-й и 3-й) обыкновенный верхъ шапки, безо всякихъ украшеній; верхъ второй (у Буслаева рисунокъ 5-й)—съ небольшимъ крестомъ. Едва ли можно сомнѣваться, что рисунки передаютъ

дѣйствительность разныхъ годовъ половины XVI вѣка, т. е. шапку до передѣлки и шапку послѣ передѣлки.

Такимъ образомъ, мы знаемъ мономахову шапку и безъ сферы, которую издатели „Русскихъ древностей“ вполнѣ справедливо считаютъ позднѣйшей, и безъ розетки съ шипомъ, и безъ восьмисторонняго конуса. Передъ нами самая обыкновенная шапка.

Вглядимся въ эту шапку. Мы очень мало знакомы съ модами древней эпохи, но все-таки можемъ указать нѣсколько данныхъ изъ того времени, къ которому относится металлическая часть мономаховой шапки. Рукописи XI — XIII вѣковъ сохранили намъ нѣсколько изображеній князя въ „клобукѣ“ (названіе „шапка“, по памятникамъ, существуетъ у насъ лишь съ начала XIV вѣка). Возьмемъ извѣстное изображеніе вел. кн. Святослава Ярославича съ семействомъ въ Святославовомъ сборникѣ 1073 г. Верхняя часть княжескаго клобука представляетъ здѣсь большое сходство съ металлическою частью мономаховой шапки. Нижнія части, напротивъ того, различны: клобукъ имѣетъ широкій мѣховой околышъ, а шапка ограничивается узкою опушкою. Но именно эта часть мономаховой шапки могла подвергаться измѣненіямъ, въ зависимости отъ моды и вкуса ея обладателей.

И такъ, можно признать нынѣшнюю мономахову шапку за передѣлку параднаго княжескаго клобука XI—XIII вѣковъ.

Обратимся къ царскому вѣнцу.

Въ половинѣ XVII в., какъ можно видѣть изъ документовъ, изданныхъ Е. В. Барсовымъ [1]), царь Алексѣй Михайловичъ заказалъ одному греческому купцу сдѣлать въ Царьградѣ „діадиму золоту“ „противъ образца благочестиваго греческаго царя Константина“, и этотъ грекъ въ 1662 году доставилъ ему царскій вѣнецъ (стр. 138). Неясно, почему царь обратился съ заказомъ къ греку, когда въ Москвѣ того времени были искусные ювелиры изъ иноземцевъ и когда было во много разъ удобнѣе сдѣлать заказъ въ Голландіи или Англіи. Быть можетъ, царь желалъ имѣть вѣнецъ по образцу вѣнца царя Константина (Палеолога?), о которомъ наговорилъ ему грекъ; быть можетъ, въ дѣлахъ Большого приказа тогда еще были цѣлы какіе-нибудь документы объ изготовленіи царскаго вѣнца въ XVI вѣкѣ.

Этотъ послѣдній, украшенный драгоцѣнными камнями и имѣвшій огромную стоимость, въ концѣ XVI вѣка несомнѣнно существовалъ. Онъ выбылъ изъ московской царской казны въ 1611—1612 г., вмѣстѣ съ другими царскими драгоцѣнностями; это мы знаемъ изъ извѣстнаго

[1]) Древне-русскіе памятники свящ. вѣнчанія царей на царство (*Чтенія* 1884 г., кн. 1).

документа смутной эпохи. До послѣдняго времени его считали уничтоженнымъ; но можно думать, что онъ (вмѣстѣ съ царскимъ знаменемъ, хранящимся теперь въ музеѣ кн. Чарторыжскаго въ Краковѣ), былъ тайно пересланъ сидѣвшими въ Кремлѣ поляками въ Польшу. Во всякомъ случаѣ старыя описи польской королевской казны говорятъ о драгоцѣнной „московской коронѣ Владислава IV“ [1]). Споръ можетъ быть лишь о томъ, когда былъ сдѣланъ этотъ вѣнецъ. Два чина вѣнчанія на царство—Грознаго и Василія Шуйскаго [2])—говорятъ первый о „царскомъ вѣнцѣ“, а второй—о „царскомъ вѣнцѣ и діадимѣ“; ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ названія „мономахова шапка“; между тѣмъ чинъ вѣнчанія Иваномъ III внука своего Димитрія [3]) говоритъ исключительно о „мономаховой шапкѣ“. Правда, въ чинѣ вѣнчанія Грознаго говорится, что „царскій вѣнецъ“ вмѣстѣ съ бармами присланъ греческимъ царемъ Константиномъ Мономахомъ (стр. 61)... Царственная книга, какъ мы уже упомянули, изображаетъ Грознаго постоянно въ царскомъ вѣнцѣ, между прочимъ на рисункѣ, представляющемъ вѣнчаніе (у Буслаева рис. 10-й), и изъ ея свидѣтельства можно вывести заключеніе, что царскій вѣнецъ уже существовалъ при Грозномъ.

А. Соболевскій.

II.

Слѣды неолитическихъ стоянокъ въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода.

Минувшимъ лѣтомъ, 1896 г., мнѣ случилось посѣтить Нижегородскій художественный и археологическій музей и тамъ обратить вниманіе на обломокъ большой плиты, служившей точильнымъ камнемъ. Эта плита, какъ гласитъ приложенная къ ней надпись, была найдена, въ 1895 году, близъ Георгіевской башни нижегородскаго кремля, барономъ де-Баемъ. Главный интересъ ея заключается въ цѣломъ рядѣ почти параллельныхъ треугольныхъ пазовъ, служившихъ для шлифовки и натачиванія четырехгранныхъ каменныхъ орудій.

Находокъ такихъ плитъ въ Европейской Россіи извѣстно немного. Одинъ обломокъ плиты, похожій по своему назначенію и отчасти—по

[1]) *Alkar*, Klejnoty koronne polskie. Lwów, 1896. Сравни „Археол. Изв. и Зам.“ 1896 г., стр. 236.

[2]) Первый изданъ Е. В. Барсовымъ въ вышеупомянутомъ его трудѣ; второй намъ извѣстенъ по списку въ одномъ изъ погодинскихъ сборниковъ (Публ. Библ.).

[3]) Изданъ Е. В. Барсовымъ.

своей формѣ, мнѣ случилось найти, въ 1890 году, на дюнной неолитической стоянкѣ, въ окрестностяхъ с. Борокъ, близъ г. Рязани [1]). Борковская плита имѣетъ на рабочей плоскости всего одинъ и не трехугольный, а желобчатый пазъ, очевидно, служившій исключительно для выработки круглыхъ и полукруглыхъ полированныхъ каменныхъ орудій, столь обыкновенныхъ въ окскихъ неолитическихъ стоянкахъ.

Принимая во вниманіе крайнюю рѣдкость находокъ подобныхъ плитъ, при многочисленности находокъ синхроничныхъ съ ними издѣлій каменнаго вѣка, а также и большое изобиліе бытовыхъ остатковъ, сопровождавшихъ борковскую плиту, естественно, хотѣлось заключить, что и нижегородская плита должна сопровождаться неменьшимъ изобиліемъ такихъ же остатковъ. Эта мысль и заставила меня произвести осмотръ сначала мѣста находки плиты, а потомъ двухъ ближайшихъ къ Н.-Новгороду дюнъ: на лѣвомъ берегу р. Волги, близъ с. Николы-Бора, и на лѣвомъ берегу р. Оки, близъ д. Молитовки и Всероссійской Выставки 1896 г.

Осмотръ берега у Георгіевской башни кремля не далъ никакихъ результатовъ, что и неудивительно, такъ какъ мѣстность хорошо маскирована постройками, мостовыми и дерномъ; зато экскурсіи на дюны увѣнчались полнымъ успѣхомъ: на каждой изъ нихъ безъ особаго труда были встрѣчены положительные признаки стоянокъ каменнаго вѣка. Наиболѣе существеннымъ изъ этихъ признаковъ является культурный слой, рѣзко выраженный пепелисто-темною окраскою. Этотъ слой покрываетъ поверхности дюнъ сплошнымъ покровомъ, разорваннымъ лишь на мѣстахъ новѣйшаго движенія песковъ. Въ составъ слоя входятъ остатки сгорѣвшихъ деревьевъ, растеній въ видѣ золы и угля, а также продукты растительнаго перегноя. Мощность слоя варіируетъ около 2-хъ вершковъ, но мѣстами достигаетъ 4-хъ и даже 8-ми вершковъ. Однимъ словомъ, этотъ слой обѣихъ нижегородскихъ дюнъ несетъ тѣ же признаки, какіе свойственны культурнымъ слоямъ всѣхъ извѣстныхъ дюнныхъ первобытныхъ стоянокъ верхняго и средняго теченія р. Оки.

Производя въ 1895 году, по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изслѣдованіе нѣсколькихъ десятковъ такихъ стоянокъ въ Тульской и особенно Рязанской губерніяхъ, я могъ прійти къ заключенію, что пепелисто-темные культурные слои дюнъ обязаны своимъ происхожденіемъ *выжиганію* или *паламъ*, производимымъ неолитическимъ человѣкомъ съ цѣлью очищенія занимаемыхъ имъ подъ стоянки мѣстностей отъ вредныхъ элементовъ окружающей его

---

[1]) Плита находится въ Музеѣ Ряз. Уч. Арх. Коммиссіи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

природы. Совершенно то же необходимо сказать и относительно причины образованія пепелисто-темнаго культурнаго слоя на нижегородскихъ дюнахъ.

Неоспоримымъ доказательствомъ древности образованія разсматриваемыхъ слоевъ служатъ заключенные въ нихъ культурные остатки въ видѣ осколковъ кремня съ раковистымъ изломомъ, какой обыкновенно присущъ осколкамъ, получаемымъ при искусственной обработкѣ кремня, а также и обломки полуобожженной глиняной посуды съ характернымъ неолитическимъ орнаментомъ изъ энергичныхъ точечныхъ или ямочныхъ вдавленій и разныхъ линій и полосъ съ поперечными пересѣченіями.

Кратковременность и случайность пребыванія въ Н.-Новгородѣ не позволила мнѣ заняться сборомъ такихъ предметовъ на разсматриваемыхъ дюнахъ; да, впрочемъ, это и неособенно важно въ виду того, что и то немногое [1]), что собрано, уже вполнѣ подтверждаетъ поставленную гипотезу о существованіи въ окрестностяхъ Н.-Новгорода стоянокъ каменнаго вѣка.

Необходимымъ считаю указать здѣсь, что болѣе обильныя пріобрѣтенія неолитическихъ памятниковъ на дюнахъ рр. Волги и Оки всегда зависятъ отъ опредѣленія пунктовъ, наиболѣе излюбленныхъ становищъ.

На дюнѣ Фофоновыхъ и Моховыхъ бугровъ, въ окрестностяхъ с. Н. Бора, я не успѣлъ опредѣлить этихъ пунктовъ, хотя замѣтилъ, что первобытные культурные остатки, главнымъ образомъ, группируются вдоль западнаго ската Фофоновой горы, на берегу и почти противъ юго-восточнаго конца оз. Мордова. Здѣсь, по линіямъ естественнаго обнаженія культурнаго слоя, мною встрѣчены обломки полуобожженной глиняной посуды, иногда съ уцѣлѣвшимъ на нихъ неяснымъ орнаментомъ, мелкіе раковистые осколочки кремня и, наконецъ, одинъ красиво обитый кремневый наконечникъ стрѣлы. Все это указываетъ на посѣщеніе берега первобытнымъ человѣкомъ, но, судя по незначительности его культурныхъ остатковъ,—посѣщенія не очень частыя.

Гораздо болѣе обильные слѣды непосредственныхъ становищъ были открыты на дюнѣ Молитовскихъ бугровъ, близъ Всероссійской Выставки. Эти слѣды здѣсь выразились въ обнаженіи значительно большихъ скопленій обломковъ глиняной посуды, часто покрытыхъ орнаментомъ изъ энергичныхъ вдавленій и полосокъ съ поперечными пересѣченіями, мелкихъ раковистыхъ осколковъ кремня и, наконецъ, самое главное—присутствіе костровъ. Всѣ эти остатки наблюдались исключительно въ обнаженіяхъ холмовъ и скатовъ, идущихъ вдоль берега р. Оки, между сл. Катьцы и д. Молитовкой.

---

[1]) Небольшая коллекція собранныхъ на дюнахъ предметовъ сдана мною въ Нижегородскую Архивную Коммиссію. *Авт.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Надѣюсь, что нижеслѣдующія выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ точнѣе докажутъ пункты и характеръ сдѣланныхъ мною находокъ.

1. Первый холмъ къ югу отъ сл. Катьцы.

Въ обнаженіяхъ культурнаго слоя встрѣчены рѣдкіе осколки кремня и обломки рыбьихъ костей, иногда замѣтно обугленныхъ.

2. Холмъ противъ кирпичныхъ заводовъ, на берегу р. Оки.

Въ котловинѣ выдуванія, на вершинѣ холма, найдены обломки первобытной глиняной посуды, осколки кремня, кости животныхъ, птицъ и рыбъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были обуглены.

3. Нѣсколько южнѣе второго холма, на скатѣ, обращенномъ къ р. Окѣ, въ небольшой котловинѣ выдуванія встрѣчено обнаженіе большого костра, часть котораго еще скрыта подъ почвой. Около костра лежали сплошною массою обломки посуды желтовато-коричневаго цвѣта и очень слабаго обжига. Обломки эти оказались или совсѣмъ не орнаментованными или орнаментованными характерно для конца каменнаго вѣка въ долинѣ р. Оки. На ряду и вперемежку съ обломками посуды лежали слегка обугленныя кости животныхъ, птицъ и особенно много костей рыбъ.

4. Шаговъ на 300 южнѣе костра и недалеко отъ сосновой рощицы, также на скатѣ, обращенномъ къ р. Окѣ, найденъ второй костеръ, содержащій среди углей обломки тонкостѣнной и толстостѣнной первобытной глиняной посуды, а также кости птицъ и рыбъ. Этотъ костеръ только что началъ обнажаться изъ-подъ почвы и при изслѣдованіяхъ обѣщаетъ дать значительное количество древнихъ бытовыхъ матеріаловъ.

5. Въ разныхъ пунктахъ взятаго раіона, въ окскихъ береговыхъ обрывахъ, встрѣчены слѣды яминъ аршинъ 4-хъ въ діаметрѣ и около 1 арш. глубины, обозначенныхъ прослоями и пятнами темной, иногда золистой почвы; происхожденіе яминъ остается неизвѣстнымъ.

По моему мнѣнію, приведеннаго достаточно, чтобы возбудить живой интересъ къ описаннымъ пунктамъ и побудить русскихъ, особенно мѣстныхъ археологовъ, къ болѣе обстоятельному ихъ изслѣдованію, обѣщающему не мало любопытныхъ находокъ.

Въ заключеніе, мнѣ остается еще упомянуть, что въ нѣкоторыхъ естественныхъ обнаженіяхъ какъ на Молитовскихъ буграхъ, такъ и равно Фофоновскихъ и Маховыхъ встрѣчаются обломки глиняной посуды древне-желѣзной эпохи, что даетъ указаніе на обитаніе поименованныхъ бугровъ не только въ доисторическое, но и ближайшее къ намъ время.

В. А. Городцовъ.

III.

Археологическая хроника.

—— Корреспондентъ „Сына Отечества“ пишетъ, что крестьянинъ дер. Деревяницъ, Новгородскаго уѣзда, Алексѣй Филипповъ 10-го февраля выѣхалъ на челнѣ искать мережи, поставленныя имъ на рѣкѣ Волховѣ. Послѣ долгаго розыска поплавковъ мережъ „кошками“ онъ вытащилъ изъ воды въ лодку какую-то массивную грязную цѣпь. По очисткѣ находки отъ грязи и ила оказалось, что эта не простая цѣпь, а вериги, состоящія изъ толстыхъ звеньевъ, на которыхъ (черезъ одно) имѣется по прямоугольному мѣдному кресту, на груди же вызолоченный крестъ въ овальномъ кругѣ съ славянскими буквами. Произведеннымъ дознаніемъ обнаружено, что вериги найдены въ рѣкѣ Волховѣ въ самомъ Новгородѣ на глубинѣ не болѣе 5 саженей. Видѣвшіе эту находку говорили, что она принадлежитъ ко временамъ Ледоваго побоища, другіе утверждали, что со временъ крестовыхъ походовъ, когда рыцари одѣвали подобныя вериги поверхъ латъ. Но, повидимому, это, дѣйствительно, вериги, носимыя лѣтъ 500 тому назадъ какимъ-нибудь подвижникомъ; вѣсятъ онѣ 1 пудъ 15 фунтовъ. (Русск. Лист. № 59, 1897).

—— В. А. Гагаринъ, членъ Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній, командированный въ Астраханскую губернію, при своихъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ напалъ, между прочимъ, на весьма интересныя археологическія находки. Въ с. Селитряномъ, Енотаевскаго уѣзда, г. Гагаринымъ въ фундаментѣ одной крестьянской избы найдены глиняныя плиты, расколотыя, покрытыя глазурью, хорошо сохранившейся. Одна изъ плитъ, толщиною вершка въ $1^1/_2$, представляетъ изъ себя площадь въ $^3/_4$ квадр. арш., другія же меньшія плиты, несомнѣнно, осколки первой. Кромѣ того, г. Гагаринымъ найдено много глиняныхъ, хорошо сохранившихся, сосудовъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ днѣ имѣется отверстіе овальной формы. Найдены также глиняные кувшины различной величины. Найдена еще глиняная съ крышкой коробка; по вскрытіи, въ ней оказались мѣдныя весьма старинныя монеты. Найдено и много металлическихъ вещей, наконечниковъ стрѣлъ и проч. (Астраханскій Вѣстникъ, 19-го февр. 1897 г.).

—— Въ Херсонскій губернскій музей поступило для опредѣленія богатое собраніе монетъ, случайно найденныхъ однимъ крестьяниномъ въ с. Спеѣ, Тираспольскаго у., Херсонской губ. Подчищая канаву,

крестьянинъ наткнулся на горшокъ, въ которомъ оказалось 3 золотыя и 90 серебряныхъ монетъ. Самая древняя изъ монетъ чеканена въ 1575 г., самая новая въ первыхъ годахъ XVIII ст. Изъ 90 серебряныхъ монетъ почти половина, 43 монеты, принадлежитъ крымскимъ ханамъ: Саадетъ-Гирею, Селимъ-Гирею и Гази-Гирею. Затѣмъ слѣдуютъ 30 монетъ германскихъ императоровъ: Матвѣя, Фердинанда II и Фердинанда III; 10 монетъ бельгійскихъ, 4 испанскихъ (1631—1666), 3 польскихъ (1622—1624). Изъ золотыхъ монетъ одна бельгійская 1596 г., другая гамбургская 1652 г., третья великаго герцога Померанскаго Ансельма-Казиміра 1638 г. Между монетами оказалось 14 серебряныхъ полыхъ пуговицъ, украшенныхъ вычерненной прорѣзью — принадлежность богатаго татарскаго костюма. Кладъ зарытъ не раньше 1707 года, и, повидимому, послѣднимъ владѣльцемъ монетъ былъ татаринъ. (Южанинъ, № 46, 1897 г.).

—— А. И. Яцимирскій доставилъ редакціи слѣдующую замѣтку о находкѣ обломка латинской надписи: „Верстахъ въ 10-ти на западѣ отъ г. *Измаила*, на берегу Дуная найдена была часть камня (дл. 56 стм., шир. 39 стм., толщ. 36 стм.) съ латинской надписью (см. рис. 5), которую я пытаюсь прочитать такъ [1]):

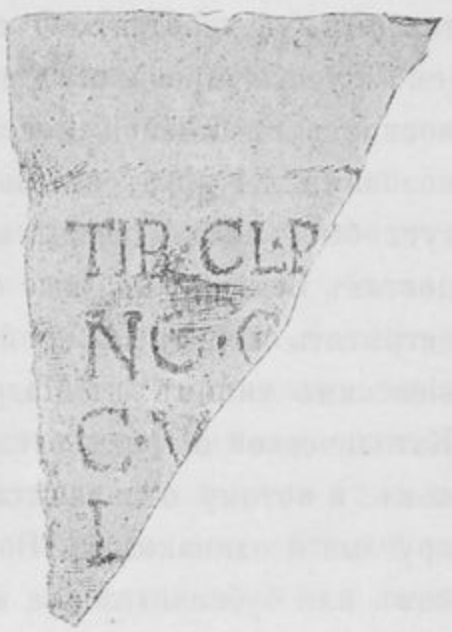


Рис. 5.

TIB ◊ CL ◊ P *(OMPEIA)*
NO ◊ C(◊ *V* ◊ *BIS(?)* ◊ *CONSVL* ◊)
C ◊ V *(AL* ◊ *FIRMVS* ◊ *C)*
L *(EG* ◊ *I(?)* ◊ *ITAL* ◊ *)*

Tib(erio) Cl(audio) Pompeiano, c(larissimo) v(iro) bis consuli, C(aius) Val(erius) Firmus centurio leg(ionis) primae italicae.

Если мое чтеніе, за которое, впрочемъ, я не особенно стою, окажется вѣрнымъ, то мы имѣемъ второй экземпляръ такой же надписи, поставленной Тиберію Клавдію Помпеяну центуріономъ Каемъ Валеріемъ Фирмомъ, извѣстной по раскопкамъ румынскаго ученаго *Гр. Точилеску*, открывшаго эту надпись въ с. Иглицѣ у Чернаго моря, на мѣстѣ древняго поселенія *Troesmis*, и опубликовавшаго ее въ первомъ томѣ своего изданія „*Revista pentru istorie, archeologie „sifilologie“, an.*

[1]) Рисунокъ съ этой надписи доставленъ секретаремъ Измаильской таможни А. А. Болотовымъ.

I. vol., I, pp. 127—130. О личности Тиберія Клавдія Помпеяна находимъ обширныя свѣдѣнія у *Borghesi, Oeuvres camplètes, V, p. 425 seq., III, p. 124 seq.*“.

—— Историческимъ Музеемъ въ Москвѣ пріобрѣтена серебряная со слѣдами позолоты серьга, найденная въ Кіевѣ, при устройствѣ канализаціи. Серьга (см. рис. 6) состоитъ изъ проволочнаго кольца съ тремя насаженными бусами, украшенными зернью; каждая буса свободно вращается вокругъ кольца, но пространство между ними перевито тонкою серебряною проволокою, не позволяющею бусамъ соединяться. Серьга относится къ XI—XII вѣку и представляетъ совершенное подобіе серьги изъ клада, найденнаго въ 1885 г. въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Есикорскаго (близь Софійскаго собора) [1]), но отличается отъ нея большею величиною и металломъ (та золотая). О серьгахъ этого типа проф. Н. П. Кондаковъ (см. Русскія древности, вып. V-й, стр. 138) пишетъ слѣдующее: „онѣ носились въ Южной Россіи—издревле, въ Средней—не ранѣе второй половины XI вѣка, въ Восточной—еще позднѣе. Источники типа могутъ быть пока указаны въ Херсонесѣ, въ могильникахъ Кавказа, древностяхъ Венгріи, но даже среди древностей мавританской Испаніи можно встрѣтить серьгу съ тремя бусами, которую мы можемъ сблизить съ кіевскимъ типомъ: въ Мадридскомъ музеѣ сохраняются серьги Изабеллы Католической о трехъ бусахъ; только здѣсь двѣ боковыя бусы боченочкомъ, и потому отличаются отъ кіевской серьги, на которой бусы всегда круглыя и одинаковыя. Восточныя серьги имѣютъ бусы гладкія—каточкомъ или бубенчиками, а кіевскія—или ажурныя, или украшены сканью. Металлическія бусы заступили мѣсто жемчужинъ, затѣмъ стеклянныхъ бусъ; употребленіе стеклянныхъ бусъ было прервано незадолго до Арабовъ. Бусы укрѣпляются на мѣстѣ помощью скани, навитой на золотую или серебряную проволоку. Золотыя серьги найдены въ значительномъ количествѣ въ кладахъ, но также и въ городищѣ Княжая Гора, Черкасск. у., Кіевск. губ. Серебряныя найдены во множествѣ въ кладахъ. Рисунокъ сканей и прорѣзныхъ бусинъ весьма разнообразенъ, но сводится къ основному типу, подражающему въ металлѣ гнѣздамъ драгоцѣнныхъ камней, или саженому жемчугу, или ячейкамъ, но безъ зерни;

Рис. 6.

[1]) См. Русскія древности, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. V, стр. 120, рис. 184.

украшенія крохотными напаянными зернами и бисеринками въ серебряныхъ серьгахъ не встрѣчаются". Серебряная серьга Историческаго Музея, украшенная крохотными бисеринками и болѣе крупными зернами, указываетъ, что подобныя украшенія дѣлались не только на золотыхъ, но и на серебряныхъ серьгахъ.

—— Одинъ изъ знатоковъ татарскаго языка г. Пашковъ, живущій въ Симбирской губ., прислалъ въ „Новое Время" (№ 7550, 1897 г.) указанія по поводу происхожденія слова „басма". Г. Пашковъ того мнѣнія, что приведенное г. Иловайскимъ (см. Арх. Изв. и Зам. стр. 49) объясненіе польскимъ писателемъ Нарбутомъ значенія слова басмы (ларчикъ, наполненный воскомъ, на которомъ ханъ отпечатывалъ свою босую ногу) можно считать весьма правильнымъ. „Татарскій глаголъ басмакъ,— пишетъ онъ,—значитъ „давить", а происходящее отъ него существительное „басма" означаетъ предметъ, полученный отъ давленія, — оттискъ, отпечатокъ, печатаніе, тисненіе, набивка ситца, иногда и просто ситецъ, „басма ханасы" — типографія. Отсюда ясно, что отпечатокъ ханской ноги неминуемо долженъ былъ называться „басма". Другое приведенное объясненіе, что „басмою" называлась грамота съ печатью, тоже можетъ быть не лишено значенія. Во-первыхъ, она могла такъ называться переносно, если такая грамота посылалась съ подобающимъ торжествомъ; а, во-вторыхъ, „махръ басмакъ" значитъ давить, т. е. прикладывать печать, а въ этомъ смыслѣ названіе „басма" могло употребляться и самостоятельно. Кромѣ того, глаголъ „басмакъ" въ переносномъ смыслѣ значитъ—побѣждать, покорять. Поэтому, легко можно предположить, что басмою называлась и всякая важная грамота хана-покорителя. Послѣднее значеніе г. Пашковъ полагаетъ только какъ гипотезу, тогда какъ предыдущія замѣчанія, по его убѣжденію, безусловно объясняютъ довольно точно весь вопросъ, до сихъ поръ бывшій неяснымъ для нашихъ историковъ.

—— При Артиллерійскомъ музеѣ въ Петербургѣ, по мысли завѣдующаго музеемъ Н. Е. Бранденбурга, нѣсколько лѣтъ тому назадъ положено было начало отдѣлу, въ которомъ сосредоточиваются образцы вооруженія доисторическаго времени и болѣе раннихъ историческихъ эпохъ. Предметовъ въ этомъ отдѣлѣ еще немного. Каменное и бронзовое оружіе: наконечники стрѣлъ, копій, молотки, топоры, происхожденія большею частью южнаго. Замѣчательной полнотой отличается подборъ предметовъ, происходящихъ изъ могилъ, гдѣ обнаружено погребеніе съ конемъ; здѣсь есть рядъ желѣзныхъ шлемовъ (одинъ съ маской), панцырей, сабель, остатки сѣделъ, принадлежности сбруи и т. д. Изъ Каневскаго уѣзда были даже цѣликомъ перенесены два такихъ по-

гребенія: привезены были изъ кургановъ 2 громадныя глыбы и раскопка была докончена въ Петербургѣ, при чемъ всѣ обнаруженные предметы оставлены и закрѣплены такъ, какъ они найдены. Въ одной могилѣ въ гробѣ изъ толстыхъ досокъ лежитъ вытянутый скелетъ, возлѣ гроба разбросаны костяныя части сѣдла и черепъ лошади; гробъ не вполнѣ сохранился, крышка, сгнивши, провалилась. Въ другой могилѣ гробъ цѣлъ, на крышкѣ лежатъ сабля и наконечникъ копья, часть одной изъ боковыхъ сторонъ пропилена и можно видѣть скелетъ. Въ томъ же направленіи, что и гробъ, рядомъ съ нимъ—остовъ лошади, кототорая какъ бы присѣла на всѣ четыре ноги. (Кіев. Стар. Декабрь. 1896 г.).

—— Въ прошломъ 1896 году Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ получило въ даръ отъ своего дѣйств. члена Д. А. Корсакова, копію съ креста патр. Никона, писанную на полотнѣ масляными красками и золотомъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1781 года, какъ это видно изъ надписи, находящейся на сей копіи, слѣдующаго содержанія:

„Сказаніє ѡ̑ ст҃ыхъ мощахъ во ст҃омъ кр҃тѣ что наѡкіа̑нѣ взали́вѣ бѣ́лаго мо́рѧ̀ наки́й — ѡ̑стровѣ в̑ крест҃номъ мит҃рѣ. со́брайные ст҃ѣйшимъ никѡномъ патріа̑рхо҃м московскимъ в̑ то҃м кр҃тѣ ра́зныхъ ст҃ы́нь до тре́хъ со́тъ. написа́сѧ̀ тогѡ́ мит҃рѧ̀ при а̑рхімандри́тѣ мака́ріи. 1781 го҃дꙋ вма́ртѣ мц҃ѣ“.

На крестѣ по славянски значится, что онъ сдѣланъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, патріархомъ московскимъ Никономъ, изъ кипариса, 1 августа 1656 года и украшенъ серебромъ и золотомъ. Вверху, справа и слѣва, помѣщена молитва кресту, внутри креста обозначены находящіяся въ немъ святыни. Тутъ находятся мощи св. апостоловъ, архидіаконовъ, архіепископовъ, великомучениковъ, евангелистовъ, іерарховъ, князей, пострадавшихъ за вѣру, митрополитовъ, царя Константина и мног. друг. Затѣмъ въ крестѣ сохраняются, сказано, части древа Моисеева, части камней отъ пещеръ, гдѣ родился Господь, гдѣ постился Господь, отъ гроба Господня, отъ гроба Пресвятой Богородицы, отъ трапезы, на которой угощалъ Троицу Авраамъ и др. По лѣвую сторону креста (подъ главной его поперечиной), изображены благовѣрный царь Константинъ, царь Алексѣй Михайловичъ и патр. Никонъ, а съ правой — св. благовѣрная царица Елена и, пониже ея (въ уровень съ Алексѣемъ Михайловичемъ), царица Марія Ильинишна. Всѣ они изображены въ полныхъ, приличныхъ ихъ сану, облаченіяхъ. Царь Алексѣй и Никонъ держатъ въ лѣвыхъ рукахъ, а царицы въ правыхъ, хартіи, на которыхъ написана молитва кресту Господню. Между буквами І. И. Ц. Н., помѣщенными на верхней доскѣ и словами І҃с Х҃с и

инка помѣщены 15 звѣздъ 8-ми конечныхъ, 100 квадратовъ и четыреугольниковъ, 6 крестовъ 4-хъ конечныхъ и 2 кружка. Во всѣхъ этихъ фигурахъ обозначены по-славянски разныя событія изъ жизни І. Христа и святыни, находящіяся въ крестѣ. Длина копіи 88 сантиметровъ, ширина 62 сант. (См. Извѣстія Общ. Арх. Истор. и Этногр. при Имп. Каз. унив., т. XIV, вып. 1, статью Н. Ѳ. Катанова, стр. 125—127).

—— Въ засѣданіи Вѣнской Академіи Наукъ отъ 17 (5) февраля текущаго года д. ч. оной проф. *Отто Бенндорфъ* сообщилъ весьма любопытныя подробности о ходѣ новыхъ раскопокъ на почвѣ Малой Азіи, на этотъ разъ производимыхъ австрійцами. — Какъ оказывается, австрійскій министръ народнаго просвѣщенія д-ръ Гаучъ давно уже носился съ мыслью доставить ученымъ своей страны возможность принять участіе въ изслѣдованіи древне-греческаго Востока. По предложенію проф. Бенндорфа намѣченъ былъ для такого изслѣдованія Ефесъ, въ которомъ послѣ англичанина Уда (Wood), исключительно впрочемъ интересовавшагося храмомъ Ефесской Артемиды, систематическихъ раскопокъ производимо не было.—Предварительныя изысканія начаты были весной 1895 года и, благодаря съ одной стороны поддержкѣ и знаніямъ извѣстнаго К. Гуманна, прославившагося своими открытіями въ Пергамѣ, а съ другой стороны, благодаря щедрому пожертвованію одного вѣнскаго любителя искусствъ, г. Маутнера фонъ-Маркгофа, увѣнчались полнымъ успѣхомъ: они позволили австрійцамъ ясно представить себѣ исторію развитія города, въ данномъ случаѣ какъ бы слѣдовавшаго за все болѣе и болѣе отступающей къ Западу, вслѣдствіе постоянныхъ наносовъ земли, гавани Ефеса, и вмѣстѣ съ тѣмъ указали имъ, что наиболѣе цѣнныхъ находокъ слѣдуетъ ожидать—по крайней мѣрѣ на территоріи, которую удалось откупить австрійцамъ у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, — въ той части стараго города, которая теперь вкратцѣ обозначается названіемъ агоры, т. е., по плану Уда [1]) (до крайности, какъ утверждаетъ Бенндорфъ, невѣрному), между гаванью римскаго времени и раскопаннымъ ранѣе театромъ. На этой мѣстности и рѣшено было сосредоточить пока систематическія раскопки, производившіяся въ два пріема, въ мартѣ и затѣмъ въ теченіе осенняго времени отъ 3 сентября до конца ноября 1896 г. Повидимому, онѣ обѣщаютъ быть высоко интересными. Помимо большого количества (около 300) вновь найденныхъ надписей и остатковъ различныхъ построекъ, изъ коихъ до сихъ поръ особенно важными представляются развалины ефес-

[1]) J. T. Wood, Discoveries at Ephesus, including the site and remains of the great temple of Diana, London, 1877, планъ при стр. XX.

ской биржи (родъ аѳинской дейгмы въ Пиреѣ) и какого-то роскошнаго покоя, ближайшее назначеніе котораго пока еще не разъяснено, поиски австрійцевъ уже теперь обнаружили цѣлый рядъ драгоцѣннѣйшихъ скульптурныхъ произведеній. Въ своемъ докладѣ Академіи Бенндорфъ обращаетъ особое вниманіе на слѣдующія изваянія: 1) на большую бронзовую статую юноши, отъ которой въ полной сохранности осталась голова, правая рука и правая же нога.—Судя по этимъ и другимъ фрагментамъ статуи, Бенндорфъ полагаетъ, что изображенъ былъ атлетъ, напоминающій извѣстную статую въ Уффиціяхъ подъ № 59 и менѣе удачныя ея реплики въ Луврѣ и въ Braccio Nuovo Ватикана, которыя всѣ восходятъ однако, какъ думаютъ, къ аттическому оригиналу V вѣка. — Особенно хвалятъ мастерски изваянную голову, профиль которой напоминаетъ Гермеса Праксителя, а овалъ лица заставляетъ помышлять о головахъ, вышедшихъ изъ мастерскихъ школы Скопаса; 2) на жанровую статую изъ тщательно отполированнаго бѣлаго мрамора, изображающую мальчика съ уткой, прекрасный pendant къ извѣстному изваянію мальчика съ гусемъ, возводимому къ оригиналу Боэѳа и 3) наконецъ, на весьма оригинальную группу изъ чернаго базальта, замѣчательно старательной отдѣлки, представляющую сфинкса, съ тѣломъ львицы, который, поднявъ высоко крылья, терзаетъ когтями обнаженнаго молодого грека, упавшаго навзничь на скалу. По сюжету группа среди извѣстныхъ намъ произведеній античной скульптуры стоитъ совершенно особнякомъ; по стилю—какъ утверждаетъ Бенндорфъ—она напоминаетъ центавровъ въ Капитолійскомъ музеѣ, происходящихъ изъ виллы Гадріана въ Тиволи и носящихъ подпись художниковъ Аристея и Папія, уроженцевъ недалекой отъ Ефеса Афродисіады въ долинѣ Мэандра.—Значительный интересъ также представляетъ какой-то большой бронзовый сосудъ, родъ курильницы, богато украшенный рельефными изображеніями, часть подставки котораго состояла изъ двойной гермы Геракла и Омфалы. Ближайшую аналогію для этого сосуда Бенндорфъ находитъ въ бронзовыхъ издѣліяхъ, находимыхъ въ Помпеяхъ.

Продолжать свои раскопки австрійцы будутъ и въ нынѣшнемъ году. (Anzeiger der kais. Akad. d. Wissensch. in Wien. Jahrgang 1897, № V—VI). (Сообщ. проф. А. Н. Шварцъ).

—— Французскіе археологи нашли, по словамъ *Hamburger Fremdenblatt*, въ Дельфахъ бронзовую статую, которую признали произведеніемъ первокласснаго художника. Она представляетъ возницу-юношу, одѣтаго въ длинный хитонъ, обычную одежду древнихъ возницъ на ристалищахъ. Юноша стоитъ, поставивъ ноги совершенно прямо и опираясь на всю ступню, и протягиваетъ впередъ руки, для того чтобы держать вожжи.

Голова, украшенная плоскою повязкой, спокойно обращена впередъ. Это не положеніе возницы, волнующагося при состязаніи, а спокойный и гордый видъ побѣдителя, ѣдущаго на колесницѣ во время тріумфальнаго шествія. Вся статуя отлично сохранилась, недостаетъ только нижней части лѣвой руки, а правая еще держитъ концы вожжей. Статуя составлена изъ семи отдѣльныхъ частей: голова, верхняя часть тѣла съ руками, нижнія части рукъ, одежда внизъ отъ пояса и обѣ ноги сработаны отдѣльно. (Моск. Вѣд. № 54. 1897 г.).

—— Обыкновенно принято думать, что Китай, замуровавшись за своею стѣной, всегда былъ погруженъ въ свое собственное созерцаніе, оставаясь чуждымъ постороннимъ вліяніямъ. Послѣднія изысканія германскаго ученаго синолога г. Гирта доказываютъ противное. Такъ, на древнихъ памятникахъ искусства, предшествовавшихъ на 200 лѣтъ христіанской эрѣ, германскій ученый нашелъ изображенія виноградныхъ гроздьевъ и лозъ, львовъ, пантеръ, крылатыхъ коней, словомъ, аттрибуты культа Вакха и другія изображенія, свойственныя Грекамъ. Изъ этого можно съ очевидностью вывести то заключеніе, что при посредствѣ Индо-Скиѳовъ Центральной Азіи греческое искусство оказало свое вліяніе на крайній Востокъ. Что же касается характерныхъ изображеній китайскаго искусства—дракона и феникса, то, по мнѣнію того же ученаго, они около того же времени исчезаютъ, уступая мѣсто новому искусству, проникнувшему съ Запада. (Моск. Вѣд., № 56. 1897 г.).

—— Палестинское общество поручило изслѣдователю древняго Іерусалима изготовить модель мѣстности храма Воскресенія и ближайшихъ его окрестностей. При исполненіи этой задачи необходимо было сдѣлать нѣкоторыя новыя измѣренія и изслѣдованія въ названномъ храмѣ. При послѣднихъ изслѣдованіяхъ пришлось убѣдиться, что подъ нынѣшнимъ Голгоѳскимъ придѣломъ, дѣйствительно, существуетъ скала. Въ скалѣ найдена трещина, о которой древніе паломники сообщаютъ, что въ ней могъ помѣститься человѣкъ. Далѣе, къ сѣверо-западу отъ Гроба Господня, подъ греческой патріархіей, найдена пещера, въ которой нѣкогда обиталъ отшельникъ. (Южанинъ, № 3, 1897 г.).

—— Въ виду интереса, который представляетъ вопросъ о послѣдовательности развитія знакомства съ металлами въ разныхъ странахъ, особенное значеніе имѣетъ изученіе древностей такъ назыв. бронзоваго вѣка. Мѣсто зарожденія бронзоваго производства до настоящаго времени не опредѣлено; изслѣдованіе предметовъ бронзоваго вѣка въ Европѣ и Америкѣ заставляетъ предполагать, что многія страны, впослѣдствіи ставшія очагами распространенія бронзовыхъ издѣлій, прежде чѣмъ познакомиться съ бронзой, прошли стадію, во время которой употреби-

тельнымъ для орудій металломъ была мѣдь, и что умѣнье изготовлять сплавъ изъ мѣди и олова (бронзу) развилось лишь впослѣдствіи. Къ этому же результату, по сообщенію газетъ, приводитъ, повидимому и изслѣдованіе предметовъ изъ Мессопотаміи. Химикъ Бертело въ Парижѣ произвелъ анализъ нѣсколькихъ обломковъ изъ коллекціи металлическихъ сосудовъ эпохи ассирійскаго царя Гуръ-Нипо (ок. 6000 л. до Р. Х.) и пришелъ къ заключенію, что эти сосуды, прежде относимые къ т. н. бронзовому вѣку, сдѣланы изъ чистой мѣди. Бертоло предполагаетъ подвергнуть химическому анализу и другія коллекціи бронзовыхъ издѣлій Луврскаго музея. Если результаты дальнѣйшихъ изслѣдованій будутъ соотвѣтствовать первымъ, неизбѣженъ будетъ выводъ, что и древнее населеніе Мессопотаміи, игравшее выдающуюся роль въ распространеніи бронзовыхъ издѣлій на западъ и югъ, лишь въ болѣе позднее время научилось искусству сплавки металловъ, что и въ Мессопотаміи знакомство съ металлами начинается съ обработки чистой мѣди. Рѣшеніе вопроса въ этомъ смыслѣ быть можетъ приблизитъ и рѣшеніе весьма важнаго въ историко-культурномъ отношеніи другого вопроса о мѣстѣ зарожденіи и времени появленія бронзоваго вѣка на востокѣ.

—— Autorité сообщаетъ, что примѣненіе рентгеновскихъ лучей при археологическихъ изслѣдованіяхъ разрѣшило многолѣтній споръ объ одной муміи Вѣнскаго музея. Одни говорили, что эта мумія человѣка, другіе же, что это мумія ибиса, священной птицы древнихъ египтянъ. Мумію подвергли дѣйствію ретгеновскихъ лучей, и когда получилась радіограмма, то въ полученномъ снимкѣ узнали черепъ птицы.

IV.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Археографической Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 28 янв. 1897 года, предсѣдатель Коммиссіи проф. А. И. Кирпичниковъ произнесъ вступительную рѣчь о ближайшихъ задачахъ Археографической Коммиссіи, затѣмъ Н. Н. Харузинъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ „Мнѣніе французскаго ученаго объ архивномъ дѣлѣ“, въ которомъ изложилъ статью Langlois: La science des archives, напеч. въ Rev. intern. des Musées, Biblioth. et Archives. Французскій историкъ и архивистъ дѣлаетъ обзоръ исторіи развитія архивнаго дѣла и архивовѣдѣнія въ западной Европѣ, отмѣчаетъ достигнутые въ этомъ отношеніи результаты въ разныхъ странахъ и приходитъ къ заключенію, что задачи архивовѣдѣнія

еще далеко не исчерпаны. Намѣчая пути и средства достиженія правильной постановки архивовѣдѣнія и архивнаго дѣла, Langlois отмѣчаетъ, что успѣхъ въ этомъ направленіи можетъ быть достигнутъ только при помощи широкаго международнаго научнаго общенія, взаимнаго ознакомленія разныхъ странъ, какъ съ имѣющимися въ разныхъ учрежденіяхъ каждой данной страны документами, такъ и съ выработанными пріемами храненія и описанія документовъ.

Затѣмъ Д. И. Эварницкій прочиталъ два доклада. Первый былъ посвященъ разбору одного документа, содержащаго въ себѣ описаніе Запорожской Сѣчи. Этимъ документомъ, хранящимся въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, не пользовались еще изслѣдователи Малороссіи. Описаніе составлено въ 1766 году войсковымъ писаремъ Иваномъ Чугуевцемъ и содержитъ въ себѣ не только описаніе самой Сѣчи, но и всѣхъ, такъ называемыхъ, вольностей запорожскихъ казаковъ, т. е. земельныхъ владѣній, лѣсовъ и угодій. При указаніи границъ запорожскихъ владѣній, Чугуевецъ даетъ свѣдѣнія о мѣстѣ поселеній татаръ — едичкульскихъ, едисанскихъ и др. Эти татары захватили часть запорожскихъ земель, пользуясь тѣмъ случаемъ, что казаки, разбитые Петромъ I въ 1709 году, удалились изъ старой Сѣчи и устроили новую въ Алешкахъ. Когда казаки возвратились на прежнее мѣсто жительство, то начались пререканія съ татарами, которые не хотѣли возвращать захваченныхъ земель. Для выясненія правъ казаковъ, черезъ Кіевскаго губернатора Воейкова былъ поданъ Императрицѣ Екатеринѣ II докладъ, содержащій въ себѣ описаніе Сѣчи. Во второмъ докладѣ Д. И. Эварницкій указалъ на нѣсколько рукописныхъ атласовъ, касающихся Запорожской Сѣчи и находящихся въ томъ же Архивѣ. По картамъ: „Планъ запорожской верфи“ и „Карта частей рѣки Днѣпра и Азовскаго моря“ рѣшается вопросъ, гдѣ находился островъ Малая Хортица. На этомъ островѣ былъ „городокъ“ или „затонъ“, устроенный Дм. Ив. Вишневецкимъ. Въ названныхъ картахъ ясно указано, что Малая Хортица лежитъ около Большой Хортицы, гдѣ теперь находится Канцерскій островъ.

Въ засѣданіи той же Коммиссіи 25 февраля 1897 года, В. М. Михайловскій прочелъ докладъ „Основные вопросы дипломатики“. Референтъ прежде всего отмѣтилъ два направленія въ дипломатикѣ: въ XVII и XVIII вв. представители науки пытались создать общую дипломатику; въ настоящее время въ западно-европейской наукѣ замѣчается обратное теченіе—создать мѣстную дипломатику. Общая дипломатика, по авторитетному заявленію Зикеля и Ваттенбаха, отжила свое время. Тѣмъ не менѣе въ трудахъ ученыхъ XVII—XVIII вв. не только выяснены многіе важные вопросы, но также данъ матеріалъ и намѣчены методы, которые съ успѣхомъ приложимы и въ настоящее время къ мѣстной дипломатикѣ. Референтъ подробно остановился на исторіи общей дипломатики во Франціи и Германіи, указавъ на причины ея возникновенія и на такъ наз. bella diplomatica. Въ частности докладчикъ

БИБЛИОТЕКА НИ Института Краеведческой

выяснилъ значеніе дѣятельности Бенедиктинцевъ, труды Мобильона и др. И по настоящее время Франція остается классической страной дипломатики (трудъ Жюри, дѣятельность L'école des chartes). Затѣмъ, В. М. Михайловскій охарактеризовалъ развитіе общей дипломатики въ Германіи. Докладчикъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Ваттенбаха и др., признаетъ общую дипломатику не имѣющей практическаго приложенія въ настоящее время. Зато спеціальная дипломатика, изучающая документы по мѣстностямъ и эпохамъ, въ послѣднее время пріобрѣтаетъ крупное значеніе. Референтъ, выяснивъ современное значеніе нѣкоторыхъ вспомогательныхъ для дипломатики дисциплинъ (сфрагистика, хронологія и пр.), подробно остановился на отношеніи данной науки къ исторіи и архивовѣдѣнію. Кромѣ общихъ положеній, докладчикъ указалъ на рядъ французскихъ и нѣмецкихъ работъ по исторіи и архивовѣдѣнію, въ которыхъ примѣнены пріемы дипломатики. Въ заключеніе, докладчикъ замѣтилъ, что многое изъ общихъ пріемовъ западно-европейской дипломатики примѣнимо и къ изученію русскихъ документовъ.

Вторымъ былъ прочтенъ рефератъ В. И. Холмогоровымъ „О потомкахъ Сусанина въ нач. XVIII стол.“. Референтъ обратилъ вниманіе на то, что г. Самаряновъ недавно поднялъ вопросъ о потомкахъ Сусанина (въ Тр. Ряз. Арх. Ком.), высказавъ предположеніе, что въ писцовыхъ книгахъ М. Арх. Мин. Юст. должно искать самыхъ обстоятельныхъ данныхъ. Но писцовыхъ книгъ по дворцовой Красносельской волости, въ которой находились Деревнище и Коробово, не сохранилось. Поэтому, побочные документы, относящіеся къ данному вопросу, имѣютъ большое значеніе. Референтъ познакомилъ съ содержаніемъ одного изъ такихъ документовъ, открытымъ имъ въ „Переписной ландратской книгѣ по Костромскому уѣзду“; здѣсь находится перепись потомковъ Ант. Сабининой за 1717 годъ. Всего въ дер. Коробовой показано 29 чел. муж. пола и 25 женск. пола. Относительно трехъ изъ перечисленныхъ въ переписи лицъ можно указать, какъ на прямыхъ потомковъ Антониды: Ѳедора Константинова 70 л., Анисима Лукьянова 60 л. и Ульяна Григорьева 50 лѣтъ.

Затѣмъ, М. М. Богословскій прочиталъ докладъ: „Смоленское шляхетство XVIII в.“. Референтъ прежде всего остановился на характеристикѣ документовъ М. Арх. М. Юст., дающихъ возможность познакомиться съ положеніемъ смоленскаго дворянства прошлаго вѣка, стоявшаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особнякомъ отъ остальнаго русскаго дворянства. Эти особенности, выдѣлявшія смоленское дворянство въ особую группу, были бытовыя и юридическія. Бытовыя заключались въ томъ, что они сохраняли на себѣ многіе слѣды польскаго культурнаго вліянія, отъ которыхъ даже и въ XVIII в. не успѣли еще освободиться вслѣдствіе близкой связи съ Польшей. Юридическія—въ тѣхъ преимуществахъ, которыми оно пользовалось на основаніи данныхъ ему жалованныхъ грамотъ. Преимущества эти касались, во-1-хъ поземельнаго владѣнія; во-2-хъ службы. Первыя состояли въ томъ, что смоленское шляхетство получило исключительное право на владѣніе землею въ

Смоленской области, и его владѣнія получили юридически значеніе вотчинъ ранѣе, чѣмъ владѣнія остального русскаго дворянства (именно въ 1701 г.). Служебныя преимущества заключались, во-1-хъ, въ правѣ служить въ своемъ особомъ дворянскомъ полку и, во-2-хъ, въ необязательности военной службы, установившейся здѣсь ранѣе закона 1762 года. Этотъ „Полкъ смоленской шляхты", сохранившій на себѣ всѣ черты старинной служилой организаціи XVII вѣка, представлялъ уже въ XVIII в. явленіе археологическое и былъ уничтоженъ въ 1764 г., когда на смоленское дворянство были распространены общія права русскаго дворянства.

Въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древности Россійскихъ 31 января 1897 года М. А. Веневитиновъ прочелъ докладъ: „Матеріалы для исторіи цѣнностей въ Россіи въ концѣ XVII вѣка". Благодаря вниманію, обращенному В. О. Ключевскимъ, П. Н. Милюковымъ и другими на экономическіе и финансовые вопросы Русской исторіи, изученіе прошлаго нашего отечества пошло по новому пути. Но для подобной задачи приходится пока работать отрывочно, пользуясь случайными матеріалами. Матеріалы эти получаютъ особое значеніе на границѣ XVII и XVIII столѣтій, когда Петръ Великій, введя съ первыхъ годовъ XVIII вѣка новую чеканку крупной серебряной монеты, уронилъ ея цѣнность въ связи съ уменьшеніемъ вѣса серебра въ рублѣ сравнительно съ валютой рубля въ предшествующую эпоху. Въ этомъ отношеніи данныя о цѣнахъ разныхъ предметовъ общежитія и о курсахъ русскихъ денегъ за границею пріобрѣтаютъ особое значеніе. Это соображеніе заставило референта отвести подобнымъ даннымъ особое мѣсто въ печатаемой имъ книгѣ о посѣщеніи въ $169^{7}/_{8}$ годахъ Голландіи русскимъ посольствомъ Лефорта, Головина и Возницына.

Книга эта основана на двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ одно, французская брошюра голландца Месрмана, мало извѣстна въ русской исторической наукѣ, а другое—статейные списки и расходныя книги посольства, напечатанные въ VIII и IX томахъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній съ державами иностранными, появились въ свѣтъ уже послѣ обстоятельной біографіи Петра, составленной Устряловымъ. Эти русскіе документы были извѣстны Устрялову еще въ рукописяхъ, но онъ не воспользовался ими съ той стороны, съ какой они представляютъ интересъ изслѣдователю экономическаго и финансоваго быта того времени. Авторъ книги подъ заглавіемъ *Русскіе въ Голландіи, великое посольство 1697 — 1698 г.*, имѣя цѣлью въ своей непосредственной задачѣ изобразить по подлиннымъ документамъ встрѣчу двухъ цивилизацій, востока и запада Европы, на почвѣ ихъ взаимныхъ дипломатическихъ сношеній, не могъ исчерпать этого любопытнаго экономическаго и финансоваго матеріала и только попутно остановился на немъ въ своемъ трудѣ, чтобы выяснить съ одной стороны стоимость посольства, а съ другой размѣры затратъ Голландіи на его пріемъ.

Статейные списки посольства и его расходныя книги, въ особенности

отчетъ подъячаго Волкова, представленный имъ на полученную изъ Россіи въ февралѣ 1698 г. сумму въ 102,000 ефимковъ и 30,000 червонцевъ, даютъ основаніе принять, что расходы Россіи до отъѣзда посольства изъ Голландіи въ Вѣну простирались до 200,000 рублей по тогдашней валютѣ. Въ это число надо положить и стоимость дороги отъ Москвы до Амстердама и Гааги. Большая часть этихъ денегъ была потрачена на покупки военныхъ и морскихъ припасовъ, на наемъ моряковъ и техниковъ въ русскую армію и русскій флотъ. Стоимость соболей, вывезенныхъ изъ Москвы для подарковъ, составляла до 70,000 рублей, жалованье и подмога личному составу посольства стоили почти 14,000 р. Посольство содержалось въ Голландіи долгое время на счетъ Генеральныхъ Штатовъ и лишь съ января или февраля 1698 г. стало само расплачиваться за свои помѣщенія и столованье въ мѣстныхъ гостинницахъ, потративъ на это въ теченіе около 3-хъ мѣсяцевъ не болѣе 5,000 руб. Личныя покупки царя и трехъ его пословъ простирались на такую же сумму, т. е. около 5000 рублей, при чемъ самъ Петръ пріобрѣталъ преимущественно научные предметы, а его три посла разорялись особенно на парчу, бархатъ, гастуки, портныхъ, вино и другіе предметы роскоши. Подробности расходовъ пословъ и стоимости содержанія ихъ свиты, въ особенно любопытныхъ для бытовой исторіи примѣрахъ, собраны въ таблицахъ, выведенныхъ изъ данныхъ отчета Волкова и приложенныхъ въ концѣ труда референта.

Расходы Голландіи на пріемъ русскихъ дошли въ окончательномъ результатѣ до суммы въ 200,000 гульденовъ. Утвержденіе этой затраты и ассигнованіе необходимыхъ для того средствъ вызвало въ собраніи Генеральныхъ Штатовъ возраженіе со стороны депутатовъ Гронингена, вслѣдствіе того, что голландское правительство не составило предварительной смѣты и увеличивало ассигновки по мѣрѣ требованій Гессельта фанъ-Динтера, на котораго былъ возложенъ пріемъ русскихъ и всѣ расходы по обязанностямъ дипломатическаго гостепріимства.

Для выясненія взаимныхъ затратъ Россіи и Голландіи необходимо коснуться курса тогдашнихъ русскихъ денегъ сравнительно съ существовавшею за границею монетною системою. Расходныя книги посольства даютъ въ этомъ отношеніи достовѣрный и вполнѣ достаточный матеріалъ. Серебряный ефимокъ цѣнился на биржахъ въ Амстердамѣ въ 52 стейвера (52 копѣйки), въ Любекѣ въ 53 стейвера или копѣекъ, оффиціальная цѣна его равнялась русскому полтиннику. Въ голландскомъ гульденѣ считалось 20 стейверовъ, стало быть ефимокъ или полтинникъ равнялся $2^1/_2$ гульденамъ, а пять гульденовъ составляли одинъ рубль. Цѣна одного гульдена на русскія деньги была 40 денегъ или 20 копѣекъ. Разсчетъ этотъ подтверждается записью Волкова о покупкѣ Возницынымъ кареты, за которую было уплачено 180 ефимковъ, *а голландскими деньгами* 450 гульденовъ. Кстати сказать, англійскій фунтъ стерлинговъ цѣнился тогда въ 2 р. 40 к., что было условлено для уплаты Кармартеномъ пошлины въ договорѣ съ Англіей о ввозѣ та-

бака въ Россію, заключенномъ во время пребыванія Петра въ Лондонѣ. Золотой червонецъ оффиціально равнялся двумъ ефимкамъ или рублю, но биржевой курсъ его доходилъ въ это время въ Россіи до 40 алтынъ, т. е. до 120 копѣекъ.

Изъ этихъ разсчетовъ оказывается, что Голландія затратила на пріемъ русскихъ 40,000 рублей, что равнялось 200,000 гульденовъ. При неизвѣстности размѣра тогдашняго государственнаго бюджета Нидерландовъ, мы не можемъ судить о значеніи этой затраты для финансовъ республики. Но изъ возбужденнаго провинціей Гронингенъ затрудненія мы можемъ заключить, что сумма эта не была не чувствительна для казны Штатовъ.

Что же касается до стоимости посольства для финансовъ Россіи, то мы находимъ любопытное указаніе въ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“ П. Н. Милюкова (ч. I, стр. 123). Изъ помѣщенной имъ таблицы расходовъ Россіи оказывается, что 200,000 рублей составляли въ среднемъ выводѣ десятую часть русскаго государственнаго расходнаго бюджета 1697—1698 гг., и по этому поводу Циклеръ, одинъ изъ враговъ Петра, имѣлъ нѣкоторое основаніе выразиться, что царь „тащитъ за границу казну многую“ (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, стр. 1166. По изданію Т-ва Общественная Польза).

Приведенные примѣры достаточно воспроизводятъ значеніе документовъ посольства 1697—1698 гг. въ смыслѣ важнаго и любопытнаго матеріала для исторіи цѣнностей и денегъ въ Россіи. Поднесенные голландцами русскимъ подарки, въ видѣ золотыхъ цѣпей, подробно оцѣниваются, какъ въ брошюрѣ Месрмана, такъ и въ статейныхъ спискахъ и вызываютъ на сравненіе съ данными о цѣнности золота въ описи имущества князей Голицыныхъ, относящихся къ тому же времени и напечатанныхъ въ т. IV дѣла Ѳеодора Шакловитаго, изданнаго Археографическою Коммиссіею. Названные документы расширяютъ матеріалъ для выводовъ по исторіи русскихъ денегъ, и въ связи съ нижеслѣдующими соображеніями подтверждаютъ заключенія, къ которымъ пришелъ В. О. Ключевскій въ своемъ трудѣ о русскомъ рублѣ и его цѣнности въ разныя эпохи русской исторіи. По вычисленіямъ В. О. Ключевскаго рубль въ эпоху описываемаго посольства долженъ былъ стоить около 17 современныхъ намъ рублей, а вслѣдствіе монетной реформы 1701 г. упалъ почти на половину въ своей цѣнѣ, т. е. сталъ относиться къ монетѣ нашего времени, какъ 9:1. Выше мы видѣли, что ефимокъ принимался въ 1697—1698 гг. въ цѣну полтинника, т. е. былъ вдвое дешевле рубля; а уже въ 1706 г. князь Б. И. Куракинъ въ той же Голландіи за 50 ефимковъ получилъ всего около 40 руб. (Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, т. I, стр. 144).

Брошюра Месрмана и документы Памятниковъ дипломатическихъ сношеній представляютъ собою богатый финансовый и экономическій матеріалъ, заслуживающій болѣе подробной разработки, чѣмъ могъ себѣ позволить по своей прямой задачѣ и по своимъ научнымъ средствамъ авторъ книги о русскихъ въ Голландіи въ 1697—1698.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ засѣданіи Этнографическаго отдѣленія Императорскаго Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этн. 4 февраля 1897 г. В. М. Истринъ сдѣлалъ докладъ: „Византійско-славянскія сказанія о скрывающемся и возвращающемся царѣ".

Легенда о скрывающемся и возвращающемся царѣ, находящаяся въ связи съ легендой о послѣднемъ царѣ-устроителѣ „золотого вѣка", идетъ съ глубокой древности. Послѣдняя легенда была особенно распространена у евреевъ, отъ нихъ она перешла къ римлянамъ, а отъ римлянъ — къ грекамъ. Обыкновенно эти обѣ легенды въ греческихъ источникахъ путаются между собой: то возвращающійся царь является однимъ лицомъ съ послѣднимъ царемъ, то это—два отдѣльныхъ царя. Эти сказанія всѣ вообще читаются въ т. н. апокрифическихъ редакціяхъ „Видѣнія Даніила", находящихся въ свою очередь въ связи съ редакціями „Откровенія Мефодія Патарскаго". Въ тѣхъ текстахъ „Видѣнія Даніила", на которыхъ замѣтно вліяніе „Откровенія Мефодія", скрывающійся царь является обыкновенно послѣднимъ царемъ: съ нимъ соединяется сказаніе объ антихристѣ и о концѣ міра. Въ греческихъ текстахъ царь называется различно—то Іоаннъ, то Аргиръ, въ большинствѣ же случаевъ его имя облечено въ загадку. Въ славянскихъ текстахъ „Видѣнія", переведенныхъ съ греческаго языка, онъ называется обыкновенно Михаиломъ. Первымъ именемъ было, вѣроятно, Константинъ, но впослѣдствіи оно стало замѣняться другими именами. „Видѣнія Даніила" въ Византіи имѣли характеръ жизненный и тѣсно связывались съ политической жизнью. Наиболѣе крупныя событія возбуждали интересъ къ пророчествамъ, и подъ вліяніемъ живого впечатлѣнія въ нихъ вносились измѣненія, они дополнялись и сокращались. Наиболѣе крупными событіями, повліявшими на возникновеніе новыхъ редакцій „Видѣнія Даніила", были—царствованіе Ираклія, Михаила III и Льва III. Михаилъ III, при которомъ было нападеніе русскихъ на Царьградъ, и есть, по всей вѣроятности, Михаилъ славянскихъ редакцій. Такъ какъ грекъ постоянно мѣнялъ имена царя-побѣдителя и такъ какъ старыхъ греческихъ текстовъ до насъ не дошло, то этимъ и можно объяснить тотъ фактъ, что греческія редакціи не знаютъ имени Михаила. Славянскіе же тексты, переводъ которыхъ относится во всякомъ случаѣ къ XII—XIII вв., получили имя Михаила отъ своихъ оригиналовъ. Такъ какъ для славянина это имя было чужимъ и такъ какъ все содержаніе „Видѣній" не приспособлялось, за ничтожнымъ исключеніемъ, къ славянской исторіи, то имя Михаила оставалось не выкинутымъ и впослѣдствіи изъ одной редакціи „Видѣнія" перешло въ интерполированную редакцію „Откровенія Мефодія". Мѣсто, откуда является царь-побѣдитель, въ сказаніяхъ опредѣляется также различно: то онъ приходитъ съ востока, то скрывается въ самомъ городѣ. Послѣднее было, очевидно, первоначальнымъ, потому-что о Константинѣ и сынѣ его Константіи существовало сказаніе, что они не умерли, слѣд. они находятся въ Царьградѣ. Впослѣдствіи цари постоянно удалялись на востокъ, въ ихъ отсутствіе враги нападали на городъ, цари являлись спасать—очевидно съ востока. Не безъ вліянія въ данномъ случаѣ

было сказаніе объ Іоаннѣ Индійскомъ. Къ славянамъ сказаніе о скрывающемся и возвращающемся царѣ пришло исключительно книжнымъ путемъ и стало достояніемъ книжныхъ, грамотныхъ людей и въ народъ не проникло. До паденія балканскихъ государствъ легенда не имѣла причинъ развиваться, такъ какъ на славянское всемірное царство не было притязанія ни у кого у славянъ, а съ этимъ именно стремленіемъ и связывалась легенда о возвращающемся царѣ. Съ паденіемъ самостоятельности, славяне мало питали интереса къ царю Михаилу, какъ устрояющему царство греческое и строго привязывавшемуся къ св. Софіи. Отъ южныхъ славянъ легенда перешла на Русь. Ея вліяніе сказалось на одной былинѣ богатырскаго эпоса о Михаилѣ Даніиловичѣ, но въ дальнѣйшемъ существованіи легенда не выходила изъ предѣловъ письменности. Въ XV в. подъ вліяніемъ вѣры въ близкій конецъ міра начинается оживленіе стараго сказанія, и, такъ какъ и для русскаго читателя оно не имѣло живого политическаго значенія, то и не подвергалось переработкамъ. XVII и XVIII вѣка, время раскола, распространился старый памятникъ—„Откровеніе Мефодія“, а вмѣстѣ съ нимъ и сказаніе о царѣ Михаилѣ. Такъ какъ этотъ памятникъ сдѣлался достояніемъ главнымъ образомъ простого народа, то изъ старыхъ тетрадокъ сказаніе о царѣ Михаилѣ вторично стало проникать въ народъ. На этомъ пути оно стало терять характеръ письменнаго сказанія и стало получать характеръ народнаго вѣрованія.

---

17 января 1897 г. въ засѣданіи Общества Люб. Древн. Письменности С. Ѳ. Платоновъ прочелъ составленный имъ некрологъ академика К. Н. Бестужева-Рюмина, а Н. П. Барсуковъ—„О пріобрѣтеніи Императоромъ Николаемъ I древнехранилища М. П. Погодина для Императорской публичной библіотеки“.

С. Ѳ. Платоновъ, близко знавшій К. Н. Бестужева-Рюмина и бывшій его слушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ, охарактеризовалъ покойнаго, какъ профессора, учителя и руководителя университетской молодежи. Разносторонне образованный, откликавшійся на все, покойный ученый, правда, не создалъ школы: изъ среды его учениковъ вышли и историки, и философы, и спеціалисты по исторіи искусства; но это же лучше всего свидѣтельствуетъ о той широтѣ взглядовъ, которою отличался К. Н. Бестужевъ - Рюминъ. Кромѣ того С. Ѳ. Платоновъ остановился на главнѣйшихъ моментахъ жизни покойнаго, отмѣтивъ при этомъ, подъ вліяніемъ какихъ лицъ выработались въ немъ разносторонность и то умѣнье истолковывать съ рѣдкимъ безпристрастіемъ самыя разнообразныя точки зрѣнія, какимъ отличался К. Н. въ качествѣ ученаго профессора и литератора-публициста. Увлекавшійся лекціями Кавелина, Соловьева, Грановскаго, Кудрявцева и Крылова, слушавшій съ удовольствіемъ бесѣды Погодина, К. Н. Бестужевъ пріучилъ свою мысль работать разносторонне въ поискахъ за истиной, а стоя далеко отъ текущей общественной жизни, онъ умѣлъ безпристрастно, но не безстрастно, относиться къ самымъ противоположнымъ теоріямъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Н. П. Барсуковъ, на основаніи имѣющейся въ его распоряженіи переписки М. П. Погодина съ друзьями, сообщилъ неизвѣстную доселѣ исторію перехода древнехранилища М. П. Погодина въ собственность Императорской публичной библіотеки. Матеріальное положеніе М. П. къ 1852 г. было чрезвычайно тяжело, онъ не видѣлъ никакого выхода, и вотъ ему пришла мысль продать свое древнехранилище, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ всю опасность держать свой богатый музей въ деревянномъ домѣ. Тѣмъ не менѣе тяжело было Погодину разставаться на старости лѣтъ съ тѣмъ, на что былъ потраченъ трудъ многихъ лѣтъ, что стоило такъ много денегъ. И подъ вліяніемъ этого чувства М. П. Погодинъ обращается къ гр. В. Ѳ. Адлербергу съ просьбой ходатайствовать предъ Государемъ, чтобы ему было оказано денежное вспомоществованіе на постройку каменнаго зданія для храненія древнехранилища. Но гр. В. Ѳ. Адлербергъ, обсудивъ предложеніе М. П., нашелъ болѣе удобнымъ обратиться къ Государю съ просьбой, не найдетъ ли Онъ возможнымъ пріобрѣсти древнехранилище Погодина съ тѣмъ, чтобы открыть въ Москвѣ публичную библіотеку, въ которую кромѣ древнехранилища Погодина, по мнѣнію гр. Адлерберга, можно было бы передать рукописи московск. синодальной библіотеки. Но пока шли эти переговоры, матеріальное положеніе Погодина значительно ухудшилось, и онъ сталъ подыскивать частное лицо, которое могло бы пріобрѣсти древнехранилище. Выборъ Погодина палъ на московскаго купца Лобкова, но послѣдній, къ счастью для науки, отказался, и въ это время пришелъ утѣшительный отвѣтъ отъ гр. Адлерберга: Государь изъявилъ свое согласіе купить древнехранилище Погодина за 150 т. рублей, съ тѣмъ, чтобы передать его въ Императорскую публичную библіотеку. Такое рѣшеніе Государя, обрадовавшее какъ Погодина, такъ и его многочисленныхъ друзей, сохранило для потомства богатое древнехранилище. (Спб. Вѣд., № 18, 1897 г.).

Въ засѣданіи того-же Общества, состоявшемся 31 января 1897 г., было сдѣлано академикомъ А. А. Шахматовымъ интересное сообщеніе о составѣ и времени написанія памятника, извѣстнаго подъ именемъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. По мнѣнію референта, древнѣйшая часть нашей лѣтописи, сходная во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ, составлена въ 1118 году. На это предположеніе его наводитъ, кромѣ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ самой лѣтописи, напр., разговоръ съ Гюрятой Рогатичемъ, и ближайшее разсмотрѣніе „Поученія Владиміра Мономаха“, вставленнаго въ Лаврентьевскій списокъ лѣтописи подъ 1096 г. До сихъ поръ господствовало мнѣніе, что „Поученіе“ это было составлено Мономахомъ въ 1099 году, но А. А. Шахматовъ обратилъ вниманіе на то, что разсказъ о событіяхъ жизни Мономаха не прерывается въ „Поученіи“ на 1099 году, а въ болѣе краткой формѣ продолжается до 1117 г. включительно. Это обстоятельство навело референта на мысль, что „Поученіе“, начатое не въ 1099, а въ 1096 г., продолжалось Мономахомъ и впослѣдствіи, что здѣсь мы имѣемъ передъ собой

скорѣе не „Поученіе“, а дневникъ Мономаха, его лѣтопись. Но почему же въ такомъ случаѣ разсказъ прерывается 1117 г., а не доведенъ до года смерти великаго князя? „Потому, отвѣчаетъ референтъ, что въ этомъ-то именно году мономахова лѣтопись и была внесена въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Автору послѣдняго памятника была доступна велико-княжеская казна, изъ нея онъ взялъ договоры, напр., договоръ Олега съ греками, въ ней же нашелъ онъ и мономахову лѣтопись, которую, сокративъ въ особенности во второй ея части, онъ и внесъ въ свой трудъ подъ 1096 г. Итакъ, наша лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, въ древнѣйшей своей части была составлена въ Кіевѣ въ 1118 году. Составитель ея, кромѣ найденнаго имъ въ велико-княжеской казнѣ матеріала, имѣлъ подъ руками первоначальную кіевскую лѣтопись, сложившуюся въ Печерскомъ монастырѣ; но онъ пользовался ею въ той ея редакціи, которую ей придалъ въ 1100 г. игуменъ Михайловскаго монастыря Сильвестръ. Послѣдній же не былъ продолжателемъ печерской лѣтописи: онъ только пополнилъ ее подробностями, найденными имъ въ житіи св. Антонія Печерскаго, составленномъ позднѣе печерской лѣтописи и внѣ стѣнъ Печерскаго монастыря.

Послѣ этого сообщенія, вызвавшаго оживленныя пренія, Н. П. Барсуковъ прочелъ докладъ о пріобрѣтеніи Императоромъ Николаемъ I погодинскаго древнехранилища. Это сообщеніе служило продолженіемъ реферата, прочтеннаго Н. П. въ засѣданіи 17 января. Передавъ подробности отсылки погодинскаго древнехранилища въ Петербургъ, и поѣздку туда же самого Погодина, Н. П. Барсуковъ окончилъ свое сообщеніе разсказомъ о посѣщеніи Императоромъ Николаемъ I публичной библіотеки; осмотрѣвъ внимательно погодинское древнехранилище, Государь, уходя, замѣтилъ: „коллекція эта драгоцѣнна; быть можетъ, я заплатилъ за нее нѣсколько дорого, но во всякомъ случаѣ радъ и душевно радъ, что ее пріобрѣлъ“. (Спб. Вѣд., № 33, 1897 г.).

Въ засѣданіи того же Общества 12 февраля 1897 г. подъ предсѣдательствомъ академика Л. Н. Майкова, было сдѣлано два сообщенія: А. Н. Пыпина „Мастерская поддѣльныхъ рукописей Сулакадзіева (или Селакадзіева) и А. К. Бороздина „О раскольничьемъ житіи патріарха Никона“.

А. Н. Пыпинъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ извѣстномъ собирателѣ рукописей въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія Сулакадзіевѣ, коллекція котораго пользовалась такою извѣстностью, что гр. Румянцевъ поручилъ даже Востокову осмотрѣть ее. Но въ то же время современникамъ Сулакадзіева было извѣстно, что онъ, страстный любитель русской старины, не ограничивался только тѣмъ, что пріобрѣталъ рукописи, онъ ихъ, кромѣ того, искажалъ и дополнялъ своими вставками и замѣтками съ цѣлью придать имъ большую древность. Такъ, по крайней мѣрѣ, отзывались о немъ Строевъ, какъ это видно изъ его переписки съ Устряловымъ, и въ особенности епископъ Евгеній Болховитиновъ въ письмахъ своихъ къ

Карамзину, Городчанинову, игумену Дамаскину и Державину. Переписка съ послѣднимъ возникла у епископа Евгенія по поводу того, что Державинъ сообщилъ ему о полученіи отъ Сулакадзіева списка гимна Боянова I вѣка на „словено-рунскихъ“ письменахъ, и списка отвѣтовъ новгородскихъ жрецовъ V вѣка. Такой же отзывъ о Сулакадзіевѣ, какъ о фальсификаторѣ, далъ Державину позднѣе (въ 1810 году) и Оленинъ. А. Н. Пыпину удалось пріобрѣсти составленный самимъ Сулакадзіевымъ каталогъ его рукописей, и тамъ, дѣйствительно, рядомъ со всевозможными апокрифическими, извѣстными только по имени рукописями, мы находимъ указаніе на то, что въ коллекціи Сулакадзіева имѣлся гимнъ Бояновъ „весьма древній“, „повидимому I или II вѣка“, и отвѣты новгородскихъ жрецовъ V вѣка; обѣ рукописи писаны „словено-рунскими“ письменами. Но что же заставляло Сулакадзіева дѣлать подобныя поддѣлки? Онъ былъ собирателемъ рукописей, самъ онъ ими не торговалъ, такъ что о какихъ-либо корыстныхъ цѣляхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи: и, по мнѣнію А. Н. Пыпина, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ „идеалистической“ поддѣлкой, вызванной тѣми же стремленіями, которыя создали поэмы Оссіана, Судъ Любушинъ, Краледворскую рукопись и тому подобныя рѣдкости. По словамъ А. Н., „это—черта времени, желаніе подкрасить старину, при недостаточномъ знакомствѣ съ фактами“. А. Н. Пыпинъ думаетъ, что Сулакадзіевъ „не былъ поддѣльщикъ или мистификаторъ, а фантазеръ, обманывавшій прежде всего самого себя, гнавшійся пополнить свои фантастическія представленія о мало извѣстной ему старинѣ“. Отъ подобныхъ увлеченій восполнить пробѣлы неизвѣстнаго намъ о давно минувшихъ дняхъ нашей жизни не былъ, какъ указалъ А. Н. Пыпинъ, свободенъ и И. А. Сахаровъ, составившій себѣ столь громкое имя въ нашей литературѣ и наукѣ.

Сообщеніе А. Н. Пыпина вызвало замѣчаніе Н. П. Лихачева, указавшаго на то, что Сулакадзіевъ, несомнѣнно поддѣлывавшій рукописи, былъ въ то же время человѣкомъ крайне начитаннымъ и свѣдущимъ. Н. П. Лихачеву удалось пріобрѣсти одинъ томъ „Опыта россійской библіографіи“ Сопикова, принадлежавшій Сулакадзіеву; здѣсь, на поляхъ и отдѣльныхъ вклеенныхъ листкахъ, помѣщено рукой самого Сулакадзіева не мало весьма цѣнныхъ дополненій къ труду Сопикова.

А. К. Бороздинъ сообщилъ Обществу, что имъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ Императорской публичной библіотекѣ, найдено неизвѣстное доселѣ житіе патріарха Никона. Житіе это, составленное какимъ-то раскольникомъ, написано въ духѣ, крайне враждебномъ Никону; авторъ житія старается доказать, что Никонъ, если не былъ самимъ антихристомъ, то былъ, по крайней мѣрѣ, его предтечей. Но, не сообщая много новаго о жизни патріарха Никона, житіе это интересно по сообщаемымъ имъ совершенно новымъ подробностямъ, которыя сопровождали первый моментъ ссоры Никона со справщиками; здѣсь мы находимъ новыя свѣдѣнія о соборѣ недовольныхъ справщиковъ, здѣсь же указаны обстоятельно мотивы

ихъ протеста противъ исправленія книгъ. Наконецъ, житіе это свидѣтельствуетъ о томъ, что среди первыхъ нашихъ раскольниковъ былъ распространенъ обычай самосожженія; авторъ рѣзко нападаетъ на этотъ обычай, говоря, что самосожженіе допустимо только тогда, когда грозитъ явная и ничѣмъ неотвратимая опасность, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ самосожженіе вредно, такъ какъ оно подрываетъ уваженіе къ тѣмъ лицамъ, которыя рѣшились на эту мѣру только въ виду дѣйствительной крайности. (Спб. Вѣд. № 44. 1897).

Въ С.-Петербургскомъ Обществѣ архитекторовъ, художникъ Н. Н. Щербина-Краморенко дѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ въ восточную часть Средней Азіи (Бухары), куда онъ былъ командированъ Академіей Художествъ для изслѣдованія памятниковъ древности. Интересное сообщеніе было иллюстрировано фотографіями, акварельными рисунками, портретами, картинами волшебнаго фонаря и демонстраціями осколковъ кирпичей и обиходныхъ предметовъ. Богатыя памятниками и развалинами мѣста, встрѣчающіяся по рѣкамъ Аму-Дарьѣ и Сыръ-Дарьѣ, въ голодной степи Джезака, свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда жилъ не только матеріально обезпеченный, но и духовно и нравственно развитый человѣкъ, ибо художественное творчество не могло бы явиться въ угнетенномъ народѣ. Въ Самаркандѣ и Ташкентѣ возникъ серьезный интересъ къ археологіи края. Въ Самаркандѣ 21-го іюля 1896 года открытъ музей; въ Ташкентѣ, расположенномъ среди ауловъ и юртъ дикихъ туземцевъ, въ археологическомъ кружкѣ уже болѣе 100 членовъ. Мѣстная интеллигенція понимаетъ значеніе древнихъ памятниковъ и принимаетъ мѣры охранять ихъ отъ расхищенія. Изъ Самарканда и началъ свое путешествіе докладчикъ въ глубь Бухары. Въ Махшевадскомъ ущельѣ онъ посѣтилъ пещеру на высотѣ 10,000 ф., гдѣ лежитъ превосходно сохранившійся скелетъ человѣка съ высохшими мускулами, Хазремъ-Исхадъ-Паи-Хамбаръ (по мѣстному—пророкъ). Ходъ въ пещеру труденъ и исполненъ опасностей. Изъ Махшевадской пещеры путешественникъ направился къ оз. Искандеръ-Куль (Александра Великаго). 29-го іюля послѣ ночлега шли по снѣгу отъ 8 до $12^1/_2$ час. по другую сторону перевала, до Каратага, гдѣ встрѣтили ихъ посланцы Астанакулъ-бека-Кушъ-беги. Бекъ оказалъ русскому путешественнику любезный пріемъ, подарилъ коня. Каратагъ лѣтомъ резиденція бека. Изъ Каратага путешественникъ прошелъ къ Аму-Дарьѣ, къ древнему Термизу, гдѣ есть дивный памятникъ Хаджи-Али-Ханымъ—изъ бѣлоснѣжнаго мрамора, точно мелкими кружевами покрытый чудной рѣзьбой; затѣмъ посѣтилъ развалины города Гульгуля, гдѣ подъ рядами мавзолеевъ Султанъ-Сихдадъ лежатъ до 100 потомковъ султана. Отсюда докладчикъ прошелъ въ Керки—русское поселеніе, неудачно выбранное, уровень котораго ниже уровня воды въ Аму-Дарьѣ, почему въ селеніи сырость. Дорогой въ это время путешественникъ отдалъ обильную дань злой бухарской лихорадкѣ. Въ Мургабскомъ государевомъ имѣніи путешественникъ изучалъ древ-

ніе замѣчательные памятники XII вѣка Султанъ Санджаръ. (Нов. Вр., № 7525, 1897 г.).

24-го февраля 1897 г. состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Доклады представили Г. Ф. Церетели „По поводу вѣнской рукописной книги Бытія“ и С. А. Жебелевъ „Теорія Фуртвенглера о копіяхъ греческихъ статуй“. Рукопись, которою занялся г. Церетели, роскошно издана въ 1895 г. Hertel'емъ, и Wickhoff'омъ; она состоитъ изъ 26 листовъ пурпурнаго пергамента и писана серебромъ. Впрочемъ, послѣдніе два листа не относятся къ книгѣ Бытія и лишь случайно попали въ этотъ кодексъ, представляя листы того Евангелія, тридцать листовъ котораго пріобрѣтены нашимъ правительствомъ въ прошломъ году и находятся теперь у насъ, въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ; другіе листы этого Евангелія находятся на о. Патмосѣ, въ Лондонѣ и въ Римѣ. Вѣнская рукопись книги Бытія не заключаетъ въ себѣ полнаго текста первой книги Пятикнижія; скорѣе это сборникъ миніатюръ съ соотвѣтственнымъ текстомъ на каждой страницѣ умѣщеннымъ сверху рисунка, къ которому онъ являетея поясненіемъ. Докладчикъ на основаніи палеографическихъ соображеній утверждаетъ, что этотъ памятникъ относится къ концу VI или началу VII вѣка. (Нов. Вр. № 7543, 1897 г.).

25-го февраля, 1897 г. состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Въ этомъ засѣданіи собраніе отдѣленія горячо привѣтствовало своего сочлена Н. Ѳ. Петровскаго, нашего консула въ Кашгарѣ. Въ послѣдніе годы собраніе неоднократно занималось разборомъ драгоцѣнныхъ предметовъ древности, присылавшихся Н. Ѳ. Петровскимъ; съ тѣмъ большимъ интересомъ собраніе отдѣленія выслушало его личный докладъ о тѣхъ условіяхъ собиранія древностей, при которыхъ это собираніе совершается. Вмѣстѣ съ тѣмъ собранію была представлена большая коллекція древностей, привезенныхъ Н. Ѳ. Петровскимъ. Первое мѣсто въ открытіяхъ Н. Ѳ. Петровскаго занимаютъ рукописи на кожѣ, корѣ и бумагѣ; затѣмъ идутъ терракоты и монеты. Относительно рукописей Н. Ѳ. Петровскій оказался въ данномъ случаѣ на стражѣ интересовъ русскихъ оріенталистовъ, начавъ пріобрѣтать отрывки рукописей на березовой корѣ одновременно съ англійскими собирателями; но и теперь туземцы безпощадно разрываютъ на части одну и ту же рукопись, чтобы одну часть продать русскимъ, а другую англичанамъ. Терракоты Н. Ѳ. Петровскаго, относясь къ буддійскому культу, отличаются большимъ разнообразіемъ и во многихъ случаяхъ художественностью. О двухъ рукописяхъ Н. Ѳ. Петровскаго сдѣлалъ сообщенія С. Ѳ. Ольденбургъ. Это памятники индійскаго прокритскаго письма, того рода письменности, которая восходитъ въ VII в. до Р. Хр. и живетъ въ Индіи

до III в. по Р. Хр. включительно. Разбираемыя двѣ рукописи писаны на березовой корѣ; это буддійскіе тексты этическаго содержанія на тему о томъ, кого надо понимать подъ именемъ настоящаго брахмана. Докладчикъ, опираясь на прочныя палеографическія и другія данныя, относитъ эти рукописи къ эпохѣ первыхъ вѣковъ до и послѣ Р. Хр. и такимъ образомъ передъ нами являются памятники письменности, которые на 4—5 столѣтій древнѣе извѣстныхъ рукописей этого рода.

Въ томъ же засѣданіи былъ предъявленъ снимокъ съ надписи, присланный изъ Ташкента барономъ А. В. Вревскимъ. Надпись эта на камнѣ найдена и снята однимъ изъ членовъ мѣстнаго кружка любителей археологіи. По разсмотрѣніи въ восточномъ отдѣленіи археологіи общества, надпись эта, какъ оказывается, сдѣлана орхонскими письменами, но для дальнѣйшаго изслѣдованія нуждается въ болѣе точномъ воспроизведеніи. (Нов. Вр. № 7546, 1897 г.).

7-го февраля 1897 г. въ Археологическомъ институтѣ былъ прочитанъ рефератъ А. И. Никольскаго „Славянскій пергаментный списокъ XIV в. хроники Георгія Амартола, хранящійся въ библіотекѣ московской духовной академіи". Въ началѣ реферата сообщаются краткія свѣдѣнія о личности Георгія Амартола, о содержаніи и значеніи его хроники; потомъ перечисляется спеціальная литература предмета и отдѣльныя мнѣнія по данному вопросу различныхъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ хроники. Вторая часть реферата посвящена описанію самой рукописи документа, хранящейся въ библіотекѣ московской духовной академіи. Эта рукопись не сохранилась въ цѣлости: выходной и заглавный листы оторваны, конецъ рукописи также утраченъ, такъ что хроника доведена только до IX вѣка. Вся рукопись заключаетъ въ себѣ 273 листа in folio, со 127 миніатюрами тщательной работы; писана на пергаментѣ. Письмо рукописи уставное, двухъ совершенно различныхъ почерковъ: первая половина писана крупнымъ квадратнымъ шрифтомъ, а вторая, болѣе поздняя—нѣсколько удлиненнымъ. Мѣстами рукопись нѣсколько попорчена, но въ общемъ сохранилась очень хорошо. Палеографическія данныя рукописи позволяютъ относить ее къ половинѣ XIV вѣка. (СПБ. Вѣд., № 41, 1897 г.).

Въ засѣданіи Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ, 31 янв. 1897 года, предсѣдатель Общества Ѳ. Т. Мищенко доложилъ отчетъ о занятіяхъ Предварительнаго Комитета XI Археологическаго съѣзда, происходившихъ въ Москвѣ въ началѣ января мѣсяца; при этомъ Ѳ. Т. Мищенко замѣтилъ, что въ занятіяхъ съѣзда пока мало отведено мѣста востоковѣдѣнію, и что этотъ пробѣлъ должно пополнить Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Общество рѣшило предпринять нѣкоторыя подготовительныя работы по востоковѣдѣнію и выступить съ результатами ихъ на кіевскій съѣздъ. Далѣе, М. Ѳ. Катановъ

прочелъ сообщеніе А. А. Диваева,—о происхожденіи злыхъ духовъ по вѣрованіямъ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области. Въ этомъ сообщеніи говорится о злыхъ духахъ, джинахъ, дивахъ и албастахъ. Послѣдніе, по повѣріямъ киргизовъ, произошли отъ Евы, такъ какъ приносятъ вредъ женщинамъ, особенно при родахъ. Дивы и джины могутъ вредить, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Джинъ можетъ вселиться въ человѣка, который отъ этого дѣлается бѣсноватымъ. Александръ Македонскій заключилъ всѣхъ злыхъ духовъ въ ущелье, которое задѣлалъ мѣдью, оловомъ и желѣзомъ. Антихристъ при своемъ пришествіи освободитъ злыхъ духовъ и они будутъ мучить людей. Тѣ злые духи, которыхъ не удалось заключить въ ущелье Александру Македонскому, продолжаютъ вредить людямъ. Каждый народъ имѣетъ своихъ злыхъ духовъ—пери, соотвѣтственно чему послѣдніе дѣлятся на колѣна.

Проф. А. М. Александровъ прочелъ историческіе матеріалы XVII вѣка, присланные В. М. Терехинымъ, касающіеся быта инородцевъ Пензенскаго края. Затѣмъ былъ прочитанъ второй докладъ А. А. Диваева о древне-киргизскихъ похоронахъ.

V.

Библіографія.

Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ: Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. V. Курганныя древности и клады домонгольскаго періода. (СПБ. 1897, стр. 163, 4°, съ 225 рис. въ текстѣ).

Вновь вышедшій V-й выпускъ извѣстнаго изданія гр. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова отличается особеннымъ интересомъ, такъ какъ содержитъ въ себѣ освѣщеніе матеріала, до настоящаго времени весьма мало подвергавшагося научной разработкѣ. Авторы предпосылаютъ обзору памятниковъ общую характеристику быта славянскихъ племенъ, начиная съ языческаго періода до начала монгольскаго ига, и затѣмъ переходятъ къ обзору самыхъ древностей, добытыхъ изъ могильниковъ преимущественно центральной полосы Россіи, заселенной въ ту эпоху славянской и финской народностями. Но особенное вниманіе авторами посвящено описанію кладовъ и случайно сохранившихся памятниковъ той же домонгольской эпохи, относящихся къ церковной святынѣ или великокняжеской одеждѣ, какъ напр. шапка Мономаха, окладъ Мстиславова Евангелія и т. п. При описаніи какъ курганныхъ древностей, такъ и кладовъ и пр. авторы особенно подробно и обстоятельно выясняютъ художественный стиль памятниковъ и самый ихъ генезисъ. Эти разъясненія, часто посредствомъ удачныхъ аналогій, обнаруживающихъ во всякомъ случаѣ большую эрудицію авторовъ, многимъ памятникамъ придаютъ совершенно новое объясненіе, которое хотя можетъ вызывать несогласіе, но одновременно должно содѣйствовать выясненію многихъ

спорныхъ вопросовъ русской археологіи. Примѣрами подобныхъ спорныхъ вопросовъ могутъ служить мнѣнія авторовъ о времени устройства и о первоначальномъ назначеніи шапки Мономаха, равно какъ и объясненія значенія извѣстныхъ бронзовыхъ изображеній птицъ съ человѣческой фигурой, весьма характерныхъ для Пріуральскаго края.

Но останавливаясь на художественной характеристикѣ курганныхъ древностей, авторы лишь слегка касаются погребальныхъ обрядовъ и связанныхъ съ ними религіозныхъ и бытовыхъ чертъ. Вотъ почему наибольшій научный интересъ этого изданія сосредоточивается на страницахъ, посвященныхъ описанію кладовъ, которое представляетъ для насъ первый систематическій анализъ интересныхъ памятниковъ этого рода. Въ данномъ случаѣ эрудиція авторовъ выражается не только при характеристикѣ стиля, но и при описаніи разнаго рода художественной техники. Для примѣра укажемъ на мастерское разъясненіе техники византійскаго финифтяного и сканного дѣла въ сравненіи съ русской техникой. Мы не будемъ указывать на нѣкоторыя неточности въ отдѣлѣ курганныхъ древностей, неизбѣжныя при обиліи, разнообразіи и разбросанности матеріала; эти неточности искупаются вполнѣ научной систематичностью изложенія и самой характеристикой выдающихся памятниковъ выбраннаго авторами періода.

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что изданіе отличается тѣмъ же изяществомъ и богатствомъ рисунковъ, всегда удачно выбранныхъ, какъ и предшествующіе выпуски, при чемъ нельзя не поставить въ заслугу авторамъ и дешевизну самаго изданія.

Некрологъ.

† Ф. В. Духовниковъ.

1 февраля 1897 г. скончался въ Саратовѣ одинъ изъ скромнѣйшихъ и вмѣстѣ достойнѣйшихъ представителей мѣстнаго интеллигентнаго общества, Флег. Вас. Духовниковъ, съ именемъ котораго соединены археологическія работы въ краѣ послѣдняго времени.

Въ противоположность извѣстному земляку своему Леопольдову, спокойному и опредѣленному, это былъ живой, рѣшительный на внезапныя предпріятія человѣкъ, способный быстро возгораться на доброе и послѣ того скромно и неутомимо работать. Какъ въ началѣ съ милымъ пристрастіемъ отнесся онъ къ своимъ педагогическимъ обязанностямъ, какъ послѣ увлекался своею книжною торговлею, съ такимъ же оживленіемъ и интересомъ принялся онъ затѣмъ за литературныя работы и наконецъ предался занятіямъ мѣстною археологіей. Выборъ темъ для первыхъ работъ (ихъ было не очень много, такъ какъ Фл. Вас., конечно, изъ уваженія къ печатному слову, выступилъ поздно)

и изложеніе характеризуютъ человѣка, не уставшаго отъ жизни и не утратившаго своихъ молодыхъ идеаловъ; основными темами его были вопросы школьнаго образованія и газетнаго дѣла. Одной большой, центральной темы у Ф. В. впрочемъ долгое время не было, пока обстоятельства не привели его къ занятіямъ мѣстными древностями. Тутъ, этотъ постоянно больной, но бодрый душою человѣкъ въ короткое время, несмотря на болѣзнь и на непріятности, которыя, къ сожалѣнію, сопровождали его скромную дѣятельность въ этомъ направленіи, сдѣлалъ неожиданно много. Главною его страстью и заботою стало слѣдить за земляными работами, производившимися въ развалинахъ Увека, и изучать его прошлое; то и другое онъ дѣлалъ прекрасно. Надо было видѣть, съ какою неутомимостью и искусствомъ производилъ онъ свои развѣдки на мѣстѣ о вновь найденныхъ вещахъ, съ какимъ упорствомъ везъ онъ въ Саратовъ громоздкіе и тяжелые камни, жернова, котлы, кирпичи. Въ 2—3 года своихъ наблюденій онъ собралъ на Увекѣ несомнѣнно лучшую изъ коллекцій, когда-либо здѣсь составлявшихся. Работы надъ топографіей и исторіей Увека естественнымъ образомъ привели Ф. В. къ темамъ о татарской культурѣ вообще, а также и къ другимъ разнообразнымъ вопросамъ по мѣстной археологіи. Каждое изъ довольно частыхъ писемъ Ф. В. ко мнѣ заключало какія-нибудь новыя свѣдѣнія или соображенія; кое-что изъ собраннаго имъ матеріала тогда же печаталось въ мѣстныхъ изданіяхъ (напр., свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, о пещерахъ, о городищѣ противъ гор. Саратова). Занятія свои археологіею Ф. В. велъ безъ малѣйшаго разсчета и безъ тѣни самолюбія, лишь по внутренней потребности къ работѣ и въ интересахъ дѣла, къ которому онъ относился юношески—чисто и доброжелательно. По личному характеру это былъ человѣкъ беззлобивый, но стойкій въ томъ, что признавалъ правдою, человѣкъ съ добрѣйшею душою, но иногда опредѣленно прямой и рѣзкій на словахъ, что нисколько не мѣшало уважать его тѣмъ, кто его ближе зналъ.

Саратовъ далеко не лишенъ литературныхъ силъ. Но долго намъ будетъ не доставать тамъ Духовникова, и не такъ скоро примиримся мы съ этой, хотя и неизбѣжной утратой.

А. Спицынъ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.; томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869 - 70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893 - 1895 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ - посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№ 4.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ № 4.

Стр.

I. **В. Н. Щепкинъ.** Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея . 97
II. Археологическая хроника 129
III. Засѣданія Обществъ 132
IV. Библіографія 135

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1897 г. № 4

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1945 г. БИБЛИОТЕКА НИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы

I.

Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея.

Историческимъ Музеемъ пріобрѣтены два замѣчательныхъ сборника—одинъ XVIII, другой XVI вѣка; первый имѣетъ значительный исторической интересъ, второй чрезвычайно важенъ въ художественномъ отношеніи.

I.

Сборникъ XVIII вѣка, въ четверку, на 468 листахъ, писанный мелкимъ искусственнымъ полууставомъ, видимо подражающимъ шрифту нѣкоторыхъ старопечатныхъ изданій, относится, кажется, ко второй четверти указаннаго столѣтія [1]). Написанная вѣроятно уже послѣ смерти Петра, эта рукопись дышетъ воспоминаніемъ эпохи великаго преоб-

1) Костюмъ антихриста и его рати, о которомъ говорится ниже, въ общихъ чертахъ воспроизводитъ военную форму Петровскаго времени (кафтанъ, шляпа, волосы, галстукъ, обшлага рукавовъ и т. п.; очень часто рисунки изображаютъ петровскихъ «фузелеровъ» вооруженныхъ ружьями). Но одна подробность заимствована по б. ч. изъ русской военной формы, установленной въ 1732 году: въ петровскомъ военномъ кафтанѣ фалды спереди заходятъ одна за другую и только верхняя (лѣвая) имѣетъ отворотъ. На рисункахъ музейскаго сборника фалды по б. ч. только соприкасаются, при чемъ въ низу каждая изъ нихъ имѣетъ и отвороту (форма 1732 г. см. Висковатова „Истор. опис. одежды и вооруж. росс. войскъ“).

разователя. Въ рисункахъ рукописи отразилось очень опредѣленно отрицательное отношеніе къ петровской реформѣ. Сборникъ долженъ быть отнесенъ къ произведеніямъ раскольничей письменности и его рисунки возникли, повидимому, въ одномъ изъ крайнихъ раскольничьихъ толковъ (какъ предполагаютъ, въ сектѣ бѣгуновъ). Рукопись, заключающая толковый Апокалипсисъ и два особенно популярныхъ сказанія о концѣ міра, относится къ столь распространенному типу сборниковъ эсхатологическаго содержанія. Иллюстраціи рукописи, въ которыхъ выражено враждебное отношеніе къ петровской реформѣ, отнюдь не могутъ быть названы политическими каррикатурами: это вполнѣ серіозныя произведенія гонимаго религіознаго фанатизма, отождествившаго традиціонныя описанія конца міра съ русской дѣйствительностью начала XVIII вѣка. Глубокимъ суевѣрнымъ чувствомъ дышатъ эти рисунки, и условія исторической эпохи отражаются въ нихъ весьма реально.

Всѣ отдѣлы и главы рукописи украшены заставками по б. ч. того травнаго орнамента, который принято называть поморскимъ. Тотъ же стиль обнаруживаютъ многочисленные, исполненные киноварью иниціалы. На л. 1 начинается „предисловіе къ читателю“, на л. 9 оглавленіе, на л. 12 предисловіе Андрея епископа Кессарійскаго къ Апокалипсису, съ л. 15 начинается текстъ Апокалипсиса. Толкованія сводныя, причемъ подъ киноварнымъ заглавіемъ „Андреевъ толкъ“ выдѣляются обыкновенно толкованія Андрея еп. Кессарійскаго. Рисунки Апокалипсиса не отличаются рѣзко отъ обычныхъ позднихъ иллюстрацій этого памятника. Отмѣтимъ, однако, присутствіе бытового элемента: церкви, изображенныя въ большомъ видѣ на оборотахъ листовъ 31, 34, 38, 139 и 186-го, носятъ вполнѣ реальный характеръ. На об. л. 89 слуги антихриста впервые изображены въ военныхъ кафтанахъ съ отворотами. Надъ фигурами въ красныхъ и синихъ кафтанахъ на л. 201 об. находимъ надпись: „отступники“, на л. 316 об. надпись: „чародѣи чловѣцы“ (изъ послѣдней гл. Апокалипсиса). Въ точно такомъ же костюмѣ изображенъ и самъ антихристъ: на л. 141 об. онъ сидитъ на престолѣ, на л. 281 об. осаждаетъ святой градъ. Художникъ надѣляетъ антихриста отталкивающими, дикими чертами лица. Особенно поражаетъ выдавшійся носъ, широкійи угловатый, напоминающій неуклюжіе носы старинныхъ нѣмецкихъ гравюръ. Такой типъ антихриста, въ отличіе отъ типовъ, встрѣчающихся далѣе, можетъ быть названъ фантастическимъ. Равнымъ образомъ, изображеніе „жены, облеченной въ порфиру, съ златою чашей въ рукѣ“ (л. 226 об., гл. 17 Апокалипсиса), не имѣетъ въ виду реальнаго лица, хотя вся фигура и могла заимствовать отдѣльныя черты изъ какого-нибудь изображенія русской царицы XVIII вѣка. Для настроенія

художника интересно отмѣтить, что изображенія хищныхъ птицъ, находимыя на картинѣ л. 256 об., повторены имъ въ большемъ видѣ и на слѣдующей заставкѣ: на заставкѣ это повидимому два черныхъ ворона, помѣщенные симметрично, другъ къ другу клювами. Извѣстно, что изображенія зловѣщихъ, фантастическихъ птицъ были господствующими въ русскомъ орнаментѣ въ мрачную эпоху XIII—XIV вѣка.

Вслѣдъ за Апокалипсисомъ, на л. 324, начинается вторая часть рукописи подъ заглавіемъ: „Въ недѣлю мясопустную блаженнаго Иппо-

Рис. 7.

лита папы Римскаго и мученика слово о скончаніи мира и о антихристѣ и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа и о страшномъ его судѣ".

Этотъ памятникъ даетъ художнику самый обильный матеріалъ для изображенія дѣйствительности. Уже на л. 326 появляются петровскіе солдаты въ описанномъ выше костюмѣ; надъ ними надпись: „страну вашу

чуждіи поядятъ“ (изъ Исаіи). Далѣе этотъ костюмъ появляется чуть не на каждомъ рисункѣ. Отмѣтимъ нѣсколько такихъ рисунковъ: на л. 335, подъ надписью „егда услышите брани и нестроенія“ изображено петровское войско, сражающееся, повидимому, съ казаками; на л. 359, подъ надписью: „оружіемъ отъ діавола падутъ“ петровскіе солдаты разстрѣливаютъ связанныхъ старцевъ, облеченныхъ во власяницы. На л. 376 об. представлено, какъ всѣ грады чрезъ посланія привлекаются

Рис. 8

въ подданство антихристу: у воротъ города человѣкъ въ красномъ кафтанѣ держитъ въ рукѣ развернутый свитокъ; вправа, рядомъ съ нимъ барабанщикъ, бьющій въ барабанъ. Въ этой части рукописи встрѣчаются три типа антихриста. На л. 367 находимъ уже знакомый фантастическій типъ. На лл. 378 об. и 380 об. антихристъ, сидящій на престолѣ, и антихристъ, возносимый діаволами на воздухъ, имѣетъ тотъ же костюмъ,

но типъ лица иконографическій. Но самымъ распространеннымъ является третій типъ, въ которомъ нельзя не узнать черты самого великаго преобразователя. Въ такомъ видѣ антихристъ нѣсколько разъ изображенъ на престолѣ, причемъ одно изъ самыхъ похожихъ изображеній имѣемъ на л. 363 об., гдѣ антихристъ провозглашается царемъ. Столь же хорошъ рисунокъ на л. 354 об., гдѣ антихристъ возстановляетъ Іерусалимскій храмъ: на первомъ планѣ фигура антихриста: властнымъ жестомъ, сильнымъ сложеніемъ и чертами лица онъ напоминаетъ Петра. Стѣны и куполы огромнаго зданія уже воздвигнуты; два каменщика сидятъ на стѣнахъ вверху и работаютъ, а два діавола носятъ имъ камни (рис. 7). Этотъ „историческій“ типъ антихриста переносится иногда и на его окруженіе. Такъ напримѣръ на изображеніи рожденія антихриста (см. рис. 8) представлена семейная сцена въ обстановкѣ начала XVIII вѣка. Сидящій влѣво отецъ антихриста обнаруживаетъ черты того же типа. Рисунокъ издается здѣсь, какъ одно изъ самыхъ крупныхъ по размѣру изображеній этого типа. Особенно мрачнымъ настроеніемъ отмѣчена картина на листѣ 382 об. Она носитъ надпись: „Тогда послетъ въ горы и въ вертепы и въ пропасти земныя бѣсовскія полки, во еже взыскати и изообрѣсти скрывшаяся отъ очію его и тѣхъ привести на поклоненіе его“. Внизу, налѣво, подъ краснымъ балдахиномъ, сидитъ на престолѣ антихристъ и указываетъ рукою впередъ; передъ нимъ вправо выступающій военный отрядъ, руководимый синимъ діаволомъ, направляется къ скиту, стоящему среди дремучаго лѣса. Кверху изображены высокія горы съ тремя пещерами; въ нихъ спасаются міряне и иноки, одинъ изъ нихъ, влѣво, молится предъ иконой. Два отряда петровскихъ солдатъ, руководимые діаволами, подымаются вверхъ по лѣсистымъ склонамъ. Далѣе слѣдуютъ картины, въ которыхъ укрывшихся ведутъ къ антихристу; отпавшіе знаменуются его печатью, вѣрные предаются на муку, изображаются также страданія принявшихъ печать. На л. 389 об. подъ надписью: „Слышащіе бо божественныя писанія .....въ горахъ и вертепахъ скрыются“ снова видимъ скиты, затерявшіеся въ лѣсу, въ гористой мѣстности, и праведныхъ молящихся и читающихъ книги. На л. 401 об. изображена казнь антихриста, на л. 411 Христосъ вводитъ праведныхъ въ рай: изображена часть райской стѣны съ башней и высокія райскія врата, въ которыхъ стоятъ два ангела, поддерживая большой восьмиконечный крестъ, На стѣнѣ двѣ райскія птицы, за ними деревья.

На л. 416 начинается послѣдняя часть рукописи; она носитъ заглавіе: „Въ недѣлю мясопустную преподобнаго отца нашего Палладія мниха слово о второмъ пришествіи Христовѣ и о страшномъ судѣ его

и о будущей муцѣ и о умиленіи души“ и тутъ же прибавлено: „выписано изъ повѣсти, изъ книги Соборника печатнаго, Ипполитъ—слово г̃, а сие слово д̃—е“.

Рисунки этой части, по характеру вообще сходные съ предыдущими, по своему содержанію представляютъ мало повода для бытовыхъ изображеній, они состоятъ главнымъ образомъ въ изображеніяхъ мукъ адскихъ и радостей рая. На л. 417 об. слѣдуетъ отмѣтить фигуру съ длинными рукавами, замѣняющими перчатки. Эта подробность заставляетъ предположить для рисунковъ третьей части рукописи оригиналъ XVII в.

II.

Замѣчательный сборникъ, содержащій часть Библіи и исторію о Троянской войнѣ, единодушно относится знатоками къ срединѣ XVI в. Водяные знаки бумаги, почеркъ писца и характеръ рисунковъ одинаково приводятъ къ этому заключенію. Языкъ и литературныя особенности сборника, какъ увидимъ, свидѣтельствуютъ о томъ же. Сборникъ писанъ въ разогнутый листъ, всего листовъ 1031, на нихъ 1677 рисунковъ въ краскахъ. Рисунки распредѣлены не вполнѣ равномѣрно: тамъ, гдѣ господствуетъ повѣствовательное содержаніе, напр. въ книгѣ Бытія или Троянской исторіи, почти каждая страница имѣетъ по рисунку, нерѣдко встрѣчаются даже два рисунка на одной страницѣ. Напротивъ того, въ книгѣ Левитъ рисунки сравнительно рѣдки. Обыкновенно рисунокъ занимаетъ около полустраницы, нерѣдко болѣе; во всю страницу есть только одинъ рисунокъ—Переселеніе Іакова со всѣмъ потомствомъ въ Египетъ (л. 136 об.) [1]). Здѣсь въ нѣсколько рядовъ съ низу въ верхъ представленъ переселяющійся родъ Израиля; при остальныхъ изображеніяхъ художникъ не имѣлъ повода набрасывать рисунокъ во весь длинный форматъ листа. Тамъ, гдѣ рисунокъ занимаетъ болѣе полустраницы, его верхъ содержитъ обыкновенно изображеніе горъ, моря или высокихъ зданій.

Водяные знаки рукописи слѣдующіе: *медвѣдь*, *кабанъ*, *высокая тіара*, *кувшинъ* различныхъ типовъ съ латинскими литерами HB и различныя болѣе мелкія клейма. По общему типу перечисленныхъ изображеній слѣдуетъ допустить, что бумага нашего сборника выпущена съ фабрики не позднѣе средины XVI столѣтія.

Заставокъ рукопись, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ своемъ

---

[1]) Письмо занимаетъ на страницѣ $3^1/_2$ вершка въ ширину и $6^5/_8$ вершка въ вышину. Ширина рисунковъ та же, а вышина ихъ колеблется между $2^1/_2$ и $4^1/_2$ вершками. Рисунокъ на об. л. 136-го имѣетъ $6^5/_8$ вершка въ вышину.

видѣ, не имѣетъ, а киноварные иниціалы ея совершенно лишены украшеній, исключая перваго иниціала И въ началѣ книги Бытія (Исхонн). Этотъ иниціалъ украшенъ въ томъ стилѣ, который хорошо извѣстенъ изъ югославянскихъ и румынскихъ рукописей XV—XVI вѣка.

Главный почеркъ рукописи полууставный, обличаетъ писца, для котораго процессъ письма былъ еще искусствомъ. Въ почеркахъ XVII вѣка преобладаетъ уже ремесленный характеръ, обусловленный постоян-

Рис. 9.

ной конкурренціей съ развившимся книгопечатаніемъ. Главный писецъ нашего сборника, особенно въ началѣ библейскаго текста, употребляетъ очень бойкія и находчивыя сокращенія и лигатуры, изъ которыхъ нѣкоторыя напоминаютъ каллиграфическіе пріемы XV вѣка (напр. лигатура *тв*, *тр*). Отдѣльныя буквы почерка имѣютъ нѣсколько варіантовъ, употребляемыхъ, видимо, въ цѣляхъ разнообразія и красоты. Для нѣ-

которыхъ буквъ (таковы особенно *з*, *п* и *г*) трудно даже опредѣлить число такихъ варіантовъ, до того подвижна рука писца. Отъ времени до времени писецъ избираетъ какое-нибудь слово для испытанія своей ловкости и дѣлаетъ изъ него что-то въ родѣ вензеля (таковы очень часто слова *азъ*, *егда*, *его*, *еже*, *яко*). Важно, что среди варіантовъ нѣкоторыхъ буквъ находятся написанія, типичныя для XV вѣка (напр., одинъ изъ видовъ *з*).

Миніатюры рукописи заслуживаютъ тщательнаго спеціальнаго изученія. Въ характерѣ рисунка, раскраскѣ, размѣрахъ и типахъ зданій и лицъ наблюдаются нѣкоторыя различія, заставляющія думать о нѣ-

Рис. 10.

сколькихъ рисовальщикахъ, вносившихъ каждый свою манеру. Въ художественномъ и техническомъ отношеніи всего выше рисунки къ библейской части: они должны быть отнесены къ совершеннѣйшимъ образцамъ русской миніатюры. Ихъ очерки поражаютъ рѣдкой увѣренностью и изяществомъ. О тщательности раскраски (въ нѣсколько тѣней) позволяютъ судить тѣ изображенія, которыя не подверглись реставраціи. Во второй части рукописи нерѣдко встрѣчается грубая подправка болѣе поздней эпохи (конца XVII—нач. XVIII вѣка). О первоначальномъ видѣ лучшихъ миніатюръ этой второй части даетъ понятіе помѣщаемое ниже изображеніе битвы (рис. 13).

Эти художественныя особенности рукописи всего удобнѣе связывать съ той замѣчательной школой каллиграфіи и книжнаго дѣла, которая сложилась въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ. Извѣстны связи литературы и иконописи того времени съ Новгородомъ. Знатоки находятъ, что миніатюры библейской части исполнены въ стилѣ переходномъ отъ новгородскаго къ московскому. Такъ называемыя новгородскія черты состоятъ, главнымъ образомъ, въ осмысленномъ сохраненіи всѣхъ достоинствъ стариннаго рисунка. Миніатюры конца XVI и XVII вѣка гораздо чаще утрачиваютъ эту черту: контуры ландшафта, детали архитектуры, складки одеждъ изображаются нерѣдко безъ пониманія реальнаго значенія всѣхъ этихъ линій. Непониманіе рисунка явленіе очень рѣдкое въ нашихъ миніатюрахъ. Есть и еще одно указаніе на время ихъ возникновенія: сравненіе съ западными миніатюрами библейскаго содержанія заставляетъ подозрѣвать, что художественная школа, отразившаяся на миніатюрахъ нашего сборника, была знакома съ иллюстраціями самыхъ раннихъ печатныхъ изданій нѣмецкой Библіи, м. т. к. напр. иллюстрированная Лютерова библія 1534 г., вѣроятно, не имѣла уже никакого вліянія на эту русскую школу. Для сравненія я привлекаю первопечатную нижне-саксонскую Библію, изданную въ Кельнѣ между 1470 и 1480 годами, и верхне-нѣмецкую Нюренбергскую Библію 1483 г.; гравюры въ обоихъ изданіяхъ тождественны. Если будетъ доказана связь нашихъ миніатюръ съ старо-нѣмецкими гравюрами мы будемъ имѣть новое свидѣтельство того, что наша рукопись сохраняетъ черты художественныхъ и литературныхъ вліяній второй половины XV вѣка. Спѣшу оговориться, въ чемъ могли состоять въ данномъ случаѣ заимствованія изъ нѣмецкаго источника. Иконописная традиція ни въ чемъ не нарушается нашими миніатюрами, и рѣчь можетъ идти только о заимствованіи композиціи и нѣкоторыхъ деталей. Иллюстрируя шагъ за шагомъ библейскій текстъ, русскій художникъ долженъ былъ встрѣчаться съ темами, изображенія которыхъ онъ не находилъ ни въ иконописномъ подлинникѣ, ни въ своей собственной коллекціи прорисей. Но иконопись давала ему богатый матеріалъ для изображенія отдѣльныхъ фигуръ и отдѣльныхъ частей обстановки, такъ что затрудненія могла представлять только композиція цѣлаго. Если же, кромѣ того, изъ иноземнаго источника переносились нѣкоторыя мелкія черты, то это могло дѣлаться по инерціи или ради большаго разнообразія.

Разсмотримъ нѣсколько сходныхъ рисунковъ нашего сборника и нижне-саксонской Библіи XV вѣка. Отдаленное сходство можно предположить въ композиціи группы, изображающей созданіе Евы, въ группѣ грѣхопаденія, въ изображеніи Каина, убивающаго Авеля, или Самсона,

раздирающаго пасть льву. Изъ деталей отмѣтимъ типичное для нѣмецкихъ гравюръ изображеніе каменнаго зданія съ двускатной крышей, фронтонъ которой имѣетъ прямоугольные уступы съ обѣихъ сторонъ. Этотъ типъ (см. рис. 11) представляетъ несомнѣнное заимствованіе. Въ архитектурныхъ изображеніяхъ нашего сборника онъ встрѣчается не слишкомъ часто и по большей части въ комбинаціи съ другими типами. Слѣдуетъ отмѣтить еще разъ, что—въ противоположность русской миніатюрѣ XVII-го вѣка — наши миніатюры никогда не заимствуютъ изъ своего иноземнаго источника ни покроя платья, ни типа лицъ, ни пропорцій или особенностей перспективы. Во всемъ этомъ русскій художникъ XVI вѣка опирался на иконописную традицію.

Какъ исполнялись библейскія миніатюры, механически или отъ руки? Мы знаемъ, что механическій способъ копированія рисунковъ преобладалъ въ Россіи; въ концѣ XIV вѣка въ Россіи удивлялись греческому иконописцу Ѳеофану, воспроизводившему свои рисунки по памяти, и русскіе иконописцы наперерывъ старались запастись копіями съ его рисунковъ. Наблюденія надъ нашими миніатюрами приводятъ скорѣе къ выводу, что русскій художникъ рисовалъ ихъ изъ головы. Для рѣшенія этого вопроса я руководился слѣдующимъ пріемомъ. Если художникъ механически переводилъ на бумагу свои прориси, то это прежде всего должно было сказаться въ тождествѣ тѣхъ линій, которыя повторяются особенно часто. Изъ нихъ прямыя и ломаныя линіи зданій и неумѣлый рисовальщикъ могъ еще чертить отъ руки или при помощи линейки, но при изображеніи кривыхъ линій онъ уже непремѣнно прибѣгалъ къ механическому переводу рисунка. Кривыя линіи преобладаютъ въ изображеніи человѣческихъ фигуръ; онѣ встрѣчаются и въ изображеніяхъ зданій.

Въ обоихъ классахъ изображеній я избралъ для изслѣдованія по одному, особенно часто повторяющемуся типу. Въ классѣ зданій—колонну или башню со сводчатой крышей, контуръ которой представляетъ волнообразныя черты (см. рис. 11), въ классѣ фигуръ—иконографическій типъ Іоанна Предтечи и близкіе къ нему типы, которые повторяются въ нашей рукописи на каждомъ шагу (см. изображеніе Нахора на рис. 12, Исаака на рис. 10).

Разсматривая рисунки одинъ за другимъ съ самаго начала рукописи, я скопировалъ на кальку первые встрѣтившіеся образцы того и другого типа. Лишь только эти типы повторялись въ послѣдующихъ рисункахъ, я накладывалъ на нихъ снятыя кальки, и если контуры не совпадали, я тотчасъ снималъ кальку съ новаго варіанта избранныхъ мною типовъ. Такъ продолжалъ я наблюденіе, пока не убѣдился, что контуры не совпадали

никогда: различія въ размѣрахъ, наклонѣ и деталяхъ были таковы, что нельзя было и думать объ одномъ общемъ шаблонѣ, который повторялся бы механически. Напротивъ все свидѣтельствовало о свободной и опытной рукѣ художника. Совпаденіе отдѣльныхъ, обыкновенно очень немногихъ частей контура въ лицѣ типа Іоанна Предтечи, должно быть признано случайнымъ, — оно основано, вѣроятно, на привычкѣ, пріобрѣтенной рукою рисовальщика. Такое совпаденіе обнаруживается впро-

Рис. 11.

чемъ, довольно рѣдко. Перейдемъ теперь къ анализу описаннаго выше архитектурнаго типа.

Здѣсь волнистая линія, ограничивающая фронтонъ крыши справа или слѣва повторяется не рѣдко въ одномъ и томъ же размѣрѣ, причемъ въ этомъ случаѣ разница между отдѣльными рисунками состоитъ въ степени наклона этой линіи, т. е въ большей или меньшей высотѣ крыши. Можно бы думать, что эта линія чертилась рисовальщикомъ при помощи лекалы (или инструмента ее замѣняющаго),

притомъ карандашемъ, такъ какъ чернильныя черты, которыми обозначены эти линіи теперь, въ дугобразныхъ мѣстахъ обнаруживаютъ частыя и различныя неправильности. Но, быть можетъ, и эти линіи художникъ всегда проводилъ отъ руки, непосредственно чернилами, причемъ упомянутыя сходства въ размѣрахъ также основаны на сложившейся привычкѣ руки. Подобныя совпаденія контуровъ можно указать и для отдѣльныхъ буквъ почерка, которымъ писана рукопись.

Музейскій сборникъ XVI вѣка и въ литературномъ отношеніи представляетъ значительный интересъ: сборникъ важенъ по сохранившимся въ немъ памятникамъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить что обѣ части нашей рукописи—Библія и Троянская исторія—соединены вмѣстѣ не случайно и не въ позднѣйшее время: обѣ части связаны единствомъ стиля миніатюръ и единствомъ главнаго, характеризованнаго выше почерка, которымъ писанъ текстъ; равнымъ образомъ второстепенный почеркъ, изрѣдка смѣняющій главнаго писца, появляется въ обѣихъ частяхъ.

Библейская часть обнимаетъ историческія книги начиная съ книги Бытія и кончая книгой Судей включительно. Принимая въ соображеніе, что древнѣйшій дошедшій до насъ списокъ Библіи относится къ 1499 г. и что очень рѣдки библейскіе списки изъ первой половины XVI вѣка, мы должны цѣнить нашу рукопись, какъ одинъ изъ старыхъ, хотя и неполныхъ списковъ Библіи. Текстъ нашего списка въ общемъ сходенъ съ текстомъ древнѣйшихъ Синодальныхъ экземпляровъ, описанныхъ Горскимъ и Невоструевымъ. Въ орѳографіи всей нашей рукописи замѣчаются слѣды той модной манеры (юго-славянской по происхожденію), которая преобладала въ XV вѣкѣ. А въ библейской части рукописи встрѣчаются и особенности языка, указывающія на юго-славянскій оригиналъ. Эти наблюденія прекрасно вяжутся съ стилемъ перваго инициала, о которомъ я говорилъ уже, и съ эпохой, къ которой и по инымъ соображеніямъ должна быть отнесена наша рукопись: она обнаруживаетъ всюду такую очевидную связь съ XV вѣкомъ, что сама никоимъ образомъ не можетъ быть позднѣе средины XVI вѣка. Литературный интересъ библейской части усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ полный канонический текстъ книги Бытія въ нѣсколькихъ мѣстахъ вплетены любимые библейскіе апокрифы: преданіе о началѣ идолопоклонства, легенда о обращеніи Авраама къ истинному Богу (такъ называемое „Откровеніе Авраамово“, см. рис. 12) и предсмертныя благословенія и предсказанія, данныя Іаковымъ и его двѣнадцатью сыновьями своему потомству (такъ называемые „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“). Въ текстѣ книги Бытія есть перерывъ за утратой листовъ. Перерывъ начинается въ гл. 6 и кончается въ 13-ой. Нельзя не по-

жалѣть объ утратѣ миніатюръ, изображавшихъ потопъ и столпотвореніе. О изображеніяхъ потопа даетъ нѣкоторое понятіе сохранившееся изображеніе Ноя, строящаго ковчегъ (см. рис. 14).

Во второй части Троянская Исторія изложена вдвойнѣ, сначала обширно,—по средневѣковому латинскому пересказу Гвидо де Колумны, гдѣ исторія о Троянской войнѣ связана съ предшествовавшимъ походомъ Аргонавтовъ,—затѣмъ болѣе кратко—по болгарскому пересказу, хорошо извѣстному изъ древнѣйшаго русскаго хронографа.

Рис. 12.

Если библейская часть сборника богата миніатюрами сельскаго и домашняго быта, то иллюстраціи Троянской исторіи относятся преимущественно къ быту городскому и ратному. Обѣ части по содержанію миніатюръ какъ нельзя лучше дополняютъ другъ друга, составляя вмѣстѣ почти неисчерпаемый источникъ для изученія стараго русскаго искусства и отчасти русскаго быта.

III.

Замѣчательный сборникъ XVI вѣка даетъ матеріалъ и для нѣкоторыхъ общихъ наблюденій надъ условіями того искусства, прямымъ продолженіемъ котораго является русская иконопись и миніатюра.

Наблюденія, собранныя въ послѣдующемъ, относятся прежде всего къ древней византійско-славянской иконографіи, разсматриваемой какъ особый родъ живописи. Рисунки музейскаго сборника XVI в. своимъ прекраснымъ исполненіемъ и своимъ количествомъ только болѣе наглядно свидѣтельствуютъ о томъ же, что можетъ быть наблюдаемо и въ иконѣ, особенно въ иконѣ съ дѣяніемъ.

Рис. 13.

Неизмѣнность формъ, однообразіе композицій и наивная символика иконописи долгое время служили предметомъ насмѣшекъ и сожалѣній и вызывали строгій приговоръ со стороны теоретиковъ искусства. Новая школа византинистовъ внесла болѣе справедливую оцѣнку и въ эту область духовной дѣятельности Византіи. Когда односторонняя критика формъ уступила мѣсто ихъ историческому изученію, было открыто

любопытное взаимодѣйствіе между литературой, иконописью и народными вѣрованіями. Что касается неподвижности формъ иконописи, то пора указать на одну основную причину, направлявшую религіозное творчество Византіи по этому пути. Признаніе этой причины рѣшительно измѣняетъ теоретическій взглядъ на иконопись и даетъ отвѣтъ на вопросъ, почему ея формы имѣли въ теченіе вѣковъ такую удивительную живучесть и такую удивительную власть надъ чувствами массъ, принадлежавшихъ къ самымъ различнымъ рассамъ и степенямъ культуры.

Художественное условіе иконописи—въ отличіе отъ живописи въ широкомъ смыслѣ—можетъ быть опредѣлено такимъ образомъ: „иконографія есть творчество коллективное, живопись—личное“; или тѣснѣе: „иконографія отличается отъ остальной живописи такъ же, какъ народный эпосъ отличается отъ различныхъ родовъ личной поэзіи“. Указаніе на историческія судьбы византійской религіозной живописи могло бы оправдать такой взглядъ. Поучительная, „повѣствовательная“ цѣль иконописи была провозглашена восточной церковью въ началѣ византійскаго періода. Литературные памятники, изъ которыхъ черпала свое содержаніе иконопись, заключали много народно-эпическихъ элементовъ, — это особенно справедливо относительно литературы легендарной. Нивеллирующій, постоянный по своему объему складъ византійской образованности всегда долженъ былъ распространять свое вліяніе на формы религіознаго искусства. Но съ окончательнымъ торжествомъ иконопочитанія религія и монашество становятся руководящимъ элементомъ въ этой области. Вотъ почему византійская иконопись— и въ значительной мѣрѣ византійская живопись вообще — получаетъ чисто эпическое содержаніе, настроеніе созерцательное и одинъ общій безличный уровень, въ которомъ исчезаютъ таланты отдѣльныхъ художниковъ и ихъ индивидуальности. Общій взглядъ этотъ находитъ подтвержденіе въ изученіи самыхъ формъ иконописи. Если иконопись по существу своему есть дѣйствительно „изобразительный эпосъ“, то во внѣшнихъ средствахъ этого искусства необходимо долженъ былъ отразиться эпическій духъ его. Вникнемъ въ „языкъ“ иконописи, какъ изслѣдователи вникаютъ въ особенности поэтическаго языка эпоса словеснаго. Между внѣшними средствами иконографіи и эпоса откроются при этомъ поразительныя сходства. Самыя различія пріемовъ сведутся къ различію матеріала, которымъ располагаетъ то и другое искусство: то будутъ лишь различія между словомъ и линіей, между слухомъ и зрѣніемъ.

Въ руководство при сравненіи внѣшнихъ средствъ иконописи и эпоса я избираю извѣстную монографію Миклошича: Die Darstellung im slavi-

schen Volksepos. Достоинство этого сжатаго изслѣдованія заключается въ естественности схемъ, которыя установляетъ авторъ; важно и то, что свои выводы Миклошичъ извлекаетъ изъ чистѣйшихъ образцовъ эпоса вполнѣ безыскусственнаго, разнообразнаго и еще живого. Подобно Вильгельму Гумбольдту, Миклошичъ выводитъ особыя свойства эпической поэзіи изъ условій основнаго созерцательнаго настроенія, служащаго ей источникомъ. Особыя формы эпоса, вытекающія изъ этого настроенія, Миклошичъ сводитъ къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ: I *медлительность*, II *повторенія*, III *постоянные эпитеты*, IV *сравненія*. Можно утверждать, что всѣ четыре эти особенности въ равной мѣрѣ составляютъ принадлежность иконографіи.

I. *Медлительность*. „Пѣвецъ—говоритъ Миклошичъ—задерживаетъ разсказъ на отдѣльныхъ, даже незначительныхъ моментахъ дѣйствія, тогда какъ поэтъ-художникъ останавливается лишь на существенныхъ пунктахъ“. Это краткое опредѣленіе эпической медлительности уже переноситъ насъ въ область иконографіи. Въ самомъ дѣлѣ, кому не извѣстно то же явленіе изъ иконописи: черпая содержаніе изъ литературныхъ памятниковъ, икона воспроизводитъ послѣдовательные моменты литературнаго разсказа шагъ за шагомъ, не заботясь о ихъ художественной характерности. Я приведу лишь немногіе примѣры, чтобы вызвать въ памяти читателей эту извѣстную черту иконописи. 1) Лицевой подлинникъ къ Первоевангелію изображаетъ слѣдующія сцены: Іоакимъ и Анна приносятъ дары въ храмѣ. Іоакимъ и Анна уходятъ по отверженіи ихъ даровъ. Іоакимъ удяляется въ пустыню. Плачъ Анны о безчадіи. Аннѣ является ангелъ. Аннѣ являются вѣстники отъ Іоакима. Іоакиму въ пустынѣ является ангелъ. Іоакимъ возвращается изъ пустыни. Встрѣча Іоакима съ Анной. Іоакимъ и Анна снова приносятъ дары въ храмъ. Первосвященникъ благословляетъ чету. Рождество Богородицы. Богородица-младенецъ на рукахъ у родителей. Богородица начинаетъ ходить. Богородица вводится въ храмъ. Первосвященникъ предъ обрученіемъ Богородицы молится надъ жезлами вдовцевъ израильскихъ, при чемъ жезлъ Іосифа процвѣтаетъ. Іосифъ принимаетъ отроковицу Марію изъ рукъ первосвященника. Архангелъ Гавріилъ является Маріи у кладезя. Архангелъ Гавріилъ является Маріи въ дому за работой.—Здѣсь смежные и иногда весьма сходные моменты представлены нѣсколько разъ.

2) Старыя русскія иллюстраціи къ книгѣ Бытія (помѣщаемыя, напр., въ началѣ Толковой Палеи и въ началѣ Синодика) обыкновенно въ шести отдѣльныхъ картинахъ изображаютъ шесть дней творенія, т. е. художникъ, не связанный эпическимъ духомъ иконописи, изобразилъ бы

какой-нибудь одинъ, особенно благодарный моментъ мірозданья, или соединилъ бы въ одной общей композиціи различные моменты. Послѣдній пріемъ находимъ въ гравюрахъ первопечатныхъ нѣмецкихъ Библій (нижне-саксонской Кельнской 1470—80 гг. и верхне-нѣмецкой Нюренбергской 1483 года).

Между тѣмъ миніатюры Музейскаго Сборника XVI вѣка, быть можетъ испытавшія отдаленное вліяніе упомянутыхъ нѣмецкихъ гравюръ, слѣдуютъ въ этихъ изображеніяхъ иконографической традиціи, представляя слѣдующіе рисунки:

1. (л. 2 об.). Въ срединѣ, въ кругу—верхнее небо, на немъ древнѣйшіе символы Троицы: Престолъ съ Евангеліемъ, надъ которымъ Духъ Святой — въ видѣ голубя съ нимбомъ. По четыремъ сторонамъ престола — символы Евангелистовъ. Вокругъ всего поясъ, содержащій девять красныхъ круговъ съ изображеніями чиновъ ангельскихъ. Справа внизу присоединенъ узкій сегментъ темнаго цвѣта, содержащій изображенія падшихъ ангеловъ. Внизу, слѣва, изображенъ Христосъ, въ ростъ, идущій по волнамъ и благословляющій (=Духъ Божій ношашеся верху водъ).

2. (л. 2). Въ срединѣ небо: двѣ полосы—сверху лиловая, ниже голубая; среди неба—книга на престолѣ, надъ нею голубь—справа и слѣва по серафиму осѣняютъ его крыльями. Внизу, на берегу моря, справа стоитъ Христосъ въ ростъ, благословляя вверхъ (=да будетъ твердь).

3. (л. 3). Семь поясовъ небесныхъ съ звѣздами; въ первомъ поясѣ справа—луна, въ четвертомъ слѣва—солнце. Посрединѣ, въ овальномъ ореолѣ, имѣющемъ по четыремъ сторонамъ символы Евангелистовъ, Богъ Саваоѳъ сидящій, на лонѣ его—Христосъ Эммануилъ и Духъ Святой въ видѣ голубя въ кругу. Справа, на уровнѣ овала, небесная рать низвергаетъ въ бездну падшихъ ангеловъ огненными копьями. Внизу земля съ растительностью и водами; въ правомъ углу темная бездна съ зіяющею пастью геенны огненной, поглощающей падшихъ ангеловъ (=да будетъ свѣтъ).

4. (л. 3 об.). Небо, престолъ, книга, голубь—безъ измѣненія. Внизу, вправо, наклоненный Христосъ благословляетъ, и земля съ растеніями и водами (=да соберутся воды, созданіе суши).

5. (л. 5). Семь небесъ, луна, солнце, престолъ, книга, голубь—какъ ранѣе. Внизу, вправо, наклоненный Христосъ благословляетъ; земля съ растительностью и водами, въ водахъ — рыбы (=да изведутъ воды).

6. (л. 5 об.). Небо (2 пояса), свѣтила, престолъ, книга, голубь—

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ ИСТОРИЯ

какъ ранѣе. Внизу земля съ растеніями и животными: единорогъ, тигръ (?), два верблюда, медвѣдь, волкъ (?), слонъ, различныя домашнія животныя; змѣи, драконъ. Влѣво Христосъ наклоненный благословляетъ (=да изведетъ земля).

7. (л. 6). Земля съ растительностью, рыбы въ вмѣстилищахъ водныхъ, на сушѣ животныя: птицы, единорогъ, тигръ (?), волъ, конь, слонъ, змѣи. Въ срединѣ Адамъ спящій лежитъ; за нимъ Ева сидящая, которую Христосъ, стоящій справа, благословляя поднимаетъ за руку (=по образу нашему и подобію).

Рис. 14.

8. (л. 6). Та же обстановка, изъ животныхъ прибавленъ левъ. Христосъ слѣва, стоя, благословляетъ стоящихъ Адама и Еву (=мужа и жену сотвори ихъ).

9. (л. 6 об.). Пояса небесные, свѣтила; посрединѣ, на одрѣ, окруженномъ ангелами, Христосъ покоится. Внизу слѣва — первая чета, среди прежней обстановки. Животныя подходятъ къ Адаму и Евѣ. (=почи отъ дѣлъ).

Такъ же медленно развивается дѣйствіе далѣе. Интересно отмѣ-

тить, что въ Музейскомъ сборникѣ книга Бытія содержитъ всего около четырехсотъ миніатюръ, м. т. к. въ упомянутыхъ нѣмецкихъ Библіяхъ— только двадцать [1]).

Иконопись до того проникнута эпической медлительностью, что вопреки основнымъ условіямъ изобразительнаго искусства, соединяетъ въ одной композиціи несоединимые смежные моменты, которые только эпосъ можетъ изобразить въ ихъ хронологической послѣдовательности.

Рис. 15.

На рис. 14 мы видимъ Ноя пять разъ: Ной слушаетъ повелѣнія Господа, Ной рубитъ дерево, Ной стоя въ ковчегѣ сколачиваетъ его, Ной варитъ смолу, Ной смолитъ ковчегъ. То же и въ миніатюрѣ свѣтскаго содержанія: на рис. 15 мы видимъ Язона дважды — въ разные

[1]) Всего въ книгѣ Бытія Музейскаго сборника 379 миніатюръ: къ каноническому тексту книги Бытія 352 рисунка, къ апокрифическимъ вставкамъ 9, къ книгѣ Іова, помѣщенной въ сокращеніи сюда же - 18. Кромѣ того слѣдуетъ припомнить, что утрачены иллюстраціи къ описанію потопа и столпотворенія.

моменты боя съ дракономъ, который изображенъ одинъ разъ. Подобный способъ изображенія въ иконописи и старой миніатюрѣ представляетъ самое обычное явленіе.

II. *Повторенія.* Миклошичъ такъ говоритъ объ этой эпической чертѣ: „Народный пѣвецъ не можетъ быстро освободиться отъ овладѣвшаго имъ представленія, поэтому онъ нѣсколько разъ повторяетъ одну мысль или рядъ мыслей: разсказъ ведется обыкновенно такъ, что всегда повторяется что-нибудь изъ предыдущаго; отъ этого изложеніе легче схватывается и прочнѣе усвоивается:

И здѣсь слова Миклошича могутъ быть приняты за точную характеристику славяно-византійской миніатюры или иконы съ дѣяніемъ. Мы только что видѣли, какъ начальныя миніатюры Музейскаго сборника, излагая мірозданье, въ каждомъ новомъ рисункѣ повторяютъ часть предыдущей обстановки и образовъ. Изъ различныхъ видовъ эпическихъ повтореній иконопись не въ состояніи осуществить только тѣ формы, которыя коренятся въ языкѣ; такъ, нельзя искать въ иконописи параллелей различнымъ тавтологическимъ сочетаніямъ эпоса (*прямопъжая* дорожка *прямопъжая; про* старое *про* старое *про* бывалое; ко синю морю по Дунай рѣкѣ; за *великую* досаду за *немалую*; съ того *горя* со *кручинушки; конь* добра *лошадь;* щука рыба; соколъ птица). Иконопись можетъ повторять только образы, м. т. к. эпосъ можетъ повторять, разнообразную варіируя, и однозначущія слова.

Кромѣ постояннаго возвращенія къ старому при поступательномъ движеніи разсказа есть еще одинъ родъ повтореній, одинаково распространенный въ эпосѣ и иконописи—это такъ называемыя эпическія мѣста, или формулы, въ которыхъ выражаются типичные, повторяющіяся событія. Миклошичъ указываетъ въ видѣ примѣра одно изъ обычныхъ эпическихъ мѣстъ гомеровскихъ поэмъ: „Порученіе, данное послу по большей части дословно повторяется два раза — когда посолъ получаетъ порученіе и когда выполняетъ его". Что касается иконографіи, то припомнимъ прекрасную композицію, при помощи которой изображается рожденіе всякаго Святаго; она всегда одинакова—ея прототипы Рождество Христово и Рождество Богородицы. Это несомнѣнное эпическое мѣсто: все здѣсь знакомо, привычно съ перваго взгляда,—одръ съ утомленной, но спокойной фигурой матери, купель омовенія съ сидящей молодой воспріемницей, однѣ и тѣ же второстепенныя фигуры на заднемъ планѣ. Подобнымъ образомъ кончина Святыхъ изображается обыкновенно по прототипу Успенія Богоматери. Въ Музейскомъ Сборникѣ XVI в. миніатюры къ библейскому родословію изображаютъ извѣстную эпическую формулу книги Бытія: „и роди сыны и дщери и умрѣтъ" едва

ли не столько же разъ, сколько она встрѣчается въ текстѣ. Въ такомъ случаѣ мы видимъ вырытую могилу, каменную гробницу уже опущенную въ нее; въ гробницѣ—спеленутая фигура умершаго. Въ книгѣ Бытія нашего сборника это изображеніе встрѣчается двадцать шесть разъ.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ иконографическихъ повтореній: въ книгѣ Левитъ фраза: „рече Господь къ Моисею“ изображается такимъ образомъ: вверху въ облакахъ Господь въ звѣздчатомъ нимбѣ, внизу, Моисей съ воздѣтыми руками. Въ рисункахъ книги Левитъ это изображеніе отсутствуетъ едва нѣсколько разъ, такъ же часто встрѣчается она въ книгѣ Чиселъ, а если прослѣдить его повторенія въ теченіе всего библейскаго разсказа нашего сборника, число получится огромное. И тѣмъ не менѣе оно не производитъ однообразія: композиція видоизмѣняется то ландшафтомъ, то палатной обстановкой, оживляется изображеніемъ толпы, иногда выступаетъ самостоятельно, иногда скрывается на заднемъ планѣ. Послѣ нѣкотораго времени глазъ наблюдателя, привыкнувъ къ эпическимъ длиннотамъ иконографическаго стиля, самъ ищетъ ея, какъ необходимой черты. Очень богата повтореніями книга Чиселъ. Такъ какъ счетъ происходитъ по колѣнамъ, то миніатюра, передавая отдѣльные моменты счета, повторяетъ двѣнадцать разъ одни и тѣ же образы: среди толпы воиновъ, изображающихъ одно изъ колѣнъ, видны Моисей, Ааронъ и счетчикъ даннаго колѣна. Тринадцатый рисунокъ изображаетъ результатъ счисленія: Моисей и Ааронъ сидятъ на престолѣ, сзади видны двѣнадцать счетчиковъ, влѣво—группа воиновъ, изображающихъ весь Израиль („и бысть все число сыновъ Израилевыхъ“ и т. д.). Основная композиція и здѣсь находчиво разнообразится въ теченіе тринадцати картинъ. Такимъ же образомъ смотръ полковъ Израильскихъ („да ся въполчаютъ сынове Израилеви предъ Господомъ“) изображается въ тринадцати картинахъ: смотръ отдѣльныхъ колѣнъ и результатъ („се согляданіе сыновъ Израилевыхъ“). Также изображается принесеніе даровъ въ 13-ти картинахъ. Вообще иллюстраціи къ книгѣ Чиселъ представляютъ непрерывный рядъ эпическихъ повтореній.

Выработавъ типы событій, сразу уясняющихъ зрителю смыслъ и ходъ незнакомаго ему дѣйствія, иконопись почти не нуждается въ поясняющихъ надписяхъ, развѣ для собственныхъ именъ лицъ, не сразу узнаваемыхъ по ихъ иконографическому типу. Помощь, которую находитъ фантазія въ этихъ типичныхъ изображеніяхъ, вполнѣ искупаетъ ихъ однообразіе. Не будемъ, впрочемъ, преувеличивать это однообразіе: отдѣльные иконописцы, даже отдѣльныя изображенія вносятъ

свои варіанты въ схему, какъ въ эпосѣ вноситъ ихъ каждый рапсодъ. Въ Музейскомъ сборникѣ, сотни разъ повторяющемъ подобныя эпическія мѣста, вниманіе зрителя нисколько не утомляется, благодаря свободной и разнообразной манерѣ рисовальщика. Не слѣдуетъ также думать, что численностью повтореній—а слѣдовательно однообразіемъ—иконопись превосходитъ эпосъ. Припомнимъ поразительное статистическое наблюденіе Миклошича надъ поэмами Гомера: если исключить изъ обѣихъ поэмъ повторенія цѣлыхъ стиховъ и полустиховъ, объемъ Иліады и Одиссеи сократится на одну треть. Если вычесть также повторенія болѣе краткихъ выраженій, то объемъ обѣихъ поэмъ сократится почти вдвое.

Пріемомъ повторенія, какъ и пріемомъ медлительности, иконопись не колеблется нарушать основныя условія изобразительнаго искусства. Поводъ для этого является тогда, когда въ текстѣ изображаемаго литературнаго памятника повторенія появляются въ *эпическомъ числѣ*, при томъ какъ смежные моменты, т. е. когда, напр., одно и то же дѣйствіе или событіе происходитъ три раза подъ рядъ: иконопись нерѣдко изображаетъ такія повторенія совмѣстительно, въ одной картинѣ. Примѣръ этого рода представляетъ икона XVII в.: „Видѣніе преп. чудотворца Варлаама о гибели Великаго Новаграда и о градѣ ко Господу моленіе“ (оригиналъ—на паперти Преображенскаго собора въ Хутынскомъ монастырѣ близъ Новгорода, копія—въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ). Икона изображаетъ слѣдующую легенду, пріуроченную къ 1505 году: понамарь Хутынскаго монастыря Тарасій, прійдя въ церковь предъ утренею, увидѣлъ, что свѣчи зажглись сами, и храмъ наполнился благоуханіемъ ѳиміама. Видитъ Тарасій, что преподобный Варлаамъ вышелъ изъ гробницы и молился предъ иконами Спасителя и Богоматери о Великомъ Новгородѣ и, подойдя къ Тарасію, сказалъ, что Богу угодно погубить городъ за великіе грѣхи, и велѣлъ понамарю взойти на крышу храма и смотрѣть, что дѣлается надъ городомъ. Взойдя на крышу, Тарасій увидалъ, что волны озера Ильменя высоко поднялись надъ городомъ. Въ страхѣ сбѣжалъ онъ въ церковь и повѣдалъ объ этомъ преп. Варлааму, который сталъ молиться снова и потомъ вторично послалъ понамаря на крышу. Тарасій увидѣлъ множество ангеловъ, пускающихъ огненныя стрѣлы въ народъ. Со страхомъ повѣдалъ онъ объ этомъ преп. Варлааму, который, помолившись, сказалъ, что, по молитвамъ Богоматери и всѣхъ святыхъ, Господь пощадилъ городъ отъ потопленія, но что вмѣсто того будетъ трехлѣтній моръ на людей. Въ третій разъ поднялся Тарасій и увидѣлъ огненную тучу надъ городомъ; преп. Варлаамъ объяснилъ ему, что она означаетъ пожаръ, отъ ко-

тораго сгоритъ Торговая сторона Новгорода и погибнетъ много народа. Послѣ этого преп. Варлаамъ легъ въ гробницу и свѣчи въ храмѣ погасли. На огромной иконѣ Видѣнія изображены: налѣво—церковь, направо—городъ съ грозящими ему карами. Въ церкви на первомъ планѣ, почти безъ измѣненій композиціи, изображенъ трижды преп. Варлаамъ въ бесѣдѣ съ Тарасіемъ, всего шесть фигуръ врядъ. Съ наружной стороны еще три раза изображенъ Тарасій: разъ—подымающимся по приставленной лѣстницѣ, второй разъ — достигнувъ крыши, третій разъ на вершинѣ ея. Кромѣ того, въ глубинѣ церкви еще три раза изображенъ преп. Варлаамъ: разъ—выходящимъ изъ гробницы и два раза—молящимся предъ иконами. Такимъ образомъ, оба дѣйствующія лица легенды изображены по шести разъ на одной и той-же иконной доскѣ. Таковы поразительные результаты иконографическихъ пріемовъ повторенія и медлительности, примѣненныхъ одновременно.

III. Перейдемъ къ эпитетамъ. „Народному эпосу, — говоритъ Миклошичъ — свойственны постоянные эпитеты. Постоянный эпитетъ не имѣетъ никакого отношенія къ положенію даннаго момента. Онъ можетъ даже противорѣчить положенію“. Сербскій эпосъ поетъ про „бѣлыя руки“ „чернаго арапа“. Эрифила убиваетъ своего „милаго мужа“, а въ русской былинѣ Калинъ-Царь самъ называетъ себя собакой. До того признаки *бѣлый*, *милый*, *собака*, срослись съ своими понятіями рука, мужъ, Калинъ-Царь. Точно такія же противорѣчія можетъ заключать и иконопись. Икона изображаетъ напр. Іоанна Крестителя съ эпитетомъ Предтечи и, исходя отъ представленія обычнаго вѣстника Библіи и Евангелія — ангела, выражаетъ этотъ эпитетъ въ видѣ крыльевъ; они однако дисгармонируютъ съ суровымъ психическимъ типомъ Іоанна и придаютъ его образу что-то зловѣщее (ср. №№ 181 и 182 извѣстной Постниковской коллекціи). Та же иконографическая фигура представляетъ другой примѣръ несоотвѣтствія. Усѣкновеніе главы является также иконописнымъ эпитетомъ Іоанна. Подобно другимъ мученикамъ, Іоаннъ часто — во свидѣтельство мученія—держитъ въ рукахъ отсѣченную главу свою: онъ держитъ ее на блюдѣ, какъ была она подана Иродіадѣ. Но Іоаннъ держитъ отсѣченную главу и тогда, когда изображается до казни, съ другою, неотсѣченной главою на плечахъ. Еще примѣръ. Духи зла и ихъ жертвы изображаются съ поднимающейся вверхъ копною волосъ. Этотъ эпитетъ является самымъ безошибочнымъ признакомъ діавола, бѣсноватаго, убійцы и притомъ внѣ всякаго соотвѣтствія съ требованіемъ момента. Въ Сильвестровомъ Сборникѣ XIV в. двое убійцъ посылаемые Окаяннымъ Святополкомъ, стоятъ предъ нимъ съ торчащими вверхъ волосами. Въ такомъ же состояніи находится прическа діавола,

принявшаго видъ молодой и привлекательной женщины на рисункѣ къ слову Патерика „о одолѣвшемъ врага“ [1]).

Обратимся къ разбору содержанія иконографическихъ эпитетовъ, т. е. перечислимъ тѣ признаки, которыми такъ дорожитъ иконографія. Кромѣ строго установленныхъ типовъ божества въ различныхъ его проявленіяхъ и святости икона необычайно тщательно различаетъ у людей возрастъ, общественное положеніе и, отчасти, психическій типъ. Припомнимъ постоянные эпитеты подлинника: старецъ, средовѣкъ, младъ, отрокъ, отроча, младенецъ или: сѣдъ, надсѣдъ, русъ, возрусъ. Общественные типы иконы слѣдующіе: царь, первосвященникъ, вельможа, воинъ, слуга, пастухъ, рабъ. Всѣмъ этимъ типамъ присвоенъ опредѣленный костюмъ, аттрибуты или оружіе (ризы царскія, вельможскія, воинскія, святительскія, поповскія, преподобническія, мученическія и т. д.). Слуга и рабъ чаще другихъ типовъ могутъ терять традиціонный иконографическій костюмъ и облекаться въ одежду того вѣка и той страны, гдѣ пишется икона. Такъ, въ Музейскомъ Сборникѣ ремесленники, работающіе утварь и обстановку храма свѣдѣнія, изображены въ рубахахъ съ открытымъ воротомъ (ср. также костюмъ пахаря на рис. 10), а нѣкоторыя служебныя фигуры — съ длинными, спущенными ниже кисти руки рукавами. Въ данномъ случаѣ ранняя утрата иконографическаго костюма связывается съ общественнымъ положеніемъ.

Любопытно, что въ эпосѣ категоріи постоянныхъ эпитетовъ почти тѣ же, что и въ иконописи: это также различные признаки безсмертія, власти, психическаго типа, общественнаго положенія; костюмъ, любимое оружіе также отмѣчаются эпосомъ.

Иконографія обладаетъ сводомъ своихъ эпитетовъ, справочной книгой, въ которой всѣ они собраны: это — иконописный подлинникъ. Извѣстна масса повтореній, находимыхъ въ подлинникѣ: рядъ Святыхъ изображается одинаково или, по крайней мѣрѣ, съ отдѣльными чертами одинаковыми. Вслѣдствіе этого подлинникъ подъ именемъ одного Святого ограничивается нерѣдко ссылкой на какое-нибудь другое имя.

---

[1]) См. Ѳ. И. Буслаева „Историческіе очерки русской народной словесности“, т. I, рис. 5 къ стр. 629. Рисунокъ заимствованъ изъ рукописи XVIII вѣка, принадлежавшей Ѳ. И. Буслаеву. Къ группѣ иноковъ подходитъ діаволъ въ видѣ молодой женщины въ костюмѣ XVIII вѣка: платье съ вырѣзнымъ лифомъ и короткими рукавами; юпка прямая, короткая, изъ штофной матеріи съ крупными разводами; на шеѣ ожерелье. За спиною видны небольшія крылья, какими старая миніатюра обыкновенно надѣляетъ бѣсовъ. Длинные волосы стоятъ на головѣ дыбомъ, они занимаютъ въ длину пространство трехъ головъ. Въ той же рукописи еще голова съ стоящими волосами: это изображеніе матери, которую сынъ извлекаетъ изъ адскаго смраднаго озера, чтобы омывъ ее въ купели „воды чисты и благовонны“ ввести къ „пребывающимъ въ райскомъ веселіи“, ibid., рис. 4, къ стр. 629.

Черта эта также имѣетъ соотвѣтствіе въ эпосѣ, гдѣ одинъ и тотъ же эпитетъ можетъ быть постояннымъ при нѣсколькихъ предметахъ. Я заимствую у Миклошича примѣръ изъ сербской эпики: эпитетъ *бѣлый* встрѣчается при цѣломъ рядѣ словъ. Миклошичъ приводитъ до семидесяти понятій, имѣющихъ въ сербской пѣснѣ этотъ признакъ: бѣлыми называются сверхъестественныя существа — Вилы, бѣлымъ называется свѣтъ въ различныхъ его проявленіяхъ, (свијет; дан, исток, јутро, зора, мјесец); бѣлыми называются нѣкоторыя племена по цвѣту ихъ кожи или одежды; бѣлыми называются еще различныя части тѣла— лицо, руки; бѣлыми называются также стада (козъ и овецъ); бѣлыми представляются сербскому эпосу самыя различныя сооруженія: церкви, монастыри, дворцы, башни, мосты, улицы, цѣлые города—несомнѣнно, по характерному признаку бѣлокаменной постройки. Совершенно такимъ же образомъ иконописный подлинникъ даетъ одинаковые эпитеты одинаковымъ общественнымъ или психическимъ типамъ, лицамъ одного возраста или святымъ, коихъ судьба представляетъ сходства.

Появленіе справочнаго руководства не противорѣчитъ народному характеру искусства. Правда, мы не ожидали бы встрѣтить справочный словарь эпическаго языка въ рукахъ современнаго русскаго сказителя, но это только потому, что эпосъ нашъ клонится къ концу и, спустившись въ низшій классъ общества, охраняется сейчасъ только памятью послѣднихъ безграмотныхъ пѣвцовъ. Но въ иную эпоху эпоса можно представить себѣ въ отдѣльныхъ личностяхъ свободное соединеніе народнаго творчества съ книжнымъ образованіемъ; можно предположить и чисто народную традицію, охраняемую записью. „Кирша Даниловъ“ представляетъ такое соединеніе, а пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ помнитъ и приводитъ въ своей поэмѣ эпическіе обороты стараго Баяна. Но самымъ поразительнымъ примѣромъ этого рода является скандинавская младшая Эдда. Что представляетъ изъ себя этотъ памятникъ, какъ не подлинникъ эпическихъ образовъ и формъ? Начало памятника занято своднымъ изложеніемъ скандинавскихъ языческихъ вѣрованій, не вполнѣ или не вполнѣ связно выразившихся въ старшей, эпической Эддѣ. Далѣе слѣдуетъ трактатъ объ эпитетахъ поэтическаго языка и цѣлая риторика— наставленіе для молодыхъ скальдовъ. Правда, всякій подлинникъ эпическаго творчества предполагаетъ поэзію личную, уже развившуюся на почвѣ древняго народнаго эпоса, м. т. к. иконописный подлинникъ уживается съ еще живымъ эпическимъ состояніемъ искусства. Разница объясняется различіемъ матеріала, которымъ располагаетъ то и другое искусство: эпосъ не такъ нуждается въ записи, пока свѣжа устная традиція и текстъ пѣсенъ передается отъ рапсода къ рапсоду.

Иконопись съ первыхъ шаговъ своихъ нуждается въ подлинникѣ на томъ основаніи, что изобразительное искусство не передается изустно, и зрительная фантазія отдѣльныхъ иконописцевъ не можетъ удержать всего эпическаго содержанія искусства.

IV. Нѣсколько труднѣе отыскать сходство эпоса и иконографіи по отношенію къ *сравненіямъ*. Но и оно существуетъ. „Подобно другимъ изобразительнымъ средствамъ народнаго эпоса—говоритъ Миклошичъ—сравненіе служитъ для достиженія большей наглядности: оно задерживаетъ на предметѣ вниманіе слушателя. Поэтому именно выдержанное сравненіе, въ противуположность простому уподобленію, составляетъ существенную принадлежность народнаго творчества, тогда какъ въ искусственномъ эпосѣ оно не болѣе, какъ украшеніе, безъ котораго можно обойтись". Миклошичъ называетъ уподобленіями сравненія въ нашемъ обычномъ смыслѣ, а выдержанными сравненіями—тѣ обширныя сравненія, извѣстныя намъ главнымъ образомъ изъ Гомера, которыя состоятъ въ подробномъ сопоставительномъ описаніи обоихъ сравниваемыхъ явленій; оба описанія производятся при помощи уже извѣстныхъ эпическихъ формъ медлительности, повторенія и эпитета. Миклошичъ считаетъ эту форму сравненій необходимой, исконной принадлежностью эпоса. Извѣстно, что по отношенію къ сравненіямъ наблюдается значительное различіе между Иліадой и Одиссеей. Миклошичъ приводитъ данныя объ этомъ въ своей монографіи. Если брать круглыя цифры, то окажется, что въ Иліадѣ число всѣхъ сравненій (краткихъ и обширныхъ) втрое съ лишнимъ больше, нежели въ Одиссеѣ (343 : 107); число простыхъ сравненій въ Иліадѣ ровно вдвое больше (140 : 70), а число обширныхъ съ лишнимъ въ пять разъ больше, чѣмъ въ Одиссеѣ (203 : 37). Отсюда видно, что въ Иліадѣ обширныя сравненія вообще преобладаютъ надъ краткими (203:140), а въ Одиссеѣ наоборотъ (37:70). „Это объясняется тѣмъ, замѣчаетъ Миклошичъ, что въ Иліаду перешло больше чертъ древне-эпическаго творчества, чѣмъ въ Одиссею". Кромѣ этого объясненія слѣдуетъ принять въ разсчетъ и огромную разницу съ содержаніи Гомеровскихъ поэмъ. Огромное большинство сравненій Иліады относится къ войнѣ. Припомнимъ, какъ часто являются въ Иліадѣ два сравненія одинаковаго содержанія: сражающійся воинъ сравнивается съ животнымъ — львомъ, вепремъ, конемъ и т. д... а битва съ борьбой между животными, сценами охоты или съ стихійными явленіями природы—наводненіемъ, лѣснымъ пожаромъ, ураганомъ. Какъ разъ для этихъ излюбленныхъ сравненій Иліады Одиссея по самому своему содержанію даетъ менѣе повода. Можно думать, что та же причина должна была сокращать численность сравненій въ иконописи. Въ сравненіи съ

народнымъ эпосомъ иконопись представляетъ для фантазіи сферу дѣятельности ограниченную: эпосъ предполагаетъ извѣстное состояніе всего духа народнаго, иконопись отражаетъ настроеніе одной лишь сферы духовной дѣятельности. Въ эпосѣ, по крайней мѣрѣ Гомеровскомъ, обширное сравненіе соотвѣтствуетъ наиболѣе значительнымъ моментамъ поэмы. Вотъ почему такъ богаты сравненіями XVI и XVII пѣсни Иліады, гдѣ описывается смерть Патрокла въ битвѣ и борьба изъ за его останковъ. Но то, что значительно для Гомера, во всякомъ случаѣ не имѣетъ такой-же цѣны для иконографіи, и напр., мученія, казни, борьба христіанъ съ животными въ циркѣ хотя изображаются иконописью, все же не могутъ быть темой для эпическаго сравненія уже по одному тому, что сочувствіе художника въ иконописи всегда сказывается сильнѣе и находится не на дѣйствующей, а на страдающей сторонѣ, что̀ само собою ограничиваетъ созерцательное отношеніе къ предмету. При томъ содержаніе, которое преобладаетъ въ обширныхъ сравненіяхъ у Гомера, не можетъ быть признано обязательнымъ для эпоса вообще. Въ этомъ мы убѣждаемся, разсматривая, напр., роль обширныхъ сравненій въ славянскомъ эпосѣ: ихъ темы иныя, ихъ цѣль иная—сдѣлать наглядными не тѣ образы, которые получаютъ исключительный интересъ, а тѣ, которые составляютъ основное содержаніе пѣсни. Для яркихъ моментовъ дѣйствія славянскій эпосъ довольствуется краткими сравненіями: *Плану Марко, као огањ живи. На пролеће преко равна поља, као звезда преко ведра неба.* Если дѣйствіе и описывается обширнѣе то сравненіе все же не дается въ видѣ двухъ цѣльныхъ картинъ, оно разбивается на параллельные моменты:

Јер се дигла магла од Котара,
А кроз маглу сијевају муње.
Што се она магла подигнула,
То се дигло праха од копита.
Што кроз маглу сијевају муње,
То с'јевају токе на јунацим.
Сјају му се токе кроз бркове,
Као мјесец кроз јелове гране.

При такомъ изложеніи элементъ эпической длительности беретъ видимо верхъ надъ элементомъ сравненія. Подробными сравненіями славянскій эпосъ гораздо охотнѣе освѣщаетъ не дѣйствія, а лица. Припомнимъ столь обычныя сравненія женской красоты. Эти сравненія также разбиты на сравненія отдѣльныхъ чертъ образа; и здѣсь медлительное созерцаніе преобладаетъ. Славянскій рапсодъ, вѣроятно изобра-

зилъ бы сравненіями общій образъ Ахилла и Одиссея въ самомъ началѣ поэмы, тотчасъ послѣ воззванія къ музѣ. Извѣстно, что самыя оригинальныя формы славянскихъ сравненій (такъ называемыя „отрицательныя“) всѣ находятся или въ началѣ пѣсенъ или въ началѣ существенныхъ отдѣловъ эпическаго изложенія. Цѣль этихъ сравненій — усвоить фантазіи тѣ образы, которые затѣмъ приводятся въ дѣйствіе и составляютъ содержаніе пѣсни [1]). Припомнимъ начало сербской пѣсни о сестрѣ и братьяхъ, которую перевелъ Пушкинъ.

Сравненія, встрѣчаемыя въ иконописи, въ томъ сходятся съ славянскимъ эпосомъ, что чаще служатъ для освѣщенія не отдѣльныхъ моментовъ дѣйствія, а главныхъ лицъ; цѣль иконографическихъ сравненій яснѣе вызвать образы Христа, Богоматери, Святыхъ. Но прежде чѣмъ, перейти къ примѣрамъ иконографическихъ сравненій, необходимо указать остальныя причины, ограничивавшія сферу сравненій въ иконописи. Вопервыхъ фантазія иконописца была ограничена тѣми сравненіями, которыя онъ находилъ въ источникѣ своего искусства — въ повѣствовательной и гимнографической литературѣ. Только эти литературные источники могли, подобно эпосу, черпать свои сравненія изъ всѣхъ областей представленій; иконописецъ былъ связанъ готовымъ литературнымъ матеріаломъ. Второе ограниченіе лежитъ тоже въ основныхъ особенностяхъ иконописнаго искусства: фактъ сравненія можетъ быть осуществленъ ясно только благодаря формамъ языка; только языкъ въ силахъ обозначить, что связь между двумя вызываемыми образами состоитъ въ сходствѣ, а не въ чемъ иномъ. При извѣстномъ состояніи стиля и въ литературномъ произведеніи эта связь не обозначается прямо, и сравненіе обращается тогда въ параллелизмъ, въ которомъ оба образа сопоставляются безъ всякаго обозначенія ихъ связи, или въ метафору, въ которой оба образа срастаются, или наконецъ въ символъ, когда образъ поясняемый совершенно заслоняется образомъ поясняющимъ. Тѣ же самыя формы неполнаго обозначенія связи по сходству находимъ мы, но уже неизбѣжно, въ искусствѣ изобразительномъ. Сохраняя нетронутыми оба образа, иконопись даетъ ихъ въ изображеніи сопоставительномъ, причемъ обѣ картины, связанныя по сходству, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ изображеній, связанныхъ по смежности, напримѣръ отъ изображенія двухъ одновременныхъ или смежныхъ событій. Соединяя

[1]) Эти сравненія имѣютъ три схемы: 1) отрицаніе + утвержденіе 2) вопросъ (одинъ или нѣсколько) + отрицаніе + утвержденіе, 3) утвержденіе + отрицаніе + новое утвержденіе. Замѣтимъ здѣсь кстати, что сравненіемъ по этой третьей схемѣ начинается слово о полку Игоревѣ: десять соколовъ и стадо лебедей. Тема сравненія могла быть заимствована пѣвцомъ изъ народной загадки. Интересно, что предшествующее *разсужденіе* о томъ, какъ начать пѣсню, развито по схемѣ 2-ой.

оба образа въ одинъ, икона даетъ новую, часто фантастическую комбинацію образовъ; устраняя образъ поясняемый, икона становится символической.

Типъ сопоставляющихъ иконъ хорошо извѣстенъ: таковы всѣ иконы, посвященныя раскрытію прообразованій, дающія параллельно изображенія событій Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ византійскомъ искусствѣ характернымъ примѣромъ сопоставленій этого рода являются иллюстраціи къ гомиліямъ Іакова Коккиновафскаго.—Есть также одна икона, изображающая извѣстнаго рода отрицательное сравненіе: на иконѣ Рождества Богородицы, помѣщающей поверхъ главнаго изображенія различныя сцены изъ жизни Іоакима и Анны, иногда (особенно въ старыхъ Новгородскихъ и старыхъ Строгановскихъ письмахъ) можно встрѣтить внизу прекрасный рисунокъ: среди цвѣтущаго луга стоитъ цистерна, изъ которой пьютъ птицы; другія птицы ходятъ по лугу. Это иллюстрація того мѣста въ Первоевангеліи, гдѣ Анна, сѣтуя о бездѣтствѣ своемъ, сравниваетъ себя съ птицами.

Примѣръ символической иконы я заимствую изъ университетскихъ лекцій Н. С. Тихонравова: среди рукописей и другихъ древностей, вывезенныхъ Севастьяновымъ съ Балканскаго полуострова, находилось загадочное изображеніе львицы, стоящей надъ львенкомъ. Изображеніе было объяснено старообрядцами какъ икона недреманнаго ока Божія (обыкновенно это названіе дается, впрочемъ, другому изображенію). Символъ заимствованъ изъ Физіолога, гдѣ разсказывается, что новорожденный львенокъ лежитъ замертво; мать, стоя, три дня стережетъ его, пока не прійдетъ левъ-отецъ, который оживляетъ львенка, дунувъ на него. Физіологъ а еще подробнѣе—Толковая Палея, указываетъ въ этой легендарной особенности львовъ символъ Воскресенія Христова [1]).

---

[1]) Заимствуемъ слѣдующія строки изъ неизданныхъ рукописей Н. С. Тихонравова, любезно сообщенныя намъ издателями его сочиненій: Если изображенія „Biblia pauperum“ повторяются въ живописныхъ и скульптурныхъ произведеніяхъ, которыми церковное искусство украшало храмы, то символы Толковой Палеи одушевляли византійское и русское искусство. Многія византійскія и русскія иконы находятъ себѣ здѣсь лучшее объясненіе, приводя такимъ образомъ Толковую Палею въ связь съ древне-христіанскими подлинниками. Въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія, одинъ изъ трудолюбивыхъ археологовъ П. И. Севастьяновъ, занимаясь исторіею византійскаго искусства, совершалъ путешествіе на Аѳонъ и по другимъ древнимъ храмамъ; оттуда онъ вывезъ массу древнихъ греческихъ иконъ. Выставленныя въ Москвѣ въ Рум. Музеѣ, эти древне-христіанскія иконы обратили на себя общее вниманіе людей, которымъ дорого развитіе народнаго искусства. Раскольники были одними изъ главныхъ посѣтителей выставки. Между иконами выдавалась одна, содержаніе которой долгое время оставалось непонятнымъ образованнымъ русскимъ людямъ. Раскольники, пользуясь Толковою Палеею и отчасти „Подлинникомъ“, сразу нашли ключъ къ объясненію этой загадки. Они сказали, что эта икона изображаетъ „недремаемое око Спасово“. Икона представляла слѣды глубокой древности. Она обратила на себя вниманіе и издателя византійскихъ подлинниковъ Дидрона, и онъ не могъ ее объяснить. Въ самомъ дѣлѣ: въ

Примѣромъ метафорической иконы, комбинирующей образы, можетъ служить изображеніе Неопалимой Купины. Такъ какъ этотъ образъ Ветхаго Завѣта сталъ символомъ Богоматери, то многія изображенія ветхозавѣтнаго событія помѣщаютъ икону Знаменія среди зелени купины. Такъ и въ Музейскомъ Сборникѣ XVI вѣка, на л. 165, гдѣ Моисей въ горахъ изображенъ трижды, а на склонѣ горы стадо козъ и овецъ,— на вершинѣ видна зардѣвшаяся купина съ иконой Знаменія въ срединѣ. Изъ-за купины показывается ангелъ, благословляющій Моисея. Метафора эта, какъ извѣстно, развивается далѣе и усложняется многочисленными сравненіями и символами. Вотъ что изображаетъ, напримѣръ, замѣчательная Строгановская икона Неопалимой Купины въ коллекціи Н. М. Постникова (№ 382). Посрединѣ поясное изображеніе Богоматери съ младенцемъ Христомъ на лѣвой рукѣ; въ правой рукѣ Богоматери лѣстница, на груди ея въ палатной обстановкѣ образъ Всемилостиваго Спаса, на правой рукѣ выше локтя еще какой-то ликъ въ кругу; на одеждѣ Богоматери всюду изображеніе облаковъ—на плечахъ и на главѣ среди облаковъ красный ликъ солнца. Вокругъ изображенія Богоматери ромбъ, углами вверхъ, внизъ и въ стороны. Фонъ ромба темный, на немъ свѣтло-зеленоватые очерки ангеловъ въ четырехъ углахъ. Изъза сторонъ ромба, между углами, выступаютъ красные треугольники, съ изображенными символами четырехъ Евангелистовъ. Все вмѣстѣ съ темнымъ ромбомъ образуетъ восьмиконечную звѣзду. Пространство между концами этой звѣзды занимаютъ какъ бы лепестки шиповника—клейма въ видѣ секторовъ—зеленыя, желтыя, коричневыя, розовыя; въ нихъ изображены ангелы. По четыремъ угламъ иконы *вверху влѣво:* Моисей предъ Неопалимой Купиной; послѣдняя въ видѣ темно-зеленаго куста съ круглой кроной; въ срединѣ ея въ кругу икона Знаменія. Ангелъ изъ-за куста благословляетъ Моисея. *Вправо*: Іессей, возлежащій въ горахъ, предъ нимъ жезлъ

„Подлинникѣ“ Дидронъ нашелъ слѣдующее изображеніе: въ срединѣ распятіе Христа, по бокамъ вставлены: ветхозавѣтное изображеніе, служащее символомъ этого событія: Господь, берущій у Адама ребро, затѣмъ слѣдуетъ положеніе Христа во гробъ и рядомъ—ветхозавѣтное событіе: картина изображающая опусканіе Іосифа въ ровъ. Затѣмъ слѣдуетъ непонятное изображеніе, надъ которымъ собственно и остановился Дидронъ: представлена была львица и около нея только что рожденный львенокъ. Въ Палеѣ картина описывается слѣдующимъ образомъ: въ полууставномъ сборникѣ XVI вѣка библ. Толст. III. № 92 (нынѣ Импер. Публ.), л. 143, читаемъ статью: „о недреманнѣмъ оцѣ Спасовѣ имо свидѣтельство въ Палеи книгѣ“: львица ражаетъ льва и лежитъ левъ три дни умеръ и три нощи и львица надъ нимъ стоитъ дондеже оживетъ и начнетъ царьствовати надо всѣми звѣрми земными и паки глаголетъ божественный пророкъ: почи и поспа яко левъ *Томъ*. Львица есть святая Богородица, а левъ есть Христосъ: почи во гробѣ три дни и три нощи, а не воздрема божествомъ, сниде въ преисподняя страны земля и сокруши верея вѣчныя и воскресе тридневно и нача царьствовати надо всѣми святыми. Левъ спитъ, а единымъ окомъ зритъ. Тако и Христосъ во гробѣ поспа плотію и вся видѣ божествомъ (Алекс. Нев. Пал. л. 122 слѣд.).

проросшій. *Внизу влѣво* Іезекіиль предъ закрытою дверью на колѣнахъ, надъ нею палаты и Христосъ стоя благословляющій. *Вправо* Іаковъ спящій, ангелы восходящіе по лѣстницѣ къ изображенію Христа Эммануила въ кругу. На поляхъ иконы: слѣва Параскева Пятница въ ростъ, справа преп. Евдокія въ ростъ.

Есть еще одна форма иконографическихъ сравненій. По внѣшнему виду она вполнѣ совпадаетъ съ метафорической формой, только-что описанной: оба образа даются слитно. Но если въ такомъ соединеніи, какъ образъ Неопалимой Купины, смыслъ изображенія остается до извѣстной степени яснымъ и оболочка еще отдѣлима отъ основного представленія, такъ какъ соединеніе образовъ является болѣе или менѣе механическимъ,—то въ томъ видѣ метафорическихъ изображеній, о которыхъ мы должны говорить теперь, два образа сливаются болѣе органическимъ образомъ и результатъ поражаетъ своей странностью. Странность объясняется тѣмъ, что всѣ подобныя изображенія основаны на буквальномъ пониманіи переносныхъ выраженій литературнаго текста, т. е. воспроизводятъ скрытое сравненіе, въ томъ видѣ, какъ оно возникло не на почвѣ искусства, а *на почвѣ языка*. Примѣромъ можетъ служить одна иллюстрація къ „слову преп. Ефрема о прекрасномъ Іосифѣ“. Текстъ слова заключаетъ фразу: „Отецъ же его Іаковъ, зависти не увѣдавъ, таимыя на Іосифа, въ кротости живяше, любяше же Іосифа зѣло *за цвѣтъ добрыя дѣтели, растущія на немъ измлада*“. Лицевой сборникъ 1678 г., принадлежащій историческому Музею (№ 20921), даетъ такую иллюстрацію къ этому мѣсту: Іосифъ въ роскошныхъ одеждахъ и нимбѣ сидитъ на высокомъ престолѣ, который имѣетъ обычную цилиндрическую подушку; подъ ногами его скамья; руки Іосифа торжественно разведены и обращены впередъ. *Изъ вершины чела его, гдѣ начинаются волосы, выросло цвѣтущее растеніе въ три стебля;* цвѣты разноцвѣтные, съ золотой серединой.

Существенная разница между метафорами двухъ родовъ заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ цѣлое понятіе сравнивается съ другимъ понятіемъ и соотвѣтствующіе имъ образы сливаются вмѣстѣ (Неопалимая Купина). Во второмъ случаѣ только одинъ признакъ понятія сравнивается съ другимъ признакомъ, не свойственнымъ этому понятію (развивающееся нравственное достоинство Іосифа сравнивается съ развивающимися цвѣтами). Въ живописномъ изображеніи дѣйствительный признакъ,—вслѣдствіе своего отвлеченнаго характера неизобразимый,—замѣняется метафорическимъ признакомъ, доступнымъ для внѣшнихъ чувствъ. Подобныя метафоры терпимы въ языкѣ, но осуществляясь въ искусствѣ изобразительномъ, онѣ обнаруживаютъ наглядно причудливое

измѣненіе понятія. А когда такая метафора языка отъ долгаго употребленія утратила свой первоначальный смыслъ, ея воскрешеніе въ рисункѣ является тѣмъ болѣе страннымъ.

Византійское искусство стало воспроизводитъ метафоры языка съ той самой эпохи, когда почитаніе иконъ окончательно восторжествовало и иконопись, руководимая богословіемъ, стала средоточіемъ изобразительнаго искусства. Къ той же эпохѣ относится и вообще полное завершеніе эпическаго направленія въ иконописи. Такимъ образомъ, странная категорія метафоръ, только что нами разсмотрѣнныхъ, явно нарушая основныя условія живописи, все же, подобно прочимъ сравненіямъ, можетъ быть выводима изъ основныхъ условій эпическаго настроенія. Слѣдуетъ замѣтить, что въ метафорахъ этого рода иконопись проявляла вначалѣ извѣстную умѣренность. Но разъ выйдя на этотъ путь и находясь въ постоянной зависимости отъ литературнаго текста изображаемыхъ памятниковъ, иконопись съ теченіемъ времени неизбѣжно должна была отразить на себѣ порчу литературнаго вкуса.

Мы имѣемъ несмѣтное, еще не вполнѣ собранное богатство иконографическихъ изображеній—живописный религіозный эпосъ, обширностью не уступающій самымъ богатымъ эпосамъ словеснымъ. Однако эпическое направленіе не было единственнымъ въ исторіи византійской живописи. Оно достигло преобладанія съ конца IX вѣка, вмѣстѣ съ окончательнымъ торжествомъ религіознаго вліянія въ изобразительномъ искусствѣ. Но и въ эпоху полнаго расцвѣта этого направленія, наряду съ нимъ пробивается наружу теченіе индивидуальнаго творчества. Оно проявляется прежде всего въ миніатюрѣ, отрасли, менѣе подчиненной непосредственному вліянію религіи. Раздѣляя часто всѣ достоинства иконной живописи, въ значительной степени черпая изъ ея содержанія, византійская миніатюра часто отличается отъ иконы какъ разъ отсутствіемъ безличнаго эпическаго духа. Этого нельзя сказать въ той же мѣрѣ и о русской миніатюрѣ: менѣе творческая, менѣе самостоятельная, она вполнѣ подчинилась эпическому закону иконописи.— Отсутствіе эпическаго начала наблюдается также въ одной, болѣе ограниченной, области иконографіи; но въ этой области искусство вообще исполняетъ уже служебную роль, и о художественномъ творчествѣ рѣчь можетъ идти лишь въ очень ограниченной степени. Мы говоримъ о иконахъ догматическаго содержанія, излагающихъ—аллегорически или прямо—богословское ученіе каноническое или сектанское и основы христіанской морали.

В. Щепкинъ.

II.

Археологическая хроника.

—— *(Музей древностей въ Букарештѣ).* Въ 1897 г. Букарештскій музей древностей празднуетъ тридцатилѣтній юбилей своего существованія; онъ основанъ въ 1867 г. генераломъ Маурусомъ, который и былъ его первымъ директоромъ. Первоначально музей состоялъ, главнымъ образомъ, изъ вещей, отобранныхъ румынскимъ правительствомъ у монастырей, такъ какъ указомъ господаря Александра Кузы всѣ монастырскія имѣнія были отданы казнѣ. Затѣмъ, музей обогащался приношеніями частныхъ лицъ и покупкой, но видимаго своего роста достигъ только съ поступленіемъ на должность директора его Григорія Точилеску, профессора древней исторіи и эпиграфики въ Букарештскомъ университетѣ и автора цѣлаго ряда весьма цѣнныхъ работъ по румынской археологіи.

Музей помѣщается въ зданіи Академіи Наукъ вмѣстѣ съ университетомъ и Школой Изящныхъ Искусствъ и занимаетъ 4 залы, открытыхъ для публики, одну залу вещей еще не выставленныхъ, библіотеку книгъ и рукописей и нѣсколько корридоровъ съ надписями, частью вдѣланными въ стѣну, статуями, архитектурными памятниками и проч. и, наконецъ, небольшой садъ съ громоздкими памятниками, какъ напр., украшенія башни имп. Траяна, открытой г. Точилеску въ Адамъ-Клисси. Въ первой залѣ находятся орудія каменнаго вѣка, большею частью изъ Карпатскихъ пещеръ, предметы металлической эпохи, разныя древности римскія и варварскихъ народовъ, сосуды съ грубою живописью, изъ находокъ въ Румыніи, на мѣстахъ дако-римскихъ поселеній, также образцы греческой керамики, бронзовыя зеркала и проч. Особую витрину занимаютъ предметы изъ некрополя черноморской колоніи Томи, состоящіе изъ глиняныхъ и стеклянныхъ сосудовъ, лампочекъ, монетъ, человѣческихъ череповъ, изъ коихъ въ одномъ находится наконечникъ бронзовой стрѣлы, пробившей его, и проч. Въ той же залѣ находятся предметы, относящіеся къ болѣе позднимъ временамъ, какъ-то: оружіе турецкое, румынское, знамена, рисунки мѣстныхъ типовъ и разные предметы этнографическаго характера. Посреди залы стоитъ большая витрина, заключающая самыя цѣнныя вещи музея—золотые предметы, найденные въ с. Петросы, въ Валахіи, въ округѣ г. Бузеу. Эти вещи, найденныя въ 1837 г. въ кладѣ (см. A. Odobescu, Notice sur la Roumainie, Paris, 1868), принадлежали понтифексу, частью, какъ украшенія его

одежды: ожерелье, подвѣски у плечъ и нагрудникъ,—частью, какъ священные сосуды при жертвоприношеніяхъ: двѣ вазы съ ручками въ видѣ пантеръ, длинный кувшинъ и плоское большое блюдо. Всѣ вещи сдѣланы изъ чистаго золота и украшены разноцвѣтными дорогими каменьями.

Въ слѣдующей залѣ—отдѣленіе церковныхъ древностей. Въ витринахъ размѣщены большія напрестольныя Евангелія въ золотыхъ переплетахъ, съ чеканными изображеніями. По большей части, на нихъ изображена легенда о схожденіи Христа во адъ, замѣнявшая на востокѣ изображеніе Воскресенія Христова.

Въ большомъ стеклянномъ шкафу хранятся потиры, дискосы, звѣздицы, ковчеги, кресты, панагіи, лжицы, копія и др. вещи, золотыя или серебряныя, XVI—XVIII вѣковъ. Самые интересные предметы въ этомъ шкафу—это ковчеги-модели извѣстныхъ старинныхъ церквей румынскихъ, сдѣланные весьма изящно.

По стѣнамъ вверху развѣшаны въ массивныхъ рамахъ фрески-оригиналы со стѣнъ старинныхъ церквей и монастырей. Въ особенности интересны изображенія господарей-основателей этихъ церквей съ ихъ семьями.

Въ витринахъ, тянущихся вдоль стѣнъ всей залы, развѣшаны покровцы, воздухи, плащаницы, эпитрахили, завѣсы и другія церковныя одежды; интереснѣе другихъ нѣсколько епитрахилей съ изображеніями господарей. Изъ плащаницъ самая древняя—даръ воеводы Мирчи, господаря Валахіи, 1396 года. Далѣе идутъ блюда большія и малыя, нѣкоторыя съ надписями, кресты весьма разнообразные, иконы, прекрасная коллекція поясовъ, лампады съ надписями. Нѣкоторыя изъ церковныхъ вещей русской работы и очень немного—западной.

Посреди небольшой третьей залы стоитъ модель церкви въ г. Куртя д-Арджемъ, построенной господаремъ Валахіи Нягое Басарабомъ въ 1512—1517 гг. и представляющей интересное произведеніе византійскаго стиля. Въ витринахъ по стѣнамъ залы выставлены грамоты господарей молдаво-влахійскихъ, писанныя на пергаменѣ съ печатями, автографами господарей и украшеніями. У дверей помѣщена коротенькая пушечка съ гербомъ Валахіи (воронъ съ крестомъ въ клювѣ) и надписью Петра воеводы, сына Петрашки воеводы, внука Радула воеводы, т. е. конца XVI вѣка.

Четвертая, послѣдняя зала наполнена предметами, относящимися къ разному времени. Здѣсь мы находимъ египетскую мумію, рѣзной деревянный иконостасъ прекрасной работы изъ с. Котроченъ, возлѣ Букарешта, нѣсколько царскихъ вратъ весьма древнихъ, латинскія и славянскія надписи, вдѣланныя въ стѣны, коллекцію перстней, частью

съ надписями, среди которыхъ есть много очень древнихъ, коллекцію серегъ, старинныя скульптурныя изображенія Мироносицъ изъ католическихъ церквей, кресла церковныя для господарей и проч.

Большая часть надписей, находящихся въ корридорахъ музея, издана г. Точилеску въ его журналѣ „Revista pentru archeologie etc“.

Библіотека музея богата старопечатными книгами и рукописями. Большинство старопечатныхъ книгъ—русскія, богослужебныя, московской и кіевской печати; затѣмъ книги, изданныя въ славянскихъ земляхъ, наконецъ молдавскія и греческія.

Большая часть славянскихъ рукописей вывезена г. Точилеску изъ мон. Быстрицы въ Валахіи и изъ другихъ. Вотъ списокъ болѣе интересныхъ рукописей по отдѣлу св. Писанія:

Книги Ветхаго Завѣта XVI вѣка съ вкладной записью 1606 г.

Псалтырь съ толкованіями, 1346 года, писанная для Бранко Младѣновича Іоанномъ Богославомъ въ Боречѣ, въ дни краля Стефана и сына его Уроша. Рукопись писана на пергаменѣ въ четверку ($23 \times 16^1/_2$ стм.), на 421 листѣ красивымъ крупнымъ уставомъ (текстъ Псалтыри) и болѣе мелкимъ (толкованія).

Псалтырь 1627 года, писанная въ Быстрицкомъ монастырѣ. Въ записи писца есть тайнопись, основанная на цифровомъ значеніи славянскихъ буквъ.

Четвероевангеліе 1405 года сербскаго письма, писанное на пергаменѣ въ листъ попомъ Никодимомъ „на угорской землѣ“, впослѣдствіи архимандритомъ лавры Тисманы.

Четвероевангеліе 1502 года, писанное на пергаменѣ красивымъ полууставомъ молдавскаго письма въ буковинскомъ мон. Путнѣ.

Евангеліе-Апракосъ 1503 года, писанное въ Болгаріи въ Рыльскомъ монастырѣ.

Четвероевангеліе 1519 года, съ прекрасными заставками золотомъ и красками. Переплетъ рукописи серебряный, съ изображеніемъ схожденія Спасителя во адъ.

Четвероевангеліе 1537 года, писанное на Аѳонѣ для Быстрицкаго монастыря.

Четвероевангеліе 1573 года, писанное іеромонахомъ монастыря Сератова.

Четвероевангеліе XVI вѣка, писанное монахомъ Симеономъ Русиномъ въ монастырѣ Дялѣ.

Четвероевангеліе русскаго письма *XVI вѣка,* положенное въ церковь Живоначальной Троицы при всероссійскомъ митрополитѣ Антоніи, т. е. въ промежутокъ между 1577 и 1580 гг.

Четвероевангеліе 1641 года, данное въ 1658-мъ году въ церко Успенія Богородицы въ городѣ Романѣ (въ Молдавіи).

Четвероевангеліе 1593 года, писанное въ угро-влахійской земл въ мѣстѣ называемомъ „Кралево“ протопопомъ Іоанномъ сербином „отъ мѣста Кратова“. Въ этомъ же Евангеліи—прекрасныя изображ нія господаря Валахіи Матѳея Басарабы (1599 — 1654) и жены е Елены, писанныя золотомъ и красками. Одѣты они въ византійск царскія одежды съ коронами на головахъ.

Четвероевангеліе XVII вѣка съ румынской записью 1673 года принадлежности этой рукописи мон. Пангарацу.

Апостолъ 1520 года, писанный дьякомъ Драгомиромъ для мон стыря Быстрицы въ Валахіи.

Апостолъ 1651 года, писанный для монастыря Козіи въ Валах же, паномъ Радуломъ великимъ комисомъ и жупаницей его Софійко

Кромѣ славянскихъ рукописей и ляпидарныхъ надписей XV—XVII вв въ Букарештскомъ музеѣ хранится цѣлый рядъ славянскихъ грамот касающихся, главнымъ образомъ, внутренней жизни придунайскихъ г сподарствъ; это—дарственныя грамоты господарей монастырямъ, пр дворнымъ чинамъ и людямъ служилымъ, грамоты судныя, купчія, дов ренности, завѣщанія и т. п., ожидающія хорошаго изданія ихъ.

(Сообщилъ А. И. Яцимірскій).

III.

Засѣданія Обществъ.

7 марта 1897 г. состоялось годичное засѣданіе Императорскаго М сковскаго Археологическаго Общества. Въ началѣ засѣданія секретарь О щества В. К. Трутовскій прочиталъ отчетъ о дѣятельности Общества 17 февраля 1896 года по 17 февраля 1897 года. Московское Археологи ское Общество въ истекшемъ году приложило много труда къ окончан подготовительныхъ работъ по X Археологическому съѣзду и къ устройст самаго съѣзда. Также ведутся работы при Обществѣ по устройству XI А хеологическаго съѣзда, для чего образованъ Предварительный комитетъ. отчетномъ году слѣдующіе члены Общества были командированы для архе логическихъ изысканій: С. К. Богоявленскій въ Лифляндскую и Курляндск губерніи, А. А. Ивановскій въ Закавказье, В. И. Сизовъ въ окрестнос Кутаиса. Члены Общества Ф. Д. Нефедовъ и В. М. Сысоевъ продолжа свои научныя изысканія, первый въ Владимірской и въ смежныхъ губерніях второй—въ Кубанской области. Дѣятельность Общества выразилась так

въ разработкѣ проектовъ устройства иногородныхъ отдѣленій Археологическаго Общества.

Всѣхъ засѣданій Общества было 17: 1 годичное, 12 распорядительныхъ, 3 обыкновенныхъ и одно спеціальное, посвященное памяти высокопреосвященнаго Саввы. Въ засѣданіяхъ Общества были прочитаны 26 докладовъ. Кромѣ этихъ общихъ засѣданій, состоящія при Археологическомъ Обществѣ коммиссіи имѣли свои засѣданія. Число коммиссій въ текущемъ году увеличилось еще одною—Археографической, задача которой — разработка архивнаго матеріала, вопросовъ архивовѣдѣнія, палеографіи и дипломатики. Изъ другихъ коммиссій, коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ имѣла 18 засѣданій, въ которыхъ разсмотрѣно 75 дѣлъ. Изъ работъ коммиссіи первое мѣсто должно быть отведено на окончаніе реставраціи Большого Успенскаго собора въ Москвѣ. Кромѣ того, коммиссія слѣдила за работами по реставраціи Владимірскаго Успенскаго собора гдѣ производились исправленія внутренней росписи, іераршаго дома въ Ростовѣ, Богородицкой башни въ Ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ, Покровскаго и Василія Блаженнаго собора въ Москвѣ, зданія московской синодальной типографіи и пр. Восточная коммиссія имѣла въ отчетномъ году 3 засѣданія, на которыхъ было доложено 6 докладовъ. Въ Славянской коммиссіи, на 5 засѣданіяхъ, были прочитаны 11 докладовъ. Археографическая коммиссія, открывшая свои дѣйствія лишь 22 декабря, имѣла 2 засѣданія, одно распорядительное, а на другомъ было прочитано 3 доклада. Въ истекшемъ году Московское Археологическое Общество понесло тяжелую утрату въ лицѣ скончавшихся членовъ: двухъ почетныхъ, шести дѣйствительныхъ и одного члена-корреспондента. Избраны въ члены Общества: въ дѣйствительные члены 11 лицъ, въ члены-корреспонденты 14 лицъ. Въ члены Общества избраны также два иностранныхъ ученыхъ: д-ръ Фоссъ въ Берлинѣ и д-ръ Конвенцъ въ Данцигѣ. Къ концу отчетнаго года состояло :одинъ членъ-основатель, 13 почетныхъ членовъ, 129 дѣйствительныхъ, 159 корреспондентовъ, 102 иностранныхъ.

Изъ изданій въ отчетномъ году Обществомъ было выпущено въ свѣтъ: II т. Трудовъ Подготовительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ и II в. Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній—оба подъ редакціей граф. П. С. Уваровой; V вып. Матеріаловъ по археологіи Кавказа, подъ редакціей М. В. Никольскаго, и Извѣстія X Археологическаго съѣзда въ Ригѣ, подъ редакціей В. К. Трутовскаго и В. П. Вульфіуса. Въ настоящее время печатаются: XVI т. Древностей; II т. Трудовъ IX Археологическаго съѣзда въ Ригѣ и III т. Трудовъ VIII Московскаго Археологическаго съѣзда.

Членъ Ревизіонной Коммиссіи М. В. Никольскій доложилъ протоколъ ревизіи кассы Общества, изъ коего видно, что къ 17 февраля 1896 г. въ кассѣ Общества суммъ разныхъ наименованій было 20,029 р. 10 к.; поступило 20,196 р. 57 к., израсходовано 22,520 р. 34 к., остается къ 17 февр.

1897 г. 17,705 р. 33 к. Капиталъ имени Ивана Ѳедорова достигъ къ отчетному дню цифры 22,200 р.

По прочтеніи отчета М. В. Никольскій сообщилъ о небольшой коллекціи халдейскихъ древностей, принадлежащихъ кн. А. А. Гагарину. Всѣхъ вещей—6; изъ нихъ четыре дощечки съ клинообразными надписями представляютъ фрагменты одного или нѣсколькихъ халдейскихъ литературныхъ памятниковъ религіознаго характера. Изслѣдованіе ихъ текста и содержанія возможно только при сравненіи съ другими подобными фрагментами, имѣющимися во множествѣ въ Британскомъ музеѣ. Два остальные предмета коллекціи суть глиняные конусы съ надписями Гудеа, патеси (намѣстника) города Ширпурла, жившаго приблизительно за 3,000 лѣтъ до Р. Х. Его постройки со множествомъ чрезвычайно важныхъ памятниковъ искусства изъ письма изъ примитивной эпохи Халдеи были открыты и изслѣдованы де-Сарзекомъ въ Телло, въ южной Мессопотаміи. Конусовъ, подобныхъ разсмотрѣннымъ референтомъ, де-Сарзекъ нашелъ не малое число въ развалинахъ дворца Гудеа; они находятся въ Луврѣ. Надпись на конусѣ изъ коллекціи кн. Гагарина содержитъ актъ о построеніи храма божеству Нинъ-Гирсу. Одинъ изъ конусовъ сохранился въ цѣлости, другой, совершенно одинаковый съ первымъ, пострадалъ отъ времени. Во время чтенія референтъ демонстрировалъ вещи изъ упомянутой коллекціи.

Въ томъ же засѣданіи В. И. Сизовъ сдѣлалъ сообщеніе о древнемъ желѣзномъ топорикѣ, богато украшенномъ по серебряному полю насѣчкой изъ золота и черни, и переданномъ въ даръ Историческому Музею его Августѣйшимъ Предсѣдателемъ. Авторъ сообщенія объяснялъ детально характерныя черты орнаментаціи топорика, находя въ нихъ вліяніе художественнаго стиля Скандинавіи, а также Востока, но въ русской редакціи, которую ставилъ въ связь съ заставными буквами новгородскихъ рукописей XII—XIII в. Свои объясненія г. Сизовъ сопровождалъ демонстраціями рисунковъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 21 марта 1897 года, В. Н. Щепкинъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ рукописяхъ, пріобрѣтенныхъ Историческимъ Музеемъ. Затѣмъ В. А. Уляницкій прочиталъ докладъ о смоленскихъ вислыхъ печатяхъ. Въ смоленскомъ музеѣ находятся три свинцовыхъ кружка съ изображеніями святыхъ, а одинъ изъ нихъ съ надписью. Объ нихъ было, между прочимъ, доложено на Виленскомъ Археологическомъ съѣздѣ въ 1893 году, но мнѣнія раздѣлились, и большинство склонялось видѣть въ этихъ свинцовыхъ кружкахъ медальоны-образки или амулеты. Референтъ на основаніи ряда соображеній и сопоставленій пришелъ къ выводу, что эти кружки есть не что иное, какъ свинцовыя вислыя печати отъ документовъ и должны относится къ XIII в. Занесены они были изъ Византіи, и въ Россіи извѣстно ихъ пока очень немного. С. С. Слуцкій добавилъ къ реферату, что на выставкѣ Рижскаго съѣзда

были выставлены два документа XIII в. Полоцкаго княжества, также съ свинцовыми вислыми печатями.

Третье сообщеніе принадлежало А. А. Ивановскому, который прочиталъ отчетъ о поѣздкѣ въ Закавказье, предпринятой имъ лѣтомъ 1896 года. Въ Елисаветпольской губ. референту удалось найти остатки древнихъ укрѣпленій, относящихся, повидимому, къ эпохѣ ванскихъ царей (VIII—VII вв. до Р. Х.) и могилы того же періода, заключающія въ себѣ бронзовые мечи, кинжалы, копья, украшенія и пр. Въ другой мѣстности, близъ оз. Гокчи, были встрѣчены большіе курганы съ погребальнымъ обрядомъ другой, болѣе поздней народности. Здѣсь, въ погребальной камерѣ, рядомъ съ остатками человѣка, найдены были части скелета верблюда и при нихъ много украшеній изъ мрамора и перламутра, наконечники палицъ и пр.

Поправка.

Въ отчетѣ о рефератѣ Г. А. Муркоса, помѣщенномъ въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ (стр. 50): „Кіево-Печерская лавра въ половинѣ XVII в., по описанію Павла Алеппскаго“ вкралась ошибка: Павелъ названъ сыномъ Макарія, патріарха *александрійскаго,* слѣдуетъ: Макарія, патріарха *антіохійскаго.* — Описаніе это есть переводъ съ арабской рукописи путешествія патр. Макарія, принадлежащей Московскому Главному Архиву Мин. Ин. Дѣлъ.

Ред.

IV.

Библіографія.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. VIII, вып. 1 и 2 (нов. сер.). Труды Отд. Русской и Славянской Археологіи, I, 1895 г. (Спб. 1896, 8°, стр. 312+LV).

Вышедшій въ свѣтъ VIII томъ „Записокъ“ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества чрезвычайно богатъ свѣдѣніями, касающимися древностей разныхъ мѣстностей Россіи. За исключеніемъ протоколовъ, библіографіи и статей г. *Рождественскаго:* „Къ исторіи княжескаго землевладѣнія въ сѣверо-восточной Руси въ XVI вѣкѣ“ и г. *Середонина:* „Наказъ князю М. И. Воротынскому и роспись полкамъ 1572 года“—содержаніе тома составляютъ статьи и замѣтки разныхъ изслѣдователей о произведенныхъ раскопкахъ, равно и матеріалы по доисторической археологіи Россіи, собранныя изъ разныхъ губерній. *Н. Е. Бранденбургъ* въ замѣткѣ „Изъ поѣздки 1891 года въ Донскую область и Бахмутскій уѣздъ“ подробно ука-

зываетъ мѣстоположеніе многочисленныхъ кургановъ, встрѣченныхъ имъ на пути, и даетъ такимъ образомъ возможность оріентироваться будущему изслѣдователю древностей указанныхъ мѣстностей. Попутно произведенныя раскопки кургановъ съ катакомбами не вознаградили труда, положеннаго г. Бранденбургомъ на ихъ изслѣдованіе: ихъ инвентарь оказался очень небогатымъ; но самый типъ кургановъ представляетъ несомнѣнный археологическій интересъ. Далѣе обращаютъ на себя вниманіе найденные въ колоніи Ольгендорфъ (у Царедара) въ курганѣ бронзовый кельтъ, часть бронзоваго ножа и 2 бронзовыхъ кинжала; послѣдніе представляютъ обычный на сѣв. Кавказѣ типъ. Небольшая замѣтка *О. Е. Клера*: „О Шартышскихъ каменныхъ палаткахъ“ переноситъ насъ на Уралъ: авторъ склоненъ въ образованіи этихъ скалъ видѣть не одно вліяніе естественныхъ силъ природы, но и искусственную дѣятельность человѣка, оставившаго по себѣ каменныя орудія и черепки посуды — отъ болѣе отдаленнаго, и бронзовые идолы — отъ болѣе поздняго времени. Интересную особенность шарташскихъ палатокъ представляетъ чашечный камень (pierre à écuelles), существованіе которыхъ на Уралѣ до настоящаго времени не было отмѣчено. Въ замѣткѣ *А. С.*: „Одинъ изъ типовъ погребеній въ курганахъ южной Россіи“, описываются раскопки пр. Петри (1888 г.) въ Бахмутскомъ у., Екатеринославской губ., недалеко отъ ст. Юзово—Донецкой ж. д. Изслѣдованные курганы, извѣстные подъ названіемъ рясныхъ могилъ, обнаружили (повидимому впускныя) погребенія въ телѣгахъ или съ телѣгами; послѣднія—двухколесныя, на колесахъ, имѣющихъ въ діаметрѣ 2 арш.; найдены и костяки лошадей, удила, стремена, котлы, височное кольцо древлянскаго типа, слегка изогнутыя сабли, ромбовидные наконечники стрѣлъ, ножи, парчевая ткань и пр.; авторъ статьи склоненъ относить погребеніе къ X в. Тому же автору принадлежитъ и небольшая замѣтка „Изъ раскопки Фельдгофскаго могильника XVI в. въ Витебской губ.“, въ которой авторъ обращаетъ вниманіе на сходство могильнаго инвентаря въ Лифляндской и Курляндской губ. за тотъ же періодъ времени, при чемъ типы этихъ могильниковъ сохраняютъ слѣды типовъ извѣстнаго люцинскаго могильника. *П. М. Еременко* въ двухъ статьяхъ: „Обозрѣніе кургановъ и городищъ Новозыбковскаго у.“ и „Раскопки кургановъ Новозыбковскаго у,“ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ и старается на основаніи особенностей погребальнаго ритуала и инвентаря отдѣлить могильники, приписываемые имъ сѣверянамъ (по р. Снови) отъ могильниковъ, которые онъ считаетъ радимическими (по р. Ипути). Дополненіемъ къ статьямъ г. Еременка служатъ двѣ, такъ сказать, пояснительныя статьи г. *А. С.*: „Курганы, раскопанные П. М. Еременкомъ въ Суражскомъ у.“ и „Вещи изъ раскопокъ П. М. Еременка въ курганахъ Новозыбковскаго и Суражскаго уу.“. Всѣ 4 статьи имѣютъ цѣлью опредѣлить характерныя черты погребальнаго ритуала и культуры радимичей. *А. Спицынъ* въ статьѣ „Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX вв.“, исходя изъ предположенія, что раскопки въ сѣв.-зап. краѣ достаточно опредѣлили

типъ кургановъ съ трупосожженіемъ, которые можно приписать литовцамъ, подробно описываетъ какъ устройство могилъ, такъ и могильный инвентарь; далѣе авторъ прослѣживаетъ географическое распространеніе аналогичныхъ погребеній и культуры, на основаніи изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ. Къ статьѣ приложенъ 31 рисунокъ наиболѣе типичныхъ предметовъ древне-литовскаго могильнаго инвентаря. Статьей г. Спицына оканчивается отдѣлъ статей, посвященныхъ разработкѣ археологическихъ матеріаловъ. Слѣдующій весьма обширный отдѣлъ (стр. 115—312) заключаетъ прежде всего весьма цѣнное, снабженное рисунками, *Обозрѣніе въ археологическомъ отношеніи* губ. Могилевской, Черниговской, Воронежской, Саратовской и Самарской; польза подобныхъ обозрѣній слишкомъ очевидна, чтобы распространяться о ней: для лицъ, желающихъ подробнѣе ознакомиться съ той или другой раскопкой, указываются литературные источники въ спискахъ. Далѣе слѣдуютъ *Матеріалы по доисторической археологіи Россіи*, содержащіе отчеты разныхъ лицъ по изученію предметовъ и по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ губ. Новгородской, Самарской, Подольской, Херсонской, Полтавской, Воронежской, Пермской, Вятской, Таврической и Семипалатинской области. Археологическая часть указаннаго тома „Записокъ“ заканчивается *свѣдѣніями 1873 г. о городищахъ и курганахъ* въ губ. Подольской, Воронежской и Самарской, собранные по почину Д. Я. Самоквасова центральнымъ статистическимъ комитетомъ.

Н. Х.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. унив. 1897 г. Кн. 1-ая (180-ая) издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. М. 1897.

Матеріалы историческіе: 1) Грамоты 7080—7111 гг. съ подписями Бориса, Дмитрія и Степана Годуновыхъ—съ предисловіемъ гр. *С. Д. Шереметева*, 1—8. Три грамоты, хранящіяся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, и интересныя особенно тѣмъ, что рѣшаютъ положительно вопросъ о грамотности Бориса, которая обыкновенно отрицалась. Одна изъ грамотъ подписана уже царемъ Борисомъ, но въ противоположность другимъ его царскимъ грамотамъ, собственною рукою, какъ видно изъ сличенія съ двумя остальными. Всѣ три воспроизведены въ текстѣ.—2) *А. Н. Зерцаловъ* „О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII в.“, I—VIII+1—16 (см. Арх. Изв. и Зам. 1896 г., стр. 412).—3) *В. И.* и *Г. И. Холмогоровы* „Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII вв.“, вып. 9 (окончаніе выпуска: Серпуховская десятина), 95—188. — Это богатое собраніе матеріаловъ, о церквахъ, монастыряхъ и селахъ Московскаго уѣзда. Девятый выпускъ этихъ богатыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ сокровищницъ Архива Юстиціи (книги писцовыя, переписныя, патріаршія и синодальныя приказныя, вотчинной коллегіи и т. д.) обнимаетъ десятины: Волоколамскую и Серпуховскую, при чемъ въ послѣдней, нынѣ описанной приведены матеріалы по 42 церквахъ (въ оглавленіи пропущена церковь Преображенія въ с. Муриковѣ, о

которой говорится на стр. 158), трехъ монастыряхъ, церковныхъ земляхъ (одна страница) и приложены свѣдѣнія о церковныхъ земляхъ Пехрянской десятины и одна дарственная по десятинѣ Волоколамской. Прибавлено оглавленіе по обѣимъ десятинамъ (церкви въ алфавитномъ порядкѣ и указатель именъ личныхъ и географическихъ).

Матеріалы историко-литературные: Н. И. Петровъ „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ". Вып. 2-й (А. Рукописи Кіево-Печерской Лавры) — 1—128. Въ выпускѣ 2-мъ должны быть перечислены 576 рукоп., изъ коихъ 415 принадлежатъ Лаврѣ, 132 Михайловскому монастырю, остальныя монастырямъ: Пустынно-Никольскому, Выдубицкому и женскому Флоровскому и Десятинной церкви. Это лишь скудные остатки прежнихъ сокровищъ, но дороги тѣмъ, что имѣютъ преимущественно мѣстный характеръ и какъ сами по себѣ, такъ и по многочисленнымъ записямъ и приписямъ даютъ матеріалъ для восполненія тѣхъ или другихъ чертъ мѣстной исторіи. Изъ рукописей Лавры—276 славяно-русскихъ, 4 польскихъ, 2 греческихъ и 133 латинскихъ: послѣдняя преимущественно учебники (изъ іезуитскихъ коллегій 1665—1729 гг., и изъ русскихъ школъ сплошь отъ отъ 1684—1744 г.; любопытны бытовыя и историческія отмѣтки на нѣкоторыхъ изъ нихъ). Изъ рукописей три — пергаментныя: XIV вѣка одно недѣльное Евангеліе и отрывокъ другаго и служебникъ, писанный во Псковѣ въ 1462 г.; къ XV в. относятся: еще одинъ служебникъ, два Апостола и Толковая Псалтирь, писанная въ Витебскѣ; къ XVI — восемь рукописей и въ ихъ числѣ Печерскій Патерикъ 1553—4 г.; къ XVII—до 40 рукописей, изъ коихъ нѣкоторыя тожественны съ сѣверно-русскими и прямо принесены съ сѣвера, а другія взяты съ Аѳона. Но и заимствуя памятники „южноруссы комбинировали ихъ съ извѣстною полемическою цѣлью, приводили въ лучшій видъ и порядокъ болѣе удобный для пользованія, вставляли полемическія тирады и наконецъ переводили прежде извѣстные памятники на современный удобопонятный языкъ южно-русскій и даже вновь дѣлали переводы съ греческаго и латинскаго языка съ произведеній, которыя дотолѣ неизвѣстны были въ южно-русской письменности",—и примѣры всему этому обильны въ Лаврской библіотекѣ.

Матеріалы иностранные.—Дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.) Яна Зборовскаго и Луки Дзялынскаго. Переводъ съ польскаго О. Р. Миневскаго, 1—68. Оба автора — изъ числа главныхъ начальниковъ Баторіевыхъ войскъ. Дневники ихъ напечатаны въ 1887 г. въ X т. Краковскихъ Acta historica res gestas Poloniae illustrantia, и даютъ обильный, важный и любопытный матеріалъ.

Изслѣдованія: Н. Успенскій—„О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монасрыря, 1—58"; *И. И. Побойнинъ*—„Исторія города Торопца, 1—92".

Въ *смѣси*,—сообщенныя гг. Яцимирскимъ, Прокоповичемъ (изъ Моск. отдѣл. Архива Главнаго Штаба), Бѣляевымъ и І. А., вошли: Отписки изъ

Бѣлозерскаго монастыря о движеніяхъ литовскихъ войскъ въ 1614 г., роспись св. иконамъ устюжанина Холмогорова, двѣ челобитныя и роспись приданаго второй половины XVII в.; грамота царя Алексѣя въ Саввинъ монастырь 1657 г.; о гренадерскомъ извощикѣ, назвавшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ; слова на взятіе Минихомъ Очакова 1737 г., изданія Моск. Моск. Синод. типогр. 1751—64 г.; рескриптъ имп. Павла Разумовскому въ Вѣну о возвращеніи письма Косцюшкѣ („я отъ измѣнниковъ ничего не принимаю"); наконецъ, тутъ же помѣщено цѣлое изслѣдованіе Г. А. о Казанской и Ильинской церквахъ Сергіева посада, 1—45. *С. С.*

А. И. Черепнинъ. Дневникъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1896 г. въ Зарайскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ членами Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. Рязань, 1896 г. 32 стр.

Лѣтомъ 1896 г. подъ руководствомъ А. И. Черепнина было произведено нѣкоторыми членами Ряз. Арх. комиссіи нѣсколько раскопокъ курганныхъ кладбищъ, отдѣльныхъ кургановъ и пр. въ Зарайскомъ и въ Рязанскомъ уу. Опубликованный г. Черепнинымъ „Дневникъ раскопокъ" позволяетъ до извѣстной степени судить объ интересѣ, представляемомъ указанными археологическими изслѣдованіями. Всего раскопки были произведены въ 6-ти мѣстахъ: въ двухъ—у с. Апоничищи, далѣе у селъ Козловки, Ситкова, д. Разсохи и Рубцовой; количество изслѣдованныхъ кургановъ равняется 57; многіе не содержали вещей, въ нѣкоторыхъ костяки оказались сильно истлѣвшими. Отсылая желающихъ познакомиться, съ особенностями какъ формы такъ и размѣровъ кургановъ, съ подробностями инвентаря каждаго изъ нихъ и пр.—къ „Дневнику" г. Черепнина, мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя существенныя черты погребенія. Прежде всего бросается въ глаза большое разнообразіе въ положеніи костяка: при господствующемъ положеніи костяка головой на западъ замѣчались слѣдующія различія: лицо умершаго было обращено кверху, часто, однако, было повернуто иногда на югъ, иногда на сѣверъ; руки иногда сложены на животѣ, иногда на груди, иногда онѣ были вытянуты или одна рука согнута и положена на животъ и т. п. Далѣе нѣкоторые были погребены въ материкѣ, другіе въ насыпи кургана и пр. Между тѣмъ, насколько возможно судить по „Дневнику", могильный инвентарь не представляетъ чертъ, которыя позволили бы предполагать, что этническій составъ погребенныхъ былъ различенъ: весьма обыкновенны находки горшковъ изъ глины, однообразно орнаментированной, семилопастныхъ височныхъ колецъ, бусъ, ножей и т. п. Изъ находокъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія: въ одномъ изъ кургановъ (Кривишенскихъ около с. Апоничицы) были найдены семилопастныя височныя привѣски; причемъ, могила, если судить по лежащему при костякѣ желѣзному кинжалу, м. б. принадлежитъ мужчинѣ. Кромѣ бронзовыхъ бубенчиковъ съ ушками, витыхъ браслетовъ и пр., найденныхъ въ той-же могилѣ, былъ поднятъ надъ верхнею частью груди „бронзовый четырехконечный крестъ съ тремя полу-

круглыми выступами на концахъ каждой стороны и ушкомъ для привѣшиванія; на лицевой сторонѣ креста нѣтъ изображенія ни распятія, ни святыхъ; на ней сохранились слѣды цвѣтной эмали". Въ другомъ курганѣ этой же группы, оказались бусы продолговатыя граненыя сердоликовыя и круглыя изъ горнаго хрусталя. Ожерелье изъ бусъ не представляло простой снизки,— часть ихъ представляла крестообразныя звѣздочки. Благодаря плотной глинѣ, замѣчаетъ г. Черепнинъ, можно думать, что первоначальное расположеніе бусъ въ ожерельѣ сохранилось въ той формѣ, въ какой онѣ были нанизаны: въ центрѣ крестообразной звѣздочки находилась крупная буса изъ горнаго хрусталя, сверху и снизу ея нанизывались продолговатыя граненыя бусы изъ сердолика; эти три бусы нанизывались, повидимому, на одномъ шнуркѣ, какъ и прочія, находящіяся на одной линіи съ ними; съ правой и лѣвой стороны круглой средней бусы выступали въ стороны по одной сердоликовой бусѣ, образуя крестъ; слѣдующій крестъ изъ бусъ отдѣляется отъ перваго круглыми бусами изъ горнаго хрусталя". Впрочемъ, авторъ „Дневника" при описаніи этого интереснаго типа ожерелья допускаетъ и игру случая. Обращаютъ далѣе вниманіе находки: гривны, густопосеребренаго браслета, колецъ, браслета съ змѣиными головками по концамъ и пр. Въ общемъ описываемыя замѣтки дали довольно значительное количество предметовъ. Слѣдуетъ надѣяться, что г. Черепнинъ будетъ продолжать свои изслѣдованія и представитъ современемъ для курганной культуры Рязанской губ. такую же цѣнную и детальную работу, какъ и относительно культуры Борковскаго могильника.

М. А. Веневитиновъ. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698 г. М. 1897 г. V+237 in 4°.

Въ первыхъ числахъ марта 1697 года русское великое посольство съ Лефортомъ во главѣ и съ Петромъ Михайловымъ въ свитѣ двинулось въ далекій путь—въ Голландію. Описанію пребыванія этого посольства въ Голландіи и посвященъ интересный трудъ М. А. Веневитинова. Совпадающее двухсотлѣтіе этого знаменательнаго событія придаетъ названной книгѣ не только характеръ исторической работы, но и юбилейнаго изданія. Внѣшность изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ послѣднему его назначенію. Намъ нѣтъ нужды подробно останавливаться на содержаніи разбираемаго труда; отмѣтимъ только его основную мысль. М. А. Веневитиновъ совершенно справедливо обращаетъ вниманіе на то, что хотя историки и обращаютъ исключительное вниманіе, при изложеніи сношеній Петра Великаго съ Европой, на центральную фигуру самого царя, но личность его „нельзя вполнѣ считать всецѣлымъ воплощеніемъ, бесусловнымъ представителемъ той древне-русской культуры непосредственное столкновеніе съ которыми такъ удивило и поразило нашихъ западныхъ сосѣдей". Въ виду этого въ задачу автора входитъ выяснить подробности, „опредѣляющія внутренній характеръ двухъ культуръ, когда эти культуры взаимно сталкиваются". Такимъ образомъ со-

чиненіе М. А. Веневитинова заполняетъ пробѣлъ, по странной случайности до сихъ поръ существующій въ богатой литературѣ о Петрѣ Великомъ. Другою важною особенностью труда являются такіе его источники, которыми до сихъ поръ почти не принимались въ разсчетъ изслѣдователями и даже самое значеніе которыхъ оставалось неяснымъ: это цѣлый рядъ голландскихъ источниковъ и особенно богатая архивными данными „Рѣчь“ Меермана. Всѣ эти данныя придаютъ труду М. А. Веневитинова значеніе серьезнаго вклада въ науку. *М. Д.—З.*

Проф. Е. Ѳ. Карскій. Изъ лекцій по славянской кирилловской палеографіи, читанныхъ въ Имп. Варшавскомъ университетѣ. Варшава, 1897 г. IV+ 173 in 8°.

Краткій библіографическій обзоръ русско-славянской палеографической литературы, посвященный въ первой главѣ труда г. Карскаго, самымъ убѣдительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ и о скудости литературы предмета и о пользѣ, которую можетъ приносить наукѣ общій обзоръ ея. Когда наука находится въ зачаточномъ состояніи, то всякое общее руководство по ней, отражая на себѣ недостаточность разработки различныхъ вопросовъ, несомнѣнно способствуетъ дальнѣйшему развитію науки, такъ какъ даетъ точку отправленія для новыхъ разысканій и обнажаетъ тѣ вопросы, которыя не подверглись обработкѣ, такъ сказать, подсказываетъ темы. Уже съ этой точки зрѣнія трудъ г. Карскаго имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое значеніе. Но, кромѣ того, г. Карскій отнесся къ своей задачѣ весьма просто и умѣло, представивъ краткій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ палеографической науки. Такъ, въ 1-ой главѣ онъ даетъ обзоръ научныхъ работъ палеографіи; затѣмъ переходитъ къ изложенію предмета; знакомство съ матеріалами для письма (р. 41—52), принадлежностями его (р. 52—59) орнаментомъ (р. 59—68). На исторіи изображенія буквъ авторъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ (р. 68—94), затѣмъ говоритъ вкратцѣ о счисленіи, многосчисленіи, внѣшности книгъ и, наконецъ, о криптографіи. Книга оканчивается весьма интересной главной о писцахъ книгъ и началѣ славянскаго книгопечатанія. Г. Карскій воспользовался для своего курса существующей русской литературой и отчасти иностранной (по общимъ вопросамъ), прибавивъ немало своихъ личныхъ замѣчаній и наблюденій. Если книга и не отвѣчаетъ съ достаточной полнотой на тѣ или другіе вопросы, то надо имѣть въ виду нынѣшнее состояніе науки. Мы ограничимъ наши замѣчанія двумятремя болѣе или менѣе общаго характера. Вѣроятно, по условіямъ изданія (разбираемая книга представляетъ оттискъ изъ „Р. Ф. В.“) авторъ приложилъ къ книгѣ всего одну таблицу снимковъ (только буквъ), притомъ и довольно случайно собранную и довольно плохо исполненную. Такимъ образомъ читатель лишенъ самого важнаго пособія въ палеографіи—снимковъ; между тѣмъ литература палеографическихъ снимковъ, во многихъ случаяхъ, сдѣлалась библіографическою рѣдкостью. Необходимо отмѣтить и то, что вслѣд-

ствіе спеціализаціи автора на исторіи литературы и вслѣдствіе того, что наша палеографическая литература преслѣдуетъ большею частью только ист.-лит. цѣли, и въ разбираемой книгѣ на палеграфію дипломатическихъ актовъ мало обращено вниманія, что едва ли справедливо. Такъ, канцелярское письмо XVI — XVII в. очерчено весьма поверхностно. Авторъ весьма мало удѣляетъ вниманія западно-русской палеографіи, хотя и самъ онъ извѣстный спеціалистъ въ этой области. Г. Карскій не отмѣчаетъ въ своей книгѣ такое цѣнное способіе по западно-русской палеографіи, какъ „Wzory pismdawnych w przerysach wystawiane“ etc. (Warsz. 1839). *М. Д.—З.*

Черныя ризы.—Историческая справка. Г. Георгіевскаго (Русск. Вѣст. 1896 г., № 3).

Авторъ задался цѣлью прослѣдить, съ какихъ поръ вошли у насъ въ употребленіе при великопостныхъ и заупокойныхъ службахъ черныя ризы, при чемъ доказываетъ, что до IX в. употреблялись облаченія только бѣлаго цвѣта. Затѣмъ стали входить въ употребленіе и другіе цвѣта, окончательно принятые какъ на Западѣ, такъ и въ Византіи не ранѣе XI вѣка. Обычнымъ траурнымъ цвѣтомъ, употреблявшимся при похоронахъ на Руси, былъ, какъ это видно изъ старинныхъ лицевыхъ рукописей, темно-красный. Равно и великопостныя облаченія были „багряныя“. Красный цвѣтъ служитъ символомъ любви и поэтому красныя одежды должны были выражать причину печальнаго настроенія—любовь, а не его слѣдствіе—самую печаль, символомъ которой является цвѣтъ черный. Впервые выраженіе „черныя ризы“ появилось въ нашихъ церковныхъ книгахъ 1656 года, но, по мнѣнію автора, это лишь иное выраженіе для ризъ „багряныхъ“. Черный цвѣтъ былъ бы такимъ новшествомъ, на который непремѣнно бы обратили вниманіе раскольники и, кромѣ того, нельзя было бы объяснить тогда полное отсутствіе черныхъ ризъ въ продолженіе всего XVII вѣка. Облаченій изъ черной матеріи въ патріаршей ризницѣ нѣтъ, равно и въ ризницѣ Успенскаго собора. Такимъ образомъ, можно съ несомнѣнностью полагать, что черныхъ облаченій у насъ до XVIII вѣка не употребляли, и даже ихъ совсѣмъ не было. Государи московскіе надѣвали „паннихидное“ платье, иначе называемое „смирнымъ“, изъ матеріи чернаго цвѣта только при погребеніи или паннихидахъ по своимъ „государевымъ роднымъ“, а въ другихъ случаяхъ „смирное“ платье было другихъ цвѣтовъ, напр., таусиннаго, или темно-краснаго. Въ XVII в. черныя матеріи, правда, входили и въ церковное употребленіе, но только для отдѣлки и украшенія облаченій разныхъ другихъ цвѣтовъ. Кромѣ того, отличіемъ великопостныхъ и паннихидныхъ одеждъ отъ остальныхъ была ихъ ветхость, какъ это видно изъ описаній ихъ. Начало XVIII вѣка, вмѣстѣ съ прочими реформами, внесло реформу и въ облаченіяхъ, и съ этого времени только у насъ появились черныя ризы для службы великопостной и заупокойной. *А. С.*

М. Дьяконовъ. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Выпускъ II. Грамоты и записи. Юрьевъ, 1897 года, VI+129 in 8°.

По исторіи русскаго крестьянства до сихъ поръ издано такъ мало, что всякое новое собраніе документовъ по данному вопросу является весьма желательнымъ. Въ настоящемъ выпускѣ г. Дьяконовымъ напечатано 95 документовъ, которые обнимаютъ періодъ 1447 — 1694 гг. Документы извлечены издателемъ преимущественно изъ Москов. Архива Минист. Юстиціи (62 №№), затѣмъ изъ архива Троицкаго Сергіева монастыря, Румянцевскаго музея и Моск. Архива Минист. Иностр. Дѣлъ. Около половины изданнаго матеріала представляютъ грамоты великихъ князей и царей, остальные—частныя сдѣлки. Если принять во вниманіе первый выпускъ „Актовъ“ проф. Дьяконова, то въ общемъ изданный имъ матеріалъ является весьма солиднымъ вкладомъ въ науку. Но надо имѣть въ виду, что къ XV — XVI вв. относится въ настоящемъ выпускѣ меньшая часть актовъ (одинъ—къ XV в. и тридцать три—къ XVI в.). Намъ нѣтъ нужды опредѣлять, какое значеніе тѣ или другіе документы имѣютъ для вопросовъ, связанныхъ съ исторіею крестьянства: самъ г. Дьяконовъ въ своихъ статьяхъ, съ помощью печатаемаго имъ нынѣ матеріала, разъяснилъ нѣкоторыя стороны вопроса. Замѣтимъ только, что и съ помощью настоящаго матеріала далеко не всѣ вопросы могутъ быть рѣшены удовлетворительно, въ томъ числѣ и темный вопросъ о закрѣпощеніи, или вопросъ объ общинѣ. Такимъ образомъ, какъ ни пріятно отмѣтить составленіе новаго и весьма цѣннаго собранія матеріаловъ по исторіи тяглаго населенія, но тѣмъ не менѣе и эти документы не должны остановить изслѣдователей въ дальнѣйшихъ поискахъ. *М. Д.—З.*

Trouvailles de cercueils en chêne de l'age du bronze en Danemark... par Vilhelm Boye avec eaux-fortes, dessins et plans dans le texte... par A. P. Madsen. Copenhague, 1896, 4°.

Въ бронзовомъ вѣкѣ—говоритъ авторъ въ предисловіи—въ Даніи былъ довольно сильно распространенъ обычай хоронить въ гробахъ, сдѣланныхъ изъ дубовыхъ колодъ, расколотыхъ по длинѣ своей и выдолбленныхъ, такъ что курганы съ подобнаго рода погребеніемъ составляютъ цѣлую особую группу. Благодаря этому обычаю до насъ дошли въ чрезвычайно хорошемъ видѣ разнаго рода вещи, которыя при обыкновенномъ способѣ погребенія, т. е. безъ гробовъ, были находимы въ крайне испорченномъ видѣ, а подчасъ даже вполнѣ разрушившимися. Въ гробахъ же превосходно сохранились не только металлическіе предметы, глиняные и каменные, но также и издѣлія изъ дерева, рога, шерсти и т. п., несмотря на громадный промежутокъ времени въ 2000—3000 лѣтъ. Одно обстоятельство, однако, долгое время смущало археологовъ и заставляло ихъ прибѣгать къ догадкамъ, несостоятельность которыхъ имъ самимъ бросалась въ глаза, а именно: въ гробахъ находили массу вещей, прекрасно сохранившееся шерстяное платье нокой-

ника, его волосы, его мозгъ, правда, обратившійся уже въ какую-то липкую массу, но сохранившій всѣ свои извилины, но не находили костей, тогда какъ въ другихъ странахъ Европы въ подобныхъ гробахъ всегда находился и прекрасно сохранившійся скелетъ. Приходилось, такимъ образомъ, предполагать, что въ гроба клались только нѣкоторыя части трупа, или же только вещи, завернутыя въ коровью шкуру и ткани, при чемъ, во избѣжаніе ограбленія могилы, самые гроба зарывались какъ можно глубже; самый же трупъ сожигали и сосудъ съ пепломъ закапывали въ томъ же курганѣ, но въ иномъ какомъ-либо мѣстѣ. Но подобнаго рода предположенія опровергались нѣсколькими случаями нахожденія въ гробахъ нѣбольшихъ остатковъ костей, завернутыхъ въ кожу. Думали также объяснить отсутствіе костяка тѣмъ, что крестьяне, находившіе эти гроба, изъ суевѣрнаго страха вынимали скелетъ и предавали его землѣ, а вещи оставляли, но и эту догадку пришлось отвергнуть, когда, въ присутствіи цѣлой коммиссіи археологовъ, было вскрыто нѣсколько гробовъ, тщательно сбереженныхъ и до которыхъ никто не касался, и все-таки костяка тамъ не оказалось, а нашли только вещи, одежду, волосы, какую то липкую массу (въ разныхъ гробахъ и курганахъ разнаго цвѣта) и еще какой-то голубоватый порошокъ. Химическое изслѣдованіе липкой массы показало, что это ничто иное, какъ разложившіяся мягкія, мясистыя части трупа, а порошокъ — кости, разложившіяся подъ вліяніемъ почвы, содержавшей въ себѣ желѣзо. Такимъ образомъ, объяснилось какъ отсутствіе костяка въ гробахъ, такъ и цвѣтъ, красновато-желтый и коричневый, въ к[illegible]ый были окрашены камни, окружающіе гробъ, и находимые въ немъ деревянные предметы. — Далѣе авторъ подробно описываетъ каждую отдѣльную находку погребенія въ гробахъ, а равно и вещи, найденныя въ нихъ, и сравниваетъ эти находки въ Даніи съ таковыми же, сдѣланными въ другихъ странахъ Европы. Приложенныя къ тексту 27 таблицъ рисунковъ превосходно дополняютъ его: на нихъ изображены разныя формы гробовъ (есть, между прочимъ, гроба съ ручками на обоихъ концахъ какъ бы для носки его), способъ прикрѣпленія крышки гроба, посредствомъ двухъ клиньевъ, пропущенныхъ на двухъ концахъ дубовой колоды черезъ всю ея толщу и входящихъ даже въ землю; затѣмъ показано, какъ гроба обкладывались камнями кругомъ и сверху, наконецъ, представлены одежда и вещи, найденныя въ этихъ гробахъ. Книга въ высшей степени интересна и содержательна, и можно пожалѣть только объ одномъ, именно, что она вся, кромѣ небольшого введенія, издана на мало распространенномъ у насъ датскомъ языкѣ. Введеніе же переведено на французскій.

А. С.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.; томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 [illegible]

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1896 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 4 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№№ 5—6.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ №№ 5—6.

Стр.

I. **В. И. Сизовъ.** Древній желѣзный топорикъ изъ коллекцій Историческаго Музея *(съ таблицею и съ рис.)* 145

II. **Д. Н. Анучинъ.** Археологическое значеніе „Мономаховой шапки“ по мнѣнію Н. П. Кондакова. 163

III. **А. И. Соболевскій.** По поводу статьи А. Н. Зерцалова. 166

IV. Археологическая хроника. 167

V. Засѣданія Обществъ 201

VI. Библіографія. 206

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1897 г. №№ 5—6

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1945 г. БИБЛІОТЕКА НИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы

I.

Древній желѣзный топорикъ изъ коллекцій Историческаго Музея.

(Съ таблицею).

Въ недавнее время коллекціи Историческаго Музея обогатились пріобрѣтеніемъ весьма интереснаго топорика, полученнаго въ даръ отъ Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Предсѣдателя Музея. Топорикъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе, какъ своей красивой формой, такъ и богатствомъ орнаментаціи, сдѣланной по серебряному полю изъ золота и черни.

Что касается до происхожденія топорика, то по отношенію къ этому вопросу, мы можемъ разсказать только слѣдующіе факты: въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время выставки, торговецъ древностями и коммиссіонеръ Историческаго Музея—Кузнецовъ пріобрѣлъ этотъ топорикъ у одного татарина, по увѣренію котораго топорикъ, былъ найденъ въ Билярскѣ (близъ Чистополя) будто бы вмѣстѣ съ другими вещами. Извѣстный въ Москвѣ торговецъ древностями Ивановъ, находясь въ то же время въ Нижнемъ, перекупилъ топорикъ у Кузнецова.

Съ того момента, какъ топорикъ поступилъ въ магазинъ Иванова, появилась новая легенда о его происхожденіи, утверждавшая, что топорикъ относится къ числу предметовъ клада, найденнаго, какъ извѣстно,

во Владимірѣ прошедшимъ лѣтомъ. Буква „азъ“, замѣченная на топорикѣ, дала поводъ утверждать даже, что топорикъ, найденный будто бы во Владимірѣ, долженъ былъ принадлежать В. К. Андрею Боголюбскому. Вмѣстѣ съ развитіемъ этой легенды и первоначальная цѣнность топорика значительно увеличилась.

Изъ магазина Иванова, благодаря милостивому вниманію Его Им-

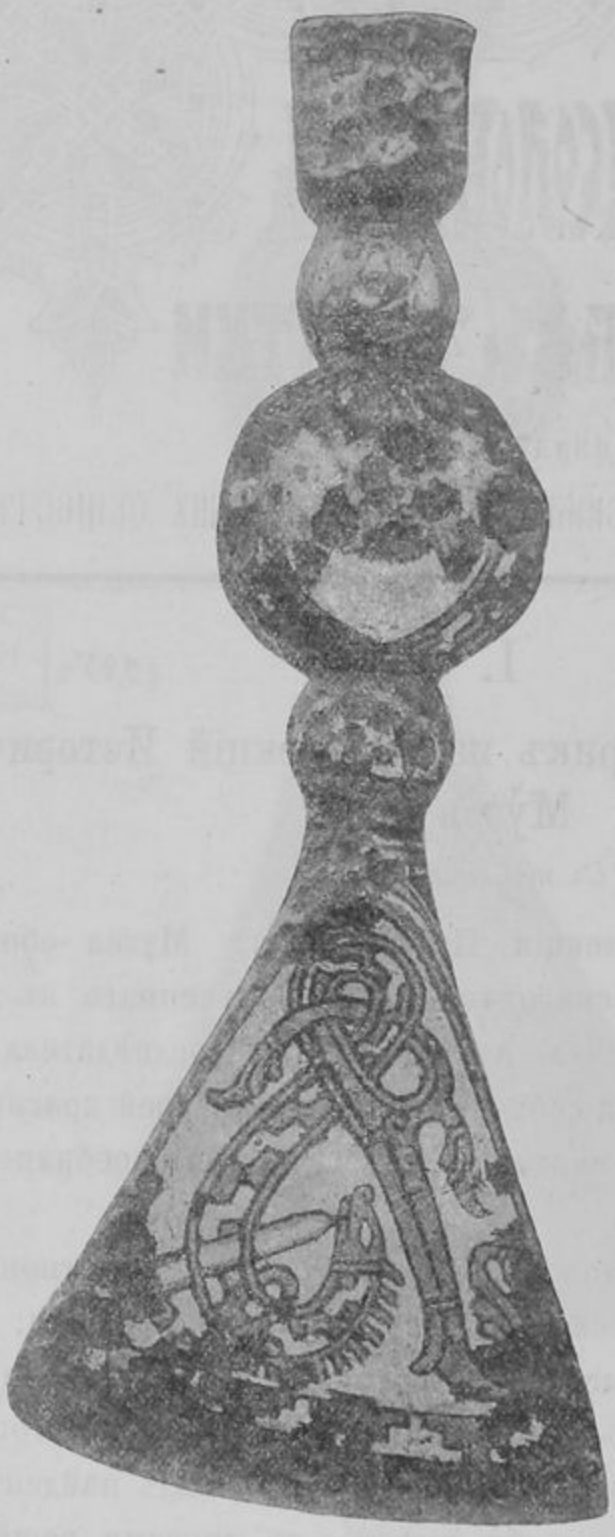


Рис. 16.

Рис. 17.

ператорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича къ научнымъ интересамъ Музея, топорикъ поступилъ въ коллекціи Историческаго Музея. Несмотря на смутныя пока извѣстія о первоначальномъ нахожденіи топорика, его происхожденіе и его бытовое значеніе можно

объяснить главнымъ образомъ изученіемъ его формы и художественныхъ особенностей стиля.

Размѣры топорика не велики — его изображенія сдѣланы въ натуральную величину (см. табл. I и рисунокъ 16); лезвіе трехугольной формы; заостреніе лезвія образовано постепеннымъ срѣзываніемъ обѣихъ сторонъ треугольника, что, по нашему мнѣнію, составляетъ его характерную черту. Тылье имѣетъ форму четырехграннаго молоточка, а втулка— плосковатаго шара, связаннаго съ тыльемъ посредствомъ яблока. Вообще онъ отличается деликатностью и красивымъ сочетаніемъ формъ. Топорикъ выкованъ изъ желѣза и богато украшенъ по серебряному полю золотыми съ чернью изображеніями и орнаментомъ. Такого рода соединеніе золота, серебра и черни встрѣчается чаще всего на восточномъ оружіи, но на западѣ, насколько намъ извѣстно, технику эту можно встрѣтить гораздо рѣже; для примѣра отмѣтимъ подобную технику въ серебряной чашѣ, извлеченной изъ гробницы королевы Тиры въ Даніи, и въ потирѣ, или сосудѣ для питья, принадлежавшемъ герцогу Баварскому Тассилону, а также на рукояти меча X в. въ Баваріи [1]).

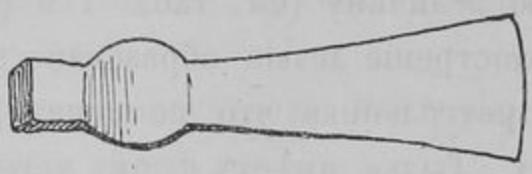
Назначеніе топорика, судя по его украшеніямъ и размѣрамъ, не заурядно-боевое, а скорѣе почетное, такъ что его можно въ этомъ отношеніи сравнить съ чеканомъ или клевачомъ, булавой и т. п. предметами, имѣвшими вообще значеніе начальственное (batons de commandement). Что касается аналогіи формъ, то въ курганахъ центральной Россіи, а также и сѣверо-западной Европы подобной формы мы рѣшительно не встрѣчаемъ. Два обычныхъ типа курганныхъ сѣкиръ—норманскія сѣкиры, изображенныя на коврѣ Матильды, и топоры съ выемкой внизу, болѣе обычные въ нашихъ курганахъ, не имѣютъ никакого сходства съ формой описываемаго топорика. Какъ на исключеніе мы укажемъ только на нѣсколько сходный съ формой топорикъ, найденный въ курганахъ Приладожья г. Бранденбургомъ. Такимъ образомъ, сама форма топорика отдаляетъ насъ отъ Запада и заставляетъ искать сродства на Востокѣ.

Въ коллекціяхъ Румянцевскаго Музея находятся вещи изъ Билярска; въ числѣ этихъ вещей можно отмѣтить топорикъ, украшенный серебряной насѣчкой и по своимъ малымъ размѣрамъ сходный съ нашимъ топорикомъ; но по своей формѣ онъ представляетъ два лезвія, треугольной формы, соединенныхъ круглой плосковатой втулкой. Аналогія здѣсь заключается не въ общей формѣ топорика, а лишь въ формѣ каждаго отдѣльнаго лезвія, въ средней втулкѣ и въ размѣрахъ. Болѣе

[1]) См. сочиненіе *Alteneck* Trachten, Kunstwerke und Geräthschaften vom frühen Mittelalter bis Ende des XVI Jahrh. Часть I, табл. 8 и 23.

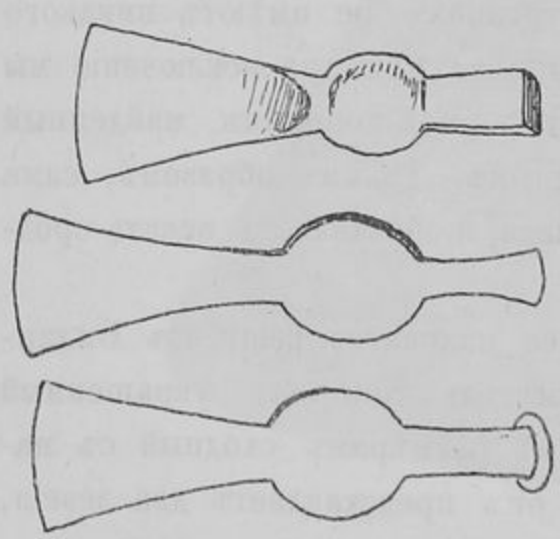
сходства можно найти при сравненіи нашего топорика съ другимъ топоромъ, находящимся въ той же коллекціи вещей изъ Билярска, хотя этотъ топоръ болѣе крупнаго размѣра и техника его груба—никакихъ

(Рис. 18. Билярскъ).



(Рис. 19. Билярскъ).

инкрустацій онъ не имѣетъ, тѣмъ не менѣе у него сходна форма лезвія—треугольная, но гораздо болѣе вытянутая, а главное—онъ имѣетъ *тыльце* въ формѣ четырехграннаго молотка, а втулка такой же округлой, плосковатой формы. Болѣе близкое сходство мы находимъ во многихъ топорикахъ, найденныхъ въ такъ назыв. „мерянскихъ“ курганахъ покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ. Здѣсь сходство замѣчается и въ размѣрахъ топориковъ, во втулкѣ, въ фигурѣ лезвія и въ его образованіи въ тыльѣ, имѣющимъ форму четырехграннаго или округленнаго молотка; только техника ихъ проста и украшеній нѣтъ, а также нѣтъ и посредствующаго шарика между тыльемъ, т. е. молоткомъ и втулкой, но отсутствіе этой части не нарушаетъ общаго выразительнаго сходства и объясняется только простымъ рядовымъ значеніемъ этихъ топориковъ, не имѣющихъ нужды въ изысканныхъ формахъ и въ богатой насѣчкѣ. Здѣсь важно отмѣтить тотъ фактъ, что эту аналогичную форму мы встрѣчаемъ въ курганахъ Суздальской области не въ единичномъ экземплярѣ, которому можно было бы придать случайный, заносный характеръ, а напротивъ топорки этого рода находятся въ упомятутой коллекціи въ значительномъ количествѣ, что указываетъ, по нашему мнѣнію, на обычное бытовое значеніе этого предмета въ Суздальской области (рис. 20—22). Въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, нѣтъ основанія предполагать чтобы эти топорики были занесены съ Востока путемъ торговли: ихъ распространенность указываетъ скорѣе на ихъ мѣстное производство, хотя бы форма ихъ и была занесена съ Востока, гдѣ для этого рода оружія у Персовъ, Арабовъ существовало большое разнообразіе типовъ и богатая техника инкрустацій или насѣчки.



(Рис.—20—22. Изъ Мерянскихъ кургановъ).

Что же касается до употребленія подобныхъ топориковъ князьями

и боярами въ древней Руси, то на такое употребленіе указываютъ намъ слѣдующіе факты: на многихъ монетахъ удѣльныхъ князей мы встрѣчаемъ изображенія человѣческой фигуры, держащей въ одной рукѣ топорикъ, весьма сходный по формѣ съ нашимъ топорикомъ какъ, напр. на рис. 23 [1]); нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ топорикъ представляетъ знакъ власти.

Напомнимъ также слѣдующія извѣстія изъ нашихъ лѣтописей: подъ 1079 г. въ лѣтописи Нестора разсказывается о приходѣ Яна Вышатича отъ кн. Святослава на Бѣлоозеро за данью и о столкновеніи его съ волхвами въ лѣсу — „Яневи же идущу съ *топорцемъ*...“

Рис. 23.

Далѣе лѣтопись продолжаетъ: „Единъ грѣшися Яня топоромъ, Янъ же оборотя топоръ, удари и тыльемъ“.

Подъ 1073 г. лѣтопись разсказываетъ о подобномъ же столкновеніи въ Новгородѣ князя Глѣба съ волхвомъ: „Глѣбъ же возма *топоръ* подъ скутомъ... Глѣбъ же вынемъ *топоръ*, ростя и, и паде мертвъ“.

Подъ 1216 г. при описаніи Липецкой битвы въ той же лѣтописи говорится: „князь Мстиславъ пронзавъ трижды сквозѣ полкы княжи Юрьевы и Ярославли, сѣкучи люди, бѣ бо у него *топоръ съ поворозою* на руцѣ, и тѣхъ сѣчаше, также и князь Володимеръ“.

На основаніи этихъ данныхъ намъ кажется возможнымъ утверждать, что топоры и топорки въ древней Руси употреблялись какъ оружіе и въ въ то же время могли служить и властительскими знаками, подобно чекану и булавѣ.

Нашъ музейскій топорикъ богато украшенъ орнаментаціей, сдѣланной по серебряному фону золотомъ съ черневыми контурами и потому не только по своей красивой формѣ, но по техникѣ и по стилю орнаментальныхъ изображеній представляетъ интересъ и художественный. Чтобы опредѣлить характеръ стиля и происхожденіе этого топора нужно обратиться къ анализу его орнаментаціи и связанныхъ съ этой орнаментаціей изображеній.

Приступая къ детальному описанію орнаментаціи мы прежде всего обратимъ вниманіе на болѣе простыя формы орнамента. Къ числу такихъ формъ принадлежитъ орнаментъ въ формѣ *зубчиковъ*; его прими-

---

[1]) Монета князя Ѳедора, изданная Рейхелемъ въ его описаніи монетъ (die Reichelsche Münzsammlung) подъ № 3956, относимая имъ кн. Ѳедору Ольговичу Рязанскому. По мнѣнію А. В. Орѣшникова, она принадлежитъ кн. Ѳедору Васильевичу Ярославскому конца XIV, начала XV вѣка.

тивность и распространенность не можетъ служить матеріаломъ для какихъ-либо соображеній о стилѣ. Къ числу распространенныхъ орнаментовъ можно отнести также и орнаментъ въ формѣ ступенчатыхъ городковъ; его можно встрѣтить въ Византіи — въ церкви св. Софіи, въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ, на матеріяхъ, найденныхъ въ Скандинавіи, на металлическихъ вещахъ изъ Гнѣздова и изъ кургановъ Приладожья; тотъ же орнаментъ мы встрѣчаемъ въ заставкахъ новгородскихъ рукописей XI в., какъ, напр , на рисункѣ 24. Его распространенность также не можетъ содѣйствовать уясненію его стиля можно замѣтить только, что его простота и прямолинейность дѣлаютъ его орнаментомъ весьма сподручнымъ для деревянныхъ издѣлій, какъ это и замѣчается, напримѣръ, въ украшеніяхъ крестьянскихъ избъ Смоленской губерніи. Также довольно распространеннымъ можно считать и другой орнаментъ топорика, состоящій изъ ломаныхъ линій, которымъ украшена въ видѣ каймы круглая плосковатая поверхность втулки и туловище самого змѣя или дракона. Въ формѣ каймы или украшенія этотъ орнаментъ встрѣчается на Западѣ въ VIII столѣтіи (777 года), а именно въ украшеніи упомянутаго нами сосуда Тассилона Баварскаго; въ формѣ также каймы, или бордюра этотъ орнаментъ украшаетъ многія привѣски, или медальоны изъ серебра, найденные въ Скандинавіи и относящіеся къ эпохѣ викин-

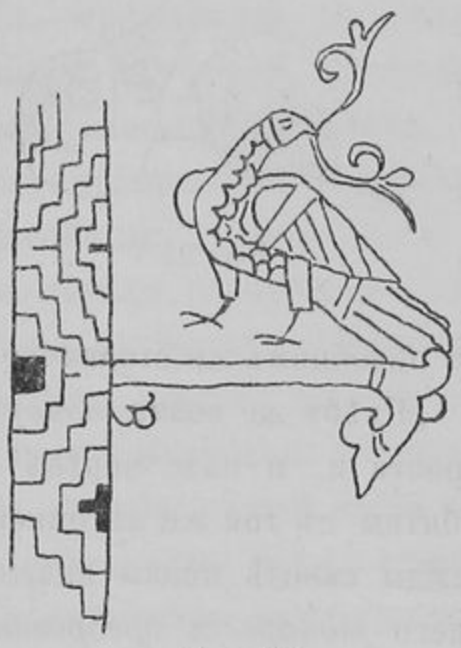


Рис. 24.

Рис. 25.

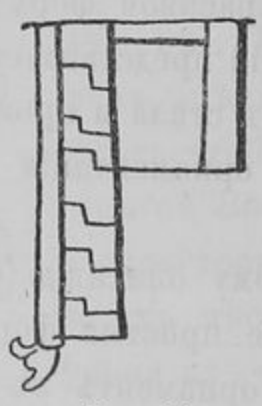


Рис. 26.

Рис. 27.

говъ. Кромѣ того, въ Скандинавіи этотъ же орнаментъ встрѣчается и на руническихъ камняхъ. Наконецъ, мы встрѣчаемъ его въ заглавныхъ буквахъ и заставкахъ древне-русскихъ рукописей, относящихся отъ XI

до XIII вв., какъ, напр., въ новгородской рукописи (рис. 25) гдѣ онъ представляетъ круговой бордюръ; въ новгородской же рукописи XIII—XIV в. изображаетъ букву *P* (рис. 26) и, наконецъ, въ изображеніи рыбы изъ новгородской же рукописи XI — XII в., гдѣ онъ замѣняетъ чешую, какъ и на туловищѣ змѣя, изображеннаго на нашемъ топорикѣ (рис. 27). Тотъ же мотивъ каймы мы встрѣчали на бронзовыхъ сосудахъ, найденныхъ въ Болгарахъ, а также на серебряномъ сассанидскомъ блюдѣ изъ колл. Н. М. Постникова (Ист. Музей) [1]).

На двухъ граняхъ тылья топорика сохранилось изображеніе крестика, четырехконечнаго съ расширенными концами; общая форма этого крестика напоминаетъ типъ крестиковъ такъ называемыхъ „корсунскихъ", находимыхъ въ курганахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что на нашемъ топорикѣ эти крестики находятся въ тѣсной связи съ окружающими его остатками орнамента. Въ значеніи орнамента подобнаго вида крестики встрѣчаются даже на скандинавскихъ скорлупообразныхъ фибулахъ, какъ, напр., на рис. 28. Въ Румянцевскомъ Музеѣ находится штампованный изъ серебряной пластины крестикъ подобной формы, украшенный примитивнымъ орнаментомъ-горошчатымъ и зубчатымъ; по стилю орнамента этотъ крестикъ могъ слу-

Рис. 28.

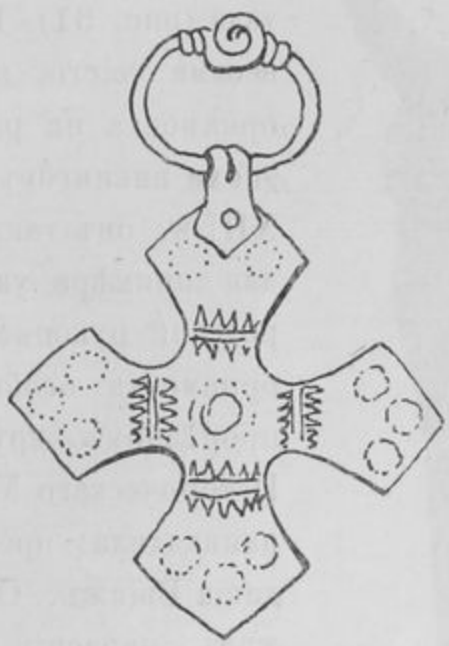


Рис. 29.

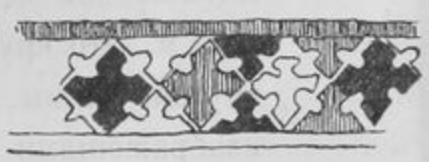


Рис. 30.

[1]) На гладкомъ серебреномъ блюдѣ въ срединѣ изображены два борющихся звѣря; двойные контуры изображенныхъ звѣрей заполнены также *кольчатымъ* орнаментомъ — изъ ломаныхъ поперечныхъ линій.

жить только впослѣдствіи символомъ христіанскимъ, тѣмъ болѣе, что ушко и колечко отличаются совершенно иной техникой (рис. 29). Тотъ же самый крестикъ мы встрѣчаемъ въ заставныхъ буквахъ новгородскихъ рукописей XII — XIII в., гдѣ ряды такихъ крестиковъ входятъ въ составъ буквы въ качествѣ украшенія, поставленнаго перпендикулярно или наискось (рис. 30). Намъ кажется, что крестикъ и на топорикѣ имѣетъ значеніе подобнаго орнамента, потому что находится въ тѣсной связи съ орнаментаціей самаго тылья и ничѣмъ не выдѣляется изъ нея, какъ слѣдовало бы ожидать, если бы онъ имѣлъ значеніе христіанскаго символа. Такимъ образомъ, сходство его съ курганными крестиками или корсунскими ограничивается только общимъ очертаніемъ формъ.

Рис. 31.

Наконецъ, на одной расширенной части ребра топорика мы находимъ орнаментъ въ формѣ тройного узла (рис. 31). Подобнаго рода орнаментъ встрѣчается весьма часто, какъ часть скандинавскаго плетенаго орнамента на разнаго рода предметахъ изъ той же эпохи викинговъ. Въ рукописяхъ новгородскихъ XII—XIII в. онъ также встрѣчается въ большомъ изобиліи; для примѣра укажемъ на рисунокъ 36 изъ новгородской рукописи XIII в. Его служебная роль какъ орнамента особенно ясно опредѣляется на мѣдномъ прорѣзномъ кружалѣ, находящемся въ коллекціяхъ Историческаго Музея и служившемъ, вѣроятно, вмѣсто паникадила; предметъ этотъ происходитъ изъ городища Вщижъ, Орловской губ., гдѣ, кромѣ двухъ кружалъ, найдены еще подсвѣчники западнаго происхожденія; всѣ эти предметы можно отнести къ XII—XIII в. Это кружало или паникадило состоитъ изъ выгнутой каймы, украшенной прорѣзными кругами съ изображеніями птицъ и травъ. Пустое пространство между вписаннымъ въ квадратъ кругомъ и углами квадрата заполнено такого рода узлами (рис. 32). На нашемъ топорикѣ этотъ тройной узелъ также играетъ роль орнамента, заполняющаго треугольную поверхность. Наконецъ, уцѣлѣвшая на одной сторонѣ яблока тылья буква *А*, если нельзя считать ее за русскую, могла быть и греческой, употреблявшейся и въ Россіи, какъ иниціалъ извѣстнаго имени, заимствованнаго изъ греческихъ святцъ.

Указанныя нами части орнаментаціи топорика по ихъ стилю хотя и не даютъ намъ достаточно основаній для пріурочиванья этого предмета къ извѣстной опредѣленной мѣстности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не лишаютъ насъ возможности предполагать употребленіе этихъ орнаментальныхъ мотивовъ въ Новгородской или Суздальской области и вообще въ предѣлахъ центральной Россіи въ эпоху XII—XIII ст. Для нашихъ ближайшихъ цѣлей мы только и ограничимся этими скромными выводами, не касаясь вопроса о происхожденіи отдѣльныхъ мотивовъ орнамента въ виду сложности этого вопроса, который могъ бы вывести насъ изъ рамокъ предположенной статьи.

Рис. 32.

Болѣе рѣшающее значеніе для объясненія характерности стиля и происхожденія топорика имѣютъ, безъ сомнѣнія, тѣ изображенія, которыми украшены обѣ стороны его плоскаго лезвія, т. е. изображеніе змѣя или дракона, пронзеннаго мечомъ, на одной сторонѣ лезвія, и изображеніе двухъ птицъ, стоящихъ по сторонамъ священнаго древа, — на другой. Сначала обратимъ вниманіе на первое изображеніе (рис. 16). Сплетенный змѣй, пронзенный въ туловище мечомъ, по самой манерѣ плетенія, по развѣтвленіямъ туловища, оканчивающимся акантовыми листочками съ перваго же взгляда заставляетъ насъ вспоминать сѣверный или скандинавскій стиль звѣриныхъ орнаментовъ, которыми въ изобиліи украшались въ Скандинавіи не только металлическія излѣлія, какъ, напр., украшенія, оружіе и проч., не только руническіе камни, но даже рѣзныя деревянныя двери древнихъ церквей. Но говоря о сѣверномъ звѣриномъ стилѣ, въ данномъ случаѣ мы не будемъ касаться его разновидностей—въ виду сложности этихъ вопросовъ, не совмѣстимыхъ съ рамками нашей статьи: мы просто будемъ говорить о сѣверномъ стилѣ эпохи викинговъ. Во всякомъ случаѣ откуда бы ни произошелъ этотъ стиль, какъ бы ни были разнообразны и долговременны эволюціи его отдѣльныхъ мотивовъ,—въ общемъ онъ представляетъ намъ весьма характерную, всегда ярко выраженную цѣлую гамму богатыхъ сплетеній фантастическаго характера, гдѣ формы фантастическихъ животныхъ весьма удачно сливаются съ гибкими растительными формами, имѣющими свойство весьма удобно заполнять разнообразныя формы поверхности. Весьма естественно, что при такомъ обиліи фантазіи въ дальнѣйшей своей эволюціи этотъ орнаментъ, уже завладѣвшій живот-

ными, не могъ не подчиниться вліянію своего народнаго эпоса, сюжеты котораго въ болѣе поздній періодъ стали приходить въ составъ орнаментаціи, часто даже не нарушая ихъ основного орнаментальнаго характера. Таковы, напр., изображеніе короля Сигурда среди змѣй на руническомъ камнѣ, найденномъ въ Даніи, изображенія на рѣзныхъ дверяхъ древнихъ храмовъ Скандинавіи (рисунки 33, 34, 35) цѣлаго ряда эпизодовъ, иллюстрирующихъ пѣсни Эдды (Всѣ циклы этихъ изображеній можно замѣтить, напр., въ книгахъ De Challu „The wiking age“).

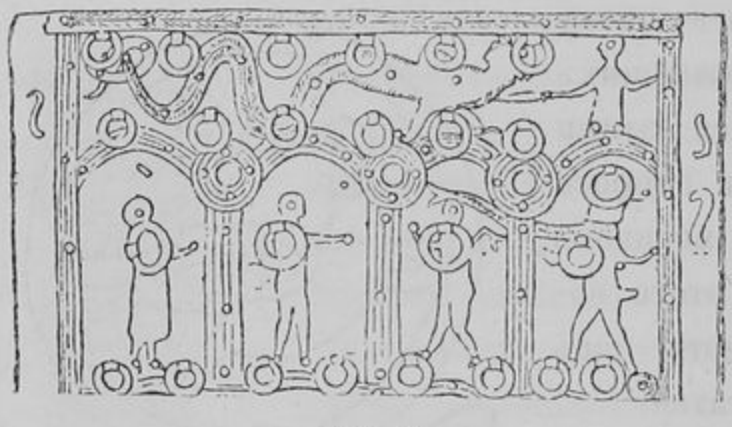


Рис. 33.

Рис. 34.

Рис. 35.

Въ ряду изображенныхъ эпизодовъ наиболѣе часто на разныхъ предметахъ выдвигается эпизодъ убіенія змѣя Фафнира Сигурдомъ; эта сцена встрѣчается въ различныхъ редакціяхъ, указывающихъ на особенную популярность этого сюжета. Нельзя не замѣтить при этомъ, что основной сюжетъ борьбы со змѣемъ могъ породнить изображеніе этой сцены съ идеей вообще борьбы со змѣемъ, существовавшимъ у дру-

гихъ народовъ вплоть до христіанскихъ легендъ. Не ограничиваясь однако этой аналогіей, мы перейдемъ въ область древне-русскихъ рукописей XII—XIII столѣтій, съ заставными буквами которыхъ знакомитъ насъ преимущественно „Восточный орнаментъ“ Стасова. Заставки новгородскихъ рукописей этого времени, сдѣланныя преимущественно киноварью, представляютъ, по нашему мнѣнію, яркія аналогическія черты съ сѣвернымъ скандинавскимъ орнаментомъ. То обстоятельство, что не Кіевъ или юго-западная Русь являются колыбелью этого орнамента, а именно Новгородъ, не только усвоившій себѣ его характерныя черты, но и придавшій этому орнаменту мѣстное, дальнѣйшее развитіе, выразившееся, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что изображенія русскихъ храмовъ превосходно сочетались съ разнообразными мотивами плетеній и изображеніями звѣрей—все это указываетъ, по нашему мнѣнію, на первоначальное вліяніе Скандинавіи на Новгородъ, весьма естественное, если принять въ разсчетъ его географическое положеніе и самый характеръ его быта. Вліяніе Скандинавіи на характеръ упомянутыхъ нами заставокъ новгородскихъ рукописей, по нашему мнѣнію, дѣлается болѣе вѣроятнымъ въ виду того факта, что плетеный звѣриный орнаментъ имѣлъ въ Скандинавіи весьма разнообразное приложеніе въ разнаго рода вещахъ, и что генезисъ его и постепенное развитіе формъ имѣетъ свою исторію [1]).

Говоря объ аналогіи орнамента заставныхъ буквъ новгородскихъ рукописей съ характерными чертами скандинавскаго плетенія и предполагая въ данномъ случаѣ вліяніе Скандинавіи на Новгородъ, мы не хотимъ этимъ сказать, что новгородскіе иллюстраторы рукописей слѣпо подражали чужой орнаментаціи; напротивъ, заимствуя основныя черты, въ разработкѣ деталей они часто вносили свое или даже пользовались отдаленными традиціями Востока. Такъ въ заглавной буквѣ новгородской рукописи (№ 19) намъ важно отмѣтить гребень на шеѣ дракона, весьма сходный съ гребнемъ дракона, изображеннаго на топорикѣ и не имѣющаго аналогіи съ изображеніями драконовъ или змѣй въ скандинавскомъ искусствѣ; по крайней мѣрѣ, намъ подобнаго дракона не удалось отыскать. Но, съ другой стороны, аналогичное изображеніе этого гребня мы находимъ на шеѣ дракона или иппокампа, украшающаго сассанидское блюдо V—VI в., копія съ котораго находится въ Румянцевскомъ Му-

Рис. 36.

[1]) Смотри, напр., сочиненіе Софуса Мюллера—„Die Thier-Ornamentik im Norden“ перев. Месторфа, Гамбургъ, 1881 г.

зеѣ (рис. 37). Кромѣ того, весьма важно отмѣтить ту особенность на изображеніи змѣя на нашемъ топорикѣ, что змѣй пронзенъ мечемъ и при томъ пронзенъ въ туловище, а это обстоятельство уже придаетъ сюжету нѣкоторый драматическій характеръ и тѣмъ болѣе знаменательный, что самая форма меча, весьма ясно выраженная, можетъ быть сближена съ формами скандинавскихъ мечей, но никакъ не съ формами византійвкихъ мечей и тѣмъ менѣе восточныхъ. Судя по курганнымъ находкамъ форма этихъ скандинавскихъ мечей была хорошо извѣстна и на Руси. Вообще, по характеру этого сюжета, аналогію этому изображенію приходится искать скорѣе всего въ упомянутыхъ нами скандинавскихъ изображеніяхъ сцены умерщвленія Фафнира Сигурдомъ. Мы имѣемъ цѣлый рядъ изображеній этой сцены на дверяхъ старинныхъ скандинавскихъ церквей, о которыхъ мы уже упоминали, но въ особенности важную аналогію представляетъ намъ изображеніе на руническомъ камнѣ, снимокъ съ котораго представленъ нами на рисункѣ

Рис. 37.

Рис. 38.

38. Изображеніе это, сохранившееся на скалѣ въ Рамгундѣ, въ Зудерманландіи, въ Швеціи, представляетъ сцены изъ Эдды, заключенныя въ бордюръ, составленный изъ трехъ змѣй, изъ которыхъ одинъ,

покрытый вмѣсто чешуи рунической надписью, безъ сомнѣнія, изображаетъ Фафнира, котораго Сигурдъ пронзаетъ мечомъ.

Форма меча здѣсь вполнѣ аналогична съ нашимъ мечомъ на топорикѣ, а фигура Сигурда здѣсь стоитъ внѣ общей композиціи другихъ сценъ Эдды. Интересна здѣсь еще и та подробность, что туловище двухъ другихъ змѣй орнаментировано тѣмъ колѣнчатымъ орнаментомъ, который украшаетъ и туловище змѣя на топорикѣ, а также служитъ бордюромъ для плосковатой поверхности яблока тылья. Характерныя особенности убіенія Фафнира ясно выражены какъ на изображеніяхъ на скалѣ, такъ и на топорикѣ: мечъ Сигурда поражаетъ змѣя не въ голову, а въ туловище, и это потому, что змѣй поражается мечомъ тогда, когда онъ переползаетъ ровъ, гдѣ его поджидаетъ Сигурдъ. Въ другихъ изображеніяхъ, чуждыхъ этому сюжету (см., напр., заглавныя буквы Болгарскихъ рукописей въ изданіи *Стасова)* змѣй или драконъ поражается въ пасть, потому что враги становятся лицомъ къ лицу. Изображенная на нашемъ топорикѣ сцена Сигурда съ Фафниромъ передана въ сокращенномъ видѣ, т. е., фигура самого Сигурда отсутствуетъ, что могло быть вызвано художественной потребностью орнамента, заключеннаго въ извѣстное треугольное пространство лезвія топорика. Слѣдуетъ однако замѣтить, что смыслъ сюжета отъ этого не утратился.

Такого рода сокращенная редакція, происходящая отъ первоначальныхъ болѣе полныхъ изображеній, встрѣчается нерѣдко въ исторіи искусства. По испорченности изображенія рукояти меча на топорикѣ можно только предположить, что здѣсь была изображена и рука, державшая этотъ мечъ. Сопоставляя такимъ образомъ видъ пронзеннаго змѣя или дракона на нашемъ топорикѣ съ изображеніями сценъ убіенія Фафнира Сигурдомъ на древне-скандинавскихъ памятникахъ, мы должны сказать нѣсколько словъ объ изображеніи самого змѣя или дракона. Въ скандинавской орнаментикѣ изображеніе змѣя появляется позднѣе изображенія дракона, при чемъ типъ змѣя постепенно формируется изъ болѣе древнихъ изображеній драконовъ: драконъ, переходя въ змѣя не реальнаго, а фантастическаго, теряетъ прежде всего свои крылья, затѣмъ двѣ ноги, и, наконецъ, появляется совсѣмъ безъ ногъ съ удлиненнымъ туловищемъ, при которомъ, однако, голова почти постоянно выдаетъ его родство съ болѣе древнимъ дракономъ. На памятникахъ часто безразлично появляются изображенія змѣй въ той или другой стадіи ихъ развитія. Такъ, напр., въ изображеніи на дверяхъ древней церкви въ Норвегіи (см. рис. 35. Hillestadt) Сигурдъ убиваетъ Фафнира, изображеннаго въ передней части дѣйствительно змѣемъ, но остальную часть вслѣд-

ствіе запутанности изображенія можно принять, пожалуй, за туловище дракона съ двумя лапами. На другомъ изображеніи (рис. 33) Фафниръ изображенъ въ видѣ дракона съ длиннымъ змѣинымъ хвостомъ. Наконецъ, на представленномъ нами изображеніи на скалѣ Фафниръ является въ болѣе реальномъ изображеніи змѣя. Не желая расширять рамокъ статьи, мы не станемъ приводить ряда другихъ изображеній змѣя, подверждающихъ наше положеніе, но относящимся уже къ сценамъ искушенія Адама и Евы какъ, напр., рис. 39 и 40. Приводя означенные примѣры, мы имѣемъ въ виду указать только на тотъ фактъ, что въ изображеніяхъ фантастическихъ народныхъ сценъ реальные типы животныхъ часто подчиняются произвольной народной фантазіи и измѣняютъ свой реальный первообразъ, и этотъ фактъ намъ кажется тѣмъ болѣе естественнымъ, что самые типы изображенныхъ животныхъ являются типами заносными и часто вовсе незнакомыми въ извѣстной мѣстности: таковы, напр., львы, безъ сомнѣнія незнакомые жителямъ сѣвера. Поэтому, мы считаемъ излишнимъ доискиваться реальнаго типа въ изображеніяхъ болѣе или менѣе сказочныхъ звѣрей, относящихся къ области народной фантазіи, которая, въ интересахъ художественнаго творчества, часто даже знакомымъ реальнымъ типамъ придаетъ сверхестественныя, фантастическія черты. Упомянемъ кстати объ одномъ весьма характерномъ примѣрѣ, хотя и относящемся къ болѣе поздней эпохѣ: въ Историческомъ Музеѣ находится старинный шкафъ, весь изукрашенный живописными сценами изъ житія Свв. Петра и Февроніи; здѣсь летающій крылатый змѣй изображенъ въ видѣ дракона. Въ заключеніе мы должны замѣтить, что изображеніе змѣя на топорикѣ могло быть передано и русскими мастерами въ этой болѣе сокращенной редакціи. На возможность подобнаго перехода орнаментальныхъ мотивовъ изъ Скандинавіи въ сѣверо-западную Русь указываютъ упомянутыя нами заставки новгородскихъ рукописей XII – XIII в.

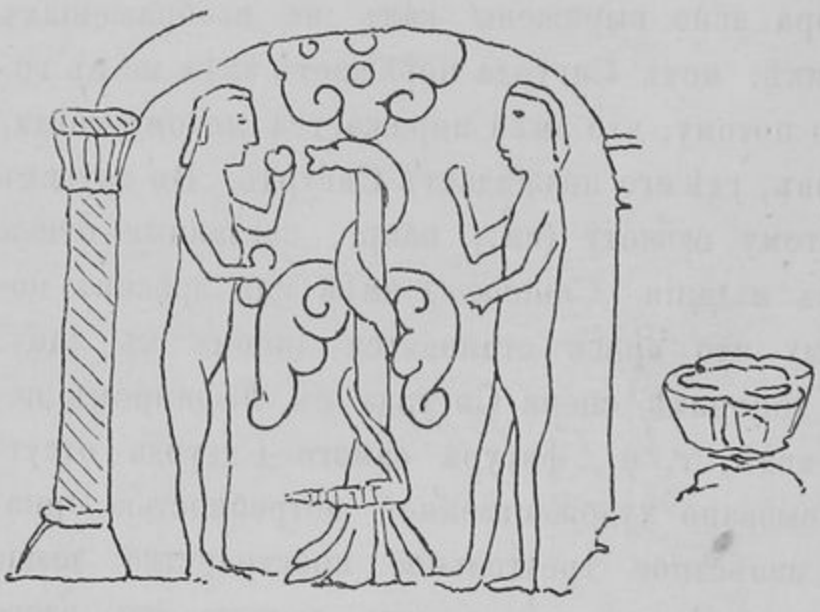


Рис. 39.

Переходимъ теперь къ обзору изображеній на другой сторонѣ топорика. Здѣсь предъ нами сюжетъ совершенно иного характера, чуж-

ый всякаго драматизма и своеобразнаго скандинавскаго плетенія. Изображенная сцена какъ по характеру орнамента, такъ и по сюжету отличается полнымъ спокойствіемъ: передъ нами на подставкѣ священное древо съ развѣтвленіями, украшенными по концамъ акантовыми листьями, двѣ птицы по сторонамъ древа изображены въ спокойныхъ позахъ.

Конкретность и симметричность композиціи давала возможность мастеру-художнику удобно воспользоваться трехугольной поверхностью опорика безъ всякихъ урѣзокъ или сокращеній сюжета.

Изображеніе парныхъ звѣрей или птицъ по сторонамъ священнаго древа сразу напоминаетъ намъ древнія традиціи востока: намъ приходится вспоминать ассирійскія изображенія подобныхъ сюжетовъ, сассанидскія изображенія на монетахъ, арабскія и византійскія ткани, русскія полотенца, концы которыхъ представляютъ часто богатый и разнообразный матеріалъ для этого мотива. Но особенно характерными подобнаго рода изображенія являются на греко-восточныхъ тканяхъ, весьма удобныхъ, при ихъ циркулированіи въ древней Руси для заносовъ этихъ вкусовъ и вліяній. Въ русской орнаментаціи XI—XII в. нельзя не замѣтить особой любви къ изображеніямъ птицъ; такъ, напримѣръ, клады этой эпохи изобилуютъ серьгами съ финифтянами изображеніями птицъ, а также серебряными плоскими браслетами, украшенными подобными же изображеніями птицъ [1]).

Прилѣпы на стѣнахъ, напримѣръ, Дмитріевскаго и Юрьева-Польскаго соборовъ представляютъ также множество изображеній птицъ разнообразныхъ типовъ и въ разныхъ позахъ; къ этому можно добавить лѣтописныя упоминанія о „поткахъ“, украшавшихъ крышу храма во Владимірѣ; различнаго рода мелкія украшенія, идущія изъ Болгаръ, какъ, напр., бляхи часто также представляютъ парныхъ птицъ; наконецъ, эти же парныя птицы въ болѣе позднюю эпоху (XVI—XVII в.) являются излюбленнымъ украшеніемъ финифтяныхъ русскихъ серегъ. На Сѣверѣ, т. е. въ Скандинавіи, подобнаго рода изображенія парныхъ птицъ въ подобной спокойной композиціи, на сколько намъ извѣстно, почти не встрѣчаются. Такимъ образомъ, общее впечатлѣніе этой композиціи указываетъ намъ ея древнюю связь вообще съ Востокомъ и Византіей и вмѣстѣ съ тѣмъ на ея распространенность въ орнаментальномъ искусствѣ древней Руси.

Переходя къ частному обзору этого изображенія, мы остановимъ вниманіе прежде всего на изображеніи священнаго древа, образованнаго исключительно изъ акантовыхъ листьевъ. Въ этихъ акантовыхъ

---

[1]) Смотри, напр., новое сочиненіе Кондакова—„Русскіе клады“.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

листьяхъ формы византійско-восточныя смягчились закругленіями въ которыхъ выразилось уже мѣстное русское вліяніе. Для насъ очень интересно, что эту переработку оконечностей листьевъ въ мѣстномъ русскомъ вкусѣ можно замѣтить и въ сохранившихся капителяхъ Успенскаго собора во Владимірѣ [1]). Что же касается до характера подставки или нижняго утолщенія, то весьма сходныя формы мы встрѣчаемъ также въ прилѣпахъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ (рис. 41 и 42) и на сассанидскомъ серебряномъ кувшинѣ, принадлежащемъ Ю. Д. Филимонову. Подставки или основанія къ райскому древу встрѣчаются вообще въ разныхъ видахъ на восточно-византійскихъ тканяхъ и въ народномъ шитьѣ. Даже въ Швеціи на одной древней каменной купели, очевидно, заносной, въ изображеніи райскаго древа съ искушающимъ Еву змѣемъ, встрѣчается также подставка, подобная изображенной на топорикѣ (рис. 39 и 40). Такимъ образомъ подставка является какъ бы свойственной райскому древу и своими формами вновь роднится

Рис. 40.

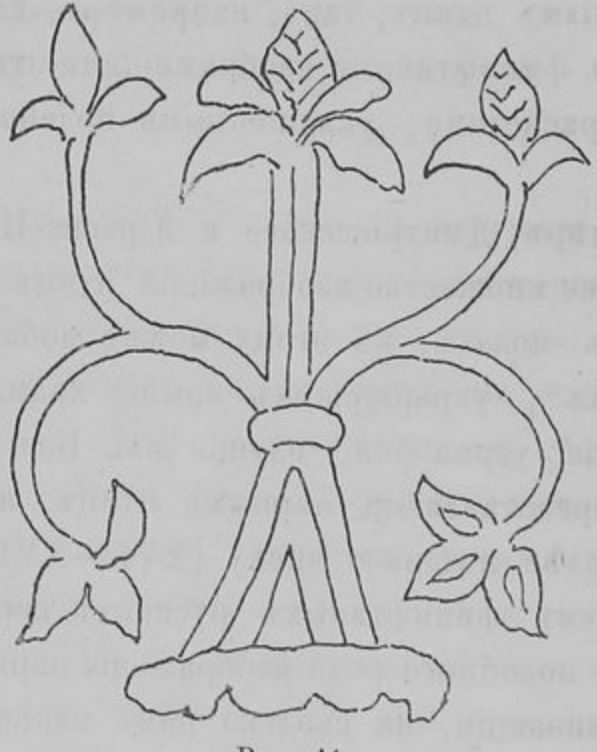


Рис. 41.

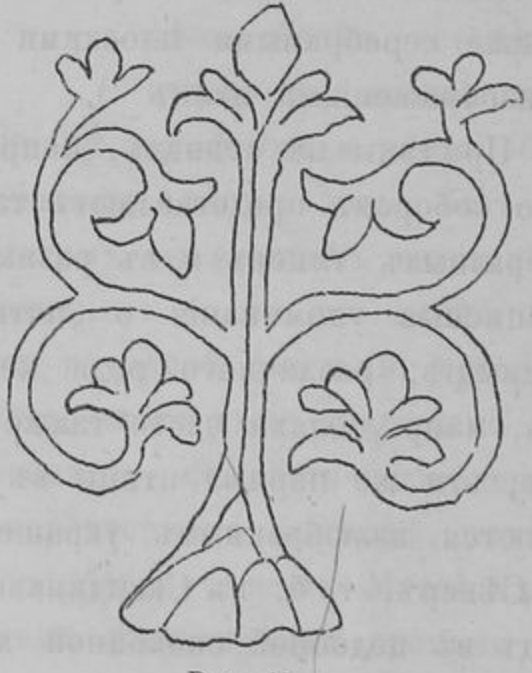


Рис. 42.

особенно съ многочисленными прилѣпами Дмитровскаго собора. Изображеніе птицъ нѣсколько стилизовано, но не лишено характерности на столько, что можно легко по очертаніямъ головы и клюва узнать въ нихъ птицъ хищной породы; на это указываетъ также и миндалевидная форма глазъ. Можно, однако, утверждать, что по постановкѣ фигуры, по очертанію туловища этихъ птицъ нельзя принять за орловъ. Всего вѣ-

[1]) Коллекціи Истор. Музея—въ круглой залѣ, посвященной древностямъ Владиміра на Клязьмѣ.

роятнѣе, что здѣсь изображены соколы и притомъ прирученные. На это послѣднее обстоятельство указываетъ, между прочимъ, ихъ шейное украшеніе: на прилѣпахъ храмовъ Суздальской области вольныя, дикія птицы, за которыми охотятся, этихъ украшеній не имѣютъ, и это можно замѣтить ясно, напримѣръ, на барельефныхъ украшеніяхъ птицъ Дмитровскаго собора. Украшенія состоятъ изъ ожерелья, весьма часто встрѣчаемаго на изображеніяхъ птицъ этого рода, особенно обильныхъ на заставкахъ Новгородскихъ рукописей и на прилѣпахъ храмовъ Суздальской области. Вообще, кромѣ упомянутыхъ нами прилѣпъ, шейныя украшенія на изображеніяхъ птицъ весьма часто встрѣчаются въ заглавныхъ буквахъ и заставкахъ новгородскихъ рукописей, гдѣ шея птицъ, какъ и на нашемъ топорикѣ, украшена широкой свѣтлой лентой съ черными кружечками, или кружечки эти находятся вверху крыльевъ (рис. 43).

Рис. 43.

Въ формѣ простого одноцвѣтнаго кружка на бѣломъ фонѣ такого рода украшенія встрѣчаются на оплечьяхъ палатинской гвардіи, какъ видно, напримѣръ, на изображеніи царя Соломона въ видѣ византійскаго императора, сочиненія Schlumberger „L'Empereur byzantin au X siècle". Въ болѣе украшенномъ видѣ они встрѣчаются у ангеловъвѣстниковъ въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора и на одеждахъ византійскихъ императоровъ. По настоящей формѣ своихъ украшеній птицы на топорикѣ болѣе приближаются къ палатинскихъ стражникамъ византійскихъ императоровъ, символизируя, быть можетъ, свое назначеніе служить стражами священнаго древа. Такимъ образомъ въ этомъ изображеніи мы видимъ вліяніе восточно-византійское, не имѣющаго той связи съ Скандинавіей, которая замѣчается въ первомъ сюжетѣ.

Несмотря на различія вліяній, выраженныхъ въ общихъ чертахъ обоихъ изображенныхъ сюжетовъ—нельзя не замѣтить въ частностяхъ ихъ обработки тѣхъ обрусѣлыхъ хотя и заносныхъ формъ, которыя поставлены нами въ связь съ заставками новгородскихъ рукописей и съ прилѣпами храмовъ Суздальской области. Такимъ образомъ, детальная обработка этихъ сюжетовъ и цѣльность техническихъ пріемовъ указываетъ намъ, что весь топорикъ принадлежитъ работѣ одного мастера, по всему вѣроятію, русскаго.

Къ такому предположенію даетъ намъ право не только изображеніе буквы *A*, хотя бы и греческой, но и то обстоятельство, что Суздальская область въ эпоху XII—XIII вв. была тѣмъ культурнымъ центромъ, гдѣ сходились вліянія западныя и восточно-византійскія, на что, между

Библиотека НИ Ин-та Археологии и Музейной работы

прочимъ, весьма ярко указываетъ лѣтописное повѣствованіе о постройкѣ храмовъ во время Андрея Боголюбскаго иноземными мастерами и о перестройкѣ ихъ при Всеволодѣ III (*„отъ клеврет̀ъ св. Богородицы и отъ своихъ“*).

Здѣсь текстъ лѣтописный даетъ намъ право предполагать, что уже при Всеволодѣ III образовались кустарныя русскія мастерскія, гнѣздившіяся вокругъ соборнаго храма и вокругъ княжескаго дворца.

Замѣтимъ кстати, что Кондаковъ выяснилъ, въ особенности въ своемъ послѣднемъ капитальномъ трудѣ „Русскіе клады,“ подражательную способностъ древнихъ русскихъ мастеровъ не только по отношенію къ техникѣ *сканного дѣла*, но проявившуюся и въ болѣе трудномъ мастерствѣ византійскихъ перегородчатыхъ эмалей. Графъ Уваровъ извѣстное *суздальское оплечье* или бармы призналъ за произведеніе русскихъ мастеровъ.

По техникѣ украшеній нашъ топорикъ можно назвать *дамаскированнымъ*. Техника этаго рода распространилась съ Востока въ Италію, гдѣ этого рода мастерство называлось „alla gemina“, а у нѣмцевъ — „Tauschirarbeit“ [1]). На Востокѣ инкрустированіе желѣза золотомъ, серебромъ и чернью встрѣчается болѣе всего въ оружіи. Отъ X до XIV ст. украшеніе желѣзныхъ вещей серебромъ и чернью встрѣчается по Балтійскому побережью, какъ показали наши раскопки въ Курляндской губерніи и многіе предметы, преимущественно изъ оружія, на выставкѣ, устроенной во время археологическаго съѣзда въ Ригѣ. Особенно красивый образецъ этого рода техники, представляетъ намъ упомянутый выше сосудъ изъ гробницы королевы Тиры: онъ орнаментированъ по серебряному полю не только чернью но и золотомъ.

Нашъ топорикъ украшенъ по слегка рубчатой поверхности гладкимъ слоемъ наварнаго серебра, представляющаго, такъ сказать, общій фонъ, подходящій къ самому лезвію, что указываетъ уже, между прочимъ, на почетное, а не боевое значеніе топорика; по этому фону наложенъ орнаментъ золотомъ и чернью, вѣроятно, съ помощью молотка и нагрѣванья. Такого рода техника могла появиться въ Суздальской области не только съ сосѣдняго Востока (чрезъ Болгарію), но даже и съ Запада. Во всякомъ случаѣ топорикъ представляетъ намъ образецъ русскаго мастерства XII—XIII в. и, вѣроятно, могъ принадлежать если и не самому князю, то одному изъ близкихъ къ нему людей.

В. Сизовъ.

---

[1]) Labarte—„Histoire des arts industriels“.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

II.

Археологическое значеніе „Мономаховой шапки“ по мнѣнію Н. П. Кондакова.

Въ своемъ большомъ трудѣ о русскихъ кладахъ домонгольскаго періода проф. Н. П. Кондаковъ удѣляетъ сравнительно большое мѣсто извѣстной Мономаховой шапкѣ, этому, по его словамъ, „важнѣйшему памятнику древне-русскаго великокняжескаго чина“. Объ этой шапкѣ были высказаны ранѣе различныя мнѣнія: Прозоровскій подвергъ сомнѣнію легенду о полученіи ея изъ Византіи Владиміромъ Мономахомъ,— легенду, извѣстную лишь изъ свидѣтельства XVI в. Филимоновъ показалъ, что имѣющееся на верху шапки небольшое полушаріе съ крестомъ есть позднѣйшая прибавка XVI вѣка, древнѣйшую же часть составляютъ восемь золотыхъ пластинъ, въ формѣ сферическихъ треугольниковъ, плотно соединенныхъ между собою и образующихъ всѣ вмѣстѣ родъ полукруглой шапки; верхніе, острые углы треугольниковъ имѣютъ треугольные же вырѣзы, вслѣдствіе чего на верху шапки образуется звѣздообразное отверстіе, которое и было впослѣдствіи закрыто добавочнымъ небольшимъ полушаріемъ. Регель, указавъ на то, что Мономахова шапка не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ коронами ни X вѣка, ни послѣдующихъ временъ, обратилъ вниманіе на имѣющуюся по краю шапки соболиную опушку (возобновленную въ нашемъ столѣтіи, но существовавшую, судя по описямъ, и въ XVII вѣкѣ) и выразилъ мнѣніе, что этотъ головной уборъ относится къ XIV—XV вѣкамъ, если не позднѣе, и, по всей вѣроятности, татарскаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что ея сканные (или филиграновые) орнаменты не имѣютъ опредѣленно выраженнаго стиля. Проф. Кондаковъ рѣшительно опровергаетъ это мнѣніе Регеля и доказываетъ византійское происхожденіе шапки, основываясь прежде всего на высокой техникѣ сканныхъ золотыхъ узоровъ, изъ тонкихъ листовыхъ ленточекъ, выгнутыхъ и припаянныхъ къ пластинкамъ и украшенныхъ мелкими жемчужными нитями, причемъ въ скани каждой пластинки оставлено еще мѣсто для 3-хъ крупныхъ жемчужинъ (на одной, очевидно, передней, для 4-хъ); узоры эти представляютъ розетки, пальметки, арабески, восьмерки, завитки и желобки, согнутые въ видѣ гаммы (большіе гранные камни, имѣющіеся на шапкѣ, вставлены уже впослѣдствіи). Подобная изящная сканная работа извѣстна еще только (какъ указалъ впервые г. Филимоновъ) на серебряномъ кіотѣ древняго рукописнаго Евангелія начала

XIV в. въ Гелатскомъ монастырѣ (недалеко отъ Кутаиса), и,—по словамъ г. Кондакова, — на нѣкоторыхъ западныхъ памятникахъ, напр., клейнодахъ австрійскаго Габсбургскаго дома (бляхахъ пояса, ножнахъ императорскаго меча), сарацинской работы XII — XIII в. въ Сициліи, и на оправѣ бирюзовой чаши, извѣстной подъ именемъ подарка великаго халифа (вѣроятно, происходящей изъ Персіи)—въ сокровищницѣ церкви св. Марка въ Венеціи. „Мы,—говоритъ г. Кондаковъ,—признаемъ Мономаховъ вѣнецъ абсолютно византійскимъ памятникомъ, но полагаемъ, что онъ былъ выполненъ не въ Константинополѣ, но или въ Малой Азіи, или на Кавказѣ, или въ Херсонесѣ, словомъ, гдѣ византійское искусство въ XI—XII вв. соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ... и, по нѣкоторымъ мелкимъ деталямъ техники, считаемъ необходимымъ относить его къ XII вѣку". Далѣе, признавая, что „шапка Мономахова—не императорская стемма (вѣнецъ), не королевская корона", г. Кондаковъ высказываетъ мнѣніе, что она легко могла быть „кесарскимъ" шлемомъ или почетнымъ золотымъ шишакомъ „кесаря", владыки „христіанскаго народа по ту сторону Дуная", какъ говорили въ Византіи... Конечно, шапка эта не была уже собственно шлемомъ или шишакомъ, что доказывается ея уборомъ". Но она все-таки могла походить на восточный шишакъ, въ особенности, если предположить, что мѣховой опушки у нея первоначально не было, а вмѣсто нея былъ „ободъ или обручъ, украшенный также сканью и рано отнятый по неизвѣстной причинѣ", а верхнее звѣздообразное отверстіе „прикрывалось восьмистороннимъ конусомъ, поверхъ котораго былъ промежуточный шарикъ, и на немъ лилейная чашечка съ перомъ, или вмѣсто шарика большая жемчужина въ гнѣздѣ, или драгоцѣнный камень". Впослѣдствіи, въ XV или XVI вѣкахъ пожелали сдѣлать изъ этого шлема царскую корону, „а потому и прибавили на ней крестъ". Восточный характеръ первоначальнаго шлема нисколько не говоритъ, по мнѣнію г. Кондакова, противъ византійскаго происхожденія, „такъ какъ Византія въ XI—XII вв. усвоила себѣ рядъ восточныхъ головныхъ уборовъ", которые, улучшенные въ византійскихъ мастерскихъ, и раздавались императорами въ качествѣ подарковъ и регалій властителямъ многочисленныхъ смежныхъ государствъ—разнымъ сосѣднимъ князьямъ, царькамъ, кесарямъ и т. д.

Таково мнѣніе г. Кондакова. Несмотря, однако, на рядъ ученыхъ доводовъ, на которыхъ оно основано, нельзя все-таки признать, чтобы оно окончательно разрѣшало вопросъ и устраняло возможныя сомнѣнія.

Во-первыхъ, является нѣсколько натянутымъ утвержденіе, что пер-

воначально Мономахова шапка была „кесарскимъ шлемомъ“, въ виду того, что ни шлемомъ, ни шишакомъ она никогда у насъ не называлась, а всегда шапкой, и никакихъ слѣдовъ бывшаго у нея добавочнаго золотого обода не имѣется. Предположеніе, что у нея былъ подобный ободъ, а на верху „восьмисторонній конусъ съ шарикомъ“ и т. д., представляется поэтому совершенно гадательнымъ тѣмъ болѣе, что другого образца такого византійскаго шлема неизвѣстно. Во-вторыхъ, если Византія усвоила себѣ въ XI — XII вв. „рядъ восточныхъ головныхъ уборовъ“, въ томъ числѣ и „шлемовъ или шишаковъ“, почему этотъ „шлемъ“, „не бывшій уже собственно шлемомъ“, не могъ быть изготовленъ въ самой Византіи, а происходилъ откуда-то съ Кавказа, изъ Малой Азіи или Херсонеса, и почему онъ не могъ составлять дара именно Владиміру Мономаху, бывшему внукомъ византійскаго императора. Въ-третьихъ, если справедливо, что наибольшее сходство съ пластинами Мономаховой шапки, по техникѣ скани и характеру ея узоровъ, выказываютъ издѣлія кавказскія (гелатскій окладъ начала XIV в.), сарацинскія (Сициліи) и персидскія (оправа бирюзовой чаши въ сокровищницѣ св. Марка), а затѣмъ еще бляшки, найденныя въ одномъ курганѣ Екатеринославской губ. вмѣстѣ съ золотоордынскими монетами XIV в., то почему не допустимо предположеніе о восточномъ и нѣсколько болѣе позднемъ происхожденіи этой шапки, тѣмъ болѣе, что сканные узоры ея восьми пластинъ какъ бы подражаютъ вышивнымъ узорамъ на восьми сегментахъ матерчатой круглой шапки, орнаментъ нижняго обода напоминаетъ арабскія буквы, а мѣховая опушь — тоже имѣетъ ближайшія аналогіи на Востокѣ? Въ-четвертыхъ, если же такое восточное происхожденіе не допустимо, если не можетъ быть сомнѣнія въ византійскомъ происхожденіи шапки и при томъ именно XII в., то какъ объяснить отсутствіе о ней какого-либо свидѣтельства, идущаго изъ кіевской Руси, и сравнительно позднее упоминаніе о ней какъ о Мономаховой въ московской Руси, гдѣ, хотя и сохранилось свидѣтельство о „золотой шапкѣ“, завѣщанной Иваномъ Калитой старшему своему сыну Симеону, однако безъ указанія на ея происхожденіе, причемъ, какъ замѣчаетъ г. Кондаковъ, является еще вопросомъ, та ли эта шапка, которая стала извѣстна позже подъ именемъ Мономаховой.

Д. Анучинъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

III.

По поводу статьи А. Н. Зерцалова.

А. Н. Зерцаловъ. О раскопкахъ въ московскомъ Кремлѣ въ XVIII вѣкѣ (Чтенія въ Обществѣ истор. и древн. росс. 1897 г., кн. I).

Г. Зерцаловъ давно уже старается внушить намъ, что извѣстный доноситель пономарь Кононъ Осиповъ былъ не болѣе какъ наглый лжецъ, и что его разсказъ, будто бы со словъ дьяка Василія Макарьева, о тайникѣ подъ Кремлемъ имъ просто выдуманъ съ цѣлію отдалить отъ себя взысканіе казеннаго долга. Въ названной статьѣ авторъ повторяетъ прежде сказанное и приводитъ документы о раскопкахъ Осипова.

Догадка г. З—ва, что Осиповъ своими доношеніями о тайникѣ хотѣлъ отдалить отъ себя взысканіе казеннаго долга, болѣе чѣмъ правдоподобна. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, вслѣдъ за г. З—мъ, заключать, что разсказъ о тайникѣ — выдумка. Обстоятельства того времени были таковы, что на самые основательные извѣты люди рѣшались только по какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ, и нечему удивляться, что Осиповъ донесъ о тайникѣ только тогда, когда ему пришлось плохо. Мы должны имѣть въ виду, что доношеніе Осипова царю Петру должно было пройти черезъ руки царскаго кабинетъ-секретаря Алексѣя Васильевича Макарова, который былъ не кто другой, какъ сынъ дьяка Макарьева [1]) (что Осипову, конечно, было извѣстно), и что Петръ, знавшій много лучше насъ современныя ему событія, повидимому, вполнѣ повѣрилъ Осипову. Если такіе современники, какъ Макаровъ и Петръ, не считали Осипова лжецомъ, какое имѣемъ право мы обвинять его въ наглой лжи и выдумкѣ?

Не останавливаясь на частныхъ замѣчаніяхъ г. З—ва, мы обратимъ вниманіе на одинъ фактъ, до сихъ поръ мало извѣстный.

Въ оглавленіи книги Combefis'a: „Bibliothecae graecorum patrum auctarium novissimum“, Parisiis, 1672, на стр. 559, читается: Photii „orationes, quae plures non editae Mosci (=въ Москвѣ) habentur, tituli ac capita“. Далѣе, въ самой книгѣ, помѣщаются Фотіевы „epistolae, canones I et II Synodi CPlit. homiliastici generis“, въ заглавіяхъ и начальныхъ строкахъ, съ замѣчаніемъ: „Syllabum contulit... abbas Bigotius, a domino Heinsio nuper acceptum, cui ipsi ante annum (т. е. въ

[1]) А. В. Макаровъ, когда былъ простымъ подьячимъ, именовался Макарьевымъ. *Отчетъ Имп. Публ. Библ.* за 1891 г., стр. 53.

1671 г.), dum liberorum Belgiae ordinum legatum agens Mosco iter haberet,... gazensis metropolita d. Paisius Ligarides contulisset“ [1]). Можно съ рѣшительностію сказать, что опубликованныя Комбефисомъ творенія Фотія найдены были Паисіемъ не въ привезенныхъ Сухановымъ греческихъ рукописяхъ (послѣднія намъ теперь достаточно извѣстны), а въ какомъ-то другомъ собраніи греческихъ рукописей, находившемся тогда въ Москвѣ. Въ какомъ? Не въ томъ ли, которое заключало въ себѣ не только греческія, но и латинскія рукописи („codices“) и объ осмотрѣ котораго просилъ Паисій царя Алексѣя Михайловича въ 1663 году [2])?

А. Соболевскій.

IV.

Археологическая хроника.

—— *(Раскопки въ Херсонисѣ въ 1896 г.).* Раскопки городища производились въ 1896 году въ двухъ пунктахъ: въ юго-восточной оконечности, съ сѣверной стороны склада древностей и въ юго-восточномъ углу центральной площади, впереди новаго храма.

Съ сѣверной стороны склада древностей произведены раскопки, границу которыхъ составляютъ: отвѣсно обрубленная скала, достигающая $4^1/_2$ аршинъ высоты съ одной и зданіе склада—съ другой стороны. На этой узкой полосѣ обнаружены: улица византійской эпохи съ двумя водосточными каналами, расположенными одинъ выше другого; переулокъ въ 2 аршина ширины, крайній отъ моря, выходившій къ часовнѣ, открытой нъ 1892 г.; остатки двухъ поперечныхъ стѣнокъ той же эпохи и одной продольной стѣны нижняго болѣе древняго города и, наконецъ, 3 пашенныя ямы, предназначавшіяся, вѣроятно, для храненія зерноваго хлѣба, отъ 4-хъ до 5-ти аршинъ глубины, съ цементированнымн стѣнками розоваго цвѣта (толченый кирпичъ съ известью) и полами изъ небольшихъ квадратныхъ кирпичей превосходной сохранности. На днѣ крайней южной ямы, которая была наполнена устричной скорлупой, найдена серебряная, сильно пострадавшая отъ употребленія монета автономнаго Херсониса, повидимому, не описанная, съ изображеніями головы Артемиды и колчана со одной и бѣгущаго звѣря и неразборчивой надписи съ другой стороны. Остальныя двѣ ямы

---

[1]) Объ ученыхъ сношеніяхъ Паисія съ иностранцами см. въ ст. г. *Лавровскаго* въ *Христ. Чт.* 1889 г., № 11—12.

[2]) См. *Археол. Изв. и Зам.* 1894 г., № 12, стр. 402.

были наполнены камнями и землей. Въ самой большой сѣверной ямѣ найдены: верхній правый уголъ отъ небольшой дорической капители изъ мѣстнаго песчаника съ окончаніемъ двухстрочной греческой надписи, повидимому, IV вѣка до Р. Х., въ которой упоминается „дѣва“ (богиня-дѣвственница Артемида), и сверху, въ юго-западномъ углу, глиняный кружокъ неправильной формы, $3^1/_2$—4″ въ діаметрѣ, съ двойнымъ буртикомъ, въ которомъ помѣщаются крестикъ и односрочная греческая надпись византійской эпохи изъ 37 рельефныхъ буквъ. Внутри круга изображенъ стоящій въ лодкѣ (лицемъ къ зрителю) святой Фока съ распростертыми кверху руками; голова окружена нимбомъ, у пояса виситъ рыба, надъ носомъ лодки изображена острога, а на кормѣ видны руль и два весла. По излому оборотной стороны можно считать, что кружокъ находился на стержнѣ, подобно шапкѣ гриба. По первому впечатлѣнію кажется, что видишь передъ собою верхъ просфоры. По мнѣнію одного ученаго грека, посѣтившаго херсонисскій складъ древностей, изъ надписи, поясняемой изображеніемъ, видно, что въ Херсонисѣ существовалъ пріютъ для бѣдныхъ въ честь святого Фоки, котораго припонтійскія колоніи почитали, какъ покровителя всѣхъ мореплавателей, и что здѣсь-то и изготовлялись терракоттовыя профилакторіи, т. е. оберегатели отъ всякихъ золъ, какія могъ встрѣтить на своемъ пути каждый мореплаватель. Св. Фока, какъ извѣстно, былъ уроженецъ города Синопа, гдѣ на берегу моря въ честь его построена часовня.

Здѣсь необходимо пояснить, что на этой же площадкѣ, но съ западной стороны, были найдены во время прежнихъ раскопокъ (1892—1895 гг.), два бронзовыхъ кадила на длинныхъ прямыхъ ручкахъ съ откидными крышками въ видѣ продырявленныхъ чашечекъ; крестъ большой, желѣзный, обтянутый листовымъ серебромъ; крестъ бронзовый, съ остроконечнымъ стержнемъ снизу для укрѣпленія; два крестика-подвѣски внутри круга, выпиленные изъ одной бронзовой пластики, съ ушками; куски мраморной рѣшетки ажурной работы; часть глиняной поливной иконки съ ликомъ Божьей Матери и нѣсколькими буквами; обломокъ шиферной иконы съ частью рельефнаго, старательно исполненнаго изображенія сидящаго на тронѣ Спасителя и, наконецъ, превосходная шиферная икона святыхъ Георгія Побѣдоносца и Димитрія Солунскаго, описанная въ брошюрѣ, посвященной херсонисскимъ раскопкамъ 1894 г. Перечень этихъ интересныхъ и рѣдкихъ для Херсониса находокъ, почему-то встрѣченныхъ именно въ этой части городища, на весьма небольшой площади и, наконецъ, самая мѣстность, расположенная у бухты и защищенная скалой отъ сѣверо-восточныхъ

вѣтровъ, внушаютъ предположеніе, что здѣсь въ византійскую эпоху дѣйствительно могъ существовать пріютъ для бѣдныхъ и при немъ часовня, жалкіе остатки которой открыты въ 1892 г.

Какъ отказывается, здѣсь, подъ руководствомъ бывшаго начальника минной части черноморскаго побережья, полковника Афанасьева, прокладывался кабель и устраивался блиндажъ для минной станціи, при чемъ одна изъ канавъ перерѣзала пополамъ и разрушила упомянутую часовню. Въ это же время были сломаны остатки береговой оборонительной стѣны съ башней, хорошо сохранившіеся на смежномъ участкѣ, между складомъ древностей и караульнымъ домомъ. Слѣды этой стѣны показаны на планѣ генералъ-маіора З. Аркаса, затѣмъ они исчезаютъ. Въ 1892 году, во время постройки склада древностей, выяснено вполнѣ направленіе стѣны до самой бухты, и часть ея, на незначительной высотѣ, сохранилась подъ насыпью площади. Наконецъ, при сооруженіи блиндажа, сверху котораго насыпанъ цѣлый курганъ земли, взятой тутъ же изъ городища, погибло, несомнѣнно, много древностей и въ числѣ ихъ, весьма вѣроятно, недостающіе куски отъ мраморнаго пьедестала съ надписью въ честь царя Аспурга, которые могли бы разъяснить сомнѣнія относительно существовавшей зависимости Херсониса отъ Босфорскаго царства (см. Страбонъ, кн. VII, гл. 4, стр. 308—312). Уцѣлѣвшій обломокъ пьедестала, сохранившій имя царя и изданный академикомъ В. В. Латышевымъ, найденъ въ 1893 г. у южной стѣны блиндажа.

Всѣ эти грустные факты очень важны для будущаго историка херсонисскихъ раскопокъ и вмѣстѣ со многими другими, о которыхъ уже говорилось и еще будетъ говориться въ своемъ мѣстѣ, вполнѣ убѣждаютъ насъ, что не будь злосчастнаго восточнаго вопроса, вызывающаго необходимость постройки здѣсь грозныхъ батарей, которая влечетъ за собою безпощадное уничтоженіе или, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, погребеніе подъ многосаженными насыпями историческихъ памятниковъ, — то херсонисское городище и его обширныя кладбища представляли бы изъ себя неисчерпаемую сокровищницу, которая при тѣхъ систематическихъ раскопкахъ, какія производятся Императорскою археологическою комиссіею съ 1888 года, обогатила бы нашъ скудный запасъ свѣдѣній о Херсонисѣ, а на мѣстѣ создала бы одинъ изъ рѣдчайшихъ и поучительнѣйшихъ музеевъ.

Остальныя находки въ этой части городища заключались въ слѣдующихъ древностяхъ: 3 небольшіе обломка отъ мраморныхъ плитъ съ греческими надписями, пробка глиняная отъ кувшина съ буквой N сверху; гирька; бронзовая четырехугольная съ тою же буквою; миска

бронзовая, сильно поврежденная, съ восточною надписью вокругъ; миска глиняная поливная свѣтло-желтаго цвѣта съ вытисненнымъ изображеніемъ сидящаго сокола; днище поливной мисочки съ изображеніемъ сидящей птички грубой работы; тоже съ узоромъ въ видѣ шахматной доски; тарелка глиняная поливная, сильно пострадавшая отъ огня; 120 обломковъ глиняной поливной разноцвѣтной посуды; 20 ножекъ отъ стекляныхъ сосудиковъ, похожихъ на нынѣшнія рюмки для рейнвейна; кусокъ мраморной ступки; ступка каменная въ видѣ опрокинутой усѣченной пирамиды; часть глиняной чернолаковой лампочки; лампочка глиняная на высокой ножкѣ; тоже глиняная краснолаковая римской эпохи; сошникъ желѣзный, поврежденный ржавчиной; топоръ желѣзный; жерновъ отъ ручной мельницы; ручка отъ ножа костяная, украшенная кружками; тоже безъ украшеній; ключъ бронзовый прямой; 3 обломка отъ бронзовыхъ ключей; 3 бронзовые наконечника отъ стрѣлъ; желѣзный наконечникъ отъ копья; 3 камня метательные отъ катапультъ; часть желѣзнаго стремени; путы желѣзныя на двѣ ноги съ замкомъ, сильно поврежденнымъ ржавчиной; 2 гирьки бронзовыя четырехугольныя; 6 крючковъ рыболовныхъ бронзовыхъ; 30 грузилъ для сѣтей въ видѣ глиняныхъ усѣченныхъ пирамидокъ; 2 грузила въ видѣ глиняныхъ цилиндриковъ, 40 грузилъ въ видѣ толстыхъ свинцовыхъ колецъ; 2 костяныя провертки; костяное пряслице; 4 глиняныя пряслица; два глиняные игрушечные шарика; золотая привѣска въ видѣ полумѣсяца съ ушкомъ; тоже въ видѣ двойного золотого колечка изъ витой проволоки; 3 золотыя буски; перстень серебряный съ синимъ стеклышкомъ; тоже бронзовый съ вырѣзанной печатью Соломона, какъ на золотоордынскихъ монетахъ и черепицахъ, находимыхъ въ Херсонисѣ; 3 бронзовые гладкіе перстня; бронзовая головная шпилька; бронзовая уховертка; 5 бронзовыхъ пуговокъ отъ пояса въ видѣ мухъ и розетокъ; 3 бронзовыя поясныя пряжки обыкновенной формы; 2 бронзовыя привѣски въ видѣ мечей; 346 обломковъ отъ стеклянныхъ браслетовъ; 2 обломка отъ стеклянныхъ колецъ; 9 стеклышекъ изъ перстней; привѣска въ видѣ коралловой мушки; 3 сердоликовыя буски; коралловая буска; 8 бусокъ изъ разноцвѣтнаго стекла; нижняя часть бронзоваго крестика съ грубымъ изображеніемъ Спасителя; бронзовый крестикъ съ ушкомъ; тоже внутри круга $1^1/_4''$ въ діаметрѣ, выпиленные изъ одной бронзовой пластинки. Это уже 3-й крестикъ подобной формы, найденный въ этой части городища; каменная формочка для отливки крестиковъ; 2 куска отъ бронзовыхъ лампадныхъ цѣпей, глиняная крышка отъ курильницы съ дырочками; 6 бронзовыхъ бубенчиковидныхъ пуговокъ отъ стихарей; подсвѣчникъ бронзовый $8^1/_2''$ высоты, состоящій изъ двухъ частей: основанія на трехъ

ножкахъ красивой формы и грубо отлитаго заостреннаго стержня для накалыванія свѣчи; пуговица бронзовая большая въ видѣ розетки о шести листикахъ; крестъ внутри круга, рельефно высѣченные на обломкѣ плиты изъ мѣстнаго известковаго камня; 6 кусочковъ отъ тонкихъ мраморныхъ плитъ: три темно-зеленаго фона съ свѣтло-зелеными пятнами, одинъ краснаго фона съ розовыми пятнами, одинъ бѣлаго фона съ черными пятнами и одинъ бѣлаго фона съ розовыми жилками; 2 кусочка красной помпеянской штукатурки; кровельная черепица византійской эпохи; 18 клыковъ отъ кабановъ; рогъ козы; кусокъ продолбленнаго рога въ видѣ перерѣзаннаго поперекъ корытца съ дырочкой снизу; трубочка костяная съ двумя дырочками одна противъ другой; 3 бронзовыя херсонисскія монеты до-христіанскаго періода; 113 бронзовыхъ херсонисскихъ монетъ христіанскаго періода, между ними одна Романа I и Христофора чрезвычайно рѣдкая, очень плохой сохранности; 4 бронзовыя монеты послѣднихъ босфорскихъ царей; 126 бронзовыхъ монетъ позднеримскихъ и византійскихъ императоровъ, изъ нихъ 44 были найдены въ одномъ мѣстѣ, у стѣны переулка; 13 бронзовыхъ монетъ персидскихъ и татарскихъ (крымскихъ и золото-ордынскихъ хановъ), и 5 бронзовыхъ, разрушенныхъ окисью монетъ. Всего монетъ найдено: серебряная одна и бронзовыхъ 266.

На центральной площади впереди новаго храма произведены раскопки въ юго-восточномъ углу, на пространствѣ, ограниченномъ съ сѣвера единственной широкой улицей, проходящей черезъ всю восточную часть городища, съ востока новой монастырской стѣной, съ запада остатками базилики, открытой въ 1861 году, и съ юга высокой насыпью изъ земли, мелкаго камня и щебня, образовавшеюся въ видѣ правильнаго откоса во время планировки площади и постройки храма съ 1861 по 1892 гг. и покрывшею высокимъ слоемъ не разслѣдованную широкую полосу лучшей части древняго города.

Раскопки производились здѣсь плантажнымъ способомъ, при чемъ земля и мелкій камень отъ построекъ верхняго византійскаго города, по желанію администраціи монастыря, вывозились и сбрасывались внизъ съ упомянутаго откоса, а разслѣдованіе остатковъ субструктуры, которая въ этой части городища представляетъ выдающійся интересъ, производилось безъ отвозки, но съ извлеченіемъ изъ построекъ штучнаго камня (который предназначается для будущей колокольни при новомъ храмѣ) и съ разравниваніемъ земли.

При снятіи верхняго слоя обнаружены: часовня съ тремя усыпальницами; 2 улицы съ водосточными каналами изъ каменныхъ плитъ; остатки мостовой на одной изъ улицъ; разрушенный водопроводъ изъ

гончарныхъ трубъ; 3 цистерны, вырубленныя въ скалѣ; 4 пашенныя ямы, стѣны которыхъ смазаны цемянкой и 11 жилыхъ помѣщеній.

Часовня, расположенная у самой монастырской стѣны, была сильно разрушена, и 3 усыпальницы, изъ коихъ двѣ помѣщались внутри, а одна снаружи, оказались разграбленными. Въ одной изъ внутреннихъ усыпальницъ, кромѣ множества костей, найдены 2 стеклянные дѣтскіе браслета; стеклянное дѣтское колечко; 2 бронзовыя дѣтскія серьги; 2 бронзовыя бубенчиковидныя пуговицы и бронзовая херсонесская монета императора Романа I. Полъ въ часовнѣ былъ изъ каменныхъ плитъ, а въ алтарной части изъ квадратныхъ кирпичей $7^1/_2 \times 7^1/_2$ вершковъ. Тутъ же лежала сдѣланная изъ инкерманскаго камня престольная доска $15 \times 15 \times 3$ вершка, съ квадратной выемкой 11×11 вершковъ и $^1/_2$ вершк. глубины, со скошенными краями, укрѣпленная на каменной четырехгранной тумбѣ $5^1/_2 \times 5^1/_2$ в., пропущенной черезъ каменную плиту, 1 арш. 2 в. $\times$ 1 арш. 2 в. $\times 3^1/_4$ в., лежавшую на кирпичномъ полу алтарной части. Отъ разбитой тумбы не оказалось одного куска. У входа въ часовню найдены 7 обломковъ тонкой бронзовой иконы Воскресенія, какъ видно изъ помѣщенной сверху греческой надписи и изъ изображенія Спасителя въ ростъ, держащаго въ одной рукѣ восьмиконечный крестъ, а другой рукой выводящаго изъ ада (?) колѣнопреклоннаго старца, сзади котораго стоитъ молодой воинъ въ латахъ и со щитомъ. Изображенія исполнены очень старательно, но сильно разрушены окисью, и правая сторона иконы не разыскана. Въ сосѣднемъ съ часовней помѣщеніи лежалъ на полу обугливши́йся остовъ взрослаго человѣка, а около него глиняный, сильно поврежденный огнемъ, глазурованный кувшинчикъ.

Улица, 4 аршинъ ширины, ближайшая къ новому храму и идущая подъ прямымъ угломъ отъ главной широкой улицы внизъ къ Карантинной бухтѣ, была вымощена плитами, а снизу проходилъ водосточный каналъ. Съ наружной стороны восточной стѣны улицы обнаруженъ разрушенный водопроводъ изъ гончарныхъ трубъ $3^1/_2''$ въ діаметрѣ и $1'7''$ длины, изъ коихъ 18 извлечены неповрежденными. Водопроводъ подъ прямымъ угломъ сворачивалъ на востокъ, но здѣсь, не доходя часовни, онъ оказался совершенно разрушеннымъ, и дальнѣйшее его направленіе, пока, неизвѣстно.

Углубляясь подъ уровнемъ византійскаго города до скалы, которая между часовней и откосомъ опускается до одной сажени, обнаружены остатки болѣе древнихъ построекъ, сооруженныхъ изъ большихъ плитъ, отесанныхъ со всѣхъ сторонъ и плотно пригнанныхъ безъ извести. Плита, вынутая изъ стѣны одной изъ такихъ построекъ и перевезенная

въ складъ древностей, имѣла $3^1/_2$ аршина длины. Въ коридорѣ, расположенномъ впереди этой постройки, сложенной изъ превосходныхъ плитъ и выходившей фасадомъ на главную широкую улицу, найдено бронзовое грудное изображеніе молодого мужчины съ длинными пышными волосами, съ гладкою сзади поверхностью и маленькимъ стержнемъ для прикрѣпленія. Въ сосѣднемъ, съ восточной стороны, помѣщеніи, которое съ вышеупомянутымъ и съ узкимъ длиннымъ коридоромъ составляло одну квартиру, найденъ большой желѣзный якорь о двухъ лапахъ, съ отверстіемъ для штока. Характеръ кладки стѣнъ субструктуры, не имѣющей ничего общаго съ убогими постройками верхняго яруса, и находимые у скалы черепки тонкой черно-лаковой посуды превосходной техники доказываютъ древнее происхожденіе нижнихъ зданій, а если принять во вниманіе, что всѣ онѣ составляютъ южную сторону той главной улицы, о которой было говорено выше, то можно съ увѣренностью сказать, что эта широкая и красивая улица, досталась византійскому городу въ наслѣдство отъ древне-греческаго Херсонеса, который она перерѣзывала съ запада на востокъ. Улица эта начиналась, повидимому, сзади монастырской конюшни, у порохового погреба, гдѣ видны остатки обширной постройки на извести, съ гончарными трубами, которую, по мнѣнію А. Л. Бертье-Делагарда, можно отождествлять съ цитаделью, извѣстной по свидѣтельству Помпонія Мелы, гдѣ по словамъ послѣдняго, находилась пещера нимфъ (нимфей) и оканчивалась, какъ извѣстно каждому посѣтителю Херсонеса, у обрывистаго восточнаго берега моря, гдѣ въ византійскую эпоху построена базилика съ мозаичнымъ поломъ, остатки котораго, вѣроятно, помнятъ еще многіе изъ жителей Севастополя. Тутъ должны были находиться лучшіе храмы и общественныя зданія древняго Херсонеса, что несомнѣнно подверждается соотвѣтствующими эпиграфическими памятниками, которые во время прежнихъ раскопокъ были найдены заброшенными по близости, какъ-то стэла съ гражданской присягой, псифизмъ въ честь Діофанта и пьедесталы отъ статуй Аѳины, спасительницы города, изваянной Поликратомъ, и Віона жреца „дѣвы“.

Въ землѣ, выпутой изъ круглой цистерны, ближайшей къ новому храму, найдены слѣдующія древности, доказывающія, что мѣстность эта была заселена въ глубокую старину: горло родосской амфоры съ греческими надписями на обѣихъ, характерно изогнутыхъ, ручкахъ. Эта, чрезвычайно рѣдкая, находка подтверждаетъ предположеніе, высказанное покойнымъ профессоромъ Беккеромъ, что на двухъ ручкахъ родосскихъ амфоръ всегда находились разныя надписи; 3 родосскія амфорныя ручки съ греческими именами; синопская амфорная ручка съ именемъ асти-

нома и изображеніемъ орла, сидящаго на дельфинѣ; амфорная ручка неизвѣстной колоніи съ греческимъ именемъ и 130 черепковъ превосходной тонкой черно-лаковой посуды. Въ большой грушевидной цистернѣ, очень старательно вырубленной въ скалѣ, кромѣ значительнаго числа черепковъ простой глиняной посуды, найдены большой бронзовый ключъ и сверху бронзовый, повидимому, татарскій перстень.

При разслѣдованіи этой части городища до скалы найдены слѣдующія древности, кромѣ поименованныхъ раньше: 3 обломка отъ мраморныхъ плитъ съ греческими надписями, отъ которыхъ уцѣлѣли: на одномъ обломкѣ 34 буквы въ 4 строкахъ на другомъ 24 буквы въ 5 строкахъ и на третьемъ 5 буквъ въ 2 строкахъ; 3 амфорныя ручки съ именами херсонесскихъ астиномовъ; 2 ѳазосскія амфорныя ручки съ греческими именами; амфорная ручка съ буквой N внутри круга; обломокъ древнегреческой черепицы неизвѣстной колоніи съ именемъ астинома; гирька бронзовая ввидѣ плоскаго кружка съ буквами IB; печать свинцовая съ поврежденной поздне-греческой надписью съ одной и съ монограммой съ другой стороны; тоже съ поврежденной пятистрочной надписью и стоящей фигурой; обломокъ свинцовой печати съ нѣсколькими поздне-греческими буквами; часть глиняной формы для женской статуэтки; нижняя часть группы изъ бѣлаго мрамора, состоящая изъ пьедестала, лежащей женщины (недостаетъ головы), обнаженныхъ ногъ стоящей надъ ней человѣческой фигуры и справа отъ нихъ копыта козленка. Сзади уцѣлѣлъ низъ четырехграннаго бруса. Группа изображала, повидимому, пробуждающуюся Аріадну и надъ ней стоящаго Діониса и сидящаго сатира. Найдена на значительной глубинѣ: герма бронзовая $1^1/_2''$ высоты со стержнемъ сзади у ногъ (служила, вѣроятно, отмычкой); часть терракотоваго, небрежно исполненнаго, груднаго изображенія Деметры; часть терракотовой статуэтки косматаго Силена; 24 обломка глиняной черно-лаковой посуды съ остатками орнамента; 110 черепковъ глиняной черно-лаковой посуды безъ рисунковъ; 2 днища черно-лаковыхъ тарелокъ съ нацарапанными именами ихъ собственниковъ; часть любопытнаго глинянаго сосудика неизвѣстнаго назначенія, состоящаго изъ небольшого блюдца, по серединѣ котораго помѣщается короткое широкое горло, соединенное съ нимъ ручкой. Сбоку горла находится круглое отверстіе $^3/_4''$ въ діаметрѣ; сосудикъ глиняный, высокій, узкогорлый безъ ручекъ; 160 черепковъ глиняной глазурованной разноцвѣтной посуды; горло стекляннаго сосуда, сверху гладкое, а снизу винтообразно обтянутое буртикомъ; 13 ножекъ отъ стеклянныхъ сосудовъ, похожихъ на нынѣшнія рюмки для рейнвейна; половина большой мраморной ступки, 3 обломка отъ мраморныхъ ступокъ; кусокъ плоской мраморной чаши;

ступка каменная, средней величины кубической формы; лампочка глиняная черно-лаковая, превосходнаго исполненія; лампочка глиняная съ рельефными, хорошо исполненными изображеніями бородатой головы сатира, двухъ розетокъ и четырехъ прыгающихъ дельфиновъ; верхъ глиняной лампочки съ рельефнымъ изображеніемъ женскаго лица влѣво, въ высокой прическѣ и съ ожерельемъ изъ бусъ; 6 лампочекъ глиняныхъ безъ изображеній; 2 лампочки глиняныя малыя, невѣроятно грубаго исполненія; 3 каменные мельничные жернова, изъ коихъ одинъ $15^1/_4$ вершковъ въ діаметрѣ, со сквознымъ отверстіемъ яйцевидной формы, вокругъ котораго выдолблены на одинъ дюймъ глубины пять пальцевъ; брусокъ точильный; оселокъ съ дырочкой для ношенія; тоже со срѣзанными углами и скошенными съ одной стороны краями, съ бронзовымъ пробойчикомъ на заклепкѣ и колечкомъ для ношенія на поясѣ; ключъ бронзовый большой, прямой; ключъ бронзовый малый съ бюстомъ, на подобіе гермы; 2 куска отъ бронзовыхъ ключей; ручка костяная отъ ножа, украшенная двойными кружками; 2 костяныя пластинки, украшенныя съ одной стороны узоромъ изъ линій и кружковъ съ точками по серединѣ, служившія ручкой для бритвы; палочка бронзовая съ лопаточкой, повидимому, принадлежность коропласта; бронзовый пробойчикъ; бронзовый винтикъ $^1/_2''$ длины съ головкой, красивой заостренной кверху формы; 5 бронзовыхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ; 12 метательныхъ камней отъ катапультъ; бронзовая гирька въ видѣ плоскаго кружка; тоже въ видѣ усѣченнаго конуса; грузило для сѣтей въ видѣ усѣченной пирамидки изъ глины съ вырѣзаннымъ лицомъ грубой работы; 68 грузилъ для сѣтей той же формы; 30 грузилъ въ видѣ глиняныхъ цилиндриковъ; 2 грузила въ видѣ толстыхъ свинцовыхъ колецъ; 2 костяныя провертки; костяная провертка сломанная, украшенная человѣческой головкой грубой работы; костяная трубочка съ дырочкой сбоку для наматыванія на клубокъ пряжи; 2 бронзовыя иголки; костяное пряслице; 6 глиняныхъ пряслицъ; 11 свинцовыхъ кружковъ съ дырочками на подобіе пряслицъ; 5 глиняныхъ игрушечныхъ шариковъ; шашка костяная, украшенная кружками; тоже съ крестообразной нарѣзкой; стеклянный, выпуклый съ одной стороны кружокъ; раковина съ дырочкой, привозная; золотая, большая витая серьга, украшенная розеткой; золотая малая проволочная серьга; золотая буска; золотая полукруглая бляшка съ вытѣсненнымъ лицомъ и съ крючечкомъ; золотая бляшка въ видѣ розетки филигранной работы съ ушкомъ снизу; тоже съ двойнымъ кружкомъ и съ 4-мя дырочками; золотой гвоздикъ $^1/_2''$ длины съ плоской головкой; бронзовый перстень съ овальнымъ выпуклымъ стекляшкомъ; зеркало бронзовое круглое; 2 бронзовыя поясныя пряжки; брон-

зовая фигурная фибула готскаго типа, подобная изображенной на стр. 12-й изслѣдованія барона де-Бай: „La bijouterie des Goths“, Paris 1892; привѣска въ видѣ бронзоваго меча; часть костяного гребня, украшеннаго кружками и насѣчкой; 10 стеклышекъ изъ перстней; 368 обломковъ стеклянныхъ браслетовъ; 2 костяныя пластинки отъ ларчиковъ, украшенныя кружками; крестикъ изъ листовой мѣди съ округленными концами и 4-мя дырочками для прикрѣпленія; часть плоской бронзовой лампадной цѣпи ажурной работы съ крестами и съ верхней державкой; 2 куска обыкновенныхъ бронзовыхъ лампадныхъ цѣпей; 7 бронзовыхъ бубенчиковидныхъ пуговокъ; часть бронзовой ложечки, повидимому, для причастія; кусокъ круглой колонки изъ розоватаго балаклавскаго мрамора; тоже изъ желтоватаго песчаника съ ложками; 2 мраморныя круглыя базы; 2 малыя круглыя базы изъ известковаго камня; 2 куска мраморнаго дорическаго карниза съ овами; четырехгранная каменная тумба $1^1/_4$ арш. длины съ продолбленнымъ насквозь отверстіемъ; усѣченная пирамидка изъ песчанаго камня со сквознымъ отверстіемъ по серединѣ и съ 4-мя, вырѣзанными вглубь, симметрично расположенными крестами; 8 кусковъ красной помпеянской штукатурки; 6 кусковъ оконныхъ стеколъ; 2 малыя кровельныя черепицы византійской эпохи; 5 бронзовыхъ гвоздей съ полукруглыми головками; мраморное остроконечное украшеніе древнегреческаго дѣтскаго надгробія; 8 клыковъ дикихъ свиней; рогъ козы 1′ длины; 4 перерѣзанные рога козы, приготовленные, вѣроятно, для издѣлій; конецъ рога, заостренный въ видѣ шестигранной пирамидки съ дырочкой сверху; пластинка изъ полевого шпата, имѣющая видъ карнизика съ двумя дырочками, проколотыми шильцемъ; бронзовый предметъ не выясненнаго назначенія въ видѣ двухъ ложечекъ 1′ длины, соединенныхъ на шарнирѣ. По серединѣ углубленія одной изъ нихъ находится стержень $^1/_4$″ длины, а на выпуклой сторонѣ ложечекъ вырѣзано изображеніе человѣческаго лица, напоминаетъ клапанъ духового инструмента; 22 бронзовыя херсонесскія монеты до-христіанскаго періода, изъ коихъ одна очень рѣдкая, съ надписью, неправильно объясненною Бурачковымъ („Сборникъ матеріаловъ“ табл. XVI, № 99); 232 бронзовыя херсонесскія монеты христіанскаго періода; 12 бронзовыхъ монетъ босфорскихъ царей послѣдняго времени; 220 бронзовыхъ монетъ поздне-римскихъ и византійскихъ императоровъ; 40 бронзовыхъ монетъ, разрушенныхъ окисью, неопредѣленныхъ и 17 свинцовыхъ вотивныхъ знаковъ, которые, судя по изображенію головы Артемиды съ колчаномъ сзади, принадлежатъ древнему Херсонесу. На одномъ экземплярѣ сверху букрана помѣщены буквы *ΔΙ*.

Во время начатаго въ этомъ году разслѣдованія до скалы алтарной части базилики, ближайшей къ описаннымъ раскопкамъ, въ надеждѣ найти монеты или плиту съ надписью, положенныя при закладкѣ базилики и точно опредѣляющія время ея сооруженія, найдено 756 кусочковъ стеклянной мозаики, а именно: 472 съ позолотой, 110 черной, 108 синей, 36 красной и 30 зеленой. До сего времени считали, что только одна, такъ называемая „уваровская базилика“ (открытая графомъ А. С. Уваровымъ въ 1853 г.) была украшена стѣнной мозаикой. См. Бертье-Делагардъ: „Раскопки Херсонеса“ стр. 47. Мозаика, найденная въ этомъ году, отличается отъ мозаики изъ „уваровской базилики“, значительно меньшей величиной и большею правильностью кубиковъ.

Въ 1896 году разслѣдована въ двухъ разныхъ, значительно отдаленныхъ одинъ отъ другого пунктахъ обширная площадь некрополя, и раскопки эти, въ сравненіи съ прежними годами, какъ въ качественномъ, такъ въ количественномъ отношеніяхъ, дали очень цѣнные результаты.

Такъ какъ балка, расположенная съ лѣвой стороны дороги, идущей изъ Севастополя, у самаго въѣзда въ монастырь, съ разрѣшенія г. настоятеля, архимандрита Александра, предназначена для свалки земли и мелкаго камня, добываемыхъ при раскопкахъ обширнаго южнаго склона херсонесскаго городища, то для провѣрки предположенія, что балка эта въ глубокой древности составляла рукавъ Карантинной бухты и что, слѣдовательно, на всемъ ея протяженіи не должно встрѣчаться погребеній, предприняты были въ разныхъ пунктахъ балки, начиная отъ дороги, развѣдки, состоявшія въ прорытіи девяти канавъ и выяснившія совершенное отсутствіе здѣсь, въ почвѣ балки, культурныхъ остатковъ и близость морской воды, которая появлялась при наибольшей глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ. Другимъ указаніемъ на несомнѣнное существованіе здѣсь бухты являются открытые на сравнительно небольшой площади 5 колодцевъ, высѣченные въ скалѣ, отъ 2-хъ до 5-ти аршинъ глубины, и источникъ воды, собиравшейся въ каменный бассейнъ,— теперь разрушенный, — 2 аршина глубины. Излишекъ воды вытекалъ изъ бассейна въ балку по широкой канавѣ, вырубленной въ скалѣ, $^3/_4$ аршина глубины, наполненной щебнемъ и черепками глиняной посуды. Колодцы и бассейнъ расположены въ началѣ подъема съ южной стороны балки и, подобно нынѣ существующимъ колодцамъ въ верховьяхъ бухтъ Карантинной, Южной и Балаклавской, вырублены съ тою цѣлью, чтобы при минимальной затратѣ труда перехватить тѣ артеріи, по которымъ подпочвенная вода съ горной части полуострова изливается въ море. Такихъ колодцевъ, несомнѣнно, было значительное число на бе-

регу Херсонесской, нынѣ Карантинной бухты. Съ сѣверной стороны балки на обширной возвышенности расположена часть некрополя, непосредственно прилегающая къ оборонительной стѣнѣ и разслѣдованная въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Разслѣдованіе это происходило при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, во время сооруженія на этомъ мѣстѣ батарей, въ жертву которымъ принесена большая часть древней оборонительной стѣны, круглая фланговая башня съ контръ-эскарпомъ, главныя ворота и входившій въ городъ двумя линіями трубный водопроводъ. Съ южной стороны балки, которую въ нѣсколькихъ мѣстахъ на значительномъ протяженіи пересѣкаютъ древнія ограды, сложенныя изъ громадныхъ камней, идетъ небольшой подъемъ, отъ начала котораго и предприняты въ этомъ году раскопки. Восточную границу ихъ составляетъ каменный курганъ неправильной формы $6\,^{3}/_{4}$ арш. высоты. Сѣверная, ближайшая къ балкѣ сторона этого кургана снята въ этомъ году, при чемъ внизу оказалась ровная крѣпкая скала, а въ сѣверо-восточномъ углу обнаруженъ колодецъ съ солоноватой водой на двухаршинной глубинѣ. При удаленіи камня, внутри кургана найдены: кусокъ краснваго дорическаго карниза изъ мѣстнаго песчаника; обломокъ колонны изъ того же матеріала; осколокъ отъ большой мраморной статуи (часть плеча), мельничный жерновъ; метательный камень отъ катапультъ и 3 бронзовыя, сильно разрушенныя окисью монеты: Кесаріи кавказской, одного изъ послѣднихъ босфорскихъ царей и позднеримская. Курганъ этотъ ни въ камъко случаѣ не былъ надмогильнымъ, подобно кургану на землѣ наслѣдниковъ Шверина, который имѣлъ правильную форму конуса и снизу былъ укрѣпленъ большими плитами, отесанными рустикомъ. Образованіе кургана возможно объяснить желаніемъ херсонесцевъ въ римскую эпоху, когда быстрое развитіе города вызвало необходимость пересыпки этой части бухты для проведенія здѣсь оборонительной стѣны съ двумя фланговыми башнями, — очистить осушенную балку отъ камня и, быть можетъ, завести въ этомъ мѣстѣ огороды, подобно тому, какъ мы это сейчасъ видимъ въ небольшой балкѣ между дорогой, идущей изъ Севастополя и верховьямъ Карантинной бухты, гдѣ въ ближайшихъ катакомбахъ устроены жилища огородниковъ.

Въ этой части некрополя открыто и разслѣдовано 30 погребеній, а именно: 3 катакомбы, изъ коихъ 2 съ 3-мя и одна съ 2-мя нишами на подобіе коекъ; 7 гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, изъ коихъ 2, на основаніи ихъ содержимаго, относятся къ древне-греческой эпохѣ; 2 гробницы, сложенныя изъ каменныхъ плитъ; гробъ каменный въ видѣ корыта разломанный; 2 гробницы; сложенныя изъ большихъ древне-

греческихъ черепицъ; 5 глиняныхъ урнъ, изъ коихъ 2 красивой формы съ 3-мя ручками относятся къ древне-греческой эпохѣ, и 10 земляныхъ гробницъ, изъ коихъ 3 также греческой эпохи.

Изъ катакомбъ обращаетъ на себя вниманіе катакомба 4 аршинъ длины, $2^1/_4$ ширины и $1^3/_4$ высоты, съ тремя нишами и ходомъ въ сѣверной сторонѣ. На койкахъ лежало по одному остову, при чемъ у праваго, отъ входа, оказались двѣ кожаныя подошвы $9^1/_4''$ длины и золотыя нитки, быть можетъ, отъ кистей. У средняго остова найденъ флакончикъ изъ синяго стекла, на полу, ногами къ выходу, лежали также 3 остова, изъ коихъ у крайняго съ правой стороны была очень большая и деформированная голова. Между этимъ остовомъ и слѣдующимъ лежала большая серебряная поясная пряжка такъ называемаго готскаго типа, съ вытисненнымъ равностороннимъ крестомъ, указывающая на христіанское погребеніе. Хотя и нельзя утверждать, что пряжка эта принадлежала остову съ деформированнымъ черепомъ, но совмѣстное и одновременное погребеніе члена этой загадочной народности съ двумя греками-христіанами (я имѣю въ виду 3 остова на полу, относящіеся къ болѣе поздней эпохѣ) составляетъ важное открытіе.

Въ одной изъ вырубленныхъ въ скалѣ гробницъ съ остовомъ ребенка найдено шесть терракотовыхъ, художественно исполненныхъ статуэтокъ и масокъ: Эрота съ пѣтухомъ; нимфы, сидящей на дельфинѣ; головы молодого Діониса; головы вакханки; тоже Пана съ клинообразной бородой и чубомъ и головы Сатира съ вздернутымъ носомъ, всклокоченными волосами и раскрытымъ ртомъ. Профессоромъ Э. фонъ-Штерномъ эти терракоты отнесены къ III в. до Р. Х. Изъ разныхъ мелкихъ украшеній, найденныхъ въ этой гробницѣ, обращаютъ на себя вниманіе пара серебряныхъ витыхъ, несоразмѣрно массивныхъ дѣтскихъ браслетовъ; золотая привѣска въ видѣ полумѣсяца съ широкимъ ушкомъ и костяная привѣска въ видѣ руки, показывающей дулю.

Между гробницами, сложенными изъ каменныхъ плитъ, выдающійся интересъ представляетъ типичная гробница римской эпохи съ одиночнымъ остовомъ женщины и множествомъ красивыхъ и цѣнныхъ золотыхъ украшеній.

Гробница эта, 2 арш. 14 вершк. длины, 15 вер. ширины и 14 верш. глубины, сложенная въ видѣ ящика изъ девяти каменныхъ плитъ, старательно пригнанныхъ и облицованныхъ внутри, и закрытая двумя плитами, прилегала къ стѣнѣ, которая прошла сверху надъ болѣе древней гробницей, вырубленной въ скалѣ и выложенной черепицами, разлавленными этой стѣной. Неизвѣстно, какое назначеніе имѣла эта стѣна, которая на разстояніи $1^1/_4$ арш. отъ гробницы, съ восточной стороны,

почти подъ прямымъ угломъ сворачивала на югъ. Какъ уже было говорено, въ этой части некрополя много остатковъ стѣнъ и оградъ несомнѣнно древняго происхожденія, и остается думать, что некрополь, подобно нашимъ кладбищамъ, былъ обнесенъ оградой, охранялся сторожами и имѣлъ отдѣльные участки съ погребеніями богатыхъ людей, также обнесенные стѣнами.

Съ западной стороны этой гробницы, на разстояніи 12-ти вершковъ, находилась такая же, сложенная изъ каменныхъ плитъ, гробница, но уже разрушенная и совершенно разграбленная. Положеніе ея было съ запада на востокъ, тогда какъ положеніе первой — съ сѣвера на югъ.

По снятіи двухъ верхнихъ плитъ оказалось, что гробница какимъ-то чудомъ спаслась отъ грабителей, которые хозяйничали всего лишь въ разстояніи $^3/_4$ аршина отъ ея западной стѣны. Одиночный остовъ взрослаго человѣка лежалъ правильно въ вытянутомъ положеніи, съ головой, обращенной на юго-западъ, и со сложенными на груди руками. Ни посуды, ни какихъ-либо украшеній не было замѣтно, такъ какъ материковая подошва гробницы покрылась незначительнымъ слоемъ земли и мелкихъ ракушъ. Земля эта, благодаря подпочвенной водѣ, сгустилась въ плотную массу, и это обстоятельство очень затрудняло разслѣдованіе гробницы безъ поврежденія посуды и другихъ ломкихъ вещей. Разслѣдованіе было начато съ ногъ, и первыми находками были небольшой, круглодонный флаконъ изъ плотнаго, пестраго стекла и круглая палочка изъ такого же пестраго стекла $3^3/_4''$ длины съ плоскими кружками по концамъ. Палочка эта не служила, повидимому, какъ нынѣшнія аптекарскія стеклянныя палочки съ однимъ только плоскимъ кружкомъ, для размѣшиванія, но употреблялась для извлеченія жидкости, — въ настоящемъ случаѣ душистаго масла,—изъ флаконовъ съ помощью намотанной на концахъ матеріи, которую удерживали отъ сползанія плоскіе кружки. Такъ какъ находимые флаконы разныхъ формъ и величинъ составляютъ принадлежность женскихъ гробницъ, то они несомнѣнно, служили бальзамаріями, но не слезницами, какъ многіе думаютъ. На ногахъ были серебряные обручи, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ двухъ полукруглыхъ трубокъ $^3/_8''$ въ діаметрѣ, вращавшихся съ одной стороны на шпинькѣ, а съ другой стороны вдвигавшихся одна въ другую. Металлъ потемнѣлъ и сдѣлался хрупкимъ. Подвигаясь къ изголовью, съ правой стороны, были найдены куски разрушеннаго окисью, бронзоваго круглаго зеркала, а по обѣимъ сторонамъ остова были разсыпаны мелкія бусы изъ разноцвѣтной пасты, стекла, янтаря и агата, при чемъ янтарныя и агатовыя бусы отъ долгаго пребыванія въ сырой

землѣ распадались въ рукахъ. Уцѣлѣла только одна большая, плоская агатовая пронизь, украшенная кружками — признакъ поздне-римской эпохи. Нашъ знаменитый археологъ, графъ А. С. Уваровъ, въ бытность свою въ послѣдній разъ въ Херсонесѣ, желалъ знать, не находятъ ли въ древне-греческихъ гробницахъ пронизей и бусъ изъ янтаря и агата. Только въ настоящее время, послѣ девятилѣтнихъ систематическихъ раскопокъ, на этотъ вопросъ можно отвѣтить отрицательно.

У правой руки лежали два золотые полые перстня, совершенно гладкіе, изъ коихъ большой, который, судя по величинѣ, могъ находиться только на указательномъ пальцѣ, былъ украшенъ аметистомъ съ съ вырѣзанной головкой воина, а малый, повидимому, съ мизинца,— овальнымъ, выпуклымъ, гладкимъ восточнымъ гранатомъ. По обѣимъ сторонамъ остова, отъ рукъ до изголовья, собрано 17 золотыхъ круглыхъ бляшекъ съ вытисненными звѣздочками и съ двумя дырочками для пришиванія, и 64 составныя части двухъ золотыхъ браслетовъ, а именно: 32 соединенныя между собой, симметрично расположенныя рубчатыя трубочки разной величины, по семи на каждой части, и 32 узкія пластинки, состоящія изъ такихъ же семи рубчатыхъ трубочекъ, но одинаковой величины. Если расположить рядомъ попеременно эти пронизи, соединивъ ихъ шнурочкомъ черезъ всѣ семь трубочекъ, то получится очень оригинальный и красивый браслетъ. Повидимому, въ Херсонесѣ въ римскую эпоху существовала мода на подобные браслеты, отдѣльныя части которыхъ встрѣчались ежегодно, и этимъ возможно было бы объяснить совершенное отсутствіе въ гробницахъ золотыхъ витыхъ и гладкихъ проволочныхъ браслетовъ.

Въ изголовьѣ лежали: 11 пронизей изъ горнаго хрусталя, 2 кусочка румянъ; глиняный сосудикъ безъ ручекъ, съ удлиненнымъ горломъ; глиняная одноручная чашечка, ничѣмъ не отличающаяся отъ тѣхъ, которыя находятся почти въ каждой самой бѣдной гробницѣ римской эпохи; серебряная головная булавка, украшенная сверху рукой, держащей тремя пальцами шарикъ; 2 серебряныя круглыя выпуклыя бляшки съ вытесненнымъ груднымъ изображеніемъ Афродиты съ двумя Эротами по сторонамъ; пара золотыхъ очень большихъ серегъ въ видѣ двойного шнурка, постепенно утончающагося и переходящаго въ гладкую проволоку, изогнутую въ видѣ крючка. Въ толстомъ мѣстѣ шнурокъ оканчивается двумя рысьими головками на каждой серьгѣ, къ которымъ прикрѣпленъ на шарнирѣ овальный медальонъ съ гладкимъ выпуклымъ гранатомъ и съ ушкомъ, чрезъ которое продѣвался крючекъ, и, наконецъ, ожерелье, состоящее изъ двухъ превосходно сплетеныхъ золотыхъ шнурковъ $^1/_2$″ въ окружности и по 3 длины, съ прочными петлями сверху

и изъ подвѣшанныхъ къ шнуркамъ, соединенныхъ шарнирами, одиннадцати золотыхъ гладкихъ овальныхъ медальоновъ разной величины, со вставленными девятью камнями и двумя стеклами овальной формы. Медальоны симметрично расположены по величинѣ и по роду камней, при чемъ самые малые, $^3/_8''$ длины, помѣщены у шнурковъ; а самый большой, $^5/_8''$ длины, по серединѣ. Оба стекла и 2 топаза гладкіе, остальные камни выпуклые. Камни и стекла расположены въ слѣдующемъ порядкѣ, считая слѣва вправо отъ зрителя: гранатъ, стекло, аметистъ, изумрудъ, топазъ, гранатъ, топазъ, изумрудъ, аметистъ, стекло и гранатъ или, быть можетъ, альмандинъ. Къ среднему медальону, съ выпуклымъ гранатомъ превосходной игры, прикрѣплена подвѣска въ видѣ большой золотой бабочки, $1^1/_2'' \times 1^3/_8''$, украшенной зернью, бордюромъ изъ шариковъ и пятью камнями: овальнымъ изумрудомъ посрединѣ, сердцевиднымъ гранатомъ на головкѣ и тремя яйцевидными гранатами на крыльяхъ и на брюшкѣ. Къ четвертымъ отъ шнурковъ медальонамъ подвѣшаны круглые золотые медальончики, $^1/_4''$ въ діаметрѣ, въ которыхъ вставлены: въ лѣвомъ—выпуклый гранатъ, а въ правомъ—почему-то, гладкое стекло, быть можетъ, взамѣнъ утеряннаго граната. Отъ этихъ малыхъ медальоновъ свѣшиваются кисти изъ трехъ тонкихъ, превосходно исполненныхъ цѣпочекъ съ разборчатыми звеньями, подобныхъ нынѣ употребляемымъ для висячихъ лампъ. Каждая цѣпочка оканчивается тремя шариками. Малые медальоны соединены такими же цѣпочками съ крыльями бабочки.

Кости и черепъ въ сырой почвѣ сильно разрушились, но наличность въ обѣихъ челюстяхъ всѣхъ хорошо сохранившихся зубовъ доказываетъ, что здѣсь была погребена молодая женщина. Монетъ, которыя могли бы дать болѣе точныя указанія на время погребенія, при остовѣ не найдено; отсутствовали также обычныя въ гробницахъ римской эпохи глиняныя лампочки и плоскодонные узкогорлые бальзаріи.

Находка золотого ожерелья изъ медальоновъ съ подвѣшанной бабочкой является уже второй при раскопкахъ на югѣ Россіи: первое подобное ожерелье, далеко уступающее херсонесскому красотой, цѣнностью, и сохранностью, было найдено весною 1891 г. въ Ольвіи и пріобрѣтено московскимъ собирателемъ древностей Постниковымъ. Исторія ольвійской находки, сообщаемая А. В. Орѣшниковымъ въ т. XV „Древностей“, издав. Императорскимъ московскимъ археологическимъ Обществомъ, въ связи съ описанной мною херсонесской находкой, весьма поучительна. Оказывается, что ольвійская гробница также была сложена изъ каменныхъ плитъ, что и въ ней находился одиночный женскій

остовъ, и что при немъ, кромѣ ожерелья, къ которому я еще вернусь, были найдены точно такія же украшенія, какъ и въ херсонесской гробницѣ: два гладкіе золотые перстня съ рѣзными камнями; пронизи изъ горнаго хрусталя и серебряный медальонъ съ изображеніями Афродиты и двухъ Эротовъ. Я увѣренъ (хотя и не видѣлъ ольвійскихъ находокъ), что этотъ медальонъ и два медальона изъ херсонесской гробницы сдѣланы по одному оригиналу. Что касается ожерелья, то хотя его медальоны и украшены стеклами, а не камнями, и детали его во многомъ отличаются отъ деталей херсонесскаго ожерелья, — оно по идеѣ, по впервые встрѣчаемой привѣскѣ въ видѣ бабочки, по характернымъ цѣпочкамъ съ разборчатыми звеньями и, наконецъ, по рысьимъ головкамъ, тождественнымъ съ головками на херсонесскихъ серьгахъ, имѣютъ такъ много общаго съ херсонесскимъ ожерельемъ, что я позволяю себѣ считать эти два ожерелья вышедшими, быть можетъ, изъ одной мастерской и, несомнѣнно, изъ одного города, гдѣ въ извѣстную эпоху существовала мода на затѣйливыя золотыя украшенія съ разноцвѣтными камнями и стеклами. Если же ко всему этому добавить, что въ ольвійской гробницѣ были найдены еще золотые листики овальной формы, ординарные и двойные въ видѣ очковъ, для покрытія рта и глазъ покойницы, что подобные листики никогда раньше въ Ольвіи не встрѣчались, въ гробницахъ же херсонесскаго некрополя составляютъ обыкновенную находку, то я полагаю, что въ ольвійской гробницѣ покоилась богатая херсонитянка, умершая въ Ольвіи, и что Херсонесъ и былъ разсадникомъ тѣхъ характерныхъ, ранѣе не встрѣчавшихся золотыхъ издѣлій, украшенныхъ камнями, стеклами и эмалью, которыя въ видѣ ожерелей, фибулъ, серегъ, перстней, пряжекъ и разныхъ привѣсокъ, въ значительномъ числѣ найдены при раскопкахъ херсонесскаго некрополя.

Эта интересная гробница, а также ближайшая къ ней съ западной стороны, разрушенная и разграбленная, перевезены на площадь впереди склада древностей и составлены въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ были открыты при разслѣдованіи некрополя.

Изъ пепельныхъ урнъ заслуживаютъ вниманія двѣ урны красивой формы съ тремя ручками. Урны находились въ вырубленномъ въ скалѣ помѣщеніи, рядомъ съ дѣтской гробницей, въ которой найдены описанныя выше терракоты. Кромѣ жженыхъ костей въ урнахъ оказались: перстень серебряный гладкій и двѣ привѣски изъ толстой серебряной проволоки, изогнутой особеннымъ, впервые встрѣчаемымъ способомъ. Куски такихъ привѣсокъ найдены въ этомъ году Н. Ф. Романченко во время раскопокъ близъ Евпаторіи въ мѣстности, гдѣ какъ пола-

гаютъ, находилась древняя Керкинитида. Обѣ урны относятся къ древне-греческой эпохѣ.

Въ гробницахъ, сложенныхъ изъ большихъ древне-греческихъ черепицъ, какъ и во время раскопокъ прежнихъ лѣтъ, найдены свинцовыя трехпалыя кисти съ крючкомъ сверху, повидимому, вотивнаго значенія и обломки глиняныхъ черно-лаковыхъ тарелокъ.

Каменный, несомнѣнно древне-греческій, гробъ въ видѣ корыта, найденъ безъ крышки, а внутри лежали: остовъ ребенка, два стеклянные флакона, изъ коихъ одинъ въ видѣ бутылки $10^1/_2''$ высоты; костяная точеная коробочка; 2 сердоликовыя буски и бронзовая херсонесская монета римскаго періода. Гробъ, слѣдовательно, былъ поочередно занимаемъ погребеніями, сначала греческой, а затѣмъ римской эпохи.

Между земляными гробницами оказалась одна, принадлежавшая къ древне-греческой эпохѣ, которая была расположена на глубинѣ одной сажени. При одиночномъ остовѣ лежала бронзовая монета Амиса.

Вслѣдствіе устройства дороги по западному берегу Карантинной бухты къ большому шлюпочному сараю сборной морской команды, пришлось срыть узкую полосу земли, занятую некрополемъ, а потому работы были перенесены въ эту мѣстность и начаты въ пяти саженяхъ отъ юго-восточнаго угла монастырскаго скотнаго двора, отъ бухты вверхъ по уклону.

Въ этой части некрополя открыто и разлѣдовано 172 погребенія, а именно: 20 катакомбъ, изъ коихъ 2 съ 6 нишами въ 2 яруса (одна съ подпорнымъ столбомъ), одна съ 5 нишами, одна съ 4 нишами, 12 съ 3-мя нишами (одна съ подпорнымъ столбомъ), одна съ 2 нишами, одна съ одной нишей и двѣ безъ нишъ; 37 гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, изъ коихъ 2, на основаніи ихъ содержимаго, относятся къ древне-греческой эпохѣ; 4 гробницы, сложенныя изъ каменныхъ плитъ, между которыми находились 19 плитокъ отъ древне-греческихъ надгробій; 8 гробницъ, сложенныхъ изъ большихъ древне-греческихъ черепицъ; 12 глиняныхъ урнъ изъ коихъ 3 съ двумя ручками, 7—съ одной ручкой, одна цилиндрической формы съ короткимъ горломъ и двумя малыми ручками и одна въ видѣ греческой остродонной амфоры, и 91 земляная гробница, изъ коихъ 15, на основаніи находокъ, должны быть отнесены къ древне-греческой эпохѣ.

Кромѣ перечисленныхъ погребеній здѣсь обнаружены двѣ узкія длинныя насыпи изъ черепковъ простой глиняной посуды, преимущественно кувшиновъ, около $6^1/_2$ куб. саженей остатки небольшихъ

каменныхъ стѣнъ, повидимому, отъ построекъ и раздавленный пиѳосъ, закрытый мраморной плиткой, находившійся по близости стѣны.

Изъ катакомбъ заслуживаютъ вниманія: катакомба съ 3-мя нишами и высѣченнымъ изъ той же скалы подпорнымъ столбомъ по серединѣ. На полу лежали 6 остововъ и на койкахъ нишъ 5; доски отъ гробовъ истлѣли, бронзовыя украшенія покрылись толстымъ слоемъ окиси, а глиняная посуда твердымъ бѣлымъ налетомъ. Послѣдняя лежала при остовахъ, какъ на полу, такъ и на койкахъ, и состояла изъ пяти одноручныхъ кувшинчиковъ; 18 одноручныхъ чашечекъ, изъ коихъ 3 имѣли вокругъ греческія неразборчивыя надписи желтаго цвѣта, небрежно исполненныя кистью; 5 мисочекъ, изъ коихъ одна была наполнена мелкими каштанами. Восемь скорлупокъ отъ этихъ каштановъ удалось перенести въ складъ, остальныя распались отъ прикосновенія воздуха и 12-ти лампочекъ, изъ коихъ одна съ именемъ мастера и съ рельефнымъ вѣночкомъ сверху. Кромѣ того, найдены: фибула бронзовая; 2 дѣтскихъ бронзовыхъ браслета; серьга бронзовая; пряжка, бронзовая поясная; тоже малая отъ обуви, перстень желѣзный; трубочка бронзовая съ двумя ушками по концамъ; колокольчикъ бронзовый игрушечный; 11 большихъ бусъ изъ пасты съ разноцвѣтными глазками и полосками; костяныя продолговатыя пронизи; 83 продолговатыя буски изъ красной, желтой и синей пасты; браслетъ, состоявшій изъ 19 плоскихъ гагатовыхъ пронизей квадратной формы съ двумя дырочками; двѣ бронзовыя херсонисскія монеты; бронзовая греческая монета плохой сохранности и 2 бронзовыя поздне-римскія поврежденныя монеты. Катакомба съ 3 нишами и ходомъ на востокъ, не плотно закрытымъ плитой, вслѣдствіе чего подошва катакомбы покрылась на 6 вершк. сырой землей. Вынутіе, просушиваніе и просѣваніе земли поглотило много времени, но, сверхъ всякаго ожиданія, привело къ хорошимъ результатамъ, которые выразились въ слѣдующихъ находкахъ: золотой массивный небольшой перстень съ круглымъ синимъ стеклышкомъ; серьга въ видѣ полушарія изъ золотой бляшки съ проволочнымъ крючечкомъ, медальонъ, состоящій изъ неразборчивой серебряной римской монеты, оправленной въ золотой ободокъ съ ушкомъ; 2 привѣски въ видѣ яйцевидныхъ гладкихъ гранатовъ въ золотой оправѣ съ широкимъ ушкомъ; 4 золотыя неразборчивыя индикаціи; браслетъ, состоящій изъ шести золотыхъ пластинокъ въ видѣ параллелограмовъ ажурной работы, соединенныхъ проволочками, на которыхъ нанизаны 5 сердоликовыхъ пронизей въ видѣ четырнадцатигранниковъ; ожерелье въ видѣ золотой цѣпочки изъ тонкой проволоки съ нанизанными, въ равномъ одна отъ другой разстояніи, 30 бусками изъ темно-синяго стекла

въ видѣ четырнадцатигранниковъ; плоскодонный бальзамарій; флаконъ съ красивымъ горломъ; 2 миніатюрные флакончика; кувшинъ глиняный, одноручный; 2 глиняные узкогорлые сосудика безъ ручекъ; 4 глиняныя одноручныя чашечки; 3 глиняныя мисочки; 23 глиняныя лампочки, изъ коихъ 5 малыхъ невѣроятно грубой работы и одна съ рельефнымъ изображеніемъ розетки о 14 лепесткахъ; бронзовый, поврежденный браслетъ; серебряный гладкій перстень; пара бронзовыхъ дѣтскихъ серегъ; 2 бронзовыя поясныя пряжки; желѣзный клинокъ отъ ножа; бронзовый игрушечный колокольчикъ; буса большая изъ пасты съ разноцвѣтными полосками и глазками; множество янтарныхъ и гагатовыхъ бусъ, которыя распались послѣ извлеченія ихъ изъ сырой земли; 4 бронзовыя херсонисскія монеты римской эпохи и бронзовая позднеримская монета плохой сохранности.

Катакомба 6 аршинъ длины, $4^1/_4$ арш. ширины и $2^3/_4$ арш. высоты, съ тремя нишами обычной формы и одной нишей въ видѣ комнаты въ южной стѣнѣ. Въ этой большой нишѣ лежали 3 остова, а въ остальныхъ трехъ нишахъ—по 4 остова. На полу у сѣверной стѣны стоялъ, изголовьемъ на западъ, вполнѣ сохранившій свою форму, деревянный гробъ 2 арш. 10 верш. длины, на подложенныхъ камняхъ. Бока состояли изъ цѣльной доски, крышка и дно были сбиты изъ двухъ досокъ на деревянныхъ шипахъ и шпунтахъ. Соединенія по угламъ „въ замокъ“ были сдѣланы красиво и прочно. Внутри гроба лежали истлѣвшія кости взрослаго человѣка съ остатками одежды, короткихъ черныхъ волосъ и кожаныхъ подошвъ, $5^1/_2$ вершковъ длины. Въ изголовьѣ найдены 4 глиняныя гладкія лампочки; деревянный рѣдкій гребень и херсонисская бронзовая монета римской эпохи. Описанные въ „Сборникѣ“ Бурачкова, XVI, 103—104, экземляры не имѣютъ надписи вокругъ и болѣе грубаго стиля. Ниже гроба, по всему полу, въ слоѣ сырой земли были разбросаны кости, вѣроятно, остатки погребенія болѣе ранней эпохи, къ которой относится и сооруженіе катакомбы. Изъ многочисленныхъ находокъ заслуживаютъ вниманія: привѣска въ видѣ золотой трубочки $^1/_2$″ длины, запаянной по концамъ, съ двумя широкими ушками; 6 золотыхъ индикацій, изъ коихъ двѣ малыя носятъ изображенія головокъ вправо, остальныя неразборчивы; листикъ золотой овальный для закрытія рта ребенка; серебряный перстень съ овальнымъ сердоликомъ, на которомъ вырѣзанъ мужчина, стоящій у жертвенника; янтарный перстень красивой формы, и браслетъ, состоящій изъ 16-ти гагатовыхъ полукруглыхъ, плоскихъ, рубчатыхъ пронизей съ двумя дырочками.

Катакомба $3^1/_2$ аршинъ длины, $3^1/_4$ ширины и $2^1/_2$ высоты, съ

съ тремя нишами обычной формы и съ ходомъ на востокъ. Впереди катакомбы, у самаго затвора, лежали: крестъ надгробный, грубо высѣченный изъ мѣстнаго камня, съ вырѣзаннымъ вглубь изображеніемъ креста, и обломкомъ мраморной плиты съ рельефнымъ бордюромъ надъ гладкимъ квадратнымъ полемъ, 8″+8″, на оборотной сторонѣ котораго вырѣзаны вглубь изображенія неизвѣстнаго святаго мужа съ юнымъ лицомъ,—быть можетъ, св. Фоки, покровителя всѣхъ мореплавателей,—выводящаго за руку изъ лодки молодого мужчину. Справа видна верхняя часть поднятаго паруса. Надъ головой святого шла однострочная греческая надпись, отъ которой, къ великому сожалѣнію, сохранилось лишь 13 буквъ. Внутрь катакомбы, вслѣдствіе неплотно приложеннаго затвора, проникла земля, принявшая видъ наклонной плоскости, сверху которой, головами на востокъ, лежали 3 остова, которые, судя по отсутствію при нихъ посуды и иныхъ предметовъ и по каменному кресту впереди входа, были погребены въ христіанскую эпоху. На полкахъ нишъ ничего не оказалось. Подъ слоемъ вынутой и просѣянной земли находились истлѣвшія кости болѣе ранняго погребенія и разныя характерныя древности римской эпохи, изъ коихъ заслуживаютъ вниманія: 5 флаконченковъ отъ $1^1/_4$″ до 2″ высоты; блюдце глиняное на высокой ножкѣ; 2 глиняныя лампочки съ рельефнымъ изображеніемъ быка, и стеклянная витая палочка 9″ длины съ утолщеніемъ и плоскимъ кружкомъ съ одной стороны и закрученная въ видѣ кольца съ другой тонкой стороны. Подобныя палочки неизвѣстнаго назначенія ранѣе не встрѣчались.

Катакомба, 4 аршинъ длины, 4 ширины и $2^1/_4$ высоты, съ ходомъ на востокъ и съ 5 нишами: по одной въ сѣверной и западной и 3—въ южной стѣнахъ. Впереди катакомбы, у входа, лежалъ надгробный крестъ, грубо высѣченный изъ мѣстнаго камня, съ вырѣзанной вглубь греческой надписью въ шести строкахъ, гласящей: „Памятникъ святой мученицы Анастасіи“. Какъ и въ предыдущей катакомбѣ, слой проникшей земли имѣлъ видъ наклонной плоскости, при чемъ сверху этого слоя, а также на полкахъ нишъ, лежало въ безпорядкѣ огромное количество человѣческихъ костей. На полу и въ нишахъ ни посуды, ни другихъ предметовъ не найдено. Подъ слоемъ вынутой и просѣянной земли оказались истлѣвшія кости болѣе ранняго погребенія и множество древностей римской эпохи, изъ коихъ слѣдуетъ упомянуть: пару золотыхъ серегъ въ видѣ розетокъ съ подвѣшанными пирамидками изъ шариковъ; перстень полуопаловый гладкій; стеклянную витую палочку, подобную найденной въ предыдущей катакомбѣ, но 7″ длины; бальзамарій съ заостреннымъ дномъ; 9 глиняныхъ лампочекъ съ рель-

ефными изображеніями: мужчины и женщины въ лодкѣ, центавра, нападающаго съ поднятой палицей, павлина, пѣтуха, кабана, овцы, мужчины (вѣроятно, Иракла), несущаго на спинѣ кабана; розетки о 4-хъ и розетки о 13 лепесткахъ; лампочку превосходной красной глины съ ручкой въ видѣ листика; серебряный браслетъ съ обрѣзанныммъ концами; бронзовую, очень большую фигурную фибулу оригинальной формы; дощечку шиферную со скошенными съ одной стороны краями; бронзовую иглу для вязанія сѣтей 11″ длины; 3 бронзовыя херсонисскія монеты, бронзовую монету босфорскаго царя Котиса I съ бюстами Клавдія I и Агриппины, серебряную монету Гордіана III, бронзовую монету Константина II и, наконецъ, бронзовую монету Аркадія. Перечисленныя монеты являются представителями періода времени съ 45-го по 408-й годъ христіанской эры.

Катакомба, $4^1/_4$ аршинъ длины, 4 ширины и $2^1/_2$ высоты, съ ходомъ на востокъ и съ 3 нишами обычной формы. Вслѣдствіе неплотно закрытой плиты, внутрь катакомбы проникла земля, сверху которой, а также на полкахъ нишъ, которыя для большей вмѣстимости были заложены со стороны катакомбы досками, лежало огромное количество человѣческихъ костей. Между черепами оказался одинъ деформированный, сильно поврежденный. Въ вынутой и просѣянной землѣ найдены: круглая пластинка изъ листовой бронзы съ ушкомъ и и крестомъ изъ точекъ, выдавленныхъ самымъ примитивнымъ способомъ; бронзовая бубенчиковидная пуговица, 12 серегъ въ видѣ тонкихъ бронзовыхъ колечекъ (обычная находка изъ христіанскихъ усыпальницъ), и бронзовая монета императора Льва I (457—474). Катакомба эта съ несомнѣнными признаками погребенія христіанской эпохи, судя по громадному, не встрѣчавшемуся еще въ катакомбахъ, количеству остововъ, была не семейная, но общественная „братская“ могила, и въ ней, быть можетъ, сложены трупы погибшихъ или при осадѣ города (при защитѣ, напримѣръ, фланговой башни, расположенной тутъ-же). или во время эпидеміи (въ царствованіе Юстиніана I).

Изъ гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, особенно выдѣляется большая, очень старательно сдѣланная гробница, 3 аршина длины, 15 вершковъ ширины и 13 глубины, плотно закрытая тремя плитами изъ мѣстнаго желтоватаго песчаника. Одиночный остовъ взрослаго человѣка лежалъ на правомъ боку, головой на востокъ, и передніе зубы были окрашены въ зеленый цвѣтъ окисью мѣди, вслѣдствіе находившеяся между ними небольшой херсонисской монеты съ изображеніями львиной головки съ одной стороны, и звѣздочки о шести лучахъ съ другой стороны. Судя по отсутствію какихъ-либо украшеній, остовъ

принадлежалъ мужчинѣ, по сильно поврежденнымъ зубамъ—старику, а по монетѣ съ описанными изображеніями, гражданину „свободнаго“ Херсониса греческой эпохи.

Другая, столь-же старательно вырубленная, гробница 3 аршинъ длины, аршинъ ширины и 9 вершковъ глубины, вмѣщала въ себѣ остовъ ребенка и бронзовую, разборчатую, замысловатую игрушку,—по-видимому, волчекъ. Подъ кружечкомъ, $1\,^1/_8''$ въ діаметрѣ, уцѣлѣлъ, еще намотанный на трубочкѣ, кусочекъ шнурочка.

Между гробницами, сложенными изъ плитъ, римской эпохи, важное значеніе имѣетъ гробница, сложенная изъ простыхъ плитъ и изъ 4-хъ плитокъ, четырехугольной формы, отъ древне-греческихъ надгробій. Сверху гробницы остатки древней стѣны.

Въ одной изъ земляныхъ гробницъ съ одиночнымъ остовомъ найдены двѣ раздавленныя глиняныя чернолаковыя двуручныя вазочки (канѳаросъ) красивой формы и превосходной техники, несомнѣнно относящіяся къ цвѣтущей эпохѣ греческаго искусства.

Чтобы дать возможность составить себѣ понятіе о разнообразіи и количествѣ древностей, найденыхъ въ 1896 г. при раскопкахъ некрополя, помѣщаю ниже подробную опись, составленную по роду матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы.

Изъ *золота:* ожерелье изъ двухъ цѣпочекъ-шнурковъ, поддерживающихъ: 11 большихъ, разной величины и два малыхъ медальона, большую бабочку и двѣ кисти изъ тонкихъ цѣпочекъ. Медальоны и бабочка украшены 15 драгоцѣнными камнями и 3 стеклами; ожерелье въ видѣ цѣпочки изъ тонкой проволоки съ нанизанными, въ одинаковомъ одна отъ другой разстояніи, 30 бусками изъ темно-синяго стекла въ видѣ четырнадцатигранниковъ; 2 браслета, состоящіе каждый изъ 32, двояковаго вида, пронизей въ формѣ соединенныхъ семи рубчатыхъ трубочекъ разной величины; браслетъ, состоящія изъ 6 ажурныхъ пластинокъ въ видѣ параллелограмовъ, соединеныхъ проволочками, на которыхъ надѣты 5 сердоликовыхъ пронизей въ формѣ четырнадцатигранниковъ; 5 перстней: массивный съ камеей (человѣческая фигура грубаго исполненія изъ зеленоватаго агата); тоже съ круглымъ синимъ стеклышкомъ; полный съ рѣзнымъ аметистомъ (головка воина); тоже съ гладкимъ гранатомъ и дѣтскій изъ широкой пластинки; бывшій въ гнѣздѣ камень не розысканъ. 30 серегъ: одна въ видѣ плоской плетенки съ яйцевиднымъ синимъ стекломъ; 2 большія въ видѣ двойнаго шнурка съ двумя рысьими головками и медальономъ съ гладкимъ гранатомъ; одна въ видѣ ажурнаго кружка съ камеей (головка распространеннаго типа изъ зеленоватаго агата); 2 въ

видѣ розетокъ съ подвѣшанными пирамидами изъ шариковъ; одна въ видѣ листика съ подвѣшаннымъ шарикомъ; одна въ видѣ массивнаго колечка съ утолщеніемъ съ одной и разрѣзомъ съ другой стороны; 13 въ видѣ полушарій изъ тонкой бляшки съ крючечкомъ и 9 проволочныхъ разной величины; 2 медальона, состоящіе изъ золотой оправы въ видѣ вѣночка и серебряныхъ римскихъ монетъ; буса продолговатой формы; 18 бляшекъ круглыхъ съ двумя дырочками для пришиванія; 4 подвѣски: одна въ видѣ полумѣсяца съ широкимъ ушкомъ; одна въ видѣ запаянной трубочки съ двумя ушками по концамъ, и 2 яйцевидной формы съ гладкими гранатами и ушкомъ; 25 индикацій, изъ коихъ замѣчательна одна, оттиснутая съ очень рѣдкой монеты босфорскаго царя Фарсанса (254—255) г.); 6 листовъ: одинъ длинный узкій съ съ крючечками по концамъ, отъ вѣнчика; 3 для покрытія рта и 2 ординарные для покрытія глазъ, замѣнявшіе двойной листикъ въ видѣ очковъ, нитки, быть можетъ, отъ кистей и 3 кусочка тонкаго листоваго золота (изъ урнъ).

Изъ *серебра:* 2 обруча полые, бывшіе на ногахъ; 4 браслета, изъ коихъ два дѣтскіе витые, несоразмѣрно массивные; 8 перстней: 2 съ рѣзными сердоликами (мужчина, стоящій передъ жертвенникомъ, и дельфинъ) и 6 гладкихъ; 2 бляхи круглыя отъ медальоновъ съ вытисненными изображеніями Афродиты и двухъ Эротовъ; булавка головная, украшенная рукой, держащей шарикъ, пряжка поясная большая, такъ называемаго готскаго типа съ вытисненнымъ равностороннимъ крестомъ; медальоны съ римской монетой; 3 серьги проволочныя; 3 привѣски: одна въ видѣ двухъ миніатюрныхъ ведерцевъ съ дужками и 2 изъ толстой проволоки, изогнутой особеннымъ, впервые встрѣчаемымъ способомъ, и 2 римскія монеты: Юліи Сёмисъ и Гордіана III. Изъ *бронзы:* фигурка сидящаго бородатаго мужчины съ несоразмѣрно большой головой, подпертой руками; головка львицы; 6 привѣсокъ, 3 въ видѣ рубчатыхъ медальоновъ, 2 въ видѣ трубочекъ съ двумя ушками по концамъ и одна въ видѣ сучковатаго колечка; игрушка, повидимому, волчекъ, пластинка круглая съ ушкомъ и крестомъ изъ точекъ; пуговка бубубенчикообразная; щипчики съ плоскими концами для выдергиванія волосъ (?); 2 иглы длинныя для вязанія сѣтей; 11 браслетовъ, изъ коихъ одинъ съ продѣтой бусой; 2 перстня безъ изображеній; 26 серегъ, изъ коихъ одна съ подвѣшеннымъ шарикомъ; 3 запонки въ видѣ гриба, 3 фибулы, изъ коихъ одна большая фигурная; 37 пряжекъ: 33 отъ поясовъ и 4 малыя отъ обуви; 3 ключа, изъ коихъ одинъ съ широкимъ кольцомъ для ношенія на пальцѣ; 2 колокольчика игрушечные и 115 монетъ: 56—Херсониса до-хри-

стіанскаго; 2—христіанскаго; 17—разныхъ греческихъ колоній и 40—поздне-римскихъ и византійскихъ императоровъ.

Изъ *желѣза:* стригилъ; 4 клинка отъ ножей, 5 колецъ отъ уздечки.

Изъ *свинца:* 17 трехпалыхъ кистей съ крючечками; свинецъ въ безформенномъ видѣ и знакъ вотивный круглый съ изображеніемъ букрана и головы Артемиды.

Изъ *мрамора:* 2 плиточки вставныя цѣльныя съ греческими именами; 4 обломка такихъ же плиточекъ съ частью греческихъ именъ; часть плиты съ двумя вырѣзанными человѣческими фигурами и началомъ византійской надписи; кусокъ гладкой плиты; осколокъ отъ большой статуи и обломокъ отъ статуи средней величины, изображающей голаго мускулистаго мужчину и вцѣпившуюся въ его грудь рысь.

Изъ *камня:* стэла надгробнія съ древнегреческой надписью; 4 поврежденныя стэлы безъ надписей, одна со слѣдами раскраски; 6 малыхъ надгробій въ видѣ портиковъ съ колонками и фронтономъ; 3 надгробія съ невѣроятно грубыми изображеніями бюстовъ; 33 малыя плитки съ углубленіями, отъ древнихъ надгробій; 35 остроконечныхъ украшеній, вертикально вставлявшихся въ эти плитки; фронтонъ отъ стэлы; карнизъ отъ надгробія; 2 куска дорическаго карниза; обломокъ круглой колонны; база большая круглая, 1 ар. 5 вер. въ діаметрѣ; крестъ надгробный съ византійской надписью; 2 креста надгробные безъ надписей; жерновъ отъ ручной мельницы; 4 камня метательные отъ катапультъ; 2 кремня отъ огнива; дощечка шиферная со скошенными съ одной стороны краями; перстень полуопаловый; сердоликъ изъ перстня съ вырѣзанной фигурой идущаго воина; 2 сердолика изъ перстней, гладкіе; 5 привѣсокъ въ видѣ амфорокъ; 2 изъ аметиста, 2 изъ сердолика и одна изъ горнаго хрусталя; привѣска изъ горнаго хрусталя въ видѣ пирамидки; 85 пронизей и бусъ: одна гранатовая; 66 сердоликовыхъ и халцедоновыхъ и 18 изъ горнаго хрусталя.

Изъ *глины:* 4 урны (не считая разбитыхъ): одноручная, двуручная, цилиндрической формы съ короткимъ горломъ и двумя малыми ручками и въ видѣ греческой остродонной амфоры; 10 древнегреческихъ чернолаковыхъ сосудиковъ; 5 чернолаковыхъ тарелокъ, изъ коихъ одна съ нацарапанными иниціалами ея владѣльца; 20 обломковъ отъ чернолаковой посуды; сосудъ краснолаковый въ видѣ лежащаго барана, сосудикъ съ одной ручкой, носикомъ и ситечкомъ въ широкомъ горлѣ; два миніатюрные одноручные сосудика; вазочка двуручная съ желтымъ плющевымъ вѣночкомъ; сосудикъ въ видѣ алавастра; сосудикъ одноручный съ носикомъ; сосудъ одноручный съ короткимъ горломъ красивой формы; 39 одноручныхъ кувшинчиковъ одного типа; кувшинчикъ одно-

ручный рубчатый; кувшинчикъ одноручный съ тремя греческими буквами, нацарапанными сбоку; 8 кувшинчиковъ безъ ручекъ; 63 одноручныя чашечки одного типа; 3 чашечки одноручныя съ малоразборчивой греческой надписью, сдѣланной желтой краской; чашечка съ двумя ручками; тоже съ нацарапанными сбоку изображеніями человѣческаго бюста съ нимбомъ вокругъ головы и двухъ высокихъ зданій, увѣнчанныхъ крестами; 3 чашечки безъ ручекъ; 21 мисочка одного типа; блюдо краснолаковое; тарелка краснолаковая; 2 блюдца; 6 блюдцевъ на высокой ножкѣ съ желтой поливой; пробка съ буквой N сверху; 3 чернолаковыя поврежденныя лампочки; 3 лампочки съ рельефными изображеніями и именами мастеровъ; 23 лампочки съ рельефными изображеніями; 135 лампочекъ безъ изображеній, изъ нихъ 19 малыхъ, невѣроятно грубаго исполненія; 8 ручекъ отъ амфоръ съ именами астиномовъ и фабрикантовъ и съ монограммами; 2 обломка отъ черепицъ съ именами астиномовъ; черепица большая съ именной печатью астинома; 4 черепицы безъ клеймъ, черепица узкая длинная желобообразная; 10 грузилъ отъ сѣтей въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ; пряслице; 2 пьедестала въ видѣ маленькихъ жертвенниковъ, 7 статуэтокъ и масокъ: статуэтка сидящей женщины съ лицомъ не-греческаго типа и съ высокой повязкой на головѣ; тоже крылатаго эрота съ пѣтухомъ; тоже нимфы, сидящей на дельфинѣ; маска молодого Діониса; тоже вакханки; тоже Пана (?) съ чубомъ и клинообразной бородой и тоже сатира съ всклокоченными волосами, вздернутымъ носомъ и раскрытымъ ртомъ.

Изъ *стекла:* 12 бальзамаріевъ: 4 съ плоскимъ, 4 съ круглымъ, а 2 съ заостреннымъ дномъ и 2 сплюснутые отъ дѣйствія огня; 7 флаконч иковъ миніатюрныхъ, $1^1/_4$—2″ высоты; флакончикъ пестраго стекла; тоже синяго стекла; 2 флакона большіе простой формы: флаконъ въ видѣ бутылки $10^1/_2$″ высоты; 2 флакона шаровидные съ короткимъ горломъ, изъ коихъ одинъ украшенъ двойными, вырѣзанными вглубь, кругами; блюдце 5″ въ діаметрѣ; браслетъ большой рубчатый; 2 перстня чернаго цвѣта съ головкой медузы (?) желтаго цвѣта, палочка $8^3/_4$″ длины изъ пестраго стекла съ плоскими кружками по концамъ; обломокъ такой-же палочки; 2 палочки витыя, утолщенныя съ одной и закругленныя кольцомъ съ другой стороны; 2 кружка, выпуклые съ одной стороны; стеклышко круглое изъ перстня; 19 пронизей отъ браслета въ видѣ разрѣзанныхъ пополамъ очищенныхъ апельсиновъ, съ двумя дырочками; привѣска въ видѣ амфорки и 569 пронизей и бусъ разнаго цвѣта и разной формы и величины.

Изъ *разноцвѣтной пасты,* 2 привѣски въ видѣ скарабея сѣраго цвѣта и въ видѣ гирьки съ ушкомъ чернаго цвѣта съ желтыми поло-

сками и 285 пронизей и бусъ разной формы и величины, одноцвѣтныхъ и съ разноцвѣтными полосками и глазками.

Изъ *гагата*: перстень (распался, пролежавъ на воздухѣ); 19 пронизей отъ браслета квадратной формы съ двумя дырочками; 16 тоже въ видѣ разрѣзанныхъ пополамъ очищенныхъ апельсиновъ, съ друмя дырочками и 17 бусъ разной формы и величины. Множество бусъ распались на воздухѣ, пролежавъ въ сырой землѣ катакомбъ.

Изъ *янтаря:* перстень красивой формы: привѣска въ видѣ лежащей собаки грубой работы; 25 привѣсокъ въ видѣ амфорокъ и 45 бусъ разной формы и величины. Много бусъ разрушены сырой землей катакомбъ.

Изъ *раковинъ*: буса перламутровая и привозная небольшая раковина съ дырочкой (дѣтская игрушка).

Изъ *кости* и *рога:* 3 ручки съ дырочками отъ игрушечныхъ колокольчиковъ; 3 коробочки точеныя; привѣска въ видѣ руки, показывающей дулю; тоже въ видѣ гермы; 3 пронизи въ видѣ трубочекъ и 11 астрагаловъ.

Изъ *дерева:* гробъ дубовый (?) сильно поврежденный; 2 доски отъ дѣтскаго гроба и гребень рѣдкій.

Изъ *кожи:* 5 поврежденныхъ подошвъ.

Кромѣ того: 8 скорлупокъ отъ мелкихъ каштановъ, 2 кусочка румянъ; остатки черныхъ короткихъ волосъ и 3 деформированные черепа.

На основаніи совмѣстнаго погребенія грековъ-христіанъ съ правильно развитыми головами съ лицами, практиковавшими деформированіе головы, возможно предложить, что послѣднія принадлежали варварскому племени, принявшему христіанство и жившему, повидимому, въ добромъ согласіи съ гражданами Херсонеса.

Оригинальныя небольшія надгробія изъ мѣстнаго камня, состоящія изъ двухъ частей: четырехугольной плитки съ выдолбленнымъ съ краю отверстіемъ и остроконечнаго украшенія, укрѣплявшагося въ вертикальномъ положеніи въ плиткѣ посредствомъ упомянутаго углубленія,—несомнѣнно, относятся къ древнегреческой эпохѣ, такъ какъ 19 горизонтальныхъ плитокъ съ углубленіями были употреблены, какъ строительный матеріалъ, на устройство трехъ гробницъ римской эпохи. Только въ этомъ году выяснилось назначеніе остроконечныхъ украшеній, такъ какъ ихъ найдено 35, а нижнихъ плитокъ,—тутъ-же по близости 33. Весьма интересно, что куски такихъ украшеній найдены Н. Ф. Романченко при разслѣдованіи мѣстности, гдѣ предполагается древняя Керкинитида. Къ этой же эпохѣ относятся также небольшія надгробія изъ мѣстнаго камня въ видѣ портиковъ съ колонками и съ фронтономъ. Такихъ над-

гробій найдено шесть. Въ двухъ изъ нихъ высѣчены внутри тѣ островерхнія украшенія, о которыхъ упомянуто выше и которыя долженствовали, повидимому, изображать человѣческіе бюсты. Сюда же слѣдуетъ, наконецъ, причислить высокія, узкія стэлы изъ мѣстнаго песчаника, украшенныя розетками и типичнымъ мечомъ, пропущеннымъ между лукомъ и тетивой и со слѣдами раскраски. Нѣкоторыя стэлы имѣютъ характерныя древне-греческія надписи, повидимому, IV в. до Р. Х., нѣкоторыя безъ надписей, а въ одной вставлена мраморная четырехугольная плиточка съ именами погребеннаго и его отца. Такихъ плиточекъ, выпавшихъ изъ надгробныхъ стэлъ, найдено въ этомъ году: 2 цѣльныя и 4 обломка. Обычай вставлять мраморныя плитки въ надгробія изъ дешеваго мѣстнаго песчаника былъ распространенъ въ Херсонесѣ въ греческую и римскую эпохи.

Большой, стеклянный, рубчатый браслетъ, найденный въ катакомбѣ, безъ слѣдовъ соединенія концовъ, подобно ранѣе найденнымъ въ гробницахъ херсонесскаго некрополя, относится къ римской эпохѣ и служитъ доказательствомъ, что стеклянные браслеты были извѣстны и до византійской эпохи, и что они тогда отличались болѣе старательной работой.

Въ золотомъ медальонѣ, найденномъ въ катакомбѣ, серебряная римская монета оправлена такъ, что бюстъ императора очутился головой внизъ. Найденный въ 1891 году золотой медальонъ съ монетой представлялъ то же самое явленіе. Такъ какъ изображенія на многихъ древнихъ монетахъ располагались такимъ образомъ, что монету необходимо было перевернуть не влѣво или вправо, какъ теперь, но вверхъ или внизъ, чтобы изображеніе оборотной стороны получилось въ правильномъ положеніи, то золотыхъ дѣлъ мастеръ, устраивая изъ такой монеты медальонъ, вынужденъ былъ отдавать предпочтеніе стоящей фигурѣ какого-либо божества,—въ нашемъ случаѣ Юпитера.

Въ позднеримскую эпоху излюбленной формой для пронизей и бусъ къ цѣннымъ браслетамъ и ожерельямъ и для характерныхъ подвѣсокъ къ золотымъ серьгамъ, такъ называемаго готскаго типа, былъ четырнадцатигранникъ. Этой формы пронизи и бусы встрѣчаются преимущественно изъ сердолика и темно-синяго стекла. Въ подвѣскахъ къ серьгамъ плоскости золотыхъ четырнадцатигранниковъ выложены пластинками восточнаго граната или заполнены эмалью.

Чрезвычайно важнымъ является цѣлый рядъ открытій, доказывающихъ, что жители Херсониса въ римскую и, наконецъ, въ византійскую эпохи пользовались для погребеній уже готовыми древне-греческими катакомбами. На разслѣдованномъ въ этомъ году небольшомъ

участкѣ обширнаго некрополя, расположеннаго у Карантинной бухты, явленіе это выступаетъ особенно рельефно. Но чтобы читатель могъ убѣдиться въ этомъ, ему необходимо или взглянуть на подробный планъ расположенія открытыхъ гробницъ, или лично провесть нѣкоторое время на мѣстѣ раскопокъ и тогда онъ самъ удостовѣрится, что вырубленныя въ скалѣ катакомбы и гробницы, по чисто топографическимъ и техническимъ условіямъ, относятся къ одной, а именно, къ древнегреческой эпохѣ, и что послѣдующія эпохи, римская и византійская, только пользовались ими, какъ удобными и цѣнными сооруженіями, при чемъ христіане, какъ видно изъ предыдущаго описанія раскопокъ, даже не очищали ихъ, а клали своихъ покойниковъ сверху слоя земли, проникшей въ катакомбу. *(Сообщилъ К. К. Косцюшко-Валюжиничъ).*

—— Въ раскопкахъ нынѣшняго года въ Херсонисѣ открыта христіанская базилика, при чемъ, подъ поломъ найденъ въ особой гробничкѣ небольшой серебряный ковчегъ съ частицей мощей пока неизвѣстнаго святого. Мощи торжественно перенесены въ соборъ св. Владиміра, а ковчегъ будетъ отправленъ завѣдующимъ раскопками въ Императорскую археологическую коммиссію съ просьбой въ свое время предоставить его монастырю. Ковчегъ имѣетъ форму извѣстной гробницы вел. князя Ярослава въ Кіевѣ. Крышка украшена четырьмя рельефными крестами, а низъ рельефными же изображеніями: Спасителя, Божьей Матери и шести фигуръ святыхъ. Раскопки продолжаются. (Нов. Вр., № 7630, 1897 г.).

—— Въ началѣ года коллекція азіатскаго музея Императорской Академіи Наукъ обогатилась важнымъ пріобрѣтеніемъ изъ наслѣдства скончавшагося профессора И. И. Березина, извѣстнаго своими трудами по востоковѣдѣнію и изданіемъ энциклопедическаго словаря. Въ числѣ восточныхъ рукописей и образцовъ разныхъ тюркскихъ нарѣчій, которыми маститый ученый пользовался для составленія своей турецкой хрестоматіи, главное мѣсто принадлежитъ единственному до сихъ поръ экземпляру „Наставленій Бабура“—религіозно-нравственной поэмы великаго завоевателя. Сверхъ того, вдова оріенталиста, О. А. Березина, принесла въ даръ музею нѣсколько рукописныхъ трудовъ его, а именно: часть дневника, записаннаго во время путешествія на Востокъ, куда молодой магистръ въ 1841 — 42 гг. былъ командированъ Императорскимъ Казанскимъ университетомъ. Къ дневнику относятся двѣ папки съ собственноручными рисунками, представляющими памятники, надписи и типы пройденныхъ имъ странъ. Вмѣстѣ съ дневникомъ переданъ академіи переводъ нѣсколькихъ главъ изъ исторіи монголовъ Ра-

шидеддина, составляющій дополненіе къ многотомному труду профессора, отпечатанному въ трудахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. (Нов. Вр., № 7568, 1897 г.).

—— Въ Императорскую публичную библіотеку поступаетъ, согласно завѣщанію умершаго въ 1894 г. настоятеля русской православной миссіи въ Іерусалимѣ архимандрита Антонина, обширное и цѣнное собраніе рукописей, преимущественно греческихъ, составленное покойнымъ во время его продолжительнаго служенія въ Палестинѣ и ранѣе въ Константинополѣ; а составленная тѣмъ же дѣятелемъ коллекція палестинскихъ древностей остается при нашей миссіи въ Палестинѣ. (Нов. Вр., № 7559, 1897 г.).

—— Костромская ученая архивная коммиссія, помимо изученія различныхъ мѣстныхъ архивовъ, положила основаніе мѣстному музею древностей и ассигнуетъ ежегодно небольшія средства для производства раскопокъ кургановъ, городищъ и для пріобрѣтенія старинныхъ вещей. Членъ этой коммиссіи Н. М. Бекаревичъ указываетъ въ № 17 сего года Костромскихъ губернскихъ вѣдомостей на нѣкоторые памятники старины, заслуживающіе изслѣдованія. Всѣ упоминаемые ниже памятники находятся въ Костромской губерніи. При поѣздкѣ въ Гридинскую и Пушкинскую волость, Н. М. Бекаревичъ обратилъ вниманіе и сфотографировалъ долину р. Покиси, по которой разсѣяны группы кургановъ, древнюю церковь въ сельцѣ Мануйловѣ и городище близъ с. Минскаго. Въ церкви при с. Куликовѣ находится старинный рѣзной образъ Николая чудотворца, а въ церкви села Мануйлова старинное изображеніе Страшнаго Суда, очень цѣнимое старообрядцами, большое рѣзное Распятіе и сѣнь надъ престоломъ. Близъ с. Черной Заводи изслѣдователь осмотрѣлъ мѣстность, гдѣ нѣкогда былъ Артемовскій монастырь и нашелъ тамъ известняковыя плиты съ надписями. Въ церкви при селѣ Черная Заводь особенный интересъ возбуждаютъ двѣ иконы древняго письма: Николая чудотворца и Нерукотвореннаго образа, по преданію перенесенныя изъ Артемовскаго монастыря. Въ Ильинской волости г. Бекаревичъ замѣтилъ группы кургановъ. Онъ упоминаетъ также о Шихордѣ-горѣ, Костромского уѣзда, Семеновской волости, гдѣ лежитъ огромный камень съ отверстіями, внушающій суевѣрный ужасъ крестьянамъ; о Волотовой горѣ при с. Сельцѣ, Шунгенской волости на р. Костромѣ, гдѣ находили много каменныхъ орудій; объ Егорьевѣ горѣ близъ гор. Нерехты, гдѣ водой вымыты были человѣческіе черепа, а также даны указанія на нѣкоторыя мѣстности, имѣющія названія „городокъ“, „городище“ и пр.

—— По иниціативѣ слушателя института, члена судебной палаты

А. А. Папкова, археологическій институтъ въ скоромъ времени приступаетъ къ описанію и изданію древнихъ рукописей и документовъ, хранящихся въ его музеѣ. Работы эти будутъ производиться слушателями института подъ руководствомъ и редакціей профессоровъ. (СПб. Вѣд., № 73, 1897 г.).

—— Проникшій въ печать слухъ о томъ, что при здѣшнемъ археологическомъ институтѣ возникаетъ особый кружокъ архивистовъ, оказывается не вѣрнымъ. На послѣднемъ засѣданіи совѣта института дѣйствительно разсматривался проектъ основанія этого кружка, представленный графомъ Н. С. Ланскимъ, но большинствомъ былъ отклоненъ. (СПб. Вѣд., № 73, 1897 г.).

—— Такъ называемыя *Дрогичинскія пломбы*, считавшіяся до сихъ поръ единственными въ этомъ родѣ остатками старины, не представляются въ настоящее время таковыми, послѣ того какъ подобныя находки стали попадаться и въ другихъ мѣстахъ. Въ прошломъ году, по сообщенію газ. „Kraj“ (1896 г., №№ 39 и 41), такого же рода знаки въ количествѣ 37 найдены были на берегу р. Виліи, въ Любовѣ, имѣніи генер. В. Слизня, въ 18 верстахъ отъ Вильны. Обѣ стороны пломбъ покрыты разными рисунками и буквами славянскими, отчасти латинскими. Рисунки представляются то въ видѣ ломанныхъ линій, то въ формѣ геометрическихъ фигуръ, крестовъ, звѣздъ; попадаются также изображенія лицъ и гербы старыхъ городовъ Силезіи, Познани. Интересно, что и эта находка относится къ области Старой Литвы, гдѣ впервые литовскій археологъ гр. Конст. Тышкевичъ обратилъ вниманіе на эти остатки древности. Очевидно, что если принимать эти знаки за торговыя пломбы, то мѣста нахожденія ихъ указываютъ на складочные пункты товаровъ, шедшихъ съ запада, а также на торговые пути. Такими торговыми путями, несомнѣнно, служили между прочимъ и рѣки Нѣманъ, Бугъ, Вилія, можетъ быть, еще въ періодъ существованія норманновъ, а впослѣдствіи — при Ганзейскомъ союзѣ. Всѣ историческіе факты, относящіеся къ выясненію вопроса о торговыхъ сношеніяхъ древней Литвы съ западомъ, собраны гр. К. Тышкевичемъ въ его солидномъ и рѣдкомъ трудѣ: „Вилія и ея берега въ отношеніяхъ гидрографическомъ, историческомъ, археологическомъ и этнографическомъ“ (*Konstanty hr. Tyszkiewicz*: „Wilija i jej brzegi etc Wydanie illustrowane“. Drezno. 1871. 4°, 362 стр.). Въ этомъ посмертномъ роскошномъ изданіи вопросу о торговлѣ посвящена отдѣльная глава (IV, стр. 46—63), которая, можетъ быть, окажется небезполезной при объясненіи какъ Любовскихъ, такъ и Дрогичинскихъ пломбъ. Вновь найденныя Любовскія пломбы любезно предоставлены гг.

Слизнемъ и Морачевскимъ для изслѣдованія кіевскому археологу г. Болсуновскому, издавшему Дрогичинскія пломбы нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ видѣ альбома фототипій, благодаря чему онѣ сдѣлались болѣе доступны для изслѣдователей. Можно пожелать, чтобы такое же счастіе выпало и на долю Любовскихъ пломбъ, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя представляютъ собою новые образцы, а таковые, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, между ними находятся. *(Сообщ. Н. А. Янчукъ).*

—— Въ „С.-Петерб. Вѣд.“ (№ 91, 1897 г.) сообщаютъ, что недавно коммиссія по изысканію источниковъ для водоснабженія г. Ялты отправилась искать наиболѣе подходящій источникъ. Въ составѣ коммиссіи были: городской техникъ, инженеръ-технологъ М. Ю. Бѣлявскій и городской санитарный врачъ П. П. Розановъ. Кромѣ того, въ экскурсіи принимали участіе: гостящій въ Ялтѣ нижегородскій городской голова г. Меморскій, ветеринарный врачъ г. Томашевскій и мѣстный педагогъ г. Васильевскій. Названныя лица прибыли на горную рѣчку Яузларъ, берущую начало на склонахъ горнаго хребта Яйлы, недалеко отъ водопада Учанъ-Су. Здѣсь на высотѣ около 2,000 футовъ надъ уровнемъ моря, они, согласно указаніямъ г. Бѣлявскаго, занялись изслѣдованіемъ яузларской воды. Въ это время отдѣлившійся отъ другихъ г. Меморскій заинтересовался мозаичными глыбами, на которыя указалъ ему раньше г. Бѣлявскій, какъ на очевидные конгломераты, крайне напоминающіе своимъ строеніемъ современные массивы. Увлекшись разсмотрѣніемъ мозаики, г. Меморскій пошелъ дальше и попалъ на мѣсто, гдѣ оказался рядъ камней, изумившихъ его цѣлесообразностью своего раположенія: на протяженіи 10 саж. была видна кривая стѣна, представлявшая собою какъ бы остатокъ бассейна, пощаженнаго временемъ. Г. Меморскій отправился къ своимъ спутникамъ, и всѣ названныя выше лица занялись осмотромъ любопытной мѣстности. При внимательномъ осмотрѣ исчезало всякое сомнѣніе въ слѣдахъ искусственной обработки каменныхъ глыбъ и въ томъ, что остатки массивовъ представляютъ собою ни что иное, какъ остатки древнихъ сооруженій. Въ одномъ мѣстѣ были открыты ясные слѣды резервуара или вмѣстилища для какого-нибудь гидравлическаго двигателя. Мѣстами была найдена какъ бы штукатурка; было видно, что неровности камня тщательно задѣлывались. Надъ слѣдами водоема возвышается грозная отвѣсная скала, и на высотѣ болѣе $2^1/_2$ тыс. футовъ надъ уровнемъ моря существуютъ ясно сохранившіяся развалины древней крѣпости. Невдалекѣ отъ найденнаго существуютъ остатки какого-то столь же древняго жилища. Въ послѣднемъ мѣстѣ гг. Бѣлявскимъ, Васильевскимъ

и нѣк. другими предположено произвести рядъ небольшихъ раскопокъ. Г. Меморскій распорядился, чтобы отъ найденныхъ массивовъ былъ отбитъ кусокъ, и этотъ „кусокъ“ (вѣсомъ болѣе 3 пудовъ) отправленъ имъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ г. Меморскій устраиваетъ въ настоящее время музей.

—— По газетнымъ извѣстіямъ (см. С.-П. Вѣд. № 107, 1897 г.) въ Новочеркасскѣ строится Музей, для котораго приготовлены коллекціи мѣстныхъ древностей—скиѳскихъ, хозарскихъ, съ городищъ Саркела, Танаиды, Азова и проч. Собираніемъ древностей занимается много лѣтъ любитель донской старины Х. Н. П., по иниціативѣ котораго и сооружается зданіе для музея.

—— Назначенный въ апрѣлѣ текущаго года археологическій конгрессъ въ Аѳинахъ по случаю 50-лѣтія существованія въ Аѳинахъ французской археологической школы—переносится на сентябрь. (СПб. Вѣд., № 63, 1897 г.).

—— Г. Ал. Савельевъ, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1897 г. (стр. 1,077) помѣстилъ статью „О древнемъ значеніи креста, въ эпоху до христіанства“. На основаніи приводимыхъ имъ памятниковъ видно, что изображеніе креста играло и до христіанства большую роль въ символикѣ у различныхъ народовъ: изображеніе встрѣчается и на финикійскихъ памятникахъ, египетскихъ, ассирійскихъ и этрусскихъ, а также чешскихъ, мерянскихъ и т. д. Изображеніе креста лежитъ въ основѣ еврейской буквы „тау“, имѣвшую символическое значеніе, обозначавшую ту силу, которая охраняетъ человѣка отъ ангела истребителя; буква „тау“ у финикійцевъ была также символомъ божества „Таутъ“.

—— Профессоръ О. Монтеліусъ прочелъ въ Гельсингфорсѣ лекцію, которая заслуживаетъ нѣкотораго вниманія по конечному своему выводу. До сихъ поръ считали, что первое появленіе шведовъ въ Финляндіи слѣдуетъ отнести ко времени крестоваго похода Эрика IX Св., т. е. къ 1157 году; такъ, по крайней мѣрѣ, говорила хроника этого короля миссіонера, крестившаго финновъ. Финскіе изслѣдователи отнесли появленіе шведовъ къ 700 годамъ послѣ Р. Х., но новое разслѣдованіе вопроса убѣдило г. Монтеліуса въ томъ, что шведы задолго до Эрика Св. вступили на финскую землю. Но когда именно? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, профессоръ предпринялъ продолжительную экскурсію въ даль временъ, причемъ переступилъ даже порогъ христіанской эры. Послѣдовательно углубляясь въ сѣдую старину, г. Монтеліусъ не миновалъ прежняго сѣверо-восточнаго торговаго пути и убѣдился, что этотъ путь шелъ отъ Волги къ Новгороду, по Волхову, че-

резъ Ладогу къ скандинавскимъ землямъ. Торговля того времени требовала, чтобы купцы селились въ той мѣстности, гдѣ производили свои операціи. Около Ладоги и внутри Финляндіи отыскались могилы викинговъ. Затѣмъ ученый прослѣдилъ шведскія миѳологическія названія, которыя вновь завели его внутрь финскаго края. Въ могилахъ и курганахъ Финляндіи сохранились оружія и украшенія скандинавскаго происхожденія; нѣкоторыя изъ найденныхъ вещей оказались современными желѣзнаго и бронзоваго періода Швеціи и, наконецъ, было установлено, что покойники сжигались, чего не дѣлали финны. Рядъ подобныхъ фактовъ далъ основаніе профессору Монтеліусу заявить, что шведы стали селиться въ Финляндіи и брататься съ финнами за 2,000 лѣтъ до Р. Х. (Нов. Вр., № 7577, 1897 г.).

—— Въ „Рижскій Вѣстникъ“ сообщаютъ изъ Петербурга, что поставленный на очередь послѣднимъ археологическимъ съѣздомъ вопросъ о приведеніи въ порядокъ правительственныхъ архивовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ составляетъ въ настоящее время предметъ переписки между министерствами внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и военныхъ. Генералъ-адъютантъ Ванновскій, въ интересахъ обезпеченія возможности разработки собственно военной исторіи, возбудилъ вопросъ о передачѣ архиву главнаго штаба, по выбору военно-ученаго комитета его, тѣхъ матеріаловъ изъ рижскаго генералъ-губернаторскаго и курляндскаго герцогскаго архивовъ, которые преставляютъ военный интересъ, при чемъ указалъ на обиліе въ послѣднемъ матеріаловъ по исторіи Сѣверной войны. Съ другой стороны, министръ юстиціи обратилъ вниманіе на сохранившіеся документы изъ дѣятельности герцогскихъ герихтовъ, обнимающіе эпоху въ два-три столѣтія и составляющіе и въ количественномъ отношеніи громадную массу бумагъ. Такъ какъ этотъ матеріалъ не представляетъ какого-либо интереса для русской науки, то министръ юстиціи разрѣшилъ передать его цѣликомъ курляндскому дворянству.

—— Въ воронежскомъ губернскомъ музеѣ открыта выставка гравюръ религіознаго содержанія, древнихъ иконъ, складней, крестовъ и т. п. предметовъ. Кромѣ музея, въ выставкѣ этой принимаютъ участіе мѣстные любители старины М. П. Паренаго, П. Г. Бѣляевъ, Н. А. Каленовъ и др. Г. Паренаго выставилъ коллекцію гравюръ XV—XVIII вв. лучшихъ художниковъ (А. Дюрера, Л. Кранаха, П. Рембрандта и др.) школъ итальянской, фламандской, голландской, нѣмецкой, англійской, французской, испанской и русской (до 200 нумеровъ). Цѣнная и весьма разнообразная коллекція гравюръ М. П. Паренаго была въ свое время удостоена Высочайшаго вниманія въ Бозѣ

почившаго Государя Императора Александра III. Въ ряду выставленныхъ иконъ находятся образцы иконнаго письма—новгородскаго, московскаго, строгановскаго, фряжскаго, а также иконы второй половины прошлаго и начала текущаго столѣтій. Суздальское иконное письмо представлено въ иконахъ палехскихъ и холуйскихъ. Такимъ образомъ, воронежская выставка, съ одной стороны, знакомитъ посѣтителей съ разработкой священныхъ сюжетовъ въ гравюрѣ на западѣ отъ древнѣйшихъ временъ и до текущаго столѣтія, а съ другой—представляетъ въ иконахъ цѣлую исторію русской иконописи за то же время.

Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ дни священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ музеѣ устроена была выставка предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ коронаціи русскихъ государей, а 6 ноября, въ виду исполнившагося тогда столѣтія со дня кончины императрицы Екатерины II, выставлены были памятники екатерининской эпохи—рескрипты, письма, бархатныя книги и другіе документы, монеты, медали, гравюры, изданія. (Нов. Вр. № 7587).

—— Калькуттская газета „Pioneer“, а за нею „Revue Encyclopedique“, отъ 6 февраля, сообщаютъ, что въ Манзѣ-Нигливѣ и Мануѣ Падеріи, гдѣ находится много буддистскихъ развалинъ и монолитовъ, произведены, по распоряженію мѣстныхъ властей, англійскими чиновниками раскопки. При этомъ на глубинѣ $3^1/_2$ метровъ нашли на одномъ изъ монолитовъ надпись, гласящую, что этотъ монолитъ воздвигнутъ царемъ Пейадоси на томъ мѣстѣ, гдѣ родился Будда.

—— Въ январской книжкѣ „Deutsche Rundschau“ помѣщена статья Фрица Шеля о празднествахъ, совершавшихся въ Римѣ въ началѣ каждаго столѣтія. Свѣдѣнія объ этихъ празднествахъ найдены на мраморныхъ плитахъ, открытыхъ при недавней регуляризаціи теченія Тибра. (Истор. Вѣстн., Мартъ 1897 г.)

V.

Засѣданія Обществъ.

4-го марта 1897 года состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками выступили Х. М. Лопаревъ „Алексѣй Комненъ на Руси и въ Сициліи“ и А. А. Спицынъ „Коллективныя могилы Минусинскаго округа“. Х. М. Лопаревъ остановилъ свое вниманіе на краткой записи въ Новгородской лѣтописи подъ 1186 годомъ о пріѣздѣ въ Великій Новгородъ „царя греческаго Алексѣя Мануиловича“. Какъ выясняетъ

сопоставленіе этого извѣстія съ сообщеніями византійскаго историка Никиты Хоніата, жившаго въ началѣ XIII в., событіе, которое въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду нашимъ лѣтописцемъ, передано неточно и датировано не вѣрно. Послѣ смерти императора Мануила въ Новгородъ дѣйствительно пріѣзжалъ двоюродный внукъ этого императора Алексѣй Комненъ, облыжно называвшій себя сыномъ императора Мануила. У „господина Великаго Новгорода“ искатель византійскаго престола просилъ поддержки деньгами и войскомъ. Обманувшись здѣсь въ своихъ разсчетахъ, Алексѣй Комненъ обратился въ Сицилію. Вильгельмъ II пошелъ съ нимъ на Византію, но въ томъ же 1185 г. Алексѣй Комненъ былъ схваченъ и ослѣпленъ.

А. А. Спицынъ говорилъ о коллективныхъ погребеніяхъ, обнаруженныхъ при раскопкѣ кургановъ Минусинскаго края, трудами гг. Клеменца, Проскурякова и Адріанова, а также Аспелина и Радлова. Разбирая описанія открытыхъ въ данной мѣстности могилъ съ многими костяками мужскими и дѣтскими, докладчикъ усматриваетъ въ такихъ могилахъ родовое или юртовое кладбище. Могилы эти представляютъ большія четыреугольныя ямы, укрѣпленныя срубомъ съ накатомъ изъ бревенъ сверху. Все это носитъ на себѣ слѣды здѣсь же производившагося трупосожженія. Докладчикъ сопоставляетъ такія общія могилы на верховьяхъ Енисея съ русскими божедомками, которыя еще въ прошломъ столѣтіи всегда были въ нашихъ деревняхъ, для помѣщенія въ нихъ труповъ утопленниковъ или найденными убитыми, а во время эпидемій въ такихъ божедомкахъ складывались трупы до общаго погребенія. Сдѣлать, однако, какія-либо рѣшительныя обобщенія докладчикъ считаетъ преждевременнымъ въ виду недостаточности еще разработаннаго въ данномъ направленіи матеріала.

Въ томъ же засѣданіи заслушанъ былъ рядъ мелкихъ сообщеній: о матеріалахъ для русской исторіи въ послѣднемъ выпускѣ изданія: Quartalnik historicny (сообщ. С. Л. Пташицкаго), о химическихъ анализахъ древностей производимыхъ г. Сабанѣевымъ, о находкѣ складного ножа въ могильникѣ XVI в. (сообщ. Н. И. Веселовскаго), о географическомъ распредѣленіи древностей, добываемыхъ раскопками, по всей территоріи Россіи (сообщ. А. А. Спицына, представившаго на этотъ разъ обозрѣніе Тверской губ.). (Нов. Вр., № 7552, 1897 г.).

18-го марта, 1897 г. состоялось годовое общее собраніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича. Передъ началомъ занятій собранія августѣйшій предсѣдатель Общества, отъ имени Общества, поднесъ помощнику предсѣдателя, А. Ѳ. Бычкову, экземпляръ серебряной медали, выбитой въ память пятидесятилѣтія Общества. Разсмотрѣнію общаго собранія подлежали: отчеты о дѣятельности Общества за 1896 г., представленные секретаремъ, казначеемъ и ревизіонной коммиссіей; избраніе помощника предсѣдателя, казначея, библіотекаря и хранителя

музея, и присужденіе медалей Общества. Отчеты собраніемъ утверждены, избраны вновь единогласно и безъ баллотировки: помощникомъ предсѣдателя А. Ѳ. Бычковъ, казначеемъ—А. К. Марковъ, библіотекаремъ А. Н. Щукаревъ и хранителемъ музея В. Г. Бокъ. Присуждены медали Общества: золотая—М. В. Никольскому за его сочиненіе: „клинообразныя надписи Закавказья", согласно отзыву П. А. Тураева, и серебряныя: В. Т. Георгіевскому за сочиненіе: „Флорищева Пустынь" (отзывъ Н. В. Покровскаго) и о. Іоанну за сочиненіе: „Обрядъ византійскаго двора, какъ церковно-археологическій источникъ" (отзывъ Б. М. Меліоранскаго). Въ томъ же засѣданіи Е. Ф. Шмурло прочелъ рефератъ, посвященный памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Докладчикъ остановился на уясненіи той воспитательной обстановки, въ которой сложились и развились научные взгляды, литературные вкусы и и убѣжденія скончавшагося нашего историка, и затѣмъ далъ характеристику его воззрѣній на русскую исторію, опредѣлилъ мѣсто, занимаемое имъ въ русской исторіографіи, а равно его отношенія къ западникамъ и славянофиламъ. Ученая дѣятельность Бестужева, по мнѣнію докладчика, дала цѣнный и прочный вкладъ въ науку, и если это не была звѣзда первой величины, то все же она горѣла ярко и полнымъ блескомъ, а въ нашемъ научномъ созвѣздіи такія звѣзды на-перечетъ. (Нов. Вр., № 7568, 1897 г.).

Въ засѣданіи 7-го марта, 1897 г. Императорскаго Общества любителей древней письменности, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева, по прочтеніи г. секретаремъ краткаго некролога скончавшагося недавно члена Общества А. С. Князева, были сдѣланы слѣдующія сообщенія.

Профессоръ А. И. Соболевскій остановился на двухъ памятникахъ древне русской переводной литературы — сказаніи о Иверской (грузинской) царицѣ Динарѣ и девяти главахъ изъ „Книги Эсфирь". Въ числѣ древнихъ рукописей, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ, часть мы можемъ отнести къ переводамъ, сдѣланнымъ на славянскомъ югѣ въ XV—XVI в. Другая часть—должна считаться переведенной уже въ Россіи, на что указываютъ не столько фонетическія и морфологическія особенности языка переводовъ, сколько ихъ словарный матеріалъ. Изслѣдуя въ этомъ отношеніи повѣсть о Динарѣ, встрѣчающуюся въ спискахъ начала 17-го вѣка, но восходящую къ концу 16-го, референтъ отмѣтилъ рѣдкіе архаизмы языка ея, не встрѣчающіеся въ другихъ памятникамъ слова, и на основаніи словъ спеціально русскихъ пришелъ къ заключенію, что повѣсть эта переведена въ Россіи. Что это не оригиналъ, а переводъ — въ этомъ убѣждаютъ насъ многочисленные грецизмы; сверхъ того, данныя языка и стиля заставляютъ насъ предполагать оригиналъ стихотворный, написанный ямбомъ, со многими риторическими украшеніями, сложными словами въ стилѣ поздне-византійскомъ, напр., властодерство, звѣролюбство, женогрежство и т. п. Переводъ сдѣланъ порою слишкомъ близко буквѣ оригинала и потому въ иныхъ мѣстахъ неясенъ. Остается теперь заняться спеціалистамъ—византинистамъ источ-

никомъ того стихотворенія, къ которому восходитъ русская „повѣсть о Динарѣ".

Вторая замѣтка проф. А. И. Соболевскаго касались „Книги Эсфирь" въ древне-славянскомъ переводѣ. Извѣстенъ переводъ всего 9 главъ, именно тѣхъ, которыя находятся въ еврейскомъ, дошедшемъ до насъ текстѣ; прочихъ же, извѣстныхъ по греческимъ переводамъ—въ славянскихъ нѣтъ. Горскій и Невоструевъ признали славянскій переводъ этихъ 9 главъ не древнимъ и сдѣланнымъ прямо съ еврейскаго. Вслѣдъ за ними и другіе ученые повторяли то же и считали переводъ этотъ сдѣланнымъ въ XVI в. Ѳеодоромъ-евреемъ. Было забыто замѣчаніе Востокова, что переводъ этотъ относится по языку къ глубокой древности. Сверхъ того—найденъ текстъ этихъ 9 главъ въ спискѣ XV в. Наконецъ, изслѣдованіе языка, сдѣланное референтомъ, подтвердило догадку Востокова и опровергло голословныя предположенія, повторявшіяся доселѣ.

Въ пользу древности говорятъ рѣдкіе въ другихъ памятникахъ архаизмы: на-конихъ, десятьма; нечленныя формы прилагательныхъ во всѣхъ падежахъ, правильное употребленіе plusquamperfect'a, сослагательнаго наклоненія и описательныхъ формъ, супина. То же и въ отношеніи синтаксиса и словаря. Послѣдній указываетъ отчасти и на мѣсто перевода этого памятника—это Западная Русь (абы, охвота, борздый и др.). На вопросъ, съ какого языка былъ сдѣланъ переводъ—отвѣчаетъ языкъ: нигдѣ не встрѣчается въ именахъ буква *ш*, *щ*, *ъ*, столь обычныя въ непосредственныхъ переводахъ съ еврейскаго; вездѣ господствуетъ византійское правописаніе, имена передаются въ греческой формѣ, да еще и ошибочно: писецъ или переводчикъ кое-гдѣ принялъ винительный падежъ греческаго языка на—нъ за именительный и такъ перенесъ слово въ переводъ. Безо всякаго сомнѣнія переводъ сдѣланъ съ греческаго, съ одного изъ текстовъ, существовавшихъ независимо отъ признаннаго текста 70 толковниковъ. Къ числу такихъ же памятниковъ, переведенныхъ въ Россіи, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, принадлежатъ Пандекты Никона Черногорца, уставъ Студійскій, Житіе Андрея Юродиваго, Варлаама и Іоасафа, исторія Іосифа Флавія, Уваровскій списокъ „Физіолога" и нѣкоторые другіе".

Х. М. Лопаревъ сообщилъ о результатахъ своихъ розысканій о, такъ называемомъ, русскомъ поломникѣ Леонтіи, упоминаемомъ Антоніемъ Новгородскимъ, бывшимъ въ Константинополѣ и Св. Землѣ въ XII в. Объ этомъ Леонтіи читаемъ, что въ ц. Георгія лежитъ тѣло „попа русина" Леонтія, великаго человѣка, путешествовавшаго три раза въ Палестину. Отсюда всѣ историки заключали о существованіи такого паломника. Г. Лопаревъ, заподозривъ, что здѣсь произошла ошибка по разсѣянности писца, и что вмѣсто „поп русинъ", слѣдуетъ читать въ рукописи „поп Прусинъ", попытался провѣрить свой домыслъ и, при полномъ отсутствіи какихъ-либо другихъ извѣстій о русскомъ попѣ Леонтіи-паломникѣ, натолкнулся на житіе греческаго святого Леонтія, въ мірѣ—Петра, по описанію очень схожаго съ

названнымъ выше Леонтіемъ русиномъ, но происходившимъ изъ греческаго города Бруссы или Пруссы, т. е. въ русской передачѣ—прусинъ. Нѣкоторыя замѣчанія о невозможности такого перехода прозвища греческаго именно въ такую русскую форму были сдѣланы А. И. Соболевскимъ, А. Ѳ. Бычковымъ и А. И. Кирпичниковымъ. Несмотря на соблазнительность вывода, сдѣланнаго референтомъ, трудно съ нимъ согласиться еще и потому, что рукописное чтеніе вездѣ даетъ „русина", а о прусинѣ нигдѣ не упоминается, кромѣ указаннаго житія. Сверхъ того, „русинъ"—путешествовалъ въ Палестину трижды,—и болѣе ничего неизвѣстно о немъ, тогда какъ о „Прусинѣ Леонтіи" даже краткая „память" сохранила рядъ біографическихъ фактовъ; да и врядъ ли греки-византійцы стали бы такъ хранить и показывать всѣмъ и прославлять мощи русскаго паломника, которыхъ было всегда немало и которыхъ не особенно долюбливали и въ Греціи, и въ Палестинѣ, смотря на нихъ лишь какъ на источникъ вѣрнаго дохода (Новости, № 69, 1897 г.).

Въ засѣданіи Туркестанскаго Кружка Любителей Археологіи въ Ташкентѣ 11-го декабря 1896 г. И. В. Аничковъ сдѣлалъ сообщеніе о результатахъ своей поѣздки изъ г. Ауліеата для осмотра каменныхъ бабъ въ предгоріяхъ Александровскаго хребта въ окрестностяхъ Мерке. Осмотрѣнныя каменныя бабы сдѣланы изъ краснаго камня; размѣры ихъ не превышаютъ средняго роста человѣка (большинство меньшихъ размѣровъ); часть представляетъ мужчинъ, часть женщинъ; всѣ онѣ держатъ въ рукахъ предметъ, напоминающій сосудъ; на нѣкоторыхъ изображенъ высокій заостренный головной уборъ. Бабы были вкопаны въ землю, около каменныхъ грудъ, служившихъ, вѣроятно, для погребенія лицъ, черты которыхъ повидимому старались сохранить при изготовленіи бабъ, такъ какъ несмотря на грубость работы, каждая изъ нихъ имѣетъ и индивидульныя черты. Референтъ на основаніи свѣдѣній о погребальныхъ обрядахъ у древнихъ и современныхъ тюрковъ склоненъ приписывать послѣднимъ указанные могильныя памятники. Отсутствіе раскопокъ не дало возможности опредѣлить время происхожденія этихъ могилъ и каменныхъ бабъ. В. А. Каллаура прочелъ докладъ, касающійся осмотра и снятія имъ снимковъ съ древняго камня съ надписями въ долинѣ р. Таласа, недалеко отъ с. Дмитріевскаго; референтъ помѣтилъ, что большинство буквъ скопированной имъ надписи схожи съ орхонскими, хотя есть буквы въ надписи на камнѣ, которыхъ нѣтъ у Томсена, и обратно. Кромѣ того г. Каллаура были осмотрѣны еще нѣсколько камней, остатки древней крѣпости Чалдаларъ и пр. Далѣе прочитано сообщеніе В. Н. Панькова объ осмотрѣнныхъ имъ пещерахъ въ Ауліеатинскомъ у., причемъ имъ были сняты знаки, вырѣзанные въ одномъ изъ мѣстъ пещеры. Въ этомъ же засѣданіи были доложены нѣкоторыя свѣдѣнія о курганахъ, между прочимъ о встрѣчаемыхъ около Бухары, съ ходами въ нижней части ихъ, которые около наружныхъ сторонъ холма имѣютъ видъ узкой галлереи, а внутри расширяются до размѣровъ небольшихъ помѣщеній; кромѣ того былъ демон-

стрированъ круглый глиняный предметъ, похожій на столъ, найденный при производствѣ земляныхъ работъ въ голодной степи, при костякѣ; предметъ этотъ имѣетъ большое сходство съ хранящимся въ Ташкентскомъ музеѣ изъ Мамаевки, Чекментскаго у. Назначенія ихъ не опредѣлены. Г. Терентьевъ, основываясь на томъ, что фигуры, украшающія эти предметы, вытиснены не на гладкой поверхности, а на внутренней сторонѣ, на которой выступаютъ по 3 ножки съ вдавленными на нихъ углубленіями, какъ бы для пальцевъ руки, высказалъ предположеніе, что эти „глиняные столы“ служили для растиранія красокъ, причемъ „ножки“ слѣдуетъ признать за рукояти. По мнѣнію другихъ, эти предметы могли служить для раскатыванья тѣста или употреблялись въ качествѣ столовъ.

VI.

Библіографія.

Bibliografia historyi polskiej. Wspólnie z dr. Henrskiem Sawczynskim i czlonkami Kólka histor. uczniów univers. Lwow. Zebral: ulozyl dr. Finkel. Cz. II. seszyt II. W Krak., 1896.

Какъ извѣстно, д-ръ Финкель еще въ 1891 г. выпустилъ первую часть своего труда по библіографіи польской исторіи. Въ прошломъ году вышло продолженіе этого труда—второй выпускъ второй части. Этотъ выпускъ заключаетъ въ себѣ библіографію по исторіи религій церквей, права и хозяйства (государственнаго и частнаго). Библіографія по исторіи церкви заключаетъ въ себѣ слѣдующія рубрики: исторію католической церкви въ Польшѣ (іезуиты, братства, проповѣдь), исторію православной и уніатской церквей, армянской, исторію сектантства и пр. Исторія права и хозяйства раздѣлены на слѣдующія рубрики: библіографію и энциклопедію права, источники, обычное право, литература по исторіи права, государственное право, администрація, финансы, войско, процессъ, общественный строй, крестьянство, города. Вообще, рубрики выбраны такъ удачно, что найти тотъ или другой отдѣлъ сочиненій весьма легко. При этомъ, не только вполнѣ точно указывается вся литература того или иного вопроса, но также приведены и важнѣйшіе законодательные памятники (напр., перечень сеймовыхъ конституцій и проч.), хотя источникамъ, въ иной комбинаціи, была посвящена первая часть „Библіографіи“. Напомнимъ, что разбираемая книга охватываетъ не только собственно польскую литературу, но и русскую и зап. европейск., касающуюся Польши; издатели вводятъ также цѣликомъ въ свою „Библіографію“ и библіографіи западно-русской исторіи. Хотя въ послѣднемъ отдѣлѣ можно было бы сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія, но тѣмъ не менѣе трудъ д-ра Финкеля и его сотрудниковъ является важною настольною книгою не только для занимающихся польскою исторіею, но и русскою.

М. Д.—З.

Bulletin de correspondance hellénique 1896. XI.

Theod. Reinach. Observation sur le système monétaire delphique du IV siècle. (251—256). Вѣсъ дельфійской мины отличался отъ аттической; въ V вѣкѣ дельфійская мина уступила мѣсто общеаттической, ставшей обще-греческой; прежняя мина считала 70 драхмъ, аттическая 100.—*J. Chamonard.* Théatre de Délos (стр. 256 — 318; двѣ таблицы). Возстановленіе плана театра на основаніи раскопокъ въ 1892 и 1894 годахъ.—*A. de Ridder et A. Choisy.* Devis de Livadie (318—335). Надпись найдена въ 1891 г., содержитъ контрактъ *ναοποιοί* по постройкѣ храма, поставкѣ камня, выполненію работы.— *P. Rerdrizet.* Notes sur Chypre (336—363). Надписи, собранныя на Кипрѣ въ 1896 г., относятся къ III—II в. до Р. Х., идутъ изъ Цитіума, Скарино, Ливадіи и др.—*P. Hartwig.* Une gigantomachie sur un canthare de l'Acropole d'Athènes (364 — 373; двѣ таблицы). Сцена найдена на вазѣ съ черными фигурами, сохранившейся въ обломкахъ; ваза найдена въ 1880 г. въ Акрополѣ, относится къ VI в. (ок. 560 года).—*V. Dabrowky.* Inscription de Pizas (374—378; двѣ таблицы). Надпись, разбитая на два куска, находится въ музеѣ въ Софіи, найдена въ 1885 году, идетъ изъ древне-оракійскаго гор. Pizas, упоминаемомъ въ III вѣкѣ по Р. Х. Въ надписи замѣчательны имена древнихъ оракійцевъ, въ перемежку съ греческими, латинскими и названіями оракійскими географическими. — Nouvelles et correspondance (379—400)—о раскопкахъ Каввадіаса въ Акрополѣ, опредѣленіе положенія дельфійскаго храма, описаніе мон. Hagios Loucas въ Фокидѣ, дополненіе къ статьѣ Chamonard'a о делосскомъ театрѣ; надписи изъ Эфеса, Лидіи, Египта.

Mittheilungen des archaeol. Instituts.-Athenische Abtheilung. XXI, 4 (1896).

P. Hartwig. Der Raub der Kora auf einem Vasenbilde in Eleusis (377—384, съ таблицей). Изображеніе сохранилось на обломкахъ вазы элевзинскаго музея, относится къ половинѣ V в., принадлежитъ къ числу лучшихъ изображеній похищенія Коры.— *S. Wide.* Aphidna in Nardattika (385—409; три таблицы). Керамика по раскопкамъ въ Афиднѣ; геометрическій стиль украшеній сосудовъ Афидны — продолженіе древняго геометрическаго стиля микенской керамики.—*P. Kretschmer.* Die sekundären Zeichen des griechischen alphabets (410—433).—Объ изображеніи въ надписяхъ придыхательныхъ согласныхъ (*χ, φ, ψ*).—*A. Wilhelm.* Inschriften aus Attika (434—439). Одна надпись (въ 15 строкъ) найдена въ домѣ поздне-греческой или ранне-римской постройки на склонѣ Акрополя, содержитъ посвященія въ честь притановъ и другихъ чиновниковъ, другая (въ 35 строкъ), относящаяся приблизительно къ 135 г. до Р. Х., содержитъ имена.—*M. Fraenkel.* Epigraphische Miscellen (440—447)—три надписи, отрывочныя.—*B. Graef.* Bild von einer Dipylonvase (448—449): картинка изображаетъ двухъ козъ въ стоячемъ положеніи, по бокамъ дерева.—*A. Koerte.* Attische *ψῆφος* (450—453); бронзовый кружекъ, съ надписью *ψῆφος δημοσία* на одной сторонѣ и со штемпелемъ и на дру-

гой, найденъ въ 1892 г. на акрополѣ.—*F. Heller.* *Καρπαθίακα* (454—456): нѣсколько надписей, дополняющихъ изданіе Манолакакиса *Καρπαθίακα* (Аѳины, 1896). — *Funde* (458—473): краткій отчетъ о раскопкахъ германскаго института на западномъ склонѣ Акрополя, надписи изъ Аттики, Анкиры.

Jahrbuch des k. deutschen archaeologischen Instituts (Berlin, XI, 1896).

F. Noack. Studien zur griech. Architektur (211—247; 2 рис. въ текстѣ): по поводу архитектурныхъ построекъ въ Троѣ, въ связи съ микенской культурой и дорическимъ стилемъ.—*F. Studniczka.* Krabylos und Tettiges (248—291; 30 рисунковъ въ текстѣ): изслѣдованіе о древне-аттическихъ прическахъ, на основаніи, главнымъ образомъ, Ѳукидида и вещественныхъ памятниковъ.—*E. Bethe.* Der berliner Andromeda—Krater (292—300; двѣ таблицы и рисунокъ въ текстѣ): на вазѣ мы имѣемъ единственное до сихъ поръ точное представленіе фигуръ въ театральномъ костюмѣ; ваза относится къ аттическимъ конца V столѣтія.—*A. Michaelis.* Kentaurenkopf von einer Parthenonmetope (300—304; пять рисунковъ въ текстѣ): два обломка пентелійскаго мрамора въ Вюрцбургскомъ университетѣ принадлежатъ къ парѳенонской группѣ кентавра (сѣверный метопъ); авторъ соглашается, что одинъ обломокъ (лицо кентавра) дѣйствительно относится къ этой группѣ, другой же (средняя часть руки) принадлежитъ какой-либо статуѣ V вѣка и ничего общаго съ парѳенонскими группами не имѣетъ.—*Archäologischer Anzeiger* (№ 4). Здѣсь сообщается о новой бронзовой статуѣ изъ Дельфъ (изъ отчета Омоля о раскопкахъ въ Дельфахъ), отчетъ дѣятельности Keichskommission за 1895—96 (съ ноября по ноябрь), отчетъ берлинскаго Археологич. Общ. за тоже время; о пріобрѣтеніяхъ дрезденскаго собранія древностей: бронза, терракотты. Наконецъ—обзоръ археологич. литературы (213—239).

БИБЛІОТЕКА НИИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева Соч. Закревскаго. Два тома съ атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. 2 тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. 2 тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. 2 тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Томъ I. Ц. 10 р.; томъ II. Цѣна 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1896 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№№ 7—8.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ №№ 7—8.

Стр.

I. **Н. П. Лихачевъ.** „Московской золотой“ 209

II. **В. Гамбурцевъ.** Замѣтка о „замурованномъ“ надгробіи Московскаго архитектора XVII вѣка, при церкви Воскресенія въ Таганкѣ 214

III. **Н. И. Петровъ.** Слѣды древней Никитской церкви въ Кіевѣ. . . 221

IV. **В. Н. Поливановъ.** Чудская серебряная чаша 225

V. Археологическая хроника. 228

VI. Засѣданія Обществъ 242

VII. Библіографія. 264

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

1897 г. №№ 7—8

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1945 г. БИБЛИОТЕКА НИ Института Краеведческой и Музейной работы

I.

„Московской золотой".

Въ 1837 году, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ „Aperçu sur les monnaies russes", баронъ *С. Шодуаръ* (S. de Chaudoir) описалъ (т. I, стр. 118; т. II, стр. 27. Ср. еще *И. Сахарова* „Лѣтопись русской нумизматики", стр. 60) и далъ рисунокъ (табл. II, I, № 5) русскаго червонца, выбитаго по образцу дукатовъ Венгерскаго короля Матвѣя *Корвина*, съ изображеніемъ герба Венгріи съ одной стороны и св. Владислава во весь ростъ—съ другой.

При описаніи этой замѣчательной монеты баронъ *Шодуаръ* сдѣлалъ ссылку: „Com. R. du cab. de M. le Conseiller *Germann. Hupel* Nord. Mis. p. 3 et 5 av. fig.", то-есть — что оригиналъ, по сообщенію *Рейхеля* находился въ минц-кабинетѣ совѣтника *Германа* и описанъ въ сборникѣ *Hupel'я* „Nordische Miscellaneen" [1]). Ссылка на этотъ послѣдній сборникъ оказалась искаженной, описаніе червонца помѣщено тамъ въ ч. X (Riga, 1785), на стр. 315—317, подъ заглавіемъ: „Beschreibung dreyer alten Russischen Münzen" съ примѣча-

[1]) „Nordische Miscellaneen" издавались Августомъ Вильгельмомъ *Гупелемъ* въ Ригѣ съ 1781 по 1791 годъ включительно; вышло 28 книжекъ, in 8°.

ніемъ: „Diese Beschreibung hat mir der Herr Conrector *Brotze* in Riga ...zum Einrücken gütigst zugesandt. Alle drey hier beschriebene Münzen besizt er selbst in seiner Münzen-Sammlung“ Изъ описанія, сдѣланнаго съ не совсѣмъ точной передачей надписей, мы узнаемъ, что червонецъ „hält an Gewicht $1^1/_{16}$ Dukaten“.

Такимъ образомъ, до поступленія въ кабинетъ *Германа*, русскій червонецъ съ венгерскимъ гербомъ находился въ собраніи г. *Brotze* въ Ригѣ. Въ сравнительно недавнее время (лѣтъ тридцать тому назадъ) эту рѣдчайшую монету пріобрѣлъ Императорскій Эрмитажъ (предложеніе шло изъ Лифляндіи) и несомнѣнно въ томъ самомъ экземплярѣ съ дырочкой, который описанъ и изображенъ барономъ *Шодуаромъ* [1]).

По предположенію автора „Aperçu sur les monnaies russes“ описанный имъ русскій золотой—работа монетныхъ мастеровъ, присланныхъ къ великому князю Ивану III королемъ Матвѣемъ *Корвиномъ*.

Въ лѣтописяхъ подъ 6990 (1482) годомъ записано: „И того же лѣта пріиде посолъ къ великому князю отъ короля Угорьского *Матіаса* о братствѣ и о любви, и князь великій, почтивъ того посла, отпусти его съ любовію къ его государю, да съ нимъ же вмѣстѣ отпустилъ князь великій своего посла Ѳедора *Курицына;* онъ же шедъ взя великому князю съ королемъ докончаніе, братьство и любовь“ [2]). На обратномъ пути Ѳедоръ *Курицынъ* вмѣстѣ съ новымъ посломъ короля Венгерскаго былъ задержанъ Турками въ Бѣлградѣ. [3]) Въ іюнѣ 6992 (1484) года великій князь Иванъ III писалъ въ Крымъ: „и нынѣча, сказываютъ, тотъ мой человѣкъ Ѳедоръ *Курицынъ* пришелъ въ Волохи, а съ нимъ, сказываютъ, идетъ ко мнѣ угорьскаго короля человѣкъ“. Съ *Курицынымъ* же шли изъ Волоховъ два мастера „изъ Фрязъ“, нанятые Мануйломъ Грекомъ, пушечникъ да каменщикъ.

Такимъ образомъ, въ 1484 году посольство *Курицына* не возвращалось еще въ Москву, а между тѣмъ „*московской золотой*“ уже существовалъ.

Посылая гонца въ Крымъ, въ іюлѣ 1484 года, великій князь писалъ своему послу въ Крымѣ князю Василью Ивановичу *Ноздроватому*, относительно мастеровъ, только еще шедшихъ „черезъ Волохи“ съ *Курицынымъ:* „Да послалъ есми съ Костею съ Севрюкомъ тому мастеру пушечнику отъ себя поминка *золотой московской*, а другому

---

[1]) Рисунокъ монеты въ „Nordische Miscellaneen“, не даетъ и слѣда отверстія, что позволяетъ думать о другомъ экземплярѣ. Мы, однако, должны принять въ соображеніе и неточность рисунковъ XVIII столѣтія.

[2]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VI, стр. 35; т. VIII, стр. 214.

[3]) Памятники Дипломатическихъ Сношеній, т. I, стр. 159.

мастеру каменщику *золотой же московской;* и ты бы велѣлъ имъ Костѣ то отдати“ [1]).

Въ этомъ указаніи эпитетъ „*Московской*“ ясно отличаетъ посланные золотые отъ иностранныхъ монетъ, бывшихъ въ то время въ употребленіи въ Московскомъ государствѣ и строго различаемыхъ въ источникахъ—золотыхъ „угорскихъ“, ренскихъ [2]), „корабелниковъ“ [3]) и друг.

Мало того, наименованіе „золотой“, прямо указываетъ на большую монету — червонецъ, дукатъ въ отличіе отъ золотыхъ „денегъ“.

Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній мы встрѣчаемъ, напримѣръ, подъ 28 февраля 1552 года, описаніе возвращенія русскихъ плѣнныхъ изъ Польши, царь пожаловалъ посламъ за полонное терпѣніе подарки: относительно боярина князя *М. И. Голицы-Булгакова* сказано: „да подати ему *золотой*, а молвити—государь нашъ, царь и и великій князь жалуетъ тебя — *золотой*“, а сыну боярскому „князю Ивану *Селеховскому* отъ царя и великаго князя подати *денга золотая*, а молвити: государь нашъ царь и великій князь жалуетъ тебя — *денга золота*“ [4]).

Отправляя поминкомъ особый „московской“ золотой, *Иванъ III*, какъ кажется, хотѣлъ въ данномъ случаѣ дать понять мастерамъ итальянцамъ (которыми, судя по содержанію цитированной нами грамоты къ князю *Ноздроватому*, онъ чрезвычайно дорожилъ), что они ѣдутъ не въ какую нибудь дикую страну, а въ государство, гдѣ искусство рѣзьбы и чеканки монетъ стоитъ на одинаковой высотѣ съ Западной Европой.

Прежде чѣмъ пытаться опредѣлить кѣмъ и когда чеканенъ загадочный московскій золотой, мы должны отмѣтить, что монета эта барономъ *Шодуаромъ* описана не совсѣмъ точно даже сравнительно съ приложеннымъ у него рисункомъ.

Баронъ *Шодуаръ* читалъ надписи такъ: на одной сторонѣ—**КНЗЬ ВЕЛКІ ІВАН ВАСИЛЕѦ** и на другой **КНЗѦ ВЛКОГ ІВАНОВІЧ ВСЕѦ**

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XLI (Спб. 1884. 8⁰), стр. 43.

[2]) Въ документѣ отъ 20 мая 1519 года читаемъ: „вѣдомо также буди Вашему Величеству, что чеканъ Вашего Величества велѣли есмя испытати; *ино 35 ноугородскихъ денегъ золотой ринской творятъ...*“ (Сборникъ Имп. Русс. Ист. Общ., т. LIII, стр. 134).

[3]) „*Карабелники*“=англійскіе нобли XIV—XV ст. съ изображеніемъ корабля. Отличаясь величиною, прекраснымъ чеканомъ и большой цѣнностью, они въ XV столѣтіи были въ Московской Руси обычными поминками, какъ великому князю, такъ и отъ великаго князя. См., напримѣръ, Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 174, 178, 199, 239 и мн. др.; т. XLI стр. 54, 56.

[4]) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. LIX, стр. 355, 356.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

РУС. Получалось впечатлѣніе, что надпись рѣзана иностранцемъ, не понимавшимъ русской рѣчи. На самомъ дѣлѣ на червонцѣ надпись вырѣзана гораздо правильнѣе и представляетъ очень оригинальный образецъ *вязи* XV столѣтія (см. рис. 44). На лицевой сторонѣ, вокругъ стоящаго во весь ростъ св. *Владислава* надпись читается такъ:

Рис. 44.

КНЗЬ·ВЕЛКІ—ІВАНВАСІЛЬЕВ (буквы **АН**, **АС**, **ЛЬ** слитны).

Если мы предположимъ въ буквѣ **К** (въ которой прямая черта отдѣльно) вязь изъ буквъ **І** и **К**, то получится надпись—князь велики Иванъ Васильев(ичъ), безъ неправильностей, которыя обличали бы руку иноземца.

На обратной сторонѣ вокругъ венгерскаго герба надпись расположена такъ:

КНЗѦ·В·ЛКОГ·ІВАНАІВАНОВІЧВСЕѦРѸС· (буквы **АН** въ обоихъ случаяхъ, **ЧВ** и **ѦР** слитны), то есть: кн(я)зя в(е)л(и)ког(о) Івана Івановіч(а) всея Рус(и).

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, нумизматическій памятникъ съ именами двухъ великихъ князей—Ивана III и сына его Ивана Ивановича *Молодого* [1]), чеканенный въ періодъ времени между годомъ, когда Иванъ Ивановичъ получилъ наименованіе великаго князя, и 1484 годомъ, когда по указанію приведенной нами грамоты червонецъ этотъ уже существовалъ.

Въ завѣщаніи князя Юрія Васильевича Дмитровскаго, скончавшагося 12 сентября 1472 года, Иванъ Ивановичъ именуется просто *княземъ*, въ договорной же великаго князя Ивана III съ княземъ Борисомъ Васильевичемъ *Волоцкимъ*, писанной 13 февраля 1473 года [2]), крестъ цѣлуется уже двумъ великимъ князьямъ.

Въ промежутокъ времени между написаніемъ двухъ указанныхъ нами актовъ произошло знаменательное событіе: 12 ноября 1472 года совершенъ былъ бракъ Ивана III и Софіи *Палеологъ*. Естественно возникаетъ предположеніе, что именно послѣ этого великій князь счелъ нужнымъ выяснить и окончательно опредѣлить положеніе сына своего отъ перваго брака въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Однако, такому предположенію мѣшаетъ показаніе *лѣтописи*, которая называетъ Ивана Ивановича великимъ княземъ еще весною 1471 года [3]). Въ силу этого

[1]) Такъ его понималъ и баронъ *Шодуаръ*.

[2]) Собраніе Госуд. Грам. и Договоровъ, ч. I, стр. 234 и слѣд.

[3]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей т. VIII, стр. 163.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

весьма вѣроятно является мысль, что наименованіе великаго князя дано было Иваномъ III сыну именно передъ походомъ на Новгородъ. Во всякомъ случаѣ и лѣтописи до этого времени называютъ Ивана Ивановича просто княземъ, напримѣръ, подъ 1468 годомъ [1]).

А. В. Орѣшниковъ въ изслѣдованіи „Русскія монеты до 1547 года“ (М. 1896) [2]) называетъ червонецъ съ венгерскимъ гербомъ *медалью*. И дѣйствительно, наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что этотъ золотой отнюдь не результатъ попытки ввести чеканъ русскихъ червонцевъ по вѣсу и образцу угорскихъ, а единственная въ своемъ родѣ медаль и именно, судя по надписи, въ честь объявленія князя Ивана Ивановича великимъ княземъ и какъ бы соправителемъ отца и, можетъ быть, для раздачи въ награду [3]) Шелонскимъ побѣдителямъ.

Просматривая сочиненія о венгерскихъ монетахъ: 1) Stephanus *Schoenvisner:* „Notitia Hungaricae rei numariae“ [Budae. 1801. 4°] и 2) Jacobus *Rupp:* „Numi Hungariae, hactenus cogniti“ (Budae. 1846. 4°), мы можемъ убѣдиться, что русскій червонецъ довольно точно скопированъ съ одного изъ золотыхъ короля Матвѣя *Корвина*, именно см. *Schoenvisner* pl. IV, № 141; *Rupp*, pl. XVIII, № 502 (въ текстѣ стр. 78 и слѣд.).

Кто же, спрашивается, могъ рѣзать въ Москвѣ „московской золотой“ въ 1471 или 1472 году? На это даютъ отвѣтъ лѣтописи, указывая, какъ разъ подъ 1471 годомъ, что въ это время „*денежникомъ* Московскимъ“ былъ Иванъ *Фрязинъ* [4]), иначе Джіанъ Батиста делла *Волпе*, знаменитый въ русской исторіи тѣмъ, что онъ устроилъ бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ. Іоаннъ делла *Волпе* уѣхалъ изъ Италіи въ 1455 году [5]), долго жилъ въ Москвѣ, принялъ православіе и несомнѣнно

---

[1]) Лѣтописямъ трудно довѣряться въ подобныхъ случаяхъ, лѣтописецъ, напримѣръ, прямо озаглавилъ статью „О рожденіи великаго князя Ивана Ивановича“, но это, конечно, отнюдь не значитъ, что этотъ послѣдній съ рожденія носилъ подобный титулъ.

[2]) Составляетъ первый выпускъ описанія памятниковъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ.

[3]) Золотыя монеты были въ это время особой *почетной* наградой. Очень выразительно передаетъ это извѣстная запись Архангелогородской лѣтописи подъ 6977 (1469) годомъ: „А Устюжане пришедъ къ Новугороду, стояли три недѣли, и бить челомъ посылали великому князю, чтобы пожаловалъ, *и князь великій послалъ двожды по деньгѣ золотой, они обѣ деньги попу Ивану, кой съ ними подъ Казанью былъ, отдали, а велѣли Бога молити о государѣ и о всемъ его воинствѣ*; а втретіе послалъ ужину запасъ Устюжаномъ седьмсотъ четвертей муки, да триста пудовъ масла, да триста луковъ, да 6000 стрѣлъ, да триста шубъ бараньихъ, да триста однорядокъ Чипскихъ (sic! испорч. изъ Ипрскихъ?) и Лунскихъ и Новоголскихъ и Трекумскихъ, да триста сермягъ; а велѣлъ еще имъ итти подъ Казань со княземъ Юрьемъ на зимованіе“ (изд. 1816 г., стр. 172).

[4]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. VIII, стр. 168.

[5]) *Пирлингъ* Павелъ: „Россія и Востокъ“ (Спб. 1892), см. стр. 31.

зналъ по русски; въ 1471 году онъ находился въ Москвѣ и уѣхалъ изъ нея 16 января 1472 года.

Сравнивая „Московской золотой“ съ оригиналами Венгерскихъ королей, описанными и изображенными у *Schoenvisner'a* и *Rupp'a*, мы найдемъ одно знаменательное различіе. На венгерскихъ дукатахъ имѣются разныя буквы, означающія, предположительно, имена монетчиковъ. Штемпель дуката, наиболѣе близкій къ русскому чекану имѣетъ букву *K*, на другихъ штемпеляхъ находимъ: *KK*, *HL*, *NC*, *HO*. Московскій червонецъ не носитъ ни одного изъ этихъ клеймъ, вмѣсто нихъ на обычномъ мѣстѣ стоитъ буква **I**, которую мы съ полнымъ правомъ можемъ считать иниціаломъ имени денежника великаго князя Ивана III—*Ивана Фрязина*.

Н. Лихачевъ.

II.

Замѣтка о „замурованномъ“ надгробіи Московскаго архитектора XVII вѣка, при церкви Воскресенія въ Таганкѣ.

Въ Русскомъ Архивѣ за 1895 годъ печаталась интересная для любителей старины статья: „Надгробная лѣтопись Москвы. Уцѣлѣвшія надгробныя надписи въ Московскихъ церквахъ, собранныя А. А. Мартыновымъ“.

Нечего и говорить, какъ важна таковая лѣтопись для изслѣдованія различныхъ сторонъ древней русской жизни. Заключая надгробную лѣтопись, А. А. Мартыновъ дѣлаетъ важную археолого-статистическую замѣтку: „надгробныя надписи уцѣлѣли при 94 церквахъ изъ числа полнаго количества 225 приходскихъ храмовъ; но мы увѣрены, что внутри церквей еще находятся плиты надгробій, которыя закрыты кіотами или суконными и деревянными панелями“.

Можно пожелать, чтобы эта увѣренность послужила побужденіемъ для продолженія изслѣдованій въ этомъ направленіи. Надгробная лѣтопись, въ настоящемъ своемъ видѣ, ограничена приходскими церквами и не касается Московск. монастырей и соборовъ. Припомнимъ, что еще около 20-ти лѣтъ тому назадъ, тѣмъ же изслѣдователемъ, въ качествѣ члена *коммиссіи по снятію древнихъ надписей въ Московск. церквахъ*, описаны надгробныя надписи и въ Московск. монастыряхъ; коммиссія была образована около 1878 года при Имп. Москов. Археолог. Обществѣ; въ ней кромѣ А. А. Мартынова трудились: И. Д. Мансветовъ, Н. П. Розановъ и В. Е. Румянцевъ. При этомъ, по замѣчанію коммиссіи, „наиболѣе цѣнный и по количеству и по содержанію матеріалъ представили

монастыри, какъ учрежденія болѣе древнія, богатыя и лучше сохранившіяся, въ сравненіи съ приходскими церквами". Далѣе говорится, что въ коммиссіи имѣется до 180-ти надписей, изъ коихъ самыя древнія принадлежатъ половинѣ XVI вѣка; надписей XVI вѣка доселѣ найдено (въ 1878 г.) только 6—7; изъ XVII вѣка около 50-ти, остальныя принадлежатъ прошедшему XVIII столѣтію и значительно превышаютъ цифру предшествующихъ рубрикъ [1]).

Можно сожалѣть, что собранныя надписи до сихъ поръ не напечатаны, хотя бы безъ рисунковъ, какъ то предполагалось коммиссіей еще въ 1878 году.

Приложеніе при надписяхъ точныхъ снимковъ самихъ надгробій, ихъ формы съ украшающими орнаментами и описаніемъ матеріала и способа высѣчки буквъ, каймы и узоровъ—представило бы новую черту, которую можно бы назвать *архитектурнымъ стилемъ русскихъ надгробій*.

Понятно, что при трудности доступа къ осмотру и снятію рисунковъ съ надгробій царей, царицъ и духовныхъ властителей, вообще при недостаточной извѣстности древнихъ надгробій, — дѣло изслѣдованія ихъ — трудное и медленное дѣло, врядъ ли доступное усиліямъ единичнымъ и можно вторично выразить сожалѣніе, что начало работъ коммиссіи не обнародовано.

Отъ невольнаго увлеченія задачами будущихъ изслѣдованій перейдемъ къ предмету нашей замѣтки. Въ надгробной лѣтописи Москвы (Русск. Арх., Ноябрь 1895 г.) сказано: въ ц. Воскресенія Христова, что за Яузою, за Таганными воротами, въ Новой Слободѣ (нынѣ начало Семеновской улицы), на южной сторонѣ церкви *есть* надгробная плита съ надписью: „*Лѣта 7194* (1686) *году Августа въ 8 день, преставился рабъ Божій Приказу Каменныхъ дѣлъ . . . . . Дмитрій Михайловъ сынъ Старцевъ*".

По поводу этой надписи, сдѣлавъ сопоставленіе свѣдѣній о Дмитріи Старцевѣ, мѣсто въ надписи неразобранное и означенное точками, можно съ достовѣрностью читать: Приказу Каменныхъ дѣлъ *подмастерье*, ибо въ Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей (томъ II, стр. 299), обозначено: „Старцевъ Дмитрій каменныхъ дѣлъ подмастерье 1671—4 гг. при сооруженіяхъ въ г. Архангельскѣ".

Въ матеріалахъ для Археологическаго словаря (Древн. т. I, стр. 9): „Старцевъ, Дмитрій, подмастерье каменныхъ дѣлъ 186 г. Генв., 11, 191 г. досматривалъ на Троецкой башнѣ, гдѣ быть указнымъ ко-

1) Древности. Т. VIII, 1880 г. стр. 69—72. Протоколы.

лесамъ (циферблату для часовъ) и сказалъ: по обѣ стороны въ верхнихъ зубцахъ, гдѣ ходить колесамъ, доведется разломать и сдѣлать вновь столбы и перемкнуть подъ ними кирпичемъ, гдѣ будетъ указная звѣзда и къ тому строенію надобно на подушки, гдѣ быть столбамъ, 8 лещадей, длиною и шириною по аршину, толщиною въ 5 вершковъ, кирпичу 2000, извести 8 бочекъ."

Эти указанія, годы, означенные при нихъ, и годъ надгробія—несомнѣнно удостовѣряютъ тождественность погребеннаго и упоминаемаго въ записяхъ Старцева и представляютъ намъ *могилу русскаго архитектора XVII вѣка Дмитрія Михайловича Старцева.*

И. Е. Забѣлинымъ установлено, что названіе „каменныхъ дѣлъ подмастерье" равнозначаще званію теперешняго архитектора и еслибы кто сталъ въ этомъ сомнѣваться, то совокупность біографическихъ данныхъ о Старцевѣ — нахожденіе его при сооруженіяхъ въ г. Архангельскѣ (нарочно командировали изъ Москвы), порученіе ему „досматривать" и дѣлать смѣту въ механической, требующей особенной точности, части поправокъ въ Троицкой башнѣ, убѣдило бы каждаго въ значеніи Старцева, какъ указателя и стариннаго производителя строительныхъ работъ, по существу архитектора.

При скудости біографическихъ данныхъ о древнихъ русскихъ архитекторахъ не только XVII, но и XVIII вѣка, надгробіе дополняетъ наши свѣдѣнія о Дм. Старцевѣ, его отчествомъ „Михайловича" и годомъ смерти. Это важно. Именемъ архитектора Ивана Мичурина пестрѣютъ всѣ документы о постройкахъ XVIII вѣка, но однако отчества и времени смерти его мы не знаемъ. Изъ фамиліи Старцевыхъ, кромѣ подмастерья каменныхъ дѣлъ, кратко указываются во II томѣ Сборника Истор. Общества 1888 г. два Старцевыхъ: Маркъ и Степанъ, костромскіе иконописцы, получившіе царскую награду за работы въ Успенскомъ Кремлевскомъ соборѣ въ 1644 и 1649 годахъ, и *Старцевъ Іосифъ каменныхъ дѣлъ мастеръ* при Петрѣ I, производившій работы по возведенію укрѣпленій въ Троицкѣ, близь Азова. Можетъ быть, то были представители одного семейства, въ разныхъ степеняхъ родства, избравшаго себѣ, какъ то часто наблюдается въ старину, близкія къ строительному дѣлу поприща. Нахожденіе надгробія въ мѣстности слободъ Большихъ и Малыхъ Каменьщиковъ, издавна населенныхъ казенными, дворцовыми мастеровыми, указываетъ нѣкоторую связь жительства рода Старцевыхъ въ этой мѣстности. Мы не имѣемъ подъ рукою полнаго изданія Переписныхъ книгъ г. Москвы Городск. Думы, вѣроятно тамъ найдутся и другіе коренные жители, давшіе свое обозначеніе по мастерству мѣстности „Каменьщиковъ". Въ бумагахъ помянутой ком-

миссіи говорится, что надгробія съ именемъ „Каменныхъ Дѣлъ подмастерья“ были находимы и прежде; не извѣстно разумѣется ли тутъ другое имя кромѣ Старцева. Во всякомъ случаѣ таковыя надгробія чрезвычайно рѣдки—одно изъ 94-хъ, собранныхъ въ лѣтописи А. А. Мартынова. Понятно съ какимъ живымъ интересомъ мы поспѣшили осмотрѣть подлинникъ ея; но обойдя церковь снаружи и внутри—не нашли ни единой надписи, высѣченной на камнѣ. На разспросы намъ отвѣчали, что, можетъ быть, искомая плита заложена подъ поломъ или гдѣлибо въ другомъ мѣстѣ. Имѣющееся описаніе Воскресенской въ Таганкѣ церкви, отчасти разрѣшало недоумѣніе: на стр. 14 описанія сказано: „Въ правой сторонѣ *западной* стѣны нашего храма, близь колокольни *нѣкогда* видна была надгробная надпись“ и добавлено въ примѣч.: „къ сожалѣнію, эта надпись при перестройкѣ храма въ 1877 г. *заложена*“. Надежда видѣть подлинникъ надгробія исчезла. Стало ясно, что А. А. Мартыновъ могъ видѣть надпись и списать ее только ранѣе, чѣмъ она была замурована въ 1877 году. Надпись могли помнить и другіе очевидцы; если съ нея кромѣ списка, сдѣланъ и точный отпечатокъ, то можно желать, чтобы онъ скорѣе былъ обнародованъ, такъ какъ въ чтеніи надписи есть различіе. А. А. Мартыновъ осторожно означаетъ точками неразобранное слово, читаемое нами: „подмастерье“. Составитель историч. описанія Москов. Воскресенской въ Таганкѣ церкви, Н. А. Красновскій, вѣроятно на память и со словъ другихъ, такъ какъ произведенъ во священники къ сей церкви въ 1882 году, приводитъ надпись, въ такомъ чтеніи: погребенъ староста (?) Каменнаго Приказа Дмитрій Михайловичъ Стардовъ (?).

При изслѣдованіи подлинника надгробія или отпечатка съ него, по числу знаковъ неразобранныхъ буквъ могло быть точно опредѣлено чтеніе спорнаго слова: мастеръ (7 буквъ), подмастерье (11 б.), квадраторъ (10 б.), староста (8 б.); слова Старцевъ или Стардовъ имѣютъ одинаковое число (8) буквъ, но фамилія Стардовъ не имѣетъ никакого отношенія къ Каменному Приказу и очевидно ошибка въ чтеніи надписи, но не опечатка, такъ какъ повторяется въ указанномъ описаніи три раза.

Въ записяхъ о древнихъ постройкахъ встрѣчаются именованія: плотничій староста, Гончарной слободы староста, но именованія старосты Каменнаго Приказа—не встрѣчается. Древнее правительство, признавъ необходимымъ учрежденіе Каменнаго Приказа, придало ему опредѣленную организацію, правда, понынѣ мало изслѣдованную. Извѣстны вѣдавшіе Каменнымъ Приказомъ: Дворянинъ Яковъ Ивановичъ Загряжскій (по Олеарію—Sagraiskoi въ 1633—39 гг.), Василій Яковлевичъ

Дашковъ, судья Каменнаго Приказа († въ 1679 г.) и Андрей Яковлевичъ Дашковъ (съ 1680 г. † послѣ 1700 года). То, по примѣру другихъ приказовъ, были *Дьяки*, имѣвшіе подъ рукою Каменнаго Приказа подъячихъ: Ивана Васильева, Василья Маркова и др. (Переписн. кн. 1638 г.) и подмастерьевъ камен. дѣлъ, числившихся въ Приказѣ подъ означеніями: первый, второй, третій и т. д. — по заслугѣ и степени мастерства. Мастерами Камен. Дѣлъ до времени Петра Великаго (см. вышеуказанный Іосифъ Старцевъ) числились иноземцы. Такъ современниками Дмитрія Михайловича Старцева были мастера иноземцы: Петръ Гавриловичъ Марселисъ, прибывшій изъ Даніи въ Москву въ 1638 г. и умершій въ 1674 г. Также Вильмъ или Вилимъ Ширфъ. Дмитрій Старцевъ, П. Марселисъ и В. Ширфъ, кромѣ построекъ въ Москвѣ, строили и въ Архангельскѣ. Кромѣ нѣкотораго различія въ оффиціальномъ значеніи, всѣ трое, по существу, были тогдашними довольно извѣстными архитекторами.

Составитель описанія Воскресенія въ Таганкѣ церкви, основательно ставитъ вопросъ: не былъ ли погребенный русскій архитекторъ XVII вѣка, строителемъ современнаго ему храма Воскресенія, отъ котораго нынѣ осталась безъ измѣненія лишь шатровая колокольня? Съ нѣкоторой достовѣрностью вопросъ можетъ быть рѣшенъ утвердительно, ибо честь быть погребенными подъ стѣною храма—достается весьма немногимъ лицамъ, имѣвшимъ какое-либо важное значеніе для храма—преимущественно строителямъ храмовъ.

Св. церковь, молясь „о создателяхъ сего храма“ всегда именуетъ ихъ безлично и въ широкомъ значеніи; строители храма суть: лица, устроившія его своимъ иждивеніемъ или нѣкоторой частью своихъ средствъ; лица, приложившія къ дѣлу строенія свое искусство, знанія и наконецъ, простой физическій трудъ.

При таковомъ широкомъ значеніи несомнѣнно, что Дмитрій Михайловичъ Старцевъ, какъ архитекторъ и прихожанинъ мѣстности Каменьщиковъ былъ и участникомъ въ строеніи храма, хотя въ надгробной плитѣ и не обозначено сего. Судя по содержанію надписи, то не была вставная плита съ указаніемъ погребенія „противъ сей таблицы“, а прямо надгробная плита надъ прахомъ. Въ 1877 г. ее видѣли на южной стѣнѣ, позже заложили, замуровали, во внутренности стѣны. Подробности обдѣлки плиты остаются неизвѣстны: какія ея размѣры? рѣзана ли надпись выпукло или вглубь? имѣетъ ли каймы, обычные знаки и орнаменты при надписи и на бокахъ? Вотъ вопросы, которые можетъ рѣшить лишь автографическій списокъ плиты, если онъ сохранился. Просматривая далѣе описаніе Воскресенской церкви, полно и

подробно составленной, съ видами церкви снаружи и внутри, съ портретами настоятелей, діакона и старостъ, отмѣтимъ по строительной части, что храмъ Воскресенія въ Таганкѣ построенъ въ 1659 году и построенъ каменный, хотя въ старое время каменныя постройки встрѣчались рѣже, чѣмъ деревянныя, отчасти потому что мастера и матеріалъ по каменному дѣлу были рѣдки; но въ приходѣ Воскресенія издавна жили каменьщики и потому, вѣроятно, избрали родъ постройки болѣе долговѣчный. Въ 1790—1800, древняя церковь за „вѣтхостью“ была разобрана и вся нынѣ существующая, настоящая церковь перестроена вновь. Она имѣетъ видъ круглой ротонды, съ фронтонными порталами и полукружіемъ алтаря; верхъ покрытъ сферическимъ куполомъ съ 4-мя фронтонными окнами *oeil-de boeuf;* куполъ увѣнчанъ фигурною золоченою главкой. Общее расположеніе этой части храма, въ особенности когда существовалъ прежній иконостасъ съ массивными колоннами предъ царскими вратами, съ овальными и выгнутыми иконами, представляетъ подобіе церквей постройки архитектора М. Ѳ. Казакова, напр.: Козьмы и Даміана на Маросейкѣ, Іоанна Предтечи на Земляномъ валу и Филиппа Митрополита на 2-й Мѣщанской [1]).

Трапеза съ 3-хъ скатною крышею „епанчею“ и двумя полукружіями алтарей проста и не типична, представляя, какъ видно, позднюю передѣлку.

Невысокая (11 саж.) съ шатровымъ восьмистороннимъ верхомъ, съ тройнымъ рядомъ „слуховъ“, колокольня времени Дм. Старцева имѣетъ квадратное основаніе; по имѣющемуся въ церкви изображенію, колокольня имѣла видъ зданія, утвержденнаго на четырехъ столбахъ. На каждую изъ четырехъ сторонъ ея выходили пролеты. Затѣмъ одинъ, обращенный на сѣверъ, совершенно задѣланъ: на мѣсто его сдѣлано окно. Другой пролетъ, южный, теперь примыкаетъ къ ризницѣ. Въ западномъ и восточномъ пролетахъ—входы въ храмъ.

Изъ хранящагося при церкви изображенія ея, проекта 1790 г., видно, что церковь съ нѣкоторыми незначительными отличіями сохранила свой видъ и понынѣ. Въ архитектурномъ отношеніи было бы интересно знать, нѣтъ-ли на проэктѣ 1790 г. подписи его составителей?

Въ 1877 г. къ западной стѣнѣ трапезной церкви въ южной стороны пристроена ризница; во время этой пристройки было заложено въ западную стѣну видимое прежде на южной стѣнѣ надгробіе Дмитрія Старцева. Кто изъ архитекторовъ дѣлалъ эту печальную пристройку, при-

---

[1]) См. *Найденова.* Москва. Соборы, монастыри, церкви.

чемъ даже форма храма стала нѣсколько неправильною,— неизвѣстно. Извѣстно лишь, что это было при покойномъ настоятелѣ церкви Е. М. Алексинскомъ, при здравствующемъ отцѣ Діаконѣ, А. А. Кудрявцевѣ и старостахъ, уже умершихъ: В. О. Челноковѣ и Н. В. Бубновѣ. Извѣстно, что мѣстность слободы Таганской, Гончарной и Каменьщиковъ издавна была населена людьми прикосновенными къ строительному мастерству, но сохранилось немного записей о нихъ, которыя и приводятся въ описаніи церкви; между прочимъ таковое любопытное указаніе: „1700 г. октября 16, Таганскія слободы у тяглеца у Семена Сергѣева сына Каменьщикова купленъ ковчегъ каменный бѣлаго кампя, съ верхнею каменною доскою, въ которомъ ковчегѣ св. Патріарха Адріана тѣло въ каменномъ гробѣ поставлено“. Отсюда видно, что имѣлись приготовленные раньше предметы каменнаго мастерства для погребенія: каменные ковчеги, вѣроятно каменные гроба, плиты съ высѣчкою и вставныя таблицы.

Послѣдній московскій патріархъ Адріанъ умеръ 15 октября 1700 г.; уже на другой день для погребенія его покупается каменный ковчегъ (саркофагъ) съ крышкою, въ который и ставится *каменный гробъ* съ тѣломъ патріарха въ кремлевскомъ Успенскомъ соборѣ. Высѣчка надписи, въ коей Адріана именовали „всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархомъ“, производилась позже особыми „рѣзцами“ Каменнаго Приказа, также и позолота и раскраска, какъ то видно изъ записи о гробницѣ патріарха Іосифа также въ Успенскомъ соборѣ. Въ 1771 г. отъ моровой язвы умерли два приходскихъ священника церкви Воскресенія и, по обычаю тогдашняго времени, похоронены подъ церковными стѣнами; когда слухъ объ этомъ дошелъ до начальства, то начато было дѣло; Консисторія признала необходимымъ вынуть тѣла священниковъ и отправить ихъ на кладбище, а церковь запереть „паки не будетъ очищена“.

Не отраженіемъ ли этого случая закрытія церкви можетъ быть объяснено опасеніе имѣть при ней надгробные камни и надписи и поспѣшность замурованія ихъ или уничтоженія другимъ способомъ. Въ описаніи говорится о другой надписи, изсѣченной рабочими, такъ что прочесть ее уже нѣтъ возможности.

Роковая случайность уничтожила или сдѣлала недоступными для изслѣдованія двѣ важныя надписи Воскресенской въ Таганкѣ церкви.

Относительно камня съ именемъ зодчаго Старцева, знаменательно, что онъ, вѣроятно, цѣлъ и лишь замурованъ въ стѣнѣ церкви съ храмовымъ праздникомъ Обновленія Храма Воскресенія Христова во Іерусалимѣ, празднуемаго 13 сентября. Вѣрующему человѣку и знающему

часто печальныя судьбы русскаго зодчества, запечатлѣваются слова писанія: „камень, который отвергли строители, сдѣлался главою угла“.

В. Гамбурцевъ.

III.

Слѣды древней Никитской церкви въ Кіевѣ.

22 и 23 апрѣля сего года, при прокладкѣ канализаціонныхъ трубъ въ усадьбу П. И. Маркевича (Б. Житомірская у., № 24), въ пролетѣ въѣздныхъ воротъ, на половинѣ его длины, подъ настилкой изъ ценинныхъ плитокъ, открыта была кирпичная кладка изъ кирпичей позднѣйшей формы, приблизительно XVI в., въ которой найдены человѣческія кости и черепъ, шиферная поперечная доска и нѣсколько кусковъ шиферныхъ досокъ отъ гробницы. Тамъ же найдены два большихъ камня, какіе обыкновенно полагались въ основаніе древнихъ каменныхъ храмовъ, три бронзовыхъ подсвѣчничка съ игольчатыми штырями, бронзовый треножничекъ, бронзовое тонкое блюдце и сплавъ бронзы; вся эта бронза оксидирована. Поперечной шиферной доски отъ гробницы и всѣхъ бронзовыхъ предметовъ, а также лучшихъ образцовъ кафельныхъ плитокъ, я не засталъ на мѣстѣ, такъ какъ они взяты были извѣстнымъ въ Кіевѣ торговцемъ древностями И. А. Богдановымъ, у котораго я и видѣлъ ихъ впослѣдствіи.

Изъ состава этой находки, ценинныя плитки, доски и куски изъ краснаго шифера, бронзовые оксидированные предметы и два большихъ камня свидѣтельствуютъ о томъ, что на этомъ мѣстѣ и, вѣроятно, по сосѣдству съ нимъ въ великокняжескую до-татарскую эпоху было какое то каменное зданіе. Судя по присутствію гробницы, то была, по всей вѣроятности, каменная церковь, въ трапезѣ которой, по правую или по лѣвую сторону, было погребеніе въ одной изъ аркасолій храма. Но этотъ храмъ подвергся пожару, вѣроятно въ до-татарскую же эпоху, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ бронзовый сплавъ, уже оксидированный. Въ XVI вѣкѣ храмъ былъ починенъ позднѣйшими кирпичами этого приблизительно вѣка.

Мѣстность, на которой сдѣлана находка, въ до-татарскую эпоху входила въ составъ такъ называемаго Ярославова города, основаннаго въ 1036 году и занимавшаго трехугольникъ нынѣшняго стараго города между пересѣченіемъ Б. Владимірской и Б. Житомірской улицъ, Ириниискимъ памятникомъ и Львовскою или Сѣнною площадью. Въ око-

лицѣ этой мѣстности не разъ находимы были клады до-татарской эпохи. У той же усадьбы Маркевича, принадлежавшей прежде г. Кушину, въ 1880 году найдены были: бронзовый козерогъ, нѣсколько кіевскихъ монетныхъ гривенъ, ожерелье изъ 20-ти маленькихъ золотыхъ эмальированныхъ медальоновъ, 2 золотыя эмальированныя подвѣски, 2 золотыя кольцеобразныя серьги, 1 большая серебряная серьга, 3 золотыя эмальированныя верхушки отъ пуговицъ, 1 золотая серьга кіевскаго типа, 3 ажурныя подвѣски, 3 золотыхъ эмальированныхъ образка, золотой замочекъ, золотое разломанное кольцо. Въ 1893 году, при устройствѣ канализаціи, въ мѣстѣ пересѣченія Срѣтенской и Мало-Владимірской улицъ, найдены: желѣзный топоръ, на немъ горшокъ, прикрытый желѣзнымъ кружкомъ, а въ горшкѣ 6 цѣлыхъ и 2 поломанныя серебряныя серьги кіевскаго типа, серебряный медальонъ, браслетъ изъ серебряной широкой бляхи съ арками на колонкахъ и изображеніемъ чернью фантастическаго звѣря. Въ 1827 году, вблизи Срѣтенской церкви, на усадьбѣ Августиновича, найденъ былъ въ мѣдномъ сосудѣ кладъ изъ 8 золотыхъ серегъ кіевскаго типа, 2 золотыхъ цѣпочекъ и 11 такихъ же крючковъ. (См. „Археологич. карта Кіевской губ.“, В. Б. Антоновича, Москва, 1895 г., стр. 38 и 39).

Мѣстоположеніе находки показываетъ, что храмъ былъ не загородный (т. е. не на Копыревѣ или другомъ какомъ-либо концѣ города), а находился въ чертѣ стараго города и въ частности въ Ярославовомъ или Софійскомъ отдѣленіи его. На старомъ же городѣ изъ древнихъ храмовъ до-селѣ остается безъ опредѣленія мѣстоположенія только храмъ св. Никиты.

О Никитскомъ храмѣ извѣстно единственное доселѣ свидѣтельство въ протестаціи Станислава Судковскаго, намѣстника кіевскаго уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго 1616 года. Изъ этой протестаціи видно, что въ XVI вѣкѣ на старомъ городѣ, кромѣ Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и Николая Десятиннаго, находились еще церкви Спасская, Воздвиженская, Васильевская и Никитская, состоявшія въ вѣдѣніи кіевскаго митрополита и его намѣстника. „Въ слободѣ,—говорится въ протестаціи,—была церковь Воздвиженія Честнаго Креста, по-польски Podniesenie S. Krzyza; когда эта церковь обвалилась, священникъ оттуда перешелъ на гору, и послѣ этого священника другой священникъ Филиппъ жилъ тамъ же на горѣ при церкви св. Василія, и владѣлъ этотъ священникъ Филиппъ тремя церквами св. Василія, *св. Никиты*, и церковію Воздвиженія Св. Креста, и крестьянами, т. е. приходомъ, принадлежавшимъ къ этимъ церквамъ; но церкви принадлежали къ митрополіи, ей подчинены были и на ея землѣ

находились. Послѣ, когда эти церкви разрушились (двухъ нѣтъ и слѣда, а третью церковь св. Василія подвоевода отнялъ отъ священника теперь недавно, два года), то часть земли оставилъ, а остальную взялъ себѣ и теперь ею владѣетъ, и всѣ доходы, принадлежащіе тѣмъ церквамъ, беретъ на себя, къ великому ущербу его милости о. митрополита и церкви св. Софійской" („Кіев. Епарх. Вѣдом.", 1873, № 12, стр. 357 и 358). Упоминаемый въ протестаціи священникъ Филиппъ (Одоній) по документамъ значится въ 1571 и 1605 годахъ (см. мои „Историко-топографическіе очерки древняго Кіева" въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи" за 1896 и 1897 года). При немъ, по смыслу протестаціи, существовала еще церковь св. Никиты; но при немъ же, вѣроятно, она и обвалилась, такъ какъ къ 1616 году отъ нея не осталось и слѣда. Гдѣ же находилась эта церковь?

Покойный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, въ своей монографіи о Димитріевскомъ монастырѣ, высказалъ предположеніе, что церкви св. Никиты и Спаса были недалеко отъ Димитріевской церкви, на Софійской слободѣ, между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ („Чтеніе въ Историч. Общ. Нестора лѣтописца" кн. I, Кіевъ, 1871 г. I, стр. 32 и 33), а въ „Историч. Замѣткахъ о Кіевѣ" онъ предполагалъ, что Никитская церковь находилась среди церквей, расположенныхъ, по словамъ архидіакона Павла Алеппскаго, вокругъ Софійскаго собора („Кіев. Старина", окт. 1884 г., стр. 238). Я въ своихъ „Историко-топографическихъ очеркахъ древняго Кіева" полагалъ, что Никитская церковь находилась во Владимірскомъ или Андреевскомъ отдѣленіи стараго города, противъ Старо-кіевской части. Общимъ основаніемъ для этихъ предположеній было то обстоятельство, что исключительно въ Андреевскомъ отдѣленіи стараго города и вокругъ Софійскаго собора извѣстны были развалины и слѣды древнихъ церквей, и до послѣдняго времени не было найдено никакихъ слѣдовъ древнихъ построекъ въ сѣверномъ концѣ Ярославова или Софійскаго отдѣленія стараго города. Въ настоящее время, съ открытіемъ слѣдовъ древней церкви на Б. Житомірской улицѣ, противъ Мало-Владимірской улицы, открывается больше основаній полагать на этомъ мѣстѣ древнюю Никитскую церковь. Основанія эти слѣдующія: 1) Церковь, слѣды которой открыты на Б. Житомірской улицѣ, починена была позднѣйшимъ кирпичемъ XVI вѣка и слѣдовательно существовала еще въ XVI вѣкѣ. Въ XVI-мъ же вѣкѣ, кромѣ Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и церквей Трехсвятительской и Десятинной, мѣстоположеніе которыхъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, были еще церкви Воздвиженская и Спасская, о мѣстоположеніи которыхъ долго спорили и, наконецъ,

интересующая насъ Никитская (Симеоновская церковь въ документахъ XVI и начала XVII в. вовсе не упоминается). По нашему изслѣдованію, Воздвиженская церковь находилась на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви или около нея, а Спасская—на Кудрявцѣ, на нынѣшнемъ митрополитанскомъ огородѣ (см. мои „Историко-топографическіе очерки древняго Кіева“); слѣдовательно, для Никитской церкви остается только мѣстность на Большой Житомірской улицѣ, противъ Мало-Владимірской улицы. 2) Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка Никитской церкви уже не было, и матеріальный интересъ представляли только земельныя ея имущества, бывшія на старомъ городѣ, захваченныя кіевскимъ подвоеводою и оспаривавшіяся намѣстникомъ кіевскаго уніатскаго митрополита, какъ видно изъ протестаціи его 1616 года. Но въ центрѣ стараго города, притомъ же сплошь усѣяннаго развалинами древнихъ храмовъ, земельныя имущества могли принадлежать и дѣйствительно принадлежали или непосредственно Софійскому собору, или зависѣвшимъ отъ него церквамъ Трехсвятительской, Воздвиженской и Десятинной, и трудно подыскать мѣсто для земельныхъ владѣній Никитской церкви. Всего вѣроятнѣе, они находились около того мѣста, гдѣ открыты, по Б. Житомірской улицѣ, слѣды древней церкви, т. е. въ сѣверномъ углу Ярославова или Софійскаго отдѣленія стараго города.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю прибавить, что мнѣ лично всегда казалось страннымъ и даже невозможнымъ отсутствіе древняго храма въ сѣверномъ углу стараго города, не бѣдномъ находками кладовъ великокняжеской эпохи и, слѣдов., заселенномъ въ древности зажиточнымъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ эпоху занятія стараго или верхняго Кіева московскими войсками въ XVII и XVIII вв., при значительности осѣдлаго населенія, въ этомъ углу построена была, въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ XVIII в., особая Срѣтенская или Скорбященская церковь. Теперь этотъ странный и казавшійся непонятнымъ пробѣлъ восполняется древнею Никитскою церковію, естественною преемницею, которой является Срѣтенская или Скорбященская церковь.

Н. Петровъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

IV.

Чудская серебряная чаша.

Разбирая въ прошломъ декабрѣ перешедшую въ мое распоряженіе обширную переписку поэта Николая Михайловича Языкова, въ числѣ писемъ, писанныхъ къ нему въ годъ его кончины, я нашелъ одно, не лишенное археологическаго интереса. Письмо это писано въ 1846 г., 5 іюля, горнымъ инженеромъ, Ярославомъ Линовскимъ, объѣзжавшимъ Пермскую губернію и важнѣйшіе казенные и частные заводы Пріуралья. Въ виду сообщаемыхъ имъ данныхъ о древностяхъ этого края и, повидимому, близкаго отношенія автора къ тогдашнимъ представителямъ московскаго литературнаго кружка, я приведу здѣсь содержаніе его дословно:

Милостивый Государь Николай Михайловичъ!

Я хотѣлъ сегодня писать къ Коссовичу [1]); но не зная находится ли онъ теперь въ Москвѣ и какъ адресовать къ нему письмо, я рѣшился писать къ Вамъ, покорнѣйше прося Васъ передать ему прилагаемый при семъ рисунокъ [2]), который, вѣроятно, столько же интересенъ для Васъ, сколько и для него.

Проѣзжая чрезъ Строгоновскія имѣнія, въ сѣверной части Пермской губерніи, я встрѣтилъ тамъ крестьянина, который нашелъ на дняхъ въ землѣ серебряную чашу. На днѣ ея находится изображеніе, напоминающее собою индѣйскій буддизмъ, а по бокамъ чаши сдѣлана надпись, кажется, по-санскритски.

Зная, съ какою страстію занимается Коссовичъ санскритскимъ языкомъ и древнею исторіею Востока, я приказалъ снять съ чаши рисунокъ и спѣшу переслать ему его въ подарокъ. Быть можетъ, непонятные для здѣшнихъ ученыхъ гіероглифы будутъ имъ разобраны, и исторія и происхожденіе древнихъ чудскихъ народовъ хотя нѣсколько прояснится. Не лишнимъ считаю прибавить, что, кромѣ сей чаши (которая досталась графу Строгонову), здѣсь найдено множество другихъ вещей въ томъ же родѣ, и почти всегда съ изображеніями индѣйскихъ боговъ. Любопытно узнать, были ли эти вещи сдѣланы на мѣстѣ или же

---

[1]) Извѣстный санскритологъ.

[2]) См. прилагаемый рис. 45 въ натур. величину. На оригинальномъ рисункѣ находились слѣд. надписи: около верхняго изображенія: „Рисунокъ, снятый съ чудской серебренной чаши въ натуральной ея величинѣ, найденной Пермской губерніи, въ дачѣ Добрянскаго завода, по р. Тую, на пашнѣ крестьянина Плюснина. Внутренность чаши“. Около нижняго: „Видъ съ боку“.

Библиотека НИ Ин-та Краеведческого и Музейной работы

онѣ завезены были пришельцами изъ Востока? Если эти вещи и находящіяся на нихъ надписи покажутся интересными Коссовичу, то я попрошу здѣсь моихъ знакомыхъ снять рисунки и съ этихъ вещей и перешлю ему при случаѣ.

Письмо мое пишу я къ Вамъ изъ села Усолье, лежащаго близъ Соликамска въ Пермской губерніи. Здѣсь, какъ Вамъ извѣстно, добываются нѣсколько милліоновъ пудовъ соли, составляющіе главнѣйшую часть доходовъ Строгоновыхъ, Лазаревыхъ, Голицыныхъ и другихъ богатыхъ здѣшнихъ владѣльцевъ.

Отсюда отправляюсь въ сѣверную часть Урала, осмотрю всѣ важнѣйшіе казенные и частные заводы, проѣду въ Тобольскъ и оттуда чрезъ Оренбургскую и Симбирскую губерніи возвращусь въ Москву въ сентябрѣ мѣсяцѣ, гдѣ надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть Васъ, дай Богъ, чтобы въ совершенно вожделѣнномъ здравіи.

Всѣмъ общимъ знакомымъ прошу кланяться. Въ особенности же Ефремову, Каткову, Хомякову, Панову и Аксакову. Я надѣюсь видѣть его брата въ Уфѣ и быть недалеко отъ его имѣнія.

Прощайте, выздоравливайте поскорѣе и гуляйте по больше въ Сокольникахъ.

Вашъ Ярославъ Линовскій.

Село Усолье.
5 іюля 1846 г.

Изъ этого письма видно, что Линовскій видѣнную имъ чашу считаетъ происхожденія индѣйскаго, на что онъ находитъ, не безъ основанія, указанія въ изображеніи буддійскаго божества (см. рис. 45). Весьма близкій, по аналогіи формы и орнаментаціи, сосудъ мы встрѣчаемъ въ трудѣ Аспелина вып. II, на стр. 146 и 147 его Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Ученый знатокъ финскихъ древностей относитъ этотъ видъ чашъ къ желѣзному вѣку Пермскаго края, гдѣ онъ различаетъ въ мѣстныхъ древностяхъ этого періода двѣ группы. Одну онъ относитъ къ эпохѣ торговыхъ сношеній съ арабами, другую, предшествующую съ предметами бронзовой металлургіи въ видѣ изображеній человѣка, животныхъ и птицъ, мотивовъ, не встрѣченныхъ еще въ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ финскими племенами. Особенность второй, позднѣйшей группы составляютъ украшенія съ подвѣсками и филиграновыя, большею частью изъ серебра, работы. Серебряныя чаши, встрѣчающіяся среди пермскихъ древностей, Аспелинъ относитъ однѣ къ происхожденію греческому, бактрійскому, сассанидскому и византійскому, другія къ варварскому. Въ виду того, что подобные сосуды никогда еще не были открыты на берегахъ Волги, а что они скорѣе являются принад-

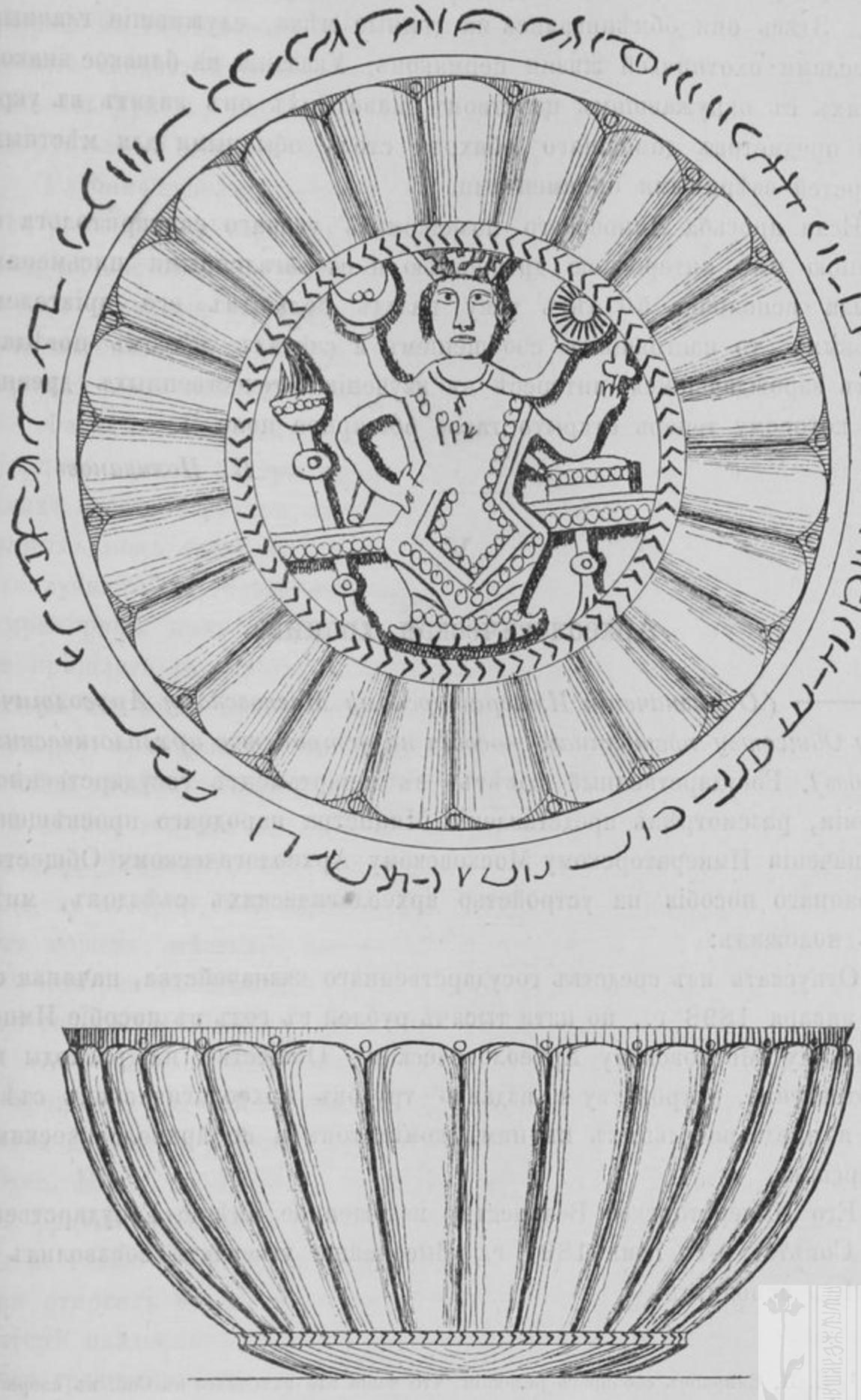


Рис. 45.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

лежностью сѣвернаго и средняго Пріуралья, онъ заключаетъ, что путь, по которому сюда шли эти предметы роскоши, былъ Иртышъ, а не Волга. Здѣсь они обмѣнивались на цѣнные мѣха, служившіе главными промыслами охотничьей жизни пермяковъ. Указанія на близкое знакомство ихъ съ окружавшимъ царствомъ животныхъ онъ видитъ въ украшеніи предметовъ домашняго обихода столь обычными для мѣстныхъ древностей звѣриными орнаментами.

Если просьба Линовскаго познакомить ученаго санскритолога съ видѣнною имъ интересною древностью и ея загадочными письменами не была исполнена 50 лѣтъ тому назадъ больнымъ его пріятелемъ Языковымъ, то настоящимъ сообщеніемъ я считалъ долгомъ повѣдать о томъ зарождавшемся интересѣ въ изученіи отечественныхъ древностей, которому теперь открыто такое обширное поле [1]).

В. Поливановъ.

V.

Археологическая хроника.

—— *(О назначеніи Императорскому Московскому Археологическому Обществу постояннаго пособія на устройство археологическихъ съѣздовъ).* Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе Министра народнаго просвѣщенія о назначеніи Императорскому Московскому Археологическому Обществу постояннаго пособія на устройство археологическихъ съѣздовъ, мнѣніемъ положилъ:

Отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1898 г., по пяти тысячъ рублей въ годъ въ пособіе Императорскому Московскому Археологическому Обществу на расходы по подготовленію, устройству и изданію трудовъ археологическихъ съѣздовъ и предварительныхъ къ нимъ комитетовъ и по археологическимъ экскурсіямъ.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 2-го іюня 1897 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

---

[1]) Я. И. Смирновъ сообщилъ редакціи, что чаша эта находится въ Спб. въ собраніи гр. Строганова и была издана акад. Бётлингомъ въ IV-мъ т. Bull. hist.-philol. de l'Académie des Sciences de S.-Petersbourg, стр. 161—165. О той-же чашѣ Бётлингъ дѣлалъ сообщеніе въ Берл. Арх. Общ. (см. Arch. Anzeiger, 1847, p. 44). Надпись, по словамъ его, санскритолога, не санскритская, но неизвѣстныхъ письменъ, сходныхъ съ пехлевійскими.

—— Въ Херсонесѣ, при раскопкѣ древняго храма, относящагося, повидимому, къ первымъ вѣкамъ упроченія христіанства въ Крыму, въ небольшомъ помѣщеніи, сообщающемся дверью съ алтарною частью, въ глубинѣ сводчатой ниши, устроенной въ восточной стѣнѣ помѣщенія, оказалась купель, высѣченная изъ цѣльнаго камня и имѣющая въ горизонтальномъ сѣченіи видъ перерѣзаннаго овала.

Глубина купели, высѣченной очень старательно, 13 вершковъ у начала и $14^1/_2$ верш. къ серединѣ ниши, слѣдовательно, съ небольшимъ уклономъ на востокъ для стока воды. Въ этомъ мѣстѣ на днѣ обнаружено круглое отверстіе $^3/_4$ верш. въ діаметрѣ, черезъ которое вода съ шумомъ вытекала, повидимому, въ поглощательный колодезь, находящійся въ скалѣ подъ стѣной крещальни.

Фасадная сторона купели украшена рельефными изображеніями большого креста внутри арки, покоющейся на двухъ колоннахъ, двухъ малыхъ крестовъ внутри, треугольниковъ и двухъ кипарисовъ, расположенныхъ подъ треугольниками. Сохранность купели не оставляетъ желать лучшаго, и только изъ сводика ниши упало нѣсколько камней, и мраморный полъ помѣщенія оказался настолько поврежденнымъ, что его пришлось разобрать. Страннымъ является тотъ фактъ, что крещальня эта была превращена въ общую усыпальницу: внутри купели и сверху мраморнаго пола было скучено огромное количество человѣческихъ костей, между которыми найдены дѣтскіе стеклянные браслеты. Обѣ двери, ведущія въ крещальню, оказались заложенными. Подъ поломъ, у сѣверной стѣны, обнаружена высѣченная въ скалѣ усыпальница, въ которой, изголовьемъ на западъ, покоился одиночный остовъ, быть можетъ, мѣстнаго іерея. При остовѣ ничего не оказалось.

Знатоки полагаютъ, что это найдены остатки древняго каѳедральнаго собора. (Спб. Вѣд. № 174, 1897 г.)

—— Живой интересъ въ средѣ археологовъ возбудила найденная въ прошломъ году въ небольшой могилѣ вблизи Херсона бронзовая статуэтка античной работы, изображеніе которой было воспроизведено въ „Одес. Нов.“ за 1896 г. Одни изъ археологовъ признали ее изваяніемъ фригійской богини Кибелы, другіе—Коры; иные называютъ и Артемидой. Также и по вопросу о времени ея происхожденія мнѣнія различны; одни относятъ ее къ VI вѣку до Р. Хр., другіе, основываясь на характерѣ найденныхъ вмѣстѣ съ нею вещей, называютъ ее произведеніемъ греческаго искусства II—I вѣка до Р. Хр. Во всякомъ случаѣ, херсонская статуэтка является весьма замѣчательной находкой и, по заявленію Императорской археологической коммиссіи, служитъ „однимъ изъ украшеній богатаго собранія Императорскаго Эрмитажа.“

Недавно Херсонская губ. одарила науку и другой античной работы статуэткой изъ бронзы. Найдена она въ землѣ случайно, при добываніи камня, однимъ крестьяниномъ, вблизи хутора Анновки, Нечаянской волости Одесскаго уѣзда. Она представляетъ собою нагую женскую фигуру; поднятыми кверху руками она поддерживаетъ металлическій дискъ, служившій зеркаломъ.

Эта статуэтка отправлена г. губернаторомъ въ Императорскую археологическую коммиссію, и послѣдняя, по ходатайству губернатора, выслала нашедшему ее крестьянину, Іосифу Гейдту, денежную награду въ размѣрѣ 30 руб. (Од. Нов. № 3978, 1897 г.)

—— Недавно въ Херсонъ транспортированы изъ г. Тирасполя древнія мраморныя плиты, вырытыя въ имѣніи г. Фишера, извѣстнаго землевладѣльца-винодѣла. По желанію послѣдняго, плиты эти помѣщены для храненія въ губернскомъ музеѣ. Лицевая сторона каждой изъ нихъ украшена прекраснымъ высѣченнымъ орнаментомъ. Какъ видно, онѣ составляли гробницу. Находка эта опредѣляется, приблизительно, эпохой отъ II вѣка до Р. Хр.—II вѣкъ по Р. Хр. (Од. Нов. № 3978, 1897 г.).

—— Въ газетѣ *Народъ* напечано слѣдующее сообщеніе: Въ іюнѣ текущаго года мнѣ пришлось проѣзжать чрезъ имѣніе графа К. Потоцкаго Ржепиховъ, находящееся въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, въ 25 верстахъ отъ станціи „Лиховичи“, Полѣсской желѣзн. дороги.

Въ этомъ имѣніи, въ полуверстѣ отъ шоссе, идущаго изъ Москвы въ Варшаву, расположена группа большихъ песчаныхъ бугровъ. Вершина одного изъ этихъ бугровъ усѣяна множествомъ человѣческихъ костей. Этихъ костей здѣсь столько, что онѣ бросаются въ глаза даже издали. По словамъ мѣстныхъ жителей, они уже нѣсколько разъ собирали эти кости и зарывали ихъ большими количествами, но вѣтеръ, сдувая песокъ, всегда черезъ нѣкоторое время обнажалъ новыя кости.

Бродя по этому бугру, я небольшою палкой безъ труда откапывалъ цѣлые скелеты, которые, впрочемъ, были въ такомъ состояніи разрушенія, что отъ прикосновенія къ нимъ распадались. Тутъ же въ пескѣ среди костей я находилъ темные крѣпкіе глиняные черепки.

Мѣстные жители утверждаютъ, что никакихъ раскопокъ здѣсь никогда не производилось. (Р. С. № 175, 1897 г.).

—— Недавно, близъ деревни Сокъ, Опатовскаго уѣзда, найденъ замѣчательный въ историческомъ отношеніи кладъ. Мѣстность, гдѣ найденъ кладъ, находится на лѣвомъ берегу р. Каменной, версты на 4 выше развалинъ древняго замка „Подгорье“, расположеннаго на пра-

вой сторонѣ той же рѣки. Здѣсь видны слѣды какого-то загадочнаго сооруженія, представляющаго два высокихъ насыпныхъ кургана; отъ одного изъ нихъ, подъ острымъ угломъ, расходятся двѣ прямыя линіи маленькихъ курганчиковъ, какъ бы обозначающихъ слѣды древней стѣны. Линія кургановъ, идущихъ параллельно Каменной, тянется версты на три, а затѣмъ теряется среди курганчиковъ, занявшихъ громадное пространство, передъ другимъ насыпнымъ курганомъ, высота котораго достигаетъ саженъ пятнадцати. Этотъ послѣдній окруженъ огромнымъ валомъ, или, быть можетъ, это слѣды магистральнаго арыка. Кладъ найденъ при слѣдующихъ условіяхъ. Во время межевыхъ работъ землемѣръ, устанавливая межевой знакъ на первомъ курганѣ, приказалъ рабочимъ рыть яму. Послѣ нѣсколькихъ взмаховъ кетменемъ работавшіе услышалл характерный звукъ разбиваемаго глинянаго сосуда. Работа повелась осторожнѣе, и вскорѣ былъ обнаруженъ глиняный сосудъ, покрытый металлическимъ кружкомъ. Въ сосудѣ оказалось 1,400 серебрянныхъ и свыше 4,000 мѣдныхъ монетъ, нѣсколько зеренъ жемчуга, куски сердолика, три маленькія проткнутыя морскія раковины, бронзовое стремя, два серебряныхъ браслета и много разныхъ мелкихъ украшеній. Въ другомъ курганѣ, при такихъ-же обстоятельствахъ, найденъ большой круглый столъ изъ обожженой глины, а подъ нимъ ручная мельница; столъ на низенькихъ ножкахъ, и на немъ видны слѣды украшеній; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ крестообразное очертаніе. (Уралъ, № 108, 1897 г.).

—— Въ № 145 „Варшавскаго Курьера“ сообщается: въ имѣніи гр. Тышкевича, у с. Новоры, Новоушицкаго уѣзда, Подольской губ., въ мѣстности, покрытой старымъ дубовымъ лѣсомъ, обнаружена очень цѣнная находка, относящаяся къ глубокой древности; среди вещей, найденныхъ здѣсь, имѣются идольчики, различныя орудія изъ камня, хорошо сохранившіеся сосуды, предметы домашняго обихода, украшенія и т. п.

—— Какъ сообщаетъ та-же газета (№ 142, 1897 г.), естествоиспытатель и археологъ Эразмъ Маевскій вернулся недавно изъ экскурсіи, предпринятой съ научными цѣлями въ Стопницкій и Мѣховскій уу. Кѣлецкой губ. Экскурсія продолжалась нѣсколько недѣль, и за это время г. Маевскому удалось найти болѣе десятка доисторическихъ кладбищъ (?) и на нѣкоторыхъ изъ нихъ произвести раскопки. Результатомъ экскурсіи явилась очень обильная добыча: кромѣ множества кремневыхъ и частью бронзовыхъ орудій, найдено около 50-ти цѣлыхъ урнъ, нѣкоторыя изъ которыхъ украшены оригинальнымъ и рѣдко встрѣчающимся орнаментомъ.

—— Въ № 14 журнала „Wedrowiec“ за этотъ годъ помѣщена интересная замѣтка Эразма Маевскаго *о находкѣ кремневыхъ орудій* въ с. Балицахъ, Стопницкаго у., Кѣлецкой губ. Находка была сдѣлана еще въ 1892 г. При копаніи рва на полѣ, на глубинѣ около аршина, было найдено нѣсколько десятковъ большихъ кремневыхъ ножей; большинство ихъ было поломано на мѣстѣ рабочими, другіе разошлись по рукамъ, и только нѣсколько штукъ попало въ собраніе г. Маевскаго. Ножи изготовлены путемъ откола, безъ отдѣлки, немного изогнуты, длина ихъ отъ 13 до 16 сантим., ширина—отъ 2,5 до 3,8 стм. (рисунокъ одного изъ ножей помѣщенъ при замѣткѣ). Заинтересовавшись находкой, г. Маевскій въ недавнее производилъ раскопки на мѣстѣ, но безъ результатовъ. Сосредоточеніе въ одномъ мѣстѣ такой массы кремневыхъ орудій одного вида даетъ поводъ г. Маевскому считать эту находку *складомъ*; подверженіемъ этого мнѣнія можетъ служить также и то, что въ данной мѣстности кремневые валуны такой величины, чтобы изъ нихъ можно было изготовлять большіе ножи—не встрѣчаются, попадаются только на западъ—надъ Бугомъ, на Волыни и въ Подоліи, и поэтому дѣйствительно, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ рѣдкимъ случаемъ склада кремневыхъ орудій; жаль только, что, благодаря обстоятельствамъ, не удалось сохранить въ цѣлости всей находки. *Б.*

—— *Стоянка каменнаго вѣка* обнаружена осенью прошлаго года г. А. Радваномъ возлѣ д. Мыслидажъ, Опочненск. у., Радомской губ. Стоянка расположена на берегу ручья, на возвышенномъ песчаномъ холмѣ; на поверхности земли встрѣчаются грубые черепки сосудовъ и отбивныя кремневыя орудія. Судя по нѣсколькимъ доставленнымъ экземплярамъ послѣднихъ, стоянку можно отнесть къ неолитической эпохѣ. *Б.*

—— „Холмско-Варшавской Епарх. Вѣстникъ“ сообщаетъ объ одной мѣстности, имѣющей археологическій интересъ. Мѣстность эта, извѣстная въ народѣ подъ названіемъ „Церковиско“, находится въ 30 верстахъ отъ Бреста, вблизи деревни Цѣлесницы, Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи.

Въ Церковискѣ, по преданію, была церковь, но „запалась“. Здѣсь находилось много каменныхъ плитъ съ надписями на славянскомъ и греческомъ языкахъ, крестовъ, высѣченныхъ изъ камня, и много необдѣланныхъ обыкновенныхъ большихъ камней, служившихъ, повидимому, фундаментами бывшихъ тамъ построекъ.

По народному преданію, одинъ изъ бывшихъ владѣльцевъ имѣнія распорядился свалить все это въ прудъ, а нѣкоторыя каменныя

плиты разобрали, кто желалъ. Нѣсколько крестовъ было употреблено при постройкѣ каменнаго сарая, какъ строевой матеріалъ, и одинъ изъ нихъ ясно виденъ въ наружной стѣнѣ сарая. Кромѣ того, около Церковиска находится нѣсколько урочищъ, представляющихъ не меньшій археологическій интересъ. (Москов. Церковн. Вѣдомости № 12. 1897 г.)

—— 1897 г. 20 іюня, въ зданіи университета Св. Владиміра состоялось первое собраніе предварительнаго комитета по устройству въ г. Кіевѣ XI археологическаго съѣзда въ 1899 г.

Въ засѣданіи приняли участіе депутаты отъ кіевскихъ ученыхъ учрежденій и обществъ: университета Св. Владиміра, историческаго общества Нестора Лѣтописца, кіевской духовной академіи и кіевскаго церковно-археологическаго общества. Въ составъ коммиссіи входятъ: ректоръ университета проф. Ф. Я. Фортинскій, проф. В. Б. Антоновичъ, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Т. Д. Флоринскій, проф. В. П. Владиміровъ, проф. дух. академіи Н. И. Петровъ, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. духов. акад. протоіерей И. И. Корольковъ, проф. дух. акад. свящ. Ѳ. И. Титовъ, А. М. Лазаревскій, прив.-доц. университета М. Н. Ясинскій, помощникъ завѣдующаго центральнымъ архивомъ И. М. Каманинъ, В. И. Щербина, проф. духов. акад. В. З. Завитневичъ, проф. П. В. Голубовскій, В. Г. Ляскоронскій, В. А. Кордтъ, І. А. Малиновскій, О. И. Левицкій и В. П. Науменко.

Предсѣдателемъ предварительнаго комитета избранъ единогласно проф. В. Б. Антоновичъ, казначеемъ И. М. Каманинъ и секретаремъ М. Н. Ясинскій.

Въ томъ же засѣданіи опредѣлено произвести раскопки лѣтомъ текущаго года. Раскопки произведены будутъ: В. Б. Антоновичемъ въ Кременецкомъ, Дубенскомъ и Заславскомъ уѣздахъ, Волынской губ.; членомъ московскаго археологическаго общества Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ по берегамъ Западнаго Буга — въ губерніяхъ Сѣдлецкой, Люблинской и Волынской и Е. Н. Мельникъ—въ Луцкомъ, Ровенскомъ и Острожскомъ уѣздахъ, Волынской губ.

Волынскій губернаторъ увѣдомилъ комитетъ, что имъ сдѣлано распоряженіе объ оказаніи возможнаго содѣйствія командируемымъ въ Волынскую губернію лицамъ. Дальнѣйшіе труды комитета откроются въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Членъ комитета И. М. Каманинъ приступилъ уже къ осмотру древле-хранилищъ при кіевскихъ монастыряхъ. Онъ намѣренъ подробно осмотрѣть библіотеки и хранящіяся въ нихъ болѣе рѣдкія изданія и рукописи. И. М. Каманинымъ предполагается не ограничиться осмотромъ кіевскихъ библіотекъ, а также совершить поѣздку

съ цѣлью осмотра хранящихся при разныхъ монастыряхъ Юго-Западнаго края рукописей. Членъ комитета В. Г. Ляскоронскій занялся собраніемъ болѣе интересныхъ и рѣдкихъ картъ, касающихся Юго-Западнаго края. Предполагается устройство особой выставки картъ во время съѣзда. (Спб. Вѣд. № 172, 1897 г.).

—— Имп. Москов. Археологическимъ Обществомъ, по представленію его Археографической Коммиссіи, командированы для изученія архивовъ слѣд. члены Археографической Коммиссіи: Ю. В. Готье—въ Стокгольмъ, П. А. Кожевниковъ — въ Германію и Австрію, графъ П. С. Шереметевъ—въ Псковъ, секретарь Коммиссіи г. Довнаръ-Запольскій—въ Варшаву. Членъ Коммиссіи В. Н. Перетцъ отправляется въ Кіевъ для изученія рукописныхъ собраній, преимущественно монастырскихъ, имѣя также порученія отъ Археографической Коммиссіи.

—— 20 апрѣля, 1897 г. Калуга праздновала открытіе губернскаго историко-археологическаго музея въ домѣ, гдѣ, по преданію, жила и скрывалась Марина Мнишекъ. Этотъ домъ съ рѣзнымъ дубовымъ „всходомъ“ (крыльцомъ), изъ древняго кирпича „желѣзняка“ сохранился въ прежнемъ видѣ и подаренъ мѣстной археологической коммиссіи калужскимъ дворянствомъ. Въ нижнемъ этажѣ дома сохранился казематъ, гдѣ, будто-бы, сидѣла Марина, когда ее искали. Въ этомъ казематѣ, со сводами и рѣшетками, подъ поломъ вырыта глубокая яма-колодезь, а изъ него подземный выходъ, саженъ въ 300 длиной, на рѣку Яченку и въ вѣковой боръ за ней. Былъ ходъ подземный изъ дома Мнишекъ и къ Лаврентьевскому монастырю, но этотъ ходъ на срединѣ засыпанъ и непроходимъ, какъ и первый. Въ другомъ отдѣленіи нижняго этажа дома помѣщается губернскій архивъ старыхъ дѣлъ до XVII ст., сданныхъ архивной коммиссіи для разборки. Во второмъ этажѣ, налѣво отъ входа, и помѣщаются витрины и полки съ сокровищами рѣдкихъ древностей, собранныхъ исключительно въ Калужской губерніи стараніями вице-предсѣдателя мѣстной ученой архивной коммиссіи И. Д. Четыркина, при содѣйствіи окрестнаго дворянства и мѣстной интеллигенціи, во главѣ съ начальникомъ губерніи княземъ Н. Д. Голицынымъ и предводителемъ дворянства Н. С. Яновскимъ. Музей открытъ для публики два раза въ недѣлю. (Моск. Вѣсти. № 124, 1897 г.).

—— Въ Могилевѣ-губернскомъ открыто на-дняхъ епархіальное церковное древле-хранилище, имѣющее цѣлью сохранить на будущее время предметы церковной старины и уяснить наглядно историческій ходъ церковной жизни въ епархіи. Завѣдываніе древле-хранилищемъ предоставлено особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ дѣйствитель-

наго члена Археологическаго Общества Е. Р. Романова. (Нов. Время № 7642, 1897 г.).

—— Грузинская газета „Квали“ сообщаетъ, что въ одной верстѣ отъ села Атени и теперь стоитъ величественный храмъ, именуемый въ исторіи и преданіи „Сіономъ“, ходъ къ которому защищался небольшимъ городомъ-крѣпостью Кулбаки или, впослѣдствіи, — „Накулбакеви“. Атенскій „Сіонъ“ построенъ во время грузинскаго царя Баграта IV (1027—1072 г.). Стоитъ онъ на высокомъ скалистомъ выступѣ, настолько узкомъ, что для расширенія ограды съ глубины ущелья возведена каменная подпорная стѣна. Храмъ имѣетъ форму правильнаго квадрата. Внутри всѣ стѣны были покрыты живописью, отъ которой остались лишь слабые слѣды. Каменный иконостасъ покоится на алебастровыхъ столбахъ. Въ западной части на стѣнѣ изображенъ ликъ Спасителя, а въ восточной—Богоматери, во имя которой и былъ возведенъ храмъ. Снаружи изсѣчены на каменныхъ стѣнахъ святые угодники, строители храма и, кажется, грузинскіе цари. Во многихъ мѣстахъ—надписи, имѣющія, какъ и весь этотъ храмъ и развалины, историко-археологическое значеніе. Теперь этотъ храмъ въ полномъ запустѣніи и сдѣлался достояніемъ домашняго скота, загоняемаго туда въ знойные лѣтніе дни, и летучихъ мышей, буквально облѣпившихъ весь куполъ храма внутри. (Моск. Вѣд. № 120, 1897 г.).

—— Извѣстное дѣло по обвиненію Шапселя и Лейбы Гойхманъ, археологомъ-любителемъ и владѣльцемъ извѣстнаго въ Бессарабіи музея древностей И. К. Суручаномъ въ мошенничествѣ—закончилось въ Кишеневѣ вновь у мир. судьи 1 уч. оправданіемъ на этотъ разъ Лейбы Гойхмана. Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что сбываемыя обвиняемыми „историческія рѣдкости“ и „археологическія цѣнности“ фабриковались, между прочимъ, и въ Одессѣ. И надо отдать справедливость—фабриковались образцово и легко вводили въ заблужденіе знатоковъ. Такъ, двѣ золотыя статуэтки, проданныя г. Суручану за найденныя въ Ольвіи, работы одесскаго мастера Деморе—верхъ совершенства, а золотая тіара, того же происхожденія, была продана Гойхманомъ парижской академіи—за „Ольвійскую“. (Од. Л. № 138, 1897 г.).

—— Въ Ригѣ находится теперь командированный по соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи чиновникъ московскаго архива министерства юстиціи г. Нечаевъ для обозрѣнія рижскаго генералъ-губернаторскаго архива. Есть мысль, по словамъ „Рижскаго Вѣстника“, перевести рижскій генералъ-губернаторскій архивъ въ Москву, гдѣ, какъ извѣстно, находится богатый и вполнѣ научно-устроенный архивъ министерства юстиціи подъ управленіемъ проф. Самоквасова. Предпо-

ложено оставить въ Ригѣ всѣ матеріалы за русское время, а перевести въ Москву лишь то, что относится ко времени шведскому. (Нов. Вр. № 7664, 1897 г.).

—— Проф. Конвенцъ въ недавно вышедшемъ XVII отчетѣ управленія западно-прусскаго мѣстнаго музея въ Данцигѣ (стр. 38 и сл.) докладываетъ объ одномъ выдающемся кладѣ бронзовыхъ вещей ранняго Галльштадтскаго періода. Мѣсто находки расположено въ 1,5 километрахъ къ юго-западу отъ деревни Пренцловицъ, на правомъ берегу р. Оссы, приблизительно на 15 метровъ отъ воды. Найденные предметы лежали здѣсь одинъ рядомъ съ другимъ, на самой незначительной

Рис. 46.

глубинѣ. Какого-либо кольца изъ камней вокругъ вещей не оказалось, не найдено было вблизи ни обломковъ костей, ни золы, такъ что, очевидно, дѣло идетъ не о могилѣ, а о кладѣ. Находка состояла изъ одного большого сосуда съ ручками, вычеканеннаго изъ бронзы, и трехъ литыхъ роговъ, изъ которыхъ одинъ былъ скоро потерянъ владѣльцемъ участка. Прочіе три предмета, выдающіеся какъ по красотѣ формы и художественной работѣ, такъ и по рѣдкости, поступили во владѣніе западно-прусскаго мѣстнаго музея.

Бронзовый сосудъ (см. рис. 46) имѣетъ 33 сантим. высоты и состоитъ изъ трехъ частей, связанныхъ между собой многочисленными заклепками; 1) Основаніе (5 с. высоты); 2) Главная часть сосуда (17

с. выс.) до мѣста наибольшей ширины (116 сант. въ окружности), и 3) Верхняя часть сосуда съ горломъ (2+9 сант. выс.).

Во второй части сосуда, приблизительно на $^2/_3$ ея высоты тянутся вокругъ три узкія, двойныя, выпуклыя линіи, между которыми лежатъ два ряда чеканныхъ шишечекъ. Къ этому орнаментному поясу снизу примыкаютъ четыре группы концентрическихъ полуокружностей изъ маленькихъ точекъ. Между полуокружностями свободное пространство занимаютъ схематичныя фигуры птицъ, обращенныя головами попеременно, то направо, то налѣво. Очертанія птицъ сдѣланы изъ очень маленькихъ точекъ, при чемъ отъ середины головы, приблизительно отъ мѣста глаза. до начала хвоста тянется въ видѣ хребта рядъ болѣе крупныхъ точекъ. По нижнему краю верхней части сосуда

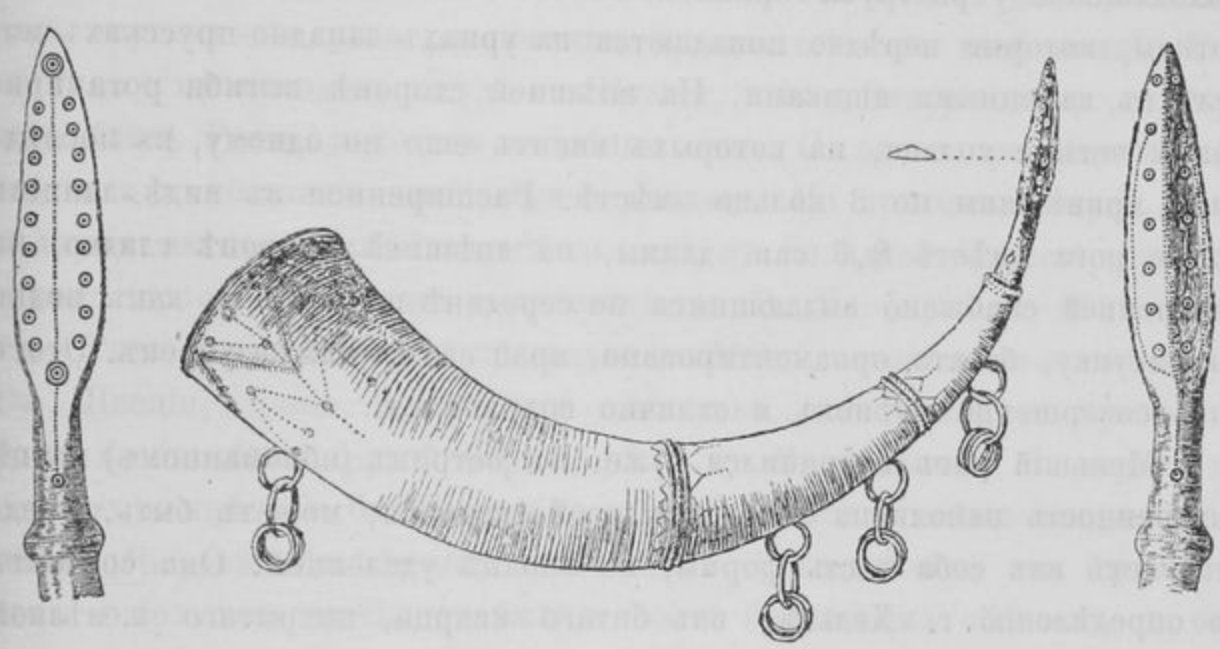


Рис. 47.

идетъ кругомъ рядъ довольно крупныхъ шишечекъ, которыя прерываются двумя ручками, сдѣланными изъ выгнутой проволоки, расплющенной по концамъ. Ближе къ горлу тянется поясъ, состоящій изъ ряда шишечекъ, двойная линія, снова рядъ шишечекъ и, наконецъ, простая линія, съ которой оканчивается выпуклость сосуда. На самомъ горлѣ изъ четырехъ рядовъ маленькихъ шишечекъ подымаются четыре пары орнаментныхъ птичьихъ головъ съ длинными выгнутыми шеями, такими же, какъ на цѣльныхъ фигурахъ птицъ, помѣщенныхъ въ средней части сосуда. Между этими 8 птичьими головами помѣщены вычеканенныя большія выпуклости, охваченныя каждая двумя кольцами. Выше этого горизонтально идущій рядъ шишечекъ заканчиваетъ орнаментъ у самаго края горла. Внѣшняя часть отогнутаго края обложена желѣзной проволокой до 1,5 мм. толщины. Анализъ бронзы, сдѣлан-

ный г. Хельмомъ, показалъ 74,42% мѣди, 15,91% олова и слѣды антимонія, желѣза и никкеля. Серебра, свинца, мышьяку и цинка не оказалось вовсе. Передъ нами, слѣдовательно, чистая, такъ сказать, классическая бронза.

Бо̀льшій, слегка изогнутый спиралью рогъ (см. рис. 47) по величинѣ и формѣ сходенъ съ венгерскими декоративными рогами. Начиная отъ раструба, имѣющаго 10,3 сан. въ діаметрѣ, рогъ суживается понемногу и равномѣрно къ концу, который представляется въ видѣ ланцета. Длина рога по внѣшней сторонѣ 64 сан., а по прямому направленію, отъ остраго конца до внутренняго конца раструба—37 сан. Ободки, украшенные точками и зарубками, дѣлятъ поверхность рога на 4 неравныя части, украшенныя болѣе или менѣе развитымъ орнаментомъ. Находящійся у раструба орнаментъ особенно напоминаетъ извѣстные мотивы, которые нерѣдко попадаются на урнахъ западно-прусскихъ могилъ съ каменными ящиками. На внѣшней сторонѣ выгиба рога припаяны четыре кольца, на которыхъ виситъ еще по одному, къ послѣднимъ привѣшаны по 3 кольца вмѣстѣ. Расширенное въ видѣ ланцета остріе рога имѣетъ 8,6 сан. длины, на внѣшней сторонѣ гладко, на внутренней снабжено выдающимся по серединѣ ребромъ и, какъ видно по рисунку, богато орнаментировано, край его слегка зазубренъ. Этотъ рогъ совершенно крѣпокъ и отлично сохранился.

Меньшій рогъ сохранился хуже. Въ остромъ (обломанномъ) концѣ внутренность наполнена твердой массой, которая, можетъ быть, представляетъ изъ себя часть формы, не вполнѣ удаленной. Она состоитъ по опредѣленію г. Хельма, изъ битаго кварца, покрытаго желѣзной окисью и углемъ и смѣшаннаго съ глиной и известью. Этотъ рогъ согнутъ просто въ дугу, а не въ спираль (какъ выше описанный). На поверхности незамѣтно никакого рисунка и только тремя плоскими ободками, изъ которыхъ одинъ охватываетъ снаружи раструбъ, дѣлится на три части. Недалеко отъ раструба и затѣмъ, на разстояніи 4 сан., припаяны два бронзовыхъ кольца, у одного изъ которыхъ висятъ, вмѣсто трехъ, кольца изъ плющенной бронзы. У другого они, вѣроятно, утеряны. Замѣчательна довольно примитивная починка посредствомъ паянія въ свое время поврежденнаго раструба. Этотъ рогъ отъ внутренней стороны раструба до острія по прямой линіи имѣетъ около 23 сан., а по внѣшней сторонѣ около 30 сан. длины. Діаметръ раструба достигаетъ 7,3 сан. Бронзовый сплавъ рога существенно отличается отъ бронзы сосуда довольно большимъ содержаніемъ антимонія (2,4%) и присутствіемъ незначительнаго количества свинца и серебра. Подобное же содержаніе антимонія г. Хельмъ установилъ для бронзовыхъ вещей

Семиградіи—Венгріи. Залитая въ починкѣ часть содержитъ менѣе олова и очень мало антимонія.

Бронзовые сосуды съ орнаментомъ въ видѣ птичьей головы извѣстные въ Германіи изъ Уніи въ Позенѣ, далѣе изъ одного болота около Гранцина въ Мекленбургѣ и изъ Россина, округъ Анкламъ, за границей изъ Сима въ Ютландіи, изъ торфяного болота у Лавиндсгарда, округъ Одензе, и изъ торфа около Бьерсьогольма въ Шоненѣ. Великолѣпный щитъ изъ болота у Накгелля въ Голландіи имѣетъ въ орнаментѣ цѣлыя фигуры птицъ, какъ въ описанномъ бронзовомъ сосудѣ, отличающіяся, однако, въ частностяхъ отъ послѣднихъ. Подобный же щитъ найденъ и въ Даніи. Находки такого рода принадлежатъ къ числу величайшихъ рѣдкостей. Сосудъ изъ Пренцловица въ томъ отношеніи представляетъ новость, что онъ имѣетъ на себѣ одинъ надъ другимъ два ряда различныхъ орнаментовъ въ видѣ птицъ. По-видимому, происходитъ сосудъ изъ Италіи, гдѣ въ Этруріи, напр., въ Корнето близъ Рима, находятъ подобныя вещи. Съ этимъ предположеніемъ сходится и показаніе химическаго анализа. По времени, сосудъ, какъ и другія находки Галльштадтскаго типа въ Западной Пруссіи, принадлежитъ половинѣ перваго тысячелѣтія до Р. Х.

Рога представляютъ, насколько извѣстно, совершенно новый типъ. Въ Швеціи, Даніи и Ирландіи нѣсколько разъ находили бронзовые рога, но они были другой формы, чѣмъ въ Пренцлавицѣ, и открыты на остромъ концѣ: это были духовые инструменты для войны или религіозныхъ обрядовъ. Извѣстные, кромѣ этихъ, рога сдѣланы изъ бычачьяго рога и большею частію снабжены только бронзовымъ ободкомъ; да они и принадлежали болѣе позднему времени.

Въ общемъ Осскій кладъ содержитъ въ себѣ два выдающихся произведенія высоко развитой культуры и снова даетъ доказательства живому торговому обмѣну между югомъ и мѣстностями по сю сторону Вислы болѣе, чѣмъ за два тысячелѣтія до нашего времени. *В. Швандтъ.*

(Изъ Correspodenz-Blatt der deutschen anthropologischen Gesellschaft. № 5, 1897).

—— Въ дополненіе къ извѣстію, на стр. 42, о находкѣ мозаичной карты Палестины, сообщаемъ о ней нѣкоторыя подробности, данныя въ Академіи надписей Герономъ-де-Вильфоссъ, показавшимъ въ засѣданіи ея рисунокъ. Мозаика эта составляла полъ одной базилики и, судя по надписи, найденной тутъ же, она относится ко времени Юстиніана. Мозаика представляетъ карту Палестины и части Нижняго-Египта, т. е. тѣ страны, гдѣ происходили всѣ событія, извѣстныя намъ изъ Библіи, и исполнена до того хорошо, что туземные жители легко узнаютъ на ней разныя мѣстности. Горы, рѣки и города обозначены гре-

ческими надписями, нѣкоторыя подробности прибавлены для бо́льшей ихъ характеристики: деревья разнаго рода, рыбы, плавающія въ Іорданѣ, лодки на Мертвомъ морѣ и т. п. Города на мозаикѣ обозначены маленькими зданіями, при чемъ при каждомъ изъ нихъ отмѣчена его особенность: при Аскалонѣ значатся его обелиски, при Лиддѣ — его овальная площадь и т. п. Мѣста жительства колѣнъ Израильскаго народа обозначены крупными буквами, равно какъ и разныя ссылки на событія Ветхаго и Новаго Завѣта. Судя по надписи, о которой упомянуто выше, эта мозаика является современной другимъ, найденнымъ — одна въ христіанской базиликѣ въ Мадаба же, и другая — въ Кабръ-Гирамѣ, привезенной Е. Ренаномъ въ Парижъ и нынѣ находящейся въ Луврѣ.

—— Въ засѣданіи Acad. des Inscriptions отъ 22 января с. г. г. Е. Бланъ представилъ золотой эмалевый уборъ съ драгоцѣнными камнями, привезенный имъ изъ путешествія по Центральной Азіи въ 1895 году, и представляющій интересный образчикъ индо-персидской ювелирной работы временъ Возрожденія. Уборъ состоитъ изъ пояса, состоящаго изъ 34 золотыхъ пластинокъ, покрытыхъ эмалью и украшенныхъ алмазами и рубинами и головного украшенія такого же рода. Г. Бланъ полагаетъ, что это работа французскихъ мастеровъ, жившихъ при дворѣ Шахъ-Аббасса въ концѣ XVI вѣка, что Шахъ-Аббассъ преподнесъ сей уборъ своему современнику Великому Моголу въ Дели, откуда онъ снова возвращенъ Надиръ-Шахомъ въ 1739 году.

—— Въ засѣданіи той же академіи отъ 29 января, г. Коллиньонъ доложилъ о документахъ XVII вѣка, касающихся аѳинскихъ древностей — замѣткахъ маркиза-де-Нуантеля, во время его путешествія по Греціи въ 1674 году. Это, во-первыхъ, видъ Акрополя, и, во-вторыхъ — сказаніе объ аѳинскихъ древностяхъ, составленное, повидимому, нѣкимъ капуциномъ, поселившимся въ Аѳинахъ. И то, и другое представляетъ немаловажное дополненіе къ другимъ источникамъ по сему предмету.

—— Въ засѣданіи той же академіи отъ 2 апрѣля с. г. Рейнакъ доложилъ о вновь найденной въ Беотіи бронзовой статуи въ $^2/_3$ естественной величины. Знатоки относятъ ее къ V-му вѣку до Р. Х. На подножіи статуи находится посвященіе богу Посейдону, котораго изображаетъ самая статуя. Посейдонъ представленъ совершенно нагимъ, съ бородой и выставленной впередъ правою ногою. Статуя перенесена въ музей въ Аѳинахъ.

—— Лондонская газета *Times* получила сообщеніе, что оксфордскіе ученые Bernard Grenfelle и A. S. Hunt нашли прошлою зимой

въ Benehsa, древнемъ Oscyrrhyneus въ Египтѣ, множество драгоцѣнныхъ папирусовъ. Benehsa лежитъ на границѣ западной пустыни между Fayum и Minya.

Археологи раньше почти никогда не посѣщали этой мѣстности. Оба ученые почти совсѣмъ не нашли остатковъ отъ зданій. Кирпичи и булыжникъ уже давно были употреблены на постройки. Но подъ старымъ мусоромъ скрывалось множество папирусовъ. Они относятся къ періоду времени отъ римскаго завоеванія до начала арабскаго господства. Въ рукописяхъ встрѣчаются свѣдѣнія, относящіяся къ каждому столѣтію этого періода. Большая часть изъ нихъ написана на греческомъ языкѣ, но встрѣчается также латинскій, коптскій и арабскій языки. Содержаніе найденныхъ папирусовъ до сихъ поръ еще мало извѣстно. Одинъ изъ нихъ содержитъ собраніе *Logia*, то-есть изреченій Христа. Нѣкоторыя изъ этихъ изреченій не находятся въ евангеліяхъ. Опредѣленіе давности этихъ *Logia* составитъ интересную задачу для богослововъ. По преданію, какъ извѣстно, Св. Матѳей былъ собирателемъ этихъ изреченій. Важнѣйшій изъ найденныхъ папирусовъ, представляющій собой рукопись, состоящую изъ 150 большихъ и вполнѣ сохранившихся свертковъ, музей Gizeh оставилъ себѣ. Все остальное отправлено въ Англію, гдѣ находка эта будетъ научно изслѣдована и обработана. Кромѣ этихъ папирусовъ, ученые нашли массу монетъ, бронзовыя и слоновой кости украшенія и другіе предметы римскаго и византійскаго періода. (Моск. Вѣст. № 156, 1897 г.).

—— Проф. Сейсъ разсказываетъ въ январской книжкѣ „Contemporary Review“ объ открытіи въ вавилонскихъ городахъ Телохѣ и Нуфарѣ глиняныхъ дощечекъ съ важными историческими надписями. Въ Телохѣ это открытіе сдѣлано французскимъ консуломъ въ Басрѣ, Сарзекомъ, еще въ 1876—80 г., въ Нуфарѣ же (древнемъ Нипурѣ) американской археологической экспедиціей въ 1888—96 г. найдено 65000 дощечекъ, большая часть которыхъ находится въ Константинополѣ. Американская экспедиція, съ Петерсомъ и Гейсомъ во главѣ, открыла также въ Нипурѣ развалины храма Ваала, основаніе котораго проф. Гильпрехтъ относитъ къ 6—7000 гг. до Р. Х. Вновь найденныя дощечки сообщаютъ много новыхъ данныхъ для исторіи Вавилона и подтверждаютъ то, что было уже раньше извѣстно.

VI.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Славянской коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 24-го января 1897 г. В. М. Истринымъ былъ прочтенъ докладъ „Книга Каафъ и Толковая Палея".

Подъ именемъ „Каафа" разумѣется древне-русскій памятникъ, состоящій изъ 70 вопросо-отвѣтовъ, объясняющихъ нѣкоторыя неясныя мѣста Пятикнижія Моисея. Съ Каафомъ находятся въ связи слѣдующія группы вопросо-отвѣтовъ: 1) „Избранныя Словеса Григорія Ѳеолога"; 2) группа вопросо-отвѣтовъ въ сборникѣ Троице-Сергіевой Лавры, № 770; 3) группа вопросо-отвѣтовъ въ Изборникѣ XIII в. Импер. Публ. Библ. n. Q. I. 18; 4) группа вопросо-отвѣтовъ въ сборникѣ XV в., принадлежащемъ г. Яцимирскому и 5) Толковая Палея. Вопросо-отвѣты заимствованы изъ твореній блаж. Ѳеодорита, но въ другой редакціи, нежели какая извѣстна по печатнымъ изданіямъ. На основаніи сопоставленія этихъ группъ, какъ между собой, такъ и съ греческимъ текстомъ Ѳеодорита, можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) авторъ собранія вопр.-отв. въ сборникѣ г. Яцимирскаго не пользовался ни Троицкимъ собраніемъ, ни собраніемъ Изборника XIII в., ни Каафомъ, такъ какъ въ немъ встрѣчается рядъ вопросовъ, которые, хотя и принадлежатъ тому же Ѳеодориту, не вошли однако въ составъ послѣднихъ четырехъ собраній; 2) авторъ Каафа не пользовался ни Толковой Палеей, ни собраніемъ въ сборникѣ г. Яцимирскаго, ни Троицкимъ собраніемъ, ни Изборникомъ XIII в.; 3) авторъ Троицкаго собранія не пользовался Каафомъ и Изборникомъ, но онъ могъ воспользоваться группой въ сборникѣ г. Яцимирскаго, на что указываетъ то, что a) только въ послѣднемъ встрѣчаются всѣ вопросы группы Изборника; b) ни одинъ вопросъ Каафа, не вошедшій въ составъ группы сборника г. Яцимирскаго, не вошелъ и въ Изборникъ; c) порядокъ вопросовъ въ первой половинѣ примыкаетъ къ порядку группы сборника г. Яцимирскаго; 5) редакторъ Толковой Палеи въ заимствованіи толкованій Ѳеодорита не пользовался ни однимъ изъ указанныхъ собраній; 6) изданная въ Пам. Др. П. 1880 г., вып. I-й. Большаковская группа Ѳеодоритовыхъ вопросовъ не можетъ быть причислена къ спискамъ „Бесѣды трехъ святителей". Она не отражаетъ въ себѣ никакого непосредственнаго вліянія, ни одного изъ вышеприведенныхъ памятниковъ, но вмѣстѣ съ ними восходитъ къ одному общему оригиналу.

Источникомъ всѣхъ перечисленныхъ памятниковъ была группа Ѳеодоритовыхъ вопросо-отвѣтовъ на Пятикнижіе, носившая заглавіе „Толковой Палеи" или „Палеи съ толкомъ". Нужно такимъ образомъ различать болѣе старую „Толковую Палею" и болѣе новую, извѣстную теперь подъ такимъ именемъ. Первая существовала гораздо раньше XIII в. и являлась перево-

домъ съ греческаго языка съ заглавіемъ *Παλαία (διαθήκη) σὺν ἑρμηνείας*; изъ нея дѣлались выписки, изъ которыхъ иныя удерживали старое заглавіе. Редакторъ обличительнаго произведенія іудейскаго нечестія въ числѣ другихъ источниковъ имѣлъ и „Толковую Палею“. Заимствуя изъ нея толкованія, онъ иногда видоизмѣнялъ ихъ и снабжалъ своимъ объясненіемъ. Къ старому названію „Палея съ толкомъ“ онъ сдѣлалъ прибавленіе: „яже на Іудея“, сообразно съ содержаніемъ. Изъ той же первоначальной Толковой Палеи дѣлалъ заимствованія и авторъ Каафа, прибавивъ нѣсколько вопросоотвѣтовъ изъ вопросовъ къ Антіоху и одинъ вопросъ изъ Изборника 1073 г. Имя „Каафъ“ могло быть взято изъ старыхъ толкованій собственныхъ именъ, но на основаніи упоминанія Іоанна Малалы въ числѣ своихъ источниковъ и *Καάθ*, можно думать, что въ византійской литературѣ нѣкогда существовало произведеніе съ такимъ именемъ.

Второй докладъ принадлежалъ М. И. Соколову: „Одинъ изъ источниковъ богомильской книги св. Іоанна“. Извѣстная на латинскомъ языкѣ въ двухъ версіяхъ (по изд. Тило и Деллингера) богомильская книга св. Іоанна принесена была изъ Болгаріи въ Италію во второй половинѣ XII в. Вопросъ о славянскомъ или греческомъ ея оригиналѣ остается спорнымъ, но несомнѣнно, что богомильскій авторъ книги воспользовался въ значительной степени такими литературными апокрифическими памятниками, которые извѣстны пока только въ славянской письменности. Таковы, между прочимъ, легенда о крестномъ древѣ въ редакціи, извѣстной съ именемъ попа Іереміи, и книги Еноха. Референтъ доказывалъ, что эпизодъ объ Енохѣ въ книгѣ св. Іоанна представляетъ не что иное, какъ краткій конспектъ книги Еноха особой редакціи, извѣстной пока только по славянскому переводу. Есть и въ другихъ мѣстахъ книги св. Іоанна несомнѣнные слѣды пользованія славянской редакціею книги Еноха, напр., въ ученіи объ ангелахъ стихій, въ сказаніи о сотвореніи мира, въ ученіи о единобожіи и пр. Фактъ пользованія авторомъ книги св. Іоанна книгой Еноха важенъ для изученія судьбы послѣдней, какой бы ни былъ оригиналъ книги св. Іоанна, греческій или славянскій.

Третій рефератъ П. А. Лаврова „Палеографическія наблюденія надъ евангельскими листками Ундольскаго“. Отмѣтивъ наиболѣе любопытныя особенности листковъ Ундольскаго: заглавныя буквы, расписанныя красной, черной и зеленой красками, способъ письма буквъ внизъ отъ линій, которыми разлиненъ пергаментъ, референтъ остановился на описаніи отдѣльныхъ буквъ, отличающихся законченностію и типичностью, свойственной уставному письму. Таковы, напр., ѫ, ц, ꙋ, ѱ, т, оу, ѡ, ъ, ы, ѧ и др. Но самой интересной и важной особенностію письма, по мнѣнію докладчика, является то, что буквы д, ц, ꙋ, и ѱ пишутся въ строкѣ вровень съ остальными буквами, такъ что хвостики каждой изъ нихъ не заходятъ за строку, какъ это обычно бываетъ въ кирилловскомъ письмѣ. Въ этомъ референтъ предполагаетъ вліяніе пріемовъ глаголическаго письма, въ которомъ буквы, не имѣя хвостиковъ всегда стоятъ въ строкѣ на одной линіи.

Въ засѣданіи Восточной коммиссіи Импер. Моск. Археолог. Общества 31 января 1897 г. были сдѣланы сообщенія о недавно вышедшихъ книгахъ: В. Ѳ. Миллеръ доложилъ о книгѣ Кретчмера—Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen 1896 (заслуживаетъ вниманіе отмѣтка Кретчмера, что въ вопросахъ объ опредѣленіи народности данныя антропологическія обыкновенно менѣе надежны, чѣмъ лингвистическія). М. О. Аттая доложилъ о двухъ арабскихъ книгахъ: словарь именъ (имена собственныя и имена животныхъ), начинающихся съ *абу*—Ibn Alatîr's Magd aldin al Murabak, Kunja — Wörterbuch betitelt Kitabal Murassa, herausgegeben von Seybold, Weimar, 1896 и трактатъ о податяхъ — Kitab ul-Kharaj, Le livre de l'impot foncier de Jahya ibn Adam, par Inaboll, Leide, 1896.—С. Е. Саковъ доложилъ два сообщенія г. Шиленкова: 1) о Хуссейнъ-бекѣ, мусульманскомъ святомъ, у башкиръ во времена Болгарскаго царства въ X—XI вѣкѣ; 2) о „дворцѣ Тура-хана“ при деревнѣ Термы. Г. Шиленковъ препровождаетъ: описаніе мѣстности, гдѣ находится гробница Хуссейнъ-бека, описаніе гробницы, посѣщенной имъ въ 1896 г., фотографіи надписей ея, запись мѣстныхъ преданій о постройкѣ гробницы въ 1326 году будто бы Тамерланомъ (род. 1334 г.). По мнѣнію С. Е. Сакова, фотографіи дополняютъ и исправляютъ нѣкоторыя мѣста въ изданіи Вильяминова-Зернова (Труды Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, ч. I, Спб., 1859 г.). „Дворецъ Тура-хана“ г. Шиленковъ признаетъ сторожевой башней (по характеру постройки и по даннымъ мѣстности).

Г. А. Халатьянцъ сообщилъ „О неизданныхъ армянскихъ апокрифахъ въ русскомъ переводѣ Н. О. Эмина“. На обильную и чертами древности и сохранности, весьма цѣнную для изученія апокрифовъ, армянскую апокрифическую литературу первый обратилъ вниманіе Н. О. Эминъ, напечатавшій въ „Правосл. Обозр.“ 1874—1880 г. свой, снабженный примѣчаніями, переводъ семи апокрифовъ: Сказаніе о преставленіи Богородицы и ея образѣ, писанномъ св. Іоанномъ; Сказаніе объ успеніи евангелиста Іоанна; о Кенопасѣ и злохитростномъ чародѣйствѣ его предъ Іоанномъ; объ евангеліи Іоанна; о видѣніи Іоанна; о Ѳаддеѣ и Варѳоломеѣ, апостолахъ Арменіи; объ образѣ Іисуса Христа.—Въ подготовительномъ комитетѣ къ Тифлисскому Археологическому Съѣзду 1881 г. Эминъ сдѣлалъ сообщеніе о важности такихъ памятниковъ армянской литературы, а затѣмъ представилъ списокъ болѣе ста любопытныхъ апокрифовъ, составленный по каталогу Эчміадзинской библіотеки. Наконецъ, въ завѣщаніи своемъ, кромѣ 10.000 р., оставленныхъ Лазаревскому Институту на изданіе сборниковъ по армянской этнографіи, Эминъ отказалъ въ пользу Венеціанскихъ Мхитаристовъ 10.000 фр. на изданіе новооткрытыхъ памятниковъ армянской литературы, а также армянскихъ апокрифовъ. Въ осуществленіе этой мысли, въ 1896 г. вышелъ въ Венеціи первый изящный томикъ армянскихъ апокрифовъ, всего болѣе 50, частью по рукописямъ, какія нашлись въ библіотекѣ Мхитаристовъ на о. св. Лазаря, частью въ перепечаткахъ. Самъ Эминъ, кромѣ семи уже

изданныхъ переводовъ, оставилъ еще три въ рукописи: Видѣніе Богородицы („Хожденіе Богородицы по мукамъ“); о блаженномъ Зосимѣ; и, любопытнѣйшій изъ всѣхъ (греческій подлинникъ его сохранился лишь въ отрывкахъ)—повѣсть объ Іосифѣ и Асенеѳѣ. Въ засѣданіи 31 января докладчикъ успѣлъ прочесть лишь два первые перевода и сообщилъ, что въ скоромъ времени появится III вып. сочиненія Эмина, куда войдутъ всѣ десять сдѣланныхъ имъ переводовъ—армянскихъ апокрифовъ.

Въ засѣданіи той-же Коммиссіи Импер. Москов. Археолог. Общества 2 апрѣля 1897 г. М. В. Никольскій сообщилъ о статьяхъ по восточной филологіи въ изданномъ въ честь Ѳ. Е. Корша сборникѣ *Χαριστήρια* (Г. А. Муркосъ „Нѣкоторые курьезы англійскаго перевода путешествія антіохійскаго патр. Макарія въ Россію въ XVII в.“; Л. З. Мсеріанца „Къ интерпретаціи ваннскихъ надписей“; М. В. Никольскаго „Janhm и Bo'az (1 Царствъ 7, 21)“; М. О. Аттая „Этимологическій разборъ арабскихъ словъ, оканчивающихся на -аб“). По поводу статьи Г. А. Муркоса, докладчикъ указывалъ на высокую желательность имѣть кромѣ полнаго перевода, которымъ мы обязаны теперь Г. А. Муркосу, имѣть и изданіе арабскаго подлинника путешествія Макарія, со сличеніемъ различныхъ его рукописей. Подробно остановившись на статьѣ М. О. Аттаи, который объясняетъ окончаніе корня на аб, іб, уб въ личныхъ именахъ и въ именахъ животныхъ какъ слово *абу*—отецъ, — М. В. и горячо возражалъ противъ построенія этимологическихъ выводовъ на данныхъ одного только языка изъ семьи, и вообще выразилъ несогласіе какъ съ методомъ, такъ и съ результатами изслѣдованія. М. О. Аттая прочелъ письмо Ѳ. Е. Корша, представляющаго обсужденію коммиссіи двѣ свои замѣтки: 1) случаями пропуска конечнаго корневаго звука *б* при образованіи въ арабскомъ яз. такихъ отъименныхъ какъ *мадхалятун, махкаритук* отъ *дахлябун, хакрабун* или множественнаго какъ *ханадилюн* отъ *хандалибун* — могутъ подтверждаться основные выводы въ статьѣ М. О. Аттаи, хотя требуется еще изученіе другихъ случаевъ урѣзокъ корня съ конца при образованіи множественнаго числа уменьшительныхъ, прилагательныхъ на іййюнъ, особенно въ позднѣйшемъ изыкѣ (*хадрамійййюн* отъ *хадрамутун*). Вопросъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія 5- и 4-буквенныхъ корней и притомъ не въ одномъ арабскомъ языкѣ, ибо идетъ вглубь прасемитскаго языка. Различая степень древности разныхъ урѣзокъ корня, Ѳ. Е. думаетъ, что исходнымъ пунктомъ для такой аналогіи, по которой слишкомъ долгіе корни стали, при извѣстныхъ словообразованіяхъ, укорачиваться съ конца,—должны были послужить именныя основы, осложненныя суффиксомъ или иною постороннею корню величиной, и что такими основами могли быть именно слова на *аб*. 2) Объясненіе загадочнаго персидскаго *bamä=вино*, Ѳ. Е. предполагаетъ, что оно искусственно произведено отъ *bam=вѣтеръ*, въ аналогію съ арабской парой словъ: *рах=вино* и *рих=вѣтеръ*.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

М. О. Аттая въ своей части доклада „Къ сказанію о Мудромъ Хакирѣ“, представилъ коммиссіи арабскій и сирскій текстъ этого сказанія, изданный съ нѣмецкимъ переводомъ Лицбарскимъ въ книгѣ: „Die neu-aramäischen Handschriften der Königl Bibl. zu Berlin, 1896 г., и прочелъ свой переводъ другой арабской редакціи, по изданію Salhani, Beyrouth, 1890, сдѣланному по двумъ рукописямъ: университета св. Іосифа въ Бейрутѣ 1782 г. и Парижской Нац. библ. 1772 г.

Въ засѣданіи той-же Коммиссіи Импер. Москов. Археолог. Общества 29 апрѣля 1897 г. Г. А. Халатьянцъ продолжилъ свое чтеніе 31 января (см. выше) докладомъ: „Армянскій изводъ Повѣсти объ Іосифѣ и Асенеѳѣ въ переводѣ Н. О. Эмина“. Армянская хронографія Мхитара Айриванскаго (XIII в.) приводитъ списокъ „священныхъ и тайныхъ“ (т. е. каноническихъ и апокрифическихъ) книгъ В. З., приписывая его ученому армянскому вардапету конца XI и нач. XII в. Іоанну Дьякону. Здѣсь послѣ „Завѣтовъ 12 патріарховъ“ стоитъ „Молитва Іосифа“, а въ древнѣйшей версіи „Молитва Асенеѳы“. Первая извѣстна изъ Оригена, въ отрывкахъ (хотя въ отрывкахъ этихъ приводятся лишь слова Іакова). Современникъ Мхитара, ученый сиріецъ Эбедъ Есу, въ своемъ знаменитомъ Каталогѣ называетъ между книгами В. З. „Книгу Асенеѳы, жены Іосифа праведнаго, сына Іакова“. А съ XIV в. во множествѣ рукописей „Завѣты 12 патріарховъ“ сопровождаются „Повѣстью Іосифа и Асенеѳы“.

Повѣсть Іосифа и Асенеѳы, вѣроятно, тожественна съ молитвой Асенеѳы, которую знаетъ Іоаннъ Дьяконъ. Она помѣщена въ сокращенномъ латинскомъ текстѣ у Викентія Бовезскаго въ Speculum historiale и у Фабриція въ Codex Pseudepigraphus V. T. (старинный французскій переводъ съ лат. текста, Ystoire Assenth, изданъ въ 1858 г.). Начало греческаго текста (почти четверть) издано у Фабриція же, въ видѣ гораздо болѣе распространенномъ, чѣмъ латинская версія. Къ сожалѣнію, продолженія повѣсти въ этой, повидимому, древнѣйшей формѣ, доселѣ не найдено. Армянскій переводъ, сдѣланный съ греческаго, даетъ *полный* текстъ (за исключеніемъ одного мѣста, гдѣ имѣется интерполяція, и незначительныхъ пропусковъ у переписчиковъ), и настолько точенъ, что мѣстами даетъ возможность исправлять текстъ сохранившагося греческаго отрывка. Армянскій текстъ изданъ венеціанскими мхитаристами въ ихъ научно-литературномъ журналѣ Polyhistor, 1885—6 гг. и въ венеціанскомъ сборникѣ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ 1896 г., стр. 152 — 199. Наконецъ, Ландъ въ Anecdota Syriaca, 1870 г., издалъ, комбинируя отрывки двухъ рукописей Брит. Музея, сирскій переводъ, сдѣланный съ греческаго же текста въ VI в. Переводъ этотъ дефектный во многихъ мѣстахъ, значительно сокращенъ въ сравненіи съ армянскимъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ они могутъ взаимно исправлять другъ друга. Г. А. Халатьянцъ прочелъ нѣсколько отрывковъ этого интереснѣйшаго апокрифа по переводу съ армянскаго, сдѣланному Эминымъ. При обсужденіи доклада

отмѣчались яркія талмудическія черты сказанія, при чемъ В. Ѳ. Миллеръ привелъ разсказъ о красотѣ Іосифа по Сеферъ Хайяшеръ; М. О. Аттая указалъ наличность отдѣльныхъ чертъ изъ Повѣсти у Аттабари; М. В. Никольскій указывалъ на необходимость сравненія рукописей при изданіи: отсутствіе относящихся сюда указаній въ изданіяхъ армянскихъ памятниковъ, и въ данномъ случаѣ, и даже при такомъ важномъ памятникѣ какъ Моисей Хоренскій, нерѣдко сводитъ на нуль научное значеніе изданія.

В. Ѳ. Миллеръ по поводу сдѣланнаго М. О. Аттаей перевода съ арабской версіи „*Сказанія о мудромъ Хайкерѣ*“ (см. засѣд. 2 апрѣля), остановился на литературной исторіи этой повѣсти. Карамзинъ, по французскому переводу 1001 ночи предположилъ передѣлку восточной сказки въ древнерусскомъ сказаніи: „Синагрипъ царь Адоровъ и Наливскія страны“. Въ XVIII в. Ассемани, а позднѣе Цюндель, Вагенеръ, Келлеръ и др. указали передѣлку оттуда же въ средней части греческой біографіи Эзопа, приписываемой Максиму Планудѣ. Въ 1894 г. Мейсснеръ и Лицбарскій (ZDMG) доказали, что арабская версія основана на сирской (извѣстной въ рукописяхъ), но расходилась въ опредѣленіи отношенія сирской версіи къ біографіи Эзопа. О глубокой древности сказанія свидѣтельствуетъ фактъ впервые отмѣченный Гофманномъ: упоминаніе объ Ахіакарѣ и его несчастіи по неблагодарности воспитанника въ книгѣ Товита (изд. Tischendorf-Nestle, I, 645. Принятый русскій текстъ библіи, Тов. 14,10) [1]). Излагая мнѣнія Мейсснера и Лицбарскаго, В. Ѳ. склонялся къ послѣднему, по коему оригиналъ повѣсти былъ, вѣроятно, написанъ по-еврейски или по-арамейски. Сюда восходитъ сирская версія, впослѣдствіи передѣланная въ арабскую; сирская же версія была съ одной стороны передѣлана по-гречески въ біографію Эзопа, а съ другой—переведена на греческій безъ измѣненія именъ. Къ этой греческой, не найденной до сихъ поръ, версіи восходитъ южно-славянская, существующая на разныхъ ступеняхъ передѣлки; къ южно-славянской — русская повѣсть объ Акирѣ. Къ восточнымъ передѣлкамъ слѣдуетъ присоединить и армянскую, напечатанную въ 1894 г. въ русской передѣлкѣ въ XIX вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, г. Бунятовымъ. Остановившись на работѣ этой версіи и отмѣтивъ совпаденіе ея въ *пятнадцати* наставленіяхъ Хикара Натану съ южно-славянской, В. Ѳ. пришелъ къ предположенію, что армянская, какъ и славянская, восходитъ, быть можетъ, къ утраченной греческой передѣлкѣ. При этомъ, впрочемъ, докладчикъ отмѣтилъ и нѣкоторыя черты, сближающія армянскій пересказъ съ сирско-арабскими, и выразилъ надежду, что непосредственный источникъ армянской версіи будетъ уясненъ армеистами.

При обсужденіи доклада М. В. Никольскій, въ виду отсутствія въ повѣсти іудаистическихъ чертъ, подвергалъ сомнѣнію предполагаемое происхожденія ея во II в. до Р. Х. и предполагалъ, не были ли неясныя ука-

---

[1]) Ср. Тов. 1, 21 и 22; 2, 10; 11, 17.

занія книги Товита поводомъ для возникновенія повѣсти въ эпоху значительно болѣе позднюю и не на еврейской почвѣ.

Въ засѣданіе Археографической Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 19 марта 1897 года Д. Я. Самоквасовъ прочиталъ рефератъ подъ заглавіемъ „Значеніе, форма и изданіе архивныхъ описей". Референтъ началъ свой докладъ съ историческаго обзора даннаго вопроса. Законы 2 апрѣля и 4 іюля 1852 г., положившіе основаніе тремъ западно-русскимъ центральнымъ архивамъ и Московскому архиву министер. юстиціи, не опредѣлили въ точности системы описательной дѣятельности этихъ учрежденій. Законъ требовалъ „составленія предварительныхъ краткихъ описей актовымъ книгамъ, съ означеніемъ нумера каждаго документа, его содержанія, мѣсяца и числа, когда оный составлялся и когда явленъ, печатаніе такихъ описей и содержаніе полныхъ и подробныхъ каталоговъ документамъ, имѣющимъ историческое или вообще научное значеніе". Съ теченіемъ времени описательная дѣятельность въ разныхъ архивахъ приняла различное направленіе. Далѣе, референтъ подробно остановился на характеристикѣ описаній архивныхъ документовъ, введенныхъ въ Московск. архивѣ министерства юстиціи при бывшихъ директорахъ архива — Ивановѣ и Калачевѣ. Указавъ на заслуги обоихъ, докладчикъ, анализируя мнѣнія Калачева, высказанныя имъ въ разныхъ статьяхъ и оффиціальныхъ запискахъ, отмѣтилъ нѣкоторое колебаніе и противорѣчіе въ его взглядахъ на архивныя описи. Въ 1887 г. архивъ министерства юстиціи былъ преобразованъ, получивъ теперешнее его устройство; по закону 1887 г. на архивъ возлагалось „составленіе описей и указателей хранящимся въ архивѣ дѣламъ и документамъ и научная разработка и изданіе сего матеріала". Далѣе Д. Я. Самоквасовъ перешелъ къ изложенію мнѣній, высказанныхъ по данному вопросу Петербургской Археографической Коммиссіей. Послѣдняя, въ 1870 г. по поводу проектированной Кіевскимъ центральнымъ архивомъ замѣны описей алфавитами, обсуждала вопросъ о значеніи, формѣ и изданіи архивныхъ описей. По выслушаніи мнѣній по этому вопросу академика А. Ѳ. Бычкова, Костомарова, Кояловича и Муханова, Коммиссія единогласно пришла къ заключенію о необходимости составленія и печатанія краткихъ инвентарныхъ описей древнихъ актовъ. Вторично такъ же Коммиссія высказалась по данному вопросу и въ томъ же смыслѣ въ 1877 г. Наконецъ, вопросъ о значеніи, формѣ и изданіи архивныхъ описей былъ обсуждаемъ въ 1893 г. особой Высочайше утвержденной Коммиссіей при министерствѣ народнаго просвѣщенія; въ нее вошли проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, проф. Д. Я. Самоквасовъ, гг. Барсуковъ, Труворовъ, Спрогисъ, Чистовичъ и др. Она пришла къ заключенію о необходимости составленія и изданія краткихъ инвентарныхъ описей и единогласно признала наиболѣе подходящею ту систему, которая была выработана въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. „Сохранить—говорится въ заключеніи этой коммиссіи—въ порядкѣ и цѣлости

матеріалы нашей историко-юридической жизни и доказательства правъ государства и народонаселенія для будущихъ поколѣній — наша первая, прямая и священная обязанность, а исполнить эту обязанность возможно только посредствомъ такихъ инвентарныхъ описей архивнаго содержанія, какая принята въ текущемъ году московскимъ архивомъ министерства юстиціи". Что касается этой послѣдней, то она обсуждалась чинами названнаго архива въ теченіе цѣлаго года и только по тщательномъ разсмотрѣніи была введена.

Разсмотрѣвъ состояніе даннаго вопроса въ наукѣ, референтъ высказалъ, въ заключеніе, что составленіе и печатаніе инвентарнаго описанія документовъ архивовъ древнихъ актовъ, съ обозначеніемъ внѣшнихъ признаковъ каждой рукописи, ея номера, времени, количества листовъ, сущности содержанія и дефектовъ, требуютъ отъ архивовъ и законодательствъ и людей науки. Это требованіе обусловлено слѣдующими основаніями:

„1) Инвентарное описаніе служитъ средствомъ охраны, потому что даетъ возможность произвести ревизію архива и возвратить въ него описанную похищенную рукопись, гдѣ бы она ни оказалась.

„2) Инвентарное описаніе необходимо архиву для изготовленія и выдачи справокъ по прошеніямъ частныхъ лицъ и требованіямъ присутственныхъ мѣстъ.

„3) Напечатанное инвентарное описаніе съ приложеніемъ указателей служитъ лучшимъ, полнымъ средствомъ ознакомленія ученыхъ людей съ содержаніемъ архивовъ древнихъ актовъ.

„4) Инвентарное описаніе обусловливаетъ собою порядокъ храненія документовъ въ архивѣ и скорость выдачи рукописей для практическихъ справокъ и научныхъ занятій".

Предлагая обсудить свои положенія, референтъ выразилъ желаніе, чтобы Коммиссія разсмотрѣла также форму инвентарнаго описанія документовъ, принятую въ московскомъ архивѣ юстиціи: особенно желательны были бы указанія въ той части этой формы, которая относится къ содержанію документовъ.

Рефератъ Д. Я. Самоквасова вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Первымъ дѣлалъ замѣчанія В. Н. Сторожевъ. Въ характеристикѣ ученой дѣятельности Иванова, по его мнѣнію, слѣдовало бы привлечь и труды послѣдняго по описанію Разряда и др. Опонентъ не соглашался также съ оцѣнкой данной въ рефератѣ, взглядамъ Калачева: „Калачевъ слѣдовалъ Иванову; въ данномъ отношеніи замѣчается явное историческое преемство". Между тѣмъ работы Иванова представляютъ первое систематическое описаніе документовъ; онѣ были отмѣчены и Кавелинымъ. Работы, сдѣланныя подъ руководствомъ Калачева, имѣютъ важное научное значеніе, каковы труды Голубева.

Въ засѣданіи той-же коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 31 марта 1897 года М. А. Веневитиновъ прочелъ

рефератъ: „Политическіе намеки въ бумажныхъ украшеніяхъ“. Референтъ обратилъ вниманіе на цѣлый рядъ украшеній и намековъ, находящихся на почтовой бумагѣ письма одной фрейлины къ Адельбергъ; письмо писано изъ Гатчины. Въ виньеткѣ вытиснено много выраженій, содержащихъ намеки на политическія дѣла конца прошлаго вѣка, и среди нихъ обращаютъ вниманіе намеки на континентальную систему, французскую республику, на вражду Англіи и Франціи, на политическихъ дѣятелей того времени (Каннинга, Питта и др.) и пр. Бумага англійскаго происхожденія, что, между прочимъ, доказывается и именемъ фабриканта (Hayss and Wise). Эта бумага, между прочимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ англійскіе фабриканты воспользовались политикой для рекламы. Хотя письмо помѣчено 14 окт. 1809 г., но такъ какъ въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на Наполеона, то, вѣроятно, сама бумага относится къ болѣе раннему времени — ко времени импер. Павла.

Вторымъ былъ прочитанъ рефератъ С. К. Богоявленскаго „Статистическіе матеріалы по исторіи посадскаго населенія XVII вѣка“. Отмѣтивъ новѣйшія работы по исторіи западнаго средневѣковаго города, референтъ указалъ на недостатокъ подобныхъ работъ по исторіи русскаго города XVII в. Далѣе, содержаніемъ доклада было изложеніе тѣхъ цыфровыхъ данныхъ, какія можно почерпнуть изъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ XVII вѣка. При этомъ былъ отмѣченъ тотъ фактъ, что чрезвычайно быстрое увеличеніе числа посадскихъ дворовъ въ первую половину вѣка, рѣзко замедлилось во вторую половину, тогда какъ подворное населеніе увеличилось. Референтъ отмѣтилъ также характерныя черты роста посадскаго населенія различныхъ частей Россіи и объяснялъ это особенностями экономическихъ условій и эмигрированіемъ населенія. Докладъ иллюстрировался таблицами, а для показанія значенія цыфръ были приводимы статистическія данныя о движеніи населенія западной Европы.

Въ засѣданіи той-же коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 8 апрѣля 1897 года П. П. Никольскій прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ „Обзоръ рукописей и источниковъ Вертограда многоцвѣтнаго Симеона Полоцкаго“. Докладчикъ пользовался при изученіи вопроса четырьмя рукописями Вертограда: Сборникомъ типографской библіотеки № 441 (сборникъ Игнатія Іевлевича), № 1802 той же библіотеки (вирши Симеона Полоцкаго), рукописью № 288 Синодальной библіотеки и № 659 той же библіотеки. Охарактеризовавъ рукописи, референтъ остановился на рукоп. № 659, которая, по его мнѣнію, представляетъ автографъ. Переходя далѣе по составу памятника, П. П. Никольскій нашелъ возможнымъ раздѣлить содержаніе его на пять категорій. Особенный интересъ представляетъ категорія сказаній легендарнаго характера. Источниками ея являются два общеизвѣстные сборника—Magnum speculum и Gesta Romanorum. Оба сборника извѣстны въ русскихъ и польскихъ переводахъ, но,

по мнѣнію референта, Полоцкій для своего труда пользовался латинскимъ оригиналомъ Magnum speculum, потому что русскій переводъ Зерцала относится къ 1677 г., а характерная черта польской редакціи отсутствовала въ Вертоградѣ. Что касается Gesta Romanorum, то докладчикъ обратилъ вниманіе на иногда почти дословный переводъ статей Дѣяній въ Вертоградѣ. Второй рефератъ былъ прочитанъ секретаремъ коммиссіи Довнаромъ-Запольскимъ, предложившимъ обзоръ новѣйшихъ трудовъ по археографіи и палеографіи. Докладчикъ разсмотрѣлъ слѣд. труды: Е. Ѳ. Карскаго—„Лекціи по славянской кирилловской палеографіи (Варшава, 1897 г.), г. Орлова—„Сборники Московской типографской библіотеки“, в. I (М. 1897), проф. Дьяконова—„Акты по исторіи тяглаго населенія Московскаго государства“, в. II (Юрьевъ, 1897 г.), изданные П. Н. Милюковымъ „Алфавитъ на имянныя книги пехотнаго Азовскаго полку“ (Рязань, 1897 г.), „Извѣстія“ Тамбовской ученой архивной коммиссіи, вып. XLI; „Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки“, в. II (В. 1897); д-ра Финкеля „Bibliografia Historyi polskiej“, ч. II, в. II; М. А. Веневитинова — „Русскіе въ Голландіи, вел. посольство 1697 г.“

Засѣданіе той же коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 28 апрѣля 1897 года. Члены Археологической коммиссіи, благодаря содѣйствію предсѣдателя Общества графини П. С. Уваровой, получили возможность осмотрѣть въ началѣ апрѣля наст. года Московскій губернскій архивъ старыхъ дѣлъ. Результаты этого осмотра были изложены членомъ коммиссіи П. А. Кожевниковымъ въ засѣданіи ея 28 апрѣля. Референтъ прежде всего познакомилъ коммиссію съ исторіей архива, основаннаго въ 1828 г. по представленію тогдашняго моск. ген.-губ. кн. Д. В. Голицына и до 90-хъ годовъ находившагося въ вѣдѣніи моск. ген.-губернатора, а въ настоящее время переданный въ распоряженіе моск. губернскаго правленія. Нашъ архивъ помѣщается въ семи мѣстахъ—въ трехъ башняхъ Китайской стѣны (а именно — въ башняхъ Воспитательнаго дома, на Старой площади и во Владимирской), въ двухъ башняхъ кремлевской стѣны (Арсенальной и Никольской) и въ двухъ кладовыхъ при губернскомъ правленіи. Въ архивѣ сосредоточены дѣла слѣд. учрежденій: канцеляріи моск. ген.-губернатора, моск. губ. правленія, казенной палаты, дворянской опеки, губернскаго магистрата, городской думы, словеснаго суда, цензурнаго комитета и нѣкоторыхъ другихъ. Сдача дѣлъ продолжается и теперь. Всего въ архивѣ хранится болѣе 2 милліоновъ дѣлъ, изъ которыхъ болѣе 300,000 относящихся къ прошлому вѣку. Древнѣйшія дѣла относятся къ 1755 году. Охарактеризовавъ содержаніе архива и указавъ на важное значеніе хранящихся въ немъ историческихъ матеріаловъ, докладчикъ обратилъ вниманіе на то положеніе, въ которомъ находится нашъ архивъ. Изъ семи помѣщеній архива, только одно, недавно устроенное въ Арсенальной башнѣ, вполнѣ удовлетворительно для храненія архивныхъ документовъ, а два помѣщенія

(башни у Воспитательнаго дома и на Старой площади) способствуютъ скорѣе уничтоженію, чѣмъ сохраненію матеріала; въ послѣднихъ сырость уничтожила уже массу дѣлъ и продолжаетъ уничтожать, почему необходимо немедленно перенести оставшіеся документы въ другое помѣщеніе. Правда, завѣдующій въ настоящее время архивомъ сов. губ. правл. кн. Урусовъ сдѣлалъ соотвѣтственное представленіе московскому губернатору. — Второй рефератъ былъ прочтенъ А. И. Яцимирскимъ о рукописяхъ Нямецкаго монастыря въ Румыніи. Референтъ, указавъ на важное значеніе славянскихъ памятниковъ, находящихся въ румынскихъ древнехранилищахъ, остановился на болѣе замѣчательныхъ рукописяхъ Нямецкаго монастыря. Среди рукописей особенный интересъ имѣютъ книги, переписанныя писцомъ Гавріиломъ, XV в.; такихъ рукописей весьма много (18) и онѣ указываютъ на оживленную дѣятельность въ монастырѣ по перепискѣ книгъ. Особенно важны нѣкоторыя записи въ рукописяхъ, изъ которыхъ однѣ даютъ новыя любопытныя данныя о Григоріи Цамблакѣ, а другія—указываютъ на литературныя сношенія братіи съ сосѣдними монастырями и съ болгарскими.

Въ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности 21 марта 1897 года, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, были прочитаны два реферата: 1) Н. В. Волкова „Дѣйствительно-ли безыменна была большая часть трудовъ древнерусскихъ списателей?“ и 2) Н. В. Покровскаго „О Каляснковскомъ синодикѣ“. Н. В. Волковъ, придавая слову „списатель“ значеніе переписчика, коснулся въ своемъ рефератѣ вопроса о томъ, насколько основательно господствующее въ наукѣ мнѣніе, что большинство нашихъ древнихъ рукописей XI — XIV вѣковъ не имѣетъ подписи переписчика, и что причиной этого надо считать ихъ скромность, побуждавшую ихъ оставлять рукопись безыменной. Всѣхъ рукописей за указанный періодъ времени Н. В. Волковъ разсмотрѣлъ 690, и изъ нихъ 115 имѣютъ запись, на которой указано не только имя автора, но и годъ и мѣсто написанія рукописи, а часто также и то, для кого или по чьему благословенію она написана. Значительное большинство остальныхъ рукописей представляетъ неполныя рукописи, причемъ чаще всего недостаетъ первыхъ или послѣднихъ листовъ, т.-е. именно тѣхъ, на которыхъ обыкновенно дѣлалась запись. Неполный составъ безыменныхъ рукописей даетъ намъ такимъ образомъ право предполагать, что на нихъ только оттого нѣтъ записи, что она утрачена съ недостающими листами. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы имѣемъ нѣсколько рукописей, въ которыхъ уцѣлѣла только часть записи. Ближайшее знакомство съ записями открываетъ намъ, что списатель часто въ записи одной какой-либо изъ числа цѣлаго ряда переписанныхъ имъ рукописей упоминалъ и о другихъ трудахъ своихъ; не мало есть книгъ, подъ которыми обозначено только время написанія. Отсюда мы вправѣ вывести предположеніе, что переписчикъ, получивъ большой заказъ, только на одной рукописи помѣчалъ свое имя, а

на остальныхъ указывалъ только время окончанія труда или не дѣлалъ даже и этого. Въ виду того, что на переписываніе книгъ въ древней Руси смотрѣли, какъ на дѣло богоугодное, душеспасительное, въ виду того, что въ записяхъ обыкновенно мы находимъ обращенія къ читателямъ, мы, по мнѣнію референта, не имѣемъ права думать, чтобы излишняя скромность могла заставлять списателя скрывать свое имя: наоборотъ, онъ, по крайней мѣрѣ, въ сохранившихся записяхъ обращается къ будущимъ читателямъ съ просьбой не проклинать его за ошибки, исправлять ихъ, а его самого помянуть въ своихъ молитвахъ. Все это приводитъ референта къ убѣжденію, что большинство памятниковъ древне-русской письменности имѣли первоначально записи, не дошедшія до насъ по простой случайности. И лишь въ XIV вѣкѣ, когда у насъ появились профессіональные переписчики, рукописи становятся анонимными. Академикъ Л. Н. Майковъ замѣтилъ на это, что „списатель“ значитъ не только „переписчикъ“, но также и „авторъ“. Наша древняя литература небогатая, правда, оригинальными произведеніями, имѣетъ не мало памятниковъ, переведенныхъ на Руси, а между тѣмъ имена переводчиковъ не сохранились. Если принять предположеніе Н. В. Волкова, что большинство списателей-переписчиковъ подписывали свое имя подъ своимъ вполнѣ механическимъ трудомъ, то какъ же объяснить, что списатель-переводчикъ оставлялъ свой трудъ анонимнымъ; и на этомъ основаніи Л. Н. Майковъ предполагаетъ, что не слѣдуетъ довольно обычное отсутствіе имени переписчика рукописи относить на счетъ одной неисправности рукописи.

Н. В. Покровскій посвятилъ свой рефератъ разсмотрѣнію изданнаго обществомъ, иждивеніемъ Г. В. Юдина, Калясниковскаго синодика. Указавъ на то, что данный синодикъ, написанный въ 40-хъ годахъ XVII столѣтія, не принадлежитъ ни къ одной изъ трехъ редакцій синодика, принятыхъ пр. Пѣтуховымъ, Н. В. Покровскій сказалъ, что нашъ синодикъ не представляетъ ничего оригинальнаго. Судя по тому, что въ немъ часто встрѣчаются повторенія, что въ немъ перебиты листы, надо думать, что синодикъ этотъ представляетъ изъ себя механическій и не особенно аккуратный сводъ нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ двухъ синодиковъ; мало того послѣдніе листы его, писанные другимъ почеркомъ и на другой бумагѣ, пришиты сюда, повидимому, совершенно изъ другого синодика. Но не представляющій ничего особеннаго по содержанію, синодикъ этотъ любопытенъ по двумъ (изъ 32) миніатюрамъ, интереснымъ по своей символической концепсіи.

Послѣ этого реферата А. А. Титовъ сообщилъ о реставраціи „Іераршаго дома“ въ Ростовѣ Великомъ, сдѣланной по плану и рисункамъ Султанова; причемъ А. А. показалъ фотографическіе снимки дома до реставраціи и послѣ нея. (Спб. Вѣд., № 81, 1897 г.).

Въ засѣданіи того же Общества, 4-го апрѣля 1897 г. подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева, С. Л. Пташицкій сдѣлалъ сообщеніе о „Русской редакціи исторій изъ Римскихъ дѣяній и о ея отношеніи къ западно-

европейскимъ текстамъ". Указавъ на распространенность этого памятника, подъ именемъ Gesta Romanorum, въ западной и средневѣковой Европѣ, референтъ замѣтилъ, что русская редакція „Римскихъ дѣяній" близко подходитъ къ польской редакціи, отличаясь, какъ и послѣдняя, отъ всѣхъ остальныхъ западныхъ редакцій числомъ повѣстей. Такъ, въ редакціяхъ русской и польской число повѣстей бываетъ или 39 или 40, между тѣмъ въ западныхъ редакціяхъ оно переходитъ за сто. На польскую же редакцію, какъ на оригиналъ русскаго перевода, указываетъ также и языкъ дошедшихъ до насъ 14 русскихъ списковъ разсматриваемаго памятника. Всѣ списки по расположенію въ нихъ повѣстей могутъ быть сведены къ тремъ группамъ, но для всѣхъ ихъ послужила оригиналомъ одна и та же редакція и притомъ польская; въ томъ могутъ насъ убѣдить общіе имъ всѣмъ полонизмы, нерѣдко переведенные въ позднѣйшихъ спискахъ, а также и общія имъ ошибки, происшедшія вслѣдствіе плохого знанія переводчикомъ польскаго языка. Такъ, напр., во всѣхъ русскихъ спискахъ мы находимъ непонятное *кора льсу*, и только въ одномъ позднѣйшемъ—неудачную поправку *королеву;* оказывается при сравненіи съ польскимъ текстомъ, что переводчикъ прочелъ по законамъ латинскаго языка польскаго cora lasu (дочь лѣса). Вѣрнѣй всего предположить, что переписчики нѣкоторыхъ русскихъ списковъ, переписывая уже съ готоваго русскаго перевода, имѣли подъ руками и польскій печатный подлинникъ, къ которому они иногда прибѣгали. Послѣ этого слѣдовало сообщеніе Д. Ѳ. Кобеко—„Опытъ исправленія текста Бесѣды о святыняхъ Царяграда". Въ 1890 г. академику Л. Н. Майкову удалось найти извѣстный памятникъ древне-русской литературы, озаглавленный имъ по его содержанію „Бесѣда о святыняхъ Царяграда". Тогда же Л. Н. Майковъ издалъ этотъ памятникъ, предпославъ ему предисловіе, гдѣ онъ высказалъ предположеніе, что „Бесѣда" эта сложилась въ XIII—XIV вѣкѣ. Д. Ѳ. Кобеко, тщательно изслѣдовавъ памятникъ, пришелъ къ заключенію, что онъ былъ составленъ въ первой четверти XIV вѣка, такъ какъ епископъ, разсказывающій въ немъ царю о своемъ хожденіи въ Царьградъ, ни слова ни упоминаетъ о туркахъ, поселившихся на Балканскомъ полуостровѣ въ 1356 г., а съ другой стороны онъ упоминаетъ о видѣнныхъ имъ въ храмѣ св. Софіи мощахъ патріарха Арсенія, которыя въ концѣ XIII вѣка находились не въ храмѣ св. Софіи, а въ монастырѣ Св. Андрея. Судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ выраженіямъ, какъ, напр., *куна*, въ значеніи монеты, мы должны предположить, что памятникъ этотъ былъ составленъ въ Новгородѣ, и въ такомъ случаѣ весьма возможно, что авторомъ былъ епископъ Григорій Калѣка, получившій епископскую каѳедру въ 1329 году. Кромѣ того Д. Ѳ. Кобеко указалъ, что въ памятникѣ есть непослѣдовательность въ описаніи святынь Царяграда: начавъ съ описанія восточной стороны города, авторъ переходитъ къ юго-западной, а затѣмъ снова возвращается къ описанію восточной части. По мнѣнію референта мы имѣемъ здѣсь перестановку, происшедшую при позднѣйшихъ списываніяхъ памятника, и стоитъ лишь поставить вторую его часть на мѣсто

третьей, чтобы получить стройное и послѣдовательное описаніе царьградскихъ святынь. Въ добавленіе къ сообщенію Д. Ѳ. Кобеко, Л. Н. Майковъ сказалъ, что памятникъ этотъ составной, что здѣсь мы имѣемъ бесѣду между царемъ и епископомъ, одна часть которой носитъ легендарный характеръ, другая же часть исторически вѣрная. Этой двойственностью памятника можетъ быть объясняемъ и находящійся въ немъ анахронизмъ; епископъ, описывая Константинополь XIV вѣка, разсказываетъ о починкѣ храма св. Софіи послѣ землетрясенія, что имѣло мѣсто въ XI вѣкѣ. При этомъ Л. Н. Майковъ сказалъ, что странное и подозрительное сообщеніе нашего паломника о какихъ-то жабахъ, которыя ночью ходили по Цареграду и подметали его, находитъ, какъ указалъ А. Н. Веселовскій, подтвержденіе и у Дороѳея Манемвасійскаго, тоже говорящаго о существованіи подобной жабы въ Константинополѣ. (С.-Пб. Вѣд., № 94, 1897 г.).

---

25 апрѣля 1897 г. подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева, состоялось годовое собраніе Общества Любителей Древней Письменности. Послѣ того, какъ собраніе было объявлено открытымъ, секретарь общества В. В. Майковъ прочелъ годовой и денежный отчеты общества, а также отчетъ о второмъ присужденіи преміи имени А. М. Кожевникова, назначенной Н. К. Никольскому за его изданіе памятника XV—XVI вѣка „Рѣчь тонкословія греческаго“ съ предисловіемъ и примѣчаніями. Затѣмъ секретарь сообщилъ, что вновь выбраны въ члены-корреспонденты общества Руммель, Симони и Шефферъ. Послѣ этого слѣдовалъ рефератъ проф. С. Ѳ. Платонова „Къ вопросу о прекращеніи земскихъ соборовъ въ XVII вѣкѣ“. Несмотря на то, что вопросъ о времени и причинахъ прекращенія земскихъ соборовъ лѣтъ пятьдесятъ уже какъ разрабатывается наукой, нельзя сказать, чтобы онъ былъ рѣшенъ удовлетворительно. Относительно времени, правда, согласны почти всѣ, но относительно причинъ существуетъ полное разногласіе. Изъ высказанныхъ по этому поводу мнѣній; — что соборы земскіе прекратились сами собой, такъ какъ не имѣли въ себѣ жизненности, что они прекратились вслѣдствіе нарушенія единенія между властью и народомъ, и что, наконецъ, соборы были устранены правительствомъ, такъ какъ оно не находило у нихъ поддержки въ своихъ реформаторскихъ дѣйствіяхъ, — ни одно не можетъ быть принято. Послѣднее мнѣніе даже совершенно должно быть отвергнуто, такъ какъ послѣдній земскій соборъ былъ въ 1653 году, когда правительство не проявляло особенной реформаторской дѣятельности, а слѣдующіе за нимъ соборы ничего не имѣли общаго съ соборами земскими,— это были односословныя коммиссіи экспертовъ; какъ видно изъ цѣлаго ряда заявленій этихъ коммиссій, что онѣ не считаютъ себя компетентными въ рѣшеніи предложенныхъ вопросовъ, и что слѣдуетъ созвать соборъ „со всея земли“, онѣ сами различали себя отъ старыхъ земскихъ соборовъ. Но почему же прекратились послѣдніе? По мнѣнію референта, чтобы дать правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ изучить исторію сословныхъ отно-

шеній въ первой половинѣ XVII вѣка, а также сословный составъ земскихъ соборовъ. Смутные 1612—13 гг. поставили на первый планъ средніе классы, отодвинувъ боярство, высшее духовенство, казачество и крестьянство. Царь Михаилъ былъ избранъ этими средними классами и въ своей дѣятельности онъ опирался на земскіе соборы, представлявшіе въ сущности интересы среднихъ классовъ. Тщетно стали бы мы искать въ политикѣ царя Михаила боярскихъ тенденцій. Конечно, такое положеніе дѣла не могло нравиться боярамъ и высшему духовенству, и они должны были агитировать противъ недружелюбно къ нимъ настроенныхъ земскихъ соборовъ. А въ то же время къ половинѣ XVII столѣтія въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ Московской Руси сложились элементы для созданія бюрократіи болѣе подвижной, а слѣдовательно, и болѣе удобной для правительства, чѣмъ земскіе соборы. Это и послужило настоящей причиной паденія земскихъ соборовъ и замѣнъ ихъ сословными коммиссіями. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что за время вліянія на царя Алексѣя патріарха Никона никакихъ соборовъ не было: послѣдній земскій соборъ былъ въ 1653 году, т. е. черезъ годъ послѣ избранія Никона въ патріархи, а первая сословная коммиссія была въ 1663 г., т. е. уже послѣ паденія Никона. Конечно, не Никонъ былъ причиной прекращенія земскихъ соборовъ, но онъ былъ, несомнѣнно, однимъ изъ тѣхъ, благодаря вліянію которыхъ на царя соборы эти были прекращены, какъ защищавшіе интересы однихъ только среднихъ классовъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ сословіямъ. (С.-Пб. Вѣд., № 113, 1897 г.).

Вечернія бесѣды въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ въ $189^{6}/_{7}$ году.

I. 29 ноября 1896 г. Рефератъ проф. А. И. Соболевскаго: „Изъ заграничной поѣздки“.

Проф. А. И. Соболевскій сообщилъ о своей поѣздкѣ въ Австро-Венгрію. Имъ были осмотрѣны наиболѣе замѣчательные музеи и книгохранилища городовъ: Кракова, Львова и Праги.—Въ Краковѣ ему пришлось, между прочимъ, быть въ музеѣ князей Чарторыжскихъ и въ Ягеллонской библіотекѣ. Въ первомъ особенное вниманіе профессора обратили на себя:—русское государственное знамя съ изображеніемъ Богоматери и Предвѣчнаго Младенца, увезенное вмѣстѣ съ Шуйскимъ поляками, открытые карманные часы съ надписью: „дѣланы на Москвѣ 7183 года“, доселѣ неизвѣстный бѣлорусскій текстъ хроники Мартына Бѣльскаго, послужившій оригиналомъ для нашихъ русскихъ переводовъ (списокъ 70-хъ годовъ XVI в.),—сборникъ южнорусскихъ проповѣдей XVIII в., галицко-волынское пергаментное евангеліе XIV в. съ миніатюрами,—это одна изъ старѣйшихъ лицевыхъ рукописей,—4-я для XIV в. — Въ Ягеллонской библіотекѣ Алексѣй Ивановичъ нашелъ незначительное собраніе Кирилловскихъ-сербскихъ и болгарскихъ рукописей XV и XVI вв., описанное Калужняцкимъ. Изъ библіотекъ г. Львова-Оссолинскихъ и публичной при университетѣ порядочнымъ собраніемъ древ-

нихъ рукописей владѣетъ послѣдняя. Здѣсь выдѣляется лицевое евангеліе 1614 г., снабженное множествомъ миніатюръ и сильно напоминающее лицевой апостолъ Вѣнской библіотеки. — Въ Ставропигійскомъ музеѣ особенно замѣчательны: толковый апостолъ XII в., пергаментное волынское евангеліе XIV в., учительное евангеліе XVII в., доселѣ неизвѣстный въ библіографіи сборникъ Петра Могилы, составленный имъ въ бытность его архимандритомъ Кіевской Лавры,—и весьма интересная галицкая грамота 1378 г.

Въ Пражской библіотекѣ при Чешскомъ музеѣ хранятся, между прочимъ,—собраніе рукописей Шафарика, описанное Сперанскимъ,—двѣ азбучныя молитвы, представляющія первый, доселѣ извѣстный,—сербскій списокъ ихъ, и, наконецъ, сборникъ проповѣдей, принадлежавшій Домбровскому. Университетская библіотека Праги чрезвычайно богата рукописями, поступившими сюда изъ закрытыхъ имп. Іосифомъ монастырей. Пражскій Рудольфинумъ имѣетъ небольшее собраніе гравюръ. Относительно послѣднихъ проф. А. И. Соболевскій замѣтилъ, что въ названныхъ музеяхъ ему не удалось найти ни одной гравюры, напоминающей наши лубочныя картины.

II. 13 декабря 1896 г. Проф. Н. В. Покровскій сдѣлалъ сообщеніе объ исторіи Археологическаго Института, по поводу печатной записки А. Н. Львова.

Рефератъ слушателя Института П. Л. Гусева „Объ иконографическомъ сюжетѣ, извѣстномъ подъ названіемъ видѣнія пономаря Тарасія".

Перечисливши изданія „видѣнія", референтъ изложилъ содержаніе повѣсти примѣнительно къ списку XVI в., изданному гр. Кушелевымъ-Безбородко, подъ редакціей Н. И. Костомарова, въ „памятникахъ старинной рус. литературы" В. I. 1860, стр. 283—284, и сравнилъ этотъ списокъ съ рукописью XVIIв., принадлежавшей Ѳ. И. Буслаеву, гдѣ видна уже обработка и поэтическое развитіе сюжета и вводится въ безхитростный разсказъ XVI в. драматизированный діалогъ. Повѣсть создалась подъ вліяніемъ тѣхъ бѣдствій, которымъ подвергся Новгородъ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в., главнымъ образомъ,—бывшихъ около 1508 г. пожара и мора, стоившихъ громаднаго количества человѣческихъ жертвъ.

Послѣ разбора матеріала, послужившаго впослѣдствіи художнику-иконописцу для изображенія новгородскихъ несчастій, П. Л. Гусевъ сказалъ нѣсколько словъ о развитіи новгородской иконописи. Время написанія иконы „видѣнія пономаря Тарасія" можно опредѣлить приблизительно, судя по письму,—къ началу XVII в., а по сюжету и къ XVI в. (письмо же могло быть не разъ реставрировано). П. Л. Гусевъ иллюстрировалъ свой рефератъ двумя фотографическими снимками, сдѣланными съ двухъ списковъ иконы,—однимъ—съ подлинника, находящагося въ Спасо-Преображеской церкви Хутынскаго монастыря, другимъ—съ попорченной копіи, хранящейся въ Новгородскомъ музеѣ.

III. 10 января 1897 г. Рефератъ профессора Н. В. Покровскаго „О Сійскомъ иконописномъ подлинникѣ".

Сійскій иконописный лицевой подлинникъ, утраченный изъ Сійскаго монастыря въ 70-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и купленный, затѣмъ, граф. С. Д. Шереметевымъ (за 25 р.) у одного изъ Московскихъ антикваріевъ, представляетъ собою собраніе „иконныхъ переводовъ", „знаменъ" и образцовъ „изящныхъ изографовъ". Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей, собранныхъ и приведенныхъ въ систему, по мнѣнію Н. В. Покровскаго, въ концѣ XVII в. иконописцемъ упомянутаго монастыря, монахомъ (впослѣдствіи архимандритомъ) Никодимомъ († въ XVIII в.), подпись котораго полностью или въ сокращеніи встрѣчается въ подлинникѣ до 60 разъ. Систематизація лучшихъ иконописныхъ образцовъ того времени, приведенныхъ у Никодима, однако, не доведена до конца,—и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подлинника встрѣчаются погрѣшности (такъ, въ одномъ изображеніи „Деисуса" Предтеча смотритъ на Христа, а Богоматерь,—въ другую сторону). Приводя иконописные образцы, систематизаторъ называетъ имена ихъ художниковъ и дѣлаетъ оцѣнку произведеній. Изъ иконописцевъ здѣсь перечисляются: Никодимъ, Москалевъ, Терентій Силинъ, Василій Мамонтовъ, Ѳеодоръ Усолецъ, Прокопій Чиринъ, Ермолай Вологжанинъ, Ѳеодоръ Евтихіевъ или Зубовъ, Симонъ Ушаковъ, Іосифъ Владиміровъ. Свое мнѣнія о художественномъ достоинствѣ приводимыхъ образцовъ Никодимъ высказываетъ въ такихъ, напр., замѣчаніяхъ: „образъ нерукотворенный письма добраго", „Антоній чудотворецъ зело художественъ", образъ „Прокопьевскій мудрѣйшаго иконописца", „переводъ любезнѣйшій", „добрѣйшій переводъ, любезнѣйшій", „мастерской переводъ, должно ревновать", „съ греческихъ добрѣйшихъ", „свидѣтельствованный", „мастерской образецъ" и т. д. т. п.— Сійскій подлинникъ, преимущественно предъ всѣми другими извѣстными у насъ подлинниками, имѣетъ важное историческое значеніе; заключая въ себѣ подборъ художественныхъ именъ и изображеній отъ эпохи византійской и до XVII в., онъ даетъ намъ возможность судить о развитіи у насъ иконописнаго искусства. Кромѣ того, только изъ Сійскаго подлинника мы впервые узнаемъ, что въ XVII в. иконописцы и на дальнемъ сѣверѣ нашего отечества въ своихъ произведеніяхъ придерживались общихъ, господствовавшихъ тогда въ Россіи, художественныхъ воззрѣній и пріемовъ.

Сійскій подлинникъ, издаваемый Обществомъ Любителей Древн. Письменности, подъ руководствомъ проф. Н. В. Покровскаго, оконченъ будетъ печатаніемъ въ текущемъ году (въ 5 вып.),—въ настоящее время мы имѣемъ 3 выпуска этого изданія.

IV. 24 января 1897 года. Рефератъ слушателя Института А. А. Папкова „Объ отличительныхъ чертахъ общиннаго устройства древней Руси".

Отличительной чертой русскаго быта является общинное его устройство, которое исторія застаетъ уже повсемѣстно развившимся при самомъ началѣ образованія русскаго государства. Начало русской общины нужно искать въ томъ положеніи древняго русскаго пахаря, по которому на послѣднемъ лежала тяжелая работа — превратить необозримыя пространства

растилавшихся передъ нимъ дикихъ земель и лѣсовъ въ пашни и луга. На такую работу немыслимо было отважиться въ одиночку; это было „обчее“ дѣло, куда всякій участникъ вносилъ свой посильный трудъ, свои орудія, средства и знанія. Исторія общины въ Московскомъ государствѣ указываетъ намъ слѣдующія типическія черты этой послѣдней: 1) владѣніе и пользованія „сообща“ землей, предоставленной государствомъ и вотчинниками крестьянскимъ обществамъ, при чемъ, по возможности, одинакія части этой земли, пахатныя и сѣнокосныя, поступали въ бесрочное пользованіе и владѣніе отдѣльныхъ членовъ общины подъ условіемъ тянуть тягло, т. е. исполнять всѣ лежащія на общинѣ обязанности и повинности, соразмѣрно величинѣ полученнаго земельнаго участка-жеребья („выти“, „двора“), а прочія разныя угодья (лѣса, воды и т. п.) поступали въ общее и нераздѣльное пользованіе всѣхъ членовъ общины; 2) связь всѣхъ надѣленныхъ земельными участками членовъ общины круговою, для обезпеченія правильнаго выполненія повинностей и уплаты податей; 3) свободный входъ въ составъ общины и выходъ изъ него въ указанные сроки (въ Юрьевъ день осенній и о Филипповѣ заговѣньѣ), при чемъ входъ обусловливался принятіемъ на себя обязательства участвовать, соразмѣрно величинѣ тягловой земли, во всѣхъ общинныхъ повинностяхъ и податяхъ („разрубахъ и разметахъ“), а выходъ—предварительнымъ расчетомъ съ общиной и уплатой недоимокъ („обѣленіе участка“); 4) совѣщаніе („сельское вѣче“) всѣхъ взрослыхъ и активныхъ членовъ общины, по мѣрѣ надобности, для разрѣшенія мірскихъ дѣлъ единогласно или подавляющимъ большинствомъ голосовъ; 5) избраніе, по достоинству, представителей общины (старостъ—въ волостяхъ и сотскихъ—въ городахъ), а равно судей и другихъ должностныхъ лицъ для отправленія мірской службы; 6) собственное управленіе и собственный судъ чрезъ выборныхъ „излюбленныхъ“ членовъ общины; 7) равныя права всѣхъ членовъ общины при участіи въ мірскихъ выборахъ; 8) полныя права гражданства, предоставляемыя правительствомъ члевамъ общинъ въ „эпоху Русской Правды“ и до конца XVI в.; свободное распоряженіе каждымъ членомъ общины своимъ личнымъ имуществомъ, а равно и свободное распоряженіе своимъ правомъ на владѣніе и пользованіе „общиннымъ“ участкомъ земли, и 9) наблюденіе за тишиной и порядкомъ, а также за нравственностью своихъ членовъ и изданіе соотвѣтствующихъ этой задачѣ правилъ и постановленій. Общинныя начала, находившіяся у насъ на Руси до конца XVI в. подъ покровительствомъ высшаго правительства, были настолько живучи въ русскомъ народѣ, что ихъ не могли уничтожить ни закрѣпощеніе крестьянъ за помѣщиками, ни даже окончательное обращеніе ихъ въ полную частную собственность послѣднихъ (манифестомъ Петра III въ 1762 г. и грамотою Екатерины II въ 1785 г.). Между прочимъ, при помощи общинныхъ началъ, способствовавшихъ введенію „земельныхъ передѣловъ, было, повозможности, смягчено то неравенство, которое вносилось въ крестьянскій міръ установленіемъ подушной подати въ 1718 году.

Не менѣе живучимъ общинное устройство оказалось въ Литовскомъ государствѣ. Здѣсь оно съ особенной силой проявилось въ такъ наз. „копѣ“ или въ „копныхъ судахъ“, куда имѣли право собираться и участвовать въ разрѣшеніи дѣлъ всѣ домохозяева общины, независимо отъ того, къ какому сословію они принадлежали, т. е. были ли они — крестьяне, мѣщане или земяне-помѣщики. Интересно, что дѣйствія копныхъ судовъ проявлялись съ особенной силой и постоянствомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Литовскаго государства, которыя были густо населены русскимъ народомъ. Причинами распаденія общинныхъ учрежденій въ Литвѣ были, съ одной стороны, предоставленіе литовско-русскимъ городамъ Магдебургскаго права и отдѣленіе чрезъ то городского народонаселенія отъ своей сельской общины, съ другой—явный антогонизмъ польско-католическаго правительства, всему русскому строю въ государствѣ, и безконтрольная власть надъ крестьянами всесильныхъ пановъ-помѣщиковъ, шляхетская гордость которыхъ не допускала ихъ не только подчиняться приговорамъ этого всенароднаго суда, но и даже участвовать въ его составѣ, наряду съ простыми крестьянами.

Въ „свободной“ общинѣ слѣдуетъ искать источникъ и образецъ для учрежденія всякаго рода добровольныхъ общественныхъ союзовъ, преслѣдовавшихъ различныя цѣли и возникавшихъ на народной почвѣ (ватаги и артели, напр., промышленныя и охотничьи, о которыхъ говорятъ еще древніе акты XIII и XIV в.). Въ своихъ артельныхъ учрежденіяхъ русскіе люди достигли возможнаго уравненія правъ трудящагося класса и примиренія тѣхъ соціальныхъ несовершенствъ и неправильностей, которыя замѣчаются въ человѣческомъ обществѣ повсюду и всегда; въ этихъ учрежденіяхъ личное начало и личная инициатива по добровольному соглашенію людей, участвующихъ въ союзѣ, связана только на время, пока пребываніе въ немъ они находятъ для себя выгоднымъ, да къ тому же, находясь въ соединеніи, они и не утрачиваютъ всей своей независимости.

Референту сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній проф. А. И. Соболевскій по поводу выраженія: „въ эпоху Русской Правды...“ и мнѣнія о существованіи древнихъ актовъ XIII столѣтія, говорящихъ о промышленныхъ и охотничьихъ ватагахъ и артеляхъ на сѣверѣ Россіи. Насколько извѣстно Алексѣю Ивановичу, ни одного такого акта XIII в. мы не имѣемъ. Что же касается до „эпохи Русской Правды“, то ее опредѣлить невозможно, и профессоръ не понимаетъ такой эпохи. Дѣло въ томъ, что „Русская Правда“, какъ ясно видно изъ ея содержанія, носитъ въ себѣ черты позднѣйшаго послѣ Ярослава времени и принадлежитъ разнымъ мѣстамъ и вѣкамъ.

V. 7 февраля 1897 г. Рефератъ дѣйств. члена Института А. И. Никольскаго: „Славянская пергаменная рукопись хроники Георгія Амартола, хранящаяся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи за № 100“.

Рукопись хроники Амартола—библіотеки Моск. Дух. Академіи in folio, 273 л., пергаменная, съ 127 миніатюрами, неполная,— нѣтъ не выходного, ни заглавнаго листа,—въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, на которомъ

написано чернилами „криница“. Письмо рукописи уставное, двухъ почерковъ, въ два столбца, по линейкамъ, проведеннымъ острымъ орудіемъ. Имя писца неизвѣстно,—рукопись не датирована. О времени и, отчасти, о мѣстѣ написанія рукописи можно судить только на основаніи данныхъ языка и палеографіи. О палеографич. особенностяхъ памятника слѣдуетъ сказать слѣдующее: въ начертаніи буквы ѧ соединительная черта находится то вверху, то ближе къ серединѣ; іотированное ѧ употребляется послѣ гласныхъ, но иногда на мѣстѣ іотированнаго ѧ встрѣчается а простое. Буква є пишется съ наклономъ влѣво, съ соединительною чертою то посрединѣ, со ближе къ верху. Въ начертаніи іотированнаго ѥ соединительная черта чаще выше средины буквы. Какъ особенность рукописи, слѣдуетъ отмѣтить, что вмѣсто іотированнаго ѥ очень часто употребляется обыкновенноо *е*, но нѣсколько увеличенное и съ наклономъ вправо. Начертаніе ѫ въ большинствѣ случаевъ имѣетъ верхнюю часть короткую; преобладаетъ оу, нерѣдко ꙋ, а иногда ov, ѹ и не только на концѣ словъ и строкъ, но и въ серединѣ ихъ. Въ ю соединительная черта находится въ верхней части буквы. Ꙋ принимаетъ вилкообразную форму съ утолщеніемъ и, сравнительно, длинною рукоятью; начертаніе ы господствуетъ. Указанныя палеографическія особенности, по мнѣнію референта, даютъ право относить описанную имъ рукопись къ половинѣ XIV вѣка.

VI. 28 февраля 1897 г. были прочтены рефераты: почетнаго члена Института Т. В. Кибальчича „О геммахъ“ и преподавателя Владимірскаго женскаго Епархіальнаго училища Вас. Тим. Георгіевскаго: „О Ив. Алекс. Голышевѣ“.

VII. 7 марта 1897 г. Рефератъ слушателя Института, члена Спб. Судебной Палаты А. А. Папкова: „Древне-русскій приходъ“.

Еще во времена языческія славянскія племена проявляли въ своихъ религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ, а также въ устройствѣ праздничныхъ церемоній, свойственныя ихъ характеру наклонности къ совокупной дѣятельности. При языческихъ храмахъ, куда, кромѣ добровольныхъ пожертвованій и опредѣленной дани съ народа (десятина, божничье), славяне (балтійскіе) давали и земли, находили пріютъ и покровительство бѣдные и сироты. Послѣ принятія славянами христіанства, храмъ Божій, какъ домъ общей молитвы, притянулъ къ себѣ всѣ общественныя силы и создалъ приходъ, то-есть такую морально-настроенную общественную единицу, крѣпче которой не можетъ быть среди человѣческаго общества, считающаго удовлетвореніе религіозно-церковныхъ потребностей самымъ насущнымъ дѣломъ. Христіанскіе интересы, сплотивъ „прихожанъ“ религіозною связью, поставили цѣль жизни каждаго человѣка въ стремленіи къ „общему благу“. Общественная дѣятельность прихода выражалась въ построеніи церквей и монастырей „міромъ“ и въ содержаніи ихъ, а также въ выборѣ и обезпеченіи духовенства, въ назначеніи церковнаго старосты, въ заботахъ о призрѣніи бѣдныхъ и сиротъ и о развитіи школьнаго образованія. Въ древности нерѣдко на мір-

ской сходкѣ задумывалась постройка церкви народомъ въ одинъ день „по обѣту“, въ память побѣды, за избавленіе отъ общественныхъ бѣдствій, или въ отвращеніе несчастій (повальныхъ болѣзней, нашествія непріятелей и т. п.). Такіе храмы назывались „обыденными“. Въ нашихъ сѣверныхъ городскихъ приходахъ церкви иногда строились цѣлой улицей, т. е. прихожанами-уличанами; въ селахъ же большая часть церквей была „мірскаго строенія“. Монастыри въ сѣв. Россіи возникали не только съ мірского согласія, но и поддерживались и расширялись всего болѣе при помощи „вкладчиковъ“-крестьянъ. Въ своихъ челобитьяхъ царю или архіерею прихожане просили иногда разрѣшить имъ постройку монастыря въ виду того, что „многіе сверстные и увѣчные люди, а иные при смерти, постричися желаютъ“, причемъ сообщалось: „мы-де излюбили въ строители монастыря постриженника старца такого-то“. Забота объ избраніи причта была предоставлена прихожанамъ, и это старинное право было укрѣплено за ними Стоглавымъ Соборомъ 1551 года. Между приходомъ и выбраннымъ членомъ причта заключалась „порядная“, въ которой опредѣлялись ихъ взаимныя обязанности. При этомъ, дьячка міръ, обыкновенно, обязывалъ нести письменныя обязанности по волости, указывая ему: „въ письмѣ у всякаго Государева дѣла и у насъ мірскихъ людей всегда быть готову“. Благотворительность въ древне-русскомъ приходѣ была сильно развита. При церквахъ, обычно, устроялись такъ называемыя „келіи для нищихъ“ — богадѣльные дома; въ древне-русскихъ городахъ находились еще „убогіе дома“ („Божьи дома“, „скудѣльницы“), т. е. особыя кладбища для бѣдныхъ, странниковъ, кончившихъ жизнь насильственной смертью, безъ напутствія таинствами, оставленныхъ безъ совершенія надъ ними обряда отпѣванія и не оплаканныхъ родными. Благочестивые люди жертвовали сюда гробы, одежды и саваны для мертвыхъ, изъ усердія сами рыли ямы, опрятывали тѣла, одѣвали ихъ и хоронили. Заботы прихода о насажденіи грамотности и образованія были не малыя. Въ древнемъ приходѣ при церкви содержался на общій счетъ учитель или „мастеръ“, обучавшій дѣтей чтенію, письма и пѣнію. По словамъ Стоглаваго Собора, „предки сего въ Россійскомъ царствіи... многія училища бывали, грамотѣ и писати и пѣти и чести учили... пѣвцы и четцы и добры писцы тогда славны были по всей землѣ и до днесь“. Въ XVII в. нахожденіе церковно-приходской школы при церквахъ было явленіемъ уже обычнымъ. Согласно заключенію проф. А. И. Соболевскаго, въ XVI—XVII вв. грамотность, не говоря о высшихъ классахъ, была настолько распространена въ простомъ народѣ, что среди него грамотныхъ было около 15—20%. Древне-русск. приходъ, особенно на сѣверѣ, имѣлъ значенія не только въ религіозно-церковномъ отношеніи, но и въ административно-территоріальномъ. Названіе „погостъ“, сначала означавшее мѣсто, занятое церковью съ ея постройками и домами и кладбищемъ, перенесено было на селеніе, въ которомъ находился храмъ, и, наконецъ, стало означать цѣлый округъ. Въ этомъ послѣднемъ сельца, выставки, рядки (торговые) и прочія поселе-

нія тянули „приходомъ, управой, судомъ и податями“ къ тому центральному мѣсту, гдѣ находилась указанная церковь. Здѣсь же жила, обыкновенно, и мѣстная власть, напр., тіуны, доводчики, посельскіе. А на погостѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ особой пристройкѣ къ храму—въ трапезѣ сходились погощане для разрѣшенія своихъ общинныхъ дѣлъ. Тутъ былъ, такъ сказать, нервъ общественной жизни, объявлялись правительственныя распоряженія, позвы крестьянъ къ суду, всякого рода „вѣсти“ о происшестіяхъ въ городѣ, волости и за предѣлами ихъ. Въ эту же трапезу спѣшилъ всякій обиженный съ жалобой на обидчика. Сюда же на имя церковнаго старосты, добрыхъ людей прихода и всѣхъ крестьянъ подавались „трапезныя явки“, въ которыхъ оглашались всякія преступленія, учиненныя въ округѣ: убійства, грабежи, самоуправства, побои, угрозы и т. п. Священно-церковнослужители въ приходѣ жили съ нимъ одною жизнію и одними интересами, исходили изъ народа, учились у тѣхъ же учителей, у которыхъ и другіе прихожане, принимали участіе во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, участвовали въ выборахъ земскихъ старостъ и судей, а священники засѣдали въ судѣ при разборѣ судныхъ дѣлъ своихъ прихожанъ и т. д. Въ этой солидарности житейскаго обихода священника и прихожанъ и лежало основаніе всего вліянія духовенства въ приходѣ, какимъ оно въ прежнія времена пользовались и которое оно во многомъ утратило съ тѣхъ поръ, какъ замкнулось въ особое сословіе, со своими спеціальными училищами, проникнутое узко-сословными интересами, все болѣе и болѣе отдалявшееся отъ земскихъ интересовъ и дѣлъ.

Референту замѣтилъ г. Тимаевъ, что на-ряду съ свидѣтельствомъ Стоглаваго Собора и съ заключеніемъ А. И. Соболевскаго о состояніи просвѣщенія въ древней Руси, есть и другія показанія, которыя не слѣдовало бы упускать изъ вниманія. Таково, напр., свидѣтельство архіеп. Геннадія въ письмѣ къ м. Симону: „приводятъ ко мнѣ мужика въ попы ставить. Я велю ему читать Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ... Мужики невѣжи учатъ робятъ грамотѣ и только рѣчь имъ портятъ, а за ученіе вечернѣ принеси мастеру кашу да да гривну денегъ, за утреню то же и больше, за часы особо, а отъ мастера отойдетъ,—ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ“.

---

11 мая 1867 г. состоялся годичный актъ Археологическаго Института. Въ числѣ почетныхъ гостей находились министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, товарищъ министра Н. М. Аничковъ и членъ Государственнаго Совѣта Н. Н. Селифонтовъ. Исполняющій обязанности директора института проф. Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ о дѣятельности института въ 1896—97 учебномъ году.

Со времени основанія института прошло двадцать лѣтъ. Къ концу отчетнаго учебнаго года въ составъ института входили 61 почетный членъ,

10 профессоровъ и преподавателей, 73 дѣйствительныхъ члена и 45 членовъ-сотрудниковъ. Изъ числа почетныхъ членовъ скончались высокопреосвященный Савва, архіепископъ тверской, директоръ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ Ѳ. А. Бюлеръ, профессоръ Е. Е. Замысловскій и бывшій самарскій городской голова П. В. Алябинъ. Всѣхъ слушателей въ отчетномъ году было 111: на первомъ курсѣ 55 и на второмъ (старшемъ)—56. Кончили курсъ 21 слушатель—11 съ правами дѣйствительныхъ членовъ, 7—съ правами членовъ-сотрудниковъ и 3 студента Спб. духовной академіи, которымъ будутъ выданы аттестаты по окончаніи ими курса въ академіи. Слушатель генералъ-майоръ В. Г. Глазовъ признанъ достойнымъ золотой медали за блестящіе успѣхи въ институтѣ; слушатели М. П. Астафьевъ и подполк. Е. И. Мартыновъ награждены серебряными медалями. Въ библіотеку вновь поступило до 60 названій; число всѣхъ книгъ превышаетъ въ настоящее время 10,000. Императорская археологическая коммиссія передала въ музей института болѣе 1,230 старинныхъ монетъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, найденныхъ преимущественно въ Россіи. Общее число всѣхъ предметовъ музея превышаетъ 5,000 вещей. Награды и аттестаты раздавалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ. Актъ закончился рѣчью профессора Н. И. Веселовскаго „О вліяніи формъ и обычаевъ языческихъ погребеній на первохристіанское". Профессоръ указалъ между, прочимъ, на сохраненіе многихъ языческихъ обычаевъ въ разныхъ христіанскихъ странахъ и у разныхъ христіанскихъ народовъ даже въ настоящее время. (Нов. Вр. № 7616, 1897 г.).

VII.

Библіографія.

Труды Восьмого Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, 1890. Подъ редакціей графини П. С. Уваровой. Томъ III. Москва, 1897 г. Съ XXVIII табл. рис. Цѣна 8 р.

Содержаніе: *И. Е. Забѣлинъ*. Изысканіе о древнѣйшемъ первоначальномъ поселеніи Москвы (1). *Н. Е. Бранденбургъ*. Къ вопросу о каменныхъ бабахъ (13). *Н. Ѳ. Бѣляшевскій*. Слѣды первобытнаго человѣка на берегахъ р. Днѣпра, вблизи Кіева (19). *Д. Я. Самоквасовъ*. О происхожденіи русскихъ и польскихъ славянъ и причинѣ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ землѣ древнихъ Руссовъ и Ляховъ (31). *Его же*. Основанія хронологическаго распредѣленія этнографическихъ матеріаловъ, открытыхъ въ могилахъ южной и центральной Россіи (44). *Аспелинъ*. Слѣды вліянія Готѳовъ въ сѣв. полосѣ Россіи (55). *Ѳ. Ѳ. Чекалинъ*. Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги и время перенесенія его на правый берегъ (57). *Его же*.

Мещеры и Буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ (66). *Г. Л. Скадовскій.* Бѣлозерское городище, Херсонской губ. и Дневникъ (75 и 108). *В. А. Городцовъ.* Жилища неолитической эпохи въ долинѣ р. Оки (161). *Д. Прозоровскій.* О Славяно-Русскомъ до-христіанскомъ счисленіи времени (200). *В. Г. Бокъ.* Коптскія узорчатыя ткани (218). *В. З. Завитневичъ.* О крестѣ преп. Сергія (246). *Н. Н. Ардашевъ.* Къ вопросу о коллегіальности приказовъ (256). *А. Львовъ.* О печальномъ положеніи нашихъ Архивовъ (274). *П. Н. Милюковъ.* Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго Топарха (278). *Н. И. Веселовскій.* Подробности смерти Узбецкаго хана Мухамеда Шейбани (290). *В. И. Модестовъ.* Объ открытіи Русск. Археол. Инст. въ Римѣ съ отдѣленіемъ въ Аѳинахъ (303). *П. И. Савваитовъ.* Достопримѣчательные предметы въ Велико-Устюжскомъ Архангельск. монастырѣ (307). *В. Н. Витевскій.* Древній походный храмъ калмыцкаго крещенаго таиши (309). *И. Смирновъ.* Бесермяне Вятской губ. — Воспоминанія объ эпохѣ каннибализма въ народн. поэзіи Вотяковъ (313 и 315). *И. Дубасовъ.* Объ Онозѣ на Воронежѣ (319). *Р. Рожновъ.* По поводу вопроса № 18 (321). *Н. П. Авенаріусъ.* Описаніе Ятвяжск. древн., хранящихся въ Виленск. музеѣ (223). *Его же.* Краткія извѣстія о Бѣльскомъ у., Гродн. губ. (224). *Е. К. Витковскій.* Отчетъ о раскопкѣ кургана Франтыха (226). *Д. И. Эварницкій.* Курганъ у р. Орели, Екатериносл. губ.—Великолуцкіе курганы (328 и 330). *Вл. Птицынъ.* Остатки архивовъ и древностей въ Илимскѣ, Иркутск. губ. — Киренскій архивъ (331 и 333). *А. А. Тптовъ.* Церковь Іоанна Богослова въ Ростовск. Кремлѣ (337).

Труды Девятаго Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ. 1893. Подъ редакціей графини Уваровой и С. С. Слуцкаго. Томъ II. Съ 51 рис. въ текстѣ и XXXVII фотот. табл. Москва. 1897 г. Цѣна 8 р.

Содержаніе: М. Н. Бережковъ. Елена Ивановна, великая княгиня Литовская и королева Польская (1). *Л. Х. Штида.* О различныхъ именахъ сортовъ мѣха въ ганзейское время (45). *А. И. Соболевскій.* Особенности русск. переводовъ до-монгольскаго періода (58). *Е. С. Карскій.* Что такое западно-русское нарѣчіе (62). *Н. И. Петровъ.* Купятицкая икона Б-цы (71). *С. В. Люба-Радзиминскій.* Памятники каменнаго вѣка части зап. Волыни (79). *І. В. Пичъ.* Замѣтки о чешской археологіи (83). *С. Гамченко.* Городище и могильники р. Корчеватый (89). *Ѳ. В. Покровскій.* Къ изслѣдованію кургановъ и городищъ на вост. окраинѣ соврем. Литвы (138). *Е. Ф. Орловскій.* Основаніе г. Гродны и его исторія до 1241 г. (197). *С. В. Люба-Радзиминскій.* По поводу статьи А. В. Лонгинова «Кн. Любартъ Ольгердовичъ и его потомки, князья Сангушки» (201). *Ксендзъ В. Фронцкевичъ.* Краткое описаніе римско-катол. костеловъ г. Вильны (204). *Его же.* Въ ризницахъ римско-катол. костеловъ г. Вильны и Трокъ (217). *Ю. Ѳ. Крачковскій.* Православныя святыни г. Вильны (223). *Бар. де-Бай.* Ковчегъ Асторгскаго собора (251). *В. И. Сизовъ.* Дьяково городище, близъ Москвы (256). *А. Н. Харузинъ.* Черепа изъ раскопокъ В. И. Сизова въ Московск. уѣздѣ (268).

Г. К. Богуславскій. Волынскія рукописныя Евангелія и Апостолы (277). *П. В. Владиміровъ.* Новыя данныя, для изученіи литературной дѣятельности князя Андрея Курбскаго (308). *Его же.* Древне-русское Слово о лѣнивомъ и сонливомъ (317). *Его же.* Рукопись «Апостола Толковаго» 1500 г., принадлежащая И. Л. Силину (323). *Н. П. Авенаріусъ.* Еще нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ (325). Протоколы засѣданій IX Археологическаго Съѣзда (1—126).

Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи за 1894 годъ (съ 235 политипажами въ текстѣ. Спб. 1896, 4⁰, стр. 171).

Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи представляютъ въ томъ отношеніи большой интересъ, что они позволяютъ судить объ ежегодномъ движеніи раскопокъ на значительномъ пространствѣ нашей родины. По обстоятельствамъ, вѣроятно, не зависящимъ отъ Коммиссіи, отчеты, однако, значительно запаздываютъ, вслѣдствіе чего большинство свѣдѣній, въ нихъ помѣщенныхъ, оказываются уже извѣстнымъ наукѣ, такъ что сами „Отчеты“ въ значительной степени утрачиваютъ интересъ новизны; изъ свѣдѣній о раскопкахъ въ 1894 г., находящихся въ послѣднемъ „Отчетѣ“ Коммиссіи, значительное число уже извѣстно въ частности и читателямъ „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ изъ отдѣловъ Хроники, Библіографіи и засѣд. Обществъ. Тѣмъ не менѣе „Отчеты“ Археологической Коммиссіи, утративъ интересъ новизны— черта необходимая для подобныхъ изданій — оказываютъ извѣстную пользу въ томъ отношеніи, что они даютъ возможность, хотя и поздно, обозрѣть, насколько велики были пріобрѣтенія археологіи благодаря изслѣдованіямъ, которыя производились или на средства самой Коммиссіи или лицами, обращавшимися къ послѣдней за содѣйствіемъ, въ разныхъ пунктахъ Россіи. Въ виду этого краткое напоминаніе о произведенныхъ разысканіяхъ, по крайней мѣрѣ, давшихъ наиболѣе цѣнные результаты, не можетъ казаться лишнимъ.

Преимущественное вниманіе изслѣдователей было обращено и въ отчетномъ году на южныя области Россіи. Раскопки *въ Херсонесѣ* сосредоточены были въ 1894 г. въ юго-восточномъ углу городища и на открытомъ еще въ 1891 г. некрополѣ. Изслѣдована древняя стѣна на разстояніи 90 саж., при чемъ раскопки дали довольно значительное количество предметовъ, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаютъ большіе пиѳосы и шиферная икона, изображающая св. Димитрія и Георгія, далѣе предметы богослуженія (кадильница, крестъ), поливныя глиняныя блюда, часть свинцовой печати съ утраченнымъ именемъ одного изъ готскихъ епископовъ и пр. Не менѣе интересны были раскопки и въ некрополѣ, въ которомъ было вскрыто 113 могилъ (катакомбъ, гробницъ изъ каменныхъ плитъ, черепичныхъ и земляныхъ), относящихся частью къ древне-греческому, частью къ римскому періоду жизни города (II—III вв. по Р. Х.). (Археол. Изв. и Зам. 1895 г., стр. 367). Изслѣдованія *Керчи* ознаменовались въ отчетномъ году находкой

извѣстной мраморной статуи, изображающей льва (Арх. Изв. и Зам. 1894, стр. 311). Кромѣ того, гг. Думбергомъ и Кулаковскимъ были произведены изслѣдованія нѣсколькихъ могильныхъ памятниковъ города и ближайшихъ окрестностей. Особенный интересъ представляютъ открытыя проф. Ю. А. Кулаковскимъ двѣ катакомбы (на горѣ Митридатѣ), далѣе изслѣдованные имъ же: обширный некрополь III в. по Р. Х. близъ городскаго сада и остатки древняго города на мысѣ Зюкъ (въ 15 верстахъ отъ Керчи, близъ Чокракскаго оз.), которые проф. Кулаковскій склоненъ считать за Зеноновъ Херсонесъ. Находка чернолаковой посуды свидѣтельствуетъ о существованіи города за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., а открытыя при раскопкахъ монеты I—IV вв. по Р. Х. указываютъ на непрерывную жизнь этого древняго приморскаго города, пришедшаго въ упадокъ и запустѣвшаго, повидимому, со времени водворенія въ Крыму кочевниковъ. Въ *Мелитопольскомъ уѣздѣ* окончена начатая Н. И. Веселовскимъ еще въ 1891 г. раскопка большого кургана „Огузъ“ близъ с. Нижн. Сѣрогозы. Несмотря на то, что курганъ оказался расхищеннымъ, небольшое число предметовъ (въ томъ числѣ и золотыхъ), найденныхъ въ немъ, позволяютъ отнести погребеніе къ IV или III вв. до Р. Х. (Археол. Изв. и Зам. 1895, стр. 26). Въ *Херсонской губ.* г. Ястребовымъ были произведены раскопки на мѣстѣ древней Ольвіи, только въ той небольшой части ея, которая лежитъ на общественной землѣ крестьянъ с. Парутина, такъ какъ владѣльцы земли, на которой расположена была древняя Ольвія, продолжаютъ отказывать въ разрѣшеніи научныхъ раскопокъ, о чемъ приходится сожалѣть тѣмъ болѣе, что кладоискатели продолжаютъ раскапывать безъ всякаго разрѣшенія городище Ольвіи. Г. Ястребовъ произвелъ раскопки нѣсколькихъ могилъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, судя по найденнымъ монетамъ, относятся къ эпохѣ за нѣсколько столѣтій до Р. Х. Кромѣ того, г. Ястребовымъ было открыто и нѣсколько катакомбъ.

На Кавказѣ были произведены изслѣдованія Н. И. Веселовскимъ и Ю. А. Кулаковскимъ кургановъ близъ г. Анапы и въ юрту ст. Раевской *(Кубанской области)* (Арх. Изв. и Зам. 1896, стр. 82); курганы отличаются своеобразнымъ погребальнымъ обрядомъ: покойники полагались обыкновенно въ гробницахъ изъ плитняка; во многихъ могилахъ похоронный обрядъ сопровождался и погребеніемъ коня; типы желѣзнаго орудія (копья, стрѣлы, изогнутыя шашки, кольчуги) позволяютъ отнести указанные курганы къ XI—XII вв., при чемъ нѣкоторые относятся и къ болѣе поздней эпохѣ (XIII—XIV вв.). Раскопки г. Токайшвили въ *Тифлисской губ.* могильниковъ близъ сел. Ворнака, Привольнаго, Ахпата, Ягдана, Матура и др. обнаружили погребеніе въ сидячемъ положеніи въ каменныхъ цистахъ, при чемъ были найдены и бронзовое оружіе (мечъ, сѣкира, кинжалы и пр.), равно и бронзовые предметы украшенія. Тѣмъ же изслѣдователемъ изучены и сняты надписи въ древнихъ грузинскихъ церквахъ нѣсколькихъ селеній и совершена предварительная археологическая поѣздка въ Гурію. Чрезвычайно интересныя изслѣдованія были произведены г. Ресслѐромъ могильныхъ памят-

никовъ *Елизаветпольской губ.* въ Шушинскомъ и Джеванширскомъ уѣздахъ (найдены м. пр. каменныя и бронзовыя стрѣлы, золотой цилиндръ съ изображеніемъ антилопъ, мечъ, кинжалы, предметы, украшенные головками животныхъ, инкрустированныя перламутромъ и деревомъ издѣлія и пр.). Результатомъ интересныхъ раскопокъ гг. Токайшвили и Весслера предполагается удѣлить особое мѣсто въ издаваемыхъ Коммиссіею „Матеріалахъ по археологіи Россіи".

Изъ раскопокъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи обращаютъ на себя вниманіе изслѣдованіе В. З. Завитневичемъ могильника въ сл. Покровской, Купянскаго уѣзда, *Харьковской губ.* (Археол. Изв. и Зам. 1895, стр. 76), П. М. Еременко—кургановъ Суражскаго уѣзда, *Черниговской губ.*, А. И. Черепнина — Кузьминскаго могильника и погребальныхъ насыпей въ с. Окаемовѣ, Бѣлоомутѣ и Вакинѣ въ *Рязанской губ.* (Археол. Изв. и Зам. 1896, стр. 254). Далѣе, В. И. Сизовъ продолжалъ изслѣдованія богатаго Гнѣздовскаго могильника въ *Смоленской губ.* и, кромѣ того, кургановъ по рр. Вопи и Угрѣ, давшія богатый матеріалъ для изученія быта населенія и его погребальнаго ритуала въ періодъ X — XI вв. Въ *Нижегородской губ.* В. И. Снѣжневскій произвелъ изслѣдованія обширнаго могильника въ с. Гашнѣ, Сергачскаго уѣзда, относящагося, если судить по найденнымъ золотоордынскимъ монетамъ, къ XIV в. и принадлежащаго мордвѣ. Богатая коллекція предметовъ каменнаго вѣка и глиняной посуды (шарообразной формы) собрана въ отчетномъ году г. Рево, продолжавшимъ свои плодотворныя изысканія древностей каменнаго вѣка въ *Архангельской губ.* Нѣсколько могильниковъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ, были подвергнуты изслѣдованію проф. Смирновымъ въ *Вятской губ.* (Арх. Изв. и Зам. 1895, стр. 173); наконецъ, значительное количество предметовъ, такъ называемой чудской культуры были собраны, благодаря изслѣдованіямъ А. А. Спицына и В. Г. Дружинина, въ *Пермской губ.* (Археол. Изв. и Зам. 1894, стр. 365, 1895, стр. 24).

Менѣе всего за отчетный годъ было произведено изслѣдованій въ Сибири. Нѣсколько раскопокъ г. Селиванова въ *Акмолинской области* кургановъ и изслѣдованія, предпринятыя Г. О. Оссовскимъ въ *Томской губ.* у оз. Мышайла не увѣнчались удачными результатами. Болѣе счастливыя раскопки удалось произвести А. В. Адріанову въ Минусинскомъ округѣ *Енисейской губ.*, по берегамъ Тагарскаго оз. и въ долинѣ р. Тубы. Курганы, изслѣдованные г. Адріановымъ, представляютъ два различныхъ по своему устройству типа и содержатъ въ себѣ большое количество предметовъ, преимущественно мѣдныхъ, при чемъ каждый изъ двухъ типовъ кургановъ характеризуется и особымъ типомъ предметовъ.

Дополненіями къ „Отчету" служатъ помѣщенные въ приложеніи дневника раскопокъ гг. Н. И. Веселовскаго, Ю. А. Кулаковскаго, В. Н. Юстребова, А. В. Адріанова и Г. О. Оссовскаго, равно и отчеты объ изслѣдованіяхъ въ Херсонесѣ и въ Гагинскомъ могильникѣ: они даютъ возможность

обстоятельно познакомить съ ходомъ изслѣдованій, а многочисленные рисунки, которыми они снабжены позволяютъ составить ясное представленіе о характерныхъ предметахъ инвентаря и объ устройствѣ могилъ.

Среди случайныхъ находокъ и отдѣльныхъ коллекцій, поступившихъ въ Археологическую Коммиссію за отчетный 1894 г. обращаетъ вниманіе коллекція предметовъ, добытыхъ Ѳ. В. Покровскимъ изъ кургановъ близъ д. Мѣжаны (Свѣнцянск. у. *Виленской губ.*), и относящихся къ V—VIII вв.; среди этихъ предметовъ особеннаго интереса заслуживаютъ мѣдныя подвѣски, покрытыя красной и зеленой эмалью. Изъ *Кіевской губ.* среди различныхъ предметовъ доставлены интересныя каменныя литейныя формочки, серебряная большая пряжка и серебряный перстень, найденныя въ Кіевѣ, и бронзовые ножи изъ Черкасскаго у. Изъ *Олонецкой губ.*: бронзовые браслеты, пряжки и шейная гривна, бронзовые и стеклянные сплавленные обломки, выпаханные изъ кургана близъ д. Верхн. Мандроги (Лодейнопольскаго у.); изъ *Оренбурской губ.*—костяная рукоять, украшенная рѣзнымъ изображеніемъ фантастическаго звѣря, изъ кургана „Черная гора“ у с. Абрамовки (Оренбургскаго у.); изъ *Пермской губ.*—серебряныя бляшки изъ Соликамскаго у. и такъ наз. „чудскіе образки“ изъ Чердынскаго у.; изъ *Саратовской губ.*—большая коллекція предметовъ изъ развалинъ Увека (зеркала, бусы, кресты, литейныя формочки и пр.); предметы относятся ко времени Золотой Орды (ср. Археол. Изв. и Зам. 1894, стр. 157). Изъ *Симбирской губ.*—интересная коллекція бронзовыхъ или мѣдныхъ вещей, найденныхъ близъ с. Сабанчеева (Алатырскаго у.): бронзовые кельты, наконечники копій и ножи, „булавка съ головкой изъ пластинчатой спирали, типа, извѣстнаго изъ находокъ бронзоваго вѣка въ зап. Европѣ“ и пр. Коллекція бронзовыхъ предметовъ (топоры, долотовидныя орудія, ножи) была доставлена и изъ *Ставропольской губ.* (Медвѣженскаго у.). Довольно значительное количество предметовъ изъ случайныхъ находокъ поступили изъ *Керчи:* въ случайно обнаруженныхъ каменныхъ склепахъ было найдено при костякахъ много разнообразныхъ предметовъ (патера, золотые перстни, изображенія человѣческой фигуры, золотая пластинка съ греческой надписью, заключающей благодарность мѣстнаго общества ѳіаситовъ за заслуги, оказанныя Юліемъ Каллисѳеномъ, части вооруженія, бронзовое зеркало съ изображеніемъ грацій и пр.), относящихся частью къ I в. до Р. Х., частью ко II в. по Р. Х. (Арх. Изв. и Зам. 1894, стр. 164). Наконецъ, Тобольскимъ губ. музеемъ уступленъ найденный въ 1887 г. въ Истяцкомъ юртѣ *Тобольскаго округа* серебряный дискъ съ выпуклымъ изображеніемъ Діаны.

Какъ ни незначительны въ общемъ результаты, добытые археологическими изслѣдованіями Россіи за 1894 г., поскольку они выясняются изъ Отчета Археологической Коммиссіи, ими естественно далеко не исчерпывается общая сумма археологическаго матеріала, доставленнаго тѣмъ или инымъ путемъ въ распоряженіе науки въ предѣлахъ нашей родины. Но „Отчетъ“, зарегистрировавшій, по крайней мѣрѣ, наиболѣе выдающіяся изслѣдованія

и находки, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ сравнительно интенсивнаго развитія у насъ интереса къ отечественнымъ древностямъ. *Н. Х.*

Курганы С.-Петербургской губерніи въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго, обработалъ для изданія А. Спицынъ (Матеріалы по Археологіи Россіи, изд. Имп. Археол. Коммиссіею, № 20. Спб., 1896 г., 4⁰, стр. 123, съ 19-ю табл. и картой).

Раскопки Л. К. Ивановскаго кургановъ Петербургской губ. давно уже обратили на себя вниманіе ученаго міра: въ теченіе многихъ лѣтъ (отъ 1872—1891 г.) покойный изслѣдователь производилъ систематическую работу по изученію курганныхъ могильниковъ Петербургскаго края, и въ результатѣ онъ предоставилъ наукѣ обширный и богатый матеріалъ, позволяющій составить себѣ ясное понятіе о бытѣ древняго населенія изслѣдованныхъ имъ мѣстностей. Въ самомъ дѣлѣ, расположенные на ограниченномъ пространствѣ 127 могильниковъ, въ которыхъ Л. К. Ивановскимъ было вскрыто 5877 курганныхъ насыпей, даютъ право говорить о бытѣ и культурѣ *массы населенія*, жившаго въ отдаленные вѣка въ современной Петербургской губ. Г. Спицынъ, взявшій на себя нелегкій трудъ обработать богатый матеріалъ Л. К. Ивановскаго, привести въ порядокъ и приготовить къ печати дневники раскопокъ покойнаго изслѣдователя и этимъ сдѣлать розысканія послѣдняго доступными для болѣе широкаго круга лицъ, интересующихся отечественными древностями—оказалъ не малую услугу русской археологіи и безусловно можетъ расчитывать на благодарное къ нему отношеніе. Работа г. Спицына по матеріаламъ Л. К. Ивановскаго дѣлится на двѣ почти равныя части: первая заключаетъ результаты, къ которымъ пришелъ г. Спицынъ на основаніи изученія могильнаго инвентаря, вторая—журналъ раскопокъ Л. К. Ивановскаго, составленный по подлиннымъ полевымъ запискамъ послѣдняго и по коллекціямъ могильнаго инвентаря. Большинство кургановъ, раскопанныхъ покойнымъ изслѣдователемъ, относятся къ XI—XII вв. Г. Спицынъ старается возможно рельефнѣе выдѣлить именно эту группу кургановъ и ихъ культуру, вслѣдствіе чего онъ посвящаетъ особую главу прежде всего древностямъ, которыя, по его мнѣнію, относятся къ періоду предшествующему. Количество этихъ древностей, впрочемъ, настолько незначительно, что онѣ едва ли могутъ прочно обосновать предположеніе г. Спицына, что населеніе края до XI в. пользовалось преимущественно предметами литовскими и латышскими. Далѣе, авторомъ выдѣлены въ особыя главы древности изъ могильниковъ, относящихся къ XIII — XVII вв., равно и предметы, которые онъ называетъ, очевидно, впрочемъ, только гадательно, „древностями Води“, добытые Л. К. Ивановскимъ изъ раскопокъ въ с. Мануйловѣ и д. Войносолово. Курганная культура XI—XII вв. выступаетъ, такимъ образомъ, въ своихъ наиболѣе типичныхъ чертахъ и ей авторъ посвящаетъ значительную часть своего труда: онъ детально описываетъ главныя категоріи древностей этой культуры, выдѣляя подчасъ тонкія различія въ формѣ издѣлій, и от-

мѣчаетъ аналогіи къ находкамъ Петербургской губ. изъ инвентаря могильниковъ другихъ областей Россіи; онъ приходитъ къ заключенію, что вещи, найденныя въ петербургскихъ курганахъ XI — XII вв. „составляютъ одно органическое цѣлое съ вещами сосѣднихъ русскихъ областей, и лишь немногія и одиночныя изъ нихъ заимствуются отъ западныхъ сосѣдей". Сами курганы г. Спицынъ считаетъ принадлежащими русской народности. Было бы, пожалуй, несправедливымъ желаніе, чтобы авторъ удѣлялъ много мѣста вопросамъ, касающимся стиля предметовъ, техники производства и пр. Авторъ признаетъ, что добытыя изъ раскопокъ петербургскихъ кургановъ вещи, относящіяся къ XI—XV вв., „представляютъ предметы исключительно ремесленной техники и, можетъ быть не имѣютъ значенія для исторіи искусства, но вниманіе историка и этнографа онѣ займутъ". Слѣдовательно, передъ нами обстановка небогатаго населенія, съ его обыденными, сравнительно недорогими украшеніями; но формы, стиль, орнаментъ этихъ украшеній заимствовался съ предметовъ болѣе цѣнныхъ и художественныхъ, доступныхъ тогдашнимъ богачамъ. Отмѣтить художественные прототипы, которымъ подражало тогдашнее производство для удовлетворенія потребности къ украшенію народной массы, имѣло бы особую цѣнность даже съ исключительной археологической точки зрѣнія. Нѣкоторыя попытки этого рода мы встрѣчаемъ у автора, но мы желали бы ихъ встрѣтить въ бо́льшемъ количествѣ: это придало бы большую цѣнность представляющему, впрочемъ, и помимо этого большой интересъ труду г. Спицына, потребовавшему отъ него много усидчивости и кропотливой работы. *Н. Х.*

Отчетъ о дѣятельности Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссіи за 1896 годъ. Симбирскъ, 1897.

Этотъ первый годовой отчетъ (предыдущій былъ полугодовой) знакомитъ насъ съ дѣятельностью Симб. Уч. Арх. Комм., которая въ теченіе лѣта предпринимала археологическія экскурсіи и заботясь о собираніи свѣдѣній объ остаткахъ старины въ Симб. губ. для занесенія ихъ на археолог. карту Симб. губ., обращалась съ вопросными листами въ волостныя правленія, къ учителямъ, священникамъ и др. лицамъ и получили много новыхъ свѣдѣній. Скончавшійся членъ-учредитель Коммиссіи А. В. Толстой завѣщалъ свою археологическую библіотеку и нумизматическую коллекцію ея музею, который значительно обогатился въ отдѣлѣ церковныхъ древностей предметами церковной старообрядческой утвари, поступавшими изъ консисторіи. Въ Архивѣ Коммиссіи состоитъ 220 рукописей и грамотъ, а въ Библіотекѣ 680 названій книгъ и 937 брошюръ.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. I. Одесса, 1896, 53+175+35 стр.

Первыя страницы „Извѣстій" содержатъ въ себѣ отчетъ о дѣятельности Института за 1895 годъ. Плодотворную дѣятельность Института уже

выяснилъ директоръ его Ѳ. И. Успенскій на Рижскомъ съѣздѣ [1]). Далѣе, книжка наполнена статьями членовъ Института. Ѳ. И. Успенскій помѣстилъ найденный имъ въ Иверскомъ Аѳонскомъ монастырѣ актъ отвода земли монастырю Богородицы, въ темѣ Струмица, XII вѣка. Этотъ актъ имѣетъ тотъ интересъ среди многочисленныхъ подобныхъ документовъ, что онъ отличается необыкновенной полнотой и можетъ дать новыя свѣдѣнія по вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи въ Византіи. Ѳ. И. Успенскій составилъ обширныя объясненія къ акту, въ которыхъ касается опредѣленія различныхъ разрядовъ крестьянскаго населенія, пріемовъ землемѣрія и проч. Однако, надо замѣтить, статьей г. Успенскаго далеко не исчерпанъ весь интересъ акта, напр., только намѣченъ авторомъ весьма важный вопросъ о колонизаціи Македоніи.

Вторая статья принадлежитъ О. Ѳ. Вульфу и касается поэмы Константина Родія, писателя X вѣка. Эта поэма уже подвергалась пересмотру и критикѣ со стороны Беглери, Леграна и Ѳ. Рейнаха. Поэма дѣлится на двѣ части. Въ первой части Родій, придворный поэтъ при Константинѣ Порфирородномъ, описываетъ архитектурныя чудеса Византіи. Вторая часть посвящена описанію Византійскаго храма св. Апостоловъ, о которомъ мы знаемъ только по литературнымъ памятникамъ. Послѣдняя часть особенно интересна. Путемъ сопоставленія указаній Родія съ описаніемъ Прокопія, съ характерными чертами св. Софіи въ Константинополѣ и св. Марка въ Венеціи, авторъ старается возсоздать какъ архитектуру, такъ и мозаичныя украшенія храма св. Апостоловъ.

Е. М. Придикъ помѣстилъ въ первой книжкѣ „Извѣстій“ надписи, собранныя имъ во время путешествія по Ѳессаліи въ 1895 г. Собрано до 140 надписей, изъ которыхъ больше половины оказались надписями на надгробныхъ памятникахъ. Особенный интересъ представляютъ надписи объ освобожденіи рабовъ. На основаніи этихъ надписей г. Придику удалось установить порядокъ первыхъ мѣсяцевъ года. Разработка сообщеннаго г. Придикомъ матеріала, безъ сомнѣнія, даетъ много важныхъ фактовъ по вопросамъ соціальной и экономической исторіи.

Послѣдняя статья посвящена разбору вновь найденнаго „Пурпуроваго“ кодекса Евангелія V—VI в. Въ статьѣ изложено содержаніе кодекса, первоначальный видъ и судьба рукописи, особенности текста, языка и письма.

---

[1]) Арх. Изв. и Зам., 1896, №№ 9—10, стр. 281.

Библиотека НИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Т. I. Ц. 10 р. Т. II. Ц. 8 р. Т. III. Ц. 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р. Т. II. Цѣна 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р. Вып. II. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм.
Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1896 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монеты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова. 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№ 9.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ № 9.

Стр.

I. **А. И. Яцимирскій.** Вновь найденный списокъ Домостроя. . . . 273

II. Археологическая хроника. 285

III. Засѣданія Обществъ 295

IV. Библіографія. 296

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

1897 г. № 9.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1945 БИБЛІОТЕКА НИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы 584/7.

I.

Вновь найденный списокъ Домостроя.

Домострою весьма посчастливилось и въ старинной русской письменности, и въ изслѣдованіяхъ современныхъ нашихъ ученыхъ. Какъ старина оставила намъ цѣлый рядъ списковъ этого интереснаго кодекса правилъ для частной жизни средняго и высшаго русскаго общества, такъ и научная литература даетъ немало цѣнныхъ трудовъ, соединенныхъ съ именами извѣстныхъ ученыхъ, которыхъ занимали разнообразные вопросы, вызываемые этимъ памятникомъ, и которые рѣшали эти вопросы не всегда одинаково. Причина перваго обстоятельства, а именно того, что Домострой встарину переписывался и читался,—кроется въ самомъ характерѣ и содержаніи его: давая опредѣленныя и весьма подробныя правила для каждаго шага въ жизни религіозной, общественной и частной и касаясь даже мелочей домашняго хозяйства, Домострой просто и безъ всякихъ колебаній отвѣчалъ на многіе изъ главныхъ вопросовъ, которые могла возбуждать сама жизнь съ ея нехитрыми запросами и замысловатыми формами. Составленный на основаніи самой жизни, Домострой, какъ нельзя лучше, ей и соотвѣтствовалъ, въ особенности въ томъ обществѣ, которому онъ обязанъ своимъ по-

явленіемъ. Та же сторона Домостроя и была причиной интереса къ нему нашихъ ученыхъ: давая самыя мелочныя правила для будничныхъ занятій, тѣмъ самымъ Домострой вводитъ насъ въ интимную жизнь стариннаго русскаго человѣка и иногда съ поразительной отчетливостью художественно рисуетъ эту привлекательную старинную жизнь, которая немного чертъ оставила по себѣ въ памятникахъ литературныхъ.

Не входя въ разсмотрѣніе и — тѣмъ болѣе — оцѣнку отдѣльныхъ изслѣдованій и ученыхъ трудовъ, въ которые вопросъ о Домостроѣ входилъ, какъ составная часть, отмѣтимъ только имена лицъ, занимавшихся интересующимъ насъ памятникомъ. На первомъ мѣстѣ въ ряду ихъ стоятъ имена издателей Домостроя, всего или его отдѣльныхъ частей: Д. П. Голохвастова [1]), А. Н. Попова [2]), И. Сахарова [3]), И. Е. Забѣлина [4]), В. А. Яковлева [5]); за ними слѣдуютъ изслѣдователи, останавливавшіеся на разныхъ сторонахъ Домостроя. Среди нихъ мы находимъ имена извѣстныхъ ученыхъ: А. Н. Аѳанасьева [6]), Ѳ. И. Буслаева [7]), К. С. Аксакова [8]), И. Я. Порфирьева [9]), И. И. Срезневскаго [10]), митр. Макарія [11]), С. М. Соловьева [12]), архим. Леонида и Д. П. Голохвастова [13]), Н. С. Некрасова [14]) и А. В. Михайлова [15]).

Списковъ Домостроя, хранящихся въ разныхъ книгохранилищахъ, общественныхъ и частныхъ, дошло до насъ не мало. Изучая эти списки, изслѣдователи пришли къ тому выводу, что каждый изъ списковъ Домостроя можно отнести къ одному изъ двухъ типовъ. Представителемъ изъ нихъ является списокъ XVI вѣка, принадлежащій Обще-

---

[1]) Временникъ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1849 г., кн. I;—по Коншинскому списку.

[2]) Чтенія Общ. И. и Д. Росс., кн. I, IV+202+XVI стр., съ 4-мя снимками; — по списку Общ. Ист. и Древн. Росс.

[3]) Сказанія русскаго народа, т. II.

[4]) «Книги во весь годъ въ столъ ѣствы». Временникъ, 1850 г., кн. VI и Предисловіе къ изданію А. Н. Попова. Чтенія, 1882 г., кн. I.

[5]) 1867 и 1887 гг. Домострой по рукоп. Имп. Публ. Библіотеки, изд. подъ редакціей В. Яковлева.

[6]) «Объ археологическомъ значеніи Домостроя», Отеч. Зап. 1850 г., т. 71-й.

[7]) Моск. Вѣд. 1852 г., № 52-й; Историч. Хрестоматія, стр. 817-я.

[8]) Русская Бесѣда, 1856 г., кн. IV, стр. 40—41-я.

[9]) Православный Собесѣдникъ, 1860 г., кн. III, стр. 279–331-я.

[10]) Введеніе къ изданію Сборника Сильвестра. Спб. 1860 г.

[11]) Исторія русской Церкви, т. VII, стр. 463—465-я.

[12]) Исторія Россіи, т. VII, стр. 223—234-я, изд. 1857 года.

[13]) «Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія». Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1874 г., кн. I, со снимкомъ съ рукописи.

[14]) Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя. Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1872 г., кн. III. «Къ вопросу о Домостроѣ» — отвѣтъ на первую статью А. В. Михайлова. Журн. Мин. Народн. Просв. 1889 г., кн. VI.

[15]) «Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи». Журн. Мин. Народн. Просв. 1889 г., кн. II и III. «Еще къ вопросу о Домостроѣ». Тамъ же 1890 г., кн. VIII, стр. 332—369.

ству Исторіи и Древностей Россійскихъ; представителемъ второго—списокъ Коншинскій, тоже XVI вѣка, названный такъ по имени собирателя рукописей Коншина, списокъ теперь утерянный, но напечатанный еще въ 1849-мъ году Д. П. Голохвастовымъ. Конечно, для сужденія о первоначальной редакціи Домостроя можетъ быть полезенъ и каждый почти изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ списковъ, хотя разница между ними самая малая. Большій интересъ для сужденія о редакціяхъ могутъ представлять не столько текстуальныя отличія, даваемыя каждымъ спискомъ въ отдѣльности, сколько порядокъ и распредѣленіе главъ, въ однихъ спискахъ идущихъ послѣдовательно, по содержанію, въ другихъ — въ разбивку, причемъ цѣльность извѣстнаго предмета, о которомъ идетъ рѣчь, бываетъ нарушена.

Ни одинъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ списковъ не сохранилъ какихъ-либо указаній на время появленія Домостроя, на имя автора или мѣсто его жизни, такъ что существующія въ наукѣ сужденія объ этихъ вопросахъ основаны болѣе на свѣдѣніяхъ не прямыхъ, т.-е. не на опредѣленныхъ записяхъ. Такимъ образомъ, разсмотрѣть послѣднія мнѣнія науки объ авторѣ Домостроя, о его редакціяхъ, мѣстѣ и времени появленія, основываясь, главнымъ образомъ, на открытомъ нами спискѣ Домостроя и можетъ послужить задачей для будущихъ изслѣдователей Домостроя. Здѣсь же мы только укажемъ на особенности открытаго нами списка и провѣримъ, на сколько можно давать довѣріе тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя даетъ намъ запись, читаемая въ началѣ новаго, весьма интереснаго списка.

Новый списокъ Домостроя недавно пріобрѣтенъ московскимъ собирателемъ русскихъ древностей *П. И. Щукинымъ*, владѣльцемъ большого и богатаго музея, въ которомъ собраны старинныя русскія вещи, рукописи, акты, книги и т. п. [16]).

Рукопись, въ которой читается Домострой вмѣстѣ съ нѣсколькими добавочными статьями, время появленія которыхъ въ литературѣ относится также къ XVI вѣку,—слѣдуетъ, по характеру скорописи, отнести къ началу XVII вѣка. Верхняя половина перваго листа оставлена для заглавія, повидимому, Домостроя же; первая строка заглавія была написана крупной вязью и сейчасъ же была замазана киноварью, такъ что разобрать это заглавіе очень трудно. Нижняя половина листа занята записью, писанной киноварью той же рукой и тѣмъ же почеркомъ, какимъ писана вся рукопись. Вотъ точная передача этой интересной записи:

---

16) *А. И. Яцимирскій.* Опись старинныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей собранія П. И. Щукина, вып. II. М. 1897 г., стр. 236—237.

к лѣта ,ѕ҃ѯ̃ го^{ду} при дс^{и}жа
кѣ гр҃да цр҃а и̑ великого
кн҃зя и̑ѡана касиль^{е}вичя
всем рѹсиї и прѣѡсщ^{е}нномъ
макарiї мн^{т}рополитѣ всея
рѹсиї. состаклѣно сиѣ пи-
саніе на москвѣ нѣкон^{и}
м^{а}рцемъ нестеро^{м} селивер^{р}
стовы^{м} новѹгоро^{а}цемъ.

Слѣдующіе затѣмъ семь листовъ (л. 1 об.—8) занято оглавленіемъ. За оглавленіемъ—небольшая статья: „Наказаніе отъ отца къ сыну“, которая во всѣхъ спискахъ входитъ въ счетъ вмѣстѣ съ другими главами и принимается за главу первую (л. 8 об.). За небольшой выборкой изреченій, повидимому, изъ Пчелы [17]), идетъ уже самый Домострой, состоящій собственно изъ 62-хъ главъ и отдѣльной статьи: „Книги во весь годъ, что на столы ѣствы подаютъ, съ Велика дни въ Мясоѣдъ въ столъ ѣству подаютъ“ (л. 145 об.), которая въ извѣстныхъ спискахъ принимается за обычную главу, напримѣръ, въ спискѣ Общ-ва Ист. и Древн.—глава 64-я.

Теперь мы разсмотримъ тѣ свѣдѣнія, которыя намъ даетъ приведенная запись, провѣряя каждое изъ нихъ въ отдѣльности послѣдними взглядами на тѣ же именно вопросы двухъ изслѣдователей, между которыми печатно произошелъ обмѣнъ ихъ взглядовъ на Домострой,—И. С. Некрасова и А. В. Михайлова.

„Составителемъ сего писанія“ запись прямо называетъ „нѣкоего мудреца Нестера Селиверстова Новгородца“. Въ этомъ свидѣтельствѣ любопытно упоминаніе имени Сильвестра, потому что за извѣстнымъ исповѣдникомъ царя Іоанна IV попомъ Сильвестромъ авторство Домостроя признано уже давно, хотя въ послѣдующее время рѣшался этотъ вопросъ не всѣми одинаково. Издавая Домострой по Коншинскому списку въ 1849-мъ году, Д. П. Голохвастовъ далъ этому памятнику такое названіе: „Домострой Благовѣщенскаго попа Сильвестра“. Свое мнѣніе въ данномъ случаѣ издатель основывалъ на такъ называемомъ Маломъ Домостроѣ, который былъ приложенъ къ Большому Домострою, какъ 64-я глава, и начинался фразой съ тремя собственными именами [18]).

17) Слово, а т. е. а гл҃ва пишется ѫ҃А.

Коньма хитрость на [рати по҃ѧлаѣтъся а дрѹг кѣреи 8 кѣды по҃ѧлаѣтъся. с лихорьмъ дрѹгомъ держати дрѹжкѹ мдръ кѹдешь а ѕ҃безѹмнымъ держати дрѹжкѹ безѹменъ кѹдешь і после зло ѡбращеши безѹмный чл҃вкъ во ѧдѣ наслажаѣтся и доѕдѣтъ себѣ тмѹ кромѣшнюю. ыако ко ѕ҃таѣ сѣдѣ ѣздити тако безѹмнаго ѕ҃чити. (л. 10 об.).

18) «Благословляю азъ, грѣшный Силивестръ, и поучаю, и вразумляю единочадаго сына своего Анфима, и его жену Пелагею, и ихъ домочадцовъ, быти во всякомъ христіанскомъ законѣ и во всякой чистой совѣсти...»

Такимъ образомъ, внося свое предположеніе въ самое заглавіе издаваемаго имъ памятника, Д. П. Голохвастовъ навсегда, повидимому, закрѣпилъ за попомъ Сильвестромъ авторство Домостроя. Это мнѣніе повторялось безъ колебаній и большинствомъ послѣдующихъ изслѣдователей и очень только немногіе ставили относительно авторства Сильвестра вопросъ. Сильный ударъ этому мнѣнію нанесъ проф. И. С. Некрасовъ въ своемъ обширномъ и богатомъ по подбору данныхъ изслѣдованіи, явившемся въ свѣтъ подъ такимъ заглавіемъ: „Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древнерусскаго Домостроя“ (Чтенія Общ-ва Ист. и Др.).

Разсматривая въ третьей главѣ своего „Опыта“ вопросъ о происхожденіи Домостроя, И. С. Некрасовъ доказывалъ, что Домострой въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, явился не сразу и составленъ былъ изъ трехъ частей (глл. 1—15-я; глл. 16—29-я; глл. 30—63-я), существовавшихъ какъ отдѣльныя сочиненія и составленныхъ въ Новгородѣ въ вѣкѣ XV-мъ. Участіе же священника Сильвестра выразилось въ томъ, что онъ старался „отуземить“ Домострой въ Москвѣ, „нѣсколько измѣнивъ, но больше сокративъ его и прибавивъ къ нему наставленіе къ своему сыну“. Насколько справедливы всѣ выводы въ изслѣдованіи И. С. Некрасова, мы можемъ видѣть въ работѣ А. В. Михайлова, который, оставивъ выводы И. С. Некрасова, изложенные въ первой главѣ, разрушилъ основные взгляды его на вопросъ о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи. Въ защиту авторства Благовѣщенскаго попа Сильвестра А. В. Михайловъ высказалъ чрезвычайно цѣнную мысль, формулированную въ такихъ словахъ: „Такъ какъ Благовѣщенскій попъ Сильвестръ не былъ передѣлывателемъ Домостроя въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимаетъ г. Некрасовъ, то нѣтъ, кажется, надобности отрицать, что знаменитый исповѣдникъ Іоанна Грознаго былъ авторомъ памятника. „Акклиматизаторомъ“ Домостроя „на московской почвѣ“ Сильвестръ быть не могъ, а съ другой стороны, имя его тѣсно связано съ памятникомъ, на что̀ указываетъ „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“, или такъ-называемый Малый Домострой, и первая глава списка Императорской Публичной Библіотеки подъ № 1137, гдѣ прямо сказано: „Благословляю я, грѣшный Сильвестръ, и научаю, и вразумляю единочаднаго сына своего Анфима, и его жену Пелагею, и ихъ домочадцевъ, быти во всякомъ христіанскомъ законѣ и во всякой чистой совѣсти, въ правдѣ“. Если составителемъ Домостроя былъ не Сильвестръ, а другое лицо, то вмѣсто выраженія *имярекъ* (въ первой главѣ), хотя въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ Домостроя стояли бы какія-нибудь соб-

ственныя имена, не-Сильвестровыхъ родныхъ; но такой подстановки мы не замѣчаемъ. Отсюда ясно: ни одинъ изъ позднѣйшихъ переписчиковъ и передѣлывателей Домостроя не рѣшился присвоить себѣ чужую литературную собственность, чего, конечно, еще менѣе слѣдуетъ ожидать отъ такого человѣка, какимъ былъ знаменитый современникъ Іоанна Грознаго"... Вотъ послѣднее и, повидимому, весьма основательное сужденіе объ авторствѣ попа Сильвестра.

Если въ нашей записи принять слово „Нестеромъ" за искаженіе въ перепискѣ слова „пресвитеромъ", что само по себѣ и возможно, то Новгородскій пресвитеръ Сильвестръ не кто иной, какъ Благовѣщенскій пресвитеръ, знаменитый современникъ Грознаго. Но на такое предположеніе согласиться нельзя, такъ какъ тогда нужно признать порчу слова Селиверсто*вымъ* вмѣсто Селиверсто*мъ;* затѣмъ, вопросомъ будутъ два слова, предшествующія собственнымъ именамъ, а именно, слова „нѣкоимъ мудрецемъ". Невозможно, чтобы кто-нибудь такъ могъ выразиться о лицѣ духовномъ, да при томъ сильномъ и уважаемомъ въ то время. Далѣе, если, не видя никакихъ указаній въ нашей записи на то, что авторъ Домостроя былъ лицомъ духовнымъ, считать „Нестора Селиверстова" лицомъ свѣтскимъ, то предположеніе И. С. Некрасова находитъ въ нашей записи себѣ вѣское доказательство. Этого предположенія не раздѣлилъ А. В. Михайловъ, считавшій автора Домостроя лицомъ духовнымъ, единственно на основаніи многихъ ссылокъ на Св. Писаніе. Конечно, знаніе Св. Писанія скорѣе изобличаетъ въ составителѣ Домостроя лицо духовное; но, отмѣтимъ съ одной стороны духовное направленіе старинной русской образованности, съ другой — то обстоятельство, что и среди свѣтскихъ людей находились люди, начитанные въ св. Писаніи и даже занимавшіеся рѣшеніемъ чисто-богословскихъ вопросовъ [19]). Сказать что-либо болѣе про личность автора Домостроя — говоритъ А. В. Михайловъ — мы пока ничего не можемъ, не считая развѣ того, что онъ писалъ свое сочиненіе для такого человѣка, который жилъ съ нимъ въ одномъ городѣ и былъ ему знакомъ" [20]).

---

[19]) Такъ, слѣдуетъ указать на Посланіе одного московскаго служилаго человѣка XVII вѣка Ивана Бѣгичева, который написалъ цѣлое богословское изслѣдованіе по вопросу о томъ: правда ли, что Моисей видѣлъ Бога лицомъ къ лицу, и могло ли это быть. Это недавно открытое нами въ рукописи нашего собранія Посланіе издается съ Предисловіемъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.

[20]) Это послѣднее мнѣніе А. В. Михайлова основано имъ на слѣдующихъ словахъ 40-й главы: «а купить у кого-нибудь, много или мало, у пріѣзжаго гости, и у крестьянина, и *у здешнево* человѣка». «Выраженіе,—говоритъ А. В. Михайловъ, — «здешнево человѣка», указывая съ одной стороны, на то мѣсто, гдѣ впервые появился Домострой, съ другой — заставляетъ предполагать, что авторъ памятника имѣлъ въ виду только тѣхъ лицъ, кото-

Далѣе, слѣдуетъ остановиться на одномъ весьма интересномъ словѣ въ нашей записи, относящемся къ имени автора Домостроя, это — слову „нѣкоимъ“, которое служитъ опредѣленіемъ къ слову „мудрецемъ“.

Какъ извѣстно, въ томъ Предисловіи, которымъ начинается списокъ Домостроя, принадлежащій Обществу Исторіи и Древн. Росс., перечисляются тѣ предметы, о которыхъ въ Домостроѣ идетъ рѣчь, причемъ составитель этого Предисловія раздѣляетъ весь Домострой на три части. Въ этомъ дѣленіи на три части И. С. Некрасовъ видитъ намекъ составителя Домостроя на трехъ отдѣльныхъ авторовъ его. Такимъ образомъ, по мнѣнію И. С. Некрасова, Домострой — трудъ не единоличный, а коллективный, принадлежащій тремъ авторамъ и не одному и тому же времени. Сказавъ въ Предисловіи о первой части Домостроя, составитель Предисловія, переходя ко второй части, говоритъ: „И еще въ сей книгѣ изнайдеши наказъ *отъ нѣкоего* о мирскомъ строеніи“ и т. д. Эти слова г. Некрасовъ понимаетъ въ такомъ смыслѣ, что „составитель общаго извода Домостроя указываетъ въ немъ на чужой трудъ, включенный имъ въ Домострой, трудъ, впрочемъ, и для этого изводчика неизвѣстно кому принадлежащій [21]). Для насъ интересно выраженіе „отъ нѣкоего“, которымъ составитель Предисловія называетъ, по мнѣнію г. Некрасова, автора всей этой второй части Домостроя. Во всякомъ случаѣ, любопытно совпаденіе этого выраженія въ нашей записи и въ Предисловіи къ Домострою. Не извѣстна ли была составителю Предисловія наша запись, относившаяся, быть можетъ, и не къ цѣлому Домострою, изъ которой онъ,—не желая по какимъ-нибудь причинамъ приводить полнаго имени автора,—взялъ только первое слово, дѣлая имъ только самое общее указаніе на то, что эта часть Домостроя написана не имъ, а „нѣкоимъ“?

Авторъ Домостроя въ записи названъ „Новгородцемъ“, а о мѣстѣ составленія его труда говорится прямо, что „составлено сіе писаніе на Москвѣ“. Этимъ свѣдѣніямъ нисколько не противорѣчатъ тѣ предположенія, которыя высказаны были учеными на основаніи самого памятника, т.-е. на основаніи чертъ бытовыхъ, характера общаго жизни того общества, которому рекомендуются правила Домостроя, и даже на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ языка, собственно — терминовъ. Взгляды И. С. Некрасова и А. В. Михайлова по этому вопросу расходятся, но во всякомъ случаѣ, въ ихъ работахъ постоянно фигурируютъ слова

рыя жили съ нимъ въ одномъ городѣ». Но это едва ли. Скорѣе выраженіе «здѣшнево человѣка» противополагается другому выраженію „человѣка пріѣзжаго», означая, такимъ образомъ, туземца, русскаго купца отъ «*пріѣзжаго гостя*».

21) «Опытъ»..., стр. 49—50-я.

„Новгородъ“, „Москва“, давая этимъ нѣкоторый вѣсъ свидѣтельству нашей записи. Какъ извѣстно, по мнѣнію И. С. Некрасова, Домострой въ своемъ первоначальномъ видѣ составленъ былъ въ Новгородѣ въ вѣкѣ XV, а священникъ Сильвестръ старался „отуземить (акклиматизировать) Домострой къ Москвѣ, нѣсколько измѣнивъ, но больше сокративъ его и прибавивъ къ нему наставленіе къ своему сыну“ [22]). Возражая ему, А. В. Михайловъ доказывалъ совершенно иное и высказалъ свое мнѣніе въ такой формѣ: „Нѣтъ никакихъ основаній считать Домострой Новгородскимъ памятникомъ; напротивъ того, въ немъ мы находимъ указанія, подтверждающія его московское происхожденіе“ [23]). Не входя въ разборъ того, насколько правы оба изслѣдователя, мы опять-таки повторимъ, что запись наша говоритъ совершенно опредѣленно, что „составлено сіе писаніе на Москвѣ“; что же касается новгородскихъ чертъ, которыя въ сильной степени видѣлъ г. Некрасовъ и которыхъ игнорировать совершенно опять-таки нельзя, то происхожденіе ихъ слѣдуетъ видѣть въ томъ, что по происхожденію своему и по мѣсту прежней своей жизни авторъ Домостроя былъ новгородецъ, о чемъ совершенно опредѣленно свидѣтельствуетъ наша запись. Извѣстно, что попъ Сильвестръ до приглашенія своего въ Москву жилъ въ Новгородѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, и родился и воспитывался. Такимъ образомъ, и это свидѣтельство нашей записи не лишено нѣкотораго основанія при существующихъ уже свѣдѣніяхъ о мѣстѣ появленія этого литературнаго памятника.

Третье свидѣтельство нашей записи касается времени составленія Домостроя. Оно опредѣлено точно даже годомъ, а именно 1552-мъ. Ничего подобнаго до сихъ поръ извѣстно не было, хотя къ половинѣ XVI вѣка и относитъ появленіе Домостроя позднѣйшій изслѣдователь его А. В. Михайловъ. Опровергая мнѣніе И. С. Некрасова, относившаго Домострой по времени его появленія къ XV вѣку, А. В. Михайловъ прямо говоритъ, что „въ литературѣ Домострой появился въ половинѣ XVI вѣка; по крайней мѣрѣ, нѣтъ причины относить происхожденіе его по болѣе раннему времени“ [24]). Эта дата не противорѣчитъ другимъ датамъ изъ жизни попа Сильвестра. Какъ извѣстно, Сильвестръ вызванъ былъ въ Москву изъ Новгорода, гдѣ онъ былъ священникомъ, митрополитомъ Макаріемъ въ 1547-мъ году. Въ 1553-мъ году свящ. Сильвестръ потерялъ расположеніе къ себѣ царя Іоанна IV, и, удалившись въ Кирилло-Бѣлоозерскій мон., постригся съ именемъ

[22]) „Опытъ“, стр. 184.
[23]) „Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя“; по отд. оттиску, стр. 79.
[24]) „Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя“, стр. 78—79.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Спиридона. Въ 1560-мъ году царемъ онъ былъ заточенъ въ Соловецкій мон., гдѣ Сильвестръ и умеръ. Свои литературныя занятія Сильвестръ продолжалъ и въ Соловецкомъ мон., и въ Кирилловомъ [25]); но по самому своему жизненному характеру Домострой не могъ быть написанъ въ одномъ изъ монастырей. Дата же нашей записи относитъ составленіе Домостроя къ 1552-му году, послѣднему году жизни Сильвестра въ Москвѣ, когда, быть можетъ, подъ вліяніемъ непріятностей съ царемъ, которыя могли окончиться для Сильвестра непріятно, онъ привелъ въ порядокъ и окончилъ свой трудъ, по всей вѣроятности, задуманный имъ раньше, для того, чтобы оставить по себѣ сыну своему наставленія для жизни и память о себѣ, какъ живой примѣръ для сына (Малый Домострой). Насколько вѣрны наши догадки, судить не беремся. Наше предположеніе подтверждаетъ слѣдующій фактъ. Къ 1552-му году относится цѣлый рядъ пожертвованій попа Сильвестра въ Соловецкій монастырь. Въ библіотекѣ этого монастыря сохранилось нѣсколько рукописей съ одинаковыми почти вкладными записями на нихъ Сильвестра и сына его Аѳоима. Вотъ эти рукописи [26]):

1) Евангеліе XV—XVI вѣка (№ 48), съ обычной записью 1552 г.

2) Толкованія на псалтырь, Аѳанасія Александрійскаго (№ 133), того же года.

3) Толкованія на Ев. отъ Матѳея и Марка, Ѳеофилакта архіеп. Болгарскаго; того же года (№ 139).

4) Тоже на Ев. отъ Луки, безъ года (№ 144).

5) Златоструй (№ 182), съ записью 1552 года и собственноручной подписью Аѳоима.

6) Псалтырь (№ 8), безъ года.

Къ приведенному списку слѣдуетъ прибавить еще одну рукопись, а именно:

7) Христіанская топографія Козьмы Индикоплова, безъ года, „даяніе старца Спиридона и сына его Аѳоима“ [27]).

Такимъ образомъ, и этотъ фактъ говоритъ о томъ, что 1552 г. въ жизни Сильвестра имѣлъ извѣстное значеніе и скорѣе, чѣмъ съ инымъ, съ этимъ годомъ можно связать появленіе Домостроя.

Далѣе, въ именахъ царя Іоанна Васильевича и митр. Макарія въ нашей записи можно видѣть не одно только соблюденіе шаблона-

---

25) Посланія Сильвестра, напечатанныя Н. И. Барсовымъ въ Христіанскомъ Чтеніи за 1871 годъ (№ 3) и въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1874 годъ (кн. 1-я).

26) Описаніе рукописей Соловецкаго мон-ря. Казань, 1881 г., стр. 63, 146, 165, 267 и 9.

27) Эта рукопись упоминается въ спискѣ рукописей и печатныхъ книгъ, изъ которыхъ сняты изображенія восьмиконечныхъ крестовъ. Рукопись изъ собранія П. И. Щукина, № 407 (*А. И. Яцимирскій*. Опись стар. слав. и русск. рукоп., вып. II, стр. 141).

формулы для всякаго рода вкладныхъ и другихъ записей, обычныхъ для старины. Мы видѣли, что и митр. Макарій и царь Іоаннъ Васильевичъ принимали въ жизни и въ дѣятельности попа Сильвестра живое участіе. Но во всякомъ случаѣ, все это покуда предположенія.

Сказавъ объ открытой весьма интересной записи, переходимъ къ вопросу о томъ, къ которой редакціи можно отнести нашъ списокъ. Судя по расположенію главъ и по составу нѣкоторыхъ изъ нихъ, нашъ списокъ подходитъ къ той редакціи, представителемъ которой считается списокъ Коншинскій; но Малаго Домостроя или 64-й главы въ немъ нѣтъ. Въ немъ всего 62 главы, при чемъ „Наказаніе отъ отца къ сыну“ и „Книги во весь годъ“ не входятъ въ нашу рукопись, какъ опредѣленныя главы, какъ въ другихъ спискахъ. Несомнѣнно, что то же было и въ первоначальной редакціи. Для сужденія о расположеніи главъ нашей рукописи, мы представимъ таблицу, гдѣ рядомъ съ каждой главой нашего списка указаны соотвѣтствующія главы другихъ списковъ [28]).

Щ.	О.	К.		Щ.	О.	К.		Щ.	О.	К.		Щ.	О.	К.	
—[1])	1	1	(л. 11)	16	21	17	(л. 38 об.)	32	36	32	(л. 79 об.)	48	—	49	(л.117 об.)
1	2	2	(л. 12)	17	22	18	(л. 40 об.)	33	37	33	(л. 81)	49	—	50	(л.119)
2	3	3	(л. 12)	18	23	20	(л. 42 об.)	34	38	35	(л. 82 об.)	50	—	51	(л.121)
3	4	4	(л. 12)	19	24	19	(л. 44)	35	39	34	(л. 88)	51	52	52	(л.124 об.)
4	7	5	(л. 15об.)	20	25	21	(л. 46 об.)	36	40	36	(л. 90)	52	53	53	(л.125 об.)
5	9	6	(л. 17)	21	26	22	(л. 47 об.)	37	41	37	(л. 91 об.)	53	54	54	(л.126 об.)
6	5	7	(л. 18)	22	27	39	(л. 52 об.)	38	42	38	(л. 93)	54	55	55	(л.128 об.)
7	11	8	(л. 19)	23	8	23	(л. 53)	39	43	40	(л. 98 об.)	55	56	56	(л.130 об.)
8	10	9	(л. 20об.)	24	28	24	(л. 66 об.)	40	44	41	(л. 100)	56	57	57	(л.132)
9	14	10	(л. 21)	25	29	25	(л. 69 об.)	41	45	42	—[3])	57	58	58	(л.133)
10	15	11	(л. 23об.)	26	30	26	—	42	46	43	(л. 105)	58	59	59	(л. 134об.)
11	12	12	(л. 30)	27	31	27	—[2])	43	47	44	(л. 107)	59	60	60	(л. 135об.)
12	13	13	(л. 31об.)	28	32	28	(л. 71)	44	48	45	(л. 108)	60	61	61	(л.137)
13	6	14	(л. 34об.)	29	33	29	(л. 72 об.)	45	49	46	(л. 111)	61	62	62	(л.139 об.)
14	19	15	(л. 36)	30	34	30	(л. 77)	46	50	47	(л. 113)	62	63	63	(л.141)
15	20	16	(л. 37об.)	31	35	31	(л. 78)	47	51	48	(л. 114 об.).				

Изъ приведенной таблицы видимъ, что главы нашего списка расположены въ такомъ же почти порядкѣ, какъ и въ Коншинскомъ спискѣ. А. В. Михайловъ совершенно основательно считаетъ Коншинскій списокъ, „по составу и расположенію главъ“, стоящимъ „къ оригиналу памятника несравненно ближе списка, принадлежащаго Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ“ [29]). Теперь разсмотримъ, въ чемъ состоятъ отличія нашего списка отъ Коншинскаго и чѣмъ это можно будетъ объяснить.

---

[28]) [1]) Безъ счета, въ видѣ предисловія. [2]) По оглавленію; въ самой рукописи эти главы утрачены. [3]) По оглавленію; въ самой рукописи 41-я глава утрачена.

[29]) „Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя“, стр. 78.

I. Главы 18 и 19-я соотвѣтствуютъ 20 и 19-й главамъ Коншинскаго списка. Расположеніе этихъ главъ въ нашемъ спискѣ сдѣлано лучше, потому что глава „Како всякому человѣку рукодѣльничати...“ скорѣе должна быть отнесена или, по крайней мѣрѣ, приближена къ „практическому“ Домострою, чѣмъ глава „Похвала женамъ“, которая можетъ служить переходной главой къ Домострою практическому.

II. Порядокъ главъ 21—23-й таковъ, что между главами 22-й и 23-й по Коншин. списку вставлена 39-я глава по тому же списку. Такой порядокъ слѣдуетъ считать лучшимъ, такъ какъ даже изъ заглавія видно, что главы эти (22 и 39-я) въ первоначальной редакціи слѣдовали одна за другой: „Каковы люди дерьжать и какъ о нихъ промышлять: во всякомъ ученіи въ божественныхъ заповѣдѣхъ и въ домовномъ строеніи. Аще самъ мужъ *не учитъ*, ино судъ отъ Бога пріемлетъ“. Въ то же время, главы 38 и 40-я (по Конш. сп.) должны слѣдовать одна за другой, а 39-я глава, повидимому, вставная: „Какъ избная порядня устроити хорошо и чисто... Самому государю, или кому прикажетъ, годовой запасъ и всякой товаръ купити“.

III. Порядокъ главъ 34-й и 35-й измѣненъ, такъ что глава „О праведномъ житіи“ слѣдуетъ за главой „О неправедномъ житіи“. Несомнѣнно, въ такомъ сочиненіи, какъ Домострой, отрицательныя стороны всегда должны слѣдовать за положительными. Поэтому, и это расположеніе главъ въ нашемъ спискѣ лучше.

Въ концѣ нѣкоторыхъ главъ сдѣланы ссылки на другія главы, въ которыхъ говорится „о томъ же“. Относительно того, что подобныя ссылки были для переписчика или для редактора не пустыми фразами — такъ какъ въ оригиналѣ могло бы быть иное распредѣленіе главъ, что̀ видимъ въ другихъ спискахъ, а сдѣлано было съ опредѣленнымъ пониманіемъ смысла каждой главы, — видно изъ того, что большинство ссылокъ, изъ провѣренныхъ нами, оказались вѣрными [30]). Вотъ и все, что

---

[30]) Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ ссылокъ, отмѣченныхъ при знакомствѣ съ рукописью:

Глава 23-я. всякомꙋ крⷭтианинꙋ... жити по заповедех гдних по ⷭчⷭкомꙋ преданию и хⷭтианскому законꙋ іакоже в начале писано кіги сеѧ ⷭ перьвыѧ гл҃вы всѣ, и гл҃ав г҃ прочиѧ гл҃вы кіги сеѧ. також, кз ѧ гл҃ва внимати... (л. 54).

Глава 4-я. кд гл҃ва ѳ томѣже пишетъ.

„ 10-я. гл҃ва, мѧ. и ѳ томже.

„ 19-я. кѕ. гл҃ва. ѳ томже.

„ 20-я. кѧ. глава. ѳ томже.

„ 21-я. ле, гл҃ва, ѳ томъ же.

„ 28-я. кѣ, гл҃ва, ѳ томже (предъ „но достоитъ“)..

„ 33-я. ѯ гл҃ва, ѳ тѣ же.

„ 34-я. кѳ. гл҃ва ѳ томже.

„ 40-я. мд гл҃ва, ѳ томже.

„ 49-я. мѳ, гл҃ва ѳ томже.

„ 51—52 и 54—55 и 57-я. ѯ̃к. гл҃вы. ѳ томъ же.

можно покуда сказать о принадлежности или, по крайней мѣрѣ, близости нашего списка къ первоначальной редакціи.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать немного о рукописи, въ которой читается открытый нами списокъ Домостроя. Рукопись эта писана мелкой скорописью начала XVII вѣка, на бумагѣ, сложенной въ малую шестнадцатую долю листа ($3^1/_8 \times 2$ верш.), на 191-мъ листѣ. Къ рукописи прибавлено еще нѣсколько тетрадей, писанныхъ почеркомъ другой руки; о нихъ сказано будетъ дальше.

Для сужденія о Домостроѣ нашего списка важно также опредѣленіе состава всей рукописи, описаніе которой представимъ ниже.

За послѣдней 62-й главой Домостроя идетъ статья «Указъ о ѣствѣ» [31]), которой нѣтъ уже въ оглавленіи и которая не помѣчена цифрой, какъ извѣстная глава Домостроя [32]). Такъ какъ, къ тому же, въ концѣ предыдущихъ главъ, напр. 51—57-я, нѣтъ ссылки на 62-ю главу, одинаковую съ этими главами по содержанію, то ясно, что редакторъ или переписчикъ уже не считалъ ее принадлежащей къ Домострою.

Весьма интересно, что слѣдующая за тѣмъ статья, писанная тѣмъ же самымъ почеркомъ, — по времени своего происхожденія,—должна быть отнесена приблизительно къ тому же времени, которое опредѣляется въ записи объ авторѣ Домостроя. Это именно „Сказаніе Ивана Семенова Пересвѣтова о Петрѣ волосскомъ воеводѣ, какъ писалъ похвалу благовѣрному царю и вел. кн. Ивану Васильевичу всея Русіи“ [33]).

Той же скорописью писаны и двѣ послѣднія, небольшія по размѣру статьи. Первая изъ нихъ озаглавлена: „лѣтописецъ ѻ зачатіи цр҃града лѣта ҂ѕ҃ѱіи“ (5818—1310 г.) (л. 188 об.) и содержитъ въ себѣ краткую исторію начала Царьграда [34]); здѣсь говорится, между прочимъ, о предзнаменованіи, которое царю Константину показалось добрымъ, а именно, орелъ убилъ выползшую изъ-подъ камня змѣю.

Вторая небольшая статья — это „Сказаніе ѡ҃ цр҃кви с҃тыѧ софіи премудрости б҃жіѧ и в великѡ҃ новѣградѣ“... (л. 190), т. е. о построеніи

---

31) Заглавіе этой статьи, отличное отъ заглавія той же статьи по списку Общ. Ист. и Древн., читается такъ: книги ко сѣ̀ гол что на столы ѣствы подают с велика дни в мясоѣд въ сто҃л къ сто҃л ѣствѣ̀ подают (л. 145 об.).

32) И въ спискѣ Общ. Ист. и Древн. эта глава и въ текстѣ и въ оглавленіи писана другимъ почеркомъ (Чтенія. 1882 г. кн. I, стр. 7-я; примѣчаніе).

33) Въ рукописи это сказаніе озаглавлено такъ: „челобитна гдрю цр҃ю иванꙋ василевичю҃“ (л. 162). Напечатано И. М. Добротворскимъ въ Учен. Запискахъ Казанск. Унив. 1865 г., т. I, вып. I-й. Выдержки у Н. М. Карамзина. И. Г. Р., т. IX, прим. 849-е. Списокъ—въ рукописи гр. А. С. Уварова № 1584-й, л. 14 об. (Описаніе... архим. Леонида, ч. III-я, стр. 234-я).

34) Начало: Бл҃говѣрный цр҃ь костантинъ что была м҃ти ѥго ѥлена цр҃ствовала в римѣ и потомъ сѣдѣлами б҃жіими помыслы во сн҃ѣ своем... Затѣмъ встрѣчается такая фраза: „и посла во вся рѣскиа страны, приискать мѣсто подобно гдѣ поставити град во имя свое“ (л. 189).

Новгородскаго Софійскаго собора вел. кн. Ярославомъ въ 6573-мъ (1065) году.

Для того, чтобы покончить съ описаніемъ открытой рукописи, слѣдуетъ сказать, что въ концѣ ея переплетены всѣ три Посланія старца Елеазарова монастыря Филоѳея [35]), писанныя иной уже скорописью, но, повидимому, того же времени.

А. И. Яцимирскій.

II.

Археологическая хроника.

—— 5 іюня 1897 года крестьянинъ с. Лопьяла, Уржумскаго уѣзда, Иванъ Андреевъ Грудцынъ, распахивая паровое поле, выпахалъ два куска желѣзной кольчуги. Мѣсто это, какъ онъ говоритъ, то самое, на которомъ отецъ его еще въ 1875 и 1888 году выпахалъ два серебряныхъ пояса. Припомнилъ И. А. Грудцынъ, что недавно гдѣ-то читалъ о раскопкахъ, о томъ, что старинныя вещи, вырытыя изъ земли, очень нужны ученымъ людямъ, которые изучаютъ жизнь нашихъ предковъ, и сталъ копать. Выкопавъ ямку всего 8 вершковъ глубиною, онъ нашелъ, между многими другими, слѣдующія вещи: 1) 3 старинныхъ пояса, 2) 8 тонкихъ серебряныхъ вещицъ съ мѣдными ушками, похожими на древесные листья, 3) 48 штукъ тонкихъ серебряныхъ четыреугольныхъ дощечекъ (табличекъ, знаковъ) съ рисунками на подобіе игральной карты „восьмерки“, 4) двѣ мѣдныя толстыя фигуры съ конскими головками (должно быть „идолы“, „божки“), 5) 45 штукъ женскихъ сережекъ и 6) металлическую чашку, распавшуюся на двѣ части; въ ней оказался хорошо сохранившійся клочокъ волосъ, нѣсколько обрывковъ ремня, пояса, обложеннаго серебромъ, которое почти все окрошилось. Всѣ эти вещи, какъ можно догадаться, были уложены въ берестяный буракъ, обернутый тонкимъ листомъ желѣза. Но желѣзо и береста бурака отъ времени разложились и почти смѣшались съ землею.

Мѣсто, гдѣ Грудцынъ нашелъ эти историческія рѣдкости, отстоитъ въ трехъ верстахъ отъ села Лопьяла и въ одной верстѣ отъ дерев.

---

35) 1-е—къ велико княжескому намѣстнику во Псковѣ, дьяку Мисюрю Мунехину, по случаю моровой язвы въ 1522-мъ г. (Дополн. къ Акт. Ист., т. I, № 23-й); 2-е—къ нему же по поводу Посланія Николая Нѣмчина о томъ, что въ 1524-мъ г. совершится міровой переворотъ (Правосл. Собесѣдн. 1861 г. № 11-й, стр. 78—96); 3-е—къ вел. кн. Василію Ивановичу—„объ астрономіи“ (тамъ же 1863-й г., № 1-й, стр. 337-я).

Пилы. Это—ровное мѣсто; когда-то оно было покрыто вѣковымъ лѣсомъ, отчего и до настоящаго времени на пашнѣ виднѣются крупные смолевые пеньки. Почва здѣсь — такъ-называемый „материкъ“. Почти на срединѣ этого мѣста есть небольшой, чуть замѣтный, овражекъ, образовавшійся отъ стока весенней воды; около овражка и найдены эти рѣдкія вещи.

У лопьяльцевъ есть преданіе, что на этомъ мѣстѣ жили когда-то разбойники. Даже одно мѣсто, на полверсты на западъ, и понынѣ называется „Разбойничьей гривой“. Грива эта—высокій берегъ рѣчки Пилинки близъ деревни Морможатъ, гдѣ и посейчасъ имѣется сосновый лѣсокъ.

Старики разсказываютъ, что назадъ тому лѣтъ 70 по горѣ, надъ рѣчкой Пилинкой, долго рылись кладоискатели, но ничего не находили.

Найденныя вещи Грудцынъ, по словамъ „Вятской Газеты“, намѣревается отправить въ Петербургъ, въ Императорское Археологическое Общество. (Спб. Вѣд. № 202, 1897 г.).

—— При производствѣ желѣзнодорожныхъ работъ въ Глазковѣ часто рабочими откапываются весьма интересныя находки, напр., черепа, кости, орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ, горшки и проч. Особенно цѣнны въ научномъ отношеніи находки, относящіяся къ бронзовому вѣку, такъ какъ эти находки впервые встрѣчаются около Иркутска. Увѣряютъ, что рабочіе не разъ наталкивались на цѣлые костяки въ сидячемъ и лежачемъ положеніяхъ, съ ожерельями, кольцами и проч. Только, къ сожалѣнію, всѣ эти доисторическіе памятники не вызываютъ къ себѣ никакого интереса въ мѣстномъ отдѣлѣ Географическаго Общества и безжалостно расхищаются вмѣсто того, чтобы поступать въ Иркутскій музей. (Спб. Вѣд. № 203, 1897 г.).

—— „См. Вѣстн.“ обращаетъ вниманіе на историческіе курганы, находящіеся близъ с. Спасскаго въ 33 верстахъ къ сѣверу отъ Гжатска, въ 1 верстѣ отъ с. Карманова, на крутомъ высокомъ берегу р. Яузы. Есть много основаній предполагать, что курганы эти литовскаго происхожденія, какъ предполагаетъ и газета.

Въ виду сказаннаго, крайне желательно, чтобы кто-либо изъ археологовъ обратилъ вниманіе на спасскіе курганы, ибо весьма возможно, что раскопки ихъ, произведенныя на научныхъ началахъ, прольютъ свѣтъ на происхожденіе кургановъ, а предметы, могущіе быть найденными при раскопкѣ, быть можетъ, откроютъ что-нибудь въ смыслѣ уразумѣнія прошлаго нашихъ мѣстъ и цѣлаго края. Никто и никогда здѣсь съ научными цѣлями раскопокъ не производилъ и на курганы эти вниманія не обращалъ. (Спб. Вѣд. № 225, 1897 г.).

—— Недавно отъ молніи сгорѣлъ близъ станціи Бокенгофъ, Псково-Рижской ж. д. крестьянскій жилой домъ. На пепелищѣ, подъ камнемъ, нашли цинковую посуду, которая оказалась наполненною золотою и серебряною монетой 16 столѣтія. Общій вѣсъ найденной монеты достигаетъ 4 фунт. На серебряной монетѣ отчеканены изображенія одноглаваго орла, креста и ключа. (Рус. Слово № 178, 1897 г.)

—— Археологическая находка сдѣлана 29 іюня 1897 г. въ погостѣ Дворицахъ, Псковской губ., Новоржевскаго уѣзда. Дѣвочка, ловившая въ рѣкѣ раковъ, случайно замѣтила въ руслѣ рѣки колоколъ, который оказался очень древнимъ. Недалеко отъ берега она ощупала рукою на днѣ рѣки какое-то углубленіе, а въ немъ—двухъ раковъ. Чтобы вынуть изъ воды раковъ, она принуждена была оттащить кусокъ земли, закрывавшій это углубленіе, которое и оказалось внутренностью колокола. Найденный колоколъ вѣситъ около 5 пудовъ и имѣетъ слѣдующую надпись: „лѣта 7098 (1590 годъ) ноября 2-го дня слитъ бысть колокол сій к великомученицы Парасковеи нареченныи пятницы въ ржеву пустую (очевидно, въ существовавшемъ раньше въ Псковской области городкѣ Пусторжевѣ) при государи цари и великом князе Ѳеодоре Ивановиче всеа руси повеленіемъ дѣтей боярских—(не разобрано слово, вѣроятно, собственное имя; вообще надпись, сдѣланная безъ словораздѣленія, читается нелегко) Иванова сына да Петра александрова сына Бухвостовыхъ (фамилія, имѣющая представителей и въ настоящее время) и при священнице Ѳеодоре а лі колокол Васка Ивановъ“. Такимъ образомъ, открытому колоколу 300 лѣтъ. Вѣроятно, онъ былъ зарытъ въ землю во время бывшаго здѣсь „литовскаго разоренія“, а не попалъ сюда, напр., во время пожара церкви, такъ какъ въ ухѣ колокола сохранилась деревянная плаха, на которой онъ висѣлъ, и рѣка, размывающая берега, вымыла его. Вообще около Дворицъ, упоминаемыхъ въ псковской лѣтописи уже подъ 1536 г., находятъ много древностей. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ крестьянинъ въ находящемся съ $^1/_2$ версты отъ Дворицъ болотѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ, по преданію, былъ монастырь, упоминаемый въ той же псковской лѣтописи и сожженный во время литовскаго нашествія, нашелъ колоколъ съ латинскою надписью—gloria Dei manet in aeternum и съ датою 1554 года. Въ прошломъ году діаконъ Туровской церкви, находящейся въ верстахъ въ семи отъ Дворицъ, нашелъ котелъ съ древними мѣдными монетами. (Рус. Вѣд. № 207, 1897 г.)

—— 22-го іюля, однимъ изъ рабочихъ артели, производящей раскопку и нивеллировку вновь проводимой улицы, между Вольмарскою

и Ревельскою улицами въ Ригѣ, Степаномъ Будрицкимъ, на глубинѣ 4 футовъ, выкопана цилиндрической формы коробка со старинными серебряными вещами. Находка эта представляетъ,—по словамъ „Рижскаго Вѣстн.“,—навѣрное, значительную цѣнность. Найдены: дощечка съ надписью „Johann Witt“, рѣзной наконечникъ къ палкѣ, часы съ одной стрѣлкой въ оригинальной капсюлѣ, сосудъ съ надписью „Чарка Осипа Григорьевича Львова пити изъ н“, безъ окончанія слова, двѣ старинныя монеты, 2 пары женскихъ сережекъ — на одной изъ нихъ два зеленыхъ камня, большой серебряный крючекъ, двѣ серебряныя пряжки; далѣе, обломки серебряныхъ монетъ, колецъ, лома и цилиндрическая металлическая трубка. Найденныя вещи отправлены въ Императорскую археологическую коммиссію въ С.-Петербургѣ. (Новости, № 189, 1897 г.)

—— Преподаватель Кіевской 3-й гимназіи г. Ляскоронскій сообщаетъ въ „Кіевлянинѣ“ (№ 180, 1897 г.) о слѣдующей находкѣ: Мѣсяца два тому назадъ, въ г. Пирятинѣ (Полт. губ.), въ „Замкѣ“ (такъ называется древняя часть города), крестьянинъ, производя рубку дровъ въ сараѣ, замѣтилъ, что изъ-подъ земли, взрыхленной разбиваемыми колодами дровъ, что-то заблестѣло. Присмотрѣвшись, крестьянинъ увидѣлъ, что это были монеты, серебряныя, небольшихъ размѣровъ, съ выпуклыми изображеніями фигуръ и словъ. Одна монета была продана мѣстному любителю—коллекціонеру, который и сохранилъ ее. Монета оказалась римской, прекрасной сохранности; на одной сторонѣ ея — лицевой, находится изображеніе, выпуклое, головы съ прядями небольшихъ волосъ и лентой, или вѣнкомъ, идущимъ отъ лба вокругъ волосъ; кругомъ головы выпуклый кружекъ, отстоящій на нѣкоторомъ разстояніи отъ краевъ монеты. Надписей на лицевой сторонѣ нѣтъ. На обратной сторонѣ монеты, въ кружкѣ, составленномъ изъ близко стоящихъ другъ возлѣ друга точекъ, находится также выпуклое изображеніе воина, несущаго на плечахъ какую-то фигуру, а въ правой рукѣ держащаго небольшую статую съ пальмовой вѣткой въ рукѣ; сзади фигуры, сверху внизъ, идетъ надпись CAESAR.

Крестьяне приносили небольшія серебряныя монеты и изъ другихъ мѣстъ Пирятинскаго уѣзда. Такъ, изъ Слѣпородскихъ хуторовъ, отстоящихъ отъ Пирятина на разстояніи 7, 8 или же 10 вер., принесено нѣсколько серебряныхъ монетъ, изъ числа которыхъ одна оказалась императора Антонина Пія, а другая—императора Траяна. На первой, на лицевой сторонѣ, вокругъ головы, обвитой лентой, сохранилась надпись, но не вся; легко можно прочитать ANTONINVSAVG; на оборотной сторонѣ—изображеніе человѣка со шлемомъ на головѣ и

копьемъ въ рукѣ. На второй монетѣ, вокругъ головы императора, обвитой отъ лба къ затылку лентой, сохранилась надпись: CAESAR TRAIAN HAD... На оборотной же сторонѣ — изображеніе женщины, въ римскомъ одѣяніи, опирающейся лѣвой рукой на какую-то подставку, или же копье, а правой, поддерживающей складку одежды; вокругъ фигуры можно разобрать: P... M... P.... COS III. На третьей монетѣ, потертой и нѣсколько неясной на лицевой сторонѣ, на обратной находится надпись, неполная, состоящая изъ слѣдующихъ буквъ: CON AV... III COS.

Такимъ образомъ, районъ находокъ римскихъ монетъ, столь часто находимыхъ на правой сторонѣ Днѣпра, въ бассейнѣ рр. Роси, Стугны, Тясмины и пр., теперь значительно долженъ быть расширенъ; находки римскихъ монетъ въ Пирятинскомъ уѣздѣ, въ Лохвицкомъ, Лубенскомъ и Роменскомъ (въ трехъ послѣднихъ уѣздахъ онѣ были констатированы не особенно давно) составляютъ собою то связующее звено, которое соединяетъ находки римскихъ монетъ Днѣпровскаго бассейна съ Донскимъ (Харьк. губ.).

—— Раскопка древняго кургана близъ Майкопа, Кубанской области, произведена на-дняхъ по распоряженію Императорской археологической коммиссіи. Въ курганѣ оказались немалыя сокровища. Къ разбору ихъ изъ Петербурга прибылъ профессоръ Веселовскій. Цѣлыхъ три дня производилась выемка драгоцѣнностей. Найдено много золотыхъ колецъ, бусъ, золотой поясъ и др. мелкія украшенія; около десяти золотыхъ изваяній въ видѣ львовъ, быковъ и пр.; множество серебряныхъ кувшиновъ, мѣдныхъ топоровъ и проч. Вещи были перемѣшаны съ глиной въ ямѣ на подобіе могилы, глубиной въ центрѣ кургана аршина два, длиной сажени полторы и шириной въ сажень. Курганъ—скиѳскій, насыпанъ за нѣсколько лѣтъ до Р. Хр. Повидимому, яма была застлана поперекъ бревнами, а когда они подгнили, то все провалилось внутрь и придавило истлѣвшій трупъ, на которомъ были драгоцѣнныя украшенія. Костякъ истлѣлъ весь, за исключеніемъ зубовъ (Прав. Вѣстн. № 156, 1897 г.).

—— Херсонскимъ музеемъ получено извѣстіе о новой интересной археологической находкѣ, недавно имѣвшей мѣсто вблизи развалинъ знаменитой греческой колоніи Ольвіи. Мѣстными крестьянами извлеченъ изъ земли параллелепипедъ изъ сѣраго мрамора, длиною и шириною въ аршинъ, а высотою въ полъ-аршина. Видимо, мраморъ этотъ служилъ пьедесталомъ для статуи: на верху остались два углубленія въ формѣ ступней, а по боку высѣчена греческая надпись:

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ
БИБЛИОТЕКА НИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы

ΕΥΒΙΟΤΟΣ ΑΡΙΣΤΟΝΟΣ
ΕΠΙΚΡΑΤΗΣ ΝΙΚΙΡΑΤΟΥ
ΤΟΝ ΘΕΙΟΝ
ΘΕΟΙΣ ΤΟΙΣ ΕΝ ΣΑΜΟΘΡΑΙΚΗ
ΙΕΡΗΣΑΜΕΝΟΝ

Это значитъ: *Эвбіотъ* (сынъ) *Аристоновъ* (и) *Эпикратъ* (сынъ) *Никиратовъ* (почтили) *дядю* (по матери) *священнодѣйствующаго божествамъ самоѳракійскимъ*.

Невѣдомый намъ жрецъ самоѳракійскихъ божествъ, какъ видно, хорошо былъ извѣстенъ ольвіополитамъ, такъ какъ его племянники не сочли нужнымъ назвать его имя. Но ольвійская находка представляетъ несомнѣнный интересъ для исторіи религіозной жизни нашей Ольвіи.

На Самоѳракіи, островкѣ Эгейскаго моря, процвѣталъ въ древности культъ *кабировъ*, загадочныхъ божествъ: одни ученые считаютъ ихъ унаслѣдованными греками отъ пелазговъ, другіе выводятъ ихъ изъ Фригіи, а иные видятъ въ кабирахъ древнихъ семитскихъ боговъ. Во всякомъ случаѣ, кабировъ должно признать древними божествами, чуждыми греческой миѳологіи. По неяснымъ и отрывочнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ греческими писателями, кабиры были великіе и грозные боги, спасавшіе людей отъ бѣдъ и опасностей и каравшіе ихъ за проступки. Такъ же мало мы знаемъ и о культѣ кабировъ. Главныя святилища ихъ находились на остр. Самоѳракіи; при этихъ храмахъ жили особые жрецы. Празднества въ честь кабировъ совершались ночью и заключались въ процессіяхъ, двигавшихся изъ храма въ храмъ съ шумной музыкой и танцами. Какъ и многіе изъ иноземныхъ боговъ, кабиры были отожествлены греками съ нѣкоторыми изъ своихъ божествъ, и святилища ихъ воздвигались во всѣхъ предѣлахъ грекоримскаго міра.

Новооткрытая надпись наводитъ на мысль о существованіи культа самоѳракійскихъ божествъ у древнихъ поселенцевъ южной Россіи, религіозная жизнь которыхъ для насъ пока еще слишкомъ не ясна. Мы не знаемъ, существовало ли въ Ольвіи или ея окрестностяхъ святилище кабировъ; но, если найденный памятникъ считать надгробнымъ, то страннымъ представляется такое далекое отчужденіе бренныхъ останковъ самоѳракійскаго жреца отъ его профессіональныхъ боговъ. Едва ли его могли привлечь умирать въ далекой Скиѳіи только родственныя связи съ племянниками. Вѣрнѣе предположить, что и вся его жреческая дѣятельность была на виду у ольвіополитовъ. Поэтому Эвбіотъ и Эпикратъ считаютъ излишнимъ называть его имя.

О находкѣ пьедестала г. управляющимъ Херсонской губерніей со-

общено Императорской археологической коммиссіи, самая же находка хранится пока на мѣстѣ, въ волостномъ правленіи. (Од. Нов. № 4041, 1897 г.).

—— 27 апрѣля 1897 года состоялось открытіе „Учено-Литературнаго Общества“ при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Общество имѣетъ цѣлью содѣйствовать разработкѣ и распространенію знаній въ области археологіи, исторіи, литературы и права и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ, относящимся къ упомянутымъ наукамъ, а равно по тѣмъ отдѣламъ біологіи, которые имѣютъ соприкосновеніе съ науками гуманитарными и общественными. По мѣрѣ потребности, Общество имѣетъ въ виду открыть слѣдующія отдѣленія: 1) историко-филологическихъ наукъ, 2) юридическихъ и общественныхъ наукъ, 3) педагогическое. На 1897—1898 годъ предсѣдателемъ избранъ проф. А. С. Будиловичъ, товарищемъ предсѣдателя проф. Е. В. Пѣтуховъ и секретаремъ проф. М. Е. Красноженъ.

—— Въ дополненіе къ извѣстію о находкѣ папирусовъ (см. стр. 240) сообщаемъ слѣд. подробности объ отрывкѣ съ изреченіями Христа. Въ Лондонѣ появилось изданіе небольшого отрывка папируса, найденнаго въ Египтѣ и представляющаго необычайный научный интересъ. Находка папируса сдѣлана двумя молодыми оксфордскими учеными—Гренфеллемъ и Хёнтомъ, которымъ принадлежитъ и изданіе памятника. Этотъ отрывокъ, содержащій изреченія, приписываемыя Христу (*Λόγια Ἰησοῦ*), найденъ среди массы другихъ папирусовъ на границѣ Ливійской пустыни, близъ деревни Бехнеза, въ 120 миляхъ къ югу отъ Каира. Систематическія раскопки, предпринятыя въ этой мѣстности Обществомъ Egyptian Exploration Fund, обнаружили развалины древняго города Оксиринха, одного изъ главныхъ центровъ первоначальнаго христіанства въ Египтѣ. Какъ велико число памятниковъ письменности, найденныхъ при этомъ, видно изъ того, что цѣлыхъ 280 ящиковъ съ рукописями было отправлено въ Англію, и кромѣ того 150 свитковъ было принесено въ даръ египетскому правительству. Большинство рукописей писано на греческомъ языкѣ, но есть также памятники на языкахъ латинскомъ, коптскомъ, арабскомъ. По содержанію это по большей части договоры, письма, завѣщанія, счеты и другіе документы частнаго и оффиціальнаго характера. Но немало также найдено рукописей литературнаго содержанія—классическихъ и древне-христіанскихъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ и обнародованныя „изреченія Іисуса“. Они представляютъ листокъ папируса, исписанный съ обѣихъ сторонъ и содержащій всего восемь изреченій. Изъ нихъ четвертое и восьмое не могутъ быть возстановлены, такъ какъ приходятся

на наиболѣе пострадавшемъ мѣстѣ листка. Въ одномъ изъ этихъ изреченій можетъ быть съ достовѣрностью прочтено слово «*πτωχεία*» — „состояніе нищаго“. Сильно пострадало также пятое изреченіе. Мы сообщаемъ здѣсь въ точномъ переводѣ весь текстъ изреченій, насколько онъ могъ быть возстановленъ. Оригиналъ писанъ по-гречески, но латинскими буквами.

1. „... и тогда узришь ясно, какъ извлечь сучецъ изъ ока брата твоего“.

2. „Іисусъ глаголетъ: если вы не поститесь относительно міра (*νηστεύσητε τὸν κόσμον*—выраженіе весьма необычное, которому англійскіе издатели придаютъ значеніе „отрекаться отъ міра“), вы никакъ не найдете царствія Божія, и если вы не соблюдаете субботу истинно, вы не узрите Отца“ (необычное выраженіе *σαββατίσητε τὸ σάββατον* издатели справедливо отличаютъ отъ обычнаго *τηρεῖν τὸ σάββατον* и придаютъ ему внутренній смыслъ: дѣлать изъ субботы истинную субботу, соблюдать субботу въ духѣ и истинѣ).

3. „Іисусъ глаголетъ: Я стоялъ посреди міра и они видѣли Меня во плоти и Я нашелъ всѣхъ упившимися и никого изъ нихъ не нашелъ Я жаждущимъ, и душа Моя скорбитъ о сынахъ человѣческихъ, ибо они слѣпы въ сердцахъ своихъ“.

5. „Іисусъ глаголетъ: гдѣ... и тамъ... одинъ, Я съ нимъ“.

6. „Іисусъ глаголетъ: пророкъ не пріемлется въ отечествѣ своемъ, какъ и врачъ никогда не творитъ исцѣленій надъ тѣми, которые знаютъ его“.

7. „Іисусъ глаголетъ: городъ, воздвигнутый на вершинѣ высокаго холма и утвержденный, не можетъ ни упасть, ни быть скрытымъ“.

Этотъ драгоцѣнный листокъ папируса найденъ среди рукописей, относящихся несомнѣнно къ II-му и III-му вѣку по Рождествѣ Христовѣ, и самъ по характеру письма не можетъ быть позднѣе 300 года. Съ другой стороны, то обстоятельство, что отрывокъ представляетъ листокъ книжки, а не часть свитка, не позволяетъ относить списокъ изреченій ни къ I-му вѣку по Рождествѣ Христовѣ, ни къ первой половинѣ II-го вѣка. Вслѣдъ за „изреченіями Іисуса“ должны увидѣть свѣтъ другіе важные памятники той же находки: отрывокъ евангелія отъ Матѳея— III-го вѣка (до сихъ поръ мы не имѣли евангельскихъ текстовъ древнѣе IV столѣтія) и отрывки классиковъ. Затѣмъ остается еще значительное количество памятниковъ, изслѣдованіе и изданіе которыхъ потребуетъ немало времени. (Рус. Вѣд., № 188, 1897 г.)

—— Г. Венюковъ сообщаетъ „Кавказу“ подробности предполагаемой археологической экскурсіи французскихъ ученыхъ въ Персію.

Когда покойный шахъ Насръ-Эддинъ былъ въ послѣдній разъ въ Парижѣ, ему, говоритъ г. Венюковъ, показывали въ залахъ Лувра большую коллекцію персидскихъ древностей, вывезенныхъ изъ Сузы и другихъ мѣстностей г. и г-жею Дьелафуа. Шахъ былъ доволенъ и хотя, въ скобкахъ, замѣтилъ, что, по договору, половина выставленныхъ вещей должна бы остаться въ Персіи, но согласился, что для науки онѣ болѣе на своемъ мѣстѣ въ Парижѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Испагани. Особенно ему нравилось то, что въ Европѣ даже женщины занимаются археологіею, почему онъ и осыпалъ любезностями г-жу Дьелафуа, которой было поручено провожать „царя-царей“ по Лувру. Хотя она была при этомъ въ мужскомъ костюмѣ, но шахъ немедленно узналъ ее, именно, по этому костюму, который она носила въ Персіи ради избѣжанія непріятностей.

Теперь преемнику Насръ-Эддина предстоитъ принимать у себя, въ предѣлахъ Ирана, новую французскую археологическую миссію. Особая коммиссія ученыхъ была сформирована недавно при французскомъ министерствѣ просвѣщенія и пригласила извѣстнаго руководителя новѣйшими египетскими раскопками, Моргана, представить ей планъ работъ въ Персіи. Выборъ этотъ, говоритъ г. Венюковъ, оправдывался не только тѣмъ, что супруги Дьелафуа уже были порядкомъ утомлены прежними работами, но и тѣмъ, что г. Морганъ пользуется личнымъ расположеніемъ новаго шаха, который зналъ его, еще бывши наслѣдникомъ престола. Съ точки зрѣнія строгой науки, эти личныя симпатіи европейскаго ученаго и азіатскаго деспота могли бы возбуждать сомнѣнія въ достоинствѣ будущихъ научныхъ работъ и въ полнотѣ и безпристрастіи ихъ результатовъ, но, разобравъ дѣло, коммиссія нашла, что такія сомнѣнія неосновательны. Напротивъ, коммиссія надѣется, что личныя связи Музафаръ-Эддина съ Морганомъ только облегчатъ ходъ дѣла, за которое Франція несетъ нравственную отвѣтственность предъ лицомъ всего ученаго міра, такъ какъ выговорила себѣ у персіянъ монополію раскопокъ въ Иранѣ.

Археологи рекомендуютъ г. Моргану обратить вниманіе на персидскія „тели“, высота которыхъ иногда доходитъ до 30 метровъ. Работы должны производиться, какъ въ минныхъ галлереяхъ или какъ при археологическихъ раскопкахъ въ Египтѣ, гдѣ Морганъ имѣлъ уже такіе успѣхи. Такъ какъ для производства этихъ работъ въ пустынныхъ мѣстахъ нельзя найти инструментовъ, то предположено привезти ихъ изъ Франціи, вмѣстѣ съ палатками и другими походными принадлежностями. Ихъ заготовленіе требуетъ не менѣе 40,000 франковъ. Затѣмъ, ежегодные расходы на содержаніе и переѣзды экспедиціи

опредѣлены въ 130,000 франковъ. И этого, говоритъ г. Венюковъ, едва достаточно, потому что передвиженія каравана будутъ довольно обширны.

Французскіе ученые, впрочемъ, надѣются, что цѣнность добытыхъ предметовъ окупитъ издержки всей экспедиціи. Съ результатами ея публикѣ быть можетъ удастся ознакомиться уже на Парижской выставкѣ 1900 года. (Новости, № 196, 1897 г.)

—— *La Nature* разсказываетъ объ открытіи остатковъ огромнаго древняго города въ Мексикѣ, незнакомаго до сихъ поръ европейцамъ и почти неизвѣстнаго даже туземцамъ. По крайней мѣрѣ, члену Нью-Іоркскаго естественно-историческаго музея, г. Нивену, до котораго дошли слухи о существованіи этихъ загадочныхъ руинъ, удалось только съ величайшимъ трудомъ найти туда проводника.

Развалины города, какъ полагаютъ *Квечмиктопликана*, находятся въ дикой, пустынной и безлюдной мѣстности, въ сорока миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Чипальчинго, столицы штата Гвереро. Путь къ руинамъ былъ до такой степени тяжелъ, что г. Нивенъ хотѣлъ было вернуться назадъ, почти разувѣрившись въ ихъ существованіи. Но проводникъ въ рѣшительную минуту указалъ на почти уничтоженные тропическою растительностью слѣды древней дороги, а на слѣдующій день путешественники были щедро вознаграждены за всѣ понесенные труды. Передъ ними на далекое разстояніе разстилались развалины огромнаго города, выстроеннаго изъ камней и глины и полузасыпаннаго песками.

Осмотрѣвъ кое-что, г. Нивенъ вернулся въ Нью-Іоркъ, гдѣ собралъ научную экспедицію, средства на которую были даны однимъ богачемъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. Экспедиція запаслась рабочими, инструментами, лошадьми, оружіемъ и прибыла на мѣсто въ концѣ августа прошлаго года.

Городъ по величинѣ своей оказался равнымъ Нью-Іорку. По всѣмъ признакамъ онъ принадлежалъ ранѣе не Ацтекамъ, а *Майа*-племени болѣе кроткому и болѣе цивилизованному, побѣжденному Ацтеками. Впрочемъ, г. Нивенъ, по нѣкоторымъ слѣдамъ, открытымъ имъ, полагаетъ, что Квечмиктопликанъ былъ основанъ даже не Майасами, а еще болѣе раннимъ народомъ.

Какъ бы то ни было, археологическій интересъ находки громаденъ. Среди руинъ найдены остатки двадцати двухъ храмовъ и многочисленныхъ алтарей. Нѣкоторые изъ храмовъ занимаютъ не менѣе 600 квадратныхъ футовъ и сохранились довольно хорошо, сколько можно судить по рисункамъ Нивена, воспроизведеннымъ въ *La Nature*. Передъ однимъ изъ храмовъ возвышаются двѣ огромныя, почти уцѣлѣвшія колоннады.

Въ Черро Портеріо и въ Гальчіатепетѣ (названія, данныя экспедиціей двумъ изъ частей города) замѣчательны двѣ пирамиды, изъ которыхъ каждая имѣетъ около 65 футовъ вышины. Близъ нихъ находятся храмы, имѣющіе по 600 футовъ длины, при 200 футахъ ширины. Въ одномъ изъ храмовъ, подъ алтаремъ, найдена терракотовая ваза, содержащая въ себѣ 72 различные предмета: скульптурныя изображенія человѣческихъ головъ, рыбъ, птицъ и разныхъ животныхъ. Подъ городомъ находятся огромныя катакомбы. Въ подземныхъ и надземныхъ постройкахъ собрано множество вещей: посуды, ожерельевъ, серегъ, перстней, амулетовъ и т. п. Замѣчательна, между прочимъ, найденная человѣческая голова, имѣющая въ высоту одну сажень и вытесанная изъ цѣлаго камня. Черты лица очень правильны и обнаруживаютъ въ исполнителѣ незауряднаго художника.

Большая часть добытаго научнаго матеріала отправлена въ Нью-Іоркскій музей. Изслѣдованіе города показало, что онъ былъ обитаемъ расой, стоящею на довольно высокой степени совершенно неизвѣстной намъ исчезнувшей цивилизаціи. (Моск. Вѣд., № 188, 1897).

III.

Засѣданія Обществъ.

Въ распорядительномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 4 апрѣля 1897 года обсуждался вопросъ о лѣтнихъ поѣздкахъ членовъ Общества и намѣчена программа собиранія и изданія матеріаловъ для Археологическаго Словаря.

Въ засѣданіи того же Общества 30 апрѣля 1897 года Д. В. Айналовъ сдѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ на Аѳонъ. Референтъ съ особенной подробностью остановился на описаніи рукописей и предметовъ, хранящихся въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ и Андреевскомъ скиту. Изъ этихъ памятниковъ г. Айналовъ указалъ на выдающійся интересъ двухъ рукописей XI вѣка съ миніатюрами: „Слово Григорія Назіанзина“ и „Евангеліе съ Менологіемъ“. Затѣмъ гр. П. С. Уварова прочитала докладъ „Сванетія и ея древности“. Въ началѣ реферата гр. Уварова сдѣлала обзоръ исторіи Сванетіи, ея географическаго положенія и этнографическаго состава, при чемъ на основаніи данныхъ археологіи и исторіи отрицала въ сванетахъ грузинское происхожденіе. Послѣ этого были описаны древности Сванетіи: монастыри и церкви, рукописи, иконы отъ X вѣка, кресты, церковная утварь, оружіе, древнія ткани персидскаго происхожденія съ рисунками и надписями

и проч. Къ сожалѣнію, храненіе этихъ предметовъ оставляетъ желать очень многаго, описаніе же сильно затрудняется тѣмъ, что сванеты не охотно показываютъ памятники своей страны постороннимъ лицамъ. Сообщеніе сопровождалось демонстраціей образцовъ, рисунковъ, фотографій и проч. По прочтеніи докладовъ, предсѣдатель Общества доложилъ, что получены 5000 р., Высочайше дарованные на нужды Археологическихъ съѣздовъ, и что такая сумма будетъ ежегодно вноситься въ смѣту Министерства Народнаго Просвѣщенія.

IV.

Библіографія.

La nécropole d'Ananino, par le baron de Baye. (Extrait des „Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France", t. LVI). Paris. 1897 г.

Въ этомъ оттискѣ изъ Мемуаровъ французскаго Археологическаго Общества баронъ де-Бай знакомитъ французскихъ археологовъ съ извѣстнымъ и важнымъ Ананьевскимъ могильникомъ. Въ брошюрѣ, украшенной многочисленными рисунками, авторъ весьма сжато передаетъ исторію изслѣдованій Ананьевскаго могильника и мнѣнія различныхъ русскихъ ученыхъ относительно древности и народности могильника. Съ этими мнѣніями ученыхъ авторъ сопоставляетъ и свои мнѣнія, основанныя на изученіи предметовъ могильника и на посѣщеніи самого Ананьина, куда авторъ совершилъ два путешествія. Это личное знакомство съ могильникомъ дало поводъ автору подтвердить мнѣнія изслѣдователей, утверждавшихъ, что Ананьевскій могильникъ относится къ типу похороннаго поля (nécropole), а не представляетъ курганной насыпи, какъ утверждали другіе изслѣдователи. Знакомство автора съ коллекціями вещей изъ этого могильника заставляетъ его, подобно г. Аспелину, находить въ этихъ вещахъ сходство съ вещами изъ кургановъ южной Россіи, какъ, напр., съ вещами Чертомлыкскаго кургана; однако авторъ не согласенъ, на основаніи сходства вещей устанавливать ту-же дату для Ананьевскаго могильника, т. е. IV в. до Р. Х., какъ устанавливаетъ Аспелинъ.

Авторъ весьма основательно выражаетъ сожалѣніе, что коллекціи изъ Ананьина разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, и мнѣнія ученыхъ объ этомъ могильникѣ большею частію основываются на отдѣльныхъ эпизодическихъ фактахъ, а не на цѣльномъ археологическомъ матеріалѣ, во всей его полнотѣ. Впрочемъ, авторъ эти сожалѣнія высказываетъ нѣсколько платонически, такъ какъ самъ, благодаря содѣйствію г. Ушкова, собралъ для себя еще новую коллекцію вещей изъ Ананьина, такъ что раздробленность вещей теперь еще болѣе увеличилась. О своей новой коллекціи авторъ выражается такъ: „.... J'ai rapporté d'Ananino une série d'antiquités, les unes typiques, les autres rares. Je ne sache pas qu'il en existe autre part que dans les Musées

de Russie". Посредствомъ рисунковъ и описаній авторъ знакомитъ читателя съ наиболѣе интересными вещами своей новой коллекціи.

Кромѣ того, баронъ де-Бай сообщаетъ химическій анализъ голубоватыхъ бусъ, сдѣланный, по его просьбѣ, г. Дамуромъ (membre de l'Institut), при чемъ текстуально сообщаетъ письмо этого ученаго химика. Такимъ образомъ, описаніемъ своихъ коллекцій и сообщеніемъ анализа голубоватыхъ бусъ изъ Ананьина авторъ увеличиваетъ научный матеріалъ Ананьевскаго могильника. Нельзя не пожелать, чтобы весь научный матеріалъ объ интересномъ могильникѣ былъ бы изданъ у насъ со всей полнотой, какъ заслуживаетъ того научный интересъ этой важной для русской археологіи мѣстности.

Icones russes du Baron de Baye.

Изъ статьи г. Марсо, помѣщенной въ журналѣ „Messager de St. Joseph" (Juillet, 1897), мы узнаемъ, что въ теченіе мая и іюня въ Парижѣ, въ музеѣ Guimet баронъ де-Бай устроилъ выставку разнаго рода коллекцій древностей, вывезенныхъ имъ изъ Россіи. Говоря спеціально о русскихъ иконахъ этой коллекціи, г. Марсо, между прочимъ, упоминаетъ о святительскомъ посохѣ св. Стефана Пермскаго, [1]) просвѣтителя Зырянъ, и относитъ работу этого священнаго предмета къ XIII—XIV в. „Une relique du saint devait être insérée dans la partie supérieure" — такъ заканчиваетъ г. Марсо описаніе этого посоха.

Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1896. Riga 1897.

Судя по недавно вышедшей книжкѣ „Отчетовъ", дѣятельность Рижскаго общества въ истекшемъ году была очень энергична. Несмотря на обширныя работы по X Археологическому съѣзду, общество имѣло 9 засѣданій, на которыхъ прочитано болѣе 30 докладовъ. Относительное количество рефератовъ показываетъ, что члены общества разрабатываютъ преимущественно исторію Балтійскаго края. По археологіи было прочитано 5—6 сообщеній, изъ которыхъ только одно представляетъ интересъ новаго матеріала. Это — описаніе раскопокъ кургановъ въ Штаббенѣ на Двинѣ, произведенныхъ г. А. Бухгольцемъ. Изслѣдовано 6 кургановъ: 5 съ погребеніемъ и одинъ съ сожженіемъ. Интересно въ этихъ курганахъ сочетаніе погребенія въ курганахъ съ такимъ инвентаремъ, который попадался въ Балтійскихъ губерніяхъ преимущественно въ безкурганныхъ могильникахъ, какъ, напр., Ашераденъ, Фистеленъ и др.—головные уборы изъ спиралей, раздѣленныхъ пластинками, спиральные браслеты и пр. Могильникъ при Штаббенѣ по этимъ признакамъ надо сопоставить не съ сосѣдними могильниками, а съ могильни-

[1]) Какъ сообщаетъ баронъ де-Бай, въ Парижѣ была выставлена только фотографія съ посоха св. Стефана, самый же посохъ хранится въ Пермскомъ Соборѣ.

комъ при Голговскомъ. Замѣтимъ еще о скелетѣ лошади, найденномъ въ одномъ изъ кургановъ Штаббена; лошадиный скелетъ былъ найденъ также въ Кремонскомъ курганѣ. Повидимому, Штаббенскій могильникъ, относящійся къ нѣсколько болѣе позднему времени, чѣмъ могильники при Кремонѣ, Ашераденѣ и др., носитъ на себѣ слѣды вліянія двухъ культуръ, изъ которыхъ одна (Кремонъ, Трейденъ и др.) по внѣшнимъ признакамъ характеризуется курганами, а другая (Фистеленъ, Одензее, Ашераденъ) не имѣетъ кургановъ. Мѣстные нѣмецкіе ученые считаютъ первые могильники за ливскіе, а послѣдніе за латышскіе, но, надо замѣтить, этотъ вопросъ далеко не рѣшенный.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte, IV H., 1896.

Выпускъ открывается статьей *Гризара* „Der Sarcophag des Junius Bassus".

Среди древне-христіанскихъ саркофаговъ саркофагъ Юнія Басса занимаетъ весьма важное мѣсто, какъ по качеству работы, такъ и по богатству изображеній изъ цикла символическо-прообразовательныхъ сюжетовъ древнехристіанскаго искусства. Изображенія эти давно уже извѣстны, какъ и самъ памятникъ. Автору для указанной статьи пришлось воспользоваться впервые отличной фотографіей (табл. V — VI), снятой съ памятника, и задачу статьи составляло, главнымъ образомъ, указать на тѣ детали и поправки, какія возможно теперь сдѣлать, пользуясь этой фотографіей. Отмѣтимъ объясненіе, предлагаемое авторомъ для чисто символическихъ сценъ. На саркофагѣ, какъ извѣстно, имѣется надпись, въ которой сказано, что Юній Бассъ „neofitus iit ad Deum"; символическими изображеніями, по мнѣнію автора, эта надпись уясняется: они въ общемъ показываютъ какъ бы введеніе новокрещеннаго въ лоно церкви: *initiatio*. Принятіе крещенія и евхаристія образуютъ одинъ изъ актовъ этой иниціаціи; первое выражено изображеніемъ крещенія овцы другой овцой, евхаристія — чудомъ увеличенія хлѣбовъ, совершеннымъ той же овцой; изображенія трехъ отроковъ въ пещи огненной, изсѣченіе воды изъ скалы, воскрешеніе Лазаря, передача закона Моисею, въ которыхъ роль людей исполняютъ овцы — стоятъ въ тѣсной связи съ тѣмъ же главнымъ актомъ—крещенія, по своему символическому значенію

A. de Waal въ статьѣ „Die Taufe Christi auf vorconstantinischen Gemälden der Katakomben" заново разбираетъ извѣстныя древнѣйшія изображенія, принимаемыя за Крещеніе Христа. Въ статьѣ интересъ представляетъ попытка объяснить извѣстное изображеніе въ катакомбахъ Каллисты, въ криптѣ Люцины (юноша съ небольшой бородкой, стоящій въ водѣ, протягиваетъ правую руку къ юношѣ, стоящему на берегу и принимающему эту руку; надъ головой перваго голубь), какъ иллюстрацію стиховъ, повторяющихся по идеѣ въ нѣкоторыхъ псалмахъ: 17 — „Circumdederunt me dolores

mortis... misit de summo et accepit me, et assumpsit me de aquis multis... et dextera tua suscepit me“ (ср. 143 и 39 пс.). Такимъ образомъ, это изображеніе чисто погребальнаго характера и вполнѣ отвѣчаетъ мѣсту, гдѣ представлено. Авторъ, помимо извѣстныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію изображеній Крещенія Христа, называетъ еще одно новое, неизданное—въ катакомбѣ Домитиллы (стр. 346).

Статья *Wehofer'a* „Eine neue Aberkioshypothese“—полемическаго характера; въ ней разсматривается новое изслѣдованіе о надписи Аверкія *Дитерихса:* „Die Grabschrift des Aberkios. Erklärt von A. D.“. Въ „Kleinere Mittheilungen“ интересна замѣтка о томъ, какой святой изображенъ на глиняныхъ лампочкахъ нѣкоторыхъ собраній—въ восточномъ костюмѣ; при пространномъ перечисленіи восточныхъ святыхъ, пользовавшихся почитаніемъ на Западѣ—положительнаго отвѣта на вопросъ не дается (стр. 387—395). Тамъ же замѣтка Гризара посвящена замѣчательной выставкѣ предметовъ археологіи и христіанскаго искусства, бывшей въ сентябрѣ и октябрѣ 1896 г. въ Орвіето. Здѣсь были собраны памятники церковнаго обихода изъ ризницъ церквей Италіи и частныхъ собраній: пиксиды, ампулы, медали, диптихи, сосуды евхаристическіе въ видѣ голубей, процессіональные кресты и т. п. Отмѣчая важность выставленныхъ предметовъ и пользу такого рода выставокъ вообще, авторъ справедливо ставитъ въ упрекъ устроителямъ выставки—обращеніе почти исключительнаго вниманія лишь на роскошные, драгоцѣнные предметы, на отсутствіе систематизаціи предметовъ и каталогизаціи ихъ. *Е. Рѣдинъ.*

Bulletino della Commissione archeologica communale di Roma, 1897, Fasc. I.

Въ выпускѣ этого журнала помѣщена статья, имѣющая отношеніе къ археологіи христіанскаго искусства, это—„Da un frammento di sarcofago cristiano con nuove rappresentanza simboliche“—Маруки.

Рѣчь идетъ о части саркофага, относимаго авторомъ къ IV вѣку, найденнаго въ стѣнѣ базилики св. Валентина на via Flaminia—въ Римѣ.

Барельефъ, украшающій эту часть саркофага, является по содержанію почти исключительнымъ.

На берегу сидитъ рыбарь и ловитъ рыбу; у берега лодка съ парусомъ (trinchetto); въ ней рулевой — ап. Павелъ и юноша, занятый также управленіемъ движенія лодки. Возлѣ Павла надпись Paulus, а ниже юноши Thecla.

По объясненію автора—это чисто христіанскія изображенія, притомъ съ глубокимъ символическимъ значеніемъ: рыбарь имѣетъ отношеніе къ таинству крещенія, какъ и лодка съ именемъ св. Теклы, которая, по словамъ легенды, предъ смертію, желая креститься, бросилась въ воду; корабль въ то же время—символъ теченія человѣческой жизни; такимъ образомъ изображеніемъ могло быть выражено желаніе, что бы умершая душа, руководимая Теклой и Павломъ, достигла небеснаго блаженства.

На ряду съ этимъ объясненіемъ изображеній авторъ предлагаетъ и другое: они могутъ являться какъ бы иллюстраціей молитвы за душу умершаго, въ которой призывалось имя апостола Павла и мученицы Теклы.

Всѣ объясненія автора не могутъ имѣть силы, пока имъ прежде всего не будетъ доказано, что памятникъ христіанскаго происхожденія; между тѣмъ за это происхожденіе, кромѣ двухъ именъ въ надписяхъ, ничто не говоритъ. Памятникъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія, которое и обѣщаетъ авторъ дать въ другомъ журналѣ. *Е. Рѣдинъ.*

Zelia Nuttall.—On ancient mexican shields. Leiden, 1892. Съ 3 табл., отд. отт. изъ Internationales Archiv für Ethnographie, V.

Zelia Nuttall.—Ancient mexican feather work at the Columbian Historical Exposition at Madrid. Washington, 1895.

Обѣ названныя статьи недавней гостьи нашей г-жи Нутталль посвящены старинной мексиканской „мозаикѣ изъ перьевъ“. Особенно много примѣнялась эта работа къ украшенію щитовъ. Для первой статьи г-жа Нутталль собрала всѣ свѣдѣнія, какія есть о мексиканскихъ щитахъ въ испанскихъ источникахъ XVI—XVII вв. и всѣ рисунки этихъ щитовъ по миніатюрамъ и стѣнописи и дала 52 рисунка (изъ нихъ 46 въ краскахъ).

Щиты въ древней Мексикѣ плотно плелись изъ тростника, связаннаго ниткой и обносились деревянной (обыкновенно круглой) рамкой; простые воины носили такой щитъ; дальнѣйшая же отдѣлка состояла въ томъ, что щитъ покрывался кожей или особаго рода бумагой, а на эти послѣднія наклеивались перья, большею частью покрывая все поле щита, и помѣщались золотыя украшенія. Внизу такого щита большею частью висѣли длинныя украшенія (передникъ), хвостами изъ перьевъ. Цвѣта и рисунокъ убора щита опредѣлялись весьма строго, соотвѣтствуя чину воина. Чинъ же человѣка въ войскѣ опредѣлялся прежде всего количествомъ взятыхъ плѣнныхъ (для человѣческихъ жертвоприношеній). При однихъ чинахъ и должностяхъ, на щитѣ воспроизводились черты того наряда, украшеній, раскраски тѣла, какія полагались въ данномъ чинѣ или должности; при другихъ — на щитѣ помѣщались опредѣленные символы военныхъ боговъ; на щитѣ главнокомандующаго, повидимому, изображалось идеографически имя народа или личное имя вождя. Военныхъ щитовъ въ перьяхъ около 600 изготовлялось ежегодно въ видѣ подати царю, который раздавалъ ихъ на годовомъ праздникѣ войску. Далѣе, въ рукописяхъ изображается рядъ щитовъ, являющихся только у боговъ: съ ихъ символами и чертами ихъ убранства; при священныхъ пляскахъ, лица, представлявшія боговъ, являлись, повидимому, съ этими щитами. Наконецъ, списки трофеевъ, отправленныхъ между 1519 и 1525 гг. Кортесомъ Карлу V, перечисляютъ рядъ драгоцѣннѣйшихъ щитовъ, о какихъ не говорятъ ни историки, ни рисунки. Всего перечислено въ этихъ спискахъ 150 щитовъ изъ перьевъ, 24 въ бирюзовой мозаикѣ и 40 золотыхъ и серебряныхъ. Нѣкоторое объясненіе къ

нимъ даетъ отмѣтка Анонимнаго писателя, что щиты, попавшіе въ Испанію, были парадными, назначенными для священной пляски, а не для войны. Въ самомъ дѣлѣ, лишь немногіе щиты списковъ имѣютъ рисунки, извѣстные намъ по щитамъ военнымъ. На большей же части изображены разныя чудовища и дѣйствительно существующія животныя или сакральныя сцены и т. д., — изображены съ необычайной роскошью матеріала (дорогія перья, каменья, металлы, жемчугъ). Эти щиты, очевидно, могли быть носимы лишь высшими лицами страны: царемъ, высшими жрецами и т. п. Такъ, замѣчателенъ щитъ, покрытый бирюзой, съ серебряными колокольчиками вокругъ; въ центрѣ его золотомъ было изображено человѣческое жертвоприношеніе, при чемъ изъ груди жертвы лилась струя крови. Былъ еще щитъ изъ перьевъ и золота, съ тѣмъ же рисункомъ. По всей вѣроятности, оба принадлежали жрецу, вскрывавшему грудь человѣческой жертвы: то было высшее духовное лицо, должность, наслѣдная по первородству и пользовавшаяся большимъ почитаніемъ.

До нашего времени сохранилось лишь четыре древнихъ мексиканскихъ щита. Изъ нихъ два находятся въ Штуттгартѣ, въ Королевскомъ Музеѣ, а одинъ въ Мексиканскомъ Національномъ Музеѣ. Рисунки всѣхъ трехъ извѣстны по рукописямъ, какъ рисунки щитовъ военачальническихъ разныхъ чиновъ. Послѣдній щитъ былъ присланъ Кортесомъ Карлу V (какъ, вѣроятно, и первые два), и въ наше время въ Австріи принимали его за щитъ Монтезумы, почему императоръ Максимиліанъ и упросилъ брата подарить этотъ щитъ (изъ частнаго собранія императора австрійскаго) Мексикѣ. Наконецъ, четвертый, великолѣпный щитъ, найденный г-жею Нутталль въ замкѣ Амбрасъ въ Тиролѣ, гдѣ онъ хранился, повидимому, со временъ эрцгерцога Фердинанда, племянника Карла V, значась въ инвентаряхъ съ 1596 года. Здѣсь на фонѣ изъ розово-красныхъ перьевъ изображено изъ голубыхъ перьевъ фантастическое чудовище, у котораго глаза, когти, зубы, контуры косматой шерсти обведены тонко золотомъ; передъ чудовищемъ стилизованное изображеніе огня и воды изъ желтыхъ, коричнево-красныхъ и голубыхъ перьевъ; щитъ былъ убранъ бахромой изъ перьевъ, а снизу висѣла длинная бахрома изъ тѣхъ же перьевъ, что на драгоцѣнномъ щитѣ со знаками бога Квецавкоатля, присланномъ Монтезумой Кортесу. Итакъ, это—щитъ изъ разряда тѣхъ великолѣпныхъ, исключительныхъ щитовъ, о которыхъ говорятъ списки трофеевъ, и г-жа Нутталль замѣчаетъ, что изо всѣхъ до нынѣ сохранившихся, лишь въ этомъ возможно было бы предполагать „щитъ Монтезумы“.

Мы передали главное въ статьѣ г-жи Нутталль, но не могли останавливаться на множествѣ разработанныхъ подробностей этой статьи. Г-жа Нутталль изучила источники съ величайшей точностью (особенно посвятивъ нѣсколько мѣсяцевъ на хранящуюся въ Bibliotheca Laurentiana во Флоренціи испанскую лицевую рукопись Historia de la Conquista, Сахагуна), и ей нерѣдко приходится поправлять Зелера, Хохштеттера и другихъ, писавшихъ о томъ же предметѣ.

На Колумбовой выставкѣ въ Мадридѣ въ 1892 г. были выставлены въ снимкахъ и въ подлинникахъ мексиканскія работы изъ перьевъ. Г-жа Нутталль, которая послѣдніе передъ тѣмъ годы старалась выяснить, гдѣ и какіе уцѣлѣли остатки этого древняго дѣла, — въ докладѣ своемъ (вторая изъ выписанныхъ нами статей) перечислила всѣ уцѣлѣвшіе до насъ его памятники. Ихъ немного: четыре знакомые намъ щита; красивый головной уборъ изъ длинныхъ, поднятыхъ вверхъ, зеленыхъ перьевъ, на основаніи бирюзоваго цвѣта съ золотомъ (Имп. Этнограф. Музей въ Вѣнѣ); круглое опахало (тамъ же; открыто также г-жею Нутталль въ замкѣ Амбрасъ); передникъ (Королевскій Этнологическій Музей въ Берлинѣ); плащъ „Монтезумы“ (Оружейный Музей въ Брюсселѣ), — всего восемь вещей чисто туземнаго древняго дѣла.

Всѣ эти вещи—искусной и красивой работы, но все не такъ, чтобъ объяснить восторженные отзывы испанцевъ XVI вѣка: эти очевидцы пишутъ, что новопріѣзжіе испанцы „останавливаются съ открытымъ ртомъ, увидя впервые чудно искусную мозаику изъ перьевъ, въ какой туземцы воспроизводятъ любую картину“; что „это искусство въ перьяхъ воспроизводить лучшія картины кажется выше человѣческихъ способностей; насмотрѣвшись нынѣ на наши произведенія искусства, туземцы развили свой даръ до поразительнѣйшаго совершенства, создавая изъ перьевъ картины, воистину достойныя поднесенія князьямъ, царямъ и папамъ“. Упорные поиски г-жи Нутталль (сама она говоритъ о нихъ и о результатахъ ихъ весьма скромно) и на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ; она нашла въ Королевской Оружейной въ Мадридѣ мексиканскій щитъ Филиппа II [1]), повторенную фототипію съ коего мы здѣсь приводимъ (см. рис. 48). Вслѣдствіе указанія г-жи Нутталль, щитъ этотъ былъ доставленъ на Колумбову выставку и производилъ общее восхищеніе. Мозаика на немъ составлена изъ крошечныхъ перышекъ колибри и представляетъ: побѣду Альфонса VIII, въ 1212 году; вступленіе Фердинанда и Изабеллы въ Гренаду въ 1492 году; битву при Мюльбергѣ, при чемъ Карлъ V на конѣ изображенъ съ точностью по портрету, писанному Тиціаномъ; морскую битву при Лепанто въ 1571 году при Филиппѣ II; въ центрѣ, подъ девизомъ „serae spes una senectae“ — „единственная надежда поздней старости“ молодой аистъ, подъ надзоромъ стараго (оба увѣнчанные коронами), поражаетъ гадовъ—аллегорическое изображеніе Филиппа II и его наслѣдника (Филиппъ II скончался въ 1598 г. въ возрастѣ 71 года, передавъ престолъ единственному, оставшемуся въ живыхъ сыну своему, 21-лѣтнему Филиппу III); кругомъ прекрасной же работы арабески. Въ пожаръ Королевской Оружейной въ 1844 г. еле успѣли спасти этотъ щитъ, и вотъ, по удаленіи съ него копоти и золы, перья потеряли свой прежній металлическій блескъ; кромѣ того очень сильно пострадали края; но самыя картины все же уцѣлѣли. Другой чудный образчикъ той же ра-

[1]) Знали, что это щитъ Филиппа II, но не знали происхожденія его.

боты открытъ г-жею Нутталль въ палацо Питти во Флоренціи. Это — епископская митра, которая, на первый взглядъ, кажется покрытой эмалью по мѣди, или расписанной по бархату или шелку,—эффектъ фона изъ перышекъ, головокъ и груди колибри, съ ихъ металлическимъ отливомъ. Митра, повидимому, принадлежала кардиналу Александру Медичи, скончавшемуся въ

Рис. 48.

1605 г., вскорѣ по избраніи на папскій престолъ подъ именемъ Льва XI. Другая подобная митра хранится въ художественно-историческомъ дворцовомъ музеѣ въ Вѣнѣ; она, повидимому, принадлежала собранію въ Амбрасѣ, слѣдовательно, старше 1596 г.; на ней уже въ Европѣ вышитъ шелкомъ

гербъ семьи д'Авила. Мозаика изъ перьевъ на обѣихъ митрахъ представляетъ религіозныя изображенія,—такъ на первой: апостолы, патріархи; на второй—родословное древо Христа и крестное древо съ апостолами.

Таковы три прекраснѣйшіе образца декоративнаго искусства, достигшаго высокой степени развитія и спорящаго съ миніатюрой на пергаментѣ, благодаря нѣжности исполненія и соединенію красоты шелковистой, мягкой поверхности, въ родѣ бархата, съ металлическимъ блескомъ, напоминающимъ, отчасти блескъ лиможскихъ эмалей. Много ниже стоятъ древнія иконы изъ перьевъ. Нѣсколько образцовъ ихъ было прислано изъ Мексики на Колумбову выставку: то были копіи съ испанскихъ иконъ святыхъ и архаическая голова Христа мѣстнаго рисунка; иконы эти незадолго до выставки были открыты въ одной старой провинціальной церкви въ Мексикѣ. Въ Европѣ изъ произведеній этого рода есть три датированныхъ: они входили въ составъ собранія въ замкѣ Амбрасъ—слѣдовательно, старше 1596 года. Это: св. Іеронимъ со львомъ въ пустынѣ (находится и теперь въ Амбрасѣ); Мадонна (въ Худож.-Ист. Музеѣ въ Вѣнѣ); апостолъ Петръ передъ Христомъ (тамъ же). Далѣе есть нѣсколько красивыхъ иконъ того же рода, есть въ Этнограф. Музеѣ въ Берлинѣ и у г. Филиппа Бектье (Bectier,—при этомъ имени г-жа Нутталль ставитъ вопросительный знакъ) въ Дармштадтѣ. Но трудно опредѣлить дату этихъ вещей, ибо мозаичное изъ перьевъ дѣло сохранилось въ Мексикѣ непрерывно и до нынѣшняго времени, но все ниже падая и въ техникѣ, и въ рисункѣ, и во вкусѣ. *С. Слуцкій.*

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. (ва тома и атласъ 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. (ва тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич Съѣзда въ Тифлисѣ. ,ва тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Т. I. Ц. 10 р. Т. II. Ц. 8 р. Т. III. Ц. 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. 'омъ I. Ц. 8 р. Т. II. Цѣна 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда ъ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерій. Вып. I. Ц. 3 р. Вып. II. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
„ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1896 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Меряне и ихъ бытъ. Соч. гр. А. С. Уварова. Одинъ томъ и атласъ. 1872 г. Ц. 8 р. (нѣтъ въ продажѣ).

Каталогъ собранія древн. гр. А. С. Уварова. Вып. I и II (въ одной книгѣ): Древности каменнаго и металлическаго вѣка, съ портр. гр. А. С. Уварова и 35 табл. рис. 1887 г. Ц. 4 р.

Вып. VII. Монѣты Воспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ 5 таблицами. Состав. А. Орѣшниковъ. 1887 г., ц. 3 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Византійскій Альбомъ—посмертное изд. гр. А. С. Уварова. Т. I. 1889 г. Ц. 15 р.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№ 10.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ № 10.

Стр.

I. **Д. Айналовъ.** Равеннская пластинка слоновой кости изъ собранія графа Г. С. Строганова въ Римѣ. 305
II. **Н. Троицкій.** Лицевыя вериги и ихъ значеніе. 310
III. **А. Соболевскій.** Куда дѣлась библіотека послѣднихъ византійскихъ императоровъ? 314
IV. Археологическая хроника. 315
V. Засѣданія Обществъ 330
VI. Библіографія. 334

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

1897 г. № 10.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1945г. БИБЛИОТЕКА НИ Ин-та Краеведческой и Музейной работы 58

I.

Равеннская пластинка слоновой кости изъ собранія графа Г. С. Строгонова въ Римѣ.

Въ прекрасномъ собраніи древностей графа Г. С. Строганова въ Римѣ находится рѣзная пластинка изъ слоновой кости, еще нигдѣ не изданная и представляющая большой интересъ не только по сюжету, по прекрасной рѣзьбѣ, но и по принадлежности своей къ произведеніямъ ранняго византійскаго искусства. Нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ изъ этой коллекціи были уже изданы Е. К. Рѣдинымъ и мною, и издаваемый теперь памятникъ долженъ занять между ними важное мѣсто. На прилагаемомъ рисункѣ (см. рис. 49) пластинка представлена въ $^2/_3$ величины. Она составляла часть какого-то большого предмета, очевидно, церковнаго назначенія, такъ какъ на ней сохранилось вполнѣ ясно и отчетливо изображеніе апостола Петра, держащаго правой рукой большой и высокій крестъ, упирающійся въ небольшой холмикъ съ четырьмя райскими рѣками, текущими изъ него. Фигура апостола Петра обращена вправо отъ зрителя, и дѣлаетъ шагъ съ лѣвой ноги. Это обстоятельство показываетъ, что фигура Петра должна была имѣть съ другой стороны такую-же соотвѣтствующую ей фигуру, которая должна

была также находиться въ движеніи. Этого требовалъ извѣстный законъ симметрическаго построенія композиціи, столь извѣстный на древнехристіанскихъ и византійскихъ памятникахъ. Что наша пластинка представляетъ одну изъ нѣсколькихъ погибшихъ пластинокъ, указываютъ также и особенности исполненія и расположенія сюжета. Въ верхней части пластинки слѣва видна круглая дырочка, служившая для прикрѣпленія ея, на подобіе того, какъ прикрѣплялись четыреугольныя пластинки диптиха, къ одной общей поверхности. Такой-же величины дырочка съ сохранившейся въ ней кнопкой видна и въ верхней части креста, а третья видна подъ среднимъ зубцомъ раковины. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что наша пластинка не представляла отдѣльнаго и самостоятельнаго памятника, а служила облицовкой поверхности рядомъ съ такими-же пластинками, при чемъ каждая пластинка обработывалась, именно, съ цѣлью соединенія ея съ другой сосѣдней пластинкой. Вверху изображена высокимъ рельефомъ конха или раковина, которой края обрѣзаны и приходились, очевидно, къ краямъ ея на другой пластинкѣ. Обрѣзанъ, равнымъ образомъ, и лиственный орнаментъ въ углахъ пластинки надъ конхой, гдѣ съ лѣвой стороны видны части дубоваго листа, а съ правой аканѳа. Концы раковины лежатъ на узкихъ подставкахъ, лежащихъ въ свою очередь на аканѳовыхъ капителяхъ коринѳскаго ордена, столь употребительнаго на древнихъ саркофагахъ IV, V, VI вѣковъ и столь любимаго вообще въ византійскомъ искусствѣ. Капитель лежитъ, однако, не на колонкѣ, а на пилястрѣ, ложбленомъ на подобіе триглифовъ античной архитектуры. База пилястра также подражаетъ сложной коринѳской базѣ. Края капители и пилястровъ обрѣзаны, но строеніе ихъ такое, что даетъ возможность возстановить форму пилястра и капители. Дѣло въ томъ, что подставка лежащая надъ капителью, имѣетъ выступъ у самаго края пластинки, который приходится какъ разъ надъ среднимъ листомъ капители, загибающимся наружу, а изъ этого слѣдуетъ, что

Рис. 49.

на другой пластинкѣ должна была находиться вторая половина пилястра и капители, т. е., слѣдовательно, форма пилястра должна была представлять двѣ ложки по сторонамъ средняго тонкаго пилястра, а капитель представляла не двулиственную, а трехлиственную форму капители, свойственную обыкновенно лучшимъ памятникамъ христіанской скульптуры, близко держащимся античныхъ пріемовъ. Такимъ образомъ издаваемая пластинка до нѣкоторой степени возстановляетъ передъ нами украшеніе неизвѣстнаго намъ предмета. Это украшеніе должно было представлять длинный фризъ съ нѣсколькими фигурами, помѣщенными, по господствующему въ христіанской пластикѣ пріему, каждая подъ отдѣльной раковиной и огражденными по сторонамъ пилястрами. Такъ какъ пластина обрѣзана съ обѣихъ сторонъ, то, слѣдовательно, съ каждой стороны должно было находиться еще по фигурѣ, и это обстоятельство какъ нельзя болѣе сходится съ ранѣе указаннымъ движеніемъ фигуры апостола Петра, на встрѣчу которой, очевидно, двигалась другая подобнымъ-же образомъ расположенная фигура. Наша пластинка даетъ кромѣ того и данныя для опредѣленія этой фигуры. Въ древнехристіанскомъ искусствѣ фигуры апостоловъ Петра и Павла являются нераздѣльными въ извѣстныхъ композиціяхъ, представляющихъ Христа, дающаго миръ или законъ. Обыкновенно изображается Христосъ съ развернутымъ свиткомъ между Петромъ и Павломъ, которые подходятъ къ нему съ обѣихъ сторонъ. Въ другихъ случаяхъ, какъ напримѣръ на римскихъ саркофагахъ, когда Христосъ изображается стоящимъ на холмикѣ съ четырьмя райскими рѣками или безъ нихъ, онъ держитъ большой высокій крестъ, упирающійся въ холмикъ; по сторонамъ Христа также изображаются Петръ и Павелъ. Такимъ образомъ, на нашей пластинкѣ фигура Петра, данная въ движеніи направо требуетъ себѣ такую-же соотвѣтственную фигуру апостола Павла. Между апостолами Петромъ и Павломъ мы должны предположить существованіе также какой-либо фигуры или предмета, вправо, какъ и въ другихъ памятникахъ подобнаго рода, которыя обусловливали бы собою движеніе Петра. Ближайшимъ образомъ указать это центральное изображеніе нѣтъ данныхъ, но можно положительно утверждать, что оба апостола двигались не къ кресту, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ была бы нарушена симметрія всей пластинки. Апостолъ Петръ представленъ держащимъ большой и высокій крестъ, который, какъ это было показано мною въ другомъ мѣстѣ [1]), долженъ быть считаемъ за воспроизведеніе креста, стоявшаго на Голгоѳской скалѣ въ Іерусалимѣ. Его

[1]) См. Мозаики IV и V вѣка. Спб. 1895, стр. 47 и сл.

должно отличать отъ креста процессіональнаго, который часто дается въ руки Христу и ангеламъ, но никогда апостолу Петру. Процессіональный крестъ, т. е. крестъ, употреблявшійся во время процессій, представляетъ собою тонкое древко со вставленнымъ въ него сверху небольшимъ крестомъ, такъ-что этотъ крестъ можно было снимать съ древка и ставить въ особые поставцы. Наоборотъ, крестъ, который держитъ апостолъ Петръ на нашей пластинкѣ, а затѣмъ несетъ на плечѣ въ композиціяхъ „Dominus legem (pacem) dat“, не имѣетъ этой формы, а представляетъ сплошное древко, какъ и голгоѳскій крестъ въ мозаикѣ церкви св. Пуденціаны въ Римѣ и на множествѣ другихъ памятниковъ. Въ данномъ случаѣ особую важность для историка искусства представляетъ то обстоятельство, что небольшой холмикъ со стоящимъ на немъ крестомъ повторяетъ тотъ же типъ Голгоѳской скалы съ крестомъ, который извѣстенъ въ прекрасной мозаикѣ ц. Пуденціаны въ Римѣ и вмѣстѣ съ этой мозаикой хорошо рисуетъ намъ тотъ холмикъ (monticulus) или скалу (rupes) съ крестомъ, которые описываютъ въ Іерусалимѣ паломники въ Святую землю V — VI вѣка. Такимъ образомъ, наша пластинка лишній разъ показываетъ, что типичность изображенія Голгоѳской скалы съ крестомъ зависитъ отъ тѣхъ первоначальныхъ образцовъ, которые сложились на востокѣ, въ Іерусалимѣ и оттуда шли на западъ. Прибавленіе четырехъ райскихъ рѣкъ есть въ данномъ случаѣ символическій придатокъ къ историческому типу Голгоѳы съ крестомъ, что часто встрѣчается и на другихъ памятникахъ, напримѣръ, на саркофагахъ V, VI вѣка [1]). Отличительная и нигдѣ не повторяющаяся черта нашей пластинки состоитъ въ томъ, что апостолъ Петръ, подходя къ Голгоѳской скалѣ, беретъ крестъ правой рукой въ то время, какъ въ другихъ случаяхъ онъ обыкновенно несетъ этотъ большой и высокій крестъ на плечѣ. Петръ держитъ этотъ крестъ правой рукой на подобіе того, какъ держитъ такой же высокій крестъ Добрый пастырь въ мозаикѣ усыпальницы Галлы Плацидіи и въ мозаикѣ S. Maria Maggiore въ Римѣ, т. е. закрывая своей рукой грудь и взявши его ладонью ближе къ перекрестью. Лѣвой рукой, закрытой гиматіемъ, онъ держитъ большой ключъ, который также дается Петру на нѣкоторыхъ памятникахъ Равенны: въ мозаикахъ усыпальницы Галлы Плацидіи и въ обѣихъ крещальняхъ, а также и на нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Извѣстно также, что Петръ, какъ „ключарь“ вратъ, былъ изображенъ и на завѣсѣ церкви св. Софіи въ

---

[1]) *Garrucci*, Storia dell'arte cristiana, t. 335, 3; 349, 4; 350, 1, 2, 3, 4. и проч. См. Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 44, 45.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Константинополѣ, какъ описываетъ Павелъ Силленціарій [1]). Вслѣдствіе такого способа держанія креста, при быстромъ движеніи Петра, въ фигурѣ его замѣчается извѣстная неуклюжесть. Въ то время, какъ движеніе фигуры дано слѣва направо, голова выполнена почти en face. Эта неуклюжесть фигуры до такой степени является характерной, что фигура Петра кажется скопированной съ одной изъ мозаическихъ фигуръ равеннскихъ баптистеріевъ. Здѣсь повторяется тотъ-же шагъ съ лѣвой ноги, та-же отставленная назадъ правая нога, тотъ-же поворотъ головы, тѣ-же сильныя плечи, широкій торсъ, короткая фигура и увѣсистые конечности. Особенно близко сходство въ построеніи лица: оно передаетъ тотъ-же портретный типъ апостола, что и въ мозаикахъ Равенны, передаетъ довольно плоскимъ рельефомъ, такъ что несомнѣнно въ лицѣ, какъ и во всей фигурѣ, замѣтно вліяніе живописнаго образца. Повторяются всѣ черты ревеннскаго портретнаго типа: большіе широко-открытые глаза, правильно подрѣзанные волосы на низкомъ лбу, широкій носъ, рѣзко очерченныя широкія губы, тронутыя по угламъ рѣзкой чертой, и широкій овалъ. Борода обработана гладко, не скульптурно, волосы выражены рядомъ линій. На ту-же живописную черту указываетъ и изображеніе почвы въ видѣ ровной полосы съ линіями вмѣсто скульптурнаго холмистаго пространства. Сравнивая этотъ типъ лица и характеръ всей фигуры съ мозаическими изображеніями, мы можемъ прійти къ заключенію, что пластинка представляетъ одинъ изъ памятниковъ той эпохи и школы, которая процвѣтала въ Равеннѣ въ V, VI вѣкѣ и которая соединяла въ себѣ богатое античное греческое художественное наслѣдіе съ совершенно зрѣлымъ и ясно выраженнымъ характеромъ искусства византійскаго. Пластинка наша ясно запечатлѣна тѣми-же чертами. Въ правильномъ и красивомъ лиственномъ орнаментѣ, въ изящныхъ лепесткахъ или дѣленіяхъ конхи, въ красиво профилированныхъ пилястрахъ, наконецъ, въ живомъ пониманіи складокъ одеждъ, которыя легко волнуются и свободно собираются въ естественные и правильные изломы,—все это близко напоминаетъ еще неувядшія черты античной пластики. Съ другой стороны, замѣчается уже упадокъ чувства формы, фигура напряжена, двигается тяжело, лишена живого напряженія и передаетъ лишь традиціонный условный типъ человѣческой фигуры.

Д. Айналовъ.

---

1) Patr. gr. T. LXXXVI, v. 764—801.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

II.

Лицевыя вериги и ихъ значеніе.

Одною изъ принадлежностей иноческаго одѣянія издревле былъ аналавъ. Въ древнѣйшемъ видѣ онъ представлялъ собою два ремня или плетеныхъ шнура, которые, соединяясь крестообразно, перекрестьемъ, съ одной стороны возлагались на рамена, съ другой — на грудь (въ видѣ буквы Х). Иногда къ перекрестью на спинѣ прикрѣплялся четвероугольный кожаный платъ съ изображеніемъ на немъ креста. Какъ самое перекрестье ремней, такъ и нарамное изображеніе креста должны были напоминать иноку несеніе креста Спасителемъ. Кромѣ креста, аналавъ имѣлъ изображенія великихъ событій Евангельской исторіи (праздниковъ) и т. п. Съ теченіемъ времени аналавъ былъ видоизмѣненъ по матеріи и формѣ своего построенія: при этомъ прежній видъ его получилъ новое названіе—парамандъ, а новый видъ принялъ прежнее названіе—аналавъ. Въ настоящее время парамандъ (прежній аналавъ) возлагается на всякаго инока, а аналавъ (измѣненный)—только на принимающаго схиму (одежда высшаго пострига) [1]).

Не говоря подробно о различныхъ видахъ и украшеніяхъ парамандa-аналава, о способѣ его ношенія и т. п., я обращаю главное вниманіе на идею его,—идею, изъ которой возникла подобная же принадлежность иноческаго одѣянія, хотя необязательная и непостоянная, но очень употребительная и весьма характерная по своему значенію въ подвигѣ иночества. Разумѣю *вериги*.

Соотвѣтственно строгости аскетическаго идеала, иноки въ самомъ подвигѣ не довольствовались уже обыкновеннымъ аналавомъ, какъ только знакомъ своей борьбы съ плотію; возникло желаніе, чтобы этотъ знакъ болѣе чувствительно воздѣйствовалъ на волю чрезъ воздѣйствіе на тѣло. Что именно таково происхожденіе и такова идея веригъ, въ этомъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія многочисленные письменные памятники русской церковно-исторической жизни.

Составитель житія пр. Ѳеодосія Печерскаго между прочимъ разсказываетъ: „Блаженный Ѳеодосій, шедъ къ единому отъ кузнецовъ, повелѣ ему желѣзо *чеписто* сковати, еже вземь препоясася имъ по чреслѣхъ своихъ и тако хождаше. Желѣзу же узку сущу и вгрызаю-

---

[1]) О превращеніи аналава въ парамандъ и о другомъ, что̀ сюда относится, см. *Е. Е. Голубинскаго:* Исторія Русской церкви. Т. I. Вторая половина. Москва. 1881 г. Гл. VI. Стр. 571—572.

щуся въ тѣло его, онъ пребываше яко ничтоже скорбно отъ него пріемля“ [2]). Таково начало ношенія веригъ у насъ на Руси. Первоначальникъ ношенія веригъ непремѣнно нашелъ подражателей и совершенно въ томъ же духѣ. По сказанію „Патерика Печерскаго“, св. Іоаннъ Многострадальный „нача исповѣдати житіе свое нѣкоему брату, разжигаемому плотскою похотью“, между прочимъ сказалъ: „Азъ затворихся въ тѣсномъ и скорбномъ мѣстѣ семъ, идѣ-же пребываю уже тридесятое се лѣто, и едва прежде мало времене покой обрѣтохъ: вся же лѣта боряхся со страстьми и помыслы тѣлесными и жестоко пребывахъ, первѣе точію постомъ и бдѣніемъ удручая тѣло свое не мало лѣтъ. Таже не вѣдый, что сотворити, и не могій терпѣти брани плотскія, умыслихъ нагъ жити, *брони* же тяжки на тѣло свое возложити, и тако оттолѣ даже до нынѣ стужею и желѣзнымъ угрызеніемъ изможденъ бываю [3]). Итакъ, психологическая основа значенія веригъ понятна. Благодаря важному значенію въ практикѣ аскетизма вериги получили обширное распространеніе — изъ Кіева въ Новгородъ, отсюда по всей сѣверной и средней Россіи, и съ первоначала до послѣднихъ временъ остаются еще въ немаломъ употребленіи [4]).

Съ точки зрѣнія исторически-бытовой, интересно наблюдать, какой составъ получили и какой степени тяжести достигали вериги. Въ этомъ отношеніи въ ряду другихъ представляютъ интереснѣйшій образчикъ вериги, хранящіяся въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (близь Ростова-Ярославскаго) и принадлежавшія св. Иринарху Затворнику, который является, несомнѣнно, подражателемъ св. Іоанна Многострадальнаго. Св. Иринархъ, по сказанію его житія, „ревнуя о своемъ спасеніи, благословися у строителя Борисоглѣбскаго монастыря Варлаама молитися въ келліи на затворѣ, не исходя изъ келліи, по Евангельскому словеси Господню: многими скорбми подобаетъ внити въ царство небесное... Тогда сдѣлалъ на себя ужище (цѣпь) и приковался къ стулу (т. е. къ широкому пню дерева) и многіе труды и пѣтья терпя и поруганія и посмѣянія отъ братіи. Онъ же за нихъ Бога моляше“. Къ своему собственному „ужищу“ Иринархъ впослѣдствіи присоединялъ узы нѣкото-

---

[2]) Патерикъ Печерскій. Кіево-Печер. Лавра. 1872 г., л. 85—й. Житіе пр. Ѳеодосія.

[3]) Тамъ же. л. 180. Житіе Іоанна Многострадальнаго.

[4]) Сохранились вериги, между прочимъ, въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ св. Никиты (1096 — 1108), св. Моисея (1324—1362), того же святителя вериги въ Сковородскомъ монастырѣ, вериги пр. Варлаама Хутынскаго (1192 г.) въ Хутынскомъ монастырѣ, и св. Евѳимія (1430—1458) въ основанномъ имъ Вяжицкомъ монастырѣ. Такія „вериги, по замѣчанію арх. Макарія, устроялись въ родѣ иноческихъ парамандовъ изъ разныхъ звеньевъ съ крестами назади“. *Арх. Макарій.* Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Ч. 2-я. Москва. 1860, стр. 149—150; примѣч. 29.—Вериги не перестаютъ быть принадлежностью подвижниковъ и до послѣдняго времени.

рыхъ другихъ христолюбцевъ, такъ что, наконецъ, „стало всего ужища двадесять саженъ“ [5]); да кромѣ того, къ этой длинной цѣпи онъ присоединилъ еще сорокъ два креста мѣдныхъ. Такая тяжесть веригъ была бы совершенно невѣроятною, если бы самыя вериги не сохранились до-днесь въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.

При всемъ очевидномъ различіи въ матеріалѣ и формѣ построенія веригъ и параманда-аналава, между ними есть несомнѣнная связь по идеѣ. Но мнѣ до послѣдняго времени не приходилось встрѣтить ни одного экземпляра веригъ, который бы, какъ памятникъ, самъ по себѣ рѣшительно обнаруживалъ эту связь. Вотъ такой именно памятникъ представляютъ лицевыя вериги, съ очень недавняго времени находящіяся въ моемъ собственномъ археологическомъ собраніи. Эти вериги были найдены близь г. Каширы. Вериги желѣзныя, вѣсомъ $7\frac{1}{2}$ фунтовъ. Главныя составныя части этихъ веригъ—двѣ плитки, изъ коихъ каждая въ видѣ четыреугольника съ нѣсколько вогнутыми сторонами и закругленными углами. Эти плитки имѣютъ по четыре отверстія на углахъ въ видѣ ушковъ, къ которымъ съ двухъ сторонъ прицѣплены по три узкихъ пластинки, составляющія три звена съ каждой стороны и соединяющія тѣ широкія плитки между собою. Среднія звенья-пластинки нѣсколько согнуты, такъ что, при надѣваніи веригъ на плечи, онѣ приходятся какъ разъ противъ плечныхъ костей и плотно прилегаютъ къ плечамъ. Такимъ образомъ, каждыя три пластинки, при ихъ сцѣпленіи, составляютъ короткую плоскую цѣпь, служащую наплечьемъ, подобно тому, что представляютъ собою ремни или шнуры параманда-аналава.

Кромѣ того, къ одной плиткѣ снизу прикрѣплены еще по двѣ пластинки съ каждой стороны, немного выгнутыя, такъ что, при надѣваніи веригъ на плечи, онѣ плотно облегаютъ бока. А у другой плитки — одна маленькая пластинка въ видѣ петли-застежки. Такія вериги могутъ быть надѣты на плечи не иначе, какъ если продѣть голову между двумя рядами звеньевъ — плоскихъ цѣпей: тогда одна плитка придется на спинѣ, а другая на груди, при чемъ та, которая на спинѣ, будетъ плотно притягиваться нижними поперечными пластинками-звеньями, какъ поясомъ, и посредствомъ нихъ будутъ соединяться обѣ плитки, передняя съ задней. Такое желѣзное облаченіе несомнѣнно—вериги, и, въ то же время, оно есть нѣсколько видоизмѣненный желѣзный параманд-аналавъ. И это рѣшительнѣе подтверждается лицевыми изображеніями веригъ.

---

[5]) Житіе пр. отца нашего Иринарха, затворника Борисоглѣбскаго монастыря, иже есть на Устьѣ рѣкѣ. Рукопись въ $\frac{1}{4}$ л., собственной библіотеки. – Ср. *И. Е. Забѣлина*: Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное время. Гл. IX-я. Безвѣстный герой Смутнаго времени, Ростовскій Борисоглѣбскій затворникъ Иринархъ. Москва. 1883 г. Стр. 275—278.

Всѣ изображенія и при нихъ подписи сдѣланы тонкою, изящною рѣзьбою, вглубь: и въ этомъ отношеніи вериги представляютъ интересный памятникъ чисто-русскаго искусства гравированія по желѣзу. На одной, передней плиткѣ помѣщено поясное изображеніе „Богородицы-Знаменія“; оно очерчено полоской въ видѣ рамки; подъ нимъ уставная подпись: „Образъ Прѣстыѧ Владычицы нашеѧ Бцы знаменіѧ“. Ниже этого изображенія на той же плиткѣ два поясныхъ изображенія съ подписью: „св. апостолы“. На пластинкахъ-звеньяхъ, которыя образуютъ продольное соединеніе плитокъ, также помѣщены поясныя изображенія апостоловъ, по два на каждой, но не рядомъ, а одно надъ другимъ или послѣдовательно одно за другимъ по длинѣ пластинки. На среднихъ звеньяхъ, кои прилегаютъ прямо къ плечамъ, изображеній нѣтъ. Лики апостоловъ обращены къ главному изображенію—Знаменія Пр. Богородицы. На другой, задней плиткѣ, которая возлагается на спину, изображенъ Голгоѳскій крестъ съ тростію и копіемъ и съ обычными подписями: „Царь славы. Іс. Хр. Ника. К. Т. Р. Б. М. Л. Г. Г. Г. А.“. А подъ крестомъ уставная подпись: „чесни крестъ не остави мене грѣшную рабу Акулено(у) уповаю на тя“. Наконецъ, на двухъ пластинкахъ, которыя съ другими двумя составляютъ опоясаніе, также имѣется по одному поясному изображенію апостоловъ.—Итакъ, на разсматриваемыхъ веригахъ имѣются изображенія Креста, Знаменія Богородицы и Двѣнадцати Апостоловъ.

Толкованіе этихъ лицевыхъ изображеній, въ отношеніи къ идеѣ веригъ, какъ желѣзнаго параманда, не представляетъ затрудненій. Крестъ здѣсь имѣетъ то же самое значеніе, какъ и на парамандѣ-аналавѣ: онъ—знаменіе самоотверженія. Образъ Знаменія Пр. Богородицы есть выраженіе основного догмата вѣры Христовой—воплощенія Сына Божія. Лики апостоловъ представляютъ и напоминаютъ первыхъ достойнѣйшихъ послѣдователей Христа.

Примѣчательно, что вериги, какъ видно изъ подписи подъ крестомъ, принадлежали женскому лицу—„рабѣ Акулинѣ“. Судя по относительной тщательности работы и тонкой отдѣлкѣ лицевыхъ изображеній на столь грубомъ матеріалѣ веригъ, онѣ принадлежали лицу, для котораго было не безразлично изящество; а судя по вѣсу и размѣру, онѣ принадлежали человѣку небольшого роста и не очень крѣпкаго сложенія. Посему вѣроятно, подвижница Акулина была боярскаго или вообще привиллегированнаго сословія. Годъ построенія веригъ не указанъ въ надписи; но, судя по ея палеографіи, вериги относятся къ концу XVII-го и никакъ не позже самаго начала XVIII-го вѣка. А такъ какъ въ г. Каширѣ и близъ нея въ XVIII и XVII-мъ столѣтіяхъ

женскаго монастыря не было, то можно полагать, что подвижница Акулина была не монахиней, а мірянкой, и очень могло быть, что вериги, положенныя съ нею въ могилу, обнаружились при размывѣ на берегу р. Оки, близь Рыбацкой Слободы [6]).

Николай Троицкій.

III.

Куда дѣлась библіотека послѣднихъ византійскихъ императоровъ?

Вопросъ свѣдущимъ людямъ.

Мнѣ извѣстны лишь слѣдующія данныя.

Курбскій разсказываетъ, что императоръ Константинъ, передъ паденіемъ Константинополя, „царицу свою со всею казною, *съ газофилакіею книжною*, выпустилъ на Бѣлое море въ корабляхъ до Родиса и до Венацеи... Послѣди патріархъ отъ рукъ ихъ (турокъ) утече... до Венацеи и съ собою *всю газофилакію* (либрарію або книгохранительницу) *церковную* изнесе“ [1]). Разсказъ Курбскаго, какъ онъ самъ ссылается, основанъ на разсказѣ Максима Грека, проведшаго нѣсколько лѣтъ въ Венеціи и имѣвшаго случай бесѣдовать о книжномъ дѣлѣ съ Ласкарисомъ и Альдомъ Мануччи.

Митрополитъ Халкидонскій Гавріилъ въ письмѣ въ Москву 1654 г., дошедшемъ въ плохомъ русскомъ переводѣ, посылая Псалтирь Алексѣя Комнина, сообщаетъ, что онъ нашелъ эту книгу „*въ царской палатѣ, идѣже суть сохранены вся книги* отъ времени и хранятся особно“ и купилъ ее за 350 золотыхъ [2]). Подъ „царскою палатою“, можетъ быть, разумѣется сераль султана.

Какія еще имѣются данныя?

А. Соболевскій.

---

[6]) Оставляю теперь дальнѣйшія разсужденія о сихъ и другихъ веригахъ въ виду собираемыхъ мною свѣдѣній объ этихъ памятникахъ для разностороняго изученія ихъ и представленія результата онаго на предстоящемъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ.

[1]) „Предисловіе на Новый Маргаритъ“. Сказанія кн. Курбскаго, стр. 274.

[2]) *Николаевскій.* Изъ исторіи сношеній Россіи съ Востокомъ, стр. 39 (*Христ. Чт.* 1882 года).

IV.

Археологическая хроника.

—— „Приаз. Кр.“ сообщаетъ, что ученый хранитель керченскаго музея, не такъ давно производя раскопки близъ поселка Ахтари, Кубанской области, нашелъ обломокъ пьедестала статуи Афродиты, поставленной, какъ значится въ сохранившейся древне-греческой надписи, жителями Фанагоріи. Какъ извѣстно, точное положеніе этой древне-греческой колоніи не было установлено, и новая археологическая находка даетъ нѣкоторое основаніе полагать, что Фанагорія находилась на мѣстѣ нынѣшняго поселка Ахтари. (Новости, № 191, 1897 г.).

—— Не разъ въ мѣстной печати указывалось на варварское обращеніе съ памятниками древности у насъ, въ Закавказьѣ. Сколько памятниковъ, развалинъ церквей и пр. погибло, благодаря нашему невѣжеству и неумѣнію уважать слѣды старины! Давно пора принять энергичныя мѣры, чтобы спасти послѣдніе остатки еще уцѣлѣвшихъ памятниковъ. Въ селеніи Ацана, Озургетскаго уѣзда, находился достопримѣчательный соборъ во имя Спасителя (см. Бакрадзе „Археологическое путешествіе по Гуріи и Аджарѣ“, стр. 247—252). Отъ этого собора, къ сожалѣнію, не осталось камня на камнѣ. Онъ разрушенъ подъ предлогомъ постройки на его мѣстѣ новой церкви“. (Спб. Вѣд. № 216, 1897 г.).

—— Въ „С.-Петерб. Вѣд.“ (№ 226, 1897 г.), изъ с. Нижній Варголъ (Елецк. у.) пишутъ слѣд.: Наши археологическія общества и господа археологи нерѣдко направляютъ свои изысканія и экспедиціи въ отдаленнѣйшія мѣста имперіи, между тѣмъ многія мѣста въ центрѣ государства остаются не только не изслѣдованными, но даже ни разу не посѣщенными представителями археологической науки. Какъ въ с. Нижнемъ-Варголѣ, такъ и въ окрестностяхъ его есть много горъ, изобилующихъ пещерами, подземными длинными ходами, а въ почвѣ находятъ много старинныхъ вещей.

Недавно крестьянскія дѣти, играя, нашли фигуру—группу какихъ-то древнихъ божковъ, сдѣланную изъ чистаго золота. Дѣти, забавляясь находкою, разломили ее на-двое, а когда взрослые отобрали ее отъ нихъ и отвезли въ городъ, то золото было продано ювелиру за нѣсколько сотъ рублей. Къ сожалѣнію, находка послужила лишь предметомъ купли-продажи и въ руки людей науки не попала. При копаньи

камней, корчеваньи пней и другихъ работахъ здѣсь нерѣдко находятъ римскія монеты временъ Августа, конскія татарскія украшенія, утварь, кольца и т. п. Все это, конечно, за неимѣніемъ по близости музея или даже просто любителей-коллекціонеровъ, безслѣдно пропадаетъ, переходя изъ рукъ въ руки и, будучи брошено, какъ не нужное въ хозяйствѣ, часто возвращается туда же, откуда извлечено, т.-е. въ землю.

Остается пожалѣть, что наши отечественные археологи не посѣщаютъ насъ и не имѣютъ своихъ агентуръ въ мѣстахъ, подобныхъ нашимъ.

—— Въ одно изъ ближайшихъ осеннихъ засѣданій Императорской археологической коммиссіи будетъ поставленъ вопросъ объ испрошеніи особой ежегодной суммы на ремонтъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ древности. (Нов. Вр. № 7692, 1897 г.).

—— „Костромскія Губ. Вѣд.“ сообщаютъ, что вопросъ объ открытіи при Костромской архивной коммиссіи Романовскаго отдѣла въ настоящее время можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Отдѣлъ этотъ будетъ посвященъ собранію архивныхъ матеріаловъ и историческихъ изслѣдованій, касающихся предковъ родоначальника нынѣ Царствующаго Дома. (Нов. Вр. № 7692, 1897 г.).

—— Въ рухлядной Тихвинскаго Большого монастыря случайно найдена старинная историческая гравюра, аллегорически изображающая Полтавскій бой. Изъ находящихся на гравюрѣ многочисленныхъ надписей и подробнаго описанія Полтавской битвы видно, что авторомъ гравюры былъ нѣкто Даніилъ Голаховскій, „изобразившій оную въ Кіевѣ въ 1709 г.“. Гравюра была поднесена Петру Великому „нижайшимъ слугою и недостойнымъ богомольцемъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и училищъ кіевскихъ Префектомъ“. Гравюра длиною 2 слишкомъ аршина и шириною болѣе 1 арш. Она изображаетъ Петра Великаго верхомъ на конѣ въ воинскихъ доспѣхахъ, съ непокрытою головой; въ одной рукѣ его шитъ, а въ другой—мечъ. Быстро мчащійся конь топчетъ льва и повергнутыя на земь знамена; нѣсколько правѣе виднѣется группа шведскихъ генераловъ, простирающихъ къ императору руки. Надъ Петромъ Великимъ изображенъ летящій геній побѣды съ развернутымъ знаменемъ въ рукѣ, на которомъ надпись: „услышите вси языцы, внушите вси живущіе во вселеннѣй“. Гравюра была найдена въ крайне обветшаломъ состояніи; въ настоящее время она тщательно собрана, наклеена на полотно и натянута на деревянную раму. Тихвинскій монастырь предполагаетъ послать ее въ даръ историческому музею, находящемуся въ Полтавѣ. (Моск. Вѣст. № 207, 1897 г.).

—— Рязанская ученая архивная коммиссія благодаря неутомимой энергіи А. И. Черепнина, А. Д. Повалишина и И. И. Проходцева успѣла произвести въ это лѣто рядъ раскопокъ древнихъ могильниковъ и кургановъ. Въ настоящее время въ мѣстномъ музеѣ находятся несомнѣнныя вещественныя доказательства того, что рязанско-окскій край населяло нѣкогда финское племя, могилы котораго содержатъ довольно богатыя украшенія, оружіе и конское снаряженіе. На смѣну его около X-го вѣка явилось другое племя, болѣе рослое, болѣе бѣдное, скудное конями и оружіемъ. По этому вопросу обстоятельный рефератъ съ демонстраціями былъ сдѣланъ 3 сентября въ засѣданіи архивной коммиссіи А. И. Черепнинымъ. Между другими находками онъ предъявилъ присутствовавшимъ остатки женской обуви, найденные около г. Пронска въ могилѣ XII — XIII вв. Внутри башмака сохранился и чулокъ, вязаный изъ страшно толстой шерсти и при томъ не на пяти спицахъ, а на одной — накидною петлей. По примѣру прошлаго года архивная коммиссія предполагаетъ организовать осенью рядъ публичныхъ лекцій по исторіи и археологіи. (Рус. Вѣд. № 250, 1897 г.).

—— Въ теченіе августа мѣсяца, въ селѣ Михайловкѣ-Апостоловомъ, Херсонскаго уѣзда, въ имѣніи А. Н. Синельникова, производились, на средства владѣльца, членомъ Московскаго Археологическаго Общества, Д. И. Эварницкимъ раскопки кургана Бабы *(ударе́ніе на послѣднемъ слогѣ слова)*, находящагося въ 8 верстахъ отъ усадьбы владѣльца и получившаго свое названіе отъ каменной бабы, стоявшей на немъ. По снятіи культурной или насыпной земли, на глубинѣ одной сажени, въ самомъ центрѣ кургана найденъ былъ обширный, совершенно правильный кругъ камней, 16 саженей въ окружности. Послѣ удаленія всѣхъ камней круга, обнаружено было такъ называемое черное пятно, которое шло вглубь на $2^1/_2$ сажени правильнымъ кругомъ. Когда вычищена была вся земля въ черномъ пятнѣ, то у южной стѣны его открытъ былъ выступъ, въ юго-восточномъ и юго-западномъ углахъ найдены были двѣ ниши, и, кромѣ того, изъ юго-восточной ниши, прямо отъ юга къ сѣверу, открытъ былъ длинный, 5 саженей длины, невысокій сводъ (въ немъ можно было работать только сидя), который оканчивался вертикальной, поднимавшейся кверху и выходившей наружу, къ подошвѣ кургана, заложенной камнями, дырой. По подошвѣ чернаго пятна, въ двухъ его нишахъ и въ длинномъ пятисаженномъ сводѣ найдено было нѣсколько вещей золотыхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ и желѣзныхъ. Всѣхъ золотыхъ вещей найдено было 22. Изъ нихъ особенно интересны слѣдующія: большая золотая пластина (меньше четверти аршина длины), прекрасной работы, съ какимъ-то изображеніемъ,

сдѣланнымъ выпукло, имѣющая по краямъ золотые гвоздики; золотая пластинка меньшихъ размѣровъ съ изображеніемъ вѣтвистаго оленя съ подогнутыми ногами; четыре золотыхъ съ золотыми же гвоздиками бляхи, безъ всякаго украшенія, гладкія, но зато массивнѣе двухъ первыхъ; три золотыхъ наугольника съ рисунками, сдѣланными выпукло; двѣ золотыхъ серьги разнаго типа и разной отдѣлки; одинъ дорогой камень круглаго вида величиной съ воробьиное яичко, отдѣланный на-крестъ золотыми пластинками и имѣющій черезъ середину дырочку; 14 золотыхъ, величиною въ фасоль, бляшекъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ изображенія зайчиковъ и какихъ-то божковъ. Изъ бронзовыхъ вещей найденъ массивный свѣтильникъ съ четырьмя свѣтильниками по всѣмъ четыремъ угламъ и съ ручкой характернаго стиля; далѣе, три массивныя бронзовыя съ характернымъ орнаментомъ ручки; одинъ массивный бронзовый, также съ орнаментомъ, постаментъ; нѣсколько мелкихъ бронзовыхъ вещицъ. Серебряныхъ вещей найдено три: два тяжеловѣсныхъ ушка (подобіе тѣхъ, какія дѣлаютъ на желѣзныхъ ведрахъ) и одно большое серебряное (какъ въ дугахъ) кольцо. Кромѣ того, въ самомъ центрѣ чернаго пятна на подошвѣ найдена большая металлическая (электрумъ), сверху позолоченная ваза, лежавшая вверхъ дномъ и придавленная сверху большими камнями и оттого раздавленная на нѣсколько частей. Въ юго-западной нишѣ найдена большая глиняная темнаго цвѣта съ двумя ушками амфора, вмѣстимостью въ $1^1/_2$ ведра, а въ юго-восточной нишѣ — одинъ бронзовый небольшой дракончикъ. Изъ желѣзныхъ вещей найдены: ножъ съ костяной ручкой, какія-то скобки, какіе-то крючки и т. п. Скелетъ человѣка найденъ былъ не въ цѣломъ видѣ, а по частямъ, и, между прочимъ, кости ногъ положены были при выходѣ изъ свода наружу кургана. Всѣ перечисленныя находки добыты только въ одномъ курганѣ. Теперь идетъ раскопка другого кургана, и въ немъ пока найденъ скелетъ коня и возлѣ этого скелета кучка золота, въ видѣ тонкихъ листковъ, повидимому, отъ уздечки, которая была надѣта на голову лошади. Всѣ вещи и положеніе вещей въ курганѣ фотографируются спеціальнымъ фотографомъ. (Спб. Вѣд. № 248, 1897 г.).

—— Остатки допотопныхъ животныхъ, главнымъ образомъ, мамонтовъ, въ Европейской Россіи считали долгое время принадлежностью средняго теченія Дона, преимущественно района села Костенокъ, Воронежской губерніи; затѣмъ они были найдены въ предѣлахъ Кіевской, Харьковской и Курской губерній, такъ что границы ихъ распространенія, къ удивленію ученыхъ, оказались значительно шире, чѣмъ предполагали. Въ настоящее время остатки животныхъ этого типа найдены

въ Поволжьѣ. Въ „Ежегодникѣ по геологіи и минералогіи Россіи“ помѣщена любопытная замѣтка „О мамонтѣ, найденномъ близъ города Ярославля въ 1896 г.“. Изъ этой замѣтки, какъ сообщаетъ „Правит. Вѣстн.“, видно, что лѣтомъ минувшаго года, въ среднихъ числахъ іюля, въ газетахъ появилось сообщеніе о скелетѣ мамонта, найденномъ при проложеніи новаго шоссе близъ Ярославля. Раскопка мамонта была предпринята подъ наблюденіемъ студента института гражданскихъ инженеровъ А. И. Миклашевскаго.

Находка сдѣлана при выемкѣ песка подъ новое шоссе Костромской желѣзной дороги, на глубинѣ 3 саж., въ $1^1/_2$ саж. отъ полотна стараго шоссе и въ $^1/_2$ верстѣ отъ вокзала. Спустившись къ загороженному мѣстонахожденію, авторъ приводимой въ извлеченіи замѣтки нашелъ часть костей уже извлеченными и лежащими въ сторонѣ, часть же еще на мѣстѣ, при чемъ особенно бросался въ глаза очень большихъ размѣровъ бивень, разсыпавшійся на мелкіе куски въ большей своей половинѣ. Раньше, чѣмъ начать извлеченіе костей, А. И. Миклашевскій сдѣлалъ фотографіи съ общаго вида расположенія ихъ и повторялъ эти снимки по мѣрѣ удаленія однѣхъ костей и обнаженія другихъ. Снимки помѣщены въ названномъ журналѣ.

Почва, на которой лежалъ скелетъ мамонта,—желтый песокъ, довольно крупный, почти гравій; онъ же наполнялъ и всѣ промежутки между костями. Впадины и промежутки въ самихъ костяхъ (щели въ бивнѣ) наполнены болѣе мелкимъ пескомъ, который и составляетъ толщу въ двѣ сажени, у основанія которой и лежали кости. Въ пескѣ встрѣчаются прослойки гравія и небольшіе валуны. Вверху эта песчаная толща заканчивается, въ данной мѣстности, слоемъ валуннаго матеріала и рядомъ горизонтально лежащихъ большихъ валуновъ и прикрыта горизонтальнымъ слоемъ желтовато-розоваго песка съ прослойками бураго суглинка. Здѣсь валуновъ не наблюдали. Толщина этого слоя (1,5 м.) очень измѣнчива; по направленію отъ мамонта къ вокзалу желѣзной дороги она уменьшается. Въ этомъ же направленіи разрѣзъ представляетъ и еще нѣкоторыя измѣненія. Такъ, верхняя часть песчаной толщи является не въ видѣ горизонтальныхъ слоевъ съ большими валунами, а представляетъ впадины, наполненныя валуннымъ матеріаломъ и точно вдвинутыя въ нижній песокъ въ косомъ направленіи. Подстилается вся эта песчаная толща съ костями у основанія—пескомъ, имѣющимъ косое пластованіе съ прослойками гравія (1 метр.). Еще ниже—сплошной гравій, лежащій на толщѣ слюдистаго, тонко-зернистаго суглинка, напоминающаго лессъ по тонкости зерна.

Производившееся здѣсь буреніе показало, что этотъ нижній сугли-

нокъ имѣетъ отъ 1,3 до 1,8 саж. толщины. Ниже лежатъ болѣе глинистыя породы, переходящія постепенно въ плотную, чистую, сѣрую глину. Образцы выемокъ съ помѣтками толщины ихъ указываютъ, что толщина этихъ глинистыхъ породъ равна $3^1/_2$ саж., что даетъ въ суммѣ съ предыдущимъ разрѣзъ почти въ 7 саж., въ срединѣ котораго и лежали кости.

Дальнѣйшая выемка песка по обѣ стороны разрѣза дала еще нѣсколько мѣстонахожденій костей. Такъ, на разстояніи около 12 саж., ближе къ городу отъ главной находки, на одномъ съ нею уровнѣ найдены обломки различныхъ костей мамонта, между ними наибольшіе принадлежатъ лопаткѣ и тазу. Тутъ же найденъ обломокъ бивня, который, по показанію рабочихъ, имѣлъ діаметръ, равный бивню большой группы; но этотъ обломокъ исчезъ, остались лишь мелкіе осколки отъ него.

Слѣдующая находка расположена въ другую сторону, саженъ на 50 отъ главной, и состоитъ изъ двухъ большихъ коренныхъ зубовъ, осколковъ челюсти и другихъ костей. Залегаетъ она гораздо выше главной, именно, вверху песчаной толщи, подъ верхними валунными отложеніями. Еще далѣе на 14 саж. нашли круто согнутый бивень, длиною почти въ сажень, имѣвшій на концѣ толщину пальца. Лежалъ онъ всего на 0,8 саж. выше главной находки въ такомъ же пескѣ, какъ и эта, окружая большой валунъ. Онъ былъ тоже расхищенъ, и остались лишь осколки. Далѣе, саженъ на 30, найдены въ верхнемъ валунномъ слоѣ еще обломки костей, очень плохой сохранности, въ видѣ осколковъ; лежали они на глубинѣ отъ 0,75—1,2 саж. отъ поверхности земли. Такіе же обломки встрѣчались и на дальнѣйшемъ протяженіи по направленію къ вокзалу, въ этомъ же слоѣ.

Изучивъ со вниманіемъ всѣ описанные слои въ разрѣзѣ возлѣ мамонта, изслѣдователь нигдѣ не встрѣтилъ ни малѣйшаго слѣда присутствія человѣка. Только въ самомъ поверхностномъ слоѣ найдены черепки битой посуды, но уже, конечно, не современной мамонту, а болѣе поздняго времени.

Кости, добытыя изъ упомянутыхъ мѣстонахожденій близъ Ярославля и доставленныя въ геологическій кабинетъ московскаго университета, можно раздѣлить на двѣ вполнѣ различныя группы. Къ первой слѣдуетъ отнести кости, найденныя въ нижнихъ слояхъ песка, т. е. главную группу, и двѣ второстепенныя изъ того же уровня. Почти всѣ эти кости отличаются темнымъ цвѣтомъ, большой легкостью и хорошей сохранностью, хотя онѣ и очень хрупки. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, лопатка и тазъ, хотя и повреждены, а бивень разсыпается на куски, но все-таки кости эти вполнѣ опредѣлимы, такъ какъ сохранили

свою форму. Кости второй группы, лежащія въ верхнемъ слоѣ песчаной толщи, имѣютъ желтый цвѣтъ, состоятъ изъ обломковъ, на столько раздробленныхъ, что въ большей части случаевъ трудно сказать, часть какихъ костей они составляютъ. Обломки эти плотны и тяжелы. Изъ этой группы хорошо сохранились только два коренныхъ зуба.

Изъ краткаго описанія найденныхъ костей видно, что онѣ принадлежали двумъ слонамъ и отлагались въ разное время; изъ нихъ одинъ, лежащій у основанія песчаной толщи, представляетъ довольно полный скелетъ, въ которомъ недостаетъ только отдѣльныхъ костей. Остатки же второго слона, въ верхнемъ слоѣ песка являются крайне разбросанными и раздробленными. Положеніе костей перваго мамонта позволяетъ предположить, что животное погибло или на мѣстѣ, или же если не здѣсь, то гдѣ-нибудь очень недалеко, и было въ такомъ случаѣ принесено сюда въ видѣ трупа вмѣстѣ съ гравіемъ, на которомъ и лежали кости.

Что касается вопроса, когда именно жилъ и погибъ этотъ слонъ, то отвѣтъ на него можно найти въ опредѣленіи возраста и способа образованія выше и ниже лежащихъ слоевъ. Изъ обзора этого напластованія можно сдѣлать выводъ, что всѣ эти животныя существовали во время ледниковой эпохи и погибли не въ дальнемъ разстояніи отъ края ледниковаго покрова, при чемъ существованіе нижняго мамонта совпадаетъ съ эпохою, когда началось отложеніе нижней морены, т.-е. скопленіе подъ натискомъ льда грядъ камня. Остатки же верхняго мамонта позволяютъ предположить, что здѣсь кости его являются во вторичномъ залеганіи, и что онъ могъ жить одновременно съ нижнимъ. (Спб. Вѣд. № 237, 1897 г.).

—— Въ газетѣ „Крымскій Вѣстникъ“ (№ 222, 1897 г.) напечатанъ отзывъ проф. Н. В. Покровскаго объ открытомъ въ маѣ сего года въ Херсонисѣ древнемъ христіанскомъ храмѣ (см. „Арх. Изв. и Зам.“ 1897 г., стр. 195). Проф. Н. В. Покровскій пишетъ слѣдующее.

„Въ маѣ текущаго года открыты въ Херсонисѣ развалины древняго христіанскаго храма. Алтарная часть сохранилась лучше другихъ: стѣны уцѣлѣли до трехъ-аршинной высоты. Въ срединѣ восточнаго полукружія найдена каѳедра епископа, а по сторонамъ ея скамейки пресвитеровъ (4 ряда). Обнаружено мѣсто древняго престола, подъ которымъ находилась черепичная гробничка, а въ ней на мраморной плиткѣ стоялъ серебряный ковчегъ въ видѣ древняго саркофага. Въ ковчегѣ въ шелковой ткани найдена часть св. мощей (въ видѣ косточекъ, повидимому, отъ пальцевъ руки). Мощи эти торжественно перенесены въ херсонисскій соборъ Св. Владиміра, а ковчегъ переславъ

въ Императорскую Археологическую Коммиссію въ С.-Петербургъ для обслѣдованія. Въ отдѣльномъ помѣщеніи храма найдена купель, вырубленная въ цѣльномъ камнѣ, украшенная крестами и орнаментами, съ отверстіемъ для стока воды. Такимъ образомъ, въ Херсонисѣ Таврическомъ, богатомъ памятниками древняго христіанства и средневѣковыми, нашелся еще одинъ рѣдкій свидѣтель христіанства. Если архитектура вновь открытаго храма, насколько можно судить о ней по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, не представляетъ чего-либо оригинальнаго, то крещальня съ купелью есть памятникъ очень рѣдкій; но еще болѣе важна находка ковчега съ мощами. Число всѣхъ подобныхъ ковчеговъ, извѣстныхъ въ настоящее время, очень не велико. Одинъ мраморный, найденный въ 1891 году въ томъ же Херсонисѣ, находится теперь въ Эрмитажѣ, другой, тоже херсонисскій, въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ, третій въ русскомъ монастырѣ св. великомученика Пантелеимона на Аѳонѣ. Приходилось слышать, что есть еще подобный ковчежецъ въ Луврѣ. Вновь открытый въ Херсонисѣ ковчегъ — серебряный, небольшихъ размѣровъ. По своей общей формѣ онъ представляетъ точное подобіе одного изъ типовъ саркофаговъ равеннскихъ, а это сходство указываетъ на ихъ генетическое родство и, по соображеніямъ историко-археологическимъ, заставляетъ предполагать одинъ общій источникъ для нихъ; гдѣ этотъ источникъ,—сказать довольно трудно. Верхняя крышка ковчега украшена изображеніями четвероконечнаго креста съ расширяющимися концами, каковая форма обычно встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ Византіи. На наружныхъ стѣнкахъ вытиснены изображенія: съ одной стороны — Спасителя и апостоловъ Петра и Павла, съ другой — Богоматери и двухъ ангеловъ; на узкихъ сторонахъ два изображенія неизвѣстныхъ лицъ. Судя по иконографическимъ типамъ, особенно Богоматери, моложавой и красивой, а также ангеловъ и святыхъ, напоминающихъ типы древнихъ мозаикъ Равенны, а равно и въ виду сходства общей формы ковчега съ саркофагами Равенны, *казалось бы возможнымъ отнести вновь открытый памятникъ къ VI вѣку*; а въ такомъ случаѣ—это памятникъ рѣдкій и важный, какъ по своему историческому значенію, такъ и по художественному. На днѣ ковчега, снаружи и внутри крышки находятся фигуры и надписи, сдѣланныя штампомъ, но до сихъ поръ разобрать ихъ не удалось".

Къ этому отзыву, извлеченному изъ „Церковнаго Вѣстника" (№ 30, 1897 г.) въ томъ же номерѣ „Крымскаго Вѣстника" К. В. дѣлаетъ свои дополненія.

Къ этому сообщенію почтеннаго ученаго остается добавить, что началомъ оффиціальнаго исповѣдыванія христіанства въ Херсонисѣ

слѣдуетъ считать тотъ же VI вѣкъ, когда императоръ Маврикій первый началъ чеканить мѣстную монету съ христіанскими эмблемами и съ полнымъ именемъ города.

А. Л. Бертье-Делагардъ также неоднократно указываетъ на сходство деталей христіанскихъ храмовъ Херсониса и Равенны, при чемъ высказываетъ убѣжденіе, что общимъ источникомъ для этихъ двухъ городовъ былъ Константинополь. А если такъ, то не въ правѣ ли мы считать открытый въ маѣ сего года въ Херсонисѣ храмъ построеннымъ по образцамъ константинопольскихъ храмовъ, а такъ какъ онъ каѳедральный и купольной формы, въ то время, какъ остальные херсонисскіе храмы базиличнаго вида, то не сооруженъ ли онъ по образцу храма въ честь святой Софіи и не носитъ ли имя послѣдней? Храмъ этотъ слѣдуетъ считать ближайшимъ къ базарной площади, которая, какъ выяснили раскопки послѣднихъ лѣтъ, находилась у Карантинной бухты, вдоль упраздненной въ византійскую эпоху береговой оборонительной стѣны.

При раскопкахъ храма найдены чрезвычайно интересные, ранѣе не встрѣчавшіеся фрагменты мраморныхъ плитъ съ рельефно вырѣзанными символическими изображеніями, весьма старательнаго и умѣлаго исполненія, что также служитъ признакомъ глубокой древности храма.

Подобно всѣмъ херсонисскимъ базиликамъ, открытый въ маѣ сего года каѳедральный храмъ неоднократно подвергался разрушенію и перестройкѣ, что доказывается разновременно построенными стѣнами внутри храма, заложенными дверями и окнами и множествомъ усыпальницъ (27), изъ числа которыхъ 4 устроены въ среднемъ нефѣ. Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію профессора Н. П. Кондакова, должно служить яснымъ признакомъ крайняго паденія города или, другими словами, поздней эпохи его исторіи („Русскія древности“ IV, 22).

И дѣйствительно, въ усыпальницахъ найдены при остовахъ бронзовыя монеты императора Романа I. Такимъ образомъ, начало X вѣка есть время сооруженія этихъ усыпальницъ и, вѣроятно, перестройки храма. Но самымъ загадочнымъ явленіемъ, постигшимъ этотъ храмъ до окончательной его гибели отъ пожара (подобно всѣмъ другимъ храмамъ Херсониса во время непріятельскаго нашествія и послѣдняго разгрома города), оставившаго вездѣ слѣды страшнаго разрушенія, — должно считать *превращеніе его въ усыпальницу*. Храмъ перегораживается стѣнами, закладываются нѣкоторыя двери и окна и сверху мраморнаго пола и усыпальницъ сваливается огромное количество человѣческихъ костей. Даже крещальня и самая купель не избѣгли этой участи:

послѣдняя оказалась до верха наполненной костями, а въ помѣщеніи крещальни, кромѣ костей, для удобнаго ихъ храненія, обѣ двери были заложены камнемъ, и, такимъ образомъ, крещальня превращена въ большую могилу.

Если принять въ соображеніе неоднократное разрушеніе храма, значительные, вѣроятно, промежутки между временемъ его возстановленія и, наконецъ, окончательное превращеніе его въ усыпальницу, то можно думать, что онъ, какъ храмъ, служилъ не долго, благодаря чему купель и мраморный порогъ главнаго входа сохранились превосходно.

—— Судя по послѣднимъ геологическимъ находкамъ въ окрестностяхъ Берлина, по словамъ „Мюнхенскихъ Извѣстій“, можно утверждать, что на мѣстѣ нынѣшней германской столицы существовали большія поселенія первобытныхъ людей еще во времена доисторическія. Остатками ледяного періода являются особыя наслоенія камней, подобныя тѣмъ, какія въ наше время встрѣчаются въ альпійскихъ глетчерахъ. Но въ геологическихъ слояхъ этихъ каменныхъ наслоеній были найдены кости мамонта и другихъ животныхъ, которыя могли жить только въ тепломъ климатѣ. Въ извѣстномъ предмѣстьѣ Берлина, Никсдорфѣ, неоднократно находили остатки костей вышеупомянутыхъ представителей доисторическаго животнаго царства. Не такъ давно была сдѣлана находка, которая вполнѣ подтверждаетъ предположеніе, что дѣйствительно люди жили на этомъ мѣстѣ въ промежуткѣ, когда между двумя ледяными періодами былъ періодъ съ возвышенною температурой. Геологъ, производившій изысканія, нашелъ плечевую лопатку лошади съ ясными слѣдами обработки ея человѣческими руками, что, по его мнѣнію, вполнѣ доказываетъ, что пространство, занимаемое Берлиномъ, въ доисторическое время было заселено людьми. (Моск. Вѣд. № 257, 1897 г.).

—— Въ Помпеѣ раскопки идутъ довольно медленно, такъ какъ для производства ихъ назначены сборы, получаемые съ посѣтителей знаменитаго города (идущіе, впрочемъ, и на поддержаніе всего того, что уже открыто въ немъ, на служащихъ и т. д.), и небольшая сумма, выдаваемая правительствомъ на всѣ раскопки въ Италіи безъ исключенія.

Теперь въ Помпеѣ принято за правило мудрое рѣшеніе оставлять всѣ найденныя вещи на мѣстѣ, возстановляя по возможности обстановку и видъ античныхъ помѣщеній, а не перенося эти вещи въ неаполитанскій музей, гдѣ онѣ легко теряются среди множества другихъ предметовъ и, во всякомъ случаѣ, не производятъ того впечатлѣнія, какое онѣ имѣютъ на мѣстѣ. Одинъ изъ античныхъ домовъ Помпеи,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

наиболѣе производящихъ теперь впечатлѣніе, именно благодаря этой системѣ, есть Domus Vetiorum, домъ Веціевъ. Онъ недавно раскопанъ и теперь реставрированъ совершенно, вплоть до деревянной двери, на которой виситъ дощечка съ именемъ хозяина, какъ практиковалось въ древности. Комнаты въ домахъ Помпеи вообще расположены одинаково: входишь въ атріумъ, четыреугольный квадратный дворъ, съ бассейномъ посрединѣ, вокругъ идутъ комнаты, получающія свѣтъ со двора. Спальни назывались cubiculae, столовая—triclinium; напротивъ входа въ атріумъ обязательно находится tablinium, родъ комнаты, содержащей всѣ воспоминанія, касающіяся прошлаго семьи; здѣсь собиралась вся семья и кліенты. Боковыя пространства съ обѣихъ сторонъ tablinium назывались aloe; отсюда коридоръ ведетъ въ перистилій, гдѣ маленькій садикъ, окруженный колоннадою, пропускаетъ свѣтъ въ другія комнаты, расположенныя вокругъ.

Древніе знали окна со стеклами, и въ Помпеѣ они встрѣчаются; это обыкновенно небольшія отверстія на улицу. Впрочемъ, древніе дома въ своей внѣшности не имѣли особыхъ архитектурныхъ достоинствъ; всякія украшенія и удобства береглись для внутреннихъ помѣщеній. Комнаты рабовъ находились въ верхнемъ этажѣ, и только кухня помѣщалась внизу, равно и кабинетъ уединенія, которымъ впослѣдствіи совершенно пренебрегли южно-итальянскіе строители.

Выдающееся значеніе домъ Веціевъ получаетъ благодаря своей стѣнной живописи. Уже атріумъ производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе: ширина его $8^1/_2$ метровъ, длина—11, вышина—$7^1/_2$. Стѣны его сверху до низу украшены живописью, которую можно раздѣлить на двѣ части: нижняя часть стѣнъ изображаетъ маленькія фигурки дѣтей на красномъ фонѣ; верхняя часть—группы амуровъ на черномъ фонѣ; средняя же часть занята рисунками только фантастическихъ строеній (тоже на красномъ фонѣ). Между этими рисунками, для того, чтобы лучше выдѣлить отдѣльныя ихъ поля, изображены огромные и роскошные по рисунку канделябры, раскрашенные желтою и зеленою красками. Эти канделябры замѣчательно украшаютъ атріумъ и придаютъ ему совсѣмъ барскій видъ. Вокругъ атріума крыша со скатомъ во дворъ, гдѣ бьетъ фонтанъ; вода собирается въ бассейнъ послѣдняго.

На стѣнахъ комнатъ большею частью нарисованы рыбы, морскіе сюжеты и миѳологическія сцены, въ родѣ сна Цирцеи, Орфея, разрываемаго Менадами, Тезея въ лабиринтѣ Дедала, Вакха, созерцающаго спящую Аріадну.

Винный погребъ назывался аптекою (apotheca); здѣсь еще находятся большія амфоры съ разными надписями. Одна обозначена сло-

вомъ Gustatium, что, вѣроятно, обозначаетъ особенно цѣнное или уже начатое вино; на другой стоитъ XV. K. Jan. de Satriano, Dol. XV, обозначающая годъ вина Сатріано, и теперь еще пользующагося огромною извѣстностью въ окрестностяхъ Неаполя. Амфоры изъ терракоты, съ двумя дисками вверху и острымъ донышкомъ для того, чтобы ихъ можно было ставить торчкомъ въ землю.

Самая красивая комната въ домѣ, гдѣ тоже, какъ въ атріумѣ, поля рисунковъ ограничены большими канделябрами, имѣетъ большія изображенія Персея и Андромеды, Вакха и Аріадны, Аполлона и Дафны, Марса и Венеры, Нептуна и Амфитриды, Силена и Гермафродита. Въ верхней части ея Психея и миніатюрные амуры, занятые разными работами: одинъ плететъ вѣнки изъ розъ, другой представленъ продающимъ масло, третій — продавцомъ вина, четвертый — дѣлаетъ деньги и т. д. Всѣ эти сцены, заимствованныя изъ древней жизни, нарисованы съ замѣчательнымъ, прямо поразительнымъ богатствомъ фантазіи и даютъ комнатѣ граціозный и праздничный обликъ.

Весь домъ свидѣтельствуетъ о большомъ значеніи, которое должна была имѣть въ городѣ семья Вецієвъ. Документы, найденные при раскопкахъ, заставляютъ считать ея владѣльцемъ нѣкоего Авла Веція; домъ существовалъ уже много лѣтъ, былъ расширенъ и возстановленъ почти сплошь послѣ перваго землетрясенія въ Помпеѣ, бывшаго въ 63 году послѣ Р. Х. Обѣ эпохи видны совершенно ясно. (Нов. Вр. № 7753, 1897 г.).

—— Корреспондентъ *Times*'а говоритъ, что г. Гэйнесъ (Haynes), въ теченіе почти пяти лѣтъ по порученію американской экспедиціи раскапывающій огромные Нуффарскіе курганы въ сѣверной Вавилоніи, открылъ подъ землей развалины древнѣйшаго изъ извѣстныхъ въ мірѣ городовъ, основаннаго за 6 или 7 тысячъ лѣтъ до христіанской эры.

Раскопки начаты въ 1888 году Пенсильванскимъ университетомъ, причемъ необходимыя средства были доставлены небольшимъ комитетомъ. Экспедиціи 1888—90 годовъ, подъ управленіемъ Dr. Петерса, дали въ результатѣ около 10.000 таблицъ и покрытыхъ надписями предметовъ, а между ними много записей Саргона I и его сына Нарамъ-Сина, время царствованія котораго (3800 лѣтъ до Р. Х.) многими признается за начальный періодъ вавилонской исторіи.

Смуты между арабами и обычныя препятствія со стороны Порты задерживали работы въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ 1893 году раскопки были возобновлены подъ наблюденіемъ г. Гэйнеса. Съ тѣхъ поръ онѣ продолжались безостановочно и привели къ весьма важнымъ результатамъ.

Большіе Нуффарскіе курганы лежатъ на восточномъ берегу теперь высохшаго Шат-эн-Нила, который представлялъ нѣкогда величественную водную артерію и служилъ удобнымъ для плаванія путемъ, соединявшимъ въ древности Вавилонъ съ Персидскимъ заливомъ. Въ центрѣ развалинъ привлекаетъ вниманіе огромный коническій курганъ, называемый арабами Bint-le-Amir, — „Дочь Амира", который почти на 29 метровъ возвышается надъ окружающею равниной. Эта насыпь указываетъ мѣстоположеніе величественной храмовой башни со ступенями, которая первоначально была построена Уръ-Гуромъ или Уръ-Багу, какъ называли его нѣкогда, почти за 2800 лѣтъ до Р. Х., а потомъ ее исправляли и надстраивали позднѣйшіе цари. Это огромное сооруженіе было центральнымъ пунктомъ изслѣдованій Гэйнеса.

Планъ постройки этого храма и башни Уръ-Гура носитъ поразительное сходство съ древними египетскими пирамидами. Даже масштабъ, изображенный на плитѣ, представляетъ египетскій, а не халдейскій локоть. Башня покоится на массивной платформѣ изъ грубоотесанныхъ кирпичей. Раскопки, произведенныя подъ ней, обнаружили существованіе второго каменнаго пола гораздо болѣе красивой конструкціи изъ громадныхъ обожженныхъ кирпичей. Почти всѣ эти кирпичи покрыты надписями и носятъ печати Саргона I и Нарамъ-Сина, его сына; они относятся поэтому ко времени гораздо болѣе раннему, нежели сооруженія Уръ-Гура, — именно, къ 3800 г. до Р. Х. Изъ надписей этихъ царей мы узнаемъ, что они построили большую часть древнѣйшаго храма Муллила.

Къ сѣверо-западу отъ храма лежалъ рядъ кургановъ, и г. Гэйнесъ, начавъ здѣсь раскопки, открылъ въ 1895 году одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ образцовъ каменнаго искусства, когда-либо открытыхъ. Фундаментъ состоялъ изъ массивнаго слоя глины, смѣшанной съ соломой, и былъ плотно обдѣланъ снизу, чтобы не проникала вода; подобныя постройки были найдены Шлиманомъ въ Гиссарликѣ. Прямо къ юго-востоку отъ великой башни и возлѣ главнаго вала, Гэйнесъ открылъ комнату безо всякаго входа, повидимому, подвалъ, въ который входили сверху и который устроенъ Уръ-Гуромъ. Эта и вторая комната непосредственно подъ ней были архивами, первая — храма, который отчасти былъ возстановленъ Уръ-Гуромъ, а вторая — архивомъ царя и была выстроена на уровнѣ каменнаго пола.

Ясно, что въ одно время между царствованіемъ Уръ-Гура, за 2800 л. до Р. Х., и возвышеніемъ Касситской династіи, 2200 лѣтъ до Р. Х., въ архивную комнату ворвался непріятель, причемъ огромное количество хранившихся здѣсь предметовъ было унесено, а осталь-

ные разбиты и разбросаны. Едва ли можно сомнѣваться, что это злополучное событіе имѣло мѣсто во время страшнаго Еламитскаго вторженія въ 2285 г. до Р. Х., когда всѣ главные храмы были разграблены, и ихъ сокровища унесены въ Еламитскую столицу.

Доказательствомъ служитъ маленькій агатовый дискъ, найденный въ этихъ руинахъ; на немъ съ одной стороны имѣется посвященіе Дунги въ честь Муллила, а на другой—посвященіе Барнабуріаса, жившаго за 1400 л. до Р. Х., изъ котораго видно, „что этотъ дискъ былъ взятъ изъ дворца Сузы въ Еламской землѣ“.

Гэйнесъ, ободренный успѣхомъ своей работы въ верхнемъ слоѣ, приступилъ къ раскопкамъ, чтобы достигнуть дѣвственной почвы, которую онъ думалъ найти на глубинѣ 9,25 метровъ, черезъ остатки разрушенныхъ зданій, кучу разбитой глиняной посуды, осколки покрытыхъ надписями каменныхъ предметовъ и превосходно сдѣланныхъ дренажныхъ трубъ. Эти остатки доказываютъ существованіе по меньшей мѣрѣ двухъ храмовъ ниже мостовой Нарамъ-Сима, которые при самомъ бѣгломъ осмотрѣ сохранившихся остатковъ не могутъ быть отнесены къ болѣе позднему времени, чѣмъ за 6000—7000 л. до христіанской эры.

Этотъ самый нижній слой носилъ слѣды большого безпорядка; тѣмъ не менѣе, сохранилось достаточное количество остатковъ, которые даютъ возможность проникнуть въ болѣе раннюю фазу вавилонской цивилизаціи, чѣмъ какая была намъ доступна до сихъ поръ. Первая обнаруженная постройка была—алтарь, сложенный изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, размѣромъ $4 \times 2{,}46$ метровъ. Верхній рядъ камней обмазанъ горною смолой, и на алтарѣ лежала большая куча бѣлаго пепла. Кругомъ алтаря тянулась невысокая стѣна, означавшая священную ограду. Съ наружной стороны этой ограды были найдены двѣ огромныя вазы изъ терракотты; величественные образцы древнѣйшаго гончарнаго искусства имѣли 63,5 сантиметровъ въ высоту и были украшены витымъ узоромъ.

Это простое священное мѣсто, обнесенное оградой, представляетъ зародышъ громадныхъ халдейскихъ храмовъ: алтарь съ примыкающимъ къ нему участкомъ земли, посвященнымъ божеству, куда входилъ только жрецъ, и двѣ большія вазы для очищенія, замѣненныя въ послѣдующее время бо́льшими или меньшими *авзи*, помѣщавшимися передъ храмами. Нѣсколько похожая постройка была найдена въ Сиппарѣ, но ея археологическая цѣнность не признана.

Къ юго-востоку отъ этого алтаря было найдено замѣчательное сооруженіе,—кирпичная платформа, въ 7 кв. метровъ, и 3,38 м. вы-

сотой, построенная изъ необдѣланныхъ кирпичей. Возлѣ подножія ея Гэйнесъ нашелъ большое количество водяныхъ отверстій, которыя, повидимому, имѣли связь съ какимъ-то резервуаромъ внизу, а, прокопавъ глубже, онъ открылъ дренажную трубу, проходящую подъ платформой; верхняя часть этой трубы представляетъ древнѣйшую изъ извѣстныхъ арку со своднымъ камнемъ. Она имѣла 71 сантиметръ высоты, а пролетъ арки—51 сантиметръ. Кирпичи хорошо отесаны и соединены крѣпкою глиной въ родѣ известковаго раствора. Такимъ образомъ, установлено первенство Халдеи по употребленію арокъ со своднымъ камнемъ. Эта арка находилась болѣе чѣмъ на 7 м. ниже каменнаго пола Уръ-Гура и на 4,57 м. ниже пола Нарамъ-Сина, и, такъ какъ здѣсь не было массивныхъ зиггуратъ или храмовъ, которые могли бы разрушиться, то должно было пройти много столѣтій, чтобы образовалась такая громадная масса обломковъ, и можно безъ преувеличенія предполагать, что она была построена за 1500—2000 лѣтъ до царствованія Саргона.

Болѣе 26.000 плитъ и покрытыхъ надписями осколковъ отъ вазъ и небольшихъ колоннъ было найдено на этомъ мѣстѣ. Ниже мостовой Уръ-Нипина, царя изъ династіи Уръ-Гура, было найдено нѣсколько сотъ разбитыхъ вазъ и другихъ предметовъ, которые съ древнѣйшихъ временъ приносили въ качествѣ обѣтныхъ даровъ на гробницу Муллила. Нѣкоторые изъ нихъ были самаго архаическаго типа, и профессоръ Гильпрехтъ почти потерялъ зрѣніе надъ возстановленіемъ полнаго текста 132 строкъ, написанныхъ самыми архаическими буквами. Эти лѣтописи относятся къ цѣлому ряду примитивныхъ войнъ и составляютъ, вѣроятно, каковъ бы ни былъ ихъ возрастъ, древнѣйшія историческія лѣтописи, которыя мы знаемъ. Старѣйшая изъ нихъ есть надпись „Эшагсаганы“, именуемаго „владыкою Кенги“, то-есть Нижней Вавилоніи, во времена котораго главнымъ врагомъ Вавилоніи былъ городъ Кишъ, современный Эл-Гимеръ; жрецъ-правитель послѣдняго вступилъ въ союзъ съ какими то дикими племенами, носившими названіе „войска изъ страны Луковъ“. Въ первой надписи описывается, какъ Вавилоняне „побѣдили царя Киша и его союзника“ и разграбили его городъ. Слѣдующая надпись принадлежитъ царю „воиновъ Лука“, который отмстилъ и завоевалъ Вавилонію. Побѣдитель описываетъ свою имперію, какъ простирающуюся отъ Нижняго моря, Тигра и Евфрата до Верхняго моря (Средиземнаго), и какъ такую, которой даровано владычество надъ всѣми странами, отъ восхода до заката солнца.

Кто были „полчища изъ страны Лука“? Проф. Гильпрехтъ высказываетъ предположеніе, что они должны быть отождествлены съ семи-

тическими племенами Сѣверной Мессопотаміи, что „городъ Лука“ былъ Харранъ. Но, по мнѣнію корреспондента названной газеты, скорѣе на равнинахъ Средней Мессопотаміи и низменностяхъ, лежащихъ между Тигромъ и Курдскими городами, мы должны искать жилища этихъ воиновъ-номадовъ. (Моск. Вѣд. № 273, 1897 г.).

V.

Засѣданія Обществъ.

21 сентября 1897 года состоялось засѣданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, посвященное памяти скончавшихся почетныхъ членовъ Общества, акад. Ѳ. И. Буслаева и В. Е. Румянцева. Передъ началомъ засѣданія отслужена была панихида, а затѣмъ послѣдовала краткая рѣчь предсѣдателя, посвященная памяти скончавшихся въ вакаціонное время членовъ Общества. Обширное сообщеніе памяти Ѳ. И. Буслаева принадлежало В. Ѳ. Миллеру. Указавъ, какъ полно личность Ѳ. И. Буслаева отражается во всѣхъ его произведеніяхъ, даже въ спеціальныхъ трудахъ, референтъ поставилъ вопросъ объ условіяхъ, которыя содѣйствовали умственному и нравственному развитію Ѳ. И—ча и представилъ біографическій очеркъ, пользуясь воспоминаніями, продиктованными уже слѣпымъ Буслаевымъ и помѣщенными въ „Вѣстникѣ Европы“. Особенно подробно докладчикъ остановился на пребываніи молодого Буслаева за границей, преимущественно въ Италіи, и на вліяніи изученія исторіи искусства, которое сказывается затѣмъ въ работахъ Буслаева, и въ области языка, и по вопросамъ древней литературы, и въ трудахъ по русскому и западному искусству. Затѣмъ референтъ перечислилъ главные труды Буслаева и уяснилъ ихъ высокое значеніе для русской науки.

Слѣдующій докладъ В. И. Сизова былъ посвященъ памяти В. Е. Румянцева. Дѣятельность Румянцева близко связана съ дѣятельностью Московскаго Археологическаго Общества. Въ 1868 году В. Е. избранъ въ члены Общества; скоро, благодаря своему живому участію къ интересамъ Общества, онъ сближается съ покойнымъ предсѣдателемъ гр. А. С. Уваровымъ и уже въ 1870 году занимаетъ должность товарища секретаря, въ 1872 г.—секретаря, и, наконецъ, въ 1888 году избранъ товарищемъ предсѣдателя. Войдя, такимъ образомъ, въ составъ администраціи, онъ былъ редакторомъ „Трудовъ“ Общества. Въ изданіяхъ нашего Общества покойный помѣщалъ многія свои статьи. Главнымъ образомъ, В. Е. занимался исторіей русскаго стариннаго церковнаго и гражданскаго зодчества и исторіей печатнаго дѣла въ Россіи. Помимо такихъ цѣнныхъ статей, какъ „Домъ Археологическаго Общества на Берсеневкѣ“, покойный Румянцевъ

непосредственно принималъ участіе въ реставраціи древнихъ памятниковъ. Между прочимъ онъ давалъ указанія при возстановленіи „Бѣлой Палаты“ въ Ростовѣ, и возстановители древнихъ зданій Ростова весьма цѣнили участіе В. Е—а. Онъ былъ также дѣятельнымъ членомъ коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, которая по самой идеѣ своей совершенно соотвѣтствовала его собственнымъ научнымъ стремленіямъ. Въ интересахъ сохраненія памятниковъ старины онъ принималъ горячее участіе въ копированіи надписей съ старинныхъ надгробій, разсѣянныхъ вблизи московскихъ храмовъ. Особенно важны занятія Румянцева по исторіи печатнаго дѣла въ Россіи. Его перу принадлежатъ такіе труды: „Древнее зданіе Московскаго Печатнаго Двора“ и „О гравированіи и граверахъ при Московскомъ Печатномъ Дворѣ“. Въ 1872 году онъ издалъ большой, роскошный альбомъ, заключающій въ себѣ прекрасно подобранный сборникъ памятниковъ, относящихся къ книгопечатанію въ Россіи — трудъ, увѣнчанный Уваровской преміей. В. Е. былъ иниціаторомъ и главнымъ дѣятелемъ по реставраціи старинныхъ печатныхъ палатъ и понесъ много трудовъ при этой образцовой реставраціи.

Въ засѣданіи Археографической коммиссіи того же Общества, 30 сентября 1897 г. М. М. Богословскій прочиталъ докладъ: „Нѣсколько словъ объ одномъ проектѣ реформъ XVI-го вѣка“. Проектъ этотъ заключается въ одной рукописи Новгородской Софійской библіотеки и былъ напечатанъ только частями гг. Забѣлинымъ, Жмакинымъ и Милюковымъ. Проектъ распадается на двѣ части: одна изъ нихъ посвящена реформамъ соціально-экономическимъ, другая — реформамъ, имѣющимъ цѣлью поднять нравственный уровень общества. Въ первой авторъ предлагаетъ перестроить совершенно классы современнаго ему общества на новыхъ основаніяхъ: крестьянство освободить отъ государственныхъ податей, возложивъ на него повинность содержанія служилаго класса; на государственныя нужды выдѣлить опредѣленное количество земель. На служилый классъ возложить службу, надѣливъ его опредѣленными участками земли, при чемъ авторъ предлагаетъ новую болѣе удобную поземельную единицу „четверогранное поприще“, которою и должны будутъ опредѣляться различныя величины этихъ участковъ. Служилый классъ долженъ перестать быть земскимъ и сдѣлаться городскимъ. На городское населеніе авторъ рекомендуетъ наложить повинность содержать пути сообщенія, уничтоживъ за то всѣ торговыя пошлины. Во второй части проекта авторъ, отыскивая причину низкаго уровня нравственности, находитъ ее въ пьянствѣ, которое и предлагаетъ уничтожить посредствомъ запрещенія разводить хмель. Прекращеніе пьянства поведетъ къ уничтоженію разврата и убійствъ, отъ него происходящихъ. Если приняты будутъ всѣ указанныя въ проектѣ мѣры, настанетъ всеобщее благополучіе. Изложивъ содержаніе проекта, докладчикъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о времени его появленія и о личности автора.

Затѣмъ Ю. В. Готье прочиталъ отчетъ о своей командировкѣ въ Шведскій Государственный Архивъ. Въ Швеціи существуетъ только одинъ архивъ, какъ вполнѣ самостоятельное учрежденіе—это Государственный Архивъ въ Стокгольмѣ. Въ архивъ этотъ поступаютъ дѣла очень многочисленныхъ вѣдомствъ и учрежденій, а именно: 1) всѣхъ упраздняемыхъ государственныхъ учрежденій; 2) королевской канцеляріи, министерствъ внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ до 1814 г., исповѣданій и юстиціи; рикстага и высшаго суда (högota clomstal), бумаги замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей и т. п. Государственный Архивъ возникъ первоначально въ видѣ дворцоваго архива при королевской канцеляріи, когда послѣдняя была упразднена Густавомъ Вазой. Что касается среднихъ вѣковъ, то отъ этого времени дошло очень немногое (въ Госуд. Архивѣ всего около 13000 дѣлъ). Такая бѣдность объясняется смутами и волненіями, которыя приходилось переживать Швеціи въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ.

Знаменитый канцлеръ Густава Адольфа Оксеншернъ далъ архиву правильную и замѣчательно широкую для того времени организацію: его мечтою было даже создать нѣчто въ родѣ Археологическаго института. Однако, послѣ него, особенно послѣ пожара 1697 г., состояніе архива, вслѣдствіе неудобнаго и тѣснаго помѣщенія и безпорядка въ немъ стало очень плачевнымъ. Лучшіе дни настали для архива только съ половины текущаго столѣтія благодаря стараніямъ начальника архива Іерта и ученаго Гильдебранда. Въ настоящее время архивъ обладаетъ прекраснымъ новымъ помѣщеніемъ, въ которое онъ переведенъ въ 1891 году, и управляется уставомъ, утвержденнымъ королемъ въ 1877 г.

Зданіе архива находится въ самомъ центрѣ города и снабжено всѣми усовершенствованіями, какія требуются современной постановкой архивнаго дѣла. Главное вниманіе при постройкѣ было обращено на безопасность отъ пожара и на возможно лучшее храненіе наиболѣе цѣнныхъ документовъ, къ которымъ принадлежатъ оригиналы постановленій государственнаго совѣта съ начала XVII стол., немногіе документы среднихъ вѣковъ и т. п.

При размѣщеніи документовъ въ архивѣ принятъ строгій хронологическій порядокъ. Почти всѣ документы представляютъ книги и вязки размѣромъ in-4°; наиболѣе цѣнные переплетаются въ имѣющейся въ архивѣ спеціальной мастерской, въ которой производятся также работы по реставраціи архивныхъ документовъ.

Архивныя описи отличаются своею краткостью; подробно описаны почти только одни дипломатическіе акты; всѣ изданныя описи помѣщаются въ „Сообщеніяхъ“ архива, но отдѣльно не выходятъ. Архивъ ежедневно открытъ отъ 10 час. утра до $2^1/_2$ час. пополудни. Полученіе документовъ не обставлено никакими стѣсненіями; письменное прошеніе о допущеніи къ занятіямъ требуется только съ иностранныхъ посѣтителей. Для занятій съ ученою цѣлью устроена особая большая зала; при архивѣ имѣется обширная библіотека.

Съ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія архивомъ издаются сборники документовъ подъ различными заглавіями; до настоящаго времени вышло болѣе 30 томовъ такихъ сборниковъ; кромѣ того, архивомъ ежегодно выпускается одна книжка „Сообщеній“, въ которой печатаются, главнымъ образомъ, статьи по архивовѣдѣнію и описи документовъ архива. Rossica Стокгольмскаго Государственнаго Архива, изслѣдованныя впервые въ 30-хъ годахъ этого столѣтія проф. гельсингфорскаго университета, Соловьевымъ, въ настоящее время состоятъ изъ 1) памятниковъ дипломатическихъ сношеній Швеціи съ Россіей и Малороссіей (1650—1720 гг.) различнаго содержанія; 2) изъ собраній Новгородскихъ и Смоленскихъ актовъ эпохи Смутнаго времени, которые вошли въ архивъ по большей части вмѣстѣ съ фамильными бумагами нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей.

19-го сентября 1897 г. состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Н. К. Рерихъ прочиталъ рефератъ о произведенныхъ имъ нынѣшнимъ лѣтомъ раскопкахъ въ Царскосельскомъ уѣздѣ, на мызѣ Извара, гдѣ обнаружены были неизвѣстныя каменныя фигуры, сходныя нѣсколько съ каменными мѣтками древнихъ эстовъ; поэтому референтъ высказалъ предположеніе, не имѣютъ ли его находки отношеніе къ древностямъ Води, погребеніе которой пока неизвѣстны, такъ какъ курганы у Пюхтицы и Мануйсова, о которыхъ прежде думали, что они принадлежатъ Води, едва ли не славянскаго происхожденія. Затѣмъ С. Ѳ. Платоновъ прочиталъ рефератъ „Къ исторіи опричнины XVI в.“. Референтъ точно опредѣлилъ постепенно нараставшую территорію опричнины и затѣмъ остановился на цѣляхъ, которыя преслѣдовалъ Іоаннъ Грозный при введеніи этого страннаго учрежденія. Опричнина не была удаленіемъ главы государства отъ государства, какъ выражался С. М. Соловьевъ, она дѣйствовала не противъ лицъ, какъ говоритъ В. О. Ключевскій, а именно противъ порядка, и потому опричнина была гораздо болѣе орудіемъ государственной реформы, чѣмъ простымъ полицейскимъ средствомъ пресѣченія и предупрежденія государственныхъ преступленій: она имѣла въ виду создать новое дворцовое хозяйство, лишить политическаго авторитета потомство удѣльныхъ князей и сосредоточить въ непосредственномъ вѣдѣніи царя главнѣйшіе доходы государства. А. А. Спицынъ представилъ нѣсколько соображеній по вопросу о мѣстоположеніи Стараго Сарая: Старый Сарай долженъ находиться близъ гор. Царева, а Новый — близъ с. Селитренаго. Въ заключеніе кн. П. А. Путятинъ ознакомилъ собраніе съ предметами древности, видѣнными имъ въ музеѣ г. Намюра, особенно богатомъ собраніемъ древнихъ эмалей. (Нов. Вр., № 7749, 1897 г.).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

VI.

Библіографія.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и Общественной библіотекѣ за 1896 г. Минусинскъ, тип. Федорова, 1897 г., 20 стр.

Отчетъ Минусинскаго мѣстнаго музея за 1896 г. отмѣчаетъ, что годъ этотъ (двадцатый въ существованіи Музея) былъ исключительнымъ въ томъ смыслѣ, что всѣ наличныя силы Музея были направлены не на обогащеніе Музея новыми предметами, а на участіе его въ Нижегородской Всероссійской Выставкѣ. Музей выставилъ въ Нижнемъ систематизованное и принаряженное для выставки собраніе въ 2111 номеровъ, разбитыхъ на 58 группъ, изъ коихъ 11 группъ и 460 номеровъ принадлежало археологіи. Для устройства выставки много потрудились: А. В. Адріановъ, Н. М. Мартьяновъ, Н. И. Тропинъ и др. Но и пополненіе Музея предметами и свѣдѣніями продолжалось и въ 1896 г. Опуская пріобрѣтенія по естественно-историческому и промышленному отдѣлу, укажемъ этнографическую латышскую коллекцію въ 237 номеровъ, пожертвованную складчиной отъ латышской колоніи Нижней Буланки; въ отдѣлъ палеонтологическій поступило значительное количество окаменѣлостей и костей потретичныхъ животныхъ; въ археологическій отдѣлъ поступили: изъ раскопокъ А. В. Адріанова, произведенныхъ по порученію Имп. Арх. Коммиссіи,—черепа и глиняные сосуды, и отъ разныхъ жертвователей предметы, преимущественно мѣдные и желѣзные.

Въ 1896 г. числилось въ палеонтологической секціи естественно-историческаго отдѣла 1132 номера, въ антрополого-этнографическомъ отдѣлѣ—1577, въ археологическомъ —11392. Средства этого образцоваго изъ русскихъ областныхъ музеевъ доселѣ очень невелики: въ прошломъ году въ приходѣ было 435 р., изъ коихъ 200 р. отъ Енисейскаго губернатора и 200 р. отъ Минусинской городской управы.

Если Музей при столь скудныхъ средствахъ можетъ и существовать и развиваться, то этимъ онъ прежде всего обязанъ завѣдующему Музеемъ Н. М. Мартьянову, который среди трудовой жизни, при своихъ скромныхъ средствахъ, отдавая Музею весь свой столь невеликій досугъ, возвелъ это учрежденіе на ту высоту, на которой оно стоитъ теперь.

Въ нынѣшнемъ году Н. М. совершилъ весной нѣсколько поѣздокъ въ мало изслѣдованныя южныя части Минусинскаго округа. Помимо свѣдѣній географическихъ и естественно-историческихъ, помимо обширныхъ минералогическихъ и ботаническихъ собраній, сдѣланныхъ на мѣстѣ, Н. М. привезъ изъ поѣздокъ и рядъ замѣтокъ археологическихъ. Одна изъ нихъ такъ сообщается къ отчетѣ Музея: „Встрѣченный въ верхнемъ теченіи р. Аскыза (притокъ Абакана) могильникъ (джатосъ) еще разъ подтвердилъ сдѣланное ранѣе экскурсантомъ наблюденіе, что строители этихъ могильниковъ, живя

въ разныхъ пунктахъ извѣстнаго района, имѣли общее кладбище, но украшали могилы своихъ сородичей камнями, привезенными съ мѣста ихъ жительства. Почти всѣ аналогичные могильники западной половины Минусинскаго округа подтверждаютъ этотъ фактъ. Имѣющіеся въ Музеѣ образцы горныхъ породъ изъ окрестностей такихъ могильниковъ даютъ возможность указать на первоначальное мѣстонахожденіе этихъ памятниковъ и опредѣлить приблизительно мѣстожительство ихъ строителей. Аскызскій могильникъ даетъ незамѣнимый матеріалъ для рѣшенія этого вопроса: оголенныя отъ лѣса утесистыя горы въ окрестностяхъ могильника не потребуютъ много труда и времени для провѣрки этой гипотезы. Здѣсь же на одной изъ могилъ стоитъ столбъ изъ очень рѣдкаго синяго матеріала—главкофана, мѣсторожденіе котораго констатировано не ближе 10 верстъ отъ этого могильника".

Лѣтомъ Н. М. совершилъ обширную поѣздку по Европейской Россіи и на Кавказъ, по иниціативѣ и на средства Евд. Петр. Кузнецовой, которая, предлагая Музею для этой цѣли 1000 р., отмѣчала высокую цѣнность трудовъ Н. М. для Музея, пользу отъ такой поѣздки для учрежденія и благотворность поѣздки для самого Н. М., который, задержанный трудомъ, 23 года не выѣзжалъ изъ Енисейской губ. Такимъ образомъ, завѣдующій Музеемъ „имѣлъ возможность побывать во многихъ мѣстахъ средней и южной Россіи и на Кавказѣ, сравнить природу этихъ мѣстъ съ природой Минусинскаго края, повидаться съ учеными спеціалистами, завести новыя знакомства, полезныя для Музея, опредѣлить нѣкоторые музейные предметы и ознакомиться съ новыми пріемами собиранія и сохраненія музейнаго матеріала, побывать на выставкахъ: Всероссійской и Рижскихъ—археологической и латышской, на Рижскомъ археологическомъ съѣздѣ, побывать въ библіотекахъ и музеяхъ и позаниматься въ ботаническихъ садахъ и кабинетахъ Петербурга, Москвы, Риги, Варшавы, Кіева, Одессы, Батума, Севастополя, Тифлиса, Н.-Новгорода, Твери, Пензы, Екатеринбурга, Томска и Красноярска". Все это Н. М. успѣлъ сдѣлать въ четыре мѣсяца, побывавъ при этомъ два раза въ Нижнемъ ради вещей, посланныхъ Музеемъ на Выставку. Поѣздка эта „между прочимъ обогатила библіотеку Музея цѣнными спеціальными сочиненіями, поступившими пожертвованіемъ отъ многихъ лицъ и учрежденій". Въ самомъ дѣлѣ, въ 1896 г. пожертвовано въ библіотеку отъ 73 учрежденій и 53 частныхъ лицъ свыше 750 названій, на сумму болѣе 1600 р. Всего нынѣ въ Минусинской библіотекѣ числится около 13800 названій (17700 томовъ). Доходы библіотеки были 321 р. (почти поровну: отъ Думы, съ любительскаго спектакля, отъ подписчиковъ библіотеки); расходы—437 руб. Сибирскія редакціи высылаютъ свои изданія въ библіотеку безплатно. Изъ европейскихъ общихъ изданій безплатно высылаются лишь „Спб. Вѣдомости". *С. О.*

А. Н. Зерцаловъ въ собраніи „Актовъ XVI—XVII вв.", извлеченныхъ изъ документовъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, опублико-

валъ чертежъ и описаніе части Москвы (улицъ Маросейки и Ильинки и части Красной площади). Чертежъ представляетъ мѣстность, по которой направлялись послы въ Кремль. Въ столбцѣ, изъ котораго извлеченъ г. Зерцаловымъ планъ *(Моск. Стола Разряда, № 482)*, находятся два чертежа совершенно тождественныхъ, изъ которыхъ одинъ составленъ въ августѣ 178 г., а другой въ 180 г.; первый представляетъ черновикъ, а второй—бѣловой чертежъ. На планѣ отмѣчены церкви, торговые ряды и дворы; нѣкоторые изъ послѣднихъ съ указаніемъ владѣльцевъ; помѣчена также ширина улицъ и переулковъ. Обоимъ чертежамъ сдѣлано описаніе. При составленіи чертежей, очевидно, имѣлась въ виду практическая цѣль, именно облегченіе при разстановкѣ лицъ, долженствующихъ присутствовать на пути слѣдованія пословъ, какъ это между прочимъ выясняется и изъ самого заглавія столбца: „столпъ, а въ немъ списки головамъ и сотеннымъ людямъ о встрѣчѣ пословъ и гдѣ которымъ сотнямъ по указнымъ мѣстамъ стоять, и кому тѣхъ пословъ до которыхъ мѣстъ провожать, и у кого какіе наряды и гремячіе и подводные цѣпи“.

— Въ № 2 восьмого тома *Anthropologie* (1897 г.) г. Патрони приступилъ къ печатанію чрезвычайно интересной работы подъ заглавіемъ *La civilisation primitive dans la Sicile orientale*. Многочисленныя раскопки, производившіяся въ восточной Сициліи, преимущественно подъ руководствомъ директора Сиракузскаго музея г. Паоло Орси, привели къ накопленію обширнаго матеріала, давно уже требовавшаго объединенія: эту работу взялъ на себя г. Патрони. Классифицируя и научно освѣщая богатыя коллекціи Сиракузскаго музея, авторъ начинаетъ изложеніе съ памятниковъ палеолитической эпохи. Въ отношеніи многихъ вопросовъ онъ старается дополнить и видоизмѣнить нѣкоторые выводы г. Орси, въ частности расходится съ нимъ и въ опредѣленіи національности, оставившей памятники отъ эпохи начала употребленія металловъ. Статья иллюстрирована довольно значительнымъ количествомъ рисунковъ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Т. I. Ц. 10 р. Т. II. Ц. 8 р. Т. III. Ц. 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р. Т. II. Цѣна 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2—3 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г. Ц. 6 р.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р. Вып. II. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., Ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
Томъ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Древности Ярославскія и Ростовскія. Ц. 3 р.

Археологическая карта Кіевской губерніи. 1897. Ц. 2 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти арх. Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревскаго. Ц. 1 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1896 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р. Продается безъ уступки.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№ 11.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ № 11.

Стр.

I. **А. В. Орѣшниковъ.** Замѣтка о потирѣ Переяславль-Залѣсскаго собора 337

II. Археологическая хроника 345

III. Засѣданія Обществъ 357

IV. Библіографія 360

А. М. Павлиновъ. Некрологъ 368

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

1957
1962 г.

1897 г. № 11

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

1945 г. БИБЛИОТЕКА НИ Института Краеведческой и Музейной работы

Замѣтка о потирѣ Переяславль-Залѣсскаго собора.

Покойный К. Н. Тихонравовъ въ своей статьѣ „Переяславскій ботикъ Петра Великаго“ [1]), при описаніи Преображенскаго собора въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, упоминаетъ о серебряныхъ сосудахъ, признающихся, по преданію, вкладомъ основателя собора, кн. Юрія Владиміровича Долгорукаго. Изъ сосудовъ Тихонравовъ кратко описываетъ только одинъ потиръ, о прочихъ не касается. Лѣтомъ 1897 г., посѣтивъ Переяславль-Залѣсскій, я осмотрѣлъ древній соборъ, гдѣ, однако, сосудовъ, упомянутыхъ Тихонравовымъ, не

Рис. 50.

[1]) См. „Русскія достопамятности“, изд. А. Мартынова, т. II.

оказалось, но, при осмотрѣ ризницы новаго собора, построеннаго въ половинѣ XVIII стол., богатой превосходными предметами церковнаго обихода, преимущественно XVII стол., протоіерей Алексѣй Александровичъ Дилигенскій, съ величайшею предупредительностію оказавшій содѣйствіе при осмотрѣ ризницы, указалъ на три предмета, считаемые за вкладъ князя Юрія Долгорукаго: серебряные потиръ, дискосъ и звѣздицу.

При первомъ взглядѣ, потиръ оказался несомнѣнно тѣмъ, который описываетъ Тихонравовъ, и представляетъ самый замѣчательный изъ трехъ предметовъ, относимыхъ ко времени Юрія Долгорукаго. Въ виду археологическаго и художественнаго интереса потира, я прилагаю его изображеніе (см. рис. 50) и краткое описаніе, желая тѣмъ обратить вниманіе спеціалистовъ на этотъ памятникъ русскаго художества. Потиръ состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ частей: чаши, изображенія и надписи которой исполнены рѣзцомъ, и поддона, чеканной работы. Вышина сосуда $5^{7}/_{8}$ вершка. Изображенія святыхъ на чашѣ, завитки

Рис 51.

Рис. 52.

и сплюснутый шаръ поддона покрыты позолотою. Чаша украшена шестью погрудными изображеніями въ двойныхъ линейныхъ кругахъ: Спасителя въ кресчатомъ вѣнцѣ, впрямь, съ благословляющею десницею и съ Евангеліемъ, по сторонамъ **ІС ХС** (см. рис. 51); слѣва отъ Христа Богоматерь съ приподнятыми руками въ полуоборотѣ вправо, по сторонамъ **МНР** (всѣ 3 буквы слитны) **ОѴ** (ошибкою вмѣсто **ѲѴ**) и архангелъ Михаилъ, $^{3}/_{4}$ вправо, со слегка наклоненною головою и съ короткими крыльями, по сторонамъ **ОА МН** (обѣ буквы слитны); съ правой стороны отъ Христа св. Іоаннъ Предтеча, $^{3}/_{4}$ влѣво, съ приподнятыми руками, по сторонамъ **Ⓐ Ю** и, наконецъ, архангелъ Гавріилъ, подобный арх. Михаилу, но $^{3}/_{4}$ влѣво, по сторонамъ **ОА ГѲ**. Съ задней стороны потира изображенъ св. вел. Георгій, впрямь (см. рис. 52),

съ прижатою къ груди рукою, въ которой долженъ былъ находиться крестъ, всегда влагаемый на изображеніяхъ въ руки мучениковъ, но, по забывчивости художника или вслѣдствіе того, что рѣзьба потира по какимъ-либо причинамъ не была окончена, на этомъ изображеніи не помѣщенный; по сторонамъ надпись русскими буквами **АГІОС** (въ 3 строки) **ГЄѲРЬГІОС** (въ 5 строкъ). Знакъ, находящійся въ концѣ **АГІОС** едва ли буква **Ъ**, но, вѣроятно, украшеніе, помѣщенное для заполненія пустого мѣста. По краю чаши вырѣзана надпись, передаваемая здѣсь (см. рис. 53) въ возможно точной копіи:

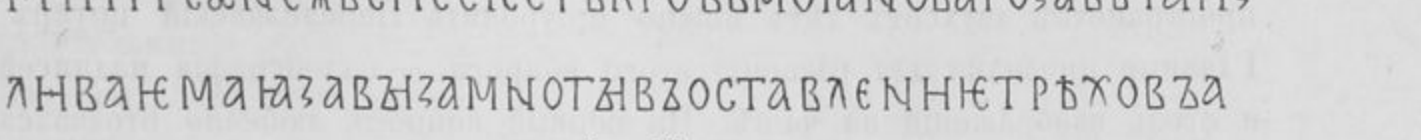


Рис. 53.

Преданіе, сохранившееся въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, что этотъ сосудъ—вкладъ въ соборъ самого основателя его, кн. Юрія Долгорукаго, подтверждается К. Н. Тихонравовымъ, какъ изображеніемъ на потирѣ св. влкмч. Георгія, которому тезоименитъ былъ князь, такъ и палеографическими признаками надписи, при чемъ авторъ сравниваетъ буквы надписи съ памятниками письменности XII вѣка, изд. еп. Саввою въ „Палеографич. снимкахъ съ рукописей Моск. Синод. библ.“, т. 22-я.

Изображеніе св. Георгія,—ангела кн. Юрія Долгорукаго,—даетъ первое указаніе на основателя Переяславля-Залѣсскаго, если то не было какое-нибудь частное лицо, носившее имя Георгія. Обычай помѣщать изображенія своихъ патроновъ на иконахъ въ видѣ Предстоящихъ, а иногда просто въ отдѣльныхъ изображеніяхъ на поляхъ иконъ или на створкахъ складней, куда вставлялась семейная или родовая икона, былъ распространенъ въ старину, чему мы видимъ не мало примѣровъ (хотя изъ временъ позже XII ст.), сохранившихся въ храмахъ, такъ что видѣть въ изображеніи св. Георгія именно ангела вкладчика, а не изображеніе святого, въ память котораго построена церковь, въ которую былъ данъ потиръ, вполнѣ допустимо. Если нашъ потиръ издавна составлялъ принадлежность Переяславскаго собора, то изъ историческихъ лицъ, причастныхъ къ исторіи Переяславля, которыя могли быть вкладчиками церковныхъ сосудовъ, можно указать на троихъ, носившихъ имя Георгія или Юрія: первый, упомянутый сынъ Владиміра Мономаха, Юрій Долгорукій († 1157 г.), основавшій въ 1152 г. Преображенскій соборъ, существующій донынѣ. Другой, князь Юрій, бывшій въ Переяславлѣ, былъ сынъ Даніила Александровича Московскаго, которому

послѣдній князь Переяславскій Иванъ Дмитріевичъ въ 1302 г. отказалъ свою отчину по духовному завѣщанію. Юрій Даниловичъ былъ въ Переяславлѣ, когда умеръ отецъ, и Переяславцы, не желая имѣть княземъ старшаго брата Даніила, Андрея,—„яшася за сына его (Даніила), за князя за Юрья и не пустиша его и на погребеніе отче“ (П. С. Р. Л. VII, 183). Наконецъ, въ Переяславлѣ въ 1374 г. родился сынъ Димитрія Донского Юрій, впослѣдствіи извѣстный князь Галицкій, при чемъ воспреемникомъ его былъ преп. Сергій Радонежскій. Всѣ упомянутые князья могли быть вкладчиками потира, и, такимъ образомъ, изслѣдователю предоставляется рѣшить вопросъ, къ которому изъ князей на пространствѣ двухсотъ лѣтъ можно пріурочить Переяславскій потиръ. Главные признаки для рѣшенія этого вопроса — палеографія надписей и стиль изображеній на чашѣ. На первый вопросъ любезно отозвался В. Н. Щепкинъ, котораго объясненіе палеографическихъ и другихъ особенностей надписей потира здѣсь помѣщаемъ:

„Главная надпись (см. рис. 53) по начертанію буквъ безъ колебанія можетъ быть отнесена къ XII вѣку. Почти всѣ типы буквъ этой надписи могутъ быть указаны уже въ памятникахъ XI вѣка, но въ рисункѣ болѣе стильномъ и изящномъ; извѣстнаго рода простота начертаній, являясь на памятникѣ столь значительной художественной цѣнности, какъ издаваемый потиръ, должна быть объясняема, безъ сомнѣнія, не недостаткомъ тщательности въ изображеніи буквъ, а господствующими графическими пріемами эпохи, — соображеніе, не позволяющее относить надпись въ древность далѣе XII вѣка. Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать, чтобы надпись была позднѣйшаго происхожденія: ея начертанія не содержатъ даже первыхъ слѣдовъ тѣхъ графическихъ измѣненій, которыя наступили въ XIII вѣкѣ.

Надпись изображена съ извѣстнымъ разсчетомъ вдоль края потира: она размѣщена равномѣрно и умѣстилась безъ сокращеній и безъ суживанья отдѣльныхъ буквъ; только начальное **пніте** и буквы **т а н** (**ѕакѣ-та н-ѕликаємаѧ**), составляющія конецъ первой половины надписи, начертены нѣсколько шире остальнаго [1]). Систематическій пропускъ непроизносившихся полугласныхъ въ срединѣ слова: **всн** (вм. **вьсн**), **нѕликаємаѧ** (вм. **нѕъ-**), **многы** (вм. **мън-**), можетъ быть объясняемъ, какъ экономіей мѣста, такъ и эпохой надписи.

Надпись обнаруживаетъ особаго рода стиль, который можно наблюдать на художественныхъ памятникахъ съ надписями начиная съ XI

[1]) Надпись, считая и начальный крестикъ, содержитъ 80 знаковъ, изъ которыхъ 3, слѣдующее за буквами тан, занимаетъ сорокъ первое мѣсто.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

вѣка и до народныхъ памятниковъ нашего столѣтія. Стиль обусловленъ требованіями красоты и соразмѣрности, очень часто также — помѣщеніемъ надписей въ ободкѣ изъ двухъ параллельныхъ линій, въ такихъ частяхъ бытового предмета, которыя бываютъ предназначаемы для орнамента. Буквы должны въ такомъ случаѣ итти ровной и связной лентой; ни одна изъ нихъ не должна выступать изъ границъ строки ни вверхъ, ни внизъ. Вотъ почему въ нашей надписи надстрочное т въ ѿ помѣщено въ самую строку, для чего въ свою очередь уменьшена высота буквы ѡ. Равнымъ образомъ помѣщены въ строку ꙁ и х, которыя обыкновенно спускаются хвостами своими ниже строки. Буквы не должны быть также отдѣляемы значительными пустыми пространствами одна отъ другой. Вотъ почему вѣроятно, буквы съ узкимъ верхомъ: а, л, ѧ получаютъ особаго рода орнаментальную черту (навѣсъ) вверху влѣво: этимъ заполняется пустота вверху строки; ту же черту влѣво изъ соображеній красоты получила, повидимому, въ нашей надписи и буква г (два раза), чѣмъ обусловлено ея смѣшеніе съ т. Быть можетъ, верхняя горизонтальная линія буквы ь въ словѣ ѥсть также въ цѣляхъ красоты продолжена вправо. Этотъ стиль перешелъ въ славянское письмо изъ Византіи уже въ сложившемся видѣ.

Приведемъ нѣкоторыя параллели къ отдѣльнымъ типамъ нашей надписи: х и ꙁ совершенно такого стиля, какъ въ нашей надписи, находимъ на фрескахъ конца XII вѣка въ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода: х въ надписи Хрѣстина, ꙁ въ словѣ ꙁлыѧ на извѣстной вотивной фрескѣ, содержащей изображеніе князя съ храмомъ въ рукѣ передъ Христомъ, сидящемъ на тронѣ. То же самое слово вотивной надписи содержитъ и буквы л, ы, ѧ, вполнѣ сходныя съ начертаніями нашей надписи. Изъ болѣе древнихъ памятниковъ совершенно такія же начертанія а, ы, л и ѧ находимъ на алтарной мозаикѣ начала XII вѣка въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ. На другой мозаикѣ того же монастыря лигатура аг (сокращенное ἅγιος) можетъ быть прочтена и какъ ат вслѣдствіе того, что „навѣсъ“ буквы а слился съ верхомъ буквы г, ср. г сходное съ т на издаваемой надписи потира. Буква и съ красиво изогнутой перекладиной можетъ быть указана на одной Спасо-Нередицкой фрескѣ (имя „Доментіанъ“).

Главная надпись обнаруживаетъ русскаго рѣзчика: ь въ сл. ѥсть и о вм. ъ въ словѣ кровь, лє вм. лѥ въ сл. оставлєниѥ, а также ѧ вм. ꙗ въ сл. нєѧ — всего естественнѣе объяснить изъ русской графики. Но замѣчательно, что надпись не заключаетъ ни одного грубаго руссизма: носовое ѧ еще не смѣшивается съ ꙗ, ѥ послѣдовательно выдерживается въ началѣ слога. Въ мастерской, изъ которой вышелъ потиръ,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

очевидно, были подъ рукою прекрасные, вполнѣ грамотные образцы старославянскихъ надписей для церковной утвари.

Надпись потира можетъ быть разсматриваема также со стороны своего текста. Основанная на ст. 27—28 гл. XXVI отъ Матѳея, она уже содержитъ вставку ꙁа вы, заимствуемую евхаристическими надписями изъ текста Евангелія отъ Луки XXII, 19 — 20. Чтеніемъ **оставлєниѥ** наша надпись сходится съ Остроміровымъ Евангеліемъ и съ надписью на алтарной мозаикѣ Михайловскаго Златоверхаго монастыря, м. т. к. остальные древнѣйшіе тексты славянскаго евангелія (югославянскіе, или такъ наз. „паннонскіе") имѣютъ чтеніе **отъданиє** или **отъпоущєниє**. Подобно Остромірову Евангелію и Михайловской фрескѣ наша надпись имѣетъ также род. **грѣховъ**, вм. дат. **грѣхомъ**, находимаго въ остальныхъ древнѣйшихъ спискахъ Евангелія. Обѣ эти особенности до извѣстной степени также говорятъ о русской редакціи надписи потира. Всего болѣе поражаетъ наша надпись чтеніемъ **изливаѥмаꙗ**: не только всѣ древнѣйшіе списки славянскаго Евангелія, въ томъ числѣ и Остроміровъ, но также и позднѣйшіе, до XIV вѣка включительно, имѣютъ чтеніе **проливаѥмаꙗ**. Нѣтъ сомнѣнія, что это послѣднее чтеніе даетъ и лучшій смыслъ, такъ какъ **изливати** значитъ не „проливать", а „выливать"; **из-** замѣнило болѣе умѣстное **про-** вслѣдствіе желанія старыхъ грамотеевъ дать греческому предлогу *ἐκ* дословный переводъ *(ἐκχυννόμενον)*, независимо отъ общаго смысла всего глагола. Черта эта была бы странной въ надписи столь почтенной древности, если бы мы не имѣли свидѣтельства, что упомянутая тенденція грамотеевъ сказалась уже очень рано, при томъ не только на бытовыхъ памятникахъ и въ Россіи, но также въ книжности и еще на славянскомъ югѣ. Написаніе **ї҆зливаємаѧ** читается также на алтарной фрескѣ Михайловскаго монастыря. Но что важнѣе,—глаголическій сборникъ барона Клоца (Glagolita Clozianus), причисляемый къ древнѣйшимъ памятникамъ старославянскаго языка, въ одномъ изъ своихъ поученій имѣетъ цитату изъ Мѳ. XXVI, 27—28, въ слѣдующемъ видѣ:

„**сє єстъ кръв(ь) моѣ изливаєма ꙁа вы въ оставлєньє грѣхомъ**".

Надписи, читаемыя при священныхъ изображеніяхъ, по стилю вполнѣ сходны съ главной надписью: достаточно указать на **Х** въ надписи **ІС ХС** и на **А** въ надписи **АГНОС ГЄѠРЬГНОС**; эта послѣдняя надпись обличаетъ славянина: **Ь** указываетъ на традиціи древнѣйшей славянской письменности, будемъ ли мы понимать дѣло такъ, что **Ь** появилось здѣсь въ словѣ заимствованномъ, для избѣжанія неудобной группы согласныхъ, или только для заполненія конца строки. Это **Ь**

русскіе рѣзчики могли найти уже въ югославянскихъ образцахъ иконныхъ приписей".

Объясненіе В. Н. Щепкинымъ надписи въ значительной степени рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи мастера, рѣзавшаго изображенія святыхъ. Если всѣ признаки говорятъ, что надпись есть дѣло рукъ русскаго мастера XII вѣка, то едва-ли можно допустить, чтобы изображенія на чашѣ дѣлалъ другой художникъ Грекъ, а не Русскій. Всѣ изображенія исполнены очень изящнымъ и твердымъ рѣзцомъ, прекраснаго стиля, который особенно выдѣляется на изображеніяхъ Богоматери, Іоанна и обоихъ ангеловъ. Характеръ ихъ имѣетъ много общаго съ фресковыми иконами XII вѣка Спасо-Нередицкой церкви въ Новгородѣ и церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ, такъ что русскій мастеръ-серебренникъ, дѣлавшій чашу, вѣроятно, принадлежалъ къ той школѣ мастеровъ, которая образовалась у насъ подъ вліяніемъ прибывшихъ изъ Византіи художниковъ, вызванныхъ на Русь потребностью украшать живописью и произведеніями золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерства все болѣе и болѣе увеличивавшееся число храмовъ. Кромѣ своего художественнаго значенія, чаша представляетъ интересъ, какъ рѣдкій образецъ русской рѣзьбы по серебру XII вѣка, и, какъ остатокъ до-монгольской старины, должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду художественно-историческихъ памятниковъ [1]), уцѣлѣвшихъ въ небольшомъ количествѣ отъ тѣхъ цѣнныхъ и многочисленныхъ вкладовъ въ храмы, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, на которые особенно былъ щедръ Андрей Боголюбскій [2]).

Нижняя часть потира исполнена чеканкою и орнаментъ ея не носитъ тѣхъ признаковъ, которые дозволили бы отнести его къ XII вѣку. Повидимому, нижняя часть потира была сдѣлана значительно позже, можетъ быть даже, судя по орнаменту, въ XVI или XVII вѣкѣ вмѣсто прежней, обветшавшей.

Фотографіи съ дискоса, къ сожалѣнію, я не могъ снять, а потому подробное его описаніе откладываю до другого раза.

По первому впечатлѣнію дискосъ представился мнѣ иной работы, нежели потиръ, и, можетъ быть, сдѣланъ нѣсколько позже. Посреди изображенъ Агнецъ въ видѣ младенца Іисуса въ крестчатомъ вѣнчикѣ, лежащаго въ чашѣ и покрытаго звѣздицею. Изображеніе на дискосѣ сдѣлано грубѣе, чѣмъ на чашѣ. По краю дискоса вырѣзана надпись по заштрихованному полю:

---

[1]) Напр., шеломъ Ярослава Всеволодовича, хранящійся въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

[2]) См. Аристовъ, Промышленность древней Руси, стр. 121 (Спб. 1866 г.).

ПРИМИТЄ ѢДИТЄ СЄ ЄСТЬ ТѢЛО МОЄ ЄЖЄ ѮА ВЫ ЛОМИМОЄ ВО ОСТАВЛЄНЬЄ ГРѢХОВЬ (Г и Р слитны) [1]).

Ширина дискоса равна вышинѣ потира, т.-е. $5^7/_8$ в.

Что же касается звѣздицы, состоящей изъ двухъ согнутыхъ серебряныхъ гладкихъ пластинокъ, соединенныхъ круглою бляшкой позднѣйшей работы, съ изображеніемъ креста, то отсутствіе на ней какого-либо орнамента, не позволяетъ ничего сказать о ея древности.

Считая потиръ княжескимъ вкладомъ въ соборъ, я думаю, что жертвователемъ былъ не князь Юрій Долгорукій, а сынъ его Андрей Боголюбскій, такъ какъ Преображенскій соборъ въ Переяславлѣ былъ выстроенъ имъ, а Юрій лишь только заложилъ его, что видно изъ слѣдующихъ словъ Лаврентьевской лѣтописи (П. С. Р. Л. I, 149): „Того же лѣта (6665 = 1157) Ростовци и Суждальци сдумавше вси пояша Андрѣя сына его (Юрія) старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали, занеже бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имяше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ, тѣмже и по смерти отца своего велику память створи: церкви украси, и манастыри постави, и *церковь сконча, юже бѣ заложилъ преже отецъ его, святаго Спаса камену* („въ Переяславли новѣмъ“ прибавлено въ *Р. Т.*)“.

Вѣроятно, церковные сосуды были даны въ соборъ уже послѣ окончанія постройки, и изображеніе св. Георгія на потирѣ было сдѣлано въ память основателя собора его сыномъ Андреемъ. Самый соборъ, т.-е. стѣны, сохранились прекрасно и даютъ полное понятіе о его архитектурѣ. Но далеко нельзя того сказать о внутренней росписи собора. Еще Артлебенъ въ своей статьѣ „По вопросу объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ“ (Труды I Археолог. Съѣзда, стр. 297) говоритъ: „Въ соборѣ на сводѣ, подъ хорами, открыты были мною, подъ слоемъ побѣлки, древнія фрески, представляющія сидящихъ апостоловъ съ раскрытыми книгами, на которыхъ написаны ихъ имена; сзади апостоловъ стоятъ ангелы. Признаки фресокъ есть и въ другихъ мѣстахъ внутри собора, что замѣтно по цвѣтнымъ пятнамъ, сквозящимъ черезъ побѣлку“. Но при реставраціи не воспользовались этими драгоцѣнными остатками живописи временъ Андрея Боголюбскаго и вмѣсто изображеній реставраторъ росписалъ стѣны византійскими крестами и орнаментомъ, хотя старую живопись легко можно было возстановить по существующимъ до сихъ поръ прорисямъ, снятымъ съ остатковъ прежнихъ фресокъ и хранящихся у художника-иконописца Н. М. Сафонова. Един-

[1]) Палеографическіе признаки надписи на дискосѣ, насколько я могу судить, заставляютъ его отнести ко времени во всякомъ случаѣ не позже XIV—XV вѣка.

ственный остатокъ древней фрески Преображенскаго собора, изображающій двѣ головы апостоловъ, находится въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.

Въ заключеніе упомяну о древнемъ земляномъ валѣ, около котораго стоитъ соборъ. Валъ насыпанъ послѣ постройки Преображенскаго собора при князѣ Всеволодѣ Юрьевичѣ въ 1195 г.: „Того же лѣта (6703=1195) заложи благовѣрный и христолюбивый князь Всеволодъ Юргевичь градъ Переяславль мѣсяца Іуля въ 29 д. .... того же лѣта и срубленъ бысть“ (П. С. Р. Л., I, 173), т.-е. на валу была поставлена деревянная стѣна. Валъ прекрасно сохранился до сего времени, стѣны же разобраны въ прошломъ столѣтіи (въ 1759 г.) и напрасно г. Экземплярскій (Великіе и удѣльные князья, II, стр. 3) говоритъ, что валъ срытъ по указу Сената въ прошломъ столѣтіи.

А. Орѣшниковъ.

II.

Археологическая хроника.

—— Недавно Историческимъ Музеемъ пріобрѣтены три памятника, происходящіе изъ с. Пуреха (Нижег. губ.), отчины знаменитаго князя Д. М. Пожарскаго. Памятники состоятъ изъ серебрянаго кадила и двухъ мѣдныхъ посеребреныхъ паникадилъ. Всѣ имѣютъ надписи. Серебряное кадило, обычной формы съ цѣпями, украшено чеканными пупышами, покрытыми нарѣзнымъ орнаментомъ, довольно тонкой работы, имѣетъ слѣдующую надпись вязью: „Лѣта 7148 году даль сие кардило [1]) в вдомъ всемилостиваго Спаса и великаго чюдотворца Макария князь Петръ Дмитреевичь Пожарской по матери своей по княгине Парасковье Варѳоломѣевне въ вотъчину отца своего боярина князь Дмитрея Михаиловича Пожарского“. Оба паникадила небольшія (около 1 арш. вышины) двухъярусныя, украшены двуглавыми орлами; перья одного паникадила, имѣющія изображенія человѣческихъ и звѣриныхъ головъ, сдѣланы, вѣроятно, по нѣмецкому образцу. На яблокѣ одного паникадила вырѣзана слѣдующая надпись вязью: „Лѣта 7148-го мѣсяца маія въ 7 день дала сіе паникадило боярина князя Дмитреева княгиня Михаиловича Пожарского княгиня Феодора Андрѣевна въ Нижегородцкой оуѣздъ в вотчинѣ своеи Пуреской волости в монастырь в домъ все-

---

1) Ошибкою, вмѣсто кандило.

милостиваго Спаса боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа преподобныхъ богоносныхъ отецъ нашихъ Макарія Желтоводскаго і Оунежьскаго чюдотворца і Александра Свирскаго чюдотворца і Евфимія Суждальскаго чюдотворца при первоначальномъ игуменѣ Евѳиміи". На нижней части веретена другого паникадила вырѣзана вязью слѣдующая надпись: „Лѣта 7148-го мѣсяца Маія въ 16 день дали сіе паникадило въ домъ боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и преподобнаго Макарія Желтоводскаго і оунежьскаго чюдотворца боярина князя Димитрія Михаиловича Пожарскаго всякихъ чиновъ дворовые его люди в монастырь в вотчинѣ его въ Пуреской волости". Всѣ три вклада относятся къ 1640 году, когда еще былъ живъ кн. Д. М. Пожарскій († 1642 г.). Сдѣланы вклады: его сыномъ кн. Петромъ Дмитріевичемъ по умершей матери своей Прасковьѣ Варѳоломеевнѣ, супругѣ князя Дмитрія Михайловича; затѣмъ—княгинею Ѳеодорою Андреевною, второю супругою князя Дмитрія Михайловича и, наконецъ,—его дворовыми людьми.

Упоминаемый въ надписяхъ Спасо-Преображенскій монастырь въ Пурехѣ, отчинѣ кн. Пожарскаго, былъ основанъ кн. Д. М. Пожарскимъ. Отъ монастыря уцѣлѣла до нынѣ церковь и колокольня. Въ церкви до сихъ поръ сохраняются вклады князей Пожарскихъ, описанные въ статьѣ П. И. Мельникова „Нижній Новгородъ и нижегородцы въ смутное время". (Отеч. Зап. 1843 г. II, стр. 25—26).

—— Кіевское отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству XI археологическаго съѣзда озабочено собираніемъ свѣдѣній о коллекціяхъ древностей въ Юго-Западномъ краѣ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Организаціонный комитетъ предполагаетъ привлечь владѣльцевъ музеевъ и собраній предметовъ старины къ участію въ цѣлой серіи выставокъ, которыя будутъ устроены во время съѣзда. Юго-Западный край особенно богатъ коллекціями, такъ какъ большинство крупныхъ польскихъ землевладѣльцевъ — большіе любители древностей. Старинные и знаменитые роды, какъ, напримѣръ, кн. Сангушки, гр. Потоцкіе, гр. Сабанскіе, кн. Любомирскіе, гр. Браницкіе, кромѣ собраній древностей, иногда весьма цѣнныхъ, имѣютъ богатые архивы, документы и разнаго рода акты которыхъ представляютъ большой матеріалъ для разработки историковъ. Къ сожалѣнію, доступъ въ подобнаго рода хранилища весьма труденъ. Напр., всѣ попытки изслѣдователей ознакомиться съ обширнымъ архивомъ кн. Сангушка въ м. Славутѣ, Волынской губ., не увѣнчались успѣхомъ. Насколько обширны эти архивы, можно судить по издаваемому нынѣ во Львовѣ описанію архива въ Славутѣ. Вышло уже четыре тома большого формата, содержащіе болѣе важные документы и акты. Съ тече-

ніемъ времени цѣлыя коллекціи польскихъ магнатовъ исчезаютъ изъ Россіи и попадаютъ въ собранія Львова и Кракова. Организаціонный комитетъ по устройству будущаго археологическаго съѣзда поставилъ себѣ задачею ознакомиться съ частными собраніями края, подробно ихъ описать и, если окажется возможнымъ, привлечь владѣльцевъ къ участію въ выставкѣ. Нѣкоторые уже изъявили на то согласіе.

Организаціонному комитету удалось собрать свѣдѣнія о слѣдующихъ коллекціяхъ: графа А. А. Бобринскаго въ Смѣлѣ, Кіевской губ. (описаніе этого богатаго собранія археологическихъ предметовъ, результатъ многолѣтнихъ раскопокъ, сдѣлано уже самимъ владѣльцемъ); кн. Лопухина-Демидова въ Корсунѣ, Кіевской губ.; Ю. Ѳ. Абазы въ Шполѣ, той же губ.; Н. Я. Тарновскаго въ с. Тростянцахъ, Каневскаго уѣзда; Е. А. Зноско-Боровскаго въ с. Берестнякахъ, Каневскаго уѣзда; В. К. Држесскаго въ с. Паріевкѣ, Литовецкаго уѣзда; Адама Волянскаго въ с. Руднѣ, Луцкаго уѣзда; барона Ѳ. Р. Штенгеля въ с. Городкѣ, Ровенскаго уѣзда; Л. Житинскаго въ с. Лагодовкѣ, Луцкаго уѣзда; Крестовоздвиженскаго братства въ Луцкѣ; С. Любы-Радзиминскаго въ с. Сивкахъ, Острожскаго уѣзда; Эд. Руликовскаго въ с. Высоцкѣ, Ровенскаго уѣзда; Владиміръ-Волынскаго братства, въ г. Владимірѣ-Волынскомъ; И. А. Орлова, близъ Кременца; г. Уварова въ с. Эмельчинѣ, Житомірскаго уѣзда; Волынскаго епархіальнаго древне-хранилища въ Житомірѣ; К. А. Пуласкаго въ с. Завадинцахъ, Каменецкаго уѣзда; Г. А. Венгржиновскаго въ Гайсинскомъ уѣздѣ; Мечислава Юрьевича, въ м. Бершадяхъ, Ольгопольскаго уѣзда; епархіальнаго древне-хранилища въ гор. Каменцѣ-Подольскомъ; К. Држевецкаго въ с. Купкахъ, Гайсинскаго уѣзда; графа К. Пржездецкаго, въ м. Черномъ Островѣ, Волынской губ.; г. Билицкаго въ с. Берлинцы-Лѣсовыхъ, Могилевскаго уѣзда; графа П. Грохольскаго въ с. Стрыжовкѣ, Винницкаго уѣзда; Самуила Копровскаго, въ с. Дитковичахъ, Ровенскаго уѣзда; г. Стыпулковскаго въ с. Тележинцахъ, Заславскаго уѣзда. Перечисленныхъ собраній древностей уже достаточно, чтобы судить, сколько частныхъ коллекцій находится въ краѣ. Значительное большинство этихъ собраній, какъ сказано, неизвѣстны археологамъ, а потому желательно бы имѣть хотя краткое ихъ описаніе. (Нов. Вр. № 7790, 1897 г.).

—— Возникшее въ Кіевѣ Общество древностей и искусствъ, несмотря на кратковременное свое существованіе (уставъ Общества утвержденъ въ февралѣ 1897 г.), занято въ настоящее время устройствомъ выставки древностей. Предсѣдателемъ Общества состоитъ графиня М. П. Мусина-Пушкина, а вице-предсѣдателемъ—извѣстный любитель древностей Б. И. Ханенко. Къ участію въ выставкѣ приглашены владѣльцы

различныхъ собраній древнихъ предметовъ, главнымъ образомъ относящихся къ Юго-Западному краю. Въ Кіевѣ есть нѣсколько лицъ, обладающихъ весьма цѣнными и интересными собраніями предметовъ старины. По количеству и цѣнности собранныхъ предметовъ коллекціи Б. И. Ханенка принадлежитъ едва-ли не первое мѣсто. Домъ его на Алексѣевской улицѣ представляетъ своего рода музей, въ которомъ, кромѣ картинной галлереи въ нѣсколько сотъ картинъ, находится множество археологическихъ рѣдкостей. Свое собраніе Б. И. Ханенко пополнялъ въ теченіе многихъ лѣтъ и не щадилъ ни труда, ни средствъ на пріобрѣтеніе различныхъ древностей и памятниковъ старины. Другое весьма цѣнное и интересное въ научномъ отношеніи собраніе принадлежитъ извѣстному археологу, профессору университета св. Владиміра В. Б. Антоновичу. Въ теченіе почти тридцати лѣтъ В. Б. Антоновичъ производилъ раскопки въ различныхъ мѣстностяхъ Юго-Западнаго края. Имъ разрыто нѣсколько тысячъ кургановъ. Въ коллекціи В. Б. Антоновича особенно богатъ отдѣлъ до-исторической археологіи: различнаго рода орудія каменнаго вѣка, бусы, украшенія и т. п. Значеніе собранія профессора Антоновича заключается главнымъ образомъ въ томъ, что ему извѣстны мѣста находокъ большинства предметовъ и условія, при которыхъ они найдены. Какъ опытный и ученый археологъ, профессоръ Антоновичъ велъ всегда самые подробные дневники своихъ раскопокъ. Большой интересъ представляетъ также собраніе до-историческихъ древностей г. Хвойка. На выставкѣ будетъ также выставлена замѣчательная коллекція К. В. Болсуновскаго, заключающаяся главнымъ образомъ въ собраніи дрогичинскихъ пломбъ. Коллекція г. Болсуновскаго имѣетъ важное значеніе для исторіи торговыхъ сношеній. Нѣсколько лѣтъ назадъ г. Болсуновскій издалъ цѣнный трудъ, въ которомъ даетъ описаніе важнѣйшихъ пломбъ своей коллекціи. На выставкѣ будетъ фигурировать также часть богатѣйшаго собранія извѣстнаго любителя малороссійской старины В. В. Тарновскаго. Свою коллекцію онъ принесъ въ даръ городу Чернигову, гдѣ она будетъ помѣщена въ такъ называемомъ Мазепинскомъ домѣ. Жаль, что онъ не нашелъ возможнымъ оставить ее въ Кіевѣ, гдѣ она заняла бы выдающееся мѣсто въ учреждаемомъ Обществомъ древностей и искусствъ историческомъ и торгово-промышленномъ музеѣ. Закладка этого музея происходила недавно. Нельзя также не упомянуть о собраніи г. Хайновскаго, который въ теченіе около тридцати лѣтъ занимается собираніемъ различныхъ древностей, главнымъ образомъ — художественныхъ предметовъ. Къ сожалѣнію, большинство предметовъ собранія г. Хайновскаго имѣютъ случайный характеръ.

Учрежденіе въ Кіевѣ историческаго и художественно-промышлен-

наго музея пополнить пробѣлъ, ощущаемый уже давно. Мысль учрежденія подобнаго музея принадлежитъ гр. А. П. Игнатьеву. Правительство пришло на помощь этому благому почину, и Государь Императоръ соизволилъ отпустить изъ государственнаго казначейства 50 тыс. рублей на сооруженіе зданія музея. Нѣкоторыя частныя лица, и въ томъ числѣ г. Терещенко, также оказали поддержку своими пожертвованіями. Зданіе обойдется около 200 тыс. руб. Въ Кіевѣ въ настоящее время существуетъ единственный музей, доступный для публики—это церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи, возникшій въ весьма скромныхъ размѣрахъ, но разросшійся въ богатое собраніе, заключающее до 20 тыс. предметовъ. Въ прошломъ году музей этотъ обогатился цѣнной коллекціей Леопардова, изъ 11 тыс. предметовъ. Покойный Леопардовъ въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ различныя древности и передъ смертью завѣщалъ свое богатое собраніе церковно-археологическому музею академіи. Своимъ развитіемъ музей обязанъ проф. Петрову. (Нов. Вр. № 7660, 1897 г.).

—— Нарва принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ, историческое прошлое которыхъ должно представлять огромный интересъ для русскаго человѣка. Мало гдѣ есть еще такъ хорошо сохранившіяся старинныя крѣпости, какъ въ Нарвѣ, а между тѣмъ имъ удѣляется очень мало вниманія и, кромѣ наружнаго вида, который еще кое-гдѣ и кое-какъ поддерживается, все остальное приходитъ въ страшный упадокъ. Особенно страдаетъ Ивангородъ, построенный и менѣе солидно, и слишкомъ раскинутый. Многія башни пришли уже въ такой видъ, что нечего и думать подниматься по нимъ, всѣ закоулки засорены, а всякаго рода подземные ходы, соединяющіе обѣ крѣпости, завалены и заброшены. Гораздо лучше поддерживается Нарвская, бывшая шведская, крѣпость, построенная солидно и украшенная огромной башней, болѣе полутораста футовъ высоты, откуда открывается чудный видъ во всѣ стороны верстъ на двадцать. Какъ историческій памятникъ, обѣ эти крѣпости, съ ихъ потайными ходами, огромными колодцами, желѣзными воротами и проч., заслуживаютъ большаго вниманія и лучшей участи. Чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше и меньше остается памятниковъ былого. А между тѣмъ въ Нарвѣ есть Археологическое Общество, основанное мѣстнымъ обществомъ гражданъ Большой гильдіи, въ вѣдѣніи котораго находится такъ называемый „Домикъ“ или „Дворецъ императора Петра I“. Въ вѣдѣніе этого общества и слѣдовало бы передать вышеназванныя крѣпости. Общество, назначивъ хотя бы десяти-копѣечную плату за входъ, могло бы на эти деньги содержать сторожа, слѣдившаго бы за чистотой и порядкомъ. Благодаря

развитію курортныхъ мѣстъ по берегу моря у устья Наровы, черезъ Нарву ежегодно проѣзжаютъ десятки тысячъ дачниковъ, для которыхъ поѣздка въ городъ съ историческими памятниками стала бы обычной прогулкой.

Какъ было бы хорошо, если бы сюда заглянуло какое-нибудь свѣдущее око, оказавшее мѣстному Археологическому Обществу нужную помощь. При желаніи, археологи могли бы значительно пополнить небогатый мѣстный музей, такъ какъ всякаго рода раскопки, произведенныя въ мѣстностяхъ, гдѣ были схватки, а особенно около деревни Вейскюль, гдѣ было пораженіе нашихъ войскъ королемъ Карломъ XII въ 1700 году, дали бы много образчиковъ тогдашняго вооруженія, доспѣховъ и проч. Такія находки уже были сдѣланы, но только случайно мѣстными рыбаками. До сихъ поръ въ музеѣ нѣтъ плана старой Нарвы съ обозначеніемъ мѣстъ сраженій, а въ часовнѣ, построенной, какъ говорятъ, по повелѣнію царя Іоанна Васильевича Грознаго въ 24 часа въ крѣпости Ивангородъ, образовался складъ всякой рухляди, въ родѣ вѣшалокъ, ящиковъ и т. п. Какъ въ той, такъ и въ другой крѣпости руководителями любознательныхъ являются два мальчугана, отъ которыхъ трудно добиться какихъ-либо толковыхъ свѣдѣній. Говорятъ, въ Гунгербургѣ при копаніи дренажныхъ канавъ найдены монеты и еще кое-какіе предметы петровскихъ временъ. (Нов. Вр. № 7689, 1897 г.).

—— По предложенію гг. Вяткиныхъ, я произвелъ этимъ лѣтомъ раскопки кургановъ вблизи ихъ села „Новая Буря“, Медушской волости, Петергоф. у., въ мѣстности, называемой „Орѣховая роща“.

Около 50 кургановъ расположено тѣсной группой въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ проѣзжей дороги. При незначительной вышинѣ (отъ 1— до 6 футовъ) всѣ курганы имѣютъ приблизительно одинаковую форму полушарій и, насколько я замѣтилъ, основанія всѣхъ кургановъ обложены рядомъ валуновъ; въ одномъ изслѣдованномъ случаѣ (кург. № 6) валуновъ было три ряда. Раскопки по своимъ результатамъ были бѣдны и неинтересны, и потому я ограничился только семью курганами.

Способъ погребенія былъ одинаковъ во всѣхъ семи курганахъ, былъ ли это цѣлый костякъ (кург. №№ 1, 3 и 6) или же только безпорядочная кучка костей (кург. №№ 2, 4, 5 и 7). Костяки лежали на материкѣ по направленію къ W. На покойнаго насыпалась суглинистая земля, вырытая тутъ же поблизости, отъ чего возлѣ кургановъ имѣются небольшія ямы. Немного выше костяка идетъ небольшой слой вкраплинъ угля и, наконецъ, опять та же суглинистая земля. Предметы, положенные съ покойными поразили своею количественною бѣдностью. Лишь въ 4 курганахъ были незначительныя вещицы.

Курганъ № 1, высотою около $1^1/_2$ арш. (на восточной сторонѣ вышина больше, чѣмъ на западной), діаметръ по линіи NS=$5^1/_4$ арш., а по линіи WO=7 арш., окружность основанія 19 арш. Основаніе обложено валунами. На материкѣ обнаруженъ скелетъ длиною въ $2^1/_4$ арш., лежащій на спинѣ, головою по направленію къ W. Голова повернута налѣво, руки сложены на животѣ. Предметовъ не было.

Курганъ № 2, также обложенный въ основаніи валунами. Окружность основанія 15 арш., діаметръ по линіи NS=4 арш., а по линіи WO=5 арш., высота 1 арш. Немного ниже материка найденъ разбитый черепъ, 2 хрустальныя гранчатыя бусы (схожія съ бусою, помѣщенною у Спицына, Курганы Петербургской губерніи, т. XI, 1), серьга, состоящая изъ сплющенной проволоки съ нанизанными шариками, спаянными изъ двухъ половинъ (ср. Спицынъ, II, 2 и 15, и XII, 11) и пластинчатый неширокій браслетъ съ концами, слегка суженными, и орнаментомъ въ видѣ переплетающихся ромбами трехъ линій (срв. Спицынъ, XIII, 25).

Курганъ № 3, съ камнями въ основаніи. Окружность основанія 23 арш., діаметръ 7 арш. по линіи NS и 6 арш. по линіи WO Высота $1^1/_2$ арш. На материкѣ найденъ скелетъ длиною въ $2^3/_4$ арш., лежащій на спинѣ по направленію къ W. Руки сложены на животѣ. Предметовъ нѣтъ.

Курганъ № 4, высотой въ $2^1/_2$ арш., окружность основанія 30 арш., діаметръ 9 арш. Обложенъ валунами. На материкѣ кучка человѣческихъ костей, разбитый черепъ и обломокъ желѣзнаго ножа обычнаго типа.

Курганъ № 5, съ валунами вокругъ основанія. Окружность основанія 27 арш., высота 2 арш., діаметръ 8 арш. На материкѣ найдена кучка человѣческихъ костей и 2 круглыя бусы съ зигзагообразными полосами (срв. Спицынъ, XI, 3).

Курганъ № 6, высотой $^1/_2$ арш., діаметромъ $2^1/_2$ арш., окружность основанія 8 арш. На глубинѣ 1 арш. найденъ скелетъ, лежащій на спинѣ, по направленію къ W. Длина его $1^3/_4$ арш. Голова повернута налѣво, правая рука покоится на груди, а лѣвая на животѣ. Ноги скрещены. Валуны лежали не только въ основаніи, но частью и надъ головою, образуя 3 круга.

Курганъ № 7. Окружность основанія 20 арш., высота 2 арш., діаметръ $6^1/_2$ арш. На материкѣ найдена кучка костей. Тутъ же лежала небольшая проволочная серьга, снабженная на одномъ концѣ крючкомъ, на другомъ отверстіемъ (срв. Спицынъ, II, 12 и 13), и подвѣска къ серьгѣ въ видѣ бусы на проволокѣ. Основаніе обложено валунами.

Сообщилъ А. Э. Мальмгренъ.

—— Первая мысль объ устройствѣ въ Вологдѣ древнехранилища принадлежитъ археологу Вологодскаго края покойному Н. И. Суворову. Еще въ 1888 г. Н. И. Суворовъ обратилъ вниманіе епископа на то, что иные изъ священниковъ сбываютъ разнымъ туристамъ, странствующимъ подъ видомъ археологовъ или командированныхъ какимъ-нибудь ученымъ обществомъ, иногда очень цѣнныя въ археолого-историческомъ или въ художественномъ отношеніи вещи и даже цѣлые архивы старыхъ документовъ XVI и XVII столѣтій, если эти вещи и архивы не внесены въ церковныя описи бывшими настоятелями церквей и монастырей. Въ настоящее время при древнехранилищѣ находится постоянная археологическая коммиссія; въ число обязанностей ея входитъ, между прочимъ, пополненіе древнехранилища рукописями, рисунками, печатными произведеніями и другими предметами, имѣющими отношеніе къ изученію исторіи края, составленіе каталоговъ книжныхъ и пр. Кромѣ того, коммиссія собираетъ и библіографическія свѣдѣнія о журнальныхъ статьяхъ и газетныхъ корреспонденціяхъ, относящихся къ Вологодскому краю, и вообще всю литературу объ этомъ краѣ, какъ мѣстнаго, такъ и не мѣстнаго происхожденія. (Истор. Вѣстникъ, октябрь, 1897 г.).

—— Настоятель латинскаго монастыря на Θаворѣ, аббатъ Маркеллъ, производя археологическія раскопки на части вершины горы, принадлежащей латинянамъ, открылъ развалины бокового сѣвернаго нефа базилики, воздвигнутой св. царицею Еленою, и стѣны древняго бенедиктинскаго монастыря, который прилегалъ къ базиликѣ. При этомъ было найдено нѣсколько старинныхъ предметовъ и, между прочимъ, наконечники трехъ желѣзныхъ копій, лежавшихъ среди человѣческихъ костей. Аббатъ предполагаетъ, что это останки 40 бенедиктинцевъ, избитыхъ въ обители мусульманами послѣ пораженія крестоносцевъ и паденія Іерусалимскаго королевства. (Сообщ. Имп. Православ. Палест. Общ., апрѣль, 1897 г.).

—— „Вблизи г. Мѣхова (Кѣлецкой губ.), у шоссе, ведущаго въ посадъ Скальбмержаци, обнаружены предметы до-историческаго происхожденія. Подробнымъ изслѣдованіемъ этой мѣстности занялся, по словамъ „Вѣка“, г. Чарновскій, и, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ метровъ, нашелъ десятки кремневыхъ орудій: ножей, ножиковъ, стрѣлъ, копій, кремневыхъ и каменныхъ ядеръ, нѣсколько каменныхъ молотковъ и топоръ, чисто и гладко отполированный. Кромѣ того найдено нѣсколько сотенъ черепковъ отъ разбитой глиняной посуды грубой и изящной работы. На многихъ черепкахъ находится орнаментація, какъ грубой ногтевой работы, такъ и тонкой старательной отдѣлки. Найдены также комья пережженной глины, происходящей,

повидимому, изъ очаговъ и горнилъ, куски древеснаго угля, много зубовъ и костей животныхъ. (Варшавскій Дневникъ, № 290, 1897 г.).

—— Въ „Кіевлянинѣ“ появилось описаніе „Областного музея Волынской губ.“, въ имѣніи барона Ѳ. Р. Штейнгеля, с. Городкѣ, Ровенскаго уѣзда. Задуманъ музей по широкой программѣ: естественный отдѣлъ раздѣляется на подотдѣлы: геологія, минералогія, палеонтологія, флора и фауна Волынской губ.; далѣе слѣдуютъ: географія, антропологія, этнографія; затѣмъ древности: археологія, до-историческая и историческая, старо-печатныя книги (изданныя въ Острогѣ, въ Почаевѣ и проч.), археографія; предметы искусства: портреты историческихъ дѣятелей, старые образа, писанные мѣстными мастерами, ткани, посуда и т. п. При музеѣ устраивается библіотека, посвященная спеціально Волынской губерніи. Помимо книгъ, газетныхъ и журнальныхъ статей, въ нее войдутъ печатные и рукописные документы, такъ или иначе касающіеся губерніи. Для пополненія коллекцій музея предполагается устраивать поѣздки по краю. Нѣсколько такихъ экскурсій уже было предпринято, другія намѣчены. Хотя музей барона Штейнгеля существуетъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, въ немъ собрано уже много предметовъ по всѣмъ отдѣламъ. Между прочимъ, заслуживаетъ вниманія „вертепъ“, съ полною обстановкою и текстомъ, напоминающимъ одну изъ мистерій Симеона Полоцкаго, найденный въ м. Славутѣ. „Вертепъ“, хранящійся въ музеѣ барона Ѳ. Р. Штейнгеля, имѣетъ видъ двухъ-этажнаго домика съ мезониномъ. Всѣхъ фигуръ въ этомъ вертепѣ 17: 2 ангела, Ааронъ, Давидъ, Иродъ, 3 царя, 2 солдата, пономарь, женщина съ ребенкомъ, смерть, чортъ, еврей, мужикъ съ цѣпомъ, цыганъ, ведущій барана, панъ и пани. Костюмы и физіономіи этихъ фигуръ представляютъ собою много интереснаго для этнографа. Насколько извѣстно, верхній ярусъ вертепнаго домика предназначался для религіозной части „вертепнаго представленія“, которая сопровождалась пѣніемъ кантовъ на церковно-славянскомъ языкѣ, а нижній — для бытовыхъ сценъ комическаго характера, не имѣющихъ никакого отношенія къ рождественской мистеріи. (Нов. Вр. № 7642, 1897 г.).

—— Предсѣдатель Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ профессоръ А. А. Кочубинскій сдѣлалъ сообщеніе о фотографическомъ изданіи Супрасльской рукописи. Рукопись представляетъ историческій памятникъ церковно-славянской письменности кирилловскаго письма XI вѣка и принадлежала нѣкогда Супрасльскому монастырю, основанному въ началѣ XVI вѣка, въ западной части нынѣшней Гродненской губерніи. Сохранившійся отрывокъ рукописи обнимаетъ житія святыхъ, читаемыя въ теченіе марта. Когда-то руко-

пись составляла полный циклъ житій святыхъ на всѣ 12 мѣсяцевъ. Послѣ обращенія монаховъ монастыря въ унію, богатая монастырская библіотека распредѣлилась по уніатскимъ монастырямъ. Въ началѣ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія каноникъ профессоръ Бобровскій нашелъ эту рукопись въ Жировицкомъ монастырѣ. Объ этой находкѣ узналъ, чрезъ академика Востокова, извѣстный меценатъ и собиратель рѣдкостей графъ Румянцевъ и просилъ каноника Бобровскаго уступить ему рукопись, но Бобровскій отказалъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ значительная часть рукописи тайкомъ переслана была въ Вѣну Копитару, который занялся изученіемъ ея. По смерти Копитара, библіотека его вмѣстѣ съ рукописями поступила въ собственность библіотеки юридическаго лицея въ Люблинѣ. Нынѣ, по иниціативѣ Академіи Наукъ, рукопись, состоящая изъ 120 листовъ, издана фотографическимъ способомъ. По изслѣдованіи фотографическаго изданія профессоръ А. А. Кочубинскій приходитъ къ заключенію, *что рукопись написана по предварительно выскобленному, болѣе старому славянскому тексту*. (Моск. Вѣд. № 289, 1897 г.).

—— На Уралѣ уже неоднократно были находимы кости мамонтовъ. Подобная находка была сдѣлана въ маѣ сего года близъ деревни Нижней Пуртовой Камышловскаго уѣзда. Въ августѣ члены Уральскаго Общества любителей естествознанія предприняли раскопки съ цѣлью добыть полный скелетъ мамонта. О. Клеръ въ газетѣ „Уралъ“ (№№ 136 и 197, 1897 г.) сообщаетъ о результатахъ этихъ раскопокъ.

Въ разстояніи отъ деревни въ 200 саженяхъ, на правомъ берегу рѣчки Суяти, сдѣлана находка костей мамонта: голова съ бивнями и двумя позвонками находилась въ вязкой глинѣ, почти у самой воды; ребра выкопаны ниже по теченію — въ $1^1/_2$ арш., а тазовыя кости съ однимъ большимъ позвонкомъ въ самомъ руслѣ рѣчки, въ разстояніи отъ мѣста находки головы на 2 арш. Подробно осмотрѣвъ мѣстность и внимательно перекопавъ почву около костеноснаго слоя, г. Клеръ пришелъ къ такимъ заключеніямъ:

1) Въ данномъ мѣстѣ нѣтъ слѣдовъ ни звѣриной ямы, ни остатковъ издѣлій первобытнаго человѣка.

2) Цѣлость черепа (пробитъ онъ немного крестьянами во время раскопки, но всѣ крошки собраны и могутъ быть склеены) показываетъ, что животное не было убито, а погибло, по всей вѣроятности, въ болотѣ.

—— Археологическія раскопки въ Тираспольскомъ уѣздѣ, Херсонской губ., производятся съ разрѣшенія Императорской Археологической коммиссіи. До настоящаго времени вскрыто и изслѣдовано болѣе ста кургановъ на землѣ города Тирасполя и ближайшихъ къ нему

селъ Слободзеи и Парканъ. Всѣ добываемыя изъ кургановъ древности передаются на храненіе въ херсонскій археологическій музей, гдѣ онѣ образовали уже цѣлый отдѣлъ—Tiraspoliana.

Изслѣдованія показали, что курганы окрестностей Тирасполя насыпаны въ различныя эпохи, и въ нихъ погребены представители народовъ, населявшихъ эту мѣстность, начиная временами до-историческими и кончая ближайшими къ намъ столѣтіями. Въ гор. Тирасполѣ выставлена, по сообщенію южныхъ газетъ, коллекція костей давно вымершихъ животныхъ, добытыхъ при раскопкахъ вблизи города. Въ числѣ другихъ гигантскихъ костей здѣсь, по словамъ *Правительственнаго Вѣстника*, находятся: двѣ челюсти мамонтовъ съ сохранившимися въ нихъ зубами, голень того же животнаго и три черепа ископаемаго быка. Всѣ эти кости также предназначены къ отсылкѣ въ Херсонскій музей. (Моск. Вѣд. № 286, 1897 г.).

—— „Байкалъ“ сообщаетъ, что въ засѣданіи троицкосавско-кяхтинскаго отдѣленія географическаго общества 19 сентября былъ сдѣланъ докладъ объ открытіи Е. Н. Клеменцъ во время ея лѣтней экскурсіи въ текущемъ году по Монголіи, совмѣстно съ А. Г. Клеменцомъ, до-исторической могилы въ мѣстности Байнъ-Цахто, въ 15 верстахъ отъ урочища Налой-ха, недалеко отъ хребта Бурлунъ-Дабанъ, въ 50 верстахъ отъ г. Урги.

Открытіе этой могилы въ связи съ извѣстными Каракорумскими открытіями имѣетъ въ археологическомъ отношеніи особенную важность. Внутри могилы находятся двѣ большія, четырехугольныя, каменныя, обтесанныя съ усѣченными вершинами пирамиды, вышиною въ $3^1/_2$ и шириною въ 1 арш., на которыхъ высѣчены съ четырехъ сторонъ руническія надписи, на лѣвой пирамидѣ надписи сохранены лучше; надписи расположены строками вдоль пирамидъ и раздѣлены между собою линіями. Отдѣленіемъ получены для музея копіи съ руническихъ надписей на пирамидахъ и планъ могилы съ подробнымъ ея описаніемъ. (Спб. Вѣд. № 297, 1897 г.).

—— У верхняго теченія Гаронны въ деревнѣ Martres-Tolosanes отрыты 17 римскихъ статуй. Мѣстность эта уже сто лѣтъ тому назадъ была извѣстна, какъ мѣсто нахожденія римскихъ древностей, но только въ 1896 году, вслѣдствіе сползшей здѣсь земли, была открыта пещера, изъ которой мало-по-малу были вырыты 17 статуй, нѣсколько рельефовъ и другія произведенія искусства. Въ теченіе послѣднихъ недѣль были найдены статуи Аполлона, Минервы и очень красивый женскій бюстъ. (Моск. Вѣд. № 291, 1897 г.).

—— На происходившемъ въ Любекѣ, въ августѣ текущаго года,

общемъ собраніи нѣмецкаго антропологическаго общества д-ръ Вирховъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о значеніи Любека въ до-историческое время и о распространеніи славянъ въ сѣв. Германіи. Въ какихъ границахъ и въ теченіе какого срока славяне жили въ нѣмецкихъ областяхъ? Рѣшеніе этого вопроса, по мнѣнію референта, нельзя основывать на краніометрическихъ данныхъ, такъ какъ до настоящаго времени нѣтъ возможности ни объ одномъ черепѣ сказать опредѣленно, принадлежалъ ли онъ славянину или германцу; специфически славянскаго типа черепа, по мнѣнію Вирхова, не существуетъ. Болѣе опредѣленныя указанія даютъ черепки глиняной посуды: славянскій типъ послѣднихъ встрѣчается между Вислой и Эльбой. Этимъ опредѣляются географическія границы распространенія славянскаго племени въ Германіи. Другой вопросъ—было ли населеніе указанныхъ мѣстностей чисто славянскимъ или оно было смѣшано съ германскимъ элементомъ? Референтъ болѣе склоненъ признать населеніе смѣшаннымъ на томъ основаніи, что населявшія до прихода славянъ южное побережье Балтійскаго моря германскія племена исчезаютъ изъ исторіи какъ бы безслѣдно.

—— Среди предметовъ, добытыхъ гг. Piette и La Porterie во время раскопокъ въ Брассампуи въ теченіе 1896 г., особеннаго вниманія заслуживаютъ найденные въ grotte du Pape осколки костей съ выгравированными на нихъ изображеніями лошадей (лошадь съ поднятой гривой и двѣ лошадиныя головы); количество рисунковъ до-историческаго человѣка эпохи сѣвернаго оленя въ западной Европѣ, извѣстное въ настоящее время, увеличивается, такимъ образомъ, повидимому, еще двумя экземплярами, если только предположеніе г. Піетта, что слой, въ которомъ найдены названные предметы, относится дѣйствительно къ такъ наз. эпохѣ Madelaine; провѣрить это предположеніе составляетъ одну изъ задачъ дальнѣйшихъ изслѣдованій г. Піетта. (Anthropologie, 1897, VIII, № 2. Piette: Etudes d'ethnographie préhistorique).

—— Мѣстоположеніе знаменитаго малоазійскаго города Гордіона, получившаго извѣстность, благодаря мысли Александра Великаго разрубить мечемъ узелъ, искусно запутанный миѳическимъ основателемъ города Гордіемъ, только теперь опредѣлено г. А. Кэрте изъ Бонна, какъ онъ сообщаетъ въ послѣднемъ нумерѣ бюллетеней Императорскаго археологическаго института.

Положеніе этого древняго города, бывшаго столицей Фригіи, до сихъ поръ никто не могъ опредѣлить. По указаніямъ древнихъ писателей, онъ находился у рѣки Саугарія, тамъ, гдѣ большая дорога изъ Сардъ въ Сузы пересѣкала эту рѣку. Въ греческія времена городъ сталъ приходить въ упадокъ, такъ что въ эпоху Рождества Христова онъ уже

обратился въ деревню. Ни одна надпись, ни одна монета не указывали впослѣдствіи на мѣстоположеніе этого города.

Нѣсколько времени тому назадъ А. Кэрте вмѣстѣ съ А. Науманомъ нашли на томъ мѣстѣ, гдѣ анатолійская желѣзная дорога прорѣзываетъ долину Саугарія (нынѣ Сакаріи), остатки древняго поселенія и у нихъ возникла мысль, не это ли и есть остатки древняго города Гордіона.

Послѣ подробнаго и тщательнаго изслѣдованія сохранившихся остатковъ и окружающей ихъ мѣстности, вполнѣ согласовавшейся съ дошедшими до насъ сообщеніями о Гордіонѣ, Кэрте пришелъ къ убѣжденію, что мѣсто найденнаго поселенія—развалины близъ деревни Пеби—по всей вѣроятности есть древняя столица Фригіи—Гордіонъ. Среди развалинъ было найдено нѣсколько отесанныхъ глыбъ изъ известняка, служившихъ, повидимому, фундаментомъ древняго зданія, которое, по предположенію Кэрте, вѣроятно, и было тѣмъ святилищемъ, въ которомъ Александръ Македонскій разрубилъ знаменитый узелъ. Болѣе точныя свѣдѣнія получатся, вѣроятно, при производствѣ систематическихъ раскопокъ. (Моск. Вѣд. № 287, 1897 г.).

III.

Засѣданія Обществъ.

Засѣданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 27 сентября 1897 года было посвящено памяти скончавшихся членовъ Общества Ѳ. И. Буслаева и В. Е. Румянцева. П. А. Лавровъ далъ характеристику Буслаева, какъ профессора, имѣвшаго большое вліяніе на слушателей живымъ, полнымъ интереса изложеніемъ и энергично руководившаго практическими занятіями студентовъ. В. О. Ключевскій указалъ, что Ѳ. И. Буслаевъ расширилъ и углубилъ изученіе источниковъ русской исторіи. Ѳ. И. одинъ изъ первыхъ, если не первый, растолковалъ въ русской научной литературѣ и въ русской университетской аудиторіи значеніе языка, какъ историческаго, и при томъ древнѣйшаго, источника. Другой важной заслугой, оказанной Буслаевымъ изученію русской исторіи, было возстановленіе исторической связи между устной народной и письменной словесностью. Е. В. Барсовъ, близко знавшій В. Е. Румянцева, охарактеризовалъ покойнаго, какъ ученаго и какъ человѣка.

Въ засѣданіи того же Общества 31 октября 1897 г. почетнымъ членомъ Общества Ю. Д. Филимоновымъ былъ сдѣланъ докладъ о происхожденіи знаменитой шапки Мономаха.

Референтъ доказывалъ, что, вопреки существующему мнѣнію ученыхъ, шапка Мономаха не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ византійскаго происхожденія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна быть отнесена къ произведеніямъ арабскаго искусства XIV в. Предположеніе свое Ю. Д. Филимоновъ подтвердилъ представленными имъ многочисленными рисунками, изображающими собою точныя копіи съ работъ извѣстныхъ арабскихъ ювелировъ. Рисунокъ орнаментовъ на этихъ работахъ оказался по стилю тожественнымъ съ филигранною работой, украшающею шапку Мономаха. Референтъ доказывалъ, что шапка эта сработана въ Каирѣ въ XIV вѣкѣ, и прислана египетскимъ султаномъ Калауномъ хану золотой орды Узбеку, отъ котораго, вѣроятно, досталась собирателю русской земли великому князю Іоанну Калитѣ. Всѣ свои предположенія, относящіяся къ происхожденію знаменитой шапки, Ю. Д. Филимоновъ доказывалъ документальными данными, относящимися къ изслѣдуемой эпохѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ справедливости своего мнѣнія относительно происхожденія Мономаховой шапки, референтъ считаетъ то обстоятельство, что рисунокъ цвѣтка лотоса, служащій главнымъ украшеніемъ шапки, есть точный снимокъ съ орнаментовъ, украшающихъ дамаскированный столъ султана Калауна, находящійся въ арабскомъ музеѣ въ Каирѣ. Шапка впервые появилась при Іоаннѣ Калитѣ подъ названіемъ „золотой“ и подъ тѣмъ же названіемъ передавалась по завѣщанію первому въ родѣ, причемъ о происхожденіи ея въ завѣщаніяхъ не упоминалось. Свѣдѣнія о ней прекращаются вплоть до коронованія царя Ивана Васильевича, когда она въ первый разъ появляется подъ названіемъ „Мономаховой“ шапки. Тожественность послѣдней съ „золотою шапкой“ можетъ быть вполнѣ доказана, если сличить весьма точное описаніе „золотой“ шапки, сдѣланное въ XVI вѣкѣ Герберштейномъ, съ существующею нынѣ подъ именемъ „Мономаховой“.

23-го октября 1897 года состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Н. Ѳ. Шпаковскій прочиталъ рефератъ „О стрѣльцахъ“. Въ своемъ сообщеніи референтъ главнымъ образомъ изложилъ вопросы о составѣ, наборѣ, служебномъ устройствѣ и жалованьѣ стрѣльцовъ, равно какъ выяснилъ обязанности, права и привилегіи ихъ и начальныхъ людей въ стрѣлецкомъ войскѣ. А. Ѳ. Бычковымъ поднятъ былъ вопросъ о началѣ и происхожденіи стрѣлецкаго войска, оставшійся неразрѣшеннымъ. А. А. Спицынъ описалъ произведенную имъ лѣтомъ 1897 года раскопку скиѳскаго кургана близъ деревни Башмачки, Екатеринославской губерніи, недалеко отъ днѣпровскихъ пороговъ, и при этомъ указалъ на отсутствіе систематической группировки такъ называемыхъ скиѳскихъ кургановъ по типамъ. Съ своей стороны г. Спицынъ предложилъ для этихъ кургановъ слѣдующую схему: IV — III вв. до Р. Х. — Куль-Оба и Александропольскій

курганъ, III в. до Р. Х.—Чертомлыкъ и другіе екатеринославскіе курганы, II в. до Р. Х. — Ржановка, I в. до Р. Х. — Дарьевка, I в. по Р. Х.—Роменскіе курганы, II в. по Р. Х. — Гнилицы. Затѣмъ А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе собранія на то, что указываемыя проф. А. И. Соболевскимъ въ его „Очеркахъ“ границы близко совпадаютъ съ границами распространенія различныхъ курганныхъ типовъ въ XI — XII вв. Полоцкіе, кривичскіе, радимичскіе и дреговичскіе курганы вполнѣ совпадаютъ съ областью распространенія бѣлорусскаго нарѣчія, въ районѣ великорусскихъ говоровъ распространены курганы, приписываемые вятичамъ, новгородцамъ и владимірцамъ. (Нов. Вр. № 7785, 1897 г.).

Въ засѣданіи того-же отдѣленія 13-го ноября 1897 года, графъ А. А. Бобринскій сдѣлалъ интересное сообщеніе о находящемся въ Стокгольмскомъ королевскомъ оружейномъ музеѣ шлемѣ Ивана Грознаго. Шлемъ этотъ заканчивается сверху острымъ шпилемъ, называвшимся въ старину „шишомъ“, откуда и произошло названіе такихъ собственно шлемовъ: „шишакъ“. Описываемый шишакъ выдѣланъ изъ стали, украшенной позолоченными узорами; верхняя его часть („вершье“) также позолочена. Снизу, по „вѣнцу“ — двѣ широкія позолоченныя каймы, которыя заключаютъ одна арабскую надпись, другая — арабески. Между ними оставлена узкая полоса съ инкрустированной золотыми буквами надписью: „Шеломъ князя Ивана Василіевича великого князя с(ы)на Василія Ивановича господаря всея руси самодержца“. Надпись эта свидѣтельствуетъ, что шлемъ выдѣланъ былъ для Ивана IV еще при жизни отца его, великаго князя Василія Ивановича, умершаго въ 1533 году. Ивану IV было въ то время всего три года, но, повидимому, было въ обычаѣ изготовлять дѣтскіе шлемы для князей; такъ, въ московской Оружейной Палатѣ хранится шлемъ, весьма похожій на этотъ, съ надписью о принадлежности его сыну царя Ивана IV: „Повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго Царя, Великаго Князя Ивана Василіевича всея Россіи самодержца сдѣланъ шеломъ сей благородному сыну его царевичу Ивану Ивановичу въ четвертое лѣто отъ рожденія его въ преименитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7065 (1557) Іюня въ 8 день“. Стокгольмскій шишакъ является вторымъ экземпляромъ военнаго головного убора съ именемъ русскаго князя. Какимъ образомъ попалъ шишакъ Ивана IV въ Швецію? Издатели описанія королевскаго оружейнаго музея полагаютъ, что онъ вывезенъ изъ Россіи во время войны 1581 года. Но, по мнѣнію гр. Бобринскаго, вѣроятно, что шеломъ взятъ при разграбленіи поляками Кремля въ 1612 и 1613 гг. Удачный походъ шведскаго полководца Делагарди въ 1581 г. ограничился лишь побережьемъ Балтійскаго моря. Здѣсь, между прочимъ, при взятіи у насъ Ивангорода, вывезены въ Швецію двѣ великолѣпныя бронзовыя пушки русскаго дѣла, съ русскими надписями 1576 и 1578 гг. Пушки эти стоятъ нынѣ на дворѣ Грипсгольмскаго замка, близъ Стокгольма. Находящійся въ надписи на шишакѣ титулъ господаря всея Россіи предшество-

валъ титулу государя и былъ въ употребленіи со временъ Ивана III. Интересно, что Иванъ Грозный, впослѣдствіи, имѣлъ пристрастіе къ хорошимъ шлемамъ. Такъ, на запросъ польскаго короля Стефана Баторія, чѣмъ бы онъ могъ отблагодарить царя за присланные ему охотничьи кречеты, Иванъ IV отвѣчалъ, что „онъ охотникъ до аргамаковъ, до жеребцовъ добрыхъ, до шапокъ хорошихъ желѣзныхъ съ наводомъ, пищалей ручныхъ, чтобъ были добры, цѣльны и легки". (Нов. Вр. № 7802, 1897 г.).

IV.

Библіографія.

О. Ф. Ретовскій. Генуэзско-татарскія монеты города Каффы. Симферополь. 1897 г.

Директоръ Ѳеодосійскаго музея, О. Ф. Ретовскій, сравнительно очень недавно выступилъ на нумизматическое поприще и сразу занялъ на немъ одно изъ видныхъ мѣстъ благодаря строгому и серьезному отношенію къ затрогиваемымъ имъ вопросамъ, тщательному выбору матеріала и энергіи въ разработкѣ принимаемыхъ на себя задачъ. Какъ житель Ѳеодосіи, онъ невольно долженъ былъ посвятить свои силы ближайшимъ ему отдѣламъ нумизматики — монетамъ Гиреевъ и гор. Каффы въ эпоху ея существованія, какъ генуэзской колоніи, и нумизматическая наука можетъ только радоваться, что нашла, наконецъ, такого достойнаго адепта для разработки путанныхъ вопросовъ этихъ отдѣловъ. Лежащій предъ нами прекрасный трудъ г. Ретовскаго посвященъ попыткѣ такъ или иначе классифицировать, наконецъ, рѣдкія нумизматическія данныя генуэзской колоніи южнаго берега Крыма, все еще до сихъ поръ не обработанныя и не выясненныя достойнымъ образомъ.

Впервые обратилъ вниманіе на генуэзско-татарскія монеты знаменитый Френъ, издавъ въ своемъ „Recensio" четыре экземпляра, но замѣтивъ, какъ оріенталистъ, лишь арабскую легенду обратной стороны и, не разобравши латинскихъ буквъ лицевой стороны, онъ смѣшалъ генуэзскій гербъ — *портикъ*, съ литовскими *columni* и приписалъ эти монеты Литвѣ. Его ошибку исправилъ извѣстный Соре и съ тѣхъ поръ генуэзско-татарскія монеты получили право гражданства въ нумизматикѣ, исключительно, впрочемъ, русской, какъ находимыя лишь въ Россіи и то крайне рѣдко. Благодаря этой рѣдкости и типы ихъ плохо выяснялись и трудно было разобраться въ нихъ, такъ что всѣхъ извѣстныхъ экз. генуэзско-татарскихъ монетъ считаютъ лишь нѣсколько сотенъ и только благодаря счастливымъ обстоятельствамъ г. Ретовскому удалось осмотрѣть почти всѣ извѣстные экз. изъ нихъ, за исключеніемъ 100 экз. изъ собранія г. Суручуна, въ Кишиневѣ. На осмотрѣнныхъ имъ экземплярахъ, лишь частью изданныхъ, онъ и основалъ свой трудъ, затронувъ весьма важный вопросъ классификаціи этихъ монетъ.

Классификація генуэзско-татарскихъ монетъ очень затруднительна за отсутствіемъ датъ, поэтому г. Ретовскій избралъ распредѣленіе ихъ, частью по именамъ хановъ на обр. стор., частью по металлу, вслѣдствіе чего явилось раздѣленіе ихъ на 4 группы: первыя двѣ—аспры (серебряная монета) съ именами Мохаммедъ-хана и Девлетъ-Бирди-хана, третья—аспры-же съ тамгою Гиреевъ и четвертая—мѣдныя генуэзско-татарскія монеты—фоллеры. Вполнѣ понимая трудное положеніе автора, какъ классифицировать монеты неимѣющія датъ, мы не можемъ согласиться и съ его способомъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ къ тому, что имена хановъ на Rev. дѣйствительно соотвѣтствуютъ эпохѣ чеканки монетъ, а скорѣе и вѣрнѣе, по характеру начертаній арабскихъ буквъ, небрежности, грубости и безграмотности легендъ и искаженію имени хана, должны признать, что надписи эти копировались каффинскими денежниками кое-какъ, лишь бы легенда имѣла видъ арабскій и такимъ образомъ могла имѣть обращеніе на сѣверѣ Крыма, гдѣ татары еще властвовали. Здѣсь мы видимъ то же, что и на многихъ русскихъ удѣльныхъ монетахъ въ эпоху паденія татарскаго владычества. Это высказываетъ отчасти и авторъ (стр. 22), но не останавливается на этомъ соображеніи, межъ тѣмъ какъ будучи разъ принято, оно значительно облегчило бы раскрытіе именъ консуловъ, обозначенныхъ лишь заглавными буквами имени и фамиліи и не ставило бы изслѣдователей предъ неразрѣшимыми диллемами, подобными указанной авторомъ на стр. 23, при вопросѣ, какому консулу принадлежали буквы D. V. съ именами хановъ Улу-Мохаммеда и Девлетъ-Бирди. Намъ кажется, что пока нѣтъ достаточно документальныхъ данныхъ о каффскихъ консулахъ и времени ихъ управленія Каффою, единственно можно классифицировать по алфавиту заглавныхъ буквъ фамилій консуловъ, распредѣляя монеты по типамъ. Но вообще вопросъ этотъ на столько еще труденъ, что упрекать изслѣдователя за ту или другую классификацію никакъ нельзя, а можно только искренно благодарить автора за страшно тяжелый трудъ разбора генуэзско-татарскихъ монетъ—этой своего рода загадки нумизматики. Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать предположеніе, не содержитъ ли № 1 имя Тохтамыша, который въ 1380 г. заключилъ съ генуэзцами договоръ о чеканкѣ монетъ? Rev. этой монеты очень подходитъ къ Тохтамышевскимъ монетамъ, а Av. отличается отъ всѣхъ остальныхъ типовъ каффинскихъ монетъ. Также № 11, кажется, содержитъ имя Бирди-хана, а не Мохаммеда, а № 76 и дал., ясно даетъ чтеніе: „Султанъ справедливый Хаджи-*Гирей*-ханъ“, а не просто „С. с. Хаджи-ханъ“.

Заканчиваемъ замѣтку повтореніемъ благодарности г. Ретовскому за прекрасный трудъ, составляющій весьма и весьма важное пріобрѣтеніе нумизматической наукой, и пожеланіемъ дальнѣйшихъ, столь же успѣшныхъ работъ.

В. К. Т.

П. В. Зубовъ. Матеріалы по русской нумизматикѣ. Съ 10 таблицами монетъ. Москва, 1897 (VII+31 стр.).

Въ этомъ, очень изящномъ въ типографскомъ отношеніи изданіи, укра-

шенномъ превосходными фототипическими таблицами монетъ, описано и изображено 136 монетъ и 1 желѣзный „кубикъ“ съ надписью „деньга“. Въ своемъ изданіи авторъ задался цѣлью: а) познакомить любителей нумизматики съ неизданными монетами своего собранія, б) представить главнѣйшіе типы копѣекъ Петра I, чеканенныхъ на Московскомъ и Набережномъ монетныхъ дворахъ, в) издать рѣзкіе варіанты рѣдкихъ монетъ и указать на нѣкоторыя разновидности монетъ, не вошедшихъ въ изданія в. к. Георгія Михаиловича и, наконецъ, г) указать на нѣкоторые курьезы въ нумизматикѣ. Въ числѣ неизданныхъ монетъ (болѣе 20) особенный интересъ представляетъ золотая медаль Бориса Годунова съ изображеніемъ двуглаваго орла, затѣмъ цѣлый рядъ монетъ Петра I, копѣйка 1727 и т. д. до 1878 года, въ которомъ нашелся неизданный *двугривенный*, отличающійся отъ всѣмъ извѣстныхъ двугривенныхъ буквами Н І подъ орломъ (на обыкновенныхъ Н Ф). Во второмъ отдѣлѣ авторъ представилъ интересный для всѣхъ собирателей русскихъ монетъ рядъ мѣдныхъ копѣекъ Петра, чеканенныхъ съ 1704 по 1718 г. на Московскомъ и Набережномъ дворахъ. Третій отдѣлъ, посвященный „рѣзкимъ варіантамъ и разновидностямъ“, если не считать 3-хъ монетъ, относимыхъ св. Владиміру, 4-хъ Сѣвскихъ чеховъ 1686 г. и нѣсколькихъ другихъ монетъ времени Петра I, въ остальномъ представляетъ интересъ только для самыхъ ярыхъ собирателей монетъ, ищущихъ мелкія, еле замѣтныя для глаза, разновидности; для примѣра укажу на издаваемую авторомъ полтину 1876 г., отличающуюся отъ обыкновенныхъ полтинъ этого года тѣмъ, что хвостъ у двуглаваго орла имѣетъ нѣсколько иную форму; или на мѣдный пятакъ 1830 г. разнящійся отъ обыкновенныхъ пятаковъ 1830 года, инымъ расположеніемъ лентъ подъ орломъ и величиною щитка на орлѣ и т. д. Во всякомъ случаѣ это изданіе представляетъ большой интересъ для коллекціонеровъ и авторъ, знакомя любителей нумизматики, съ нѣкоторой частью своего превосходнаго собранія, сдѣлалъ своимъ изданіемъ существенное дополненіе къ нумизматическимъ трудамъ вел. кн. Георгія Михаиловича.

Wladimir de Bock. Poteries vernissées du Caucase et de la Crimée. (Paris, 1897; отт. изъ LVI т. Mém. de la Soc. Nat. des Antiquaires de France. 8⁰, стр. 62, съ 31 рис. въ текстѣ).

Къ числу однѣхъ изъ наиболѣе интересныхъ, хотя еще далеко не рѣшенныхъ, задачъ археологіи принадлежитъ вопросъ о существованіи въ христіанскій періодъ жизни юго-восточной Европы мѣстныхъ центровъ производства. Ихъ произведенія возникали иногда подъ чужеземнымъ вліяніемъ, акклиматизировались въ той или иной мѣстности, получали своеобразный, локальный характеръ, сливались съ существовавшими туземными производствами и искусствомъ и оказывали въ свою очередь вліяніе на стиль и характеръ издѣлій другихъ странъ. Частичному освѣщенію этого вопроса, въ отношеніи поливной посуды Кавказа и Крыма, посвящена работа г. Бока, иллюстрированная довольно значительнымъ количествомъ рисунковъ, къ сожалѣнію

впрочемъ, выполненныхъ не всегда удачно. Авторъ стоитъ на вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія, что цѣлый рядъ фрагментовъ глиняной поливной посуды, находимой при раскопкахъ въ Крыму и на Кавказѣ, нельзя называть общимъ терминомъ „византійской“ только оттого, что эта посуда представляетъ извѣстныя аналогіи съ художественнымъ стилемъ, получившимъ развитіе въ Византіи. Г. Бокъ, выключивъ цѣлый рядъ извѣстныхъ до настоящаго времени остатковъ глиняной посуды, найденной на Кавказѣ и въ Крыму, какъ относящейся къ числу заносныхъ предметовъ, находитъ, что на Таврическомъ полуостровѣ и, главнымъ образомъ, на Кавказѣ были мѣстные центры производства поливной посуды, отличающейся между прочимъ и своей орнаментаціей отъ византійскихъ аналогичныхъ издѣлій. Очевидно, что вліяніе Востока, въ частности и Персіи, нашло благодарную почву на Кавказѣ или точнѣе въ Закавказьѣ, гдѣ мѣстные мастера восприняли и придали особый характеръ своему производству поливной посуды. Изъ Закавказья произведенія гончарнаго дѣла проникали въ Крымъ, гдѣ въ свою очередь были мѣстные центры выдѣлки посуды: крымскіе гончары, между прочимъ подражая иноземнымъ образцамъ, могли производить на мѣстѣ и посуду кавказскаго типа. Авторъ полагаетъ, что въ Закавказьѣ главными производителями поливной посуды были армянскіе мастера, въ значительномъ количествѣ жившіе въ Грузіи, которая оказывала немаловажное культурное вліяніе на сосѣдніе съ ней народы. Хронологически извѣстные фрагменты посуды закавказскаго типа могутъ быть отнесены, по мнѣнію автора, не ранѣе какъ къ XII—XIII вв.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ выводы г. Бока, особенно интересные для французскихъ читателей, которымъ и предназначается его работа. Не вдаваясь въ детальный разборъ его труда мы не можемъ однако обойти молчаніемъ, что, если оставить въ сторонѣ нѣкоторые частичные выводы, основная мысль, доказываемая г. Бокомъ не представляетъ новизны для русскихъ читателей. На значеніе Закавказья, какъ центра производства гончарныхъ издѣлій того типа, который послужилъ г. Боку основаніемъ для его выводовъ, было весьма настойчиво указано г. Сизовымъ въ его работѣ „*Восточное побережье Чернаго моря (археологическія экскурсіи)*“, составляющей 2-й вып. Мат. по археологіи Кавказа (1889 г.). На трудъ г. Сизова ссылается и г. Бокъ впрочемъ лишь въ началѣ своего изслѣдованія. Нельзя не замѣтить, что г. Бокъ не обращаетъ вниманія на весьма вѣское доказательство, которымъ г. Сизовъ подкрѣпляетъ свое положеніе о существованіи въ Сухумѣ мѣстныхъ мастерскихъ гончарной посуды, не только большимъ количествомъ фрагментовъ, но и тѣмъ, что среди массы найденныхъ г. Сизовымъ черепковъ оказались между прочимъ и только приготовленные для выдѣлки, но неоконченные (стр. 35). Тотъ же авторъ на основаніи сравнительнаго изученія черепковъ посуды отмѣчаетъ, какъ это дѣлаетъ и г. Бокъ, вліяніе Востока и въ частности Персіи на развитіе указаннаго производства въ Закавказьѣ, оттѣняетъ грузино-армянскій характеръ орнаментаціи и до-

казываетъ, что ихъ можно причислить къ грузино-армянскимъ издѣліямъ. Аналогичныя произведенія гончарнаго искусства, найденныя въ Крыму вѣроятнѣе всего, по мнѣнію г. Сизова, занесены туда изъ Закавказья (стр. 27, 37—38). Г. Сизовъ дѣйствительно не настаиваетъ на опредѣленіи національности гончаровъ, какъ это дѣлаетъ г. Бокъ: впрочемъ, за отсутствіемъ историческихъ свидѣтельствъ, рѣшеніе подобнаго вопроса можетъ быть, естественно, только гадательнымъ, а слѣдовательно и не особенно существеннымъ. Въ опредѣленіи эпохи, къ которой должны быть отнесены изучаемые обоими авторами образцы поливной посуды, г. Бокъ сходится съ г. Сизовымъ, который полагаетъ, что сдѣланныя имъ находки можно отнести „къ XIV—XV вв. и даже нѣсколько ранѣе, т.-е., по всему вѣроятію, и къ XIII в.“.

Во всякомъ случаѣ положенія, выставленныя однимъ изъ изслѣдователей относительно искусства Закавказья, находятъ себѣ полное подтвержденіе въ трудахъ другого изслѣдователя. *Н. Харузинъ.*

Ив. Савенковъ. Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ. М. 1897. 87 стр.

Предлагаемая статья представляетъ изъ себя описаніе каменныхъ орудій, найденныхъ въ бассейнѣ р. Енисея и находящихся въ Минусинскомъ музеѣ. Авторъ въ началѣ своего очерка даетъ краткія описанія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ найдены были вещи, съ геологической точки зрѣнія. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе каменныхъ орудій, при чемъ авторъ группируетъ вещи одного типа. Двѣ фотографическія таблицы и 201 рисунокъ въ текстѣ даютъ наглядное представленіе о предметахъ древности. Весьма интересны общія соображенія г. Савенкова, которыя онъ высказываетъ о техническихъ пріемахъ обработки камня аборигенами Енисея и о древности предметовъ каменнаго вѣка. Можно съ достовѣрностью сказать, что матеріаломъ для выдѣлки орудій служили валуны кремневыхъ породъ. Жители Енисея пользовались пріемомъ оббивки камня, слабо отполировывая только лезвіе. Отполированныхъ и просверленныхъ орудій найдено очень мало. Разсматривая предметы древности каменнаго вѣка, авторъ приходитъ къ заключенію, что жизнь аборигеновъ р. Енисея во время неолитической и въ началѣ металлической эпохъ была мирная, орудія употреблялись для охоты на звѣрей. По вопросу объ относительной древности каменныхъ орудій, г. Савенковъ высказываетъ вполнѣ основательныя соображенія. Онъ говоритъ, что нельзя судить о древности вещей каменнаго вѣка только по тѣмъ орудіямъ, которыя выкопаны изъ дюнъ; надо точно опредѣлить пластъ залеганія. Трудность изслѣдованія каменнаго вѣка Минусинскаго края обусловливается еще тѣмъ, что въ тѣхъ до-историческихъ поселеніяхъ, гдѣ найдены предметы каменнаго вѣка, эти вещи, принадлежащія къ разнымъ эпохамъ перемѣшаны между собой. Въ результатѣ авторъ считаетъ возможнымъ только высказать предположеніе, что не всѣ каменныя орудія Минусинскаго края, хотя и мало отшлифованныя и не просверленныя, можно отнести къ той эпохѣ, когда употребленіе металла не было еще извѣстно.

Книгу г. Савенкова надо признать очень цѣнной по тщательности обработки музейскаго матеріала и по затронутымъ въ ней вопросамъ. Авторъ имѣетъ большую начитанность въ русской археологической литературѣ по каменному вѣку, хотя и мало пользуется сравнительнымъ методомъ изслѣдованія. Встрѣчаются также ссылки на иностранныя сочиненія, какъ, напр., на Эванса, Леббока и др. Будемъ ждать слѣдующихъ выпусковъ изслѣдованій г. Савенкова по тѣмъ вопросамъ, которые онъ оставилъ въ тѣни по недостатку матеріала.

Въ *Verhandl. d. Berlin. anthropol. Gesellschaft (1897, Bd. 29)* помѣщена интересная работа Георга Швейнфурта, касающаяся вопроса о происхожденіи египтянъ (Ueber den Ursprung d. Aegypter). Новѣйшія археологическія изслѣдованія въ Египтѣ, произведенныя Flinders Petrie, Morgan'омъ и Amélineau открыли для науки значительное количество могильныхъ памятниковъ, которые можно отнести къ эпохѣ 1-й династіи и даже раньше. Изученіе новаго матеріала приводитъ Швейнфурта къ мнѣнію, что первоначальное заселеніе Египта культурнымъ племенемъ произошло изъ южной Аравіи. Это было хамитское племя, поселившееся вначалѣ на югѣ и юго-востокѣ отъ Верхняго Египта. Племя было пастушеское и впослѣдствіи черезъ Нубію перешло въ долину Нила, гдѣ оно застало населеніе, употреблявшее каменныя орудіи палеолитическаго типа. Остатки этихъ первыхъ поселенцевъ сохранились, по мнѣнію Швейнфурта, до настоящаго времени въ лицѣ такъ наз. племенъ Бега: народности Абабде и Бишарикъ — наиболѣе ясно представляютъ потомковъ расы, давшей Египту первое культурное населеніе. Это мнѣніе основано, между прочимъ, и на сходствѣ нѣкоторыхъ предметовъ домашняго инвентаря у названныхъ племенъ съ предметами, открытыми въ древнѣйшихъ могилахъ Египта. Второе переселеніе народовъ, образовавшихъ смѣшанный египетскій типъ, произошло изъ прилежащихъ къ Евфрату областей съ сѣвера на югъ Египта. Это были представители сумеро-аккадійскихъ племенъ, научившіе, по предположенію автора, прежнее пастушеское населеніе земледѣльческой культурѣ, металлургіи, искусству письма и повліявшіе на развитіе его религіозныхъ вѣрованій.

H. Conwentz. Die Moorbrücken im Thale der Sorge, auf d. Grenze zwischen Westpreussen u. Ostpreussen (Danzig, 1897, 4°, стр. XV+142, съ 10 табл. рис.).

Подъ приведеннымъ заглавіемъ вышла въ свѣтъ обширная работа г. Конвенца, составившая X вып. Abhandlungen z. Landeskunde d. Provinz Westpreussen. Поводомъ къ названной монографіи послужили изслѣдованія г. Конвенца остатковъ мостовъ и древнихъ гатей въ долинѣ р. Зорге. Болотистая, торфянистая мѣстность заставляла древнее населеніе строить многочисленные мосты и пролагать черезъ топи деревянныя мостовыя и гати. Благодаря торфянистому грунту эти слѣды древнихъ дорогъ, позволяющіе опредѣлить

направленіе древнихъ путей сообщенія, сохранились прекрасно и представляютъ значительный археологическій интересъ.

Натолкнувшись случайно на остатки деревянной мостовой недалеко отъ Кристбурга, г. Конвенцъ приступилъ къ обстоятельному изслѣдованію открытой имъ дороги, познакомился съ остатками подобныхъ же сооруженій въ западной Пруссіи, изучилъ литературу вопроса и въ результатѣ подарилъ наукѣ обширную монографію, не только цѣнную благодаря обилію разработанныхъ въ ней матеріаловъ, но и крайне поучительную въ методологическомъ отношеніи: необходимо обладать большой эрудиціей, терпѣніемъ и наблюдательностью, чтобы на основаніи случайной находки древней части, произвести изслѣдованіе, дающее возможность опредѣлить направленіе древнихъ путей сообщенія на сравнительно большомъ пространствѣ, занимаемомъ сѣверной Пруссіей на востокъ отъ Вислы.

Обширный матеріалъ объ употребленіи въ историческое и до-историческое время гатей и деревянныхъ мостовыхъ открываетъ работу, г. Конвенца; затѣмъ слѣдуютъ главы, посвященныя его собственнымъ изслѣдованіямъ и изученію на основаніи имѣвшихся въ рукахъ автора археологическихъ данныхъ направленія путей сообщенія; изложивъ въ 3-й главѣ чрезвычайно подробно самый способъ устройства мостовъ и гатей, представляющихъ значительное разнообразіе, г. Конвенцъ переходитъ къ рѣшенію крайне интереснаго вопроса о прикрѣпленіи къ опредѣленной хронологической датѣ открытыхъ имъ слѣдовъ дорогъ. Предметовъ, которые могли бы позволить опредѣленіе времени устройства этихъ дорогъ не было найдено. Наростаніе торфа не позволяетъ притти по этому вопросу къ какому - нибудь опредѣленному рѣшенію. На основаніи историческихъ свидѣтельствъ можно установить лишь приблизительно время, когда древнія найденныя дороги были заброшены— время, которое совпадаетъ, по мнѣнію г. Конвенца, съ началомъ господства рыцарскаго ордена въ изслѣдованныхъ мѣстностяхъ. При такихъ неблагопріятныхъ для рѣшенія вопроса условіяхъ, авторъ прибѣгаетъ къ остроумному, хотя быть можетъ и нѣсколько рискованному методу: онъ изучаетъ подробно находки древностей въ мѣстностяхъ, лежащихъ по близости отъ открытыхъ древнихъ путей сообщенія и приходитъ къ заключенію, что преобладающій характеръ находокъ позволяетъ отнести сооруженіе дорогъ приблизительно къ началу нашего лѣточисленія, быть можетъ и нѣсколько ранѣе. Такъ какъ есть полное основаніе предполагать, что въ означенныхъ мѣстахъ въ то время жили готы, то авторъ приписываетъ имъ устройство этихъ дорогъ.

Въ выводѣ г. Конвенца много вѣроятнаго, хотя, конечно, дальнѣйшія изслѣдованія быть можетъ и нѣсколько видоизмѣнятъ хронологическое опредѣленіе возникновенія найденныхъ мостовыхъ. Во всякомъ случаѣ даже приблизительное опредѣленіе даты потребовало бы отъ автора большой детальной работы и многихъ остроумныхъ комбинацій. Изслѣдованіе г. Конвенца можетъ служить образцомъ для аналогичныхъ работъ, касающихся направленія древне-русскихъ путей сообщенія. Этотъ вопросъ въ отношеніи къ

Россіи представляетъ еще множество пробѣловъ: открытіе и изслѣдованіе подобныхъ же слѣдовъ древнихъ гатей и мостовыхъ, употребительныхъ и въ настоящее время въ Россіи, вѣроятно могло бы пролить не одинъ лучъ свѣта на исторію древней торговли, и изслѣдователю этого вопроса въ Россіи книга г. Конвенца окажетъ безусловно большую услугу, какъ руководство въ методологическомъ отношеніи. *Н. Х.*

Chr. Blinkenberg: Antiquités prémycéniennes. Его же: Chaudron étrusque sur roulettes, trouvé à Skallerup.

Названныя двѣ статьи г. Блинкенберга составляютъ содержаніе послѣдняго выпуска Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord (Nouv. S. 1896). Въ первой изъ указанныхъ работъ авторъ даетъ обстоятельное описаніе древностей до-микенскаго періода, хранящихся въ Національномъ Музеѣ въ Копенгагенѣ. Г. Блинкенбергъ не ограничивается однако простымъ перечнемъ и описаніемъ предметовъ, составляющихъ коллекцію древностей до-микенской эпохи: въ чрезвычайно живомъ изложеніи онъ вводитъ читателя въ обстановку быта и культуры неопредѣленнаго еще въ этнографическомъ отношеніи племени, оставившаго многочисленные могильники, какъ въ Малой Азіи, такъ и на югѣ Балканскаго полуострова и на Архипелагѣ, откуда и ведетъ свое происхожденіе большинство до-микенскихъ древностей Музея въ Копенгагенѣ. Привлекая для изученія копенгагенской коллекціи предметы, хранящіеся въ другихъ музеяхъ, авторъ попутно излагаетъ свои научные выводы относительно назначенія различныхъ древностей, ихъ техники, орнаментаціи и проч.: онъ подробно останавливается на типичныхъ для названной эпохи небольшихъ человѣческихъ фигурахъ разнаго типа, часто находимыхъ въ могилахъ; это — идолы, которые, по мнѣнію автора, имѣли значеніе фетишей и, какъ таковые, были назначаемы охранять умершаго и въ его загробномъ существованіи. Г. Блинкенбергъ поднимаетъ вопросъ о вліяніи сосѣднихъ, болѣе цивилизованныхъ, странъ на культуру до-микенской эпохи и находитъ это вліяніе между прочимъ въ орнаментаціи посуды. Подробное описаніе формъ и техники до-микенской посуды авторъ сопровождаетъ разсужденіями относительно ея орнаментаціи и приходитъ къ заключенію, что по характеру орнаментъ можетъ быть раздѣленъ на два типа: изъ комбинаціи прямыхъ линій—мѣстнаго происхожденія, и спиральный—происхожденія иностраннаго (быть можетъ, египетскаго). Нѣсколько интересныхъ страницъ посвящено описанію данныхъ, свидѣтельствующихъ объ обычаѣ татуировки и раскрашиванія тѣла, равно и рѣшенію вопроса объ употребленіи населеніемъ до-микенской эпохи бритвъ изъ камня. Опредѣленіе хронологической даты и перечень до-микенскихъ древностей съ указаніемъ мѣста находки и изданія, въ которомъ онѣ описаны, заключаютъ интересную работу г. Блинкенберга. Вторая работа автора посвящена описанію извѣстной находки котла на колесахъ, открытаго въ могилѣ у Скаллерупа въ 1895 г. Происхожденіе котла

изъ Италіи не подлежитъ, по словамъ г. Блинкенберга, никакому сомнѣнію; онъ опровергаетъ однако предположеніе, что такого рода котлы имѣли на сѣверѣ значеніе предметовъ, употреблявшихся при исполненіи религіознаго ритуала: дорогой предметъ, доставленный изъ южной Европы на берега Балтійскаго моря, употреблялся, повидимому, въ домашнемъ обиходѣ и имъ воспользовались въ качествѣ погребальной урны въ могилѣ у Скаллерупа. Авторъ относитъ могилу къ VIII в. до Р. Х.

Некрологъ.

† А. М. Павлиновъ.

15 ноября опущенъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской церковной археологіи Андрей Михайловичъ Павлиновъ. По окончаніи курса въ Императорской Академіи Художествъ, въ 1877 году, А. М. началъ свою службу городскимъ архитекторомъ въ Уфѣ, гдѣ и началъ проявлять свою дѣятельность на почвѣ церковной археологіи. Академія Художествъ и ученыя общества вызвали талантливаго архитектора-археолога изъ дали провинціи и поручали ему научныя командировки. Въ качествѣ члена коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ А. М., имѣлъ возможность приложить свои обширныя свѣдѣнія по исторіи русскаго искусства. Между прочимъ, онъ руководилъ реставраціей коломенскихъ стѣнъ и башенъ и принималъ участіе въ реставраціи Большого Успенскаго собора. Въ послѣднее время А. М. положилъ много труда для возобновленія собора Василія Блаженнаго. Съ декабря 1888 года покойный занималъ должность хранителя Оружейной палаты.

Изъ трудовъ А. М. Павлинова назовемъ такія крупныя работы, какъ *Исторія русской архитектуры*—трудъ, за который А. М. былъ удостоенъ почетнаго отзыва Императорской Академіи Художествъ; *Древности Ярославля и Ростовскія; Древніе храмы въ Витебскѣ и Польшѣ и деревянныя церкви въ Витебской губерніи; О доисторической порѣ искусства на почвѣ Россіи; О планѣ исторіи архитектуры въ Россіи.* Въ *Трудахъ* Археологическаго Общества имъ напечатаны: „*Черниговскій соборъ и его реставрація*“, „*О древнихъ церковныхъ сооруженіяхъ*“, „*Отчетъ о поѣздкѣ въ Закавказье*“, „*Спасо-Мирожскій монастырь во Псковѣ*“, и „*Реставрація Коломенскихъ каменныхъ стѣнъ*“ и пр.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Т. I. Ц. 10 р. Т. II. Ц. 8 р. Т. III. Ц. 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р. Т. II. Цѣна 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2—3 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г. Ц. 6 р.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р. Вып. II. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869 - 70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., Ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
Томъ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Древности Ярославскія и Ростовскія. Ц. 3 р.

Археологическая карта Кіевской губерніи. 1897. Ц. 2 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти арх. Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревскаго. Ц. 1 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893 - 1896 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р. Продается безъ уступки.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

ГОДЪ V.

№ 12.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1897

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ № 12.

		Стр.
I.	**Ив. Е. Забѣлинъ.** Братина Мамай.	369
II.	**В. К. Щепкинъ.** Золотой перстень, найденный на Куликовомъ полѣ	374
III.	**А. В. Орѣшниковъ.** Двѣ древне-русскія деньги	379
IV.	**В. А. Городцевъ.** Замѣтка о глиняномъ сосудѣ съ загадочными знаками.	385
V.	**В. А. Городцевъ.** Столбы, встрѣченные на площади Борковскаго могильника	390
	Дополненіе къ замѣткѣ о Переяславскомъ потирѣ	402
VI.	Археологическая хроника.	403
VII.	Засѣданія Обществъ	406

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки просятъ адресовать: въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. В. ОРѢШНИКОВА и С. К. БОГОЯВЛЕНСКАГО.

Съ 1 хромолитогр. табл. и 60 рис. въ текстѣ.

Томъ V.

БИБЛІОТЕКА
ИИМК Института Археологии
и Музейной работы

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ МАМОНТОВА.
1897.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1965 г.

1945г БИБЛИОТЕКА НИИ Музееведения П584/10.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи.

Стр.

Д. Н. Анучинъ. Археологическое значеніе „Мономаховой шапки“ по мнѣнію Н. П. Кондакова. 163

Д. В. Айналовъ. Равеннская пластинка слоновой кости изъ собранія графа Г. С. Строганова въ Римѣ 305

В. А. Гамбурцевъ. Замѣтка о „замурованномъ“ надгробіи московскаго архитектора XVII вѣка при церкви Воскресенія въ Таганкѣ 214

В. А. Городцовъ. Слѣды неолитическихъ стоянокъ въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода. 68

— Замѣтка о глиняномъ сосудѣ съ загадочными знаками. 385

— Столбы, встрѣченные на площади Борковскаго могильника 390

И. Е. Забѣлинъ. Братина Мамай. 369

Ю. А. Кулаковскій. Гдѣ былъ построенъ имп. Юстиніаномъ храмъ для Авазговъ? 33

Н. П. Лихачевъ. „Московской золотой“. 209

А. В. Орѣшниковъ. Замѣтка о потирѣ Переяславль-Залѣсскаго собора. . . . 337, 402

— Двѣ древне-русскія деньги 379

Н. И. Петровъ. Слѣды древней Никитской церкви въ Кіевѣ. 221

В. Н. Поливановъ. Чудская серебряная чаша. 225

В. И. Сизовъ. Древній желѣзный топорикъ изъ коллекцій Историческаго Музея. . 145

А. И. Соболевскій. Мономахова шапка и царскій вѣнецъ 65

— По поводу статьи А. Н. Зерцалова. 166

— Куда дѣлась библіотека послѣднихъ византійскихъ императоровъ 314

Н. И. Троицкій. Лицевыя вериги и ихъ значеніе 310

В. Н. Щепкинъ. Фигура пастыря-старца на иконѣ Рождества Христова. 1

— Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея. 97

— Золотой перстень, найденный на Куликовомъ полѣ 374

А. И. Яцимирскій. Вновь найденный списокъ Домостроя 273

II. Археологическая хроника.

Русская.

Стр.

Находка надгробной плиты съ гробницы Минина 9
Раскопки въ Логазовской волости Псковской губ. 9
Раскопки въ Херсонисѣ 10, 167, 195, 229
Находка оружія XVI вѣка въ Калишской губ. 10
Старинныя постройки Дая-хатунъ на р. Аму-Дарьѣ 10
Вещи бронзоваго вѣка изъ Гельсингфорсскаго музея 11
Отчетъ о дѣятельности Археологическаго института въ Константинополѣ 12
Изданіе каталога восточныхъ монетъ собранія Эрмитажа 12
Вечернія собранія въ Петербургскомъ Археологическомъ институтѣ. 12
Церковно-историческое древне-хранилище при Орловской духовной семинаріи . . 12
Засѣданіе Костромской архивной коммиссіи 22 дек. 1896 г. 13
Находка въ Москвѣ надгробія XVI в. и проч. 37
Раскопки близъ с. Нижніе Сѣрогозы, Мелитопольскаго у., Таврич. г. 38
Поступленіе въ Археологическую коммиссію древностей изъ Вятки. 38
Находки въ с. Парутинѣ, близъ Очакова 38
Городище въ м. Снѣтинѣ, Лубенскаго у., Полтав. губ. 39
Русскія грамоты XV и XVI ст., въ Ревельскомъ городскомъ архивѣ 39
Древнія карты, полученныя Географическимъ Обществомъ отъ Норденшильда . . 39
Печать Ахмеда Ясави. 40
Надписи мечети Ахмеда Ясави 40
Археологическіе памятники въ м. Гагрѣ, въ Абхазіи 40
Статья Рейнака о Никопольскомъ налучіи изъ Чертомлыцкаго кургана. 43
Находка веригъ близъ дер. Деревяницъ, Новгородскаго уѣзда 72
Находка древностей въ с. Селитряномъ. 72
Находка монетъ XVI—XVIII вв. въ Спеѣ, Тираспольскаго уѣзда 72
Камень съ надписью, найденный близъ Измаила. 73
Серьга, найденная въ Кіевѣ и пріобрѣтенная Историческимъ Музеемъ 74
Мнѣніе г. Пашкова о происхожденіи слова „басма“. 75
Артиллерійскій музей въ Петербургѣ. 75
Крестъ патріарха Никона. 76
Коллекціи проф. И. И. Березина 195
Собраніе рукописей архимандрита Антонина, перешедшее во владѣніе Императорской публичной библіотеки 196
Памятники старины Костромской губерніи 196
Предполагаемое описаніе и изданіе рукописей Археологическаго института. . . . 196
Дрогичинскія пломбы. *(Сообщилъ Н. А. Янчукъ)* 197
Остатки древней стѣны близъ г. Ялты 198
Постройка зданія музея въ Новочеркасскѣ 199
Статья Г. А. Савельева „О древнемъ значеніи креста, въ эпоху до-христіанства“ . 199
Лекція Монтеліуса о первомъ появленіи Шведовъ въ Финляндіи 199
Курляндскій герцогскій архивъ 200
Выставка древнихъ иконъ въ Воронежскомъ музеѣ 200
О назначеніи Московскому Археологическому Обществу пособія на устройство археологическихъ съѣздовъ. 228
Находка бронзовой статуэтки близъ Херсона 229
Находка мраморныхъ плитъ въ Тирасполѣ 230
Курганы въ Ржепиховѣ, Новогруд. у., Минской губ. 230
Кладъ, найденный близъ деревни Сокъ, Опатовскаго у. 230
Находка древнихъ вещей у с. Новоры, Новоушицкаго у., Подольск. г. 231

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Стр.
Каменныя орудія, найденныя г. Маевскимъ въ Кѣлецкой губ. *(Б.)* 232
Стоянка каменнаго вѣка у д. Мыслидажъ, Опоченскаго у., Радомской губ. *(Б.)* . 232
„Церковиско“ близъ Бреста 232
Первое собраніе въ Кіевѣ предварительнаго комитета по устройству XI археологическаго съѣзда. 233
Командировки членовъ археографической коммиссіи Моск. Арх. Общ. 234
Открытіе историко-археологическаго музея въ Калугѣ. 234
Открытіе епархіальнаго церковнаго древне-хранилища въ Могилевѣ 234
Храмъ близъ села Атени 235
Судебное дѣло въ Кишеневѣ о поддѣлкѣ древностей 235
Осмотръ г. Нечаевымъ генералъ-губернаторскаго архива въ Ригѣ 235
Находка древнихъ вещей въ с. Лопьялѣ, Уржумскаго уѣзда. 285
Находка каменныхъ и бронзовыхъ вещей близъ Глазкова 286
Курганы близъ села Спасскаго, Гжатскаго уѣзда 286
Находка клада монетъ XVI в. въ Бокенгофѣ, Лифляндской губ. 287
Находка колокола конца XVI вѣка въ погостѣ Дворицахъ, Новоржевскаго у. . . 287
Находка древнихъ вещей въ Ригѣ. 287
Находка римскихъ монетъ въ г. Пирятинѣ, Полтавской губ. 288
Раскопка кургана близъ Майкопа, Кубанской области. 289
Находка близъ развалинъ Ольвіи мраморной плиты съ надписью. 289
Открытіе Учено-литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ 291
Находка обломка пьедестала статуи Афродиты близъ с. Ахтери, Кубанской области . 315
Разрушеніе древняго храма въ с. Ацана, Озургетскаго уѣзда 315
Находка золотой группы божковъ въ с. Нижній Варголъ, Елецкаго у. 315
Вопросъ объ отпускѣ суммъ Императорской Археологической коммиссіи для ремонта замѣчательныхъ памятниковъ древности 316
Романовскій отд. въ Костромской Уч. Арх. Комм. 316
Находка гравюры Полтавскаго боя въ Тихвинскомъ монастырѣ 316
Дѣятельность Рязанской архивной коммиссіи. 317
Раскопка кургана Бабы, въ с. Михайловѣ-Апостоловомъ, Херсонскаго уѣзда . . 317
Открытіе костей мамонта близъ Ярославля. 318
Отзывъ проф. Н. В. Покровскаго о развалинахъ храма въ Херсонисѣ 321
Пріобрѣтеніе Историческимъ музеемъ вкладовъ кн. Пожарскихъ 345
Дѣятельность предварительнаго комитета по устройству XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ 346
Устройство выставки древностей въ Кіевѣ 347
О памятникахъ древности въ Нарвѣ 349
Раскопки кургановъ въ Петергофскомъ уѣздѣ *(А. Э. Мальмгрена)*. 350
Древне-хранилище въ Вологдѣ 352
Находки до-историческихъ древностей въ Кѣлецкой губ. 352
Музей барона Штейнгеля въ с. Городкѣ 353
Изданіе Супрасльской рукописи 353
Находка костей мамонта на Уралѣ 354
Открытіе Е. Н. Клеменцъ могилы въ Монголіи 355
Замѣтка объ остаткахъ древней церкви въ с. Старогородкѣ. *(В. С.)* 403
Записки Герберштейна съ раскрашенными гравюрами 406

Иностранная.

Находка отрывковъ изъ книги Премудростей Іисуса, сына Сираха. 13
Находка рукописи поэта Вакхилида 14
Мозаичная карта Палестины V в. 41, 239
Раскопки г. Стаиса въ Аттикѣ и Эгинѣ. 42

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Стр.
Мозаика ц. св. Луки въ Фокидѣ 43
Находки мраморовъ въ Карѳагенѣ 44
Статья г. Ричли: Снаряды кузнеца бронзоваго вѣка 44
Статья г. Ле-Блана: О изображеніяхъ жертвоприношенія Авраама. 44
Статуэтка Гермафродита изъ Александріи. 45
Торсъ Аѳины изъ виллы Медичи 45
Дельфійскія надписи о Гелонѣ и Гіеронѣ 45
Мозаика, изображающая Вергилія 45
Византійскій диптихъ Луврскаго собранія. 46
Открытіе фресокъ XII в. въ базиликѣ Santa Maria Maggiore. 47
Каменныя орудія племени Сомали въ Африкѣ. 47
Открытіе мѣста рожденія Будды. 47
Раскопки развалинъ Копана въ Гондурасѣ 48
Раскопки австрійцевъ въ Малой Азіи. *(Проф. А. Н. Шварца)* 77
Находка въ Дельфахъ статуи юноши-возницы 78
Вліяніе греческаго искусства на Китай 79
Изслѣдованія въ Голгоѳскомъ храмѣ 79
Изслѣдованіе древнихъ бронзъ химикомъ Бертело. 79
Изслѣдованіе муміи рентгеновскими лучами 80
Музей древностей въ Букарештѣ. *(Сообщилъ А. Яцимирскій)*. 129
Древности въ Манзѣ-Нигливѣ и Мануѣ-Падеріи въ Индіи 201
Статья Фр. Шеля о празднествахъ въ Римѣ въ началѣ столѣтія. 201
Кладъ бронзовыхъ вещей, найденный близъ деревни Пренцловицъ, въ Западной Пруссіи *(В. Швандтъ)* 236
Эмалевый золотой уборъ XVI вѣка изъ Центральной Азіи 240
Документы XVII вѣка о аѳинскихъ древностяхъ. 240
Бронзовая статуя изъ Беотіи. 240
Находка папирусовъ въ Бенехсѣ, въ Египтѣ 240
Открытія г. Сейса въ Телохѣ и Нуфарѣ. 241
Папирусъ съ изреченіями Христа. 291
Предполагаемая французская археологическая экскурсія въ Персію 292
Открытіе развалинъ древняго города въ Мексикѣ. 294
Поселенія первобытныхъ людей на мѣстѣ Берлина 324
Реставрація дома Веціевъ въ Помпеѣ. 324
Раскопка г. Гэйнеса Нуффарскихъ кургановъ. 326
Находки древностей на горѣ Ѳаворѣ. 352
Находка 17 римскихъ статуй во Франціи 355
Сообщеніе Вирхова о распространеніи Славянъ въ Германіи 355
Находка костей съ изображеніемъ лошади въ Брассампуи. 356
Мѣстоположеніе города Гордіона 356
Мраморная группа Афродиты и Эрота 404
Группа изъ известняка въ Александрійскомъ музеѣ 404
Находка греко-финикійскаго бюста въ Испаніи 405
Докладъ Рейнака объ изображеніяхъ Весты. 405
Дата постройки храма Безкрылой Побѣды 405

III. Засѣданія Обществъ.

Императорское Московское Археологическое Общество. 25 ноября 1896 г. Постановленіе Общества учредить Археографическую Коммиссію (стр. 14). 10 дек. 1896 г. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ „Отчетъ о поѣздкѣ въ Крымъ“; Н. В. Тепловъ „Раскопки въ урочищѣ Дуна, близь Лихвина“; С. К. Богоявленскій „Отчетъ о поѣздкѣ въ Лифляндію и Курляндію“ (стр. 17). 21 янв. 1897 г. Д. Я. Самоквасовъ „Памяти К. Н. Бестужева-

Рюмина"; Д. И. Иловайскій „Вопросъ о ханской басмѣ"; Г. А. Муркосъ „Великая церковь Кіево-Печерской лавры въ половинѣ XVII в. по описанію Павла Алеппскаго, сына Макарія, патріарха Антіохійскаго"; М. В. Никольскій „О древнихъ сирскихъ рукописныхъ Евангеліяхъ" (стр. 51). 7 марта 1897 г. Годичный отчетъ; М. В. Никольскій „Коллекція халдейскихъ древностей кн. А. А. Гагарина"; В. И. Сизовъ „Древній желѣзный топорикъ, подаренный Историческому музею В. К. Сергѣемъ Александровичемъ" (стр. 134). 21 марта 1897 г. В. Н. Щепкинъ „Два лицевыхъ сборника Историческаго музея"; В. А. Уляницкій „Смоленскія вислыя печати"; А. А. Ивановскій „Отчетъ о поѣздкѣ въ Закавказье" (стр. 134). 30 апр. 1897 г. Д. В. Айналовъ „Отчетъ о поѣздкѣ на Аѳонъ"; гр. П. С. Уварова „Сванетія и ея древности" (стр. 295). 21 сент. 1897 г. В. Ѳ. Миллеръ „Памяти Ѳ. И. Буслаева"; В. И. Сизовъ „Памяти В. Е. Румянцева" (стр. 330).

Засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству XI Археолог. Съѣзда. 4, 5 и 7 янв. 1897 г. (стр. 18—20).

Славянская коммиссія Москов. археол. Общества. 13 дек. 1896 г. А. С. Хахановъ „Грузинская редакція Физіолога"; П. А. Лавровъ „Юго-славянская передѣлка Зонары" (стр. 18). 24 янв. 1897 г. В. М. Истринъ „Книга Каафъ и Толковая Палея"; М. И. Соколовъ „Одинъ изъ источниковъ богомильской кн. св. Іоанна"; П. А. Лавровъ „Палеографическія наблюденія надъ евангельскими листками Ундольскаго" (стр. 242).

Восточная коммиссія Московскаго Археологическаго Общества. 3 дек. 1896 г. В. Ѳ. Миллеръ о статьѣ Г. А. Халатьянца: „Отрывки иранскихъ сказаній у Григорія Магистра" М. О. Аттая „О рукописномъ сборникѣ Абдуллаха Ибнъ-Фадла" В. К. Трутовскій „Объ обычномъ правѣ арабовъ по книгѣ Лутфи-бея" (стр. 15) 23 дек. 1896 г. Г. А. Халатьянцъ „О находкѣ армянской хроники Маръ-Абаса-Катины; Ѳ. Е. Коршъ „Объ армяно-татарскихъ документахъ, списанныхъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ" М. О. Аттая „О султанскихъ грамотахъ турецкимъ чиновникамъ на Кавказѣ 1726—1821 гг. (стр. 15). 31 янв. 1897 г. Шиленковъ „О Хуссейнъ-бекѣ, мусульманскомъ святомъ, у башкиръ во времена Болгарскаго царства въ X—XI вѣкѣ" и „О дворцѣ Тура-хана" Г. А. Халатьянцъ „О неизданныхъ армянскихъ апокрифахъ въ русскомъ переводѣ Н. О. Эмина" (стр. 244). 2 апр. 1897 г. М. В. Никольскій „О сборникѣ *χαριστήρια*, изданномъ въ честь Ѳ. Е. Корша"; М. О. Аттая „Къ сказанію о мудромъ Хакирѣ" (стр. 245). 29 апр. 1897 г. Г. А. Халатьянцъ „Армянскій изводъ повѣсти объ Іосифѣ и Асенеѳѣ въ переводѣ Н. О. Эмина"; В. Ѳ. Миллеръ „По поводу перевода М. О. Аттаи—Сказаніе о мудромъ Хакирѣ" (стр. 246). 31 окт. 1897 г. Обзоръ десятилѣтней дѣятельности Коммиссіи, С. С. Слуцкаго (стр. 406). Бар. Штакельбергъ „О персидскомъ вліяніи на языческую религію Армянъ" (стр. 407). В. Ѳ. Миллеръ „Матеріалы по эскимосскимъ нарѣчіямъ Анадырскаго окр., собр. Гондатти" (стр. 408). 18 ноября 1897 г. М. В. Никольскій „О вновь открытомъ текстѣ книги Товія" (стр. 408). В. Ѳ. Миллеръ „О легендарной исторіи Тимура" (стр. 409).

Археографическая Коммиссія Москов. Археолог. Общества. 28 янв. 1897 г. Н. Н. Харузинъ „Мнѣніе французскаго ученаго объ архивномъ дѣлѣ"; Д. И. Эварницкій „Вновь открытый документъ, содержащій описаніе Запорожской Сѣчи 1766 года"; онъ-же „Рукописные атласы Запорожской Сѣчи изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ". (стр. 80). 25 февр. 1897 г. В. М. Михайловскій „Основные вопросы дипломатика"; В. И. Холмогоровъ „О потомкахъ Сусанина въ началѣ XVIII ст."; М. М. Богословскій „Смоленское шляхетство XVIII в." (стр. 81) 19 марта 1897 г. Д. Я. Самоквасовъ „Значеніе, форма и изданіе архивныхъ описей". (стр. 248). 31 марта 1897 г. М. А. Веневитиновъ „Политическіе намеки въ бумажныхъ украшеніяхъ"; С. К. Богоявленскій „Статистическіе матеріалы по исторіи посадскаго населенія XVII вѣка" (стр. 249). 8 апр. 1897 г. П. П. Никольскій „Обзоръ рукописей и источниковъ Вертограда многоцвѣтнаго Симеона Полоцкаго" М. В. Довнаръ-Запольскій „Обзоръ новѣйшихъ трудовъ по археографіи и полеографіи" (стр. 250) 28 апр. 1897 г. П. А.

Кожевниковъ „Московскій губернскій архивъ старыхъ дѣлъ“ А. И. Яцимирскій „Рукописи Нямецкаго монастыря въ Румыніи“ (стр. 251). 30 сент. 1897 г. М. М. Богословскій „Нѣсколько словъ объ одномъ проектѣ реформъ XVI вѣка“; Ю. В. Готье „Государственный архивъ въ Швеціи“ (стр. 331).

Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. 12 дек. 1896 г. В. М. Истринъ „Откровеніе Меѳодія Патарскаго въ византійскихъ и славяно-русскихъ литературахъ“ (стр. 20). 31 янв. 1897 г. М. А. Веневитиновъ „Матеріалы для исторіи цѣнностей въ Россіи въ концѣ XVII вѣка“. (стр. 83). 27 сентября 1897 г. Доклады, посвященные памяти Буслаева и Румянцева (стр. 357). 31 октября 1897 г. Ю. Д. Филимоновъ „О происхожденіи шапки Мономаха“ (стр. 358).

Этнографическій отдѣлъ Общества Любителей Естеств., Антр. и Этнограф. 4 февр. 1897 г. В. М. Истринъ „Византійско-славянскія сказанія о скрывающемся и возвращающемся царѣ“ (стр. 86).

Русское отдѣленіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. 10 дек. 1897 г. Ѳ. А. Браунъ „О книгѣ доктора Леве: Die Reste der Germanen am Schwarzen Meer“; графъ А. А. Бобринскій „Новая теорія происхожденія свастики въ связи съ мотивами кавказскихъ ковровъ“ (стр. 21). 3 янв. 1896 г. Н. Ф. Романченко „Раскопки близъ Евпаторіи въ 1895—1896 гг.“; кн. П. А. Путятинъ „О погребеніяхъ въ согбенномъ положеніи“ (стр. 21). 29 янв. 1897 г. Графъ А. А. Бобринскій „Изслѣдованіе большого майдана на границѣ Кіевской и Херсонской губерніи“; С. В. Рождественскій „Извѣстія о намѣстничьихъ кормахъ въ Псковской области въ XVI в.“ (стр. 52). 4 марта 1897 г. Х. М. Лопаревъ „Алексѣй Комненъ на Руси и въ Сициліи“; А. А. Спицынъ „Коллективныя могилы Минусинскаго округа“ (стр. 201). 19 сент. 1897 г. Н. К. Рерихъ „Раскопки на мызѣ Изварна, Царско-сельскаго уѣзда“; С. Ѳ. Платоновъ „ Къ исторіи опричнины XVI в.“; А. А. Спицынъ „По вопросу о мѣстоположеніи Стараго Сарая“ (стр. 333). 23 октября 1897 г. Н. Ѳ. Шпаковскій „О стрѣльцахъ“; А. А. Спицынъ „Раскопка кургана близь дер. Башмачки“ (стр. 358). 13 ноября 1897 г. Гр. А. А. Бобринскій „О шлемѣ Ивана Грознаго въ Стокгольмѣ“ (стр. 359).

Восточное отдѣленіе Импер. Русскаго Археологич. Общ. 25 февр. 1897 г. Н. Ѳ. Петровскій „О собираніи древностей въ Кашгарѣ“; С. Ѳ. Ольденбургъ „О двухъ буддійскихъ рукописяхъ собранія Н. Ѳ. Петровскаго“ (стр. 92).

Классическое отдѣленіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. 18 янв. 1897 г. Д. В. Айналовъ. „Отчетъ о поѣздкѣ на Аѳонъ лѣтомъ 1896 г.“ (стр. 52). 24 февр. 1897 г. Г. Ф. Церетели „По поводу вѣнской рукописной книги Бытія“; С. А. Жебелевъ „Теорія Фуртвенглера о копіяхъ греческихъ статуй“ (стр. 92).

Археологическій институтъ. 7 февр. А. И. Никольскій „Славянскій пергаментный списокъ XIV в. хроники Георгія Амартола, хранящійся въ библіотекѣ Московской духовной академіи“ (стр. 93). 29 нояб. 1896 г. А. И. Соболевскій „Изъ заграничной поѣздки“ (стр. 256). 13 дек. 1896 г. П. Л. Гусевъ „Объ иконографическомъ сюжетѣ, извѣстномъ подъ названіемъ видѣнія пономаря Тарасія“ (стр. 257). 10 янв. 1897 г. Н. В. Покровскій „О Сійскомъ иконописномъ подлинникѣ“ (стр. 257). 24 янв. 1897 г. А. А. Папковъ „Объ отличительныхъ чертахъ общественнаго устройства древней Руси“ (стр. 258). 28 февр. 1897 г. А. А. Папковъ „Древне-русскій приходъ“ (стр. 261). 11 мая 1897 г. Годичный отчетъ. Н. И. Веселовскій „О вліяніи формъ и обычаевъ языческихъ погребеній на первохристіанское“ (стр. 263).

Общество любителей Древней Письменности. Декабрь 1896 г. В. Г. Дружининъ „Рукопись сочиненій инока Никонора“: А. И. Кирпичниковъ „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, изданный кн. Оболенскимъ“. Онъ-же „Bibliographie Hellénique Em. Legrand, IV“ (стр. 22). 3 янв. 1897 г. Н. П. Лихачевъ „О первой книгѣ, изданной въ Казани

въ 1779 г.“ М. В. Довнаръ-Запольскій „Лѣтопись западно-русскаго происхожденіи Московской Синодальной библіотеки“. А. І. Лященко „Слово о царѣхъ, о князѣхъ, о властителѣхъ“ (стр. 23). 17 янв. 1897 г. С. Ѳ. Платоновъ „Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина“; Н. П. Барсуковъ „О пріобрѣтеніи Императоромъ Николаемъ I древнехранилища М. М. Погодина для Императорской публичной библіотеки“ (стр. 87). 31 янв. 1897 г. А. А. Шахматовъ „О составѣ и времени написанія повѣсти временныхъ лѣтъ“ (стр 88). 12 февр. 1897 г. А. В. Пыпинъ „Мастерская поддѣльныхъ рукописей Сулакадзіева“; А. К. Бороздинъ „О раскольничьемъ житіи патріарха Никона“. (стр. 89). 7 марта 1897 г. А. И. Соболевскій „Сказаніе о Иверской царицѣ Динарѣ“ и „Книга Есфирь въ древне-славянскомъ переводѣ“; Х. М. Лопаревъ „О рускомъ паломникѣ Леонтіи“ (стр. 203). 21 марта 1897 г. Н. В. Волковъ „Дѣйствительно ли безыменна была большая часть трудовъ древне- русскихъ писателей“; Н. В. Покровскій „О Калясниковскомъ синодикѣ“; А. А. Титовъ „Реставрація Іераршаго дома въ Ростовѣ Великомъ“. (стр. 252). 4 апр. 1897 г. С. Л. Пташицкій „Русская редакція исторій изъ Римскихъ дѣяній и ея отношеніе къ западно-европейскимъ текстамъ“; Д. Ѳ. Кобеко „Опытъ исправленія текста Бесѣды о святыняхъ Царяграда“ (стр. 253). 25 апр. 1897 г. Годичный отчетъ. С. Ѳ. Платоновъ „Къ вопросу о прекращеніи земскихъ соборовъ въ XVII вѣкѣ“ (стр. 255).

С.-Петербургское Общество архитекторовъ. Н. Н. Щербина-Крамаренко „Поѣздка въ восточную часть средней Азіи (стр. 91).

Общество любителей археологіи и исторіи. 21 янв. 1897 г. Бобковъ „Община на Руси въ ея историческомъ развитіи“ (стр. 51).

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. 31 янв. 1897 г. А. А. Диваевъ „О происхожденіи злыхъ духовъ по вѣрованіямъ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области“; А. М. Александровъ „Матеріалы XVII вѣка, присланные В. М. Терехинымъ, касающіеся быта инородцевъ Пензенскаго края“; А. А. Диваевъ „Древне-киргизскія похороны“ (стр. 93).

Туркестанскій кружокъ любителей археологіи. 11 дек. 1896 г. Отчетъ о дѣятельности кружка за 1896 г. И. В. Аничковъ „Поѣздка въ Мерке для изслѣдованія каменныхъ бабъ“; В. Н. Паньковъ „Пещеры въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ“ (стр. 53 и 205). 10 ноября 1897 г. Докладъ Н. Н. Щербины—Крамаренки (стр. 409).

IV. Библіографія.

Стр.

Императорскій Россійскій Историческій Музей. Описаніе памятниковъ. Выпускъ I. Русскія монеты до 1547 г. 24

Императорскій Эрмитажъ. Музей древней скульптуры. *В. С.* 24

В. Георгіевскій. Краткое описаніе церковно-историческаго древле-хранилища при братствѣ св. Александра Невскаго. *М. Сперанскій* 26

В. Георгіевскій. Владиміръ на Клязьмѣ и его достопримѣчательности. *М. Сперанскій* 28

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина. Ч. II. . . . 28

O. Montelius. Zur Geschichte d. ältesten Wohnhauses in Europa. (Archiv f. Anthrop., XXIII, 3) 28

S. Reinach. La sculpture en Europe avant les influences greco-romaines. (Anthropologie, 1896, № 2). 29

Rich. Löwe. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere 29

P. Hauberg. Médailles romaines d'or et d'argent, d'avant le milieu du VI-e siècle, truvées dans les pays scandinaves. (Mém. de la Soc. d. Antiquaires du Nord, 1895) 30

Стр.
A. Lefèvre. Les étrusques. (Revue du linguistique) 31
Матеріалы для археологіи восточныхъ губерній Россіи. В. II. 58
H. Matiegka. Anthropologie in der prähistorischen Ansiedelung bei Knovize u in der prähistorischen Zeit überhaupt. (Mittheil. d. Anthr. G. in Wien. 1896. Bd. XXVI, № 3). *Н. Х.* 58
I. Hampel. Neuere Studien über die Kupferzeit. (Zeischrift f. Ethnologie. Bd. XXVIII, 2). *Н. Х.* 61
Bulletin de correspondence hellénique. I—X, 1896. *М. Сп.* 62
Mittheilungen des archeol. Instituts. Römische Abtheilung. B. XI, 3. *М. Сп.* . . . 63
Byz. Zeitschr. B. V. Heft 3—4 64
Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. V. 94
Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. VIII, вып. 1 и 2. *Н. Х.* 135
Чтеніе въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кн. 1, 1897 г. *С. С.* 137
А. И. Черепнинъ. Дневникъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1896 г. въ Зарайскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ 139
М. А. Веневитиновъ. Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697 — 1698 гг. *М. Д.-З.* 140
Проф. Е. Ѳ. Карскій. Изъ лекцій по славянской кирилловской палеографіи. *М. Д.-З.* 141
Георгіевскій. Черныя ризы. (Русск. Вѣстн. 1896, № 3). *А. С.* 142
М. Дьяконовъ. Акты, относящіяся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. II. *М. Д.-З.* 143
A. P. Madsen. Trouvailles de cercueils en chêne de l'age de bronze en Danemark. *А. С.* 143
Finkel. Bibliografia historyi polskiej. Cz. II, seszyt II. 206
Bulletin de correspondence hellénique. 1896, XI 207
Mittheilungen des archeol. Instituts. Athenische Abtheilung. XXI, 4 207
Jahrbuch des k. deutschen archeol. Instituts. XI 208
Труды VIII Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Томъ III 264
Труды IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ II. 265
Отчеты Императорской Археологической Коммиссіи за 1894 г. *Н. Х.* 266
А. Спицынъ. Курганы С.-Петербургской губерніи въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго. *Н. Х.* 270
Отчетъ о дѣятельности Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи за 1896 г. 271
Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Т. I. . . 271
Baron de Baye. La nécropole d'Ananino. (Memoires de la Société nationale des Antiquaires de France. T. LVI) 296
L. Marsaux. Icones russes du baron de Baye. (Messager de st. Joseph. Juillet, 1897) 297
Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus d. Jahr. 1896. 297
Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte, IV, 1896. *Е. Рѣдинъ* 298
Bulletino della Commissione archeologica communale di Roma. 1897, Fasc. I. *Е. Рѣдинъ* 299
Zelia Nuttall. On ancient mexican chields. (Internationales Archiv für Ethnographie, V). *С. Слуцкій.* 300
Zelia Nuttall. Ancient mexican feather work at the Columbian Historical Exposition at Madrid. *С. Слуцкій.* 300
Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1896 г. *С. С.* 334

Стр.
А. Н. Зерцаловъ. Акты XVI—XVII вв. 335
Patroni. La civilisation primitive dans la Sicile orientale 336
О. Ф. Ретовскій. Генуэзско-татарскія монеты города Каффы. *В. К. Т.* 360
П. В. Зубовъ. Матеріалы по русской нумизматикѣ 361
Wl. de Bock. Poteries vernissées du Caucase et de la Crimée. (Mém. de la Société nat. des Antiquaires de France, LVI). *Н. Харузинъ* 362
Ив. Савенковъ. Каменный вѣкъ въ Минусинскомъ краѣ 364
G. Schweinfurt. Ueber den Ursprung d. Aegypter. (Verhaudl. d. Berlin. anthropol. Gesellschaft, Bd. XXIX). 365
H. Conwentz. Die Moorbrücken im Thale der Sorge. *H. X.* 365
Chr. Blinkenberg. Antiquités prémycéniennes. Chaudron étrusque sur roulettes, trouvé à Scallerup 367

V. Некрологи.

К. Строичинскій *(Н. Я.)*. 32
Ф. В. Духовниковъ *(А. Спицынъ)*. 95
А. М. Павлиновъ 368

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

62 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

1897 г. № 12

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1945 г. БИБЛІОТЕКА НИ Института Краеведческой и Музейной работы 58

I.

Братина Мамай.

Какъ извѣстно, въ старомъ до-петровскомъ русскомъ общежитіи дары, подарки, такъ называемыя поминки, какъ выраженія или знаки добраго привѣта и памятливаго вниманія, входили въ кругъ неизмѣнныхъ и нерушимыхъ порядковъ и уставовъ, и домашней, и общественной жизни. Обычай даренія въ своемъ родѣ былъ непреложнымъ закономъ тогдашней свѣтскости, если можно такъ выразиться, имѣя въ виду бытовые порядки вѣжливости, приличія, почтенія и уваженія и весь чинъ народнаго дружелюбнаго обхожденія. Безъ подарка гость не отворялъ дверей къ хозяину; безъ подарка хозяинъ не отпускалъ гостя съ своего двора. Такъ водилось и въ высокомъ, и въ низменномъ быту народа.

Конечно, темная сторона этого старо-древняго обычая распространяла у всякой власти взяточничество и всяческіе поборы, насильственно заставляя нести подъ видомъ даровъ и поминокъ прямыя взятки надобнымъ властнымъ людямъ. Но свѣтлая сторона обычая, оставаясь особымъ радованіемъ или особымъ радушіемъ въ обхожденіи людей, укрѣпляя добрыя отношенія въ общежитіи, выразилась также и въ томъ обстоятельствѣ, что дары получили значеніе награды за службу и за всякіе

подвиги на пользу общества и государства и именовались уже государевымъ пожалованіемъ.

Дары въ собственномъ смыслѣ, какъ и награды дарами въ то время состояли изъ предметовъ, которые должны были удовлетворять казовымъ потребностямъ жизни, главнымъ образомъ, изъ предметовъ богатой одежды и дорогой столовой *питьей* утвари.

Такъ, высшимъ пожалованьемъ была дорогая *шуба*, блистательная по высокому достоинству драгоцѣнныхъ тканей и мѣховъ, и вмѣстѣ съ нею дорогой серебряный вызолоченный *кубокъ*. Это была награда боярская по преимуществу.

Средняя награда ограничивалась *ковшемъ* и портищемъ (кускомъ) дорогой ткани на одежду.

Въ меньшую награду шли *чарки* и портища на одежду не особенно дорогія.

Жалованная богатая шуба на выходахъ изъ дома, или жалованный кубокъ за домашнимъ гостепріимнымъ столомъ, какъ и жалованный ковшъ и чарка, являлись выразительными свидѣтелями оказанныхъ заслугъ государю и отечеству.

Такимъ образомъ изъ наградныхъ сосудовъ кубокъ считался, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, какъ бы высшимъ орденомъ и въ самыхъ дарахъ онъ также занималъ выдающееся мѣсто. Обыкновенно вѣсъ и художественное достоинство кубка уравнивались съ вѣсомъ оказываемаго вниманія и почета лицу, какъ въ дарахъ, такъ и въ наградахъ.

Но были случаи, что и награда и даръ питьимъ сосудомъ превышали и первенствующее значеніе кубка.

Такъ, въ 1591 г., во время нашествія на Москву крымскаго хана Казы-Гирея, по случаю его внезапнаго бѣгства отъ города, когда такая легкая побѣда надъ нимъ была присвоена исключительно только заслугамъ самого правителя государствомъ, Бориса Годунова, то этотъ побѣдитель получилъ за свой пресловутый подвигъ небывалыя награды: во-первыхъ честнѣйшее всѣхъ бояръ имя государева *слуги*; вмѣстѣ съ тѣмъ государь (Ѳедоръ Ивановичъ) далъ ему съ своихъ плечъ дорогую *шубу*, словетъ Русская, въ тысячу рублей, съ золотыми пуговицами, да съ себя цѣпь золотую дорогую, да „*судно* золото, словетъ *Мамай*, что на Мамаевѣ побоищѣ побилъ Великій Государь Царь и Великій Князь Дмитрей Ивановичъ Донской Мамая царя и то судно тогды взято его Мамаевское царево и государь пожаловалъ Бориса Ѳедоровича для памяти роду его“ [1]).

---

[1]) Карамзинъ, X, пр. 270.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Дѣйствительно ли этотъ сосудъ принадлежалъ нѣкогда Мамаю, или онъ былъ сооруженъ въ позднее время быть можетъ по распоряженію самого Годунова по преданію или по памяти о такомъ сосудѣ времени Мамая, а также и по мысли о побѣдѣ надъ новымъ Мамаемъ, Казы-Гиреемъ,—рѣшить такой вопросъ затруднительно. Впрочемъ, въ духовныхъ граматахъ в. к. Василія Дмитріевича 1423 и 1424 гг. помянуто *судно, окованое золотомъ*, что дала ему мать его, т.-е. супруга его отца Дмитрія Донскаго, къ которой судно могло перейти по завѣщанію; но оно не сохраняетъ достопамятнаго имени Мамая, и при томъ выраженіе: окованое, указываетъ, что сосудъ былъ не изъ одного золота [1]).

Какъ бы ни было, но спустя 28 лѣтъ достопамятное *судно Мамай* снова появляется передовымъ въ числѣ знатныхъ даровъ, поднесенныхъ новоизбраннымъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ своему отцу Филарету Никитичу при посвященіи его въ санъ патріарха.

Это происходило 24 іюня 1619 г. Въ тотъ день новоизбранный святѣйшій патріархъ Филаретъ Московскій и всея Русіи и Ѳеофанъ патріархъ Іерусалимскій, а также митрополиты и архіепископы у Государя въ Золотой полатѣ ѣли и послѣ стола Государь дарилъ отца своего и богомольца и первѣйшимъ даромъ было именно: „*судно золото Мамай*, на поддонѣ, ложки продолговаты, по вѣнцу и по ложкамъ рѣзаны травы, поддонъ рѣшетчатъ, у судна руковедь — змѣй лютой, обвился хоботомъ, во ртѣ голова человѣчья; вѣсу три гривенки“.

Затѣмъ въ дарахъ слѣдовалъ золотой ковшъ, украшенный дорогими каменьями, потомъ два кубка, двѣ стопы и пр. Ковшъ потому занялъ здѣсь свое мѣсто, что былъ дорогимъ подаркомъ царю отъ его матери, какъ это значилось въ надписи на немъ, гласившей слѣдующее: „Божіею милостію мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михаило Ѳедоровичъ всея Русіи Самодержецъ. А пожаловала тѣмъ ковшомъ насъ Великаго Государя мать наша, Великая Государыня инока Марфа Ивановна въ лѣто 7126-е апрѣля въ 5 день, на Свѣтлое Воскресеніе, въ шестое лѣто государства нашего; вѣсу (въ ковшѣ) 6 гривенокъ“ [2]).

Послѣ церемоніи богатые дары были отнесены на патріаршій дворъ, а затѣмъ патріархъ прислалъ ихъ обратно на Казенный государевъ дворъ въ государеву казну, какъ случалось нерѣдко въ подобныхъ обстоятельствахъ. Надо было въ этомъ случаѣ нерушимо соблюсти древній уставъ и обрядъ жизни и вынести, хотя бы только на показъ, самые богатѣйшіе дары, соотвѣтственные высокому патріаршему сану, а также и близ-

---

1) Собр. Госуд. Граматъ, I, 81 и 84.

2) Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. 1882, кн. 1, Дополненія къ Дворц. разрядамъ, стр. 168.

кому царскому родству, а казна въ это время у патріарха-отца и у царя-сына была еще нераздѣльная и притомъ недостаточно еще богатая.

Поступило ли обратно въ царскую казну и это знатное *судно Мамай*, неизвѣстно. Впослѣдствіи въ казнѣ самого патріарха Филарета находилась, между прочимъ, „Братина золота, чеканная, съ покрышкою, подпись финифтомъ—государево царево имя“, которую недѣли за двѣ до своей кончины патр. Филаретъ подарилъ своему внуку царевичу Алексѣю Михайловичу [1]). Повидимому, эта братина была другая, чѣмъ судно Мамая; въ ея описи не упомянуто о рукояти, находившейся у Мамаева сосуда. И въ царской казнѣ, сколько намъ извѣстно, не видится никакихъ слѣдовъ объ этомъ Мамаевомъ сосудѣ.

Неизвѣстно также, было ли подаренное теперь патріарху судно Мамай то самое, которое царь Ѳедоръ Ивановичъ пожаловалъ за службу Борису Годунову. Казалось бы, что въ Смутное время, во время всеобщаго грабежа во всѣхъ углахъ Московской Руси, оно едва ли могло сохраниться. Почти всѣ драгоцѣнности царской казны пошли тогда на уплату за службу стоявшему въ Кремлѣ Польскому войску, хотя все-таки сохранилась золотая шапка Мономахова, а потому могло сохраниться и золотое судно Мамай.

Однако есть свѣдѣніе, что сосудъ Мамай, какъ самый почетнѣйшій подарокъ, устраивался и домашнею работою по заказу самого Государя.

Извѣстно, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ послѣдніе годы своей жизни очень желалъ выдать въ замужство свою дочь царевну Ирину Михайловну за Датскаго королевича Волдемара Христіанусовича, который для этой цѣли и пріѣхалъ въ Москву. Дорогой женихъ былъ встрѣченъ и обласканъ царемъ, какъ родной сынъ. Конечно, дары при такомъ случаѣ, съ обѣихъ сторонъ, заняли подобающее обычное мѣсто, и государь всячески заботился, чтобы эти знаки сердечнаго расположенія были достойны своей цѣли, а потому, еще слишкомъ за шесть недѣль до прихода королевича въ Москву, онъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе, которое мы приводимъ въ подлинной издѣльной запискѣ.

„Въ нынѣшнемъ во 152 (1643) году декабря въ 6 день указалъ государь царь и в. к. Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи здѣлать *братину золотую Мамай* съ каменьемъ, съ лалы и съ яхонты лазоревыми, и съ изумруды, и съ финифты. И въ Приказѣ Золотаго дѣла та братина золотая *Мамай* съ финифты и съ каменьемъ здѣлана, золота пошло въ тоѣ братину 244 золотыхъ угорскихъ, вѣсу въ золотыхъ 2 фунта

---

[1]) Русская Истор. Библіотека, т. III, 938.

6 золотникъ безъ четверти; а съ удѣлкомъ пошло 259 золотыхъ, цѣна по рублю золотой. Да каменья въ тоѣ братину поставлено: въ середкахъ въ мишени въ гнѣздѣ яхонтъ лазоревъ граненой, взятъ изъ государевы Мастерскіе полаты, а по оцѣнкѣ золотого дѣла мастеровъ цѣна 50 рублевъ. Да кругъ братины поставлено каменья: два лала въ гнѣздахъ вставошныхъ; выняты изъ казны отъ золотого дѣла изъ крыжа золотого, а по оцѣнкѣ золотого дѣла мастеровъ цѣна двумъ лаломъ 110 рублевъ; да изумрудъ вставошной, вынятъ изъ казны отъ золотого жъ дѣла, изъ крыжа золотово, а по оцѣнкѣ золотово дѣла мастеровъ цѣна изумруду 70 рублевъ; да яхонтъ лазоревъ вставошной, взятъ изъ государевы Мастерскіе полаты, а по оцѣнкѣ золотого дѣла мастеровъ цѣна яхонту 30 рублевъ; да яхонтъ граненой вставошной, взятъ съ Казеннаго двора изъ запоны золотой, а по оцѣнкѣ з. д. м. цѣна яхонту 60 рублевъ; да изумрудъ вставошной, купленъ у торгового человѣка у Дмитрія Толстого, а данъ 56 рублевъ. Да на тоежъ братину здѣлана въ Приказѣ золотого и серебреного дѣла по государеву указу *чарка* золотая съ чернью; золота пошло въ чарку 65 золотыхъ угорскихъ, вѣсу въ нихъ 52 золотника безъ четя, а съ удѣлкомъ пошло въ чарку золота 69 золотыхъ, цѣна по рублю золотой.

И тоѣ братину золотую съ каменьемъ и чарку указалъ государь отослати въ Казенный приказъ; и въ Казенный приказъ та братина золотая съ каменьемъ и чарка въ государеву казну принята. А по досмотру казначея Богдана Минича (Дубровскаго) и діаковъ Григорья Панкратьева да Алмаза Иванова у братины по вѣнцу подпись: Божіею милостію Великій Государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель. А у чарки по вѣнцу жъ подпись: Божіею милостію Великій Государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи Владимерскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астараханскій и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель. А слова наведены чернью. А тою братиною и чаркою государь царь и в. к. Михайло Федоровичъ всеа Русіи дарилъ Датскаго королевича Волдемара Хрестьянусовича“ [1]).

На основаніи этого свидѣтельства можно заключить, что въ XVII ст. именемъ *Мамай* обозначались уже братины новаго издѣлія, повидимому, исключительно золотыя и богато украшенныя дорогими каменьями, такъ что слово *Мамай* въ собственномъ смыслѣ обозначало особо цѣнный и богато, и художественно украшенный сосудъ. Быть можетъ также,

[1]) Архивъ Дворцоваго Вѣдомства, Расх. книга, № 793, старый.

что съ именемъ *Мамай* соединялся и особый видъ или форма такого сосуда.

Ив. Забѣлинъ.

II.

Золотой перстень, найденный на Куликовомъ полѣ.

На Куликовомъ полѣ, были найдены два перстня: одинъ блѣднаго золота, съ изображеніями архистратига Михаила и архангела Гавріила, другой мѣдный, съ фамильнымъ знакомъ. Оба перстня были переданы въ Имп. Россійскій Историческій музей Д. И. Андреевскимъ. Первый изъ этихъ перстней составляетъ предметъ настоящей замѣтки.

Этотъ перстень состоитъ изъ довольно толстаго кольца съ большимъ шестиугольнымъ щиткомъ. Кольце литое, украшенное глубокой рѣзьбой: на противоположной щитку сторонѣ оно представляетъ двѣ соединенныхъ руки; въ обоихъ своихъ концахъ, примыкающихъ къ щитку, кольцо представляетъ руку держащую, ладонью къ зрителю, короткій стержень, изъ котораго выходитъ вверхъ симметричная трехлистная вѣтка: средній листокъ, гладкій, лежитъ вдоль боковой грани щитка, боковые листки, болѣе длинные, гравированные штрихами, лежатъ каждый вдоль одной длинной боковой стороны щитка; всѣ три листка вѣтки своими концами доходятъ до верхней доски щитка (см. рис. 54 въ нат. вел.). Части кольца, находящіяся между соединенными и одиночными руками представляютъ колѣнчатый стебель съ продольными нарѣзками. Двѣ короткія боковыя стороны щитка имѣютъ по концамъ—справа и слѣва—мелкій растительный орнаментъ, изогнутый въ видѣ буквы S и вписанный въ четвероугольникъ. Весь щитокъ представляетъ изъ себя невысокую шестигранную коробку: верхъ — содержащій изображенія Михаила и Гавріила, — есть крышка коробки и съ обратной своей стороны имѣетъ двѣ петли: одною изъ нихъ крышка прикрѣплена къ одной изъ короткихъ сторонъ щитка, между двумя пальметками, изогнутыми въ видѣ S; другая петля, помѣщенная на противоположномъ концѣ крышки, опускается вглубь коробки у другой короткой боковой стороны щитка, которая также имѣетъ отверстіе между двумя пальметками, изогнутыми въ видѣ буквы S. Стержень, состоящій изъ перегнутой вдвое золотой

Рис. 54.

пластинки, входитъ сквозь это отверстіе вглубь коробки и запираетъ ее, проходя чрезъ петлю верхней крышки. Отверстіе, въ которое входитъ стержень, совершенно прикрывается его прямоугольной головкой. Бока коробки образованы толстыми, узкими золотыми пластинками, припаянными къ гладкому основанію; подобными пластинками коробка внутри раздѣлена на камеры: въ длинной, узкой камерѣ, идущей по срединѣ коробки вдоль, движется запирающій ее стержень; боковыя камеры — по три съ каждой стороны — видимо предназначены для мощей (см. рис. 55). Въ орнаментахъ кольца не трудно узнать античные мотивы, сохранявшіеся и въ послѣдующее время — какъ въ Византіи, такъ и на средневѣковомъ Западѣ. По этимъ орнаментамъ нельзя съ достовѣрностью судить о времени и мѣстѣ изготовленія перстня. Нѣкоторыя данныя для рѣшенія этихъ двухъ вопросовъ могли бы дать рѣзанныя вглубь надписи и изображенія верхней крышки; но какъ эти надписи, такъ и изображенія, могли быть вырѣзаны въ другое время и не въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣлался самый перстень: изображенія верхней крышки щитка довольно грубы по сравненію съ орнаментами его боковыхъ сторонъ (трилистныя вѣтки, пальметки въ видѣ S) и орнаментами кольца (руки).

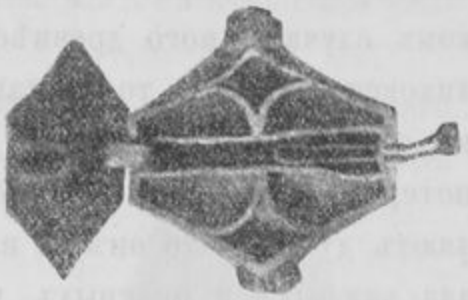


Рис. 55.

Надписи славянскія: **МИХАИЛЪ**, **ГАВРИЛЪ**,—но русскія или нѣтъ, рѣшить невозможно: онѣ не содержатъ характерныхъ чертъ языка. Стяженіе двухъ **И** въ одно въ словѣ **ГАВРИЛЪ** могло произойти какъ въ Россіи, такъ и на славянскомъ югѣ. Мѣсто нахожденія перстня также не рѣшаетъ вопроса. Только нѣкоторыя палеографическія соображенія говорятъ въ пользу русскаго происхожденія надписей. Буквы надписи рѣзаны грубымъ орудіемъ, онѣ неодинаковой величины, почти всѣ — некрасиваго рисунка, расположены неправильно, но въ общемъ такъ, чтобы заполнить какъ можно больше свободнаго поля по бокамъ изображеній и занять это поле сплошь, безъ значительныхъ пробѣловъ: издали подобныя надписи на бытовыхъ предметахъ должны дѣйствовать на зрителя, какъ орнаментъ, разсѣянный по полю. Если мѣсто благопріятствуетъ тщательному исполненію надписи, ея орнаментальный характеръ проявляется также извѣстнаго рода стилизаціей отдѣльныхъ буквъ; въ нашихъ надписяхъ, стѣсненныхъ мѣстомъ, наблюдается только искаженіе обычныхъ начертаній: сжатое **К** (**ГАВРИЛЪ**), ломанныя линіи у **Л** (**МИХАИЛЪ**), несимметрично растянутыя **Ъ** (въ обоихъ словахъ), несимметричныя **И** въ обоихъ окончаніяхъ - **ИЛЪ**: лѣвая вер-

тикальная черта буквы **Н** прямая, большая, правая—мала и выгнута; въ словѣ **МИХАИЛЪ** такое **Н** вполнѣ напоминаетъ **Є** вслѣдствіе того, что поперечная черта, вѣроятно случайно, продолжена слишкомъ далеко вправо. Болѣе или менѣе правильный уставный рисунокъ имѣютъ лишь первыя три буквы слова **МИХАИЛЪ**. Надписи не содержатъ ни одной изъ тѣхъ характерныхъ буквъ, которыя даютъ болѣе точныя хронологическія данныя. Все же буквы **МИХ** могутъ быть относимы къ древнѣйшему славянскому уставу—съ XI и до средины XIII вѣка, остальныя буквы не противорѣчатъ такому предположенію. Перстень во всякомъ случаѣ много древнѣе 1380 года, и если былъ свидѣтелемъ Куликовской битвы, то составлялъ вѣроятно старинный родовой клейнодъ въ семьѣ лица, надѣвшаго его въ битву. Перстень сравнительно мало потертъ. Священно-охранныя изображенія и камеры для мощей позволяютъ думать, что онъ не назначался для ежедневнаго ношенія, а лишь для важныхъ и опасныхъ часовъ жизни. Кромѣ того перстень, какъ увидимъ далѣе, могъ имѣть назначеніе фамильной печати.

Надписи перстня въ палеографическомъ отношеніи должны быть сравниваемы не съ начертаніями рукописей, не съ мозаичными и фресковыми надписями, а съ надписями мелкихъ предметовъ древнѣйшаго металлическаго производства. Матрицы или штампы такихъ предметовъ получали, подобно нашему перстню, надписи рѣзанныя вглубь и нерѣдко столь же стѣсненныя, какъ и на нашемъ перстнѣ. Но большинство металлическихъ предметовъ этого рода само не имѣетъ твердой даты. Вотъ почему, оставляя въ сторонѣ кресты, панагіи, змѣевики и т. п., мы ограничимъ сравненіе древнѣйшими русскими монетами. Такое сравненіе, облегченное для меня указаніями А. В. Орѣшникова, приводитъ къ слѣдующему: несимметричностью, разбросанностью надписей, искаженіемъ контура отдѣльныхъ буквъ монеты, приписываемыя Владиміру Святому, Святополку Окаянному и Ярославу Мудрому, очень напоминаютъ нашъ перстень. Но этимъ не ограничивается сходство: и начертанія отдѣльныхъ буквъ часто тождественны на монетахъ и на перстнѣ. Находимый на перстнѣ древнѣйшій типъ **М** съ угловатой, недоходящей до низу перемычкой (см. рис. 56) часто встрѣчается и на монетахъ; тоже слѣдуетъ сказать относительно **Р**, состоящаго изъ вертикальной, незакругленной вверху черты и полнаго, почти правильнаго полуциркуля, примыкающаго къ ней справа. Буква **Ъ** на монетахъ имѣетъ разнообразныя, часто неправильныя и какъ бы скорописныя начертанія, приближаясь тѣмъ къ обоимъ **Ъ** нашихъ надписей; **Л** на монетахъ имѣетъ различныя искривленія линій, не столь сильныя, какъ въ словѣ **МИХАИЛЪ** нашего перстня, но болѣе сильныя, чѣмъ въ словѣ **ГАВРИЛЪ**,

и того же характера; **К** съ угловатыми петлями господствуетъ на монетахъ (сравни Чернева „Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ“, Спб. 1888, сводныя таблицы надписей на стр. 101—111, и гр. И. Толстаго „Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣковъ“, Спб. 1893, сводная таблица буквъ на стр. 59). Всего ближе къ начертаніямъ нашего перстня стоитъ „Ярославле сребро“ одного типа (см. гр. И. Толстаго „Древнѣйшія русскія монеты княжества Кіевскаго“, табл. 13, № 6), на которомъ находимъ вмѣстѣ **Л, К, Л, М** и **Р** всего болѣе подходящіе къ типамъ надписи нашего перстня (см. въ нѣсколько увелич. видѣ на рис. 56).

Изображенія Михаила и Гавріила, находимыя на щиткѣ нашего перстня, по стилю и работѣ не могутъ быть названы изящными. Обѣ фигуры тяжелы, крылья непропорціонально велики; головы—безъ признаковъ лица. Но въ то же время эти изображенія обнаруживаютъ подраженіе болѣе совершенному оригиналу. Спокойная постановка фигуръ, способъ, которымъ ангелы держатъ въ одной рукѣ державу, въ другой — скипетръ съ тремя лепестками вверху, наконецъ, сильная пластичность фигуръ—выпуклость груди и бедръ, даютъ ясное понятіе о византійскомъ изображеніи, которое воспроизводилъ рѣзчикъ.

Рис. 56.

Византійскія черты видны еще и въ изображеніи одежды: двойная линія оплечья вверху, двойная линія пояса, идущая слѣва направо вверхъ, двойная линія, идущая сверху внизъ вдоль груди—изображаютъ, хотя и очень ошибочно, lorum — царскій парчевой шарфъ. Оба изображенія ангеловъ почти тождественны, и воспроизводятъ типъ архистратига Михаила, часто встрѣчающійся на византійскихъ печатяхъ. Шлумбергеръ, въ трудѣ Sigillographie Byzantine, приводитъ нѣсколько изображеній Михаила, служащихъ къ уясненію типовъ нашего перстня. Таково изображеніе № 31 на стр. 59; или изображеніе № 15 на стр. 169,—это послѣднее представляетъ lorum, трехлепестный скипетръ въ правой рукѣ и неясную державу въ лѣвой; № 1 на стр. 251 изображаетъ печать изъ эпохи Комненовъ; здѣсь мы находимъ нимбъ, скипетръ въ правой, державу съ крестомъ поверхъ ея—въ лѣвой; lorum изображено уже безъ пониманія: вверху—въ видѣ полукруглаго оплечья, у бедръ въ видѣ пояса; но lorum явственно изображено на лѣвой рукѣ, съ которой конецъ его широкой лентой спадаетъ назадъ. На стр. 350

№ 1 находимъ нимбъ, скипетръ съ тремя лепестками, державу безъ креста (какъ въ рукѣ Гавріила на нашемъ перстнѣ); lorum всюду изображено правильно. Печать относится, повидимому, къ эпохѣ Палеологовъ. На стр. 647 № 1 изображена печать Христофора Копсина, до сихъ поръ висящая на рукописи 1089 года, написанной этимъ лицомъ. Нимбъ, скипетръ съ тремя лепестками и держава безъ креста изображены очень ясно. Одежда усыпана жемчужинами—одинъ рядъ ихъ идетъ полукругомъ въ видѣ оплечья, другой посрединѣ груди сверху до низу, третій—поднимается отъ пояса къ лѣвой рукѣ—это единственный слѣдъ первоначальнаго лора. На нашемъ перстнѣ главнымъ несомнѣннымъ слѣдомъ лора является косое направленіе пояса. Въ сравненіи съ лоромъ поясъ идетъ въ обратномъ направленіи, какъ равно скипетръ и держава изображены на перстнѣ не въ той рукѣ, что̀ на указанныхъ византійскихъ печатяхъ. Изображенія перстня, очевидно, взяты съ штампа, а не съ оттиска, и самъ перстень могъ употребляться въ качествѣ печати. Черты непониманія рисунка могли быть уже въ оригиналѣ. Неясное пониманіе лора находимъ также на золотой „черниговской гривнѣ“, относимой къ русскимъ работамъ X—XI вѣка (см. гр. И. Толстой, „О русскихъ амулетахъ, называемыхъ змѣевиками“ Зап. Рус. Арх. Общ., т. III, табл. XV, 1), хотя изображеніе арх. Михаила, находимое на этомъ памятникѣ, вообще безупречно воспроизводитъ византійскій стиль.

Изображеніе черниговской гривны сходится съ изображеніями перстня также въ одной детали: крылья византійскихъ ангеловъ имѣютъ обыкновенно ободокъ изъ двухъ линій вдоль оплечья. На черниговской гривнѣ опереніе изображено съ самаго верха крыльевъ, безъ ободка; тоже самое рѣзчикъ нашего перстня пытался изобразить при помощи поперечной насѣчки вдоль оплечья крыла. Перенесеніе типа Михаила на изображеніе Гавріила находитъ объясненіе въ Византійской сигиллографіи. Въ трудѣ Шлумбергера мы не находимъ ни одного изображенія архангела Гавріила, а на печати № 15, стр. 169, принадлежащей Гавріилу, царскому протоспаѳарію и судьѣ Эллады, вмѣсто ожидаемаго патрона этого лица изображенъ архистратигъ Михаилъ, вообще чрезвычайно популярный въ византійской сигиллографіи.

Приведенныя соображенія позволяютъ допустить, что золотой перстень, найденный на Куликовомъ полѣ, относится къ русскимъ работамъ XI вѣка, или по крайней мѣрѣ около этого времени, и во всякомъ случаѣ не позднѣе XII вѣка, украшенъ русскою рѣзьбою.

В. Щепкинъ.

III.

Двѣ древне-русскія деньги.

I. Между монетами Историческаго Музея (см. „Русскія монеты до 1547 г.“) мною описана подъ № 549 одна деньга, очень плохо сохранившаяся, на которой я могъ разобрать только буквы ..MZI.. | .ҰГЛОҰ |. Сходство съ типами монетъ, приписываемыхъ Василію Темному, заставило меня временно, пока не найдется экземпляръ лучшей сохранности, помѣстить ее въ 3-ю группу монетъ в. к. Василія Васильевича. Просматривая собраніе удѣльныхъ монетъ гр. И. И. Толстого, мнѣ встрѣтилась одна монета, хотя отличающаяся отъ описанной мною тѣмъ, что на лицевой сторонѣ имѣла вокругъ всадника надпись, которой на № 549 нѣтъ, но въ остальномъ довольно сходная съ монетою Историческаго Музея.

Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ владѣльца на изданіе этой интересной монеты, сообщаю ея описаніе (см. рис. 57):

Рис. 57.

Всадникъ съ соколомъ въ рукѣ, вправо, среди линейнаго ободка. Круговая надпись: ....ДАМЪРЪОҰГЛО..... (послѣ **О** слѣды неясныхъ буквъ).

Обр. Надпись въ четыре строки [1]) среди ободковъ линейнаго и изъ точекъ:

.КАИЪ | БИОЛАД | АМЪРЪ | ОҰГЛОҰ |

Вѣсъ 16 1/2 дол. Около верха буквы **Л** на второй строкѣ—точка; также въ послѣдней строкѣ находятся точки между буквами **Ұ** и **Г**, внизу буквы **Л** и вверху между буквами **Л** и **О**.

Надписи на обѣихъ сторонахъ, повидимому, одного содержанія, но, къ сожалѣнію, круговая надпись лицевой стороны сбита къ краю, такъ что вполнѣ ее прочесть нельзя; кромѣ того, я не увѣренъ, точно ли мною разобраны нѣкоторыя буквы, напр., **Ъ** послѣ **Р** на лицевой сторонѣ и буквы **Б И** на второй строкѣ обратной стороны; остальныя буквы, повидимому, переданы въ транскрипціи также, какъ на монетѣ [2]).

Смыслъ надписи въ томъ видѣ, какъ я ее читаю, загадоченъ. Понятна только первая строка **ИКАИЪ** и, можетъ быть, послѣдняя **ОҰГЛОҰ**; что же касается обѣихъ среднихъ, то онѣ представляютъ какой то наборъ буквъ, смыслъ которыхъ можно только предположить. Въ „Рус-

---

[1]) Существовала, можетъ быть, сверху еще одна строка, но по этому экземпляру судить трудно.

[2]) Переданныя въ транскрипціи буквы монеты Историческаго Музея № 549 можно исправить по экземпляру гр. И. И. Толстого.

скихъ монетахъ до 1547 г.“ мнѣ не разъ приходилось указывать на надписи, содержаніе которыхъ не поддается объясненію (см., напр., №№ 679, 934, 934[a], 939[a], 949 и др.). Чѣмъ руководствовались рѣзчики, сказать не могу, тѣмъ болѣе въ иныхъ случаяхъ встрѣчаются экземпляры одного и того же типа съ надписями, какъ понятнаго, такъ и совсѣмъ непонятнаго содержанія (ср., напр., монету типа № 939).

Слово или слова второй и третьей строкъ издаваемой монеты не понятны, но если въ первой ясно читается имя **ИКАНЪ**, то очень вѣроятно предположить въ слѣдующихъ строкахъ отчество; слово **...ОЛАДАМЪРЪ** заключаетъ въ себѣ буквы, встрѣчающіяся въ имени Володимиръ или Володимировичъ, возможно поэтому допустить, что рѣзчикъ хотѣлъ воспроизвести именно это имя и въ такомъ случаѣ у насъ получается имя Иванъ Владиміровичъ. Монетныя надписи того времени, особенно на тверскихъ монетахъ, были очень несовершенны; рѣзчикъ сокращалъ, даже измѣнялъ слова до неузнаваемости, и догадываться о принадлежности монеты тому или другому князю можно было только по общимъ признакамъ монеты (см., напр., въ ук. изд., №№ 160, 187, 188, 189 и мн. др.). Послѣднее слово **ОҶГЛОҶ** напоминаетъ Угличъ, но представляетъ ли такая форма написанія (Углочъ) одно изъ прежнихъ именъ Углича, можетъ быть, по мѣстному говору, сказать не могу. Въ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ документахъ XV вѣка [3]), Угличъ назывался Углечъ или Углече Поле, но не Углочъ; къ тому же XV-му стол., на основаніи вѣса и типа, относится и наша монета. Допустивъ, что послѣдняя строка означаетъ имя города Углича, мы, такимъ образомъ, встрѣчаемъ новый типъ монетъ княжества Углицкаго, но какому князю принадлежатъ деньги Историческаго Музея № 549 и гр. И. И. Толстого— надпись монетъ съ достовѣрностью не открываетъ, тѣмъ болѣе передъ именемъ „Иванъ“ княжескаго титула не находится, опущеніе же княжескаго титула на монетѣ должно указывать, что на ней отчеканено имя денежника, а не князя. Но если первая строка съ словомъ „князь“ существовала, но не отчеканилась, и если допустить возможнымъ чтеніе отчества „Владиміровичъ“, тогда мы встрѣчаемъ неизвѣстнаго до сихъ поръ по лѣтописямъ и др. источникамъ князя Углицкаго Ивана Владиміровича.

Во второй половинѣ XIV в., когда на Руси стали чеканить собственную монету, Угличъ не былъ центромъ самостоятельнаго княжества. По духовному завѣщанію Дмитрія Донского Петръ Дмитріевичъ получилъ Дмитровъ и въ числѣ другихъ волостей Угличъ. При Василіѣ

3) См. Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 40. Акты Арх. Эксп. I, № 19.

Дмитріевичѣ Угличъ переходитъ къ Владиміру Андреевичу Серпуховскому въ обмѣнъ на Ржеву, которая поступаетъ Константину Дмитріевичу. По духовному завѣщанію Владиміра Андреевича Угличъ назначенъ его сыновьямъ Андрею и Василью „на полы“ (пополамъ). Въ 1411 году онъ еще находился во владѣніи сыновей Владиміра Андреевича, какъ это видно изъ грамоты князя Андрея Владиміровича Троице-Сергіеву монастырю [4]). Находился ли Угличъ во владѣніи братьевъ до ихъ смерти [5]), неизвѣстно и вообще свѣдѣній объ Угличѣ въ лѣтописяхъ до 1433 г. не встрѣчается. Въ этомъ году (Ник. V, 112, подъ 6941 г.) Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій „побѣжа ко князю Костянтину Дмитріевичу на Угличъ“—слѣдовательно въ 1433-мъ году углицкимъ княземъ былъ младшій сынъ Донского Константинъ, но въ которомъ году онъ получилъ въ удѣлъ Угличъ—неизвѣстно. Если монета указываетъ намъ новаго князя Ивана Владиміровича, то кромѣ старшаго сына Владиміра Андреевича Серпуховскаго, едва ли на кого другого можно указать [6]); при частомъ обмѣнѣ городовъ въ XV стол., возможно допустить, что Угличъ былъ взятъ у Андрея и Василія и отданъ ихъ старшему брату Ивану. Годъ смерти Ивана Владиміровича Серпуховского считаютъ, на основаніи родословныхъ, 1422-й [7]). Объ Иванѣ Владиміровичѣ, получившемъ по духовному завѣщанію отъ отца Серпуховъ, почти никакихъ свѣдѣній не сохранилось и единственными памятниками его княженія остались монеты, описанныя Шодуаромъ № 2905, Рейхелемъ № 4102, гр. Чапскимъ № 183 и Чертковымъ (изъ собранія Головина) № 497. Кромѣ того, Сонцовъ въ „Деньгахъ и Пулахъ“ Приб. II, стр. 21, т. XIII, 134, описываетъ двуименную монету в. к. Василія и кн. Ивана, при чемъ послѣдняго считаетъ за Ивана Владиміровича Серпуховского [8]).

Монеты князя Константина Дмитріевича Углицкаго описаны кн. Долгоруковымъ въ Зап. Имп. Арх. Общ., III, №№ 25 и 26 и Сонцовымъ въ Нум. Изсл., ч. 1-я, стр. 17, № 23.

---

4) См. Акты Арх. Эксп. I, № 19, гдѣ грамота отнесена къ 1414-му году, на основаніи года выхода замужъ дочери Василія Дмитріевича Анны за царевича Ивана Мануиловича въ Царьградъ; но во всѣхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ это событіе отнесено къ 6919, т. е. къ 1411-му году (см. П. С. Р. Л. IV, 113; V, 258; VI, 139; VIII, 86; XI, 217—218).

5) Андрей умеръ въ 1426 г., Василій въ 1427 г.

6) Въ началѣ XV в. княжилъ въ Пронскѣ Иванъ Владиміровичъ, но монетъ княжества Пронскаго намъ неизвѣстно; вѣроятно, тамъ въ обращеніи были Рязанскія.

7) См. Экземплярскій, Великіе и удѣльные князья, II, 305.

8) Если годъ смерти 1422-й въ родословныхъ показанъ вѣрно и князь Иванъ—Иванъ Владиміровичъ, то этою монетою доказывается, что двуименныя монеты могли быть чеканены и в. к. Василіемъ Дмитріевичемъ Московскимъ, а не исключительно его сыномъ, какъ это обыкновенно принято считать.

II. Между тверскими пулами не рѣдко встрѣчаются пулы съ буквою Д, окруженною точками, на лицевой сторонѣ и съ надписью **ПУЛЪТФѢРСКІ** на обратной [9]). Въ „Русскихъ монетахъ до 1547 г.“ подъ №№ 359—360 описаны двѣ разновидности такихъ пулъ съ указаніемъ литературы. Буква Д интересовала прежнихъ издателей монетъ—Черткова и Жизневскаго, которые пытались объяснить ее началомъ имени Дмитрій и, въ виду того, что въ великомъ княжествѣ Тверскомъ въ XIV и XV стол. княжилъ только одинъ вел. князь съ именемъ Дмитрія—Дмитрій Михайловичъ, по прозванію Грозныя Очи († 1325), то пулы съ буквою Д и были ему приписаны. Не буду повторять высказанныхъ мною въ „Русскихъ монетахъ до 1547 г.“ доводовъ, что въ началѣ XIV стол. какъ въ Твери, такъ и вообще на всей Руси, собственной монеты не существовало, поэтому, не допуская возможности приписать монету Дмитрію Михайловичу, буква Д остается загадкой. Въ собраніи графа И. И. Толстого находится одна деньга съ совершенно такою же, одиноко стоящею въ срединѣ, буквою Д, какъ на пулахъ, которая, можетъ быть, послужитъ ключемъ къ ея разгадкѣ. Въ виду того, что подобная деньга до сихъ поръ не была издана, помѣщаю, съ разрѣшенія владѣльца, ея рисунокъ (см. рис. 58) и описаніе:

Рис. 58.

Буква Д, по сторонамъ ея по три точки и одна точка внизу; круговая надпись между линейными ободками:

...КИЛZ...ДМТ...

Обр. По срединѣ, повидимому, такая же буква Д, но испорченная двойнымъ ударомъ штемпеля; круговая надпись также пострадала; замѣтны слѣдующія буквы:

...ЛДМТ..ТЬКІІ..... [10]).

Вѣсъ 10 долей.

Къ сожалѣнію, неудачная чеканка деньги не позволяетъ возстановить полной надписи, тѣмъ не менѣе, кажется, безъ ошибки можно догадаться, судя по остаткамъ буквъ, что на круговой надписи должно находиться имя „князя Дмитрія“. Изъ князей съ именемъ Дмитрія, чеканившихъ монету въ XV вѣкѣ, извѣстенъ только одинъ — Дмитрій Юрьевичъ Галицкій, къ которому, однако, издаваемую деньгу по ея внѣшнему виду отнести едва ли возможно, и къ какому княжеству принадлежитъ она, не зная ея мѣста находки, сказать точно нельзя; но, принимая во вниманіе сходство буквы Д на описываемой деньгѣ съ таковою же на тверскихъ пулахъ, можно ее отнести по внѣшнимъ, такъ

[9]) Орѳографія надписи обратной стороны пулъ разнообразна.

[10]) Въ буквахъ ть (печать?) я не увѣренъ.

сказать, признакамъ, къ вел. княжеству Тверскому. Деньга мало потерта, поэтому вѣсъ ея (10 д.) можетъ имѣть значеніе: при послѣднемъ вел. князѣ тверскомъ Михаилѣ Борисовичѣ самые легкіе экземпляры (изъ Волоколамскаго клада) вѣсятъ около 12 долей; такимъ образомъ, судя по вѣсу, издаваемую деньгу можно отнести ко времени послѣ присоединенія Твери, т. е. къ концу XV ст. Князь Дмитрій въ XV в. въ в. к. Тверскомъ намъ не извѣстенъ по лѣтописямъ, но чтобы оправдать высказанное мною предположеніе о тверскомъ происхожденіи деньги кн. Дмитрія, напомню тѣ нумизматическія данныя, которыя мною приведены въ изданіи „Русскія монеты до 1547 г.“: При Иванѣ III на Руси прекращается чеканка монетъ удѣльными князьями и, надобно полагать, при немъ же учреждаются монетные дворы въ Москвѣ, Твери и Новгородѣ, конечно, подъ вѣдѣніемъ Московскаго великаго князя. Но особенными привилегіями пользуется присоединенное въ 1486 г. къ Москвѣ великое княжество Тверское, которому предоставляется право чеканить монету съ именемъ „пожалованнаго Тверію“ вел. кн. Ивана, старшаго сына Ивана III [11]), что несомнѣнно подтверждается нумизматическими фактами (см. ук. изд., стр. 53—54). Чрезъ 8 лѣтъ послѣ смерти Ивана Молодого, сынъ его Дмитрій былъ вѣнчанъ на царство (въ 1498 г.) и титулъ великаго князя онъ носилъ до 1502 г., когда дѣдъ положилъ на него опалу. Сынъ Ивана III отъ Софьи, Василій, въ 1498 г. былъ назначенъ государемъ великимъ княземъ Новгорода и Пскова, а въ 1502 г., послѣ опалы на Дмитрія, Иванъ III посадилъ его на великое княженіе Владимірское и Московское. Предоставлена ли была Василію, также какъ Ивану Молодому, Тверь, письменные источники не говорятъ, но тверскіе пулы съ именемъ князя Василія Ивановича (см. тамъ же, стр. 54, №№ 331—332) указываютъ, что Василій Ивановичъ имѣлъ какое то отношеніе къ присоединенному великому княжеству Тверскому. Выдѣленіе Твери изъ прочихъ присоединенныхъ къ Москвѣ княжествъ подтверждается духовною грамотою Ивана III, написанною около 1504 г., въ которой онъ говоритъ (см. С. Г. Г. и Д., I, стр. 397): „А сынъ мой Юрьи зъ братьею по своимъ удѣломъ въ Московской землѣ и въ Тфѣрской денегъ дѣлати не велятъ; а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василей *на Москвѣ и во Тферѣ, какъ было при мнѣ.* А откупъ вѣдаетъ сынъ мой Василей, а въ откупъ у него мои дѣти Юрьи зъ братьею не въступаются“. Изъ грамоты видно, что Василію предоставлялось послѣ смерти отца чеканить въ Москвѣ

11) Пожалованіе Ивана Ивановича Тверью, можетъ быть, отчасти стояло въ связи съ тверскимъ происхожденіемъ первой жены Ивана III Марьи Борисовны († 1467 г.), матери Ивана Ивановича: она была дочерью вел. кн. Бориса Александровича Тверского.

и въ Твери монету и вѣдать откупъ (монетный), какъ было и при жизни отца, при чемъ младшимъ сыновьямъ права чеканить монету въ ихъ удѣлахъ не дано; такимъ образомъ, вышеприведенныя нумизматическія данныя можно поставить въ связь съ данными духовной грамоты.

Отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ объ отношеніяхъ внука Ивана III Дмитрія къ Твери ничего не позволяетъ сказать по этому поводу, но ставя въ связь нумизматическія данныя относительно Василія Ивановича, а также Ивана Ивановича, мнѣ кажется, что издаваемая монета князя Дмитрія даетъ возможность высказать догадку, что вѣнчанному на царство Дмитрію отданъ былъ денежный откупъ въ Твери или, какъ и его отцу, была „пожалована Тверь“, что, можетъ быть, входило въ политику Ивана III—не лишать присоединеннаго в. к. Тверскаго самостоятельнаго князя, назначая туда фиктивно князьями своихъ сыновей и внука. Если моя догадка о серебряной деньгѣ съ буквою Д оправдается путемъ находокъ въ предѣлахъ в. к. Тверского, то буква Д на пулахъ должна обозначать ихъ чеканку внукомъ Ивана III Дмитріемъ Ивановичемъ. Какая должна быть хронологическая послѣдовательность монетъ Димитрія и Василія, сказать затрудняюсь, хотя надобно полагать, что пулы князя Василія Ивановича чеканены ранѣе 1502 г., когда онъ былъ названъ вел. княземъ Московскимъ.

Подъ тверскими деньгами, о которыхъ говорится въ духовной грамотѣ Ивана III, едва ли могутъ подразумѣваться пулы, имѣвшіе значеніе размѣнной монеты, но, вѣроятно, серебряныя деньги. Серебряныя монеты Ивана Ивановича, хотя чрезвычайно рѣдки, но существуютъ (см. „Русскія Монеты“, стр. 53, рис. 5); предполагаемаго Дмитрія Ивановича серебряная деньга издается здѣсь; неизвѣстны до сихъ поръ были лишь деньги Василія Ивановича. Въ видѣ предположенія, я позволю себѣ высказать догадку о серебряныхъ монетахъ съ именемъ князя Василія Ивановича, описанныхъ мною среди рязанскихъ монетъ (см. ук. изд. № 447). Относя, при описаніи (стр. 78), монеты вел. кн. Василія—Василію Темному, а кн. Василія—Василію Ивановичу Рязанскому, я чувствовалъ нѣкоторую натяжку, но, не зная мѣста находокъ серебряныхъ монетъ князя Василія Ивановича, иного объясненія тогда имъ дать не могъ; теперь же мнѣ казалось бы болѣе правдоподобнымъ отнести описанныя подъ № 447 деньги тому же князю Василію Ивановичу, который чеканилъ въ Твери пулы [12]). Подтвержденіе этому

[12]) Серебряныя же рязанскія деньги (№№ 444 - 446) в. к. Василія въ такомъ случаѣ должны быть отнесены не къ Василію Васильевичу Темному, а къ Василію Ивановичу Рязанскому. Василію Ивановичу Тверскому, повидимому, должна быть отнесена деньга, извѣстная мнѣ только по рисунку и описанію гр. Чапскаго, „Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги“, № 43.

предположенію могутъ дать только находки подобныхъ монетъ въ Тверской губ. и свѣдѣнія о кладахъ въ Рязанской губ., гдѣ мелкія серебряныя деньги вел. кн. Василія довольно часто встрѣчаются, о находкахъ же денегъ съ именемъ князя Василія Ивановича свѣдѣній мнѣ не попадалось.

А. Орѣшниковъ.

IV.

Замѣтка о глиняномъ сосудѣ съ загадочными знаками.

Во время производства, осенью 1897 года, археологическихъ изслѣдованій дюны „Могилокъ“, въ окрестностяхъ с. Алеканова, Муромінской волости, Рязанскаго уѣзда и губерніи, мнѣ случилось открыть одно погребеніе, при которомъ оказался глиняный сосудъ, покрытый сомкнутою, круговою строкою загадочныхъ знаковъ (см. рис. 60)*). Не считая себя компетентнымъ для полнаго раскрытія смысла этихъ знаковъ, я ограничусь въ предлагаемой замѣткѣ выясненіемъ обстановки, сопровождавшей находку сосуда и лишь отчасти коснусь самихъ знаковъ.

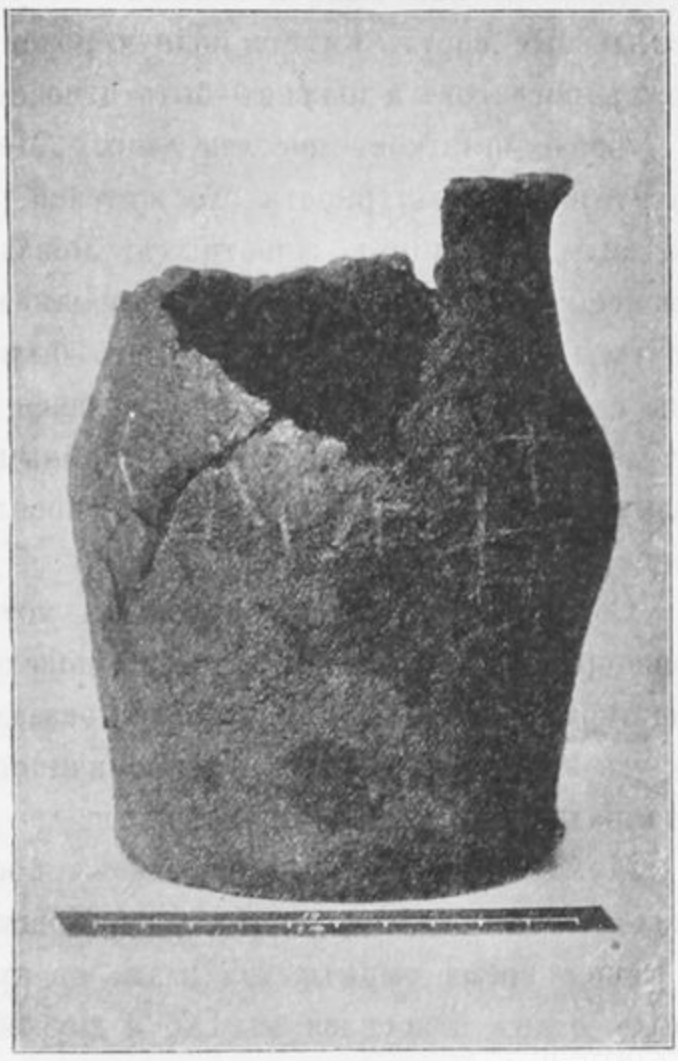


Рис. 59.

Въ раскрытіи смысла или содержанія знаковъ, на первое время, весьма важнымъ является опредѣленіе времени и народности, какимъ они принадлежали. Я полагаю, что опредѣленіе того и другого можетъ быть основано на изученіи памятниковъ, сопровождавшихъ изслѣдуемые знаки;

*) Пунктирныя линіи на рис. обозначаютъ знаки или части ихъ, стершіеся во время проклеиванія очень слабыхъ стѣнъ сосуда желатиномъ.

поэтому, прежде всего предлагаю обратить вниманіе на самый сосудъ (см. рис. 59), сыгравшій въ данномъ случаѣ роль писчаго матеріала.

По своему общему виду сосудъ не представляетъ никакихъ особенностей: форма его въ общихъ чертахъ похожа на обычныя формы кухонныхъ горшковъ; глина плохо вымѣшана, сильно песчаниста; цвѣтъ ея желтовато-бурый; обжигъ очень слабый; орнаментъ положенъ только по бережку горла и состоитъ изъ простыхъ пересѣкающихся черточекъ.

Совершенно одинаковые обломки глиняныхъ горшковъ были найдены среди остатковъ древняго поселка, изслѣдованнаго мною на той же дюнѣ „Могилкахъ“, а также и въ поселкѣ Борковской дюны, подъ г. Рязанью. Въ обоихъ поселкахъ главная масса обломковъ посуды также являлась слѣпленною изъ желтовато-бурой, песчанистой плохо вымѣшанной, почти также слабо обожженной глины, и отличалась тою же бѣдностію или даже и полнымъ отсутствіемъ орнамента. Очевидно, изслѣдуемый сосудъ имѣетъ полную родовую связь съ обломками посуды обоихъ поселковъ и долженъ быть отнесенъ къ одному съ ними времени.

Среди остатковъ поселка дюны „Могилокъ“ были открыты слѣды значительной культурности его жителей. Эти жители имѣли всѣ главные виды домашнихъ животныхъ: лошадь, корову, овцу, свинью; занимались земледѣліемъ; умѣли домашнимъ способомъ переработывать продукты земледѣлія, и сверхъ сего были знакомы съ обработкой желѣза и другихъ металловъ, приближаясь въ этомъ случаѣ къ культурѣ жителей современныхъ кустарно-промышленныхъ селеній [1]). Все это указываетъ на время существованія поселка сравнительно не особенно давнее.

Совершенно такіе же признаки, хотя въ большемъ количествѣ и разнообразіи, были найдены и въ поселкѣ Борковской дюны. Самый характеръ вещей обоихъ поселковъ оказался совершенно одинаковымъ, что указываетъ на полную синхроничность существованія обоихъ ихъ и принадлежность одной народности.

Между прочимъ, въ Борковскомъ поселкѣ были найдены височныя семилепестныя кольца древняго московскаго типа, а на площади его въ разное время вырыты два клада съ куфическими монетами, изъ которыхъ одинъ относился къ IX, а другой—X вѣку. Височныя семилепестныя кольца, прекрасно изученныя русскимъ археологомъ В. И. Сизовымъ [2]), должны относиться къ XI вѣку и славянской народности.

---

[1]) В. А. Городцевъ. Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ долинѣ р. Оки, 1897 г.

[2]) В. И. Сизовъ. О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колецъ и преимущественно такъ наз. Московскаго типа.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Такимъ образомъ мы получаемъ для обоихъ поселковъ довольно точную дату въ X—XI вѣкѣ и вѣсское указаніе на принадлежность ихъ народности славянской или вѣрнѣе—славяно-русской.

Весьма важно въ послѣднемъ случаѣ отмѣтить фактъ полнаго отсутствія семилепестныхъ височныхъ колецъ въ Борковскомъ могильникѣ, на почвѣ котораго возникъ поселокъ: очевидно, могильникъ наибольшею массою погребеній относился къ болѣе раннему времени и другой, повидимому, финской народности. Но на площади Борковскаго могильника найдено нѣсколько, сравнительно очень мало, погребеній, имѣвшихъ височныя кольца въ видѣ простыхъ проволочныхъ согнутыхъ въ кольцо дротовъ, или въ видѣ такихъ дротовъ, украшенныхъ металлическими бусинами такъ называемаго Кіевскаго типа. Эти погребенія сравнительно съ другими, очевидно, должны быть отнесены къ болѣе позднему времени и именно ко времени поселка; а въ такомъ случаѣ они еще болѣе убѣждаютъ насъ въ вѣрности заключенія о принадлежности послѣдняго къ народности славянской, такъ какъ украшенія этихъ погребеній въ наукѣ признаны специфически славянскими. Что въ Борковскомъ поселкѣ возможны были погребенія близъ жилищъ, мы получаемъ этому полное подтвержденіе въ отношеніи погребеній къ поселку на дюнѣ „Могилкахъ“. Здѣсь, несмотря на значительную площадь, подвергнутую раскопкамъ, было открыто всего четыре погребенія и всѣ они ютились близъ остатковъ жилья, каковыми являлись ямы, и ни разу не были потревожены при рытьѣ этихъ послѣднихъ: очевидно, жители поселка, изрывшіе въ свое время довольно значительно дюну, хорошо знали мѣста погребеній покойниковъ и не хотѣли ихъ тревожить.

Погребенія дюны „Могилокъ“ были всѣ одинаково оріентированы головою на SW, лежали на спинѣ и, въ тѣхъ случаяхъ, когда являлась возможность опредѣлить детали положенія, оказывались имѣющими руки согнутыми въ локтяхъ и положенными сверху туловища или на груди, или на тазу. Погребенія Борковскаго могильника, сопровождавшіяся височными кольцами, также были съ согнутыми руками въ локтяхъ и тѣмъ самымъ сильно отличались отъ прочихъ погребеній всего Борковскаго могильника.

При погребеніяхъ дюны „Могилокъ“ вещей оказалось очень немного—и несмотря на это, при одномъ изъ нихъ, именно, при которомъ найденъ сосудъ съ загадочными знаками, были взяты шесть височныхъ колецъ наиболѣе примитивной формы, послужившей, по мнѣнію В. И. Сизова, прототипомъ славянскихъ височныхъ колецъ. По своему виду они почти тождественны съ чешскими эсовидными коль-

цами [3]) и, такимъ образомъ, являются характернымъ признакомъ славянскаго погребенія X—XI вѣка, т.-е. наиболѣе ранняго періода появленія въ средней Россіи височныхъ колецъ, что вполнѣ совпадаетъ съ указаніями, добытыми нами при оцѣнкѣ вещей поселка.

Вся совокупность приведенныхъ фактовъ приводитъ къ заключенію, что глиняный сосудъ съ загадочными знаками принадлежитъ къ памятникамъ X—XI вѣка и славянской или славяно-русской народности.

Выше было замѣчено, что сосудъ оказался очень слабо обожженнымъ. Такой признакъ можетъ указывать на то, что сосудъ изготовлялся на-спѣхъ, спеціально по случаю похоронъ, а если это было такъ, то изготовленіе его должно быть мѣстное, домашнее, а слѣдовательно и знаки на сосудѣ сдѣланы своимъ мѣстнымъ или домашнимъ писцемъ, т.-е. Славяниномъ.

Существованіе обычая у Славянъ дѣлать надписи на погребальныхъ урнахъ и другихъ памятникахъ подтверждается какъ археологіею, такъ и исторіею. Въ сочиненіи А. Котляревскаго о „Погребальныхъ обычаяхъ Славянъ“, мы получаемъ слѣдующія указанія: въ могилахъ сѣверной и средней Европы встрѣчены надписи на погребальныхъ урнахъ, горшкахъ и вещахъ; въ общемъ число ихъ не велико и большинство надписей не прочтено; изъ надписей ни одна не относится опредѣленно къ славянскимъ рунамъ, хотя, говоритъ А. Котляревскій, не подлежитъ сомнѣнію существованіе послѣднихъ [4]).

У арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Фодлана, мы находимъ еще болѣе дорогое для насъ указаніе о существованіи обычая класть надписи на погребальныхъ памятникахъ у восточныхъ Славянъ-Руссовъ. Такъ, по поводу извѣстнаго погребенія Русса въ Булгарѣ, этотъ писатель замѣчаетъ, что, послѣ сожженія на кораблѣ покойника, „на мѣстѣ, гдѣ стоялъ корабль, насыпали они (Руссы) возвышеніе, подобное круглому холму, утвердили въ срединѣ его большое деревянное (изъ березы) сооруженіе, на которомъ начертали имя усопшаго вмѣстѣ съ именемъ русскаго князя [5]).

Какими знаками Руссы начертали имя усопшаго и князя, Ибнъ-Фодланъ не отмѣчаетъ. Невольно возникаетъ вопросъ, не были ли эти знаки похожи на тѣ, которые найдены на урнахъ и горшкахъ сѣверной и средней Европы и не были ли они похожи на загадочные знаки нашего сосуда?...

Въ X вѣкѣ, когда писалъ Ибнъ-Фодланъ, у восточныхъ Славянъ,

---

3) В. И. Сизовъ. О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колецъ, стр. 6.

4) А. Котляревскій. Погребальные обычаи славянъ, стр. 156 и 157.

5) Ibidem, стр. 68 и 69.

остававшихся въ язычествѣ, еще не могли быть церковно - славянскія надписи, и если у нихъ существовали письмена, то они должны быть или рунами, или другими, для насъ неизвѣстными. Исходя изъ такого предположенія, я на первыхъ порахъ и старался произвести сравненіе загадочныхъ знаковъ алекановскаго сосуда съ рунами. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи оказались только руны скандинавскія, но не славянскія.

Всѣхъ знаковъ на алекановскомъ сосудѣ 14-ть, изъ нихъ только одинъ знакъ (см. рис. 60, ф. 13), плохо сохранился, прочіе же оказались, при подъемѣ сосуда изъ могилы, вполнѣ цѣльными и отчетливо выраженными. Расположеніе ихъ въ одну строку вполнѣ напоминаетъ письмо. Въ числѣ знаковъ три изображены одинаково круглыми вдавленіями, въ видѣ крупныхъ точекъ. Судя по размѣщенію этихъ точекъ между другими знаками, ихъ легко принять за знаки припинанія и сблизить съ двоеточіями скандинавскихъ рунъ, имѣющими назначеніе отдѣлять одно слово отъ другого. Вполнѣ похожими по начертанію съ рунами оказались и еще два знака (рис. 60, ф. 1 и ф. 12), равные „а“ и „ч“. Но на этомъ сходство прекращалось; остальные девять знаковъ не имѣли ничего общаго съ скандинавскими рунами, а два изъ нихъ (рис. 60, ф. 3 и ф. 7), своею формою походили скорѣе на идіограммы или особые знаки, родственные клеймамъ, какія можно видѣть въ актахъ XVIII столѣтія, подписанныхъ самоѣдами [6]), а также въ древнихъ родовыхъ клеймахъ скандинавовъ, изображенныхъ въ одномъ сочиненіи Гильдебранда [7]). Съ послѣдними наши знаки имѣли больше сходства, такъ какъ одинаково съ ними состояли изъ крестовъ со многими перекрестіями. Болѣе отдаленную аналогію имъ можно указать въ знакахъ, помѣщенныхъ на монетахъ первыхъ русскихъ князей: Владиміра, Святополка и Ярослава, въ особенности

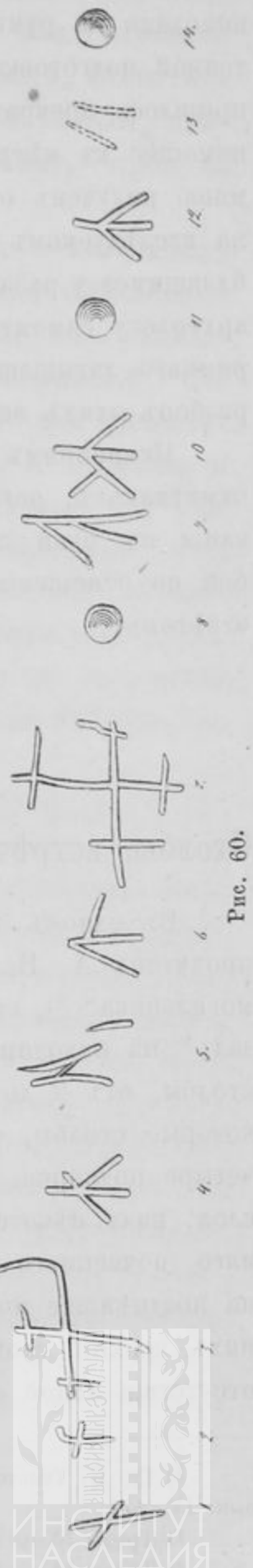


Рис. 60.

---

6) Академикъ Лепехинъ. Путешеств., часть IV, стр. 285—288.

7) Hans Hildebrand. Sveriges medeltid kulturhistorisk skildring, IV, 504.

въ знакахъ Святополка [8]). Въ этихъ знакахъ мы также находимъ развѣтвленія и крестообразное пересѣченіе одной изъ вѣтвей.

Такимъ образомъ выходило, что знаки алекановскаго сосуда отчасти походили на руны и отчасти на родовыя клейма. Не имѣя ни достаточной подготовки, ни необходимыхъ научныхъ пособій, мнѣ поневолѣ пришлось прекратить дальнѣйшее изслѣдованіе знаковъ и обратиться за помощію къ нѣсколькимъ русскимъ археологамъ. Въ настоящее время мною полученъ отвѣтъ отъ В. И. Сизова, по мнѣнію котораго знаки на изслѣдуемомъ сосудѣ принадлежатъ къ родовымъ клеймамъ, употреблявшимся у разныхъ народовъ, какъ знаки собственности. Уважаемому археологу самому удалось встрѣтить подобные знаки на изгороди стариннаго латышскаго кладбища, но въ заключеніе онъ прибавляетъ, что разборъ этихъ знаковъ требуетъ времени.

Искреннимъ желаніемъ ускорить время разбора столь любопытныхъ памятниковъ, оставленныхъ намъ предками, и передать дѣло изслѣдованія въ руки спеціалистовъ и была вызвана эта замѣтка, въ которой по отношенію знаковъ болѣе возбуждено вопросовъ, чѣмъ дано отвѣтовъ.

В. А. Городцевъ.

V.

Столбы, встрѣченные на площади Борковскаго могильника.

Въ одномъ изъ засѣданій IX Археологическаго Съѣзда [1]) былъ прочитанъ А. В. Селивановымъ рефератъ „О раскопкахъ Борковскаго могильника“ [2]), въ которомъ онъ, какъ на особенность могильника, указалъ“ на находимые въ немъ между и надъ могилами полусгнившіе столбы, отъ 2 до 5 четвертей высоты и вершка 3 въ діаметрѣ. Нѣкоторые столбы, по словамъ референта, имѣли наклонныя подъ угломъ четыре подпорки. Столбы эти находились ниже поверхности нижняго слоя; надъ нѣкоторыми столбами были замѣтны слѣды перерытія верхняго почвеннаго пласта, о равно и темнаго, что какъ бы указывало на позднѣйшее появленіе столбовъ въ пластахъ, но надъ другими изъ нихъ верхній слой земли казался совершенно не тронутымъ. Въ виду отсутствія явной связи столбовъ этихъ съ могильникомъ, мнѣнія лицъ,

---

[8]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. IV, 172.

[1]) Труды IX-го Археологич. Съѣзда, т. II, 1893 г. Параллельное засѣд. 11 августа.

[2]) Труды IX-го Арх. Съѣзда, т. I, стр. 81.

производившихъ раскопки, раздѣлились. Одинъ изъ участвующихъ, а именно В. А. Городцевъ, вполнѣ отрицалъ древнее происхожденіе столбовъ, относя ихъ къ позднѣйшему времени. Но по моему личному убѣжденію, какъ равно и по мнѣнію Черепнина, связь между столбами и могилами почти не подлежитъ сомнѣнію. Надо думать, заключилъ референтъ, что эти столбы или имѣли цѣлью отмѣчать могилы, принадлежавшія разнымъ семействамъ, или служили къ тому, чтобы на нихъ ставились погребальные горшки“ [3]).

Совершенно естественно, приведенное сообщеніе о могильныхъ столбахъ обратило вниманіе членовъ Съѣзда и вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній. Первымъ обратилъ вниманіе на столбы, какъ принадлежности погребальнаго ритуала, професс. Д. И. Иловайскій; онъ сказалъ: „Въ высшей степени интересное сообщеніе и такъ превосходно разработанное А. В. Селивановымъ, вызываетъ и историка, и археолога на размышленія. Я позволю себѣ привести только два соображенія: во-первыхъ, обратить ваше вниманіе на нахожденіе столбовъ въ борковскихъ могилахъ и сблизить его съ извѣстіемъ лѣтописнымъ о Вятичахъ, которые пепелъ покойниковъ ставили въ урнахъ на „столпахъ“ и т. д.“. При этомъ проф. Иловайскому по логической необходимости пришлось отнести Борковской могильникъ къ памятникамъ славянской народности [4]).

Далѣе послѣдовало весьма интересное замѣчаніе проф. В. З. Завитневича, который сказалъ, „что имъ первымъ указаны случаи нахожденія въ курганахъ деревянныхъ столбовъ, объ отношеніи которыхъ къ упомянутымъ въ лѣтописи „столпамъ“ онъ уже возбудилъ вопросъ къ Съѣзду; теперь онъ склоненъ видѣть въ подобныхъ столбахъ слѣды погребальнаго обряда Финновъ“, и затѣмъ проф. Завитневичъ прабавилъ“, что при рѣшеніи сложнаго вопроса о томъ, какіе именно „столпы“ имѣлъ въ виду лѣтописецъ въ своемъ разсказѣ, надо принять во вниманіе существовавшій въ древности обычай ставить на могилахъ „боженки“ (часовни), позднѣе принявшій нѣсколько другія формы: такъ можно полагать, что отсюда идетъ обыкновеніе ставить надъ могилами фонари съ иконами и лампадкою. Это замѣчаніе дало поводъ, читаемъ мы далѣе въ протоколѣ засѣданія Съѣзда, А. В. Селиванову сообщить краткія свѣдѣнія о найденномъ имъ деревянномъ столбѣ надъ пустой могилой въ Старой Рязани, на которомъ оказалось изображеніе головки изъ бронзы“ [5]).

---

[3]) Ibid., стр. 88.

[4]) Труды IX Арх. Съѣзда, т. II, стр. 85 и 86.

[5]) Ibidem, стр. 86.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Изъ приведенныхъ замѣчаній видно, что столбы, встрѣченные на площади Борковскаго могильника, явились на столько несомнѣнными памятниками древнихъ погребеній, что одинъ изъ нашихъ компетентныхъ ученыхъ, руководясь признакомъ нахожденія столбовъ на погребеніяхъ, приписалъ послѣдніе народности славянской, именно Вятичамъ, хотя общій характеръ вещей скорѣе указывалъ на принадлежность ихъ народности финской, а другой рѣшился измѣнить свое мнѣніе относительно принадлежности кургановъ, въ которыхъ имъ встрѣчены столбы, не той народности, какой онъ ранѣе ихъ относилъ, а къ финской.

Выводы очень рѣшительные. Между тѣмъ страннымъ кажется, что никому изъ членовъ засѣданія не пришла мысль выяснить, къ какой народности и какому времени относитъ столбы, какъ надмогильные памятники, самъ референтъ? а это было бы очень важно въ виду того, что А. В. Селивановъ указывалъ въ своемъ рефератѣ на существованіе въ Борковскомъ могильникѣ двухъ различныхъ типовъ погребеній, въ этнографическомъ составѣ представлявшихся ему не совсѣмъ однородными [6]).

Какъ бы то ни было, столбы площади Борковскаго могильника на IX Археологич. Съѣздѣ получили свой „raison d'être“ и вскорѣ въ археологической литературѣ появилась ссылка на эти столбы, какъ на факты, прочно установленные.

В. Н. Поливановъ въ описаніи Мурайскаго могильника посвящаетъ столбамъ, встрѣченнымъ на площади могильника, особую рубрику, которую мы приведемъ дословно.

„Въ 1892 году около одной изъ могилъ (Дн. 1892 г., № 44) мужскихъ усмотрѣно было основаніе деревяннаго столба, стоявшаго въ головахъ. Размѣръ его въ діаметрѣ былъ въ $2^1/_2$ вершка. При костякѣ никакихъ вещей не открыто. Появленіе столбовъ въ этомъ году въ первый разъ оказалось къ одному мѣсту на с—в. сторонѣ могильника и повторилось всего не болѣе пяти—шести разъ. Вопросъ о постановкѣ на могильникахъ столбовъ весьма интересенъ. На бывшемъ Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ (1893 г.) онъ вызвалъ весьма живой обмѣнъ мнѣній по поводу найденныхъ столбовъ г. Селивановымъ при раскопкѣ Борковскаго могильника, въ 3 верстахъ отъ Рязани. Историкъ Иловайскій считалъ присутствіе на Борковскомъ могильникѣ столбовъ возможнымъ признакомъ видѣть здѣсь погребеніе Вятичей, какъ о такомъ обычаѣ повѣствуетъ Несторъ. Профессора Самоквасовъ и Завитневичъ считаютъ столбы за прямой слѣдъ погребальнаго обряда

[6]) Труды IX Арх. Съѣзда, т. II, стр. 89.

финновъ. Г. Селивановъ въ дополненіе къ своему реферату сообщилъ о найденномъ имъ деревянномъ столбѣ надъ пустой могилой въ Старой Рязани, на которомъ оказалось изображеніе изъ бронзы въ видѣ женскаго бюста. Аналогичное значеніе этого погребальнаго обряда съ Муранскимъ могильникомъ несомнѣнно, но только, вмѣсто постановки на нихъ какихъ-либо изображеній, около нихъ приносились, вѣроятно, жертвоприношенія и ставились въ поминки горшки съ пищей. Подтвержденіе этого мнѣнія мы имѣемъ въ погребеніи № 105 (Дн. 1893 г.). До сихъ поръ Мордва въ Симбирской губерніи весьма ревностно заботится объ охраненіи надмогильныхъ крестовъ на кладбищахъ, украшая ихъ подъ врѣзаннымъ въ дерево мѣднымъ образкомъ — бѣлою пеленою“ [7]).

Изъ приведенной цитаты мы видимъ, что Борковскіе столбы не только приняты окончательно за аттрибуты погребальнаго ритуала, но и получили фактическое подтвержденіе въ работахъ другаго изслѣдователя и въ аналогіи современныхъ обычаевъ Мордвы, аналогію, которую мы широко могли бы расширить и увидать въ обычаяхъ приокскихъ современныхъ потомковъ древнихъ Вятичей, имѣющихъ повсюду распространенное обыкновеніе ставить на могилахъ кресты и заботиться о сохраненіи ихъ, могли бы указать, что обычай у русскихъ Славянъ ставить кресты на могилахъ восходитъ къ глубокой старинѣ [8]), и несмотря на все это, мы не можемъ безъ критики приписать пресловутымъ столбамъ Борковскаго могильника хотя бы какое-нибудь археологическое значеніе въ отношеніи погребеній древняго могильника.

Съ послѣднею цѣлью мы прежде всего разсмотримъ, на сколько самъ изслѣдователь и защитникъ погребальнаго значенія борковскихъ столбовъ убѣжденъ въ принадлежности ихъ къ погребеніямъ и на какихъ фактическихъ основаніяхъ покоится его убѣжденіе.

По вышеприведеннымъ словамъ изслѣдователя, А. В. Селиванова, *явная связь столбовъ съ могильникомъ отсутствовала*, почему и мнѣнія, производившихъ роскопки, раздѣлились, но по личному его убѣжденію, какъ равно и по мнѣнію Черепнина, связь между столбами и могилами *почти* не подлежитъ сомнѣнію [9]).

Каждый внимательный читатель приведенныхъ выраженій, конечно,

---

[7]) В. Н. Поливановъ. Муранскій могильникъ, стр. 32 и 33.

[8]) Лѣтопись Нестора по Кенигсб. списку. 1090 г. Моръ въ Руси. „Въ сіи же времена мнози человѣцы умираху различными недуги яко же глаголаху продающіи кресты, яко продахомъ крестовъ (поставленныхъ на гробахъ), яко отъ Филиппова дня до мясопуцъ седмь тысящъ“.

[9]) Труды IX Арх. Съѣзда, стр. 88.

сразу пойметъ, что самъ изслѣдователь не совсѣмъ твердо увѣренъ въ принадлежности столбовъ къ погребеніямъ могильника, основаніе же для такого убѣжденія, долженствующее покоиться на явной связи столбовъ съ могильникомъ, отсутствовало, почему одинъ изъ сотрудниковъ изслѣдователя совсѣмъ не придавалъ столбамъ никакого археологическаго значенія въ смыслѣ связи ихъ съ погребеніями.

Въ послѣднемъ случаѣ весьма важно отмѣтить, что отрицаніе археологическаго значенія столбовъ, какъ памятниковъ погребеній, здѣсь производилось не a priori, въ отдаленныхъ кабинетахъ, а на мѣстѣ самыхъ раскопокъ.

Итакъ, убѣжденіе А. В. Селиванова въ принадлежности столбовъ къ погребеніямъ не твердо; основаніе же для убѣжденія отсутствуетъ. Отсюда становится понятнымъ тотъ интересный фактъ, что одинъ изъ защитниковъ археологическаго значенія столбовъ, А. И. Черепнинъ, совсѣмъ уклонился отъ выраженія личнаго своего мнѣнія о значеніи столбовъ, хотя имѣлъ къ этому много случаевъ, печатая замѣтки о борковскихъ древностяхъ; другой — А. В. Селивановъ, высказавшись за значеніе столбовъ, уклонился отъ опредѣленія, къ какой именно этнографической группѣ погребеній онъ самъ относитъ столбы, когда ему являлся весьма удобный случай объ этомъ высказаться во время обсужденія его реферата, въ засѣданіи Съѣзда. Очевидно, первый потерялъ вѣру въ значеніе столбовъ, а второй не установилъ связь столбовъ ни съ однимъ изъ замѣченныхъ имъ типовъ погребенія Борковскаго могильника, что вполнѣ и естественно, такъ какъ ему не удалось, какъ мы видѣли, установить связь столбовъ и съ цѣлымъ могильникомъ.

Послѣ всего указаннаго совершенно понятными становятся причины отмѣченныхъ А. В. Селивановымъ явленій надъ нѣкоторыми столбами слѣдовъ перерытія верхняго почвеннаго пласта: въ Борковскомъ могильникѣ верхній почвенный пластъ покрывалъ древніе культурные слои сначала *поселка*, а потомъ уже *могильника*. Фактъ перерытія верхняго пласта при вкапываніи столбовъ указываетъ, во-первыхъ, на совершенную непричастность ихъ къ древнимъ культурнымъ наслоеніямъ вообще, а во-вторыхъ, на постановку ихъ въ почву совсѣмъ недавно. Къ этой мысли склонялся и Селивановъ, говоря, что разсмотрѣнное явленіе „какъ бы указывало на позднѣйшее появленіе столбовъ въ пластахъ“. Да еще бы и не склоняться ему къ этой мысли, когда мѣстные жители, во время раскопокъ могильника, неоднократно напоминали, гдѣ и по какому случаю были поставлены нѣкоторые изъ этихъ столбовъ; но объ этомъ мы еще скажемъ ниже. Теперь же про-

слѣдимъ характеръ и степень связи столбовъ съ отдѣльными погребеніями, какъ они установлены въ дневникѣ раскопокъ, изданномъ А. В. Селивановымъ совмѣстно съ А. И. Черепнинымъ [10]).

Въ первой замѣткѣ о столбахъ, сдѣланной 9-го іюня, мы читаемъ: „На вырытой площади могильника обнаружено нѣсколько [11]) столбовъ (отъ 2 до 5 четв. высотою), въ разной степени тлѣнія; всѣ они находились ниже поверхности почвеннаго слоя; нѣкоторые же изъ нихъ стояли вершка на два ниже (поверхности) темнаго слоя. Выше однихъ столбовъ были замѣчены слѣды перерытія верхняго почвеннаго пласта, а равно и темнаго, что какъ бы указывало на недавнее появленіе столбовъ на площади могильника; надъ другими же столбами, верхній слой земли казался совершенно нетронутымъ. По поводу этихъ послѣднихъ столбовъ мнѣнія членовъ коммиссіи, производившихъ раскопки, раздѣлились“ [12]).

И только! О какой либо связи съ погребеніями здѣсь еще нѣтъ и помину. Что же касается раскола мнѣній членовъ коммиссіи, то причиною его въ это время являлся лишь вопросъ, древни или не древни встрѣченные столбы? Слѣдимъ далѣе:

„Могила 32... Близь этой могилы была открыта часть сгнившаго столба съ четырьмя подпорками; но трудно съ увѣренностью заключить, что остатокъ истлѣвшаго столба имѣлъ отношеніе къ описанной могилѣ: онъ могъ быть поставленъ здѣсь и въ болѣе позднюю эпоху“ [13]).

„30 іюня... на глубинѣ трехъ вершковъ отъ начала (поверхности?) темнаго древнекультурнаго слоя, были обнаружены сильно истлѣвшіе 4 дубовыхъ столба; высота ихъ была отъ 1 до $1^1/_4$ аршина, толщина до 5 вершковъ, открыто одно погребеніе“ [14]).

О связи столбовъ съ погребеніемъ опять не сказано ни одного слова: очевидно, связи не существовало, иначе не пожалѣли бы словъ.

„Могила 37. Надъ могилою была часть истлѣвшаго столба“ [15]).

„Могила 99... нижнія части ногъ (костяка) были разрушены вры-

---

[10]) Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника, произведенныхъ въ 1892 году, по порученію Имп. Арх. Коммиссіи, членами Ряз. Учен. Архивн. Коммиссіи А. В. Селивановымъ и А. И Черепнинымъ.

Примѣчаніе: „Дневникъ“ сначала былъ изданъ подъ тремя фамиліями: А. В. Селиванова, А. И. Черепнина и моей, но я просилъ издателей, чтобы моей фамиліи не было на „Дневникѣ“, въ разработкѣ котораго я участія не имѣлъ, и издатели отпечатали въ видѣ приложенія къ „Дневнику“ отдѣльный листокъ, удостовѣряющій мою непричастность къ ихъ изданію. *Авторъ.*

[11]) По моему дневнику раскопокъ значится три столба. Авт.

[12]) Дн. раск. Борк. могильника А. В. Селиванова и А. И. Черепнина, стр. 5.

[13]) Ibid., стр. 8.

[14]) Ibid., стр. 9.

[15]) Ibid., стр. 10.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

тымъ столбомъ, истлѣвшіе остатки котораго проходили вершка на два ниже костяка“ [16]).

„Могила 103... Правая рука и плечо были уничтожены врытымъ столбомъ“ [17]).

Больше о столбахъ въ дневникѣ А. В. Селиванова и А. И. Черепнина нигдѣ не говорится. Приведенными свѣдѣніями, очевидно, исчерпываются наиболѣе важные признаки, указывающіе на связь столбовъ съ погребеніями. Спрашивается, неужели можно на этихъ признакахъ основать заключеніе, что столбы служили памятниками погребеній? Неужели можно допустить, чтобы памятники ставились такъ небрежно, что, при постановкѣ ихъ, нужно было отрѣзать то одну, то другую часть костяка или даже трупа, если допустить, что памятники ставились, какъ ставятся въ наше время, на свѣжихъ могилахъ? Конечно, нѣтъ! При постановкѣ столбовъ, очевидно, потому и портили костяки, что никогда не назначали столбы служить ихъ памятниками.

Но въ могилѣ, единственной могилѣ 37-й столбъ оказался надъ погребеніемъ и, по дневнику А. В. Селиванова и А. И. Черепнина, не видно, что бы костякъ былъ попорченъ; какъ удобнѣе объяснить это явленіе a priori, на что, судя по краткости замѣтки дневника, и разсчитывалось, такъ ли, что столбъ служилъ надгробнымъ памятникомъ, или такъ, что при постановкѣ столба просто не требовалось углублять его на столько, чтобы тревожить костякъ, покоившійся на глубинѣ 2-хъ аршинъ? Для А. В. Селиванова оказалось удобнѣе первое и онъ, имѣя этотъ единственный фактъ благополучнаго сочетанія столба съ погребеніемъ, нетолько отнесъ его къ разряду памятниковъ погребенія, но заодно съ нимъ и другіе, уже совсѣмъ не вязавшіеся съ погребеніями.

Впрочемъ, его послѣднее обобщеніе могло подтверждаться еще находкой столба надъ *пустой могилой,* открытой имъ въ Ст. Рязани. Странно только, почему бы и тамъ надгробному столбу прійтись не надъ остатками погребенія, а надъ пустою могилой, что, по нашему мнѣнію, равносильно тому, что столбъ пришелся надъ пустымъ мѣстомъ.

И такъ, основываясь даже на данныхъ дневника А. В. Селиванова и А. И. Черепнина, мы рѣшительно не находимъ причины и основанія относить столбы, встрѣченные на площади Борковскаго могильника, къ разряду надгробныхъ памятниковъ, и намъ остается выяснить болѣе истинную причину явленія ихъ на площади могильника.

Принимая живое участіе въ изслѣдованіи площади, занятой Бор-

[16]) Ibid., стр. 22.
[17]) Ibid., стр. 23.

ковскимъ могильникомъ, я велъ особый дневникъ раскопокъ, составлялъ планы, въ которыхъ подробно отмѣчалъ мѣста не только погребеній, но и всѣхъ вообще видѣнныхъ мною находокъ, а между прочимъ и столбовъ, за явленіемъ которыхъ я старался зорко слѣдить и, всякій разъ подробно изучая каждый изъ нихъ, старался опредѣлить ихъ отношеніе не только къ погребеніямъ, но и къ другимъ культурнымъ памятникамъ. Такимъ образомъ, въ моемъ дневникѣ и планахъ оказалось отмѣченнымъ число столбовъ, встрѣченныхъ на площади Борковскаго могильника вдвое больше, чѣмъ въ дневникѣ А. В. Селиванова и А. И. Черепнина, а именно у меня, описано и отмѣчено всего 21 столбъ, 2 кола и 1 изгородь изъ ряда кольевъ.

Для того, чтобы правильнѣе судить объ отношеніи столбовъ къ другимъ культурнымъ памятникамъ, необходимо бросить взглядъ на общій характеръ площади Борковскаго могильника и распредѣленія на ней названныхъ памятниковъ.

Площадь Борковскаго могильника дѣлится на три участка: сѣверный, средній и южный. Первые два участка отдѣлены обширной искусственной выемкой жел. дороги, ранѣе же они соединялись и составляли одну площадь. Южный участокъ отдѣляется отъ средняго естественной лощиной и совпадаетъ съ площадью дюннаго холма, называемаго „Жемчужнымъ бугромъ“.

На сѣверномъ участкѣ раскопками 1892 года было установлено присутствіе въ почвѣ трехъ культурныхъ наслоеній: современнаго, желѣзнаго вѣка, характеризовавшагося главнымъ образомъ погребеніями, и неолитической эпохи.

На среднемъ участкѣ культурныхъ наслоеній прослѣжено значительно больше, а именно: 1) наслоеніе бараковъ, выстроенныхъ въ 1874 году для желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, 2) наслоеніе болѣе старыхъ построекъ или городьбы, 3) наслоеніе древняго поселка и современныхъ ему погребеній, 4) наслоеніе болѣе древнихъ погребеній, 5) наслоеніе костровъ, содержащихъ кремневыя, костяныя орудія и рѣдкія бронзовыя или мѣдныя вещицы, и наконецъ 6) наслоеніе неолитической эпохи.

О мѣсторасположеніи желѣзнодорожныхъ бараковъ хорошо сохранилась память у мѣстныхъ крестьянъ, изъ которыхъ многіе и сами принимали участіе въ работахъ по устройству ж.-д. линіи. Сверхъ сего, въ преданіи этихъ крестьянъ сохранилась память о существованіи на средней площади какихъ-то монастырскихъ построекъ Богоявленскаго монастыря, упраздненнаго со введеніемъ штатовъ, т. е. въ концѣ XVIII вѣка.

На южномъ участкѣ прослѣжено три культурныхъ наслоенія: 1) древняго поселка, 2) болѣе древнихъ погребеній и 3) неолитической эпохи.

Столбы были встрѣчены на сѣверномъ участкѣ въ количествѣ 1 и на среднемъ—въ количествѣ 20 экземпляровъ; кромѣ столбовъ, здѣсь встрѣчены остатки двухъ коловъ и изгороди; на южномъ участкѣ столбовъ совсѣмъ не оказалось.

Принимая во вниманіе совпаденіе разновременныхъ культурныхъ наслоеній на площадяхъ распространенія столбовъ, появленія послѣднихъ можно относить, при отвлеченныхъ разсужденіяхъ, ко времени новѣйшему жел.-дорож. бараковъ и монастырскихъ построекъ, или ко времени доисторическому древняго поселка и погребеній, или, наконецъ, ко времени первобытному неолитической эпохи и эпохи костровъ, содержащихъ каменныя, костяныя орудія и мѣдныя или бронзовыя вещи.

Критеріемъ для болѣе точнаго опредѣленія времени появленія столбовъ на площади Борковскаго могильника можетъ служить, во-первыхъ, скорость разрушенія древесины въ почвѣ при данныхъ условіяхъ, и, во-вторыхъ, отношеніе какъ самыхъ столбовъ, такъ и въ особенности ямъ, въ которыя столбы врывались, къ тому или другому культурному наслоенію.

О скорости разрушенія древесины въ песчаной, дюнной почвѣ Борковскаго могильника можно судить по тому, что на Жемчужномъ бугрѣ, южномъ участкѣ площади могильника, еще на памяти мѣстныхъ старожиловъ былъ вырубленъ молодой лѣсъ, между тѣмъ, при раскопкахъ 1892 г., тамъ не было встрѣчено ни одного древеснаго корня: всѣ они успѣли сгнить безъ остатка.

По словамъ крестьянъ д. Борокъ, какъ и другихъ селеній, расположенныхъ на окскихъ дюнахъ, столбы, поставленные на ихъ дворахъ и сараяхъ, никогда не выстаиваютъ болѣе двадцати лѣтъ и, если не бываютъ замѣнены своевременно, сваливаются какъ подрѣзанные. При этомъ процессъ разрушенія столбовъ совершается слѣдующимъ образомъ: прежде всего кольцевидно сгниваетъ и уничтожается та часть столба, которая приходится у поверхности почвы, вслѣдствіе чего верхняя часть столба, обыкновенно совсѣмъ свѣжая, упадаетъ въ сторону; затѣмъ слѣдуетъ разрушеніе и уничтоженіе нижней части столба, при чемъ оно идетъ быстрѣе съ концовъ, особенно верхняго, въ который начинаетъ затекать дождевая и снѣговая вода; такимъ образомъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени нижняя часть столба сокращается и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ.

Примѣры скорости разрушенія остатковъ столбовъ въ дюнной

почвѣ мы получаемъ на самой площади Борковскаго могильника. Столбъ, открытый на сѣверномъ участкѣ могильника, при погребеніи, отмѣченномъ въ дневникѣ раскопокъ А. В. Селиванова и А. И. Черепнина подъ № 103, былъ узнанъ желѣзно-дорожнымъ мастеромъ и составлялъ часть телеграфнаго столба, который могъ быть поставленъ около 1874 года. При извлеченіи этой части столба изъ почвы, она оказалась сильно истлѣвшею, а сверху вершковъ на 5 совсѣмъ уничтоженною и покрытою слоемъ песка. Въ общемъ этотъ столбъ по своему наружному виду былъ похожъ на большинство столбовъ средняго участка могильника, отличаясь отъ нихъ только своими крупными размѣрами.

При раскопкахъ 21 августа, на среднемъ участкѣ могильника былъ открытъ и изслѣдованъ углубленный въ почву земляной полъ барака жел.-дорожныхъ рабочихъ 1874 года. У входа въ этотъ баракъ найдены остатки двухъ столбовъ, повидимому, служившихъ дверными косяками, и двухъ кольевъ, поставленныхъ внутри барака. Столбы и колья по виду казались весьма ветхими: наружный слой ихъ древесины рыхлостью и цвѣтомъ походилъ на торфъ. Между тѣмъ принадлежность столбовъ и кольевъ къ ж.-д. бараку устанавливалась и памятью надзирателя нашихъ рабочихъ-арестантовъ, борковскаго крестьянина, бывавшаго неоднократно въ баракахъ 1874 года, и находками на полу барака четырехъ желѣзныхъ костылей, какими прибиваются рельсы къ шпаламъ, одного обломка небольшой чугунной доски съ надписью заграничнаго завода и двухкопѣечной мѣдной монетой Императора Александра II-го, 1860 г.

По степени сохранности столбы барака вполнѣ походили на болѣе длинные столбы, встрѣченные въ другихъ пунктахъ площади могильника. Они имѣли верхніе концы отгнившими до поверхности темнаго культурнаго слоя и покрытыми почвою верхняго растительнаго слоя, но нижніе концы ихъ еще были цѣлы. Длина столбовъ варіировала около 4 четвертей.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что разрушеніе древесины въ почвѣ Борковскаго могильника совершается быстро, и нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы остатки древесины здѣсь сохранились не только въ продолженіе времени, превышающаго тысячелѣтія, но и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій.

По степени сохранности всѣ борковскіе столбы дѣлятся на двѣ категоріи: къ первой категоріи относятся столбы съ сохранившеюся нижнею частью, ко второй—съ отгнившею нижнею частью или находящіеся въ послѣдней степени сохранности. Первые, а къ нимъ принадлежитъ большинство, судя по сравненію со столбами вышеописан-

наго барака, должны относиться къ остаткамъ желѣзно-дорожныхъ построекъ или сооруженій 1874 года, другіе—къ болѣе старому времени. Столбовъ второй категоріи наблюдалось не болѣе пяти экземпляровъ, изъ нихъ три были открыты въ одной траншеѣ, на восточной окраинѣ могильника. Эти три столба стояли на одной прямой линіи и приблизительно на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Около одного изъ нихъ прослѣжены были остатки кольевъ, служившихъ какъ бы основаніемъ плетня, вытянутаго въ линіи столбовъ, вѣроятнѣе всего назначавшихся для поддержки плетневой городьбы. Когда и по какимъ причинамъ здѣсь существовала городьба, изъ мѣстныхъ жителей никто не могъ объяснить; желѣзно-дорожныхъ построекъ здѣсь не было. Непричастность столбовъ и городьбы къ погребеніямъ такъ была очевидна, что о нихъ въ дневникѣ А. В. Селиванова и А. И. Черепнина совсѣмъ не упоминается, хотя по внѣшнему виду эти столбы предъ всѣми прочими претендовали на древность самую почтенную: они не имѣли ни верхнихъ, ни нижнихъ концовъ, и длина ихъ измѣрялась нѣсколькими вершками.

Такъ какъ слишкомъ большой древности подобнымъ остаткамъ вообще мы, въ виду вышеизложенныхъ положеній, не можемъ приписывать, то невольно возникаетъ мысль о принадлежности столбовъ и городьбы, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ столбовъ второй категоріи къ остаткамъ какого-нибудь двора или сарая Борковскаго Богоявленскаго монастыря. По крайней мѣрѣ такая мысль находитъ подтвержденіе въ преданіи борковскихъ крестьянъ о существованіи здѣсь монастырскихъ построекъ и отчасти въ находкѣ на среднемъ участкѣ могильника мѣдной деньги 1730 года, къ сожалѣнію, не отмѣченной въ дневникѣ А. В. Селиванова и А. И. Черепнина, хотя она ими была замѣчена.

Такова древность, какую должно приписать столбамъ, встрѣченнымъ на площади Борковскаго могильника, на основаніи скорости разрушенія древесины въ данной почвѣ, при данныхъ условіяхъ. Теперь посмотримъ, какая древность имъ можетъ быть приписана на основаніи отношенія столбовъ и ихъ ямъ къ разнымъ культурнымъ наслоеніямъ, встрѣченнымъ на площади могильника.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда на одной площади совпадаетъ нѣсколько культурныхъ наслоеній различныхъ эпохъ, всякій искусственный разрѣзъ почвы тѣмъ болѣе нарушаетъ культурныя наслоенія, чѣмъ позже онъ произведенъ.

Ямы борковскихъ столбовъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ можно было наблюдать, вырисовывались отчетливо въ разрѣзахъ почвы. Начинаясь отъ верхняго растительнаго слоя, контуры ямъ шли внизъ,

разрѣзая всѣ встрѣченныя на пути культурныя наслоенія, а это убѣдительно доказываетъ то, что ямы и столбы, поставленные въ нихъ, были новѣйшаго происхожденія.

При изученіи отношенія ямъ столбовъ къ древнѣйшимъ культурнымъ наслоеніямъ, особенно интересно было наблюдать, когда въ наслоеніи древняго поселка прорѣзались остатки разрушенныхъ глинобитныхъ печей. Вѣроятно, отъ вліянія атмосферныхъ осадковъ и вѣтровъ глинобитныя печи ранѣе, чѣмъ быть погребенными въ землѣ, распадались на мелкіе куски, покрывавшіе болѣе или менѣе обширныя площади. Въ разрѣзѣ почвы мелкіе куски обожженой глины сообщали крапчатую окраску тонкому прослойку, обыкновенно залегавшему на глубинѣ 2 вершковъ отъ поверхности темнаго культурнаго слоя. На мѣстахъ, гдѣ проходили ямы столбовъ, крапчатый прослоекъ рѣзко прерывался и кусочки глины оказывались значительно и разнообразно перемѣщенными. Въ этихъ случаяхъ до очевидности становилось яснымъ, что ямы столбовъ были вырыты значительно позже полнаго запустѣнія древняго поселка. Между прочимъ, такое явленіе было замѣчено и при открытіи единственнаго столба, пришедшагося на могилѣ 37-й.

Самая выразительность очертаній ямъ столбовъ служила прекраснымъ признакомъ ихъ юности, потому что въ древнихъ ямахъ поселка и погребеній эти очертанія, благодаря выщелачиванію почвы и перемѣшиванія ея корнями растеній, становились совсѣмъ неясными и мы могли судить о формѣ ихъ лишь по золистымъ и углистымъ прослоямъ, если таковые случались въ нихъ.

Итакъ, резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Столбы, встрѣченные на площади Борковскаго могильника, принадлежатъ частію къ ж.-д. сооруженіямъ 1874 г. и частію къ постройкамъ или городьбѣ болѣе стараго времени, вѣроятнѣе же всего, монастырскимъ сараямъ XVIII вѣка.

2) Столбы не имѣютъ никакой связи съ древнимъ поселкомъ, относящимся, судя по вещамъ найденнымъ на площади, его къ X—XI вѣку.

3) Столбы не имѣютъ также никакой связи съ погребеніями Борковскаго могильника, что вполнѣ подтверждается отсутствіемъ ихъ на южномъ участкѣ могильника и полнымъ отсутствіемъ ихъ въ другихъ сосѣднихъ окскихъ могильникахъ, какъ, напр., Вахинскомъ, Кузьминскомъ (Константиновскомъ), Польновскомъ, Старо-Рязанскомъ или Патрищинскомъ и Курманскомъ.

Какими мотивами руководился А. В. Селивановъ, приписывая борковскимъ столбамъ значеніе надгробныхъ памятниковъ, когда къ

этому, судя по его же дневнику, никакихъ положительныхъ поводовъ не имѣлось,—мы не знаемъ; но возможно предположить, что мысль о столбахъ, какъ о надгробныхъ памятникахъ, на Съѣздѣ могла многимъ казаться симпатичной, потому что такая теорія могла служить иллюстраціей къ словамъ перваго лѣтописца, по которымъ Радимичи и Вятичи, обитавшіе на р. Окѣ, по совершеніи сожженія своихъ покойниковъ, „собравше кости влагаху въ сосудъ малъ, и поставляху на столпѣ, на путехъ“. Хотя при обсужденіи вопроса, казалось, не слѣдовало бы упускать изъ вида, что въ Борковскомъ могильникѣ болѣе распространенными являлись простыя погребенія, а не трупосожженіе, послѣднія же ни разу не найдены вложенными въ сосуды, а это ясно указываетъ, что обрядъ борковскаго погребенія былъ не тотъ, который описанъ первымъ лѣтописцемъ въ замѣткѣ о Радимичахъ и Вятичахъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о столбахъ Муранскаго могильника. По описанію В. Н. Поливанова, въ 1892 году столбы были открыты въ одной с.-в. сторонѣ могильника. Число ихъ равнялось пяти—шести; изъ нихъ только одинъ пришелся надъ погребеніемъ; несомнѣнныхъ или сколько-нибудь вѣсскихъ признаковъ связи столбовъ съ погребеніями изслѣдователемъ не приводится, почему является вполнѣ достаточное основаніе столбы и этого могильника, одинаково съ борковскими столбами, отнести къ явленіямъ на могильникѣ случайнымъ и позднѣйшимъ.

Что касается столбовъ, открытыхъ В. З. Завитневичемъ въ курганахъ Минской губерніи [18]), то таковые, принимая во вниманіе ихъ отношеніе къ курганамъ, возможно признать за аттрибуты погребальнаго обряда и поэтому ихъ совсѣмъ не слѣдуетъ сближать съ борковскими столбами, не имѣющими рѣшительно никакого отношенія къ погребальнымъ обрядамъ.

В. А. Городцевъ.

Дополненіе къ замѣткѣ о Переяславскомъ потирѣ.

Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 5 декабря 1874 г. (см. Древности, т. VI, протоколъ 99) было доложено письмо К. Н. Тихонравова, въ которомъ онъ сообщалъ о потирѣ Переяславскаго собора съ приложеніемъ литографированнаго снимка съ „изображенія св. Георгія и надписей, вырѣзанныхъ на означенномъ потирѣ“. Кромѣ того, потиръ изданъ по рис. Wilson'a въ соч. Rohault de Fleury, La Sainte Messe, pl. CCCXXII. Свѣдѣнія эти доставлены редакціи Я. И. Смирновымъ.

---

[18]) Труды IX Арх. Съѣзда, т. I, стр. 224.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

VI.

Археологическая хроника.

—— Въ „Кіевской Старинѣ“ (ноябрь, 1896 г.) помѣщена г. Константиновичемъ весьма интересная статья, которая знакомитъ насъ съ сохранившимися остатками весьма древняго кирпично-каменнаго храма въ селѣ Старогородкѣ, Черниговской губерніи, Остерскаго уѣзда. Нынѣшнее село Старогородка занимаетъ мѣсто древняго города Остра, объ основаніи котораго Владиміромъ Мономахомъ упоминается уже въ лѣтописи подъ 1098 г. Основанный Владиміромъ Мономахомъ, городокъ этотъ игралъ видную роль во время княжескихъ усобицъ, а именно во время борьбы Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ II и тогда не разъ этотъ городокъ служилъ убѣжищемъ Юрію Долгорукому, память о которомъ сохранилась въ названіи остерскаго храма св. Михаила — Юрьевской божницей, т. е. домовымъ храмомъ кн. Юрія Владиміровича. Потерпѣвши разореніе и сожженіе деревяннаго верха, храмъ былъ возобновленъ Всеволодомъ Юрьевичемъ и въ такомъ видѣ, вѣроятно, простоялъ до татарскаго погрома въ 1240 г. Въ XVII ст. онъ былъ вновь возобновленъ. Въ половинѣ XVIII ст. храмъ былъ сильно поврежденъ пожаромъ, происшедшимъ отъ молніи и съ тѣхъ поръ, уже оставаясь въ запустѣніи, все болѣе разрушался.

Приложенные къ статьѣ фототипическое изображеніе храма и планъ хорошо знакомятъ читателя съ характеромъ этой постройки, даже и по сохранившимся теперь развалинамъ. Храмъ былъ небольшихъ размѣровъ, прямоугольный въ планѣ, съ полукруглымъ выступомъ алтаря. Своды надъ срединой храма опирались на столбы. Кладка храма, по описанію автора и по фототипіи, можетъ относиться къ древнему времени, такъ какъ она аналогична съ кладкой храма св. Ирины въ Кіевѣ и представляетъ вообще пріемъ византійскихъ мастеровъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время отъ храма сохранилось уже немного: алтарная абсида съ частью стѣны у южнаго угла, да еще фундаментъ, дающій понятіе о планѣ храма, но съ одной стороны и фундаментъ уже уничтоженъ обваломъ земли. По счастливой случайности на внутреннихъ стѣнахъ алтарной абсиды храма сохранились фрески, относящіяся, безъ сомнѣнія, ко времени основанія храма и весьма схожія по сюжетамъ и расположенію съ мозаиками въ алтарной абсидѣ Кіево-Софійскаго собора. Фрески эти хорошо замѣтны и на приложенной фототипіи, но здѣсь, разумѣется, о стилѣ изображеній трудно судить. Во всякомъ случаѣ фрески эти представляются намъ весьма рѣдкимъ и интереснымъ

памятникомъ церковной стѣнописи XI в. На Рижскомъ Съѣздѣ, какъ вспоминаетъ авторъ излагаемой нами статьи, подымался вопросъ о сохраненіи и реставраціи Юрьевской божницы. Мы думаемъ однако, что реставрація этого храма должна состоять въ постройкѣ почти новаго храма, а потому потребуетъ пріисканія большихъ средствъ, а слѣд., и продолжительнаго времени, а между тѣмъ остатки храма нужно сохранить. Намъ кажется, что было бы практичнѣе пока, до пріисканія большихъ средствъ на полную реставрацію, ограничиться превращеніемъ сохранившейся алтарной абсиды храма въ часовню и устройствомъ изгороди вокругъ всего фундамента; святость молитвеннаго мѣста оберегла бы оставшіяся части храма отъ расхищенія; при чемъ самую абсиду съ фресками можно было бы прикрыть стеклянными рамами. Но самое главное—нужно скорѣй озаботиться о снятіи снимковъ съ уцѣлѣвшихъ пока фресокъ и намъ кажется необходимымъ въ данномъ случаѣ дѣлать снимки тѣмъ способомъ, какой въ подобныхъ случаяхъ практиковался проф. Праховымъ, т.-е. нужно снять точныя кальки съ точной раскраской. Такого рода точныя копіи могли быть весьма интересными въ научномъ отношеніи предметами на археологической выставкѣ предстоящаго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.

Замѣтимъ кстати, что по плану и размѣрамъ старогородскій храмъ очень сходенъ съ храмомъ такъ наз. Борисоглѣбскаго монастыря на Смядыни, близъ Смоленска,—даже форма кирпичей сходна, но только прокладки камнями въ смядынскомъ храмѣ не было замѣчено, но нужно замѣтить, что основаніе послѣдняго храма относится уже къ XII стол.

В. С.

—— Въ засѣданіи Парижской Академіи Надписей 9 іюля с. г. Рейнакъ представилъ фотографію съ мраморной группы, пріобрѣтенной нѣкогда въ Аѳинахъ французскимъ министромъ Пискатори (Piscatory) и нынѣ принадлежащей его дочери, г-жѣ Трюберъ. Группа изображаетъ Афродиту, задрапированную въ одежду, и Эрота около нея и представляетъ нѣкоторыя архаическія подробности, дающія право извѣстному ученому Фуртвенглеру отнести типъ этой Афродиты ко временамъ Фидія.

—— Въ засѣданіи той же Академіи 1 октября с. г. г. Коллиньонъ сообщилъ о надгробной группѣ изъ известняка, болѣе, чѣмъ въ натуральную величину хранящейся нынѣ въ Александріи, въ греко-римскомъ музеѣ, при чемъ представилъ и фотографическій снимокъ съ нея. Группа состоитъ изъ женщины, лицо которой закрыто покрываломъ, сидящей въ грустной позѣ и дѣвочки, стоящей около нея. Типъ женщины представляетъ большое сходство съ женскими фигурами, находя-

щимися на аттическихъ такъ наз. стелахъ IV в. и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напоминаетъ стиль школы Скопаса. Исполненный въ Египтѣ, при первыхъ Птоломеяхъ, греческимъ художникомъ, этотъ памятникъ представляетъ большой интересъ для исторіи греко-египетскаго искусства, показывая вліяніе греческихъ типовъ на искусство Египта. Къ такого рода памятникамъ относится и статуя, находящаяся въ Ватиканѣ и извѣстная подъ названіемъ Пенелопы. Особенно распространены были эти группы въ IV вѣкѣ.

—— Въ томъ же засѣданіи (1 октября 1897 г.) г. Гёзе (Heuzey) доложилъ о находкѣ г. Парисомъ, въ Испаніи, южнѣе города Аликанте женскаго бюста изъ известняка, въ натуральную величину, греко-финикійскаго происхожденія. Бюстъ замѣчателенъ по красотѣ типа и сохранился хорошо. Сзади, въ спинѣ его сдѣлано круглое отверстіе, ведущее въ довольно глубоко выдолбленное пространство, какъ бы, для помѣщенія туда пепла или какихъ-либо приношеній, такъ что этотъ, поражающій своей красотою памятникъ, повидимому, служилъ либо приношеніемъ по обѣту (ex voto) или же надгробіемъ.

—— Въ томъ же засѣданіи г. С. Рейнакъ сдѣлалъ докладъ о существованіи въ г. Альбѣ изображеній (статуэтокъ) богини Весты, закрывающей себѣ лицо обѣими руками. Этотъ мотивъ, вѣроятно, заимствованъ у древней деревянной статуи Весты, находившейся вмѣстѣ съ 12 другими изображеніями боговъ на римскомъ форумѣ. Подобное изображеніе находится еще на одномъ алтарѣ, найденномъ въ мѣстности Котъ д'Оръ (Côte d'or) во Франціи и принадлежащемъ теперь частному лицу. На этомъ алтарѣ, именно, представлены всѣ вышеупомянутыя 12 изображеній. Сами древніе уже не понимали этого жеста Весты, который можетъ быть объясненъ тѣмъ, что какъ богиня очага, она закрываетъ глаза въ защиту отъ дыма. У латинянъ былъ богъ очага Цекулусъ (Caeculus), имя котораго объяснялось тѣмъ, что онъ часто моргаетъ, закрываетъ глаза отъ дыма. Основаніемъ для доклада г. Рейнаку послужило одно мѣсто изъ стихотвореній Овидія, на которое до сихъ поръ обращали мало вниманія.

—— Въ засѣданіи той же Академіи 5 ноября с. г. г. С. Рейнакъ доложилъ письмо Каввадіаса изъ Аѳинъ, который сообщаетъ о важной, для исторіи искусства, находкѣ. Въ Акрополѣ, именно, найдена надпись, дающая теперь возможность точно установить, когда и кѣмъ былъ построенъ извѣстный храмъ Безкрылой Побѣды (Νίκη ἄπτερος), который до сихъ поръ одними приписывался Кимону, около 465 г., другими ко времени построенія Пропилей, между 437 — 432 гг., и третьими къ 425 году. Новонайденная надпись гласитъ, что этотъ

храмъ воздвигнутъ около 450 г. до Р. Х. нѣкіимъ Калликратомъ, однимъ изъ строителей Парѳенона, въ началѣ эпохи Перикла.

—— Въ журналѣ „Repertorium für Kunstwissenschaft“ (т. XX, вып. 2) помѣщено интересное сообщеніе г. Неринга (Nehring) объ экземплярѣ записокъ извѣстнаго австрійскаго дипломата, барона Сигизмунда Герберштейна, находящемся въ королевской библіотекѣ въ Вѣнѣ, и украшенномъ двѣнадцатью *раскрашенными* гравюрами, работы знаменитаго гравера XVI вѣка, Августина *Гирсфогеля*.

VII.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 31 октября 1897 года, секретарь Коммиссіи, С. С. Слуцкій представилъ „Обзоръ десятилѣтней дѣятельности Коммиссіи“. Восточная Коммиссія Общества учреждена въ 1887 г., по предложенію М. В. Никольскаго, и 31 октября исполнилось десять лѣтъ со дня ея перваго ученаго засѣданія. За это время Коммиссіей изслѣдованъ былъ рядъ восточныхъ *надписей*: обширное собраніе несторіанскихъ надписей изъ Семирѣчья XIII—XIV в.; мусульманскія надписи изъ Средней Россіи (особ. Касимовская текіе), съ Кавказа, изъ Средней Азіи; нѣсколько еврейскихъ и пальмирскихъ надписей Ѳеодосійскаго и Тифлисскаго музея; осетинская надпись — единственный письменный памятникъ Аланъ; рядъ армянскихъ надписей съ Кавказа и изъ Южной Россіи коими указывается путь армянскихъ колоній въ Южной Россіи съ XII в. Грузинскія надписи (особ. Гелатскій монастырь); совершено обширное систематическое изслѣдованіе „клинообразныхъ надписей Закавказья“ (V т. Матеріаловъ по Археол. Кавказа, изслѣдованіе М. В. Никольскаго). Далѣе, изслѣдованы: месопотамская *коллекція* Блау, богатая изящными и рѣдкими предметами, (вѣсъ эпохи Гудеа за 3000 лѣтъ до Р. Х.); ассиро-вавилонскія древности изъ собраній: гр. Уваровыхъ. кн. П. А. Путятина, кн. А. А. Гагарина; арабскій вѣсъ собранія гр. Уваровой, златотканая арабская надпись на ткани Румянцевскаго музея. Далѣе разобранъ рядъ *рукописей*: арабскихъ, армянскихъ (Евангеліе Лазар. Инст., IX в.), грузинскихъ, татарскихъ и отрывки трехъ сирскихъ Евангелій VII—IX в. (даръ кн. Гагарина). Сдѣланы *переводы* съ языковъ: грузинскаго, персидскаго, арабскаго (М. О. Аттая: „Житіе св. Георгія по Аттабари“ и „Сказаніе о мудромъ Хакирѣ“); Г. А. Муркосъ совершаетъ монументальный трудъ переводомъ драгоцѣннаго „Путешествія Макарія Антіохійскаго“.

Читались *изслѣдованія и сообщенія* по памятникамъ (древности и языкъ): ассиро-вавилонскимъ и ваннскимъ, индійскимъ, иранскимъ, египетскимъ, ев-

рейскимъ, арабскимъ, сирскимъ, армянскимъ, финскимъ; по народнымъ литературамъ Востока. Указанныя работы совершили гг.: Аттая, Бакрадзе, Н. И. Веселовскій, Мирза Абдулла Гафаровъ, Грингмугъ, Мирза Джафаръ, Додаевъ, Истринъ, Крымскій, Коршъ, Кучукъ-Іоаннесовъ, о. Галустъ Теръ-Мекертчьянъ, Миллеръ, Мсеріанцъ, Никольскій, Рябининъ, Сабининъ, Саковъ, Саркосьянцъ, Слуцкій, Соловейчикъ, Сперанскій, Трутовскій, Халатьянцъ, Хахановъ, Холмогоровъ, Церетели, бар. Штакельбергъ, Щекинъ. Кромѣ того дѣятельно участвовали въ засѣданіяхъ Коммиссіи, участвуя въ обсужденіи докладовъ гг: Анучинъ, Гатцукъ, Долговъ, Иловайскій, Кананов, Кирпичниковъ, Милюковъ, В. М. Михайловскій, Н. В. Никитинъ, Окромчедѣловъ-Серебряковъ, Орѣшниковъ, Павлиновъ, Павловъ, Сизовъ, М. И. Соколовъ, гр. Уварова, Филимоновъ, Янчукъ. Совершены *экспедиціи* гг.: Кучукъ-Іоаннесовымъ въ Южную Россію, Хахановымъ, Никольскимъ и Ивановскимъ на Кавказъ; сообщали, кромѣ того, Коммиссіи о своихъ поѣздкахъ гг.: Сизовъ, граф. Уварова, Щекинъ, Ядринцевъ. Коммиссія дѣятельно участвовавала въ Моск. Археолог. Съѣздѣ 1890 г. и въ выставкѣ при немъ и приняла участіе въ международныхъ Съѣздахъ Оріенталистовъ: въ Лондонѣ, Женевѣ, Парижѣ. Основанъ печатный органъ Коммиссіи: Древности восточныя" (вышло 4 выпуска, 1889—1895 гг.). Кромѣ того труды Коммиссіи печатались: въ „Мат. по Археол. Кавказа" (отдѣльныя статьи въ вып. III и выпускъ V) и въ Трудахъ Моск. Археол. Съѣзда 1890 г. (статьи въ томѣ II). Должностными лицами Коммиссіи почти всѣ десять лѣтъ были: Ѳ. Е. Коршъ, В. Ѳ. Миллеръ и М. В. Никольскій. Состоятъ: предсѣдателемъ В. Ѳ. Миллеръ, тов.-пред. М. В. Никольскій и секретаремъ С. С. Слуцкій. Кромѣ того, несли обязанности: тов.-предсѣд.—граф. П. С. Уварова и секретаря—Г. А. Халатьянцъ.

Лазаревскій институтъ, Румянцевскій музей, Моск. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ оказали содѣйствіе Коммиссіи доставленіемъ матеріала, равно какъ и рядъ отдѣльныхъ лицъ, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать архіепископа Месропа, доставившаго весь собранный имъ матеріалъ по клинообразнымъ закавказскимъ надписямъ.

Послѣ чтенія отчета баронъ Р. Р. Штакельбергъ прочелъ докладъ „О персидскомъ вліяніи на языческую религію Армянъ". Высказавъ мнѣніе, что языческая религія древнихъ Армянъ въ началѣ христіанской эры и до окончательнаго водворенія въ Арменіи христіанства, главнымъ образомъ была основана на персидскихъ началахъ, докладчикъ разобралъ имена и характеръ иранскихъ божествъ въ армянскомъ Пантеонѣ по указаніямъ дошедшихъ до насъ источниковъ и пришелъ къ заключенію, что, судя по формѣ именъ иранскія божества могли проникнуть въ армянскій Пантеонъ не позже возникновенія въ Персіи Аршакидской династіи. Переходя затѣмъ къ вѣрованіямъ древнихъ Армянъ въ злыхъ духовъ (дэвовъ), небесныя свѣтила и т. д., докладчикъ останавливается и на словахъ, перешедшихъ изъ персидскаго языка въ армянскій и обозначающихъ предметы изъ религіозной

жизни. Указывая на многостороннее вліяніе иранской культуры на умственную, обыденную и государственную жизнь древней Арменіи, авторъ касается и персидскихъ обычаевъ, какъ напримѣръ, брака между близкими родственниками, персидскихъ суевѣрій и легендъ. Онъ указываетъ и на разные слои персидскаго вліянія на древнюю Арменію, руководясь при этомъ данными сравнительной лингвистики. Въ концѣ доклада данъ обзоръ вновь появившейся на нѣмецкомъ языкѣ статьи Іенскаго проф. Гельцера объ армянской миѳологіи.

При обсужденіи доклада Г. А. Халатьянцъ указалъ, что свѣдѣнія имѣются лишь о существованіи у Армянъ брака съ невѣсткою; тутъ нѣтъ ничего близкаго къ персидскому браку съ матерью. Л. З. Мсеріанцъ отмѣтилъ, что форма Арамаздъ свидѣтельствуетъ о до-парѳянскомъ заимствованіи: въ аршакидскомъ пеглеви средняго *a* уже не было. Ѳ. Е. Коршъ дополнилъ примѣры автора предположеніемъ о персидскомъ происхожденіи имени божествъ *аталезовъ* (изъ древн. *атар* — „огонь“, позднѣе *абар*, арм. *арар* и *лез*—„лизать“) и слова *гунт*—войско, (употребительное въ арабскомъ языкѣ, но не семитское *джюнт*, перс. у Фирдоуси *кундавер*—богатырь, военачальникъ, что можно сопоставить съ санскр. *vrnda* и перс. *авар*). М. В. Никольскій предполагалъ a priori урартское (а черезъ него, м. б., и вавилонское) вліяніе на религію Армянъ и считалъ заслуживающимъ вниманія самыя созвучія: аралез—Араратъ—Урарту.

В. Ѳ. Миллеръ доложилъ „Матеріалы по эскимосскимъ нарѣчіямъ Анадырскаго округа, собранные Н. Л. Гондатти“. Несмотря на незначительное число Эскимосовъ (всего до 30.000 въ Америкѣ и Азіи вмѣстѣ) нарѣчія ихъ представляютъ значительное разнообразіе вслѣдствіе раскинутости поселеній (такъ въ Америкѣ отъ Гренландіи до Аляски). Сдѣлавъ общій обзоръ эскимосскихъ нарѣчій Америки, В. Ѳ. представилъ составленный Н. Л. Гондатти, параллельный словарь трехъ нарѣчій: поселковъ Вутээнъ, Унынъ и Нуканъ. Кромѣ числительныхъ, словарь заключаетъ въ себѣ до 360 словъ. На основаніи этого матеріала В. Ѳ. пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Эскимосскія нарѣчія Анадырскаго округа представляютъ спеціальное родство съ эскимосскими нарѣчіями Аляски.

2. Всѣ три говора на столько различны между собою въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, что могутъ быть названы нарѣчіями.

3. Унынское и нуканское нарѣчіе ближе между собою, чѣмъ каждое изъ нихъ къ нарѣчію вутээнскому.

4. Въ лексическомъ отношеніи на всѣ три нарѣчія, особенно на вутээнское, оказалъ значительное вліяніе чукотскій языкъ.

Въ засѣданіи того же Общества 18 ноября 1897 г. М. В. Никольскій сообщилъ о появленіи въ Proceedings of Biblicae Archaeological Society новооткрытаго (считавшагося доселѣ утерянным) *еврейскаго* текста книги То-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

вита. По отношенію къ докладу В. Ѳ. Миллера въ апрѣльскомъ засѣданіи, интересно отмѣтить, что упоминаній о Ахіакарѣ въ этомъ текстѣ нѣтъ.— В. Ѳ. Миллеръ сообщилъ о легендарной исторіи Тимура, которую издалъ недавно въ ZDMG Вамбери по персидской рукописи, пріобрѣтенной въ Бухарѣ. Любопытны отрывки о походѣ Тимура на Россію и взятіи у нихъ городовъ: Азова, Крыма и Москвы. В. Ѳ. видитъ тутъ черты старыя и новыя: крѣпкія стѣны Москвы и ея прекрасная артиллерія (заведенная съ Василія Темнаго и одна изъ лучшихъ въ Европѣ) были дѣйствительно знакомы Татарамъ по опыту. Представленія о царицахъ правящихъ въ Россіи — созданіе XVIII в., когда воображенія въ Средней Азіи были поражены царствованіемъ у насъ императрицъ. — О. Арсенъ Кличанъ прочелъ записку о древностяхъ Эриванской губ. и Карской области (курганы, каменныя могилы, монеты, церкви, монастыри, пещеры) и М. В. Никольскій указалъ на особый интересъ этихъ сообщеній въ томъ, что ими отмѣчается полоса распространенія тѣхъ каменныхъ могилъ съ громадными кувшинами и массой другихъ находокъ, которыя А. А. Ивановскій и М. В. Никольскій въ своихъ экспедиціяхъ предположительно относятъ къ ваннскому періоду. Указывая на массу вещей, извлекаемыхъ изъ каждаго разрытаго кургана и неизвѣстно куда пропадающихъ, М. В. возбуждалъ вопросъ, нельзя принять ли хоть нѣкоторыя мѣстныя мѣры для охраны кургановъ отъ раскопокъ и не можетъ ли взять на себя просвѣщенный починъ въ этой охранѣ Эчміадзинскій монастырь, по отношенію къ близкимъ отъ него курганамъ. — Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ доложилъ содержаніе армянской статьи г. Басмаджіана о клинообразной надписи въ Маназкердѣ, изданной Шейлемъ, а М. В. Никольскій сдѣлалъ замѣчанія на эту статью. Новые способы перевода, предлагаемые г. Басмаджаномъ, вопреки установившихся традицій, не имѣютъ обоснованія. Надпись же маназкердская дѣйствительно важна тѣмъ, что въ ней ясно дано урартское названіе „царя“ — *ерилаш*.—А. С. Хахановъ прочелъ отчетъ объ 11-мъ Международномъ Съѣздѣ Оріенталистовъ, состоявшемся осенью этого года въ Парижѣ.

---

10 ноября 1897 г. въ Ташкентѣ состоялось экстренное засѣданіе туркестанскаго кружка любителей археологіи, по случаю пріѣзда на короткое время въ Ташкентъ Н. Н. Щербины—Крамаренки, сдѣлавшаго сообщеніе о результатахъ своихъ работъ по изслѣдованію архитектурныхъ памятниковъ Средней Азіи. Еще въ 1895 году Академія Художествъ командировала въ Туркестанскій край архитектора и художника Н. Н. Щербину—Крамаренку, который въ томъ же году посѣтилъ Ташкентъ и Самаркандъ, объѣхалъ Фергану и часть Закаспійской области. Уже при первомъ знакомствѣ съ архитектурными памятниками края, изслѣдователь раздѣлилъ ихъ на двѣ группы, принадлежащія къ двумъ періодамъ, до- и послѣ-тамерлановскому. Памятниковъ древнѣйшаго періода немного, такъ какъ большая часть ихъ погибла во время монгольскаго нашествія; къ числу уцѣлѣвшихъ лекторъ отнесъ ме-

четь Хорезмшаха Джелаледдина въ Касанѣ, мазаръ въ Сафидъ-Булентѣ (Наманганскаго уѣзда) и усыпальницу сельджукскаго султана Санджара въ Мервѣ. Среди памятниковъ послѣ-тамерлановскаго періода, безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимаютъ великолѣпныя самаркандскія мечети и усыпальницы.

Въ томъ же 1895 г. художникъ занялся изученіемъ мечети Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ и произвелъ на дворѣ ея раскопки, при чемъ обнаружилъ основанія сотни колоннъ изъ песчаника съ надписями и орнаментами весьма тонкой и изящной работы. Въ 1896 г. онъ продолжалъ детальное изученіе мечети Биби-Ханымъ и посѣтилъ восточную часть бухарскихъ владѣній до Термеза, гдѣ собралъ богатѣйшую коллекцію черепковъ съ надписями и орнаментами и снялъ надпись на гробницѣ Али-Хакима Термези. Къ сожалѣнію, постройки Термеза, принадлежащія къ лучшей эпохѣ зодчества, сильно пострадали. Въ іюнѣ 1897 года г. Щербина-Крамаренко снова пріѣхалъ въ Самаркандъ и принялся за изученіе мечети Шахъ-и-Зинда (живого царя) въ Самаркандѣ и здѣсь также сдѣлалъ рядъ важныхъ открытій. Художникъ иллюстрировалъ свой рефератъ многочисленными акварелями, фотографіями и рисунками. Огромный интересъ представляютъ и открытые имъ изразцы голубого и зеленаго цвѣтовъ съ золотыми изображеніями аистовъ, характеризующими восточно-азіатскій (японскій) стиль. Точно такой же японскій стиль замѣчается въ найденныхъ разрисованныхъ изразцахъ, изображающихъ сады съ пальмами и другими деревьями, съ ручьемъ посрединѣ и многочисленными птицами (сороками), порхающими по вѣтвямъ. Изображенія птицъ, сдѣланныя необыкновенно живо, не имѣютъ ничего общаго съ грубыми и шаблонными пріемами изображенія животныхъ и птицъ, свойственными персидскому искусству, и могутъ быть отнесены только къ искусству японскому. Въ другихъ орнаментахъ художнику удалось открыть мотивы индусскіе. Все это служитъ фактическимъ подтвержденіемъ того, что ко двору грознаго завоевателя и щедраго покровителя наукъ и искусствъ, „властелина созвѣздій“ Тимура, стекались для украшенія его столицы, Самарканда, мастера изъ отдаленнѣйшихъ странъ, даже изъ Японіи.

Въ заключеніе лекторъ сообщилъ о послѣдствіяхъ землетрясенія 5 сентября, причинившаго, какъ извѣстно, самаркандскимъ памятникамъ значительныя поврежденія; такъ—большой куполъ усыпальницы Тимура далъ двѣ трещины, арка мечети Биби-Ханымъ обвалилась и пр. (Спб. Вѣд. № 331, 1897 г.).

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ находятся въ продажѣ слѣд. изданія:

Изданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Рекомендованы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Описаніе Кіева. Соч. Закревскаго. Два тома и атласъ. 1868 г. Ц. 7 р.

Труды I-го Археологич. Съѣзда въ Москвѣ. Два тома и атласъ. 1871 г. Ц. 25 р.

Труды III-го Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Два тома и атласъ. 1878 г. Ц. 10 р.

Труды V-го Археологич. Съѣзда въ Тифлисѣ. Два тома. Ц. 15 р.

Труды VII-го Археологич. Съѣзда въ Ярославлѣ. Тома I, II и III по 5 р.

Труды VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Т. I. Ц. 10 р. Т. II. Ц. 8 р. Т. III. Ц. 8 р.

Труды IX Археологич. Съѣзда въ Вильнѣ. Томъ I. Ц. 8 р. Т. II. Цѣна 8 р.

Труды Моск. Предв. Комм. X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, вып. 1, Ц. 1 р. 50 к.; вып. 2—3 р.

Матеріалы по археологіи Кавказа; вып. 1, 2 и 3-й. Кажд. вып. по 6 р.

Тоже, вып. 4-й, М. 1894. Ц. 8 р. 50 к.

Тоже, вып. 5-й, 1896 г. Ц. 6 р.

Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній. Вып. I. Ц. 3 р. Вып. II. Ц. 3 р.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества:

Томъ I, два выпуска. 1865—67 г., ц. 6 р.
„ II, три выпуска. 1869—70 г., ц. 6 р.
„ III, три выпуска. 1870, 73 гг. Ц. 6 р.
Томъ IV, три выпуска. 1874 г. Ц. 8 р.
„ V, 1885 г. Ц. 6 р.
„ VI, три выпуска. 1875—76 г. Ц. 6 р.
„ VII, три выпуска. 1877—79 г. Ц. 8 р.
„ VIII, 1880 г. Ц. 8 р.
Приложеніе къ VIII тому:
Пятый Археологич. Съѣздъ. Труды предварител. Комитета, 1882 г. Ц. 6 р.
Томъ IX, три выпуска. 1882—83 г., Ц. 8 р.
„ X, 1885 г. Ц. 8 р.
„ XI, три выпуска. 1886—87 г. Ц. 8 р.
Томъ XII, два выпуска. 1888 г. Ц. 8 р.
„ XIII, два выпуска. 1889—90 г. Ц. 8 р.
„ XIV, 1890 г. Ц. 7 р.
„ XV, два выпуска. 1894 г. Ц. 8 р.

Древности Восточныя. Труды Восточ. Комм. Т. I, три выпуска по 4 р.
Т. II, вып. I. Ц. 4 р.

Древности. Труды Славянской Коммиссіи. Вып. I. Ц. 4 р. 50 к.

Древности Ярославскія и Ростовскія. Ц. 3 р.

Археологическая карта Кіевской губерніи. 1897. Ц. 2 р.

Незабвенной памяти Графа А. С. Уварова. Рѣчи, прочитанныя въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ 28 февраля 1885 г. (съ портретомъ Графа А. С. Уварова). 1885 г. Брошюра. Ц. 75 к.

Историческая записка о 25-лѣтней дѣятельности Моск. Арх. Общества. Ц. 2 р.

Памяти арх. Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревскаго. Ц. 1 р.

Памяти Н.С. Тихонравова. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, года: 1893—1896 по 3 р.

Уступка гг. членамъ Общества 20%, библіотекамъ учебныхъ заведеній—25%, книгопродавцамъ—30%.

Изданія графа Уварова:

Археологія Россіи. Каменный періодъ. Соч. графа А. С. Уварова. Два тома. 1881 г. Ц. 18 р.

Архим., Леонидъ. Систематическое описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей собранія гр. А. С. Уварова, 4 т. М., 1893—94 г. Ц. 15 р. Продается безъ уступки.

Каталогъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, ц. 9 р. 50 к.

Кавказъ. Путевыя записки гр. Уваровой 2 тома. Ц. 3 р.

Уступка книгопродавцамъ и библіотекамъ учебныхъ заведеній 25%.

Продаются въ собственномъ домѣ Общества, въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, у Большаго Каменнаго моста.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1897-мъ году (5-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерства.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) У С. К. Богоявленскаго, Пятницкая ул., домъ Покровскаго Собора.

4) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ